

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

И. С. В Д О В И Н

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
И
ЭТНОГРАФИИ
ЧУКЧЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

Ответственный редактор
профессор *Л. П. Потапов*

ВВЕДЕНИЕ

Материальная и духовная культура, общественные отношения чукчей подробно и всесторонне исследовались в конце XIX — начале XX в. (В. Г. Богораз, Н. Ф. Калинин и др.).

В советское время исследование вопросов этнографии чукчей расширилось и приобрело более специализированный характер. На основе широкого привлечения свежих полевых материалов по-новому была поставлена проблема этногенеза чукчей. Решающее значение в этом вопросе принадлежит результатам археологических и антропологических исследований на Чукотке (А. М. Золотарев, С. И. Руденко, А. П. Окладников, Н. Н. Диков, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и др.). Подробно исследовались изобразительное искусство чукчей (С. В. Иванов, В. В. Антропова), их фольклор (Л. В. Беликов).

Вопросы истории и исторической этнографии чукчей исследовались значительно меньше, чем вопросы собственно этнографии. Лишь отдельные периоды из эпохи колониальной политики самодержавия на Чукотке получили отражение в дореволюционной (А. Сгибнев и др.) и советской исторической литературе (С. Б. Окунь и др.), а также некоторые вопросы общественного строя (В. В. Антропова, М. И. Куликов, И. С. Вдовин и др.).

Лучше обстоит дело с изучением истории чукчей в советскую эпоху. В этой области проделана значительная работа (И. С. Архинчеев, Я. Ф. Самарин, Н. А. Жихарев, И. Гарусов и др.). Однако связной и более или менее цельной истории чукотского народа пока не написано.

Данные «Очерки» представляют опыт исследования основных вопросов истории и исторической этнографии чукчей от середины XVII в. до наших дней.

Подробное изучение досоветского периода представляется необходимым потому, что этот период как составная часть истории чукотского народа изучался недостаточно полно. Так, нет исследований по истории материального производства, общественных отношений, по истории культурных и других видов связей и отношений чукчей с соседями (эскимосами, коряками, юкагирами) и некоторым другим вопросам. Вместе с тем без всестороннего изучения исто-

рического прошлого малых народов Севера не может быть правильно понята необходимость целого ряда специальных мероприятий Советской власти для приобщения их к социалистическим формам общественного и экономического устройства. Вот почему автор поставил перед собой задачу дать по возможности последовательное и полное изложение основных этапов истории чукчей.

Вопросы древней истории чукчей до середины XVII столетия составляют особый раздел («Древние обитатели Чукотки»), который не вошел в предлагаемую работу. Выводы автора по некоторым основным вопросам этого периода истории чукчей сводятся к следующему.

Чукчи были древними обитателями континентальных областей крайнего северо-востока Сибири. Они занимались охотой на диких оленей и вели бродячий образ жизни. Для передвижения по тундре имели прирученных оленей.

В первой половине I тысячелетия н. э. чукчи вошли в контакт с эскимосами, позаимствовали от них культуру морского зверобойного промысла, в результате чего часть чукчей перешла к оседлости на побережье океанов. Наиболее интенсивно этот переход происходил в XIV—XVI вв., после того как в долины рр. Колымы и Анадыря проникли юкагиры. Они захватили места сезонной охоты чукчей на диких оленей. Появление юкагиров явилось толчком к развитию пастушеского оленеводства чукчей.

В основу периодизации истории чукчей положена общепринятая в советской исторической науке периодизация по социально-экономическим эпохам; ей сопутствует более дробная, определяемая конкретной хронологией.

Выделение данного периода в истории чукчей как особого, на наш взгляд, представляется необходимым потому, что со времени установления связей с русскими экономическое и общественное развитие всех народов Сибири и Севера шло в значительной мере под влиянием феодально-крепостнического строя русского государства, культуры русского народа того времени.

С середины XVII в. исторические судьбы коренного населения Сибири все теснее переплетались с историческими судьбами русского народа и русского государства. Поэтому периодизация основных этапов истории чукотского народа с середины XVII в. связывается с основными этапами социально-экономической и политической истории русского народа.

Развитие капитализма в России сказалось на всех сторонах жизни коренного населения окраин царской России, в том числе и на чукчах. Их история со второй половины XIX в., равно как и других народностей Севера, рассматривалась как история народов, едва задетых влиянием русской культуры. Однако это влияние, по мнению исследователей того времени, касалось чисто внешних сторон жизни и порой было более отрицательным, нежели положительным. При этом считалось, что влияние русской культуры, влияние

новых экономических связей не затрагивало таких областей, как общественные отношения. На деле, однако, было далеко не так.

В силу своеобразия сложившихся взаимоотношений царизма с населением крайнего северо-востока Сибири организация царской административной службы на Чукотке и непосредственные торговые связи были налажены лишь в конце XIX—начале XX в. Это и другие обстоятельства дали повод некоторым авторам утверждать, что у чукчей продолжают сохраняться первобытные формы хозяйства в нетронутom виде и соответственно общественные отношения чуть ли не в том же состоянии, в каком они были в XVII в. Такой взгляд основывался на ошибочном представлении, будто чукотское общество не подвергалось воздействию капитализма. На самом деле его влияние охватило в той или иной мере все сферы жизни чукчей и в первую очередь сферу экономических отношений, что в свою очередь явилось причиной изменения социально-экономической структуры чукотского общества. Наиболее ощутимо влияние капитализма на Чукотке начало сказываться лишь с конца XIX—начала XX в.

Систематического изложения истории советского строительства на Чукотке не было, хотя по ряду вопросов опубликованы интересные статьи.

Обобщение материалов по этому периоду — одна из актуальных задач современной истории чукчей — маленькой народности многонационального Советского государства. Здесь изложены лишь основные моменты социалистического строительства на Чукотке.

В основу очерков положены документальные материалы, как опубликованные, так и главным образом неопубликованные, а также фольклор, работы по археологии, антропологии, этнографии и истории чукчей, вышедшие в разное время.

В работе использованы материалы архивов Москвы (Центральный государственный архив древних актов), Ленинграда (Центральный государственный исторический архив, Центральный государственный архив Военно-морского Флота, Архив Академии наук СССР, Архив Института этнографии АН СССР, Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Архив Географического общества СССР), Иркутска (Государственный архив Иркутской области), Томска (Архив Дальнего Востока РСФСР), Магадана (Государственный архив Магаданской области), архивы Анадырского районного и Чукотского окружного исполкомов. Кроме того, использованы личные наблюдения автора, полученные во время работы на Чукотке (1932—1934 гг.), а также в результате специальных поездок в районы Чукотского национального округа (1957, 1961 гг.).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААН СССР	— Архив Академии наук СССР.
Архив ДВ РСФСР	— Архив Дальнего Востока РСФСР.
Архив ИЭ АН СССР	— Архив Института этнографии АН СССР.
ВГО	— Всесоюзное географическое общество.
ВСОРГО	— Восточно-сибирский отдел Русского географического общества.
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области.
ГАМО	— Государственный архив Магаданской области.
ГПБ	— Государственная публичная библиотека.
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим.
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЛОИИ АН СССР	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
РГО	— Русское географическое общество.
СО	— Сибирский отдел Русского географического общества.
с.	— селение.
сел.	— селения.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота.

Раздел
ПЕРВЫЙ

ЧУКЧИ С СЕРЕДИНЫ XVII- ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

ГЛАВА I

СОСТОЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВА У ЧУКЧЕЙ В XVII—СЕРЕДИНЕ XIX в.

Общие замечания

На протяжении двух веков, начиная со второй половины XVII и до середины XIX столетия, производство средств к существованию у чукчей претерпело существенные изменения, что в свою очередь сказалось на всех других сторонах их материальной и духовной жизни.

Уже первые упоминания о чукчах свидетельствуют о том, что их материальное производство в середине XVII столетия находилось в процессе распада хозяйственного комплекса, для которого было характерно сочетание сухопутной охоты (на диких оленей, лосей, горных баранов и др.) с охотой на морских млекопитающих, рыболовством и оленеводством.

Появление русских на Крайнем Северо-Востоке с их более высокой культурой объективно способствовало ускорению процесса дифференциации основных компонентов хозяйственного комплекса чукчей.

На протяжении двухсот лет произошло перемещение значения в жизни чукчей основных хозяйственных занятий: от охоты на диких оленей к образованию пастушеского оленеводства и независимого от сухопутной охоты хозяйства оседлых охотников на морского зверя.

В течение XVIII столетия шло быстрое нарастание у чукчей численности домашних оленей и развитие пастушеского оленеводства. Стада оленей умножались не только за счет естественного прироста, но и за счет насильственного захвата оленей у коряков и юкагиров. Одновременно с увеличением стад домашних оленей шло резкое сокращение в хозяйстве охоты на диких оленей. Развитие пастушеского оленеводства на Чукотке шло параллельно с сокращением численности диких оленей, изменением путей их миграций. Как известно, к концу XIX в. дикие олени на Чукотке

почти исчезли, а их ежегодные сезонные миграции прекратились. По-видимому, существует прямая зависимость наличия диких оленей от наличия домашних: чем больше становилось домашних оленей, тем меньше оставалось удобных пастбищ для диких оленей. Такого рода явления отмечены в литературе применительно ко всем районам нашего Севера.¹

На протяжении XVIII—XIX столетий шло усиленное развитие морского зверобойного промысла приморских чукчей. Обособлению этой отрасли их хозяйственных занятий способствовало усовершенствование промысла благодаря постепенному проникновению металлических орудий, и, наконец, огнестрельного оружия. Развитие морского зверобойного промысла у береговых чукчей стимулировалось рядом внешних и внутренних причин. К числу их должны быть отнесены постепенное сокращение количества добываемых оседлым населением диких оленей (в связи с общим уменьшением их численности и прекращением миграций); развитие регулярного обмена с оленеводами.

Важным стимулом для развития морского зверобойного промысла служило также возрастающее с каждым годом товарное значение клыков моржа, а также увеличение спроса на ремни, подошвенную кожу и готовую обувь из шкур морских млекопитающих не только среди чукчей-оленеводов, но также среди коряков, эвенов и русского населения Колымы, Анадыря и Охотского побережья.

В изучаемый период произошло отмирание старых форм хозяйства и появление на их месте новых, более совершенных, основанных на специализации одной части чукчей в области оленеводства, другой — в области морского зверобойного промысла. Важно то, что в этот период чукчи, по крайней мере большая их часть, перешли от хозяйства, присваивающего готовые продукты природы, к хозяйству производящему — пастушескому оленеводству. Это был важный шаг в истории развития их производительных сил и производственных отношений. Именно это обстоятельство привело к окончательному сложению нового типа их общественного разделения труда: выделилось оленеводческое пастушеское хозяйство, с одной стороны, и хозяйство приморских охотников — с другой. Между этими двумя отраслями хозяйства сложился обмен. Оседлые поставляли продукты морского зверобойного промысла (главным образом ворвань, шкуры и кожи морских животных и изделия из них) в обмен на продукты оленеводства (шкуры, мясо).² В соответствии с развитием производительных сил развивались и производственные отношения.

¹ Н. В. Д р у р и. Дикий северный олень Советской Арктики и Субарктики. Изд. Главсевморпути, М.—Л., 1949, стр. 25.

² И. С. В д о в и н. К истории общественного строя чукчей. «Ученые записки ЛГУ», № 115, 1950, стр. 97—98.

Авторы первых известий о чукчах XVII—начала XVIII в. делят их по роду занятий на оленных, «сидячих» и «пеших». Термин «чукчи оленные» относился к чукчам, которые имели уже стада оленей, вели кочевой образ жизни, не отрываясь, однако, и от занятий охотой.

Под названием «сидячие чукчи» подразумевали группу оседлых чукчей, которые имели оленей лишь в незначительном количестве, необходимом для передвижений в целях охоты. Жили они на побережье моря, охотились на диких оленей и на морских млекопитающих.

Под категорией «пешие чукчи» подразумевались те же оседлые охотники на морских зверей, которые в конце XVII—начале XVIII в. не имели оленей и не использовали, по-видимому, и собак в качестве средства передвижения. Их основными занятиями были морской зверобойный промысел и охота на диких оленей. Сухопутной охотой они занимались в меньшей степени, чем чукчи «сидячие». Определение «пешие» чаще всего применялось к оседлым жителям Тихоокеанского побережья, под которыми, по-видимому, надо понимать сибирских эскимосов. Довольно часто уже в XVIII в., руководствуясь языковыми особенностями оседлого населения побережья моря, всех чукчей в отличие от эскимосов называли «чукчи оленные», а эскимосов — «чукчи пешие». Такое деление было также правомерно, так как все или во всяком случае абсолютное большинство чукчей владело в той или иной мере оленями, тогда как эскимосы оленями не владели и вели более оседлый образ жизни, чем чукчи.

Самая ранняя и наиболее четкая характеристика чукчей по роду занятий дана М. Стадухиным. «Чукчи, также что и самоедь, оленные, сидячие ж», — сообщал он в 1647 г. Несколько ниже в этом сообщении говорится, что чукчи зимою переезжают на оленях на Медвежьи острова и там «они побивают морской зверь морж».³

Судя по сообщению М. Стадухина, чукчи вели тогда комплексное хозяйство. У них сочеталось оленеводство с морским зверобойным промыслом. На оленях они ездили на Медвежьи острова, где охотились на моржей. Эти охотничьи экспедиции совершались весной, когда в проливе еще стоял лед.

В показаниях Василия Игнатьева от 1701 г. говорится, что «чухоч в Анадырском носу (так в XVIII в. назывался Чукотский полуостров, — И. В.) многолюдство великое..., питаются оленные оленями, а пешие морскими китами и моржами и рыбою».⁴

³ ДАИ, т. III, док. 24.

⁴ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1 (1700—1713). СПб., 1882, стр. 458; см. также: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов. Л., 1935 (далее: Сб. архивных материалов), стр. 155.

В 1711 г., возвратившись с «Чукотского носа» в Анадырский острог, служилый человек Петр Попов рассказывал: «Оленные чукчи в Носу живут по камням, ради оленных своих табунов ко-чуют по разным местам. А пешие чукчи по обе стороны Носу живут по коргам, подле море, в зимних юртах, где коротает морж. А кор-мятца они чукчи, оленные и пешие, промышляют по камням и рекам диких оленей и морскими китами, моржами, белугою (оче-видно, белухой, — И. В.), нерпами, корением и травой».⁵ П. Попов дал четкую характеристику хозяйственных занятий чукчей, при этом он весьма убедительно выделил превалирующее значение охоты на диких оленей. Эта характеристика замечательна еще и тем, что в ней с предельной простотой и отчетливостью раскрыт комплексный характер чукотского хозяйства того времени. Несмотря на уже определившееся выделение из этого комплекса оленевод-ства, с одной стороны, и морского зверобойного промысла — с дру-гой, для представителей того и другого направления хозяйствен-ной деятельности было все еще весьма важно занятие охотой на диких оленей, что и подчеркивал П. Попов.

Эти известия о занятиях чукчей перекликаются с народными преданиями. Чукотские сказки в той их части, где идет речь о материальной жизни, неизменно говорят об охоте на диких оле-ней, оленеводстве и морском зверобойном промысле. Все эти заня-тия сосуществовали. Охота на диких оленей была непременным занятием, независимо от того, идет ли речь о приморских жителях или об оленеводах, то же нужно сказать о собирании корней съедобных растений, ягод и т. д.

До сих пор мы цитировали документы, которые исходили от русских. То же самое подтверждают документы, составленные на основании показаний самих чукчей. В 1718 г. несколько чукчей пришли в Анадырский острог, где рассказали, что «оленей у них табуны превеликие и питаютца... дикими оленями и теми своими табунами и китами и моржовиной и белужиною (мясом белух, — И. В.) и иными морскими зверями».⁶

В этом довольно противоречивом документе содержится харак-теристика комплексного характера хозяйства чукчей. Как и в выше цитированных сообщениях, в этом также на первом месте упоми-нается охота на диких оленей, что еще лишний раз подтверждает первостепенное значение охоты для всех групп чукчей того времени. Если бы у них действительно были «табуны превеликие», как отме-чается в этом сообщении, то вряд ли была бы необходимость да и возможность заниматься такой охотой и в таких размерах, как она здесь описывается: «питаютца дикими оленями».

Из сказанного выше видно, что охота на дикого оленя занимала очень важное место в жизни всех групп чукчей. Ежегодно весной

⁵ Сб. архивных материалов, стр. 157.

⁶ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 134.

стада диких оленей совершали переходы с юга на север, из полосы лесотундры к побережью моря. В XVIII в. особенно большие переходы оленей зарегистрированы через р. Анадырь, которая течет в меридиональном направлении; почти на всем ее течении были места переправ диких оленей. Весной олени переходили р. Анадырь еще по льду. В конце лета, обычно в августе, олени двигались обратно с севера на юг, переплывая через р. Анадырь в известных местах. Таких мест на Анадыре было довольно много. Олени переплывали через Анадырь «около речки Яблоновой, Еропола, Юкагирской виски, в четырех верстах ниже устья р. Белой у урочища Радионов Камень, у Юкагирского камня в 40 верстах ниже устья р. Белой, у урочища Улово, Банное, у Чикаева, у устья р. Красной и в других местах».⁷ Такие же «оленные плавни» были на р. Колыме,⁸ на Б. и М. Анюях, где охотились преимущественно юкагиры; упоминаются «оленные плавни» на р. Омваам,⁹ впадающей в Ледовитый океан западнее мыса Ванкарем.

Насколько велико было количество оленей, можно судить хотя бы по такому сообщению знатока этого края Т. И. Шмалева: «Дикие важеньки проходят на север еще по льду (через р. Анадырь, — И. В.) так великими табунами, что тысяч по десять более в одном месте бывает».¹⁰

Бывший в Анадырске тоже в 50-е годы XVIII в. капрал Гр. Шейкин, рассказывая об оленных плавнях по Анадырю, сообщал, что «плавей» бывает три (весной, летом и осенью) и во все сии плавежи чукчи ловят оленей и запасают себе пищи, а оленей пущается весьма много, например, в табун тысяч по десяти».¹¹

Весной к устью р. Анадыря подкочевывали оленные чукчи, которые наряду с охотой на морских млекопитающих принимали участие в охоте на диких оленей. К концу июля на Анадырь приплывали чукчи в «байдарах во сте в пятидесяти и более, в каждой человек по 15 и по 20 и больше».¹² На больших байдарках плыли женщины, дети, старики, на них же было нагружено имущество, в том числе яранги. Молодые мужчины плыли на однолючных

⁷ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. № 1552, лл. 8—11.

⁸ «Приходят они (чукчи, — И. В.) в осень из Шалацкого носу на устье реки Ковымы до Нижнековымского острогу, тако ж и на другие реки многолюдством и в лутчих местах промышляют всякого зверя [Сб. архивных материалов, стр. 162 (из сенатской справки по материалам секретной экспедиции, не ранее 1748 г.)].

⁹ «В той же их Чукоцкой земле есть река большая ... на которой промышляют оленей, а называют оную те чукчи Омгаяном» (из «Показания о чукоцкой земле» казака Кузнецкого 1756 г. Сб. архивных материалов, стр. 184). Ср. также: Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824. Изд. Главсевморпути, 1948, стр. 391.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 19, л. 31.

¹¹ ЛОИИ АН СССР, собрание Воронцовых, кн. № 950, Материалы для истории Российской, т. II, л. 584.

¹² ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 12.

байдарках. Таким образом, на Анадырь приплывало более двух тысяч чукчей, считая женщин и детей.

— Охота производилась в тот момент, когда стадо диких оленей переплывало реку. Когда олени достигали середины реки, из засад выезжали чукчи на одноместных байдарках, окружали оленей и кололи их специальными «поколюгами» на «плаву». Поколющиками были самые сильные и ловкие мужчины, тогда как другие чукчи, в том числе и женщины, ловили уносимые течением туши убитых и раненых оленей. Как сообщал Т. И. Шмалев, «хошаб тысячу оленей, то в полчаса 10 человек могут заколоть».¹³ По-видимому, добывали оленей много. По данным первой половины XVIII в., «когда хорошая плавь бывает, то, не выключая и младенцев, на каждого достается оленей по двадцати».¹⁴

— Осенняя охота давала мясо, шкуры, необходимые для зимней одежды, обуви и для изготовления частей жилища. Из шкур оленей выделялись ровдуги (вид замши), которые употреблялись для изготовления летней одежды и обуви. Мясо оленей отделяли от костей и вялили. Кости оленей мелко дробили и из них вытапливали костный жир, который шел в пищу вместе с вяленным мясом и употреблялся для освещения.

Занимались чукчи охотой на диких оленей и в другие сезоны года, применяя при этом лук и стрелы, а иногда только арканы. Охота эта также носила коллективный характер. «Вблизи Чауна, — писал К. Мерк, — если чукчи встречаются более или менее крупное стадо диких оленей, то... все мужчины выезжают и окружают стадо на легких нартах и набрасывают арканы на диких оленей».¹⁵

По мере развития пастушеского оленеводства и морского зверобойного промысла (у оседлых чукчей) хозяйственное значение охоты на диких оленей сокращалось. Показательно в этом отношении сопоставление двух следующих документов.

В 1756 г. возвратился из чукотского плена казак Б. Кузнецкий. В Анадырске он дал обстоятельные и подробные показания о «Чюкоцкой земле». При этом он сообщил, что на р. Омгаян (Амгуема на современных картах) «чукчи промышляют оленей».¹⁶ А в 1823 г. Ф. Врангелю чукча Этель по поводу охоты на диких оленей на этой реке рассказывал, что на Амгуему «некогда во множестве приходили олени» и что чукчи с Колючина острова за ними охотились, но с «некоторого времени приход их прекратился».¹⁷ Очевидно, в начале XIX в. через р. Амгуему уже не

¹³ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 19, л. 32.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде, Рукописный отд., Нем. F IV, № 173, стр. 22.

¹⁶ Сб. архивных материалов, стр. 184.

¹⁷ Ф. П. Врангель, ук. соч., стр. 307.

проходили пути сезонных миграций диких оленей, видимо потому, что тут обосновались чукчи-оленоводы.

Постепенно сократился промысел диких оленей и на Анадыре. В первой четверти XIX в. здесь охотились только «ближайшие к устью Анадыря» чукчи, которые приплывали сюда «байдарах в 50».¹⁸ По сравнению с серединой XVIII в. эта цифра составляет лишь треть того количества байдар, на которых чукчи приходили на Анадырь ради этого промысла.

К 50-м годам XIX в. хозяйственное значение охоты на диких оленей для чукчей стало еще меньше. Резко сократилась численность этих животных не только на Чукотке, но также на Колыме и ее притоках — Б. и М. Анюях, Омолене и других реках.

Наряду с упадком промысла диких оленей шло развитие морского зверобойного промысла и оленеводства как ведущих отраслей хозяйства чукчей.

Чукчи издавна осваивали орудия, средства охоты и всю культуру морского зверобойного промысла, созданные эскимосами.¹⁹ Какая-то часть из них освоилась с жизнью приморских охотников уже к XVII в. В XVIII и первой половине XIX столетия окончательно определилось хозяйство оседлых чукчей — охотников на морских млекопитающих. Морской промысел приобретал для них тем большее значение, чем меньше они могли обеспечивать себя за счет охоты на диких оленей. Вместе с тем удовлетворение их потребностей в продуктах оленеводства начало осуществляться за счет пастушеского оленеводства, особенно бурно развивавшегося в XVIII в. Путем обмена между этими двумя отраслями хозяйства чукчей достигалось равновесие потребностей приморских чукчей в продуктах оленеводства, а оленеводов — в продуктах морского зверобойного промысла. Эти новые, постепенно развивавшиеся отношения между приморскими и оленными чукчами вызвали более интенсивный промысел морских зверей. Его развитию способствовало проникновение к чукчам металлических орудий (копья, ножи) и, наконец, огнестрельного оружия. Все это привело в середине XIX в. к упрочению хозяйства приморских чукчей, к его обособлению и независимости от охоты на диких оленей.

Оленеводство

К середине XVII столетия какая-то часть чукчей уже занималась пастушеским оленеводством как основным хозяйственным занятием. Однако это была небольшая часть. Большая их часть владела незначительным количеством оленей, использовавшихся по

¹⁸ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». М., 1948, стр. 223, 226.

¹⁹ И. С. Вдовин. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. Сибирский этнографический сборник, III, М.—Л., 1961.

преимуществу лишь как средство передвижения. Оленеводство этой группы чукчей все еще было подчинено охоте, обслуживало ее. Для них оленеводство составляло часть хозяйственного комплекса, в который входили охота на сухопутных животных (олени, лоси, горные бараны и др.) и морских млекопитающих и как дополнительные занятия — рыболовство и собирательство.

Никаких статистических сведений о количестве оленей у чукчей в XVII—XVIII вв. нет; по-видимому, их и не было. Наличие у основной массы чукчей лишь ездовых и небольшого количества воспроизводящих стадо оленей прослеживается по косвенным материалам.

С начала XVIII в. усилились набеги чукчей на коряков и юкагиров с целью захвата их оленей и другого имущества. Сами себя коряки и юкагиры не могли защитить. Будучи подданными русского самодержавия, они просили защиты у гарнизона Анадырского острога. На протяжении первой половины XVIII в. был предпринят ряд походов Павлуцкого по Чукотке. Из донесений об этих походах мы и получаем весьма важные сведения о состоянии чукотского оленеводства в начале XVIII столетия.

Первый поход Павлуцкого, предпринятый в 1731 г., продолжался в течение 8 месяцев. Отряд Павлуцкого направился из Анадырска вверх по р. Белой; перевалив через водораздел, вышел на побережье Ледовитого океана, затем прошел на восток до Чукотского носа, далее, повернув на юго-восток, вышел к заливу Сердце-Камень, откуда возвратился в Анадырск. За все это время было обнаружено у чукчей 12 табунов оленей, «в коих было по тысяче и по две».²⁰ Здесь же оказались и 42 коряка, ранее захваченные чукчами в плен.

Во время второго похода, в 1744 г. отряд Павлуцкого прошел вниз по Анадырю до устья реки Нерпичьей (Канчалан), затем до ее верховий и, перевалив через хребет, вышел к побережью Залива Креста, оттуда прошел до Мечигменской губы; отдельные подразделения отряда выходили на побережье Ледовитого океана. Поход этот продолжался 6 месяцев. За все время похода было обнаружено у чукчей «оленей 4620».²¹ При этом характерно, что табуны оленей у чукчей были очень незначительны при сравнительно большом количестве людей при них. Так, по донесениям отдельных команд из отряда Павлуцкого, разыскивавших чукчей в разных направлениях, узнаем: «Чукчей было 157 человек ... оленей 100»; в другом стойбище — «оленей 200». «В стойбище чукотского тойона Киниама было мужчин 22 ... оленей 300», в другом месте «оленей 50». У р. Нерпичьей нашли чукотскую юрту, где было 5 мужчин и две женщины, «оленей езжалых с санки и уборы 20».

²⁰ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 5.

²¹ Там же.

В 1746 г. был совершен из Анадырска поход к р. Чауну и по побережью Чаунской губы, где было обнаружено всего 600 оленей. Тут же были коряки, ранее уведенные чукчами в плен.

По материалам означенных выше походов на Чукотку прослеживается оленеводство и у «сидячих» чукчей. Так, в показании сотников Анадырской команды Нижегородова, Попова и пятидесятника Русакова сообщается «9 числа мая (1732 г. — И. В.), дошед до первой сидячих около того моря чукок юрты», нашли «олений сто...».²²

Перечисленные походы охватили в основном всю территорию, занимаемую чукчами. В них принимали участие коряки и юкагиры, тщательно разыскивающие свои оленные табуны, захваченные у них чукчами. Однако количество оленей, найденных у чукчей, оказалось очень незначительным.

В 1756 г. чукчи в количестве 43 юрт переселились к югу от Анадыря. У них было всего до 5000 оленей,²³ т. е. в среднем около 100 голов на хозяйство.

Таким образом, чукотское оленеводство в конце XVII и первой половине XVIII в. еще далеко не сложилось в самостоятельную отрасль производства, не отделилось еще от охоты, оно еще было органически слито с охотой, в известной мере подчинено охоте. Не увеличились особенно чукотские стада и к середине XVIII в., хотя нападения чукчей на коряков-олeneводо-в и юкагиров имели уже свою историю. Так, в 1756 г. казак Кузнецкий показывал в Анадырске: «Во всю ту ... бытность было примечено, что оленей у чукчей не по равному числу: у лутчих мужиков с родниками есть по тысяче и более, а у протчих и самое малое число, так что от десяти до двадцати оленей бывает».²⁴ Несколько десятков оленей не могли, конечно, обеспечить семью питанием, материалом для одежды, жилища и т. п. Поэтому чукчи, владевшие оленями, вели комплексное хозяйство, тесно связанное с морским зверобойным промыслом и охотой на дикого оленя, как это было уже показано выше. Относительно чукчей — приморских охотников необходимо заметить, что и для них такой жизненной необходимостью была охота на диких оленей. Складывающееся оленеводческое хозяйство почти полностью удовлетворяло свои потребности в продуктах морского промысла, а складывающееся хозяйство приморских охотников — в продуктах оленеводства. При таком состоянии хозяйства чукчей внутриплеменной обмен был развит слабо. Здесь не появилось еще необходимых условий для того, чтобы обмен стал регулярным. «Тамо жительствующие народы, — сообщал Я. Линденау в 1742 г., — для согrevания своего употребляют моx и мор-

²² Сб. архивных материалов, стр. 159.

²³ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 7, л. 46.

²⁴ Сб. архивных материалов, стр. 184.

жовые кости, а оленные чукчи того едят у них (пеших чукчей, т. е. эскимосов, — И. В.) из-под неволи, где и они сами около моря промышляют».²⁵ В 1723 г. Иван Вилегин был на мысе Шелагском, где ему «оленный шелаг Копай с родниками платили ясак в 15 человек по зубу моржовому».²⁶ Из этих показаний видно, что чукотское оленеводческое хозяйство еще было тесно связано с морским зверобойным промыслом. Параллельно также шел процесс складывания оседлого приморского хозяйства чукчей, которое в свою очередь еще не оторвалось от оленеводства. В этом хозяйстве олени служили лишь транспортными животными.

Еще применительно к концу XVIII в. К. Мерк отмечал, что «оленные чукчи платят оседлым 12 важенок или 10 важенок и двух обвезженных ездовых оленей за американскую женщину (эскимоску с Аляски, — И. В.), дети стоят дешевле». «Таким путем, а также в результате других меновых сделок оседлые чукчи обзаводятся оленями и могут кочевать ... Большинство оседлых чукчей владеет по 10, по 2 и полтора оленя, которых они держат при стаде оленных чукчей».²⁷

Конец XVII и первую половину XVIII в., как нам кажется, и следует считать временем распада хозяйственного комплекса чукчей и выделения из него собственно оленеводческого пастушеского хозяйства, с одной стороны, и с другой — хозяйства приморских оседлых охотников.

Наиболее бурно протекало развитие чукотского пастушеского оленеводства на протяжении 60 лет начиная с 20-х годов XVIII столетия.

К началу 70-х годов XVIII столетия чукчи разорили прианадырских юкагиров, захватили не только их оленей, но и территорию, на которой они кочевали. «Которые юкагири прежде жили имели от Анадырска к Яблоной речке между хребтами ... все убиты чукчами», — сообщал в 1763 г. сибирскому губернатору Ф. Соймонову начальник Анадырского острога Ф. Плениснер.²⁸

По данным канцелярии Анадырского острога, а после 1770 г. канцелярии Гижигинской крепости, с 1725 по 1773 г. чукчи захватили у коряков в общей сложности 239 000 оленей, захватив в плен несколько сот женщин и детей.²⁹ Цифра эта составлена на основании устных заявлений пострадавших коряков. Она явно преувеличена, что признавали еще в XVIII в., однако является красноречивым свидетельством того, на какой базе и при каких условиях складывалось чукотское пастушеское оленеводство.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 11.

²⁶ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 21, л. 130.

²⁷ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 41.

²⁸ ААН СССР, ф. 3, оп. 10, д. 137, тетр. 6.

²⁹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 9, л. 49.

К концу XVIII столетия пастушеское оленеводство чукчей уже сложилось как особое хозяйственное занятие. Стада их численно увеличились и стали той базой, которая обеспечивала владельцев их питанием, одеждой, жилищем и т. п. Сопоставляя чукотское и корякское оленеводство в конце XVIII столетия, К. Мерк заметил: «Стада у чукчей не так многочисленны, как у коряков. Тот из них, кто владеет тремя сотнями важенков, считается уже зажиточным».³⁰ Он же зарегистрировал «от восточного мысу к реке Чауну живущие оленные чукчи» — 67 стойбищ; по Тихоокеанскому побережью «живущие оленные чукчи от Восточного носу до устья р. Анадыри» — 57 стойбищ.³¹

Перечень имен хозяев стойбищ, составленный К. Мерком, дает любопытный материал. Среди чукотских имен встречаются имена коряков, например, Энпичихей («старичок»), Евелхут, Юлтыгыргын и др. По всей видимости, это коряки, угнанные в свое время чукчами в плен, или прямые их потомки.

К 80-м годам XVIII столетия захватнические набеги чукчей на коряков прекратились. С этого времени чукотское оленеводство развивается под влиянием других, как внутренних, так и внешних причин. Увеличение количества оленей у них идет с конца XVIII столетия за счет только естественного прироста. Развитие оленеводства стимулировалось увеличением спроса на продукты оленеводства соседних народов и внутри чукотского общества. С этого времени разворачивается интенсивный обмен чукчами продуктов оленеводства на пушнину (бобры, куницы, росомахи, выдры) и шкуры морских млекопитающих у эскимосов Аляски, а также у оседлого населения побережья Берингова пролива (сибирских эскимосов, чукчей).

Развитие чукотского оленеводства, как и других отраслей их хозяйства, начиная со второй половины XVIII в. шло под сильным влиянием русского торгового капитала, который постепенно втягивал все отрасли чукотского хозяйства в русло развивающейся торговли на северо-востоке Сибири.

С ликвидацией Анадырского острога (1771 г.) чукчи потеряли ближайший пункт торговли с русскими.

Они неоднократно обращались к представителям русской власти с просьбой о восстановлении его. При этом основным мотивом было желание вести торговлю (обмен) с русскими.

В 1788 г. была основана Анюйская ярмарка, которая сразу же привлекла большое количество чукчей. В том же 1788 г. иркутский

³⁰ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 41.

³¹ ЦГАВМФ, ф. экспедиции Биллингса, д. 20, л. 13—14.

купец Александр Баранов получил разрешение основать промыслы и торговлю на Анадыре. Совместно с охотским купцом Иваном Кречевцовым в 1789 г. А. Баранов «сделал отправление на реку Анадырь для промысла зверей, обыскания моржового зуба и кости мамантовой, а притом, ежели будет возможность, и с народами около тех мест обитаемыми основать и завести производство торговли».³² То обстоятельство, что торговые пункты русских оказались на границах территории, занимаемой чукчами, побудило последних перекочевать со своими стадами в районы, более близкие к местам торговли. Правда, это переселение совпало с интенсивным ростом чукотского оленеводства. Они искали новых пастбищ, новых, более благоприятных мест для выпаса оленей. Так, в 60-х годах XVIII в. началось движение чукчей к югу от Анадыря, а в 70-х—80-х годах началось движение оленных чукчей к западу от Чаунской губы на притоки р. Колымы — Б. и М. Анюи, а затем и другие реки; к середине XIX в. значительная группа чукчей-олeneводоов вышла к р. Колыме.

На протяжении конца XVIII и первой половины XIX в. торговля на Анюйской ярмарке развивалась успешно и привлекала значительное количество чукчей и чукотских торговцев *каврадьит*. Это способствовало развитию чукотского оленеводства, так как продукты оленеводства, особенно шкуры и одежда из них, находили большой спрос как на Анюйской ярмарке, так и на берегах Берингова пролива. Спрос на оленьи шкуры, одежду и обувь из них возрастал с каждым годом в связи с сокращением охоты на диких оленей. Кроме того, оленьи шкуры и готовая одежда охотно скупались аляскинскими эскимосами, что также стимулировало развитие оленеводства. С другой стороны, для перевозки грузов как на Анюй, так и к берегам Берингова пролива требовалось значительное количество упряжных, обученных оленей, которые готовились чукчами-олeneводами, особенно в тех местах, где проходили пути на Анюй. «На берегах Чаунской губы, — отмечал Ф. Матюшкин, — чукчи переменяют своих утомленных оленей у кочующих там племен и следуют далее».³³

Стремление войти в непосредственный контакт с русскими, получать русские товары не через чукотских торговцев, а прямо у русских побудило многих чукчей-олeneводоов приблизиться к р. Колыме. На протяжении всей первой половины XIX в. и позднее происходило освоение чукчами-олeneводами все новых и новых районов к юго-западу от Чаунской губы. Приближение чукчей со своими стадами к р. Колыме совпадало с интересами как русского, так и туземного населения этих районов.

Так постепенно чукотское оленеводство выходило из рамок узкопотребительского натурального хозяйства и приобретало

³² ЦГАВМФ, Дела графа Чернышова, № 414, л. 360.

³³ Ф. П. Врангель, ук. соч., стр. 175.

мелкотоварный характер. Чукотское оленеводство включалось в рыночные отношения, что весьма способствовало его развитию. Вместе с тем проникновение в оленеводческое хозяйство товарных отношений, рост спроса на все виды продуктов оленеводства сказались на быстром росте имущественного неравенства среди чукчей-оленьеводов именно этого района.

В XIX столетии количество оленей у чукчей возросло еще больше. «Главнейший промысел их олени, которые составляют их богатство, и которых у иного есть более 10 000», — отмечалось в Статистическом обозрении Сибири за 1810 г.³⁴

Доктор Кибер, участник экспедиции Ф. П. Врангеля, подчеркивал наличие в чукотском обществе имущественного неравенства на основе оленеводства. «Бедные оленные чукчи имеют до 100, а богатые до 1000 оленей».³⁵ Он же указывает и на специализацию оленеводов некоторых районов, которая состояла в подготовке транспортных оленей и в перевозке товаров от берегов Берингова пролива до Анюйской ярмарки. «Уважается здесь (т. е. на Анюйской ярмарке, — И. В.) и Ятгыргын, начальник беломорских и чаунских чукчей, кои привозят с Чукотского носа товар, но сами торгом не занимаются ... он имеет до 15 тысяч оленей».³⁶

К середине XIX в. имущественная дифференциация у чукчей-оленьеводов зашла еще дальше, а стада оленей значительно увеличились. Так, по наблюдениям А. Аргентова, хорошо знавшего анюйскую и чаунскую группы чукчей, «некоторые хозяева содержат по 10 и даже по 12 тысяч голов, а по 3 и по 5 тысяч штук многие. За полонянку дают от 20 до 40 голов».³⁷

В другом месте тот же автор сообщал, что богатый чукча Мирго «имел множество оленей, разделенных на четыре стада. Сорокпологов служили у него надежным приютом равно для богатых и бедных».³⁸

Олени давали мясо для питания, шкуры для одежды, обуви и жилища. Кроме того, олени использовались как транспортное средство. Чукчи запрягали оленей в нарты для перевозки имущества при перекочевках и для легкой езды. Для перевозки грузов запрягался один олень, а для легкой езды два или три оленя. Для дальних переездов брали так называемых «заводных» оленей. В 1754 г. отряд чукчей около 500 человек имел «более двух тысяч оленей ... они по их обыкновению ездят на оных следующим порядком: один олень запрягается в санку под называе-

³⁴ Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников, ч. II. СПб., 1810, стр. 186.

³⁵ «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом», ч. XIII, СПб., 1827, стр. 197.

³⁶ Там же.

³⁷ А. Аргентов. Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности. «Записки СО РГО», кн. IV, СПб., 1857, стр. 97.

³⁸ Там же, стр. 45.

мой аргиш (т. е. для съестных припасов и другого борошню), а по два и по три оленя потому ж запрягают в санки ж, на которых они едут сами, а протчие олени всегда берутся заводными для перемены усталых».³⁹ В этом сообщении обращает на себя внимание сведение о том, что чукчи запрягали по «два и по три оленя» в легковые санки. Эта особенность, очевидно, относилась лишь к XVIII столетию, позднее указаний о запряжке трех оленей в нарту нет. В использовании оленей чукчами в XVIII в. наблюдаются и другие особенности, которые к настоящему времени не сохранились. К числу их должна быть отнесена езда верхом на олене. В летнее время, подобно юкагирам, некоторые оленные чукчи ездили верхом. Так, в 1731 г., в августе, «приехал ... главный Восточного моря чукоцкой тоен Кею с несколько человек на верховых оленях».⁴⁰ В 1775 г. в июне из Гижигинской крепости «чукча Тынагыргын ... в свои жилища бежал, коей у коряк покрал верхового оленя».⁴¹ Эти и немногие другие свидетельства XVIII в. о верховой езде на оленях зарегистрировали какие-то отдельные случаи. Тем не менее факт использования оленей как верховых животных чукчами заслуживает особого внимания, тем более что ни в XIX в., ни в наше время неизвестна езда их верхом на олене.

Особенно бурно развивалось оленеводство с конца первой четверти XVIII столетия. К середине XIX в. большая часть чукчей была занята в этой отрасли их хозяйства.

Характерной чертой пастушеского оленеводства чукчей является резко выраженное имущественное неравенство. При общинной собственности на пастбищные угодья существовала частная собственность на оленей со всеми вытекающими отсюда последствиями (наследственное право и т. п.).

Формирование пастушеского оленеводства явилось важным шагом в развитии производительных сил чукотского общества.

Морской зверобойный промысел

К середине XVII столетия морской зверобойный промысел чукчей достиг значительного развития. Объектами охоты были тюлени, моржи и киты. От охоты на морских млекопитающих чукчи получали основные продукты питания (мясо, жир), корм для собак; кожи моржей шли на изготовление байдар, приготовление ремней, нужных для упряжи, для такелажа байдар, для линей к гарпунам, использовались для кровли яранг, настилались на пол в спальных помещениях (пологах). Из кишок моржа шились дождевики. Шкуры тюленей (нерп, лахтаков) использовались на пошивку одежды, обуви, мешков для хранения разных хозяйствен-

³⁹ Сб. архивных материалов, стр. 181.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 5.

⁴¹ Там же, № 539, тетр. 1(а), л. 42.

ных предметов и некоторых продуктов, бурдюков (пызлыг) для хранения жира, из них же вырезывались всевозможные ремни (разного сечения), которыми крепились части нарт, вязались сети для промысла тюленей, изготавливались линии для гарпунов и т. д. и т. п.

Жир морских животных употреблялся в пищу, шел на освещение и отопление жилища. Из клыков моржа изготавливались орудия охоты и их части (наконечники гарпунов, стрел, пешней), охоничьи санки (кэн'ыр), из клыков моржа изготавливались части упряжи для собак и оленей (кольца, пуговицы), части парусного такелажа для байдар (блоки, уключины), некоторые предметы домашнего обихода (черпаки, ложки). Моржовый клык служил также материалом для изготовления предметов искусства (скульптурные изображения животных).

Китовый ус использовался для подбивки полозьев нарт, из волокон китового уса плелись сети, лёски для удочек, китовый ус шел на приготовление сосудов в виде чашек, использовался и в качестве вкладыша в гарпуны. Кости китов использовались в качестве строительного материала (на лабазы, вешала, перекладины, балки в землянках), из костей кита делались подполоски для нарт и многое другое. Шкуры и кожи морских млекопитающих, ремни, жир, обувь, сшитая из кож морских животных, — все это находило широкий спрос у чукчей-оленоводов и шло в обмен на продукты оленеводства.

Охота на морских млекопитающих, таких, как киты и моржи, носила сезонный характер, что было обусловлено миграциями этих животных, появлявшихся в водах Берингова пролива в весенне-летний период. Охота же на тюленей производилась в течение всего года.

Охота на китов и отчасти на моржей производилась с байдары при помощи гарпунов и носила коллективный характер, в то время как охота на тюленей и белых медведей носила индивидуальный характер. Для охоты на тюленей и белых медведей использовались собаки. На ледяной поверхности моря собаки отыскивали лунки (продухи) тюленей.

Орудия охоты состояли в основном из разных по размерам и назначению гарпунов (особые на тюленей, моржей, китов), копий, ножей и др. При использовании некоторых видов гарпунов чукчи применяли метательные дощечки.

Наибольшее значение в хозяйстве приморских чукчей имел промысел моржей, которые помимо мяса и жира давали высокой прочности шкуры. Особенно ценными для приморских охотников были клыки моржей. Уже в первых сообщениях о приморских чукчах подчеркивалось значение моржового клыка в качестве материала для поделок. В 1647 г. Исай Игнатьев и Семейка Алексеев на коче дошли до Чаунской губы, «а в губе нашли людей, а называются чухчами, а с ними торговали небольшое место ... вывезли к ним

товарцу на берег, положили, и они в то место положили кости рыба зуба немного, а не всякой зуб цел; деланы у них пешни, да топоры из той кости, и сказывают, что на море де того зверя много, ложится де он на место».⁴²

К середине XVIII в. относятся следующие весьма подробные данные о морском промысле чукчей и его значении для них: «Чукчи добывают в море премножество морского зверя моржей, кость зубов их употребляют на свои всякие потребности: на копья, на стрелы, на топоры, на чекуши и прочее... из кож их шьют байдары, на коих перегребают на ближние морские острова».⁴³

О важности значения промысла моржей для оседлых чукчей свидетельствует также и то, что моржи служили одним из наиболее распространенных среди чукчей объектов культа. Едва ли не самое раннее сообщение по этому поводу дошло до нас от 1647 г., составленное известным землепроходцем Северо-Востока М. Стадухиным. Рассказывая о том, что около р. Чукочьей живут чукчи, М. Стадухин лаконично, но выразительно сообщает об их занятиях. «И те чухчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою переезжают на оленях на тот остров одним днем, и на том острове они побивают морской зверь морж и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, а по своему они тем моржовым головам молятца».⁴⁴ Следы широкого распространения культа моржей прослеживаются и по настоящее время на Чукотке. Около древних населенных пунктов, таких, как мыс Шелагский, Рыркайпаян (мыс Шмидта), Энурмин (мыс Сердце-Камень), Ванкарем, Лорино, Мечигмен и др., до недавнего времени можно было увидеть расположенные по кругу черепа моржей и других млекопитающих. Моржовые головы лежали не только на поверхности земли, но и в глубине ее. Видимо, многие поколения охотников поддерживали культ моржа, дававшего им пищу, тепло (освещение) и материалы на поделку орудий, оружия, жилища. По всей видимости, культ моржа был широко распространен среди народов азиатского побережья Ледовитого и Тихого океанов. Следы культового собирания моржовых голов в одном месте нам удалось наблюдать на северной изголови о. Верхотурова, там, где видны остатки древних землянок, на левом берегу устья р. Илирвзем (р. Култушина), впадающей в залив Корфа, на правом берегу устья р. Апуки и в других местах.

Промысел моржа в летне-осенний период был наиболее легким и в то же время наиболее добычливым. В известных местах моржи выходили на лежбища. Охотники свободно подходили к ним и, пользуясь копьем на длинном древке, кололи этих малоподвижных и почти беспомощных на суше животных.

⁴² Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов. Составил М. И. Белов. Л.—М., 1952, стр. 110.

⁴³ ЦГАДА, ф. 199, № 539, тетр. 13, л. 25 об.

⁴⁴ ДАИ, т. III, док. 24.

Как много было тогда моржей, можно судить по описанию их промысла С. Дежневым: «А зверя на коргу вылегает добре много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на полверсты и больше места, а в гору сажен на тритцать и на сорок. А весь зверь с воды с моря на землю не вылегал, в море зверя добре много, у берегу ... зверей промышляли четырежды, и зверь прилегает скоро на землю ... А которые промышленные люди — поморцы, и они сказывали, что в русском де Поморье столь много зверя того нет».⁴⁵

Необходимо отметить, что не во всех пунктах побережья Ледовитого океана были одинаково благоприятные условия для промысла моржей и китов. Вследствие особого режима льдов в Чукотском море моржи и киты не заходили далеко на северо-запад, а если заходили, то не в таком количестве, как в Берингов пролив и его окрестности. Не случайно мыс Шмидта по-чукотски называется Рыркайпьян, что означает «Место закрытия прохода моржам». Чем дальше от Берингова пролива на северо-запад, тем меньше добывалось моржей и китов. Для населения побережья Ледовитого океана большее значение имела охота на тюленей. В конце XVIII в. К. Мерк следующим образом охарактеризовал промыслы оседлых чукчей: «Они заняты преимущественно охотой на морских зверей. По эту сторону реки Амкиян (Омваам, — И. В.) моржей попадаетея меньше, и то лишь в течение лета, равно как и небольшие киты, и жители тех мест бьют преимущественно тюленей».⁴⁶

Охотились на моржей не только на лежбищах, но и на плавающих льдинах.⁴⁷

Охота на других морских млекопитающих была сопряжена с большими трудностями. Если охота на моржей на лежбищах и в настоящее время носит тот же характер, что и прежде, т. е. охота ведется с помощью копья на длинном древке, то охота на морских зайцев (лахтаков) и другие виды тюленей ведется огнестрельным оружием. В XVII—XVIII вв. и в начале XIX в. широко практиковалась в зимнее время охота на тюленей около «продуха» с помощью гарпуна (*иннэпи*). С гарпуном охотились на нерп также в весеннее время, когда нерпы выходили на лед и грелись около «продухов». Нужно было обладать большим упорством и ловкостью, чтобы подползти к греющемуся на солнце тюленю, часто просыпающемуся и наблюдающему за окрестностями, на расстояние, с которого безошибочно можно было метнуть в него гарпун. Такая охота производилась с известной маскировкой. Охотник надевал на голову снятую целиком шкуру с головы тюленя. Вооружившись гарпуном, он ползком приближался к тюленю. «Когда один из тюленей замечает ползущего и поднимает голову, чтобы рассмотреть его, охотник замирает неподвижно, выставляя

⁴⁵ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 126.

⁴⁶ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 24.

⁴⁷ Там же, стр. 35.

наружу звериную маску и подражая движению передних лап животного, царапает лед нарочно для этого сделанными лапами. Все это вводит тюленей в заблуждение, они снова засыпают, и тогда охотник снова продвигается вперед. Приблизившись на нужное расстояние, он одним броском кидает гарпун с прикрепленным к нему ремнем и старается ударить толстым нижним костяным концом бросалки прямо зверю по глазам, чтобы его прикончить. Чтобы облегчить ползание при такой охоте, чукчи подвязывают к локтям и коленям лоскуты шкуры медведя». ⁴⁸

Возможно, в этом описании охоты на тюленей не все передано точно, однако приемы охоты, оснащение охотника переданы достаточно ясно.

Помимо моржей и тюленей, важным объектом охоты были киты. Указания на существование такого промысла имеются не только в археологических материалах с побережий Чукотки, но и в дошедших до нас документах XVII—XVIII вв. Наиболее отчетливо эти известия сформулированы в документах XVIII в., откуда мы узнаем, что питаются «чукчи ... пешие морскими китами и моржами и рыбою». ⁴⁹

Довольно подробное описание промысла китов и орудий, которыми они добывались, сохранилось от конца XVIII в.: «С ранней весны и до октября оседлые чукчи ловят китов... Гарпун обычно делается целиком из моржовой кости, иногда острие из железа. К нему прикреплен прочный ремень, на расстоянии 30 сажен от гарпуна привязаны три целых надутых тюленьих шкуры в виде пузырей (пыппи), затем через 20 сажен еще два таких же поплавка и через такое же расстояние в конце ремня еще один. Эти поплавки, всплывая на поверхность воды, показывают им (охотникам, — И. В.) дорогу, они следуют за китом, а когда он утомится, добивают его, закалывая копьями, как раненых тюленей». ⁵⁰

В «Собрании известий о начале и происхождении разных племен иноверцев, в Иркутской губернии обитающих...», составленном в 1789 г. Лангансом, сообщаются следующие сведения о промысле китов чукчами: «Они ловят китов великое множество и жир их почитают за лучшую пищу, наипаче же недостаток в дровах им награждают; ибо они топят юрты свои мохом, моченым в жиру морских животных; сверх того, делают они из китовых кишков себе рубахи, как американцы, и употребляют их вместо посуды, как олюторцы». ⁵¹

Описывая способы охоты на китов, Ланганс отметил коллективный характер ее у чукчей: «Китов промышляют они на не-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Сб. архивных материалов, стр. 155.

⁵⁰ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 36.

⁵¹ ЦГИАЛ. ф. 1264, Первый Сибирский комитет, оп. 54, д. 2, лл. 78—79.

скольких больших байдарах, в которых человек по 8 и по 10 уместается».⁵²

Не произошло существенных изменений в характере производства охоты у приморских чукчей и к первой четверти XIX в. Орудия, приемы охоты на морских млекопитающих чукчей побережья Ледовитого океана подробно описаны Ф. П. Врангелем.⁵³

Описание чукотских байдар и способа передвижения на них дает Ф. П. Литке. Оно относится, как и описание Ф. П. Врангеля, к первой четверти XIX в. «Байдары (чукчей, — И. В.) обтягиваются моржовыми лахтаками, — отмечает Ф. П. Литке, — которые распластываются надвое, по толщине; одной шкуры бывает иногда довольно на байдару. На веслах ходят не очень хорошо; но для приставания к берегу весьма удобны. Когда ветер попутный, ставят лахтачный же парус. Где берег позволяет, запрягают собак и идут бечевой весьма скоро. Оседлые имеют и байдарки однолючные, но гораздо шире и неуклюже алеутских и гораздо хуже ходящие. Управляют ими робко и непроворно и не иначе в них ездят, как подвязав с обоих боков надутые шкуры».⁵⁴

До появления в Беринговом проливе американских и других иностранных китоловов чукчи добывали значительное количество китов. Так, Ф. П. Врангель писал, что жители о. Колючин добыли за лето 50 китов.⁵⁵ По всей видимости, охота на китов имела тоже весьма важное значение для обитателей побережья.

Как видно из сообщений К. Мерка, Ф. П. Врангеля, Ф. П. Литке, никаких заметных изменений в орудиях и средствах охоты чукчей в течение XVIII—начала XIX в. не произошло. Эти авторы независимо друг от друга дают один и тот же перечень орудий, указывают на одни и те же материалы, из которых они сделаны, и дают примерно одно и то же описание приемов охоты чукчей. Таким образом, как в XVIII, так и в начале XIX в. морской зверобойный промысел чукчей еще не претерпел заметных изменений. Огнестрельное оружие еще только начинало проникать к чукчам, которые смотрели на него больше как на оружие, предназначенное не для охоты. По-видимому, очень плохо обстояло дело со снабжением охотников порохом, свинцом и т. п. Исследователи, посещавшие Чукотку в первой четверти XIX столетия, зафиксировали единичные случаи владения огнестрельным оружием чукчами. В 1821 г. А. П. Лазарев заходил на судне «Благонамеренный» в залив Лаврентия. Здесь он встретил прибывших из Мечигменской губы чукчей. «У одного, — отмечает А. П. Лазарев, — мы видели два мушкетона английской работы, вероятно, полученные от американцев, бывших здесь в Беринговом проливе в 1820 г., ибо на Колыме не позволено продавать диким огнестрель-

⁵² Там же, л. 78.

⁵³ Ф. П. Врангель, ук. соч., стр. 312—314.

⁵⁴ Ф. П. Литке, ук. соч., стр. 222.

⁵⁵ Ф. П. Врангель, ук. соч., стр. 308.

ное оружие».⁵⁶ В 1823 г. в с. Рыркайпий Ф. П. Врангель познакомился, как он писал, со старшиной этого селения чукчей Этель, который, обратившись к Врангелю, говорил, указывая на предметы своего хозяйства и товары: «Выбирай, что тебе угодно из моих вещей, а мне взамен дай ружье и пороху. Я ходил бы с ним на охоту, потому что стреляю гораздо лучше многих нагорных чукчей (имеются в виду кочевые чукчи, — И. В.), у которых однажды видел ружье».⁵⁷ О. Е. Коцебу у мыса Дежнева выходил на берег, где видел «одно ружье».⁵⁸ Ф. П. Литке, описывая чукчей, занимавших побережье моря от мыса Дежнева до устья р. Анадыря, с которыми он встречался во время плавания в 1826—1829 гг., отметил, что «ружей они до сих пор не имеют и даже боятся их, оттого что на ярмарках запрещено им продавать огнестрельное оружие».⁵⁹

Весьма любопытно в этой связи свидетельство А. Аргентова. Рассказывая об оседлых чукчах, способах и приемах охоты на морских зверей, он нигде не называет огнестрельного оружия.⁶⁰

В то же время, касаясь охоты на диких оленей, горных баранов и бурых медведей, Аргентов отмечает, что на этих животных охотятся «с винтовкою».

Проникновение огнестрельного оружия в морской зверобойный промысел, по-видимому, нужно относить ко второй половине XIX в. Не следует, однако, забывать, что в разных районах расселения чукчей огнестрельное оружие появилось в разное время. Так, на Чукотском полуострове ружья стали входить в обиход морских зверобоев раньше, чем около Чаунской губы. На Чукотку завозили ружья и огнеприпасы к ним китоловы и американские контрабандисты начиная с 20-х годов XIX в.

Не во всех районах расселения прибрежных чукчей был промысел морских млекопитающих одинаковой интенсивности. В районе Берингова пролива богаче морская фауна, регулярнее движение морских животных, чем на западе. Здесь гуще население, здесь выше была культура самого промысла. Охотники побережья Берингова пролива бесстрашно пускались за китами, тогда как западные чукчи боялись и не умели охотиться на китов. «Киты ежегодно являются у Большого Баранова и у Шалагского мысов, — писал А. Аргентов, — но здешние чукчи не решаются выходить в бой с этими великанами морей».⁶¹

⁵⁶ А. П. Лазарев. Плавание вокруг света военного шлюпа «Благонамеренный». М., 1950, стр. 303.

⁵⁷ Ф. П. Врангель, ук. соч., стр. 306.

⁵⁸ О. Е. Коцебу. Путешествие вокруг света. М., 1948, стр. 96.

⁵⁹ Ф. П. Литке, ук. соч., стр. 221.

⁶⁰ Аргентов. Описание Николаевского Чаунского прихода. «Записки СО РГО», кн. IV, СПб., 1857, стр. 100.

⁶¹ Там же.

Итак, на протяжении XVII—первой половины XIX столетия морской зверобойный промысел чукчей, как и оленеводство, постепенно превратился в обособленное, независимое от сухопутной охоты хозяйственное занятие оседлого населения. Этот промысел развился в такой мере, что стал полностью удовлетворять жизненные нужды берегового населения. Появление новых орудий, усовершенствование старых создали условия для накопления излишков промысла, что в свою очередь дало возможность зверобоям обменивать продукты морского промысла на продукты оленеводства, на европейские товары.

В выделении и обособлении морского зверобойного промысла чукчей в самостоятельную отрасль хозяйства решающую роль сыграло культурно-хозяйственное влияние русских — в первую очередь проникновение к чукчам металлических орудий и оружия.

Рыболовство и другие промыслы

Рыболовство для чукчей было сопутствующим хозяйственным занятием. Все наблюдатели единодушно отмечали неразвитость рыболовства у них, его второстепенное значение в их хозяйстве. Однако рыболовством занимались и оленные, и приморские чукчи, но запасов рыбы в виде юколы не создавали.

Применительно к XVII в. о рыболовстве чукчей нет никаких сведений. Что касается XVIII в., то по кратким и скудным сведениям по этому поводу все же можно составить представление о рыболовстве чукчей и об орудиях их рыбного промысла.

В 1744 г. русские встретили на р. Чауне «небольшие люди чукчи, живут на речке Чауне для промыслу рыбы гольцов и хариузов».⁶² Судя по тексту документа, здесь было несколько человек чукчей.

О занятии чукчей рыболовством на Чауне говорится также в документе 60-х годов XVIII в. «Чавуна сама по себе водою невелика, во оной рыба гольцы предовольное число, сиги, налимь, частью коих гольцов чукчи промышляют в зимнее время сетями и поддевают крючьями железными».⁶³

Более важное значение имело рыболовство для чукчей Тихоокеанского побережья Берингова пролива. О них сообщалось в 1742 г., что «водяным путем от самого носа (мыса Дежнева, — И. В.) до устья Анадырского и выше ходят летом для рыбной ловли и оленного промысла».⁶⁴ Рыбной ловлей на Анадыре чукчи занимались в ожидании «хода» оленей и после охоты на них, но запасов рыбы они не создавали. Рыбы добывали они немного. Орудия лова были весьма несовершенны. Сети они делали из сухо-

⁶² ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 6, л. 83 об.

⁶³ «Летопись Севера», II, М., 1957, стр. 130.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 12.

жилий оленя или китового уса. Как сообщается в показании казака Попова, бывшего у чукчей в 1756 г., «рыбных промыслов приметить не мог ... а только промышляют сетями, зделанные с небольшим по сажене, жильные».⁶⁵

Подробно ознакомившийся с жизнью и бытом чукчей К. Мерк писал: «Что касается рыбной ловли, то местные жители занимаются ею лишь мимоходом, поедая рыбу сырой, но не сушат ее. Для этой цели они пользуются сетями из китовых жил или ремнями из тюленей кожи (jginhi). Небольших рыб ловят также на костяную удочку».⁶⁶ В другом месте К. Мерк отметил: «На р. Чауне встречаются полыньи и в них водятся в очень большом числе форели... Чукчи ловят эту рыбу в декабре и январе сетями из жильных ниток. Они также без труда добывают ее из воды багром (очевидно, мариком, — И. В.) в виде железного крюка, укрепленного на конце жерди. Они замораживают эту рыбу, укладывают на грузовые нарты и увозят с собой».⁶⁷

Почти аналогичное описание рыболовства и его значения для чукчей находим у Кибера, который также отметил: «Чукчи, очень мало занимающиеся рыбным промыслом, ничего не могли сказать мне утвердительного о рыбах Ледовитого моря».⁶⁸ Несколько ниже тот же автор сообщал: «Чукчи не занимаются рачительно рыбной ловлею. При случае употребляют уды, сделанные из моржовых зубов или из больших рыбьих костей и привязанные к бичевам, искусно сплетенным из китовых усов. Иногда они закидывают в больших реках сети или заграждают ими устья и ловят рыбу неводами своего изобретения. Однако они не иначе принимаются за рыбный промысел, как тогда только, когда содержание оленей оставляет им свободное время».⁶⁹ Очевидно, охота на морских млекопитающих и оленей вполне удовлетворяла потребности чукчей в продуктах питания. Мало занимались рыболовством северо-восточные чукчи, обитавшие на побережье Берингова пролива. «Рыбы имеют весьма мало, — отмечал Ф. П. Литке, — весною ловят вахню в кошели, сделанные из расщепленного китового уса».⁷⁰

Не получило развития рыболовство к середине XIX в. и у западных чукчей, тесно связанных с оленеводством. При наличии резкой имущественной дифференциации к рыболовству вынуждены были прибегать бедняки. Однако и их рыболовство носило примитивный характер, впрок рыбы они не заготавливали, питались ею лишь в отдельные периоды года. «Рыба, — писал А. Аргентов, — промышляется в весьма малом количестве. Рыболовство производится особенно зимою на самом Чауне (реке, — И. В.). Главная

⁶⁵ Там же, л. 34.

⁶⁶ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 37.

⁶⁷ Там же, л. 107.

⁶⁸ «Сибирский вестник», СПб., 1824, ч. I, стр. 92.

⁶⁹ Там же, стр. 99.

⁷⁰ Ф. П. Литке, ук. соч., стр. 223.

рыба голец. Ловят рыболовными мешками, приготовленными из жил оленьих, или же дергают рыбу из воды, подцепляя ее железным крючком. В конце апреля и в мае удят рыбу по озерам, прикрепляя к уде кусочек олова и привязывая к нему красный лоскуточек. Летом ловят рыбу в море, а частью по речкам небольшими сетями. В море главная рыба омуль, сети для омуля вяжутся из оленьих жил. Морских бычков промысляют осенью щипцами, похожими на острогу и на те клещи, которыми ловят речных раков. Рыба впрок не заготавливается, ее недостаточно даже для насущного прокормления».⁷¹

Из цитированных документов и других источников видно, насколько были несовершенными орудия лова и способы рыбодобычи у чукчей. Они удовлетворялись костяными крючками, короткими (в 1—3 сажени) сетями, сплетенными из жил оленя или волокон китового уса, и сачками. Никаких других орудий они не создали. Не заготавливали они рыбы впрок. Все это служит свидетельством неразвитости рыболовства как хозяйственного занятия.

Несколько бóльшую роль играло рыболовство чукчей, переселившихся в середине XVIII в. на южный берег р. Анадыря. Здесь они постепенно усвоили технику и способы добычи рыбы коряками, а также и заготовку ее в виде юколы на зиму.

Большое значение в XVII—XVIII вв. имела для чукчей охота на горных баранов, лосей. Как сообщалось в одном документе середины XVIII столетия, «сахатых на р. Белой великое множество ... довольно случалось, когда чукчи за таковым же промыслом бывают на вершинах р. Белой».⁷²

«За дикими баранами, которые обитают в высоких горах, — писал К. Мерк, — и за лосями, которые попадают по границам их края, они охотятся на санках, запряженных оленями».⁷³ К сожалению, никакими другими сведениями об этой охоте чукчей в XVII—XVIII вв. мы не располагаем.

Охотились чукчи на белых и бурых медведей, росомах, волков, лисиц и песцов.

На белых и бурых медведей они охотились с копьями.⁷⁴ «Лисиц и песцов добывали силками», — сообщает К. Мерк, но об их устройстве он ничего не говорит. Известно, что чукчи поставляли в виде ясака очень небольшое количество лисьих шкур (около 100 штук в год), количество же лисьих шкур, промениваемых ими на Анюйской ярмарке и на Анадыре, было значительно большим. Следовательно, чукчи занимались пушной охотой довольно интенсивно, особенно со второй половины XVIII в., со времени организации регулярной торговли с ними на Анюе и Анадыре.

⁷¹ А. Аргентов. Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности, стр. 98.

⁷² ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 19, л. 36.

⁷³ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 28.

⁷⁴ Там же, стр. 37.

Тот же К. Мерк сообщал: «Зайцев загоняют в жильные сети, а росомах гонят в легких нартах, запряженных оленями».⁷⁵

Оригинальный способ добычи волков (шкуры их шли на отделку одежды и на полога) применялся чукчами в XVIII—первой половине XIX в. Вот как описывает этот способ охоты К. Мерк. «Для борьбы с волками, ...которые в особенности зимой причиняют большой урон стадам оленей, они пользуются следующим приемом. Берут узкую полоску китового уса, отрезают кончик, сворачивают втрое, так что образуется пакет длиной в два два с половиной дюйма, концы заостряют в виде развилки, затем крепко перевязывают жильной нитью и замораживают. После этого срезают нить, получая куски замороженного китового уса толщиной больше пальца, которые смазываются слегка протухшим моржовым или оленьим жиром. Эти приманки раскладываются на возвышенных местах недалеко от юрт, по 4—5 штук вместе... Привлекаемые запахом жира волки находят и проглатывают приманку, которая оттаивает в желудке ... вскоре они погибают».⁷⁶

Об этом же способе добычи волков сообщал и А. Аргентов в середине XIX в.⁷⁷

Ему же принадлежит описание охотничьего промысла чукчей и орудий, какими они пользовались в середине XIX в. «Лисиц, песцов и росомах осенью по глубокому снегу травят собаками. Челибухой (стрихнином, — И. В.) окармливают волка и лисицу зимой в стужу. Белых медведей стреляют из лука или колят копьями. Диких оленей стреляют винтовкою летом, то же баранов».⁷⁸

Чукчи не пользовались ни капканами, ни чирканами, зато они применяли ряд оригинальных ловушек, созданных из местных материалов, в частности из льда. «Для песка и лисицы, — писал А. Аргентов, — часто употребляется „улюккэ“, или нора во льду, имеющая аршин длины и четверть ширины. При входе в нору укрывается потайная петля с подвесною тяжестью. В норе лежит кусочек мяса, и лишь только песец коснется его, как петля затягивается и давит зверя. Примечательна также ловушка „эвкэв“: в торосу выдалбливают ледяную яму глубиною до $2\frac{3}{4}$ аршина, произвольной ширины, с отвесными стенами. Устье ямы искусно выкладывается гладким льдом, и к нему подвешивается вертящаяся доска, укрепляемая на жильном снурке. Подойдя к такой ловушке, снаружи видишь лишь яму, не более как на две четверти глубины и столько же ширины, а длины в 9 вершков. В этой наружной ямке лежит кусок мяса, примороженный к подвесной доске. Коль скоро песец спустит передние ножки свои в ямку на на-

⁷⁵ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 38.

⁷⁶ Там же, стр. 29—30.

⁷⁷ А. Аргентов, Описание Николаевского Чаунского прихода, стр. 99.

⁷⁸ Там же.

живу, доска мгновенно повертывается, и зверь падает в яму, а между тем доска, уравниваясь, опять настораживается сама собою».⁷⁹

Мы остановились подробно на описании пушного промысла чукчей потому, что эти оригинальные способы добычи пушных зверей вскоре ими были забыты. Уже с конца XIX в. о них не упоминается, да и сами чукчи забыли о их существовании. На смену этим орудиям пришли фабричные капканы и пасти.

Итак, помимо рыболовства, дополнительными источниками существования чукчей служили охота на лосей, горных баранов, диких оленей, водоплавающую дичь во время линьки, при перелетах с помощью особого орудия *эплэкэтэт* (бола).⁸⁰ В зимнее время чукчи занимались охотой на зайцев, куропаток при помощи петель, лука и стрел. Эти промыслы носили всегда вспомогательный характер.

По мере развития, с одной стороны, оленеводства, а с другой — морского зверобойного промысла сухопутные виды охоты на мясного зверя теряют свое значение. Вместе с тем с налаживанием регулярных торговых связей чукчей с русскими (конец XVIII в.) усиливается охота на песцов, лисиц. Необходимо заметить, что главными поставщиками шкурок песцов и лисиц были чукчи оседлые, они больше охотились, чем чукчи оленные. «Звероловство, — писал Аргентов, — вышло из своего младенческого состояния. Им в особенности занимаются собачники, как иногда называют сидячих чукчей».⁸¹

Орудия охоты и оружие

Наиболее распространенными орудиями охоты чукчей в XVII—XVIII вв., отчасти и в XIX в. служили лук со стрелами и копье. Однако эти орудия применялись лишь при охоте на сухопутных животных. При охоте на морских млекопитающих луком и стрелами не пользовались, лишь иногда применяли копье при охоте на белых медведей и моржей. Орудия охоты на морских млекопитающих конструктивно совершенно отличны от орудий сухопутной охоты. В большинстве своем это разные по размерам метательные копья с отделяющимися наконечниками, к которым прикреплены длинные линии. В этом характерное отличие основных орудий охоты на морских млекопитающих от орудий охоты на сухопутных животных.

Лук со стрелами и копье составляли также вооружение чукотских воинов. Таким образом, эти орудия выполняли как бы две

⁷⁹ Там же, стр. 99—100.

⁸⁰ Там же, стр. 101.

⁸¹ Там же, стр. 99.

функции — орудий охоты и орудий войны. Ни одно орудие, применяемое при охоте на морских животных, не использовалось как оружие.

Материалами, из которых изготовлялись орудия и оружие, служили камень, дерево, кость морских и сухопутных животных, китовый ус и железо.

На протяжении XVII и XVIII вв. чукчами широко использовался камень (обсидиан, кремь, песчаник), из которого продолжали делать вкладыши к гарпунам, женские ножи (пэкул), наконечники копий, стрел и другие орудия. Некоторые из них, такие, как скребки, которыми пользовались при выделке кож, дожили в быту чукчей до наших дней.

Из дерева они делали луки, стержни для стрел, древки для гарпунов, копий, дротиков. Дерево применялось в качестве основы для щитообразных открьлков чукотского панцыря, обшивавшихся сверху кожей моржа. Наиболее широкое применение имели кости и рога (преимущественно оленей), моржовые клыки и кости морских животных (китовые ребра и челюсти). Китовый ус применялся как материал для вкладышей в наконечники стрел. Китовым усом крепили деревянную основу луков. Волокна китового уса шли на лески, из них плели сети, сачки.

Весьма широкое применение в качестве материала для орудий и предметов хозяйства имели рога и кости оленей. Первое место по количеству занимают всевозможные наконечники стрел. Из рога оленя делали проколки, части упряжи, рукоятки, копылья для нарт оленьих и собачьих, вытрясалки снега (с одежды и для выхлопывания полога), ложки, крючки для подвешивания. Из ребер оленя делали ножи, пластинки для панцирей и т. п.

Со второй половины XVII столетия к чукчам с каждым годом проникало все больше и больше изделий из железа и меди. В XVIII в. каменные топоры (гаттэ), каменные наконечники копий и стрел, костяные ножи были вытеснены металлическими. К середине XIX столетия железо, медь проникли во все уголки Чукотки и прочно вошли в быт чукчей, стали незаменимым материалом для орудий и оружия. Нужно, однако, сказать, что в большинстве своем чукчи получали готовые предметы — ножи, наконечники копий, котлы, иголки и т. п.

По сравнению с соседними народностями — юкагирами, коряками у чукчей в XVIII в. было в обиходе относительно мало железа и вообще металлических предметов. Объясняется это тем, что на протяжении XVIII столетия самодержавие неоднократно запрещало продажу железа и железных изделий чукчам, оправдывая эту крайнюю меру опасениями, как бы чукчи не превратили эти изделия в оружие. Основания к таким опасениям были. Покупая медные и железные котлы, чукчи разрубали их и делали наконечники для стрел и даже латы.

Оружие чукчей, средства защиты воинов подробно и весьма обстоятельно описаны в работе В. В. Антроповой.⁸² Автор использовала обширную литературу на русском и иностранных языках, что очень важно, привлекла для своей работы большой иллюстративный материал, почерпнутый из коллекций музеев, публикаций, и подробно проанализировала его. В меньшей степени В. В. Антропова использовала архивные материалы. Не касаясь ряда подробностей, связанных с этим видом производства чукчей, которые читатель может найти в названной работе В. В. Антроповой, я останавливаюсь лишь на некоторых моментах, чтобы представить более полно характеристику материального производства чукчей в изучаемый период.

Оружие чукчей состояло из луков, стрел, копий с наконечниками из моржового клыка и ножей. Из моржовых кож или костяных пластинок чукчи изготавливали себе «куяки» — латы (*мыргэв*). Интересное и наиболее подробное описание вооружения чукчей дает уже упоминавшийся выше Т. И. Шмалев. Рассказывая о походе Павлуцкого 1744 г. со слов очевидцев, он отмечает: «Луки ж, сделанные у чукоч из илового, а у коряк и юкагир из лесвинишного креню, а к тому с наклейкою. Обрезы стрел костяные, выделанные на три и на две грани из моржового зуба, а у иных и железо, верехи из разного лесу в длину в один аршин, перей у чукоч от разных птиц⁸³ по два пера и эти склеиваны, а у коряк и юкагир о три пера приклеяных. Копьи железные и костяные, куюки железные, костяные, выделанные так же, как и железные».⁸⁴

В этом сообщении очень интересны подробности о том, что чукчи луки делали из «илового» (елового) леса. На Чукотке ель не растет. Однако известно, что чукчи выменивали готовые луки и материал для них у коряков и аляскинских эскимосов. Вот что сообщается по этому поводу в одном из документов XVIII в.: «Луки они (чукчи, — И. В.) обычно добывают обменом у коряков или американцев, равно как панцири».⁸⁵

Как можно понять из сообщения Т. И. Шмалева, луки у чукчей были сложные, т. е. состояли из нескольких слоев, склеенных вместе, на что обращает внимание автор сообщения: «Луки ж ... к тому с наклейкою». Иногда в качестве второго слоя лука применялся китовый ус.

Сообщения о вооружении чукотских воинов довольно многочисленны; все они называют луки, стрелы, копья и латы (пан-

⁸² В. В. Антропова. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири. «Сибирский этнографический сборник», II, М.—Л., 1957, гл. V, стр. 186—226.

⁸³ Относительно материала для оперения стрел К. Мерк отметил: «Маховые перья гусей, ворон, чаек и сов служат им для оперения стрел» (Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 81).

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 3, л. 11 об.

⁸⁵ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 32.

цири), ножи. Материалом для лат служили кожи моржей, ребра оленей, дерево, китовый ус, клыки моржа и, наконец, железо.

У чукчей в XVII—XVIII вв. в обиходе было два типа панцирей, отличающихся по материалу и форме. Наиболее распространенным типом был панцирь из моржовой кожи. Можно предполагать, что этот тип панциря был выработан оседлыми охотниками на морского зверя (эскимосами). Другой тип панциря — из костяных или металлических пластинок, известный и у других народов Азии.

Вот как описывали чукотские панцири в конце XVIII в.: «Панцирь (murgäu) состоит, во-первых, из деревянного наспинного щита четырехугольной формы, длиною в полтора фута, шириной в фут и три дюйма и толщиной в дюйм, обтянутого снаружи и изнутри белой, выделанной моржовой кожей. Он закрывает спину и отчасти голову. По краям и по середине он окрашивается в красный цвет, а также украшается цветными кисточками. К наспиннику примыкает слева передний гибкий щит. Он состоит из четырех четырехдюймовых досок и из нескольких тонких, обтянутых кожей дощечек, которые спереди заканчиваются 6¹/₂-дюймовым широким звеном из двойного слоя кожи моржа. Для прикрытия нижней части туловища служат широкие, загнутые полукругом кожаные пояса числом 8 из сложенных вдвое кусков кожи моржа, шириной: верхний 5, остальные по 4 дюйма. К наспиннику прикреплен тонкими ремешками верхний пояс, к нему второй и далее таким же образом все остальные. Замшевые ремешки, скрепляющие пояса, проходят снаружи близ верхних краев поясов. Благодаря такому устройству их можно для облегчения ходьбы собрать кверху и подвязать. К верхнему поясу спереди прикреплен нагрудник из двойной моржовой кожи шириной 10 дюймов, длиной 7 дюймов, снабженный вырезом для шеи. По обеим сторонам выреза укреплен кусок кости или пряжка из китового уса, служащая для надевания панциря. Через каждую пряжку пропущен ремешок, закрепленный изнутри сзади к верхнему поясу, он проходит под наспинником через плечо. Через петлю в переднем щите продевается левая рука (также и правая, если, что встречается реже, защитные доски имеются по обе стороны наспинника), при помощи которой они по желанию могут приближать или отодвигать щит. С правой стороны край пояса остаются несомкнутыми и держатся на петле, продетой в пряжку на груди...

«Попадают у чукчей и железные кольчуги, весьма ценные ими, из продолговатых четырехугольных кусков железа, скрепленных ремешками, а также такие же шлемы с забралом на лбу и с наушниками».⁸⁶

⁸⁶ Там же, стр. 32—34.

В 1731 г. отряды чукчей были вооружены, луками, копьями, «у них были куяки железные и лахтачные»,⁸⁷ т. е. сделанные из кожи моржа. Капрал Г. Шейкин, служивший в Анадырском остроге в 50-х годах XVIII в., так описывает панцири и стрелы чукчей: «Чукчи ж место панциря во время баталии надевают куяки однобоки, деланы из железа и из китовых усов, а на голову от куяка открылок — доска деревянная и обитая кожей морской, лафтаком называется, из-за которой доски, выглядывая, стреляют из деревянного лука стрелою, которая подобна татарским стрелам ... копьё вставлено костяное и то присажено не крепко, оно ж с зазуброй, дабы есть ли потрафит в человека, то стрела выдернетца, а копьё останетца в человеческой ране. Перья же к стрелам не приклеивают, а привязывают жилками только по концам».⁸⁸

Прочность чукотских панцирей того и другого типа была относительной, так как «русская галанка или солдатская фузея пробивает все их куяки или панцири усовы и рыбьи (моржового клыка, — И. В.) не помогают».⁸⁹ Однако чукчи, приобретая железные и медные котлы, переделывали их на «куяки», чего до прихода русских, конечно, не было, ибо не было у них железа.

Казак Кузнецкий в 1756 г. рассказывал о чукотском вооружении следующее: «Копья у них, тако ж и на стрелах копьё ж железные, костяные и каменные из темного, в горах находящегося хрусталу, кои почитают за наилутчее, потому что ежели в человеческое тело то каменное копьё ранит, то все во оном рассыплётся. А к тому ж те стрелы со обеих сторон мажут из травы называемой лютика соком, от которой человек, получа стрелою язву в скором времени опухнет и умрет».⁹⁰

Как оружие чукчи применяли также «каменные шибалки» — пращи. «А бой у них каменной и лушной», — отметил в 1660 г. К. Иванов.⁹¹

«Чукчи бьются камнем из шибалок и в том весьма искусны, — сообщали в 1701 г. анадырские казаки, — однако на войне употребляют по большей части луки да стрелы».⁹²

«В Анадырском носу народ чукчи, кои подходят к Анадырскому острогу войною и бьются из луков, а больше камнем из

⁸⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 4. Аналогичное сообщение относится ко второй половине XVIII в.: А. П. Окладников. К истории этнографического изучения Якутии. Сборник материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948, стр. 35—36.

⁸⁸ ЛОИИ АН СССР, собрание Воронцовых, кн. 950, Материалы для истории Российской, т. II, л. 585.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Сб. архивных материалов, стр. 183.

⁹¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 269.

⁹² Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., январь, 1758, стр. 203.

пращей», — писал на основании сенатских архивов в 1727 г. И. Кириллов.⁹³

На карте, доставленной в Петербург якутским казачьим головой А. Шестаковым, имеется такая надпись: «В носу чукчи немирные, бой имеют камнем из шибалок».⁹⁴ Как сообщается в одной из казачьих сказок, взятой в Селенгинске у присланных из Анадырского острога в рекруты в 1741 г., «чукчи ружье у себя имеют: луки костяные и копья и камни мечут из ремней, и то у них наилутчей бой копьями и камнем (а из луков хотя и стреляют, токмо не весьма искусно, да и стрелы плохи), а огнивого никакого ружья не имеют, а на бой ходят пешие, а на промыслы на оленях, а водяным путем на море и на реках ездят в лодках кожаных».⁹⁵

Описанный выше вид вооружения чукчей просуществовал у них до конца XVIII в. Однако кое-какие изменения наметились уже тогда. Несмотря на строгие запреты продажи чукчам металлических изделий и в первую очередь оружия, оно все же проникало к ним.

В 1778 г., будучи около мыса Шмидта, Д. Кук отметил, что «стрелы их вооружены костями или камнями, а копья железные или стальные европейской работы, висели на кожаном ремне через правое плечо».⁹⁶

В качестве средства охоты чукчи применяли иногда и арканы. Когда окружали на суше стадо диких оленей, то чукчи, пользуясь своими длинными арканами, ловили их. Известны случаи, когда чукчи прибегали к арканам как к оружию.⁹⁷

В зависимости от обстановки они пользовались то луком и стрелами, то копьями, то пращами. Применение того или иного оружия зависело от решения тактических задач в данный момент.

Тетиву лука чукчи натягивали при помощи специальных пластинок. «Для облегчения натяжения тетивы лука, — замечает К. Мерк, — они, подобно американцам (коренное население Тихоокеанского побережья Америки, — И. В.), носят посредине предплечья на левой и на правой руке по костяной пластинке (энванул), так как им безразлично, стрелять или правой рукой или левой».⁹⁸ Описывая вооружение чукчей в первой четверти XIX в., капитан Шишмарев писал, что они имеют «луки, обвязанные жилами, со стрелами тоже деревянными, с костяными или каменными

⁹³ Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. II, М., 1831, стр. 99.

⁹⁴ Г. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных. Сочинения и переводы..., ч. I. СПб., 1758, стр. 199.

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 149.

⁹⁶ Д. Кук. Путешествие в Северный Тихий океан... на судах «Резолюции» и «Дискавери» в продолжение 1776—1780 гг., ч. II. СПб., 1810, стр. 188.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, лл. 3, 14.

⁹⁸ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 28.

оконечностями и перьями у лучка; тетивы натягивают особыми пластинками костяными и железными; колчаны очень красивые, сшитые из оленьей кожи, раскрашенные и вышитые». ⁹⁹ Обязательным оружием каждого воина и охотника были ножи. При всей ограниченности проникновения к чукчам металлических изделий к началу XIX столетия все они имели набор охотничьих и боевых ножей. Известно, что с середины XVIII столетия в Иркутске было налажено производство наконечников копий и ножей специально для продажи коренному населению Восточной Сибири. Через юкагиров, коряков, эвенков, да и через русских торговцев чукчи получали эти изделия. «Главнейшее их оружие, — отмечал Шишмарев, — большой, в аршин длиною, нож, всегда носимый при себе и сохраняемый в чехле, нередко тоже вышитом; у некоторых еще по одному или по два меньших ножа, обыкновенно спрятанных в кармане или за рукавом». ¹⁰⁰

Лейтенант Коцебу, посетивший чукчей на побережье Берингова пролива несколько ранее Шишмарева (1818 г.), писал: «Оружие их состоит из луков, стрел, ножей и копий, сии же последние суть сплошь железные с медными украшениями. Они имеют ножи трех родов: первый, длиною в аршин, носят они в ножнах на левом боку; другой, немного короче, прячут они под одеждою на спине, так что рукоятка видна на один дюйм выше левого плеча; третьего рода ножи, длиною в полфута, засовывают в рукав, и употребляют только для работы». ¹⁰¹

В конце XVIII столетия военные столкновения чукчей со своими соседями — коряками, юкагирами и эскимосами прекратились совершенно. С этого времени вооружение уже не развивается. Предметы вооружения — панцири, луки, копья, боевые стрелы — становятся предметами реликтового характера, которые сохранялись, а местами сохраняются и по настоящее время. Некоторые предметы вооружения сохранили за собой функцию орудий охоты: копья, луки и стрелы. И в XIX в., в особенности в первой половине, когда еще не было окончательно изжито недоверие к соседям, чукчи возили с собой оружие и хранили его, однако пользоваться им с прежним умением не могли, да в этом и не было необходимости.

Средства передвижения

Основным средством передвижения чукчей по суше были олени. Как уже отмечалось выше, чукчи запрягали оленей в нарты. При этом они использовали несколько видов нарт. Нарты для

⁹⁹ Сведения о чукчах капитана Шишмарева. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», СПб., 1852, стр. 183.

¹⁰⁰ Там же, стр. 183.

¹⁰¹ Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив..., предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 гг. на корабле «Рюрик» под начальством флота лейтенанта Коцебу, ч. 1. СПб., 1821, стр. 146.

легковой езды (*гакан'оргоор*); в которые впрягалась пара оленей, нарты для перевозки груза (*оргоор*), нарты для перевозки посуды (*кукиинэн'* — буквально «котлогрузовые»), кибитка, крытая оленьими шкурами для перевозки детей (*кааран*), нарты для перевозки жердей остова яранги, (*рэлкиинэн'*). Чукчи использовали оленей в упряжи лишь по санному пути. «Легкие свои санки, — писал К. Мерк, — они изящно вырезают из березового дерева, весной разбирают их на куски, а к зиме снова собирают, причем к зиме всегда выскабливают их добела и обивают полозья китовым усом. Грузовые нарты тяжелы и за отсутствием леса обычно покрыты заплатами. Соединительные дуги полозьев делаются обычно из рогов диких оленей, сами полозья выдерживаются во влажном мхе, а затем обвязываются китовым усом и медленно распариваются на огне, или же между нагретыми камнями — если, конечно, не удастся сразу подобрать в лесу кусков, надлежащим образом изогнутых. Для связывания частей грузовых нарт они пользуются китовым усом, а езовые сани связывают по большей части замшей... От дождя и снега нарты укрываются моржовыми шкурами. Кроме того, женщины имеют особые крытые нарты, по большей части из березового дерева, очень кропотливой отделки, которые покрыты пологом из низкошерстного белого или пестрого меха, сшитого в виде крыши и натянутого на круглые стойки или узкие досочки. По краям эта крышка обычно обшита полосой ручной вышивки и обвешана бахромой из замшевых ремешков. Кроме того, для украшения они на задке нарт также укрепляют круглый большой кусок вышитого меха, к которому посредине подвешивается несколько длинных кисточек из красных шерстинок молодых тюленей. В таких нартах перевозят роженицу, маленьких детей... В них едут также жены, сопровождая мужей при поездках в гости. В такие нарты, а также в легкие езовые, впрягают по два оленя, в грузовые нарты лишь по одному».¹⁰²

По-видимому, никаких принципиальных изменений оленья упряжь чукчей с XVIII в. и по наше время не претерпела.

Для передвижения по снегу и льду чукчи пользовались ступательными лыжами (*вэлвыегыт* — буквально «вороньи лапы»),¹⁰³ которые также сохраняются до настоящего времени. При ходьбе по неровной поверхности к ним привязывались шипы, сделанные из рога оленя, бивня мамонта или моржового клыка.

Из средств передвижения по воде чукчи пользовались одноступательными байдарками и многоступательными большими байдарками, поднимавшими до 20 человек и более.

«А лотки у них кожаные, — сообщал в 1660 г. анадырский приказчик Курбат Иванов, — а поднимают человек по 20 и по 30».¹⁰⁴

¹⁰² Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 30—31.

¹⁰³ А. П. Окладников. К истории этнографического изучения Якутии. Сборник материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948, стр. 34.

¹⁰⁴ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 269.

«Лодки их обтянуты моржовой кожей, — писал К. Мерк, — остов закрепляется поверху двумя шестами, образующими острый выдающийся вперед нос, а сзади концы шестов выдаются за тупую корму. В лодке четыре скамьи для гребцов: на передней сидит один, на прочих по 2—3 гребца, и 1 на руле. Гребут короткими однолопастными веслами. При дальних плаваниях в середине байдары, немного ближе к носу, укрепляют два поперечных шеста с надутыми тюленьими шкурами в виде поплавок. Этим они предупреждают опрокидывание байдары волной и уменьшают опасность плавания. В открытое море они не осмеливаются плыть без таких пузырей. Кроме того, полавки удобны при втаскивании убитых животных и при разделке туш (в воде). Тогда оба пузыря подвязываются к одному борту для сохранения равновесия судна. Замшевый парус лодок называется у них *etem-tleun*, а весла — *teveno*».¹⁰⁵

По-видимому, размеры байдар были разными, что зависело от количества людей, объединявшихся для совместного промысла. Наглядное представление о количестве охотников, вмещавшихся в байдару, дают изображения охоты, скопированные Л. Ворониным в конце XVIII в. с росписи на балках и перекладинах землянок, сделанных из китовых костей.¹⁰⁶

Оленные чукчи в случае необходимости строили плоты (тым-тым, от тунгусского тым). Есть указания в фольклоре, что при переправах через большие реки они сплавивали нарты, обтягивали их покрывшей шатра. Получалась своеобразная ладья, на которой перевозили имущество и переезжали сами.

Известны случаи, когда оленные чукчи пользовались байдарками морских зверобоев. В свою очередь оседлые чукчи, когда возникала необходимость дальних переездов, пользовались оленями, которых им давали кочевые чукчи. Такие случаи были зарегистрированы в XVIII столетии. «Оленные чукчи к сидячим чукчам на оленях приезжают и в зимние походы на коряк поднимают тех сидячих на своих оленях, а, напротив того, сидячие чукчи оленных носовых и в дальних от моря местах в тундренных живущих летом возят их на своих байдарках по морю и по реке и дают им во взаимное дружество свои байдары, а от них оленных вместо байдар своих берут на платье себе разного звания кожи оленей».¹⁰⁷ Судя по содержанию цитированного документа, между оленными и оседлыми чукчами в XVIII столетии существовали определенные отношения в части взаимопомощи средствами передвижения. Летом 1756 г. начальник Анадырского острога прибыл на урочище Чекаево, куда к тому же времени должны были прийти и чукчи. Однако не найдя их в условленном месте, он на-

¹⁰⁵ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 37—38.

¹⁰⁶ С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954, стр. 421.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 539, тетр. 13, л. 26.

правился вниз по Анадырю, на устье встретил более 20 яранг оленных чукчей, в разговоре с которыми выяснилось, что они не пришли в условленный срок к Чекаеву, «понеже у них еще тогда сидячие на байдарах не бывали и следовать не на чем».¹⁰⁸

Начало использования собак в качестве средства передвижения чукчами относится, по-видимому, к недавнему времени. Ни в одном известном нам документе XVII в. нет указаний на использование в упряжи собак чукчами. Не обнаружено также остатков упряжи собак ранее XVII в. и при археологических раскопках на Чукотке. Интересно, что и в фольклоре чукчей нет почти никаких упоминаний о езде на собаках. Весьма показательно также и то, что вся терминология, связанная с упряжью собак и ездой на собаках, идет от упряжи и езды на оленях. Следовательно, использование собак как средства передвижения возникло позднее использования в упряжи оленя. Такое положение вполне закономерно и отвечает общему пути развития хозяйственных форм чукчей.

Будучи тундренными охотниками на дикого оленя, они не нуждались в таком средстве передвижения, как собаки, их вполне удовлетворяли олени, которые во все сезоны года находили подножный корм. Однако по мере того как отдельные группы чукчей начинали осваивать культуру морского зверобойного промысла, а вместе с ней и переходить к оседлости, они постепенно утрачивали ездовых оленей. При оседлом образе жизни на побережье океана содержать и использовать в целях морской охоты оленей было весьма сложно. Вместе с тем по мере того как чукчи совершенствовались в морском зверобойном промысле, они могли делать большие запасы продуктов морского зверобойного промысла, что создавало условия для содержания ездовых собак. Несомненно, использование собак чукчами в качестве средства передвижения создавалось постепенно. Даже тогда, когда они переходили к оседлости, на первых порах продолжали еще пользоваться оленями. Интересно одно из ранних упоминаний о езде на собаках чукчей. Б. Кузнецкий, показания о чукчах которого уже цитировались выше, сообщал: «Называемые сидячие около моря чукчи, т. е. кои оленей не имеют, ездят на собаках».¹⁰⁹ Очевидно, во время пребывания Б. Кузнецкого у чукчей (1754—1756 гг.) были еще такие «сидячие» чукчи, которые не имели ездовых собак, а пользовались оленями. Не случайно Б. Кузнецкий подчеркивает: «кои оленей не имеют».

Сам по себе переход к оседлости был процессом медленным, постепенным. Не сразу можно было отказаться от бродячего образа жизни. Все это определялось традициями, многовековыми привычками, возможностями при имеющихся орудиях обеспечить себя нужными продуктами. Кроме того, содержание большого ко-

¹⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. Сената. Секретная экспедиция, д. 1558, л. 32.

¹⁰⁹ Сб. архивных материалов, стр. 82.

личества ездовых собак составляло известные трудности. Для них нужно было заготавливать большое количество корма (мяса, жира морских животных), что в условиях того времени было трудно, а порой и невозможно. Итак, использование собачьей упряжки чукчами должно быть отнесено ко времени их окончательного перехода к оседлости и освоения ими морского зверобойного промысла в такой мере, когда результаты промысла были достаточны не только для пропитания людей, но прокормления большого количества собак.

Займствуя от эскимосов культуру морского зверобойного промысла, чукчи позаимствовали также использование собак в упряжи по эскимосскому образцу. В это заимствование от эскимосов чукчи внесли и свое; в частности, они запрягали собак в нарты оленьего типа. Сохранилась интересная зарисовка поселка береговых чукчей, сделанная участниками экспедиции Д. Кука в 1789 г. На рисунке изображена яранга береговых чукчей, около нее — нарта оленьего типа и собаки.¹¹⁰ К тому же времени (конец XVIII в.) относится следующее замечание И. Биллингса: «Сидячие чукчи ездят на собаках, запрягая их от 4 до 6 рядом и управляя плетью».¹¹¹ Более подробное описание езды на собаках чукчей составил К. Мерк. «Зимой оседлые чукчи ездят на собаках, — писал он. — Нарты их длиной 5½ футов, высотой 8—10 дюймов, а шириной 1 фут 4 дюйма или немного больше. Полозья узкие и обиты китовым усом, на них поставлено 7—8 дужек из оленьих рогов, к ним полосками китового уса привязаны два четырехдюймовых прочных шеста, а на них уложено таким же образом нечто вроде лестницы, длинная четырехугольная рама с 7 или 8 поперечинами, к которой спереди обеих сторон привязано по тонкому шесту, соединенному с передком нарт. В задней части нарт делается, примерно как у оленных чукчей, сиденье для женщин. В отдельные, привязанные к передку нарт ремни они впрягают от 3 до 7 собак в один поперечный ряд».¹¹²

Приводимые К. Мерком подробности, относящиеся к описанию нарты, в которую чукчи запрягали собак, не оставляют сомнений в том, что конструктивно и по внешнему облику эта нарта мало чем отличалась от оленьей легкой. Этот же тип упряжки описывается и в самом начале XIX в. «Сидячие чукчи за неимением оленей держат собак... Собак впрягают не так, как прочие народы, гужом, а в ряд по шести, чтобы можно достать их плетью».¹¹³

¹¹⁰ Ф. Ратцель. Народоведение, т. I. Изд. 4. СПб., 1895, стр. 588.

¹¹¹ Г. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога в 1791 г. СПб., 1811, стр. 125.

¹¹² Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 38—39.

¹¹³ ЛОИИ АН СССР, Рукописное собрание, № 367 (Географическо-статистическое описание Иркутской губернии. Сочинил коллежский советник Лосев в 1819 году), стр. 143 об.

Веерный тип упряжи собак у чукчей сохранялся и в первой половине XIX в., о чем писали Ф. Врангель¹¹⁴ и Кибер.¹¹⁵ Другое замечание Кибера подтверждает некоторую преемственность собачьей упряжи от оленьей. «Упряжка собак у сидячих чукчей походит на упряжку оленей, но только нарты их не столь удобны для дальних поездок, как употребляемые живущими здесь русскими».¹¹⁶

О таком же веерном способе упряжи собак сообщает неизвестный автор в 1835 г.: «Летом употребляют собак для бечевания байдар, а зимой ездят на них в санках, запрягая по четыре в ряд».¹¹⁷

Помимо обычного использования собак в зимнее время, чукчи использовали собак для ведения байдар на бечеве вдоль берега моря. На этот вид применения собак указывают многие авторы.

Таким образом, у чукчей в XVIII и первой половине XIX в. был распространен эскимосский тип упряжи собак веером. Лишь позднее они заимствовали от русских и тип нарты и способ упряжки — цугом. По-видимому, этот способ упряжки собак начал распространяться среди чукчей с середины XIX в.¹¹⁸

Жилище и домашняя утварь

У чукчей было два типа жилищ — переносное и постоянное. «Сидячие», или оседлые, чукчи имели два рода жилищ — одно для зимнего периода, другое для летнего. В зимний период они пользовались полуземлянками, тип и конструкция которых были позаимствованы ими от эскимосов. Судя по описаниям, дошедшим от XVIII в., это были полуземлянки, построенные из челюстей и ребер кита, дерева и дерна. Эти жилища вмещали по несколько десятков человек.

В самой общей форме («юрты, выкопанные в земле») упоминания о жилищах встречаются во многих документах XVII—XVIII вв. Составить конкретное представление по этим лаконичным замечаниям невозможно. Подробные, хотя и не очень отчетливые описания жилищ оседлых чукчей относятся к концу XVIII столетия. Так, в описании путешествия Д. Кука говорится: «Жилища их двух родов, зимние и летние, кругловаты несколько, в землю впадшие и сведенные сводом, который искусно составлен из деревьев и китовых ребров и плотно покрыт дерном, так что все имеют вид небольших бугров; вместо дверей служит дыра

¹¹⁴ Ф. П. Врангель, ук. соч., стр. 313.

¹¹⁵ Кибер. Извлечения из дневных записок содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотистых пустынях Северо-Восточной Сибири. «Сибирский вестник», СПб., 1824, ч. I, стр. 125.

¹¹⁶ Там же, стр. 126.

¹¹⁷ Замечания о чукчах. ЖМВД, ч. XVI, СПб., 1835, стр. 359.

¹¹⁸ Ср.: А. Аргентов. Описание Николаевского Чаунского прихода, стр. 97.

в вершине свода, пол вымощен досками. Подле каждого такого дома сделан небольшой, чистой для поклажи анбар, на верху коего для стерегущего сделана бутка из больших костей морских зверей. Осмотренное нами жилище длиною было в двадцать, высотой около двенадцати футов».¹¹⁹

Более подробные сведения об устройстве полуземлянок оседлых чукчей сообщает К. Мерк: «Принятые у оседлых чукчей зимние жилища называются у них *ktaigit*, у оленных же чукчей *chleirat*. Это землянки, они устраиваются всегда на возвышенном месте или на холме, по несколько штук рядом, а вблизи на тех же местах стоят их летние яранги.

«Зимних юрт всегда приходится одна на несколько летних яранг, так как в одной юрте собираются все родичи. Снаружи юрты покрыты дерном, закруглены и возвышаются над уровнем почвы на несколько футов. Сбоку расположено четырехугольное отверстие, через которое можно спуститься внутрь юрты.

«Вокруг входа поставлены стоймя по всей окружности землянок, кроме только места для прохода, китовые челюсти ... высотой до 7 футов. Сверху они прикрыты китовыми ребрами, а поверх того — дерном. Через упомянутый вход попадаешь сперва в сени или коридор, длиной во всю землянку, высотой около 6 футов, шириной около сажени или больше и немного углубленный по сравнению с уровнем пола землянки. Сама юрта имеет всегда четырехугольную форму, ширина и длина ее составляют 10—14 футов, а высота 8 футов и больше. Ближе к стенам высота помещения вследствие изгиба потолка уменьшается. Землянка углублена в землю на 5 футов, а сверх того на три фута высоты уложена земляная стенка, поверх китовые челюсти, установленные по всем сторонам четырехугольной юрты. На высоте трех футов от уровня пола по четырем углам юрты прикреплено поперек по одному ребру, которые по середине своего изгиба покоятся на подпорках, а на них вдоль всех четырех стен уложены доски. Они и представляют собой нары, на которых спят и сидят чукчи. Пол также покрыт досками, а под нарами взамен настила положены моржовые шкуры. Близ входа в потолке имеется решетчатое отверстие, затянутое пузырем китовой печени... Около окна имеется в потолке еще одно небольшое отверстие в виде вделанного в крышу позвонка, оно предназначено для выпуска наружу дыма от ламп, расположенных по всем четырем углам юрт. Сени освещаются таким же окном, вделанным в потолок близ самой юрты. В другом конце сеней расположены входы в две-три кладовые, иногда у двух юрт имеется лишь один общий наружный ход с сеними».¹²⁰

¹¹⁹ Д. К у к, ук. соч., стр. 188.

¹²⁰ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 15—17.

Это описание дополняется интересными рисунками художника экспедиции Л. Воронина, изобразившего внешний и внутренний вид землянки.¹²¹

Описание Г. Сарычева, составленное тогда же, дает ряд других существенных подробностей к характеристике зимних жилищ оседлых чукчей. «Землянки служат сидячим чукчам жилищем в зимнее время. Они походят на алеутские юрты, углублены до половины в землю; свод над ними сделан из китовых ребер и жердей, покрыт травой, дерном и засыпан землею. Вход в землянку сверху сквозь малое отверстие; внутри ее довольно просто; вид имеет продолговатого четвероугольника; по сторонам сделаны небольшие возвышения, на которых под пологам живут семьями чукчи».¹²²

Описания жилищ оседлых чукчей К. Мерка и Г. Сарычева подтверждаются и другими источниками, относящимися к тому же времени. В описании Ланганса сообщается: «Юрты они имеют летом из моржовых кож, а зимою выкопанные в земле, обставленные вокруг китовыми костями и осыпанные землею. На Чукотском носу обставляют они их досками из наносного елового леса и также осыпают землею. Те юрты их гораздо более коряжких... В одной юрте живут много семейств, из коих каждая отделяется только своим особливим пологом, сделанным из оленьих кож. У них днем и ночью горит огонь в плоских, налитых жиром разных морских зверей и имеющих вместо светильни мох».¹²³ При сопоставлении этих описаний с материалами археологических раскопок С. И. Руденко обнаруживается поразительное сходство планов землянок пунукского времени (VII—XVII в. н. э.) с описанными. С. И. Руденко, касаясь плана землянок, отмечает наличие кладовых, расположенных около коридора, иногда один общий вход для двух землянок. Совпадает также и материал, из которого строились землянки в пунукское время и в XVIII в.¹²⁴ Очевидно, тип землянки пунукского времени бытовал у прибрежного населения Чукотки вплоть до конца XVIII столетия. С. И. Руденко считает, что жилища образца пунукского периода бытовали еще 40—50 лет тому назад, т. е. в конце XIX—начале XX в.

В народной памяти современного населения Чукотки сохранились представления о том, что раньше было два типа полуземлянок *валк'аран* — 'жилище из челюстей' и *к'легран* — 'мужское жилище'. Как ни заманчиво сопоставить *к'легран* с кашимами, однако ни в фольклоре, ни в других источниках мы не находим подтверждений этому. *К'легран* местное население, несмотря на такое,

¹²¹ В. А. Самойлов. Семен Дежнев и его время. М., 1945, стр. 96—97.

¹²² Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, стр. 237.

¹²³ ЦГИАЛ, ф. 1264, Первый сибирский комитет, оп. 54, д. 2, л. 79.

¹²⁴ С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, стр. 69 и 108.

казалось бы, специальное название — «мужской дом», считает просто зимним коллективным жилищем, в котором селилось несколько семей ближайших родственников. *Валк'аран* тоже зимнее жилище, но для одной семьи. По свидетельству стариков, в *валк'аран* жили сироты, или посторонние, которых могла поселить около себя такая большая семья. В *валк'аран*, по-видимому, селили и пленных.

В этих сведениях о зимних жилищах прибрежных чукчей подчеркивается использование их коллективом близких родственников, составляющих несколько семей. Однако летние жилища тех же оседлых чукчей отличались от зимних не только конструктивно и материалом, из которого они строились, но также тем, что обитателями такого жилища в XVIII в. обычно были члены одной семьи в узком значении этого слова. Вблизи зимних юрт «стоят их летние яранги». «Зимних юрт всегда приходится одна на несколько летних яранг», — замечает К. Мерк.¹²⁵ В другом месте он отметил в с. Мечигмен «6 больших летних яранг, 5 малых и 2 зимних юрты».¹²⁶ Такое соотношение количества зимних и летних жилищ было характерно для всех оседлых поселений чукчей. Г. Сарычев отметил, что с. «Янданай (Янран'ай, — И. В.) имеет две землянки и шестнадцать летних шалашей; ... Лугренъ (Льурэн, — И. В.) состоит из четырех землянок и семнадцати шалашей».¹²⁷ «Селение Мечигмы ... имело двенадцать шалашей и три земляные юрты».¹²⁸ В селениях чукчей на побережье Ледовитого океана также были летние яранги и полуземлянки. Около Колючинской губы И. Биллингс отметил: «На низменном берегу есть шалаша сидячих чукчей, где они в летнее время живут для промысла рыбы и морских зверей, а к зиме переходят в свои землянки на остров Колючин».¹²⁹

Летним жилищем для оседлых чукчей служила наземная яранга. «Летнее жилище сидячих чукчей, — писал Г. Сарычев, — есть не что иное, как шалаша, поставленные сверх земли; сделаны из китовых ребр и жердей и покрыты кожами морских зверей. К зиме шалаша сии разбирают и переходят жить в землянки».¹³⁰ Почти то же писал и К. Мерк.¹³¹

Яранги прибрежных чукчей по внешнему виду и внутреннему устройству напоминали яранги оленных чукчей. Этот тип жилища они унаследовали от прошлого. Сохраняя конструктивную основу яранги оленеводов, летнее жилище оседлых чукчей имело и некоторые отличия. Оно не имело дымового отверстия наверху. Там,

¹²⁵ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 14.

¹²⁶ Там же, стр. 88.

¹²⁷ Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, стр. 237.

¹²⁸ Там же, стр. 242.

¹²⁹ Там же, стр. 249.

¹³⁰ Там же, стр. 237.

¹³¹ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 14.

где не было леса, чукчи не устраивали даже очага. Пищу готовили на жировых лампах или на специально устроенных «кухнях» около яранги, где жгли кости морских животных, обливая их жиром. При этих условиях надобность в дымовом отверстии отпадала. Подробное описание летнего жилища чукчей дает А. П. Лазарев: «Зимних юрт мы у чукчей не видели; летние же делаются книзу довольно круглыми, в диаметре от 2½ до 4 сажень, а кверху выпуклыми, отчего издали походят на стог сена. . . Нам сказывали, что чукчи живут и зимой в сих юртах, чему мы сначала не верили, но нас уверяли, что зимой в них не холодно».¹³²

Последнее замечание А. П. Лазарева, что чукчи живут в ярангах и зимой, заслуживает особого внимания. По-видимому, в начале XIX в. кое-где на побережье Берингова пролива и в других местах чукчи начали переходить жить из землянок в яранги. К этому были достаточные основания экономического и общественного порядка. Ф. П. Врангель, проехавший на собаках от мыса Шелагского до Колючинской губы, видел лишь развалины старых землянок, но нигде не говорил о том, что чукчи живут в них. «Судя по остаткам, — писал он, — хижины сии были несколько углублены в землю и покрывались китовыми ребрами и землею».¹³³ Касаясь жилищ оседлых чукчей, Ф. П. Врангель отметил: «Оседлые чукчи живут малыми селениями. Хижины их делаются на шестах и китовых ребрах, обтягиваемых сверху оленьими кожами».¹³⁴

Во время экспедиции Д. Кука на мыс Северный (ныне Шмидта) все еще существовали зимние и летние жилища. В отличие от зимних юрт-землянок «летние обширнее и круглее, составлены из кольев и костей, кожами покрытых, разделены на разные части висящими кожами».¹³⁵

Итак, у оседлых чукчей было два рода жилищ: полуземлянки, в которых они жили зимой, и яранги, в которых они жили в летний период.

Оседлые чукчи в XVII—XVIII вв. пускались в дальние охотничьи экспедиции на рр. Колыму, Амгуему, Анадырь и др. При этом они отправлялись вместе с семьями. На этот период жильем им служили яранги. Однако во время остановок в пути и при необходимости укрыться от непогоды чукчи вытаскивали на берег байдары, опрокидывали их вверх дном и располагались под их укрытием.

Укрепление хозяйства приморских чукчей, развитие обмена, частной собственности, постепенный распад патриархальной семьи — все это привело к замене в середине XIX столетия общинного жилища жилищем, предназначенным для одной семьи.

¹³² А. П. Лазарев, ук. соч., стр. 302.

¹³³ Ф. П. Врангель, ук. соч., стр. 311.

¹³⁴ Там же, стр. 312.

¹³⁵ Д. Кук, ук. соч., стр. 188.

В XIX в. исчезают полуподземные жилища *валк'аран* и *к'легран* у оседлых чукчей и сибирских эскимосов. Вместо них те и другие начинают пользоваться и в зимнее время ярангами со спальными пологами из шкур оленя.

Оленные чукчи и зимой и летом жили в ярангах. Отличие их заключалось лишь в качестве шкур, из которых была сделана покрывка и полог. Для летней покрывки остова яранги применялись стриженные, уже поношенные шкуры, то же для полога.

Имеющиеся описания яранг XVIII в. свидетельствуют о том, что с развитием производства и изменением общественных отношений у чукчей претерпела изменения и яранга, прежде всего ее размеры. Наиболее подробным описанием ее мы обязаны участникам экспедиции И. Биллингса. Вот как описана яранга оленных чукчей К. Мерком.

«В жилищах — ярангах — объединяются в летнее время, а также зимой, при длительных стоянках на одном месте, все связанные хотя бы дальним родством. Такие яранги вмещают по несколько пологов из оленьих шкур и имеют поэтому значительные размеры. . . Просторная яранга, вмещающая 6 оленьих пологов, имеет в окружности 20 сажен; длина поперек, от двери до двери, составляет 5 сажен, ширина 4 сажени. Высота в середине равняется 9 футам».¹³⁶

Яранга оленных чукчей, как это следует из описания К. Мерка, представляла собой коллективное жилище близких родственников. По-видимому, каждая семья имела свой полог. К. Мерк указывает на наличие 6 пологов в одной яранге и двух входов в нее, расположенных один напротив другого. Такой тип яранги описан впервые. Каркас такой яранги составляли две треноги, на которые опирались все остальные части конструкции. Покрывка состояла из отдельных частей, каждая из которых могла превратиться в покрывку для маленькой яранги. Видимо, когда отдельные семьи обособливались, хотя и временно, например на летний период, они ставили свою ярангу, которая по сравнению с общинной была маленькой.

Описанный Мерком тип общинной яранги оленных чукчей бытовал еще кое-где в первой четверти XIX в. Как указывал Кибер, «многие семейства живут вместе в юртах, которые обыкновенно бывают весьма обширны. Юрты сии вмещают в себе другой род небольших юрт, четвероугольных, называемых пологом, и которых находится столько, сколь велико число семейств».¹³⁷

Интересна еще одна подробность устройства части яранги, отмеченная К. Мерком: двойной полог — мехом наружу и мехом внутрь. Такой тип пологов не сохранился в более позднее время.

¹³⁶ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 5—14.

¹³⁷ Перевод с рукописного сочинения доктора Нижне-Колымского отряда Северной экспедиции Кибера от 1823 года. «Сибирский вестник», СПб., 1824, ч. II, стр. 101.

В XVIII в. чукчи при дальних поездках, особенно во время походов в корякскую землю, брали с собой лишь полога. В каждом из них помещалось, как отмечали очевидцы, до 10 человек воинов.

К 40—50-м годам XIX в. под влиянием дальнейшего развития частной собственности шел распад большой патриархальной семьи на отдельные семьи. Отдельная семья становилась основной хозяйственной единицей чукотского общества, произошло, по-видимому, полное ее обособление. В этой связи коллективное жилище утратило свое значение, и поэтому большие общинные яранги у чукчей-оленьеводов вышли из употребления. Они заменились маленькими, рассчитанными на одну семью.

В 1844 г. А. Аргентов был у чаунских чукчей-оленьеводов. Описывая их жилище, он отметил, что «полог имел $2\frac{1}{2}$ аршина от пола до потолка, $2\frac{3}{4}$ аршина от порога до переда, $4\frac{1}{2}$ аршина между боковыми стенами... Шатер походил снаружи своею формою на стог сена, несколько наклонного в одну сторону, и имел $6\frac{1}{2}$ аршин вышины от основания и в окружности 22 аршина».¹³⁸ Это было жилище зажиточного оленевода.

Домашняя утварь чукчей отличалась простотой и немногочисленностью предметов. Светильник, выдолбленный из песчаника или сделанный из глины, давал тепло и свет. Необходимые для варки пищи котлы изготовлялись из глины с примесью песка. Как рассказывается в чукотских преданиях, глина и песок замешивались на крови добытых животных, для большей вязкости в эту смесь добавлялась собачья шерсть. Чукчи, как показывал в 1756 г. казак Кузнецкий, «имеют в пологах ... жирники, выдолбленные из камня и сделанные из глины наподобие плошки. А за неимением во всей той земле упоминаемого лесу едят мясо олене, рыбу, нерпу и протчих морских зверей, каких упромыслить могут, сырое и мерзлое и всякое из земли мягкое коренье, а хотя со временем варят себе еду в сделанных из глины горшках..., но и то очень редко».¹³⁹

И в конце XVIII в. чукчи еще пользовались глиняной посудой, которую они, как говорит К. Мерк, покупали у аляскинских эскимосов. «Они собирают молодые листья ивняка, — писал он, — варят в глиняном горшке (ääkukäneng). Эти горшки, а также деревянную посуду получают они из Америки».¹⁴⁰

Вряд ли справедливо это утверждение Мерка применительно ко всем чукчам. Скорее всего глиняной и деревянной посудой изготовления аляскинских эскимосов пользовались чукчи, обитавшие на побережье Берингова пролива.

¹³⁸ А. Аргентов. Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности, стр. 36.

¹³⁹ Сб. архивных материалов, стр. 181—182.

¹⁴⁰ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 50.

Капитан Шишмарев, посетивший залив Лаврентия в 1821 г., писал: «В каждой юрте видели котлы: медные, железные, чугунные и глиняные».¹⁴¹

Известно, что наиболее активные связи с аляскинскими эскимосами поддерживали жители азиатского побережья пролива, т. е. оседлые чукчи и эскимосы. «Чукчи от своих жилищ на ту Большую Землю (Аляску, — И. В.), — сообщал Я. Линденау в 1742 г., — ходят байдарками. Из этой земли привозят посуду деревянную».¹⁴² Недостаток дерева на Чукотке вынуждал чукчей приобретать не только деревянную посуду, но материал для нарт, для частей жилища, луки и т. п. у аляскинских эскимосов, а также юкагиров и коряков Прианадырья.

Необходимо все же заметить, что чукчи уже на первых порах знакомства с русскими весьма высоко оценили преимущества металлических котлов перед глиняными. И поэтому при всяком удобном случае они обзаводились ими. При нападениях на коряков и юкагиров они забирали не только металлические орудия, но также всю медную и железную посуду.

Как сообщал Я. Линденау, «чукчи, переехав Большую речку, ездят на юкагирскую ярмонку, и даже доселе они чукчи с юкагирами мену имели. Выменивали себе от них на лисицы и на протчия гарно копыя, ножи, пальмы и котлы».¹⁴³

В XVII и отчасти в XVIII в. огонь чукчи добывали трением с помощью специального лучкового снаряда. Такой же снаряд, снабженный каменным острием или сколом кости, служил сверлом. Как писал доктор Кибер, «чукчи прежде довольствовались каменными топорами, таковые и теперь еще находятся у бедных, острый кремь служил им ножом, рыбная кость иглою».¹⁴⁴

По мере упорядочения отношений с чукчами, особенно после установления регулярных торговых связей, деревянный снаряд для добывания огня был повсеместно заменен стальным огнивом. Вместо трута чукчи использовали сухие листья ивы. С этого времени деревянное огниво вошло в домашние святыни, им пользовались для добывания огня лишь в случаях, когда требовался огонь для жертвоприношений и т. п. Серу, нужную для вздутия огня, чукчи добывали сами.

* * *

Из описания основных разделов материального производства чукчей в XVII—XVIII и первой половине XIX в. видно, что их хозяйство в этот период в основном сохраняло черты натурального.

¹⁴¹ Сведения о чукчах капитана Шишмарева. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», СПб., 1852, стр. 181.

¹⁴² ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 12.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Перевод с рукописного сочинения доктора Нижне-Колымского отряда Северной экспедиции Кибера от 1823 года, стр. 121.

Однако в результате развития внутренних процессов чукотского общества, а также влияния, которое оказали русские, в материальном производстве чукчей произошли важные изменения, приведшие к возникновению новых общественных отношений. Едва ли не самым важным в изучаемый период явилось форсированное завершение общественного разделения труда. Из хозяйственного комплекса (сухопутная охота, морской зверобойный промысел и оленеводство) выделились и обособились к концу XVIII столетия морской зверобойный промысел, с одной стороны, и пастушеское оленеводство — с другой. Значение сухопутной охоты на протяжении XVIII в. падало. В первую половину XIX в. она окончательно утратила ведущее значение в хозяйственных занятиях оседлых и кочевых чукчей. Лишь одна отрасль сухопутной охоты — добыча пушнины получила развитие среди обеих групп. Чукчи стали систематически заниматься пушной охотой, так как пушнина находила постоянный спрос у русских торговцев. За пушнину чукчи получали весьма нужные им металлические орудия и другие предметы бытового обихода.

Обособление оленеводства и морского зверобойного промысла, специализация этих отраслей хозяйственных занятий чукчей породили регулярный внутриплеменной обмен продуктов оленеводства на продукты морского зверобойного промысла. Все это создавало благоприятные условия для дальнейшего развития частной собственности.

Весьма выразительно изобразил взаимоотношения, экономическую связь двух отраслей хозяйства чукчей Г. Сарычев. «Море доставляет им пищу в изобилии, — писал он об оседлых чукчах, — они заготавливают не только для себя, но и для оленных чукоч рыбу и из морских зверей жир; шьют также кишечные камлеи и летнюю обувь; напротив того, в замену получают от сих последних на платье и на зимнюю обувь оленьи и другие привозимые из Гижиги кожи, также табак и другие российские товары».¹⁴⁵

С еще большей определенностью по этому поводу писал Ф. П. Врангель: «Чукчи разделяются ныне на два отдела: на оседлых, или береговых, и на оленных, или кочевых. Оба племени живут в хорошем согласии и взаимно снабжают одно другое жизненными потребностями. Береговые чукчи доставляют кочующим китовые ребра и китовое мясо, моржовые ремни, жир, а взамен получают оленьи кожи и готовые платья».¹⁴⁶

Почти то же отметил Кибер.¹⁴⁷

Излишки производства продуктов оленеводства и морского зверобойного промысла на протяжении XVIII—XIX вв. посте-

¹⁴⁵ Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, стр. 185.

¹⁴⁶ Ф. П. Врангель, ук. соч., стр. 312.

¹⁴⁷ Перевод с рукописного сочинения доктора Нижне-Колымского отряда Северной экспедиции Кибера от 1823 года, стр. 108.

пенно включались в сферу товарного обращения через торговые пункты на Анюе, Гижиге и Анадыре. Наибольшим спросом у русских торговцев пользовались пушнина, моржовые клыки, оленье сырье, изделия из оленьего меха. Русское население названных мест для нужд личного хозяйства выменивало у чукчей шкуры морских животных, всевозможные ремни, одежду и обувь и т. п.

Так или иначе все отрасли хозяйства чукчей постепенно втягивались в сферу влияния русского торгового капитала, включались во всероссийский рынок, что явилось важным моментом в развитии и расширении товарного производства чукчей, в преодолении замкнутости их натурального хозяйства. Наиболее ощутимые сдвиги в этом отношении произошли в течение XIX столетия, особенно во второй его половине.

ГЛАВА II

ОТНОШЕНИЯ ЧУКЧЕЙ С СОСЕДЯМИ

Чукотско-эскимосские отношения

Связи чукчей с сибирскими эскимосами уходят в далекое прошлое. Само формирование этнических особенностей чукчей протекало в значительной мере при участии эскимосов и под влиянием их культуры.¹

Ко времени знакомства русских с чукчами отношения между чукчами и сибирскими эскимосами носили добрососедский характер. На протяжении XVII—XVIII вв. и позднее нет никаких свидетельств, которые указывали бы на враждебные отношения между ними. Часто сибирских эскимосов не отличали от оседлых чукчей. К этому было достаточно оснований. Материальная культура и быт оседлых чукчей совпадали почти полностью с материальной культурой и бытом сибирских эскимосов.

В отношениях чукчей с самодержавием сибирские эскимосы всегда выступали на стороне чукчей, поддерживали их и в отношениях с коряками, юкагирами, а также с эскимосами Аляски. Даже эскимосы о. Ратманова причисляли себя к жителям азиатского побережья Чукотки и известны были в XVIII столетии как чукчи. В 1732 г. в Берингов пролив зашло русское судно под управлением геодезиста М. Гвоздева. Жители о. Ратманова «на расспросы отвечали, что они чюхчи».²

Между чукчами и сибирскими эскимосами были не просто дружественные отношения. Многие населенные пункты, особенно Тихоокеанского побережья Чукотки, состояли из смешанного чукотско-эскимосского населения. Шел процесс взаимного сближе-

¹ И. С. Вдовин. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. «Сибирский этнографический сборник», III, М.—Л., 1961.

² Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив 1732 г. «Морской сборник», т. IV за вторую половину 1850 г. СПб., 1850, стр. 392; А. Соколов. Первый поход русских к Америке. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», 1851, стр. 96.

ния. Многие сибирские эскимосы говорили по-чукотски. Анонимный автор статьи «Замечания о чукчах...»³ отметил это так: «Оленные называют себя *чаукчу*, из сего мы сделали чукчей; оседлые *намолло*. Мы не заметили между сими двумя племенами никакого рода подчиненности, но последние, как беднейшие соседи, имея более надобности в первых, учатся их языку и большая часть им говорит».

В хозяйственной деятельности сибирских эскимосов были все же отличия от хозяйственной деятельности оседлых чукчей. Эскимосы были настоящими охотниками на морских млекопитающих. В течение круглого года они были связаны с морем и охотой на нем, тогда как чукчи, по крайней мере в XVIII в., все еще прибегали к охоте на диких оленей и речному рыболовству. Весьма показательно в этом отношении то, что среди большого количества имен, встречающихся в документах XVIII—XIX вв., почти нет эскимосских. Нет ни одного эскимосского имени среди чукотских «тоенов» и старшин.

По-иному развивались отношения чукчей с эскимосами Аляски. Документы начала XVIII в. отмечают нападения чукчей на население побережья Аляски, захват имущества и угон в плен женщин и детей. В более поздних известиях (приблизительно с середины XVIII в.) появляются указания на то, что чукчи наряду с грабительскими набегами ведут и обмен товаров с эскимосами Аляски. Еще позднее, с конца XVIII в., говорится только о торговых связях, а о грабительских нападениях упоминается как о минувшем периоде этих отношений. Таким образом, намечается как бы несколько этапов в развитии отношений населения восточного и западного побережий Берингова пролива.

По-видимому, наиболее ранние связи населения Чукотки с населением Аляски носили неустойчивый характер. Наряду с обменом были и столкновения военного характера. Довольно часто чукчи организовывали набеги на побережье Аляски в первой половине XVIII в. К концу XVIII столетия они прекращаются, уступая место широким торговым связям.

В развитии их были заинтересованы обе стороны. Чукчи оказались проводниками товаров русского производства на Аляску: в первую очередь разных металлических орудий, украшений, табака и др. С Аляски они вывозили пушнину, которая находила неограниченный спрос на русском рынке.

Существование двух видов связей между чукчами и аляскинскими эскимосами отчетливо прослеживается по документам того времени.

В 1711 г. П. Попов возвратился в Анадырский острог почти после года пребывания на Чукотском полуострове. Он сообщал: «Против того Анадырского Носу с обеих сторон с Ковымского

³ Замечания о чукчах. ЖМВД, 1835, № 5, стр. 337.

моря и с Анадырского есть значитца остров и про тот остров подлинно ему Петру с товарищами сказывали носовые чухчи Макачкины с родниками: есть на том острове люди зубатые, а веры иной, всякой обыкности и языку не их чюкоцкова, особый, и из давних лет и поныне у них носовых чюкоч с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем; а бой у тех островных людей лучной и у чюхоч такой же. И он Петр с товарищи тех островных людей у них чюхоч взятых в полону видел человек с 10... А с того Носу на тот остров летним временем в байдарках веслами перегребают, а зимою на оленях налегке переезжают одним же днем».⁴

Это сообщение П. Попова подтверждается и более поздними сведениями 1763 г.: «Называемые Большой земли (так называли в XVIII в. видимую с побережья Чукотки часть Аляски, — И. В.) люди, с живущими у Чукотского носу чукчами и на вышеупомянутом Большом острове с зубатыми людьми (эскимосы, — И. В.) мало имеют согласия, ибо де оные чукчи и зубатые люди временно ходят к ним походами, и между собою с обеих сторон чинят бой и стреляют из луков стрелами и бьются на копьях».⁵

Это сообщение интересно и тем, что в нем подчеркивается участие эскимосов («зубатых людей») с островов пролива в нападениях чукчей на побережье Аляски. В этих документах еще нет указаний на торговые связи населения Чукотки с населением Аляски. Но вот в документе, составленном в 1789 г., говорится по поводу связей чукчей с эскимосами Аляски следующее: «Летом в тихую погоду на байдарках, зимою же по льду на оленях на лежащий почти в середине пролива остров Имоглин (о. Ратманова, — И. В.), а оттуда в Америку в один день переезжать можно; те чукчи нередко ту часть света посещают и торг там, а иногда и грабежи там производят».⁶

Весьма любопытные подробности о торговых отношениях чукчей с эскимосами Аляски сообщает сотник И. Кобелев. Ему удалось уговорить «увеленского острожка лутчево пешего человека Опрею» свозить его «через проливы на американскую землю». Поездка состоялась в июне 1789 г. Чукчей собралось около 150 человек на 10 байдарках. С остановкой на о. Ратманова переплыли Берингов пролив и прибыли на Аляску, где было селение «юрт до пятидесяти, однако все они были пусты, так как обитатели «от пребезмерного гладу, оставя свои селения, отошли в северную и южную страны». Отсюда чукчи поплыли на юг «к устью реки Хеверен», откуда повернули в море «на Укипень остров (о. Кинг современных карт, — И. В.), который от американской земли отстоит в море,

⁴ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1 (1700—1713). СПб., 1882, стр. 459; Сб. архивных материалов, Л., 1935, стр. 157.

⁵ В. Н. Б е р х. Примечания о Чукотской земле. «Северный архив», ч. XVIII, СПб., 1825, стр. 171.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1264, Первый сибирский комитет, д. 2, л. 77.

например, верстах в пятидесяти». Подъезжая к острову, чукчи остановили байдары, «оделись в куяки, в руках копье, луки и стрелы на тетивах так, как ратнитца должно». То же проделали и «укипанцы на берегу», однако все это, как полагает И. Кобелев, было только «для примера». «Того самого дни сделалась между ими торговля, укипанцы променивают куньи парки, лисицы, волки, росомахи, выдры, рыси и оленье постели небольшою частью, которые все достают с Америки, а с нашей стороны променивают же копья, ножи, топоры, пальмы, котлы, железки (видимо, к теслам, — И. В.), корольки всякие, бисер».

В этом же сообщении И. Кобелев говорит, что зимой на собаках «Увеленского острожка» чукчи переезжают на американский берег».⁷

В другом месте, рассказывая об островах и жителях Американского побережья Берингова пролива, он сообщал, что «прежде чукчи на ту землю ходили походами».⁸ Это замечательное по выразительности и фактам сообщение И. Кобелева подтверждает, что торговые мирные связи населения обеих бережий пролива только налаживались. Ни та, ни другая сторона еще не доверяла вполне друг другу, поэтому и чукчи и эскимосы-укипанцы были вооружены. Конечно, не все 150 человек чукчей, участвовавших в этом предприятии, были торговцами. Большинство из них были гребцами на байдарках и одновременно составляли охрану торговцев. Не случайно сама церемония встречи напоминала подготовку к сражению, однако, по образному выражению И. Кобелева, все это было только «для примера». Значит, военные столкновения уже прекратились.

Впрочем, в 1793 г. в Сенате обсуждался рапорт капитана Биллингса, в одном из пунктов которого сообщалось, что «северо-восточные американцы, изъявив желание, имели дружественное с россиянами обхождение, испрашивают защищения от нападения и грабежа чукчей».⁹

Чукчи и сибирские эскимосы приобретали нужное им дерево и некоторые изделия из него от эскимосов Аляски. В свою очередь эскимосы Аляски нуждались в шкурах оленей для зимней одежды. Эти жизненно важные потребности той и другой стороны издавна удовлетворялись путем обмена.

Известно, что деревянная посуда, деревянные части яранг приморских чукчей и сибирских эскимосов, деревянные части байдар, материал для луков и стрел жители Чукотского полуострова приобретали у эскимосов Аляски.

Тот же П. Попов сообщал, что «всякой на том острову есть лес: кедр, сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он

⁷ ЦГАВМФ, ф. экспедиции Биллингса, д. 28, лл. 403—406.

⁸ Там же, д. 12, л. 104.

⁹ Архив Государственного совета, т. I, ч. II, 1869, стр. 260.

Петр с товарищи у них чукоч в байдарах и в ветках, и в юртах видели».¹⁰

Я. Линденау в цитированном уже выше описании обратил внимание на то, что «чукчи от своих жилищ на ту Большую Землю (речь идет опять-таки об Аляске, — И. В.) ходят байдарами. Из этой земли привозят посуду деревянную».¹¹

О. Е. Коцебу в описании путешествия в Берингов пролив сообщает рассказ одного американца о немом обмене между чукчами и аляскинскими эскимосами. Чукчи давали им бисер и табак, получая взамен дерево для луков и стрел.¹²

Мичман Ф. Матюшкин, описывая Анюйскую ярмарку, сообщал: «Прежде привозили они (чукчи, — И. В.) также каменные топоры, ножи, оружие и американские одежды, но так как такие товары худо раскупались, то и исчезли совершенно из оборота».¹³

К началу XIX в. отношения между чукчами и эскимосами Аляски приняли исключительно мирный характер. Через Берингов пролив шел оживленный обмен. Кавралыт — чукотские торговцы стали регулярными поставщиками товаров русского и чукотского производства на американское побережье Берингова пролива, а оттуда вывозили пушнину и моржовые клыки. Эта торговля охватила глубинные районы Аляски и распространилась далеко на юг, в нее оказались вовлеченными не только прибрежные эскимосы, но также обитатели рр. Пастола, Юкона, отчасти Кускоквима с их притоками.

На протяжении первой четверти XIX в. чукчи не только окончательно прекратили свои набеги на побережье Аляски, они вообще постепенно отказались от торговых поездок к берегам Аляски. Торговля между чукчами и аляскинскими эскимосами сосредоточилась на нейтральной почве, на о-вах Диамида в Беринговом проливе.

Одним из наиболее важных пунктов торговли чукчей К. Дитмар называет берега Берингова пролива. При этом он отметил, что торговлю «чукчи производят с народом, который называет себя каргавали (так называли чукчи эскимосов Аляски, — И. В.), с которым прежде они вели кровавые войны и только в последнее время примирились».¹⁴

Яркую картину чукотско-эскимосской торговли в первой половине XIX в. нарисовал Ф. П. Врангель. Он специально занимался

¹⁰ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1 (1700—1713), стр. 459; Сб. архивных материалов, стр. 157.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 12.

¹² Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив..., предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 гг. на корабле «Рюрик» под начальством флота лейтенанта Коцебу, ч. I. СПб., 1821, стр. 126.

¹³ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824. Изд. Главсевморпути, 1948, стр. 176.

¹⁴ К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. «Вестник РГО», кн. VI, СПб., 1855, стр. 35.

изучением этого вопроса, когда был главным правителем русских колоний в Америке (1823—1835).

«Главное место сходки (чукчей, — И. В.), — писал он, — с сими последними (аляскинскими эскимосами, — И. В.) есть Гвоздевы острова (о-ва Диамида, — И. В.) ... Сюда съезжаются (летом на байдарках; зимою по льду — в нартах, запряженных собаками) с азиатской стороны — чукчи с выменянными у русских товарами и оленьими кожами своей выделки; с американской — жители мыса Ныхты (Принца-Валийского) с мехами и моржовым зубом, который получают они от обитателей Зунда-Коцебу и далее на север живущих дикарей...

«Кроме Гвоздевых островов, являются чукчи с торговой целью еще на остров Св. Лаврентия, обитателям которого променивают за моржовые зубы теплую зимнюю одежду своей работы и купленный у русских табак.¹⁵

«С тою целью находятся они в сношениях и с жителями острова Укивока (King's Island), посещающими твердую землю Америки.

«Еще ближе к американскому материку, чем Укивок, находится остров Азиак (Sledge-Island) ... Жители его, равно как и противоположащего берега Америки, зовущиеся азиагмютами, сметливостью и способностью к торговым оборотам превосходят всех своих соседей. Поэтому чукчи и избрали их своими комиссионерами по торговле с побережными американцами далее к югу, прямых сношений с которыми сами иметь не могут. За русскими товарами и теплою одеждою приезжают азиагмюты к чукчам на Имаклит (о. Ратманова, — И. В.), один из Гвоздевых островов, и получив, что дадут им чукчи, отправляющиеся ежегодно, в начале июля, на 10 байдарках, в числе 100 хорошо вооруженных человек, вдоль извилин материка на юг, променивая у прибрежных жителей на означенные товары добываемые самими последними меха разных животных. Таким образом, достигают они наконец устья реки Пастол, куда стекается большое количество мехов и моржового зуба, добываемых охотою как внутри страны, преимущественно по рекам Квихпаку и Кускоквиму, так и по морскому берегу, до острова Нунивока и даже до устья Кускоквима: пастольмюты скупают в течение года эти товары у обитателей помянутых мест с тем, чтобы перепродать их азиагмютам, а эти, нагрузив байдары полученным здесь товаром, возвращаются обратно на Имаклит, где сдают их чукчам.

«Далее на юг торговля чукок не заходит: там уж производят ее фактории Российско-Американской компании; но довольно и того, что они снабжают своими и русскими товарами пространство американского берега на протяжении почти 1000 итальянских миль,

¹⁵ То же отметил и капитан Шишмарев: Сведения о чукчах капитана Шишмарева (1821 г.). «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», СПб., 1852, стр. 180; П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. 1. СПб., 1861, стр. 285.

или 1700 верст, тогда как оно отделено от них морем и когда для получения большей части этих товаров должны они совершать еще сухопутные переходы по своей земле верст в 500 и более!».¹⁶

Из этого замечательного по своей полноте сообщения Ф. П. Врангеля видно, какой широкий размах имел обмен на берегах Берингова пролива и как далеко по побережью Тихого океана Америки распространялось торговое влияние России, приходившее с запада через Чукотку и чукчей.

У Ф. П. Врангеля как правителя дел Российско-Американской компании было больше чем достаточно оснований беспокоиться по поводу утечки значительного количества пушнины почти из-под носа агентов Российско-Американской компании на Колыму и Анадырь. Эти открытия побудили его к более энергичным действиям в целях пресечения дальнейшей утечки пушнины из Аляски в Сибирь. По его указаниям начали создавать торговые пункты на р. Юконе и в других местах.

В 1833 г. близ устья Юкона на маленьком островке было основано Михайловское поселение; в 1836 и в 1839 гг. представители колониальной администрации Компании обосновались в двух населенных пунктах по р. Юкону, далеко от ее устья. Во всех этих пунктах развернулась скупка пушнины. Однако по сведениям Л. Загоскина, товары, доставляемые Компанией, не удовлетворяли полностью население. Жители р. Юкона «в приобретении необходимых им вещей» обратились снова «к малейгмютам, племени, состоящему в непосредственных сношениях с чукчами». Это обстоятельство побудило в 1842 г. Главное правление российских колоний в Америке снарядить специальную экспедицию на рр. Юкон и Кускоквим для решения ряда вопросов, связанных с развитием торговли, и в том числе для выяснения, «какие должны быть приняты меры для того, чтобы промыслы из этой части материка не переходили на азиатский берег». В другом документе правления Компании того же времени говорилось, что по р. Юкону и ее притокам «идет ежегодно весьма значительное количество мехов в Коцебу-Зунд, а там переходит в руки приезжающих туда чукчей».¹⁷

По подсчетам Л. Загоскина в 1843 г., «до 500 лисиц разных шерстей и до 1000 выдр и бобров лучших сортов переданы в Колыму через посредство малейгмютов и чукчей».

¹⁶ Ф. Врангель. О торговых отношениях между туземцами северо-восточного берега Азии и северо-западного Америки. ЖМВД, кн. 7, ч. 35, 1851, стр. 108—110. См. также: Ф. Врангель. О торговых сношениях народов Северо-Западной Америки между собою и с чукчами. «Телескоп», 1835, № 8, стр. 604—613. О торговле чукчей с эскимосами Аляски на о-вах Диамида и о. Лаврентия сообщается также в книге: А. П. Лазарев. Плавание вокруг света военного шлюпа «Благонамеренный». М., 1950, стр. 308—309.

¹⁷ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 годах. М., 1956, стр. 48.

Сославшись на указанные цифры, Л. Загоскин с сожалением отметил: «Мы показали, сколько ощутительно и невыгодно влияние чукчей для возникающей в этих местах торговли».

К тому времени, когда торговые агенты Российско-Американской компании прибыли впервые в Нортонов залив и там обосновались, они были удивлены тем, что «туземцы знали употребление табаку, железа, имели котлы, ножи, копья, огнивы. Частию с юга из нашего Александровского редута, в заливе Бристоль, но большею частью из Колымы, через посредство чукчей и последовательную передачу».¹⁸

Итак, к середине XIX столетия население северо-западных берегов Аляски и островов Берингова пролива получало большое количество металлических орудий, оружия, посуды и т. п., что способствовало преодолению неолитических традиций в производстве и быту этого населения, приобщению его к современной культуре.

Таким образом, отношения чукчей и сибирских эскимосов с населением северо-западных берегов Америки развивались по пути постепенного увеличения обменных связей.

Русское влияние на хозяйственно-экономическое, политическое и общественное развитие чукчей и сибирских эскимосов объективно содействовало успешному развитию мирных отношений между населением восточного и западного побережья Берингова пролива, налаживанию регулярных торговых связей.

Торговые связи чукчей с эскимосами Аляски оказали большое, весьма положительное влияние на развитие культуры последних.

Чукотско-корякские отношения

Чукотско-корякские отношения в XVII в. остаются не совсем ясными. Из сохранившихся известных нам документов того времени не видно, чтобы чукчи непосредственно соприкасались с коряками. Нет вообще никаких данных об отношениях между этими народностями. Видимо, юкагирский клин, разъединивший в свое время этнически и генетически однородное тело предков чукчей и коряков, в XVII в. был еще достаточно прочным. Река Анадырь и ее притоки были заселены юкагирами, по крайней мере в ее верхнем и среднем течении. Следовательно, чукчи от коряк были отделены широкой полосой долины Анадыря. Оставалось побережье моря и обширный лиман Анадыря — места, не освоенные юкагирами. Наиболее вероятным местом непосредственного соприкосновения чукчей с коряками следует считать устье р. Анадыря, на южной стороне которого еще С. Дежнев сталкивался с коряками.

¹⁸ Там же, стр. 76.

В описании плавания вниз по Анадырю С. Дежнев наряду с другими сведениями сообщал: «Да прошлого же 162-го году (1654 г., — И. В.) на корге ходили мы на коряцких людей, что от той корги живут недалеко и на коргу под нас тайно убивства для приходят и зверя морского моржа промышляют для корму».¹⁹ В. И. Огородников вообще считал, что на устье Анадыря жили коряки. Он даже допускал, что анаулы были родственны корякам.²⁰ Это предположение небезосновательно. Многие имена анаулов, встречающиеся в ясачных книгах XVII в., напоминают коряцкие, например Талля, Валля,²¹ Леворга, Локая, Йолле.²²

Показательно также в этой связи то, что анаулы в критические моменты жизни на Анадыре уходили к корякам. Так было в 1651 г. Кроме того, анаулы упоминались среди коряков в документах 1662 г., 1699, 1704 и в 1713—1714 гг.²³

К началу XVIII в. появляются первые сведения о чукотско-коряцких отношениях, которые развивались в основном в двух направлениях: на оленных коряков чукчи нападали, а с оседлыми коряками вели обмен.

Об обменных связях между чукчами и оседлыми коряками имеются определенные указания как в документах, так и в исторических преданиях чукчей.

В 1763 г. при встрече чукчей с начальником Анадырского гарнизона Ф. Плениснером «оне ж чукотские старшины объявили ... прошедшего сего года зимою ходили в поход в коряцкую землю к находящимся там сидячим корякам для торговища и для сыскания оленных коряк к разорению».²⁴ В 1774 г. отряд чукчей перешел р. Анадырь «за поиском коряк и для своей домовой нужды, за покупкой жиров в Катырские острожки к пешим корякам».²⁵

В марте 1777 г. отряд чукчей, шедший «для поиску и разорения оленных коряк», прибыл к оседлым апукским корякам; «чукчи с ними имели дружество и мену».²⁶

У приморских чукчей побережья Берингова пролива до сих пор сохранялись предания о том, как их предки плавали в залив Мэйн'ыпилгын, к устью р. Хатырки, где они вели обмен с коряками. По-видимому, никаких осложнений в отношениях чукчей

¹⁹ ДАИ, т. IV, док. 7.

²⁰ В. И. Огородников. Из истории покорения Сибири. Покорение юкагирской земли. «Труды Гос. института народного образования в Чите», кн. 1, Чита, 1922, стр. 268.

²¹ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 2, д. № 1335.

²² Там же, оп. 4, д. № 997 и № 726.

²³ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, стр. 430. Об анаулах среди коряков упоминается также: ДАИ, т. IV, док. 144; Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1 (1700—1713), стр. 529; кн. 2 (1713—1724), СПб., 1885, стр. 53.

²⁴ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 4, л. 165.

²⁵ Там же, т. I, тетр. 1, л. 56.

²⁶ Там же, т. II, тетр. 9, л. 142 об.

с оседлыми коряками этого побережья не было. В XVIII в. коряки хатырского берега не строили укреплений и чукчи на них не нападали.²⁷

Чукчи вели обмен не только с оседлыми коряками Тихоокеанского побережья, они вели оживленную торговлю и с коряками Охотского побережья. Это был один из наиболее надежных путей, по которому шло к чукчам железо и железные изделия. Так, в одном документе 70-х годов XVIII в. отмечается, что коряки Жирового острожка «всегда с чукчами и олюторцами и камчадалами приезжающими торгуют».²⁸ Однако все эти сообщения относятся ко второй половине XVIII в. Что касается первой половины того же столетия, то встречаются показания другого характера. Наиболее раннее из них относится к 1730 г., в котором сообщается, что «чукчи немирные, ясаку не платят, и многолюдны, и имеют у себя оленей немалое число и ходят войною на оленных и сидячих коряк».²⁹

В 1747 г. «чукчи приезжали к камчатскому селению и по Укинскому берегу (восточное побережье Камчатки между южной оконечностью Карагинского острова и р. Озерной, — И. В.) живущим камчадалам и корякам делали смертные убийства и грабежи».³⁰

В 1749 г. бежала из плена от чукчей корячка Тэлну, которая и сообщила в Анадырске: «В том 1749-м году летом неприятели чукчи ушли байдарами на Хатырку речку ... на сидячих коряк в поход».³¹

Нападения чукчей на коряков в XVIII в. всегда особо фиксировались в Анадырском остроге, так как коряки были ясачными плательщиками, которых обязаны были защищать власти. Однако никаких упоминаний о нападениях на оседлых коряков в документах не имеется. Возможно, что эти сообщения не имели под собой достаточных оснований, так как все они исходили не от очевидцев и носят очень общий характер: «ходят войною на оленных и сидячих коряк».

Показание корячки Тэлну от 1749 г. не подтверждается другими документами того времени. О походе чукчей на хатырских «сидячих коряк» нет больше никаких сведений. По всей вероят-

²⁷ «На Хатырке неплатежных коряк множество и живут в земляных юртах в трех жилах, четвертое от Хатырки во отдаленности к Анадырскому устью. О сих коряках известно ... от чукок имеют предосторожность» (ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 9, л. 51). «Оные хатырцы сказывают, что оне десроду неприятелей себе не имели, а хотя де и слышат про немирных людей чукок и коряк, но никогда их (т. е. воинов, с военными целями, — И. В.) приходящих к себе не видали ... никаких около жительств своих укреплений не имеют» (ЦГАДА, ф. 199, № 539, тетр. 13, л. 25). Это сообщение относится к 1769 г.

²⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 539, тетр. 1, л. 10 об.

²⁹ ААН, ф. 3, оп. 10, л. 137, тетр. 3 (без пагинации).

³⁰ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 11 об.

³¹ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 294.

ности, и очередное плавание чукчей к Хатырке для обмена с коряками было принято пленной корячкой за военный поход.

Как видно, отношения чукчей с оседлыми коряками и в более раннее время носили мирный, деловой характер.

С конца 90-х годов XVII столетия по территории, занятой коряками к югу и юго-западу от Анадыря, ездили русские на Камчатку. Туда и оттуда шли служилые, промышленные и торговые люди. Движение русских на Камчатку сопровождалось приведением в подданство и обложением ясаком в первую очередь оленных коряков. Уже к 1730 г., как сообщал капитан Шатилов, «по справке в Анадырской партии и с Анадырскою приказною ясашною избою, по окладным ясашным книгам состоит ясашных плательщиков оленных и сидячих коряк 558 человек».³²

Оленные коряки, кочевавшие на путях продвижения к Камчатке, оказались примерно в таком же положении, что и юкагиры, жившие на путях к Колыме и Анадырю. К началу XVIII в. оленные коряки, не столько, быть может, добровольно, сколько по настоянию анадырских приказчиков участвовали в походах на юг и на север от Анадыря. При этом они оказались поставщиками оленьего транспорта, теплой одежды и обуви, продуктов питания (мясо) и служили проводниками. Эти обстоятельства вызывали со стороны неясачных коряков и чукчей ту же реакцию, что и по отношению к ясачным юкагирам. При этом следует учитывать еще другие причины, которые обусловили развитие отношений между чукчами и оленными коряками в более остром плане. Сущность этих причин заключается в следующем. Начало XVIII столетия в истории чукчей совпало с коренными изменениями в развитии производительных сил и производственных отношений. Они вступили на путь формирования отношений военной демократии.³³ Внешним толчком, содействовавшим ускорению этого процесса, послужило нарушение равновесия в их комплексном хозяйстве: сокращалась охота на диких оленей.

С начала XVIII в. появляются первые сведения о нападениях организованных отрядов чукчей на оленных коряков, главной целью которых был захват оленей. Конечно, не все чукчи принимали участие в этих нападениях.

По сведениям, поступившим в Сенат, «чукь, которые разоряют коряк, будет военных людей человек до 2000».³⁴

В «Описании о начале Анадырского острога», составленном в 1763 г., сообщалось: «А до Камчатских острогов бывал путь прежде сего, доколь была земля невоевана от немир-

³² С. Шашков. Материалы для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII в. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1864, кн. 3, стр. 65.

³³ Об этом см. ниже, в главе «Общественные отношения чукчей».

³⁴ Сб. архивных материалов, стр. 161.

ных чукоч (разрядка наша, — И. В.), сухим путем на оленях ... подле Олюторское море, також и подле Пенжинское». ³⁵

Это замечание заслуживает особого внимания. Ф. Плениснер составлял «Описание», пользуясь архивами Анадырска, Охотска и материалами опроса очевидцев. Справедливость его сведений не вызывает сомнений. Следовательно, сообщение о том, что чукчи начали нападать на оленных коряков позднее присоединения Камчатки, подтверждает наше положение о развитии нового типа отношений между чукчами и оленными коряками с начала XVIII столетия.

В качестве ответной меры за нападение на ясачных коряков и юкагиров в 1702 г. из Анадырска был предпринят первый поход в Чукотскую землю. В нем участвовало «анадырских юкагирей и коряк 110 человек». ³⁶

Участие юкагиров и оленных коряков в этом походе еще больше обострило их отношения с чукчами. Начиная с 1720 г. на протяжении почти шестидесяти лет чукчи с исключительным упорством преследовали оленных коряков и юкагиров.

«В 1720 году начинаются вторжения немирных чукчей, поработивших себе и юкагиров и коряков», — сообщал анонимный автор, пользовавшийся документами сибирских архивов. ³⁷

В 1725 г. чукчи, перейдя через р. Анадырь, напали на оленных коряков и отогнали их оленей. ³⁸

В 1728 г. сообщали прибывшие в Анадырский острог коряки, что «на них напали чукчи, многих из них покололи, разграбили 11 юрт, отогнали 11 табунов оленных и увезли сани со скарбом и кормом». ³⁹

В 1730 г. «промеж Паренем и Акланском» чукчами «оленных коряк побито немалое число, а полевых и езжалых оленей взято 8 табунов, жен и детей оленных коряк помянутые чукчи немалое число в плен увели». ⁴⁰

На протяжении 30—70-х годов XVIII в. в Анадырске и Гижиге было зарегистрировано около 50 случаев нападения чукотских отрядов на оленных коряк. По подсчетам Т. Шмалева, пользовавшегося сообщениями пострадавших коряков, донесениями официальных лиц, за это время захвачено чукчами у коряков 239 300 оленей. Сообщая эту цифру, Т. Шмалев замечает: «Такое немалое число оленей кожетца весьма увеличено, а надобно положить всего в отгоне оленей в те времена пятую часть или немного более». ⁴¹

³⁵ ААН, ф. 3, оп. 10, д. 137, тетр. 3.

³⁶ Сб. архивных материалов, стр. 156.

³⁷ «Сибирский Вестник», 1866, № 17.

³⁸ А. Сгибнев. Историческое обозрение главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», СПб., 1864, кн. 4, стр. 127.

³⁹ «Сибирский Вестник», 1866, № 17.

⁴⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 263.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 9, л. 49.

По всей вероятности, он прав. Вряд ли коряки имели тогда такое количество оленей. Если согласиться с подсчетами Т. Шмалева, то окажется, что чукчами захвачено в эти годы около 45 000 оленей. Нужно к этому добавить, что после 1773 г., которым кончаются сведения Т. Шмалева, чукчи совершили еще несколько набегов на коряков, последний из них был в 1781 г. За эти годы было захвачено еще несколько тысяч голов оленей. По ясачным книгам Гижигинской крепости в 1774 г. числилось оленных коряков ясачных плательщиков 367 человек. «По партикулярным счислениям у них ныне следственно быть до 65 000 оленей».⁴² Следовательно, у коряков было около 100 000 оленей, которые, по-видимому, и заполняли имеющиеся пастбищные угодья.

Лишившись домашних оленей, коряки, кочевавшие в бассейнах рр. Алюторки (Ынпываям), Пахачи, Апуки, вынуждены были перейти к оседлости, охоте и рыболовству. К середине XVIII в. нужно относить основание оседлых поселков Ветвей и Хаилино на Алюторке и ряда поселков по среднему и верхнему течению рр. Пахачи и Апуки.

В свою очередь коряки предприняли ряд походов в Чукотскую землю с целью возвращения захваченного у них чукчами имущества и пленных. Однако их действия в этом отношении были организованы слабо, а сами коряки не были такими закаленными и настойчивыми воинами, какими были чукчи. Известно всего несколько случаев ответных действий коряков.

В 1732 г. 160 коряков приняли участие в известном карательном походе Д. Павлуцкого на Чукотский полуостров. Тогда они возвратили 42 коряка, уведенных ранее чукчами в плен. Из числа захваченных у чукчей оленей они не получили ничего.

В 1769 г. отряд коряков «человек до 80» прошел до Чаунской губы, где они на «Чаунские острова переезд чинили на оленях по льду и на иных чукоц подсмотром в ночное время в одной юрте скрали и чукоцких мужиков 9 убили, в плен взяли женок 8, да малолетнего одного, оленных чукоцких табунов взято два, в которых было по разделе оными коряками до 100 оленей».⁴³

В 1775 г. около Гижигинской крепости произошло столкновение чукчей с коряками. При этом чукчи были разбиты. Их олени и имущество достались корякам.

Других сведений о действиях коряков против чукчей нет. Как видно, их и не было.

Набеги чукчей на ясачных коряков вызвали беспокойство властей. Уже в 1740 г. Сенат и Кабинет министров занимались обсуждением создавшегося положения во взаимоотношениях чукчей

⁴² Там же, л. 50.

⁴³ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 9, л. 48.

с коряками. Было принято решение одновременно с усилением гарнизона Анадырского острога в целях защиты ясачных коряков «велеть Иркутскому вице-губернатору, чтоб он обстоятельно наведася, за что у помянутых народов между собою такие ссоры происходят, и чтоб старался их наипаче ласканием, нежели суровыми поступками, от того отвратить и усмирить, и до дальнейших ссор не допускать».⁴⁴ На эту «резолюцию» Кабинета министров, по сообщению Сената, последовали ответы. Некоторые из ответов частично вскрывают причины враждебных отношений между чукчами и коряками. Однако не все ответы объективны. «Ссоры и бои у них чукчей с ясашными коряками, — писал Д. Лаптев, — от начала жития их за то, что в их в чукотской земле для оленей их дворовых скудно кормом и лесу во всей их чукоцкой земле никакова роду нет и в том им крайняя нужда ... а у ясашных коряков земля привольная к житию их и к содержанию оленей, лесами и кормом и для того те чухчи всегда ищут чтоб их коряк искоренить, а местами их завладеть и тут жить. А их чукоц как впустить корякам в свою землю, невозможно».⁴⁵ Как видно, Д. Лаптев основной причиной нападения чукчей на коряков считал «скудность кормами и лесом» чукотской земли. Ф. Плениснер, которому было специально поручено «стараться привести чукоц в подданство и примирить их с коряками»,⁴⁶ писал: «А чукчи набегивают от крайней бедности, чтоб им получить от коряк что-нибудь в добычу, а особливо из железных вещей, то есть топоры, огнивы и котлы, которых у коряк от промышленных русских людей весьма довольно».⁴⁷

Это объяснение Ф. Плениснера далеко не отображает подлинных причин сложившихся отношений между чукчами и оленными коряками.

Более близкие к действительным причины чукотско-коряцких войн сообщались в 1774 г.: «С коряками в соседственной дружбе никогда быть не желают, ибо они чукчи с теми коряками издревле ссорятся, за то что коряки жителство имеют на довольственно плодovitой для размножения и содержания оленных табунов и ради собственного их коряцкого бытия лесом и протчим ... почему чукчи, ревнуя по оной хотят тех коряк походами, грабежом оленных табунов и их самих вовсе искоренить, а по оном искоренении коряк тою коряцкою землею владеть».⁴⁸

И это сообщение, как видно, не до конца раскрывает чукотско-коряцкие отношения в XVIII в.

⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи, Собрание 1-е, СПб., 1830, т. XI, стр. 348.

⁴⁵ ЦГАВМФ, ф. 116, д. 2, л. 251.

⁴⁶ А. С г и б н е в. Историческое обозрение главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», СПб., 1864, кн. 6, гл. III, стр. 38.

⁴⁷ ААН, ф. 3, оп. 10, д. 137, тетр. 6.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 26.

Теперь посмотрим, как сами чукчи объясняли причины их войн с коряками.

За наивной непосредственностью и откровенностью их ответов кроется искренность и неподдельная правда. В 1775 г., при встрече отряда чукчей с русскими, на вопрос последних, куда и зачем они идут, чукчи ответили: «За поиском оленных коряк, для их разорения, смертного убийства и отгону у них оленных табунов».⁴⁹ На вопрос, хотят ли чукчи идти в подданство, платить ясак, а равно жить в мире не только с русскими, но и с «подданными оленными коряками», ответили: что быть в подданстве и платить ясак они готовы, «а с оленными коряками мирно жить и дружбу иметь они чукчи не будут, а всегда на них оленных коряк за поиском походами для разорения и отгону у них оленных табунов ходить не оставят, а хотя русские команды за них коряк будут приставать и их от них чукоч оборонять, а чукоч убивать, и в том на русских людей злобы иметь не будут».⁵⁰

Курьезный случай произошел в 1768 г. Отряд чукчей во время похода на коряков встретил на р. Аклане сотника анадырской команды С. Беляева и с ним трех казаков. «Оные чукчи, взяв у них ружья, их отпустили, сказывая, что с российскими никогда они ссоритца не желают... а про ружья сказали, что им в походе надобны, а когда де возвратятся ис походу и придут в Анадырь реку и по свидании с российскою командою отдадут обратно, что они по свидании того же лета и учинили».⁵¹

Итак, захват оленей — основная причина нападения чукчей на коряков. Следовательно, сложившиеся отношения между чукчами и южными соседями в XVIII в. определялись не только «скудностью кормами» и «бедностью» чукчей, но также стремлением их к увеличению оленьих стад за счет слабых соседей. Так началось разложение первобытнообщинных устоев чукчей. Нападения на соседей с целью захвата их имущества составляли важное звено процесса перехода чукчей к новым общественным отношениям.

В отношениях чукчей с оленными коряками также наблюдалась неуравновешенность и противоречивость, как и в их отношениях с юкагирами.

Даже в самые критические периоды наибольшего обострения их отношений наблюдались случаи примирения отдельных групп чукчей с отдельными группами коряков. Однако они не были прочными и часто нарушались как чукчами, так и коряками.

В 1758 г. юкагирка, пробывшая 4 года у чукчей около «Сердце-Камня, у оленного мужика Ининилги Ятыгуйнова ... слыхала: хотят с коряками замиритца».⁵² Другая юкагирка, также нахо-

⁴⁹ Там же, тетр. 19, л. 54.

⁵⁰ Там же, л. 55.

⁵¹ Там же, т. II, тетр. 9, л. 48.

⁵² ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 35.

дившаяся в плену у чукчей, слышала «от хозяина своего чукчи Пугна и от других, что с коряками помиритца хотят же».⁵³

Осенью 1756 г. Ивака Лехтелев (брат «главного коряцкого князца Эйгели») «со своею женою, как она была чукоцкой породы, пошел в чукоцкую землю и заключил с чукчами мир с тем для твердости миру, чтоб чукчи своих детей женили на коряцких, а корякам условленность брать чукоцких взамужество». Иваке Лехтелеву, кроме того, удалось убедить «из чукоц лутчих людей Татылкына и Арелпугу с их родами, с женами и детьми и оленными табунами с ним следовать в коряцкую землю».⁵⁴ Не прошло и года, как коряки напали на чукчей, «прибили, а потом юрты разграбили, оленные табуны поделили».⁵⁵

В 1758 г. «коряки звали к себе для миру чукоц, главный тоен которых в их землю двумя юртами зашли, но коряки, сколько их было прибили смертно».⁵⁶ Эти поступки оленных коряков вызвали еще большее обострение отношений с чукчами.

Нападения чукчей повторялись почти ежегодно, до тех пор пока не произошло достаточного «насыщения» оленями отдельных групп чукчей, пока, собственно, не сложилось чукотское пастушеское оленеводство. После ликвидации Анадырского острога практически никаких препятствий к проникновению чукчей на юг от Анадыря не осталось. Чукчи обосновались на Анадыре и к югу от него, но уже не как охотники на дикого оленя и рыболовы, а как оленеводы, обладатели больших стад. Для благополучного существования им нужна была мирная жизнь. Те же чукчи, которые оставались к северу от Анадыря, все еще переживали становление пастушеского оленеводства и морского зверобойного промысла. И среди них многие группы чукчей уже определились. Одни занимались пастушеским оленеводством и уже не помышляли о походах на оленных коряков, другие прочно обосновались на берегу, успешно развивая морской зверобойный промысел. Но были чукчи, которые на протяжении 70-х годов XVIII в. все еще занимались «поиском оленных коряков».

В 1779 г. генерал-прокурор кн. Вяземский довел до сведения Сената, что Екатерина II ничего не желает от чукотского народа, «как только чтоб он, чувствуя высочайшую ее милость, был спокоен и не разорял граничущих с ним подданных же ее коряков».⁵⁷

В 1781 г. между чукчами, кочевавшими около Анадыря, и начальством Гижигинской крепости была достигнута договоренность о том, что чукчи не будут нападать на коряков.⁵⁸ Чукчи соблю-

⁵³ Там же.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 9, л. 46.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, т. I, тетр. 17, л. 23.

⁵⁷ Архив Государственного совета, т. I, ч. II, Отделение юридическое. СПб., 1869, стр. 259.

⁵⁸ А Шаховской. Известия о Гижигинской крепости. «Северный архив», ч. IV, СПб., 1822, стр. 288.

дали этот пункт договора, не нарушая его, так как сами искали мирных условий жизни. Северные чукчи к этому времени, видимо, успокоились, у них также определились пути развития их хозяйства и жизни на базе мирного труда. Налаживалась торговля чукчей с русскими и коряками через Гижигу и поселки оседлых коряков (Каменское, Парень и др.). Жизнь входила в новое русло. Уже в 1787 г. чукчи приходили в Гижигу для торговли с русскими.⁵⁹

К началу XIX в. отношения чукчей и оленных коряков окончательно умиротворились. Исчезли недоверие и подозрительность. Многие из оленных коряков «удалились (от Гижиги, — И. В.) в северные места к реке Анадырю».⁶⁰

«Чукчи живут и южнее Анадыря — отмечал автор „Замечания о чукчах“, — и в сей стороне смешиваются с коряками».⁶¹ В 40-х годах XIX в. оленные коряки уже были отмечены на Анадыре.⁶²

В 1853 г., как писал К. Дитмар, «около 1000 душ коряков кочуют на чукотских границах»,⁶³ т. е. в районе Парапольского дола и правых притоков Анадыря.

Налаживанию хороших отношений между чукчами и коряками содействовали ярмарки, организованные русскими. В первые десятилетия XIX в. действовали Гижигинская и Анадырская ярмарки. Первая «бывает в феврале, на пустом месте, около 400 верст на NO от Ижиги... (жители Гижиги, — И. В.) отправляются в январе для исканий чукчей, кои в то же время, собравшись, идут им навстречу. Туда же следуют сидячие коряки, из селения Каменного».⁶⁴ Вторая — на Анадыре, в с. Крепость, где «в январе и феврале собираются оленные чукчи, коряки и ламуты, в разные времена до 300 человек».⁶⁵

Итак, чукотско-корякские отношения в XVII—XIX вв. носили в разные периоды разный характер. В их отношениях прослеживаются три периода. В наиболее ранний период (XVII в.) связи между чукчами и коряками носили случайный характер, так как чукчи от коряков были отделены юкагирами, заселявшими долину р. Анадыря.

Второй период, охватывающий почти весь XVIII в., знаменуется бурным развитием их отношений, в которых важное место занимали военные столкновения, захват имущества, отгон оленей и т. п. При этом обращает на себя внимание большая активность

⁵⁹ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, чч. I, II и III. М., 1801, стр. 114.

⁶⁰ Там же, стр. 288.

⁶¹ Замечания о чукчах. ЖМВД, 1835, № 5, стр. 336.

⁶² Г. Дьячков. Анадырский край. «Записки Общества изучения Амурского края», т. II, Владивосток, 1893, стр. 61.

⁶³ К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. «Вестник РГО», кн. VI за 1855 г., СПб., 1855, стр. 65.

⁶⁴ Замечания о чукчах. ЖМВД, 1835, № 5, стр. 365.

⁶⁵ Там же.

и организованность чукчей, с одной стороны, и относительная пассивность, неорганизованность коряков — с другой. Такое поведение объясняется не особенностями психологического склада этих народностей, а видимо и состоянием производительных сил и производственных отношений. Коряки-оленьеводы все еще переживали патриархальнообщинные отношения. Большая патриархальная семья у них была основной экономической и общественной единицей. Чукчи в своем общественном развитии пошли дальше. У них заметно укреплялось общественное положение глав патриархальных семей, предводителей отрядов-дружин и вместе с этим углублялся распад патриархальнообщинного строя. В условиях разрешения новых социально-экономических задач по-новому сложились отношения чукчей со своими соседями, в первую очередь с коряками-оленьеводами.

Третий период, с конца XVIII в., начинается с прекращения набегов чукчей на коряков и постепенного налаживания разнообразных форм мирных связей (торговля — обмен, боаки между чукчами и коряками на границах их соприкосновения, взаимные культурные и языковые влияния и др.). К середине XIX в. экономические и культурные связи чукчей с коряками упрочились. В местах соприкосновения оленеводов исчезли границы, отделявшие ранее чукчей от коряков. Чукчи проникли далеко на юг, в глубь корякской территории.⁶⁶

Чукотско-юкагирские отношения

Непосредственные связи чукчей с юкагирами во второй половине XVII в. отмечены в междуречье Колымы и Алазеи, в нижнем течении р. Колымы и по р. Анадырю с ее притоками.

В разные периоды по-разному складывались чукотско-юкагирские отношения. Появление русских на Северо-Востоке неодинаково было воспринято отдельными группами юкагиров. Одни из них, ослабленные в результате межплеменных и межродовых столкновений, искали у русских покровительства и защиты. Эти группы (роды) поддерживали русских, оказывали им содействие в продвижении, в освоении новых районов Крайнего Северо-Востока, были аккуратными плательщиками ясака. Другие, наоборот, противодействовали продвижению русских, отказывались вносить ясак, преследовали ясачных юкагиров. Такое поведение этих групп (родов) объясняется тем, что с приходом русских они теряли возможность безнаказанно грабить и разорять ослабевшие роды единоплеменников или соседей чужеплеменников. То же прослеживается в отношениях чукчей к юкагирам. С одними они выступали совместно, на других нападали. Поэтому в отношениях между чук-

⁶⁶ Об этом подробнее см.: И. С. Вдовин. Вагские чукчи. «Сибирский этнографический сборник», IV, М., 1962.

чами и юкагирами в XVII—XVIII вв. наблюдается некоторая противоречивость.

При первых встречах русских с юкагирами западные чукчи выступали на стороне последних. Так, летом 1642 г. отряд казаков во главе с Димитрием Ерило, прибывший с Индигирии на Алазею, стал призывать юкагиров «под государеву высокую руку» и требовать ясака. Но «юкагиры и чюхчи в государеве ясаке отказали и по обе стороны Алазейские реки обошли, и учили нас они алазеи с обеих сторон стрелять».⁶⁷

Во второй половине XVII в. отношения между чукчами и юкагирами заметно начинают изменяться. Отчетливо обозначается два враждующих лагеря. Неприязнь проявилась по отношению к ясачным группам юкагиров, т. е. к тем, которые пошли под опеку царской власти и вольно или невольно стали помощниками русских, прежде всего «вожами» — проводниками. Однако не только чукчи, но и соплеменники — неясачные юкагиры преследовали ясачных, громиди их стойбища, забирали их имущество и оленей. Вообще с приходом русских отношения между чукчами и юкагирами, коряками и юкагирами, а также между самими юкагирами внутри племени начинают определяться тем, подчинены или не подчинены те или иные роды юкагиров самодержавию.

В качестве примера можно сослаться на следующий факт. В 1756 г. одна юкагирка убежала из чукотского плена. Прибыв в Анадырск, она рассказала, что чукчи «хотят оставших верно-подданных ясачных юкагирей вовсе искоренить, затем, что русских уже к ним водить будет некому».⁶⁸

В 1671 г. колымский пятидесятник П. Аксентьев доносил в Якутск, что «ехали к нижнему ясачному Ковымскому зимовью великого государя с недоборным ясаком с собольми ясачные юкагиры Пануско, да Бычо, да Тимкин мужик Косой, да Брычины два мужика, а с ними были улусные мужики и наехали... на них на дороге, недопустя их до того Нижнего зимовья... на оленях изменник толмач Афонька чухча с родниками своими в семидесят человек и с ними юкагиры. Тот Афонька бой поставил и убил двух человек ясачных юкагир, а иных многих переранил, и тот недоборной ясак соболи у тех ясачных юкагирей отбил и уехал к морю на тундру».⁶⁹ В 1676 г. с р. Колымы сын боярский П. Андреев сообщал якутскому воеводе: «В нынешнем 184 году иноземцы ясаку промыслять не могли, и я Петр с них иноземцев собрал ясаков с великою нуждою, а Нижнево ясашного зимовья ясашные прежние юкагиры с иными каменными юкагиры задрались. И чюхчи

⁶⁷ Н. Н. Оглоблин. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. ЖМНП, май, 1903, стр. 60; А. С. Токарев. Несколько данных XVII в. о якутах и их соседях. Сборник материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948, стр. 10.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 35-а.

⁶⁹ ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон № 24, столб. 12, сст. 3.

многие люди приходили на Ковыму реку и кормы и лабазы юкагирей грабят, а оборонить их некем».⁷⁰

Алазейские ясачные юкагиры в 1678 г. просили якутского воеводу Фому Бибикова послать к ним служилых людей для защиты от «немирных и неясачных чукоч». «Во 184 году, — говорится в их челобитной, — немирные и неясачные иноземцы чукчи побили наших многих лутчих людей и улусных, и жен и детей в полон взяли и оленишек отгонили, приходя в наши ясачные промыслища... А топере мы холопи твои ходим на соболиные ясачные дальние промыслища, боячись тех чукочь и иных посторонних орд».⁷¹

В 1680 г. нижнеколымские юкагиры жаловались на неясачных «чукоч и на ходынцев, и на чуванцов»: «В прошлом 187 и в нынешнем во 188 годех с нижнюю сторону стеснили нас холопей твоих чухчи и не дают нам рыбных кормов и оленей промыслять, а вверх по сторонним рекам по Анюю и по Омолону, и по Олою, где в прежних годех мы ясак промысляли, и по тем по сторонним рекам на промыслах нам холопом твоим чуванзи и ходынцы неясашные ясаку промыслять не дают и наших ясашных юкагирей побивают».⁷²

Общим для цитированных выше документов является отражение совместных действий чукчей и неясачных юкагиров против ясачных юкагиров. Занимаясь рыболовством, охотой и оленеводством, юкагиры жили по берегам больших рек, по которым проходило продвижение русских на север Сибири. Поэтому большинство юкагиров очень скоро было обложено ясаком. Чукчи же, занимаясь в основном морским зверобойным промыслом и оленеводством, стояли в стороне от этих путей. Юкагиры служили первыми «вожами» русских промышленных людей и казаков на новые места. Так, например, дорогу на Анадырь «сухим путем» Семену Моторе показали анюйские юкагиры. Они же провели М. Стадухина на р. Пенжину. Юкагиры служили «вожами» и Владимиру Атласову в его походе на Камчатку.

В зимнее время олени служили наиболее надежным средством передвижения, поэтому юкагиры оказались поставщиками оленевого транспорта, продовольствия и зимней одежды. Русские охотно привлекали юкагиров себе в помощники, так как сами они не имели оленей, а главное, не знали местности. Сопровождая оленные транспорты, юкагиры попадали в отряды русских и при столкновениях с чукчами должны были защищать себя и своих оленей. Все это также способствовало осложнению отношений между чукчами и

⁷⁰ Там же, картон № 29, столб. 3, сст. 36.

⁷¹ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник архивных документов. Л., 1936, № 190.

⁷² ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон 31, столб. 29, сст. 20. Аналогичные сведения имеются от 1684 г. (там же, картон № 37, столб. 3, сст. 169) и от 1685 г. (там же, сст. 40).

юкагирами. В качестве иллюстраций к этому положению могут быть следующие примеры.

В 1659 г. И. Ерастов «собрал на Колыме реке служилых и охотных людей 19 человек да иноземцев ясашных юкагирей полтораста человек и послал на государеву службу ... на чухочь в поход с огненным и лучным боем».⁷³

Так же реагировали на помощь юкагиров русским и коряки. В 1654 г. анадырские юкагиры подали челобитную С. Дежневу, в которой говорится: «в 163-м году осенью, пришед с камени от Пянжины реки, многие немирные коряцкие люди побили и погромили и жен и детей их (юкагиров, — И. В.) поимали и оленей отогнали».⁷⁴

Нападения коряков на юкагиров оправдывались теми же мотивами, что и чукчей. Интересные сведения по этому поводу сообщал Т. И. Шмалев. После восстания коряков в 1751 г. к ним присоединились анадырские юкагиры и ушли в коряцкую землю. В 1753 г. юкагиры решили вернуться к Анадырскому острогу, принести повинные за участие в восстании, о чем и предупредили коряков. Это намерение юкагиров не понравилось корякам, которые опасались, «чтоб юкагиры в их земли россиянам не были жожами, — писал Т. И. Шмалев, — к тому ж и олени их в походах в подводы употреблены быть не могли, как и прежде россияны на юкагирских оленях с ними обще в походы на коряк хаживали, и как от того намерения их отворотить никак не могли, то и умыслили оных юкагирей побить смертно, жен и детей и оленные табуны себе взять».⁷⁵

Т. И. Шмалев хорошо знал обстановку около Анадырского острога и отношения между юкагирами и их соседями. Кроме того, выводы его сделаны на основе допросов коряков и юкагиров. Вполне допустимо, что были и другие причины нападений на юкагиров. Дело в том, что во второй половине XVII и первой половине XVIII в. юкагиры были очень ослаблены. Это уже не было многочисленное и сильное племя. Набеги соседей, внутриплеменной разлад, эпидемии оспы опустошили их стойбища. Ни одна из народностей Северо-Востока не подвергалась такому дружному нападению соседей, как юкагиры. Кроме чукчей и коряков, их преследовали и эвены («каменные мужики»), т. е. все окружавшие их народности.

Взаимоотношения чукчей с юкагирами на Анадыре также носили неустойчивый характер. Здесь, с одной стороны, известны частые нападения чукчей на юкагиров и с другой то, что юкагиры

⁷³ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936, № 25.

⁷⁴ ДАИ, т. IV, док. 6. В 1689 г. и раньше коряки нападали на юкагиров, живших по Омолону (ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон № 42, столб. № 9, сст. 111).

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 9, л. 45.

были весьма активными посредниками в торговле между чукчами и русскими.

С присоединением Камчатки Анадырск стал узловым пунктом, в котором сосредоточивалось много народу. Потребовались большие запасы рыбы и оленьего мяса, так как в Анадырск до 1727 г. никакого провианта не завозили и все русские питались от промысла рыбы и диких оленей. Все места перехода оленей через р. Анадырь от верховьев до устья р. Красной использовались командой Анадырского острога и другими его жителями. Это также служило одной из причин ухудшения чукотско-юкагирских отношений. Однако как и на Колыме, на Анадыре ясачных юкагиров преследовали в первую очередь неясачные коряки и чукчи. В 1685 г. Василий Тарасов, ясачный сборщик Анадырского острога, сообщал якутскому воеводе: «Которые иноземцы ясак платят и те у ясачного платежу говорят: ясак с нас просите, а от неясачных коряк и чюхоч не обороняете, те коряки и чухчи многих родников их на соболиных промыслах побивают и жен и детей и родников их в полон емлют и оленей грабят, из их жилищь сбили».⁷⁶

В 1689 г. Михаил Зиновьев сообщал в Якутске: «Будучи на той великого государя службе недобрал ясаку на нынешний 197 и на прошлые годы, для того, многие иноземцы до моего Мишкина приезду померли, а иные побиты от неясачных чюхоч и коряк».⁷⁷

Как сообщали якутскому воеводе служившие в Анадырске казаки, «в прошлом 701 году били челом анадырские ясачные юкагиры ходынского роду Некраско с родниками, чтоб с ними послать из Анадырска служилых людей на немирных чюхоч в Анадырский Нос, которые им, юкагирам, чинят в промыслу оленей смертные убийства и грабеж». Тогда же Василий Игнатьев и с ним пять человек казаков сообщали: «Из того ... Анадырского острогу служилые люди и ясачные юкагиры плавают по Анадырю вниз для промыслу оленей; и тех служилых людей и ясачных юкагиров немирные чукчи побивают и жен и детей их берут в полон».⁷⁸

В 1732 г. командир Охотского порта Скорняков-Писарев приказал Д. Павлуцкому «строить остроги: один на устье р. Анадыря, или на р. Березовой, для защиты русских, коряк и юкагирей от немирных чукок, мешающих последним заниматься здесь промыслом диких оленей».⁷⁹

К середине XVIII в. преследование юкагиров чукчами приняло особенно жестокий характер.

В 1742 г., описывая р. Анадырь, Я. Линденау отметил: «Юкагирская виска с правой стороны (Анадыря, — И. В.) пять верст

⁷⁶ ААН, СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 32, л. 124.

⁷⁷ ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон 42, столб. 9, сст. 111.

⁷⁸ Сб. архивных материалов, стр. 155.

⁷⁹ А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», кн. 4, СПб., 1869, стр. 130.

от Волокитины течет из озера ... прежде жили тут юкагири, которые от чукок побиты».⁸⁰

В 1753 г. около урочища Чекаева на Анадыре чукчи напали на стойбище ясачного юкагира Ивана Ефремова, «разбили юрты и четырех человек юкагирей мужеска полу побили смертно, в плен взяли мужеска полу 7 человек, да женска полу семнадцать человек, а юрты их и аргыши и оленей без остатку отвезли в свою землю».⁸¹

В 1754 г. «на речке на Луче восемь юрт князца Ядачи Соболюкова в 17 человеках, да трех женок смертно убили, да в плен взято мужеска полу 25, да женска полу 56, да пограблено оленей 912, куяков железных два, шишак один, копей железных 4, котлов медных и железных 23, да, кроме оногo, собственных их пожитков всего на 8114 р. 77 коп.»⁸²

Особенно опустошительным было нападение чукчей на юкагиров в 1756 г., когда чукчи забрали 120 человек юкагиров в плен и захватили все их имущество.⁸³

В результате ряда нападений чукчей и коряков на прианадырских юкагиров «в остатке состоит наличных плательщиков юкагирей по окладным книгам шездесят пять человек, кои от вышешоказанных погромов без оленей и без юрт пришли в конечное разорение и скудость и многие стали быть пеши и скитаютца в Анадырску ... и едва пропитание себе имеют».⁸⁴

В 1763 г. полковник Ф. Плениснер писал: «Которые юкагиры прежде жительство имели от Анадырска к Яблоной речке между хребтами все убиты чукчами, а жены и дети в полон увезены, оставшие добиты чукчами при Шмалева (1756 г., — И. В.) и потому не имеется в близости Анадырска никаких ясашных людей».⁸⁵

После ликвидации Анадырского острога все местное и пришлое оседлое население было вывезено большей частью в Нижне-Колымск и частично в Гижигинск. На Анадыре юкагиров не осталось. Однако с конца XVIII столетия Анадырь снова начали заселять пришельцы с Колымы и Гижиги. К середине XIX в. возникло несколько поселков с оседлым населением, которое вело свое происхождение от юкагиров, чуванцев, ходынцев и русских. Наиболее крупными поселениями были Марково, Усть-Белая, Еропол.⁸⁶

⁸⁰ ААН СССР, ф. 3, оп. 10, д. 139, без пагинации.

⁸¹ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 538.

⁸² ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 16. См. также: И. С. Гурвич. Юкагиры чуванского рода в середине XVIII в. «Сибирский сборник», II (Тр. Инст. этнографии АН СССР, новая серия, т. XXXV), М.—Л., 1957. Здесь опубликован документ, в котором дается перечень имущества, захваченного чукчами у юкагиров.

⁸³ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 300.

⁸⁴ Там же, д. 1552, л. 539.

⁸⁵ ААН СССР, ф. 3, оп. 10, д. 137, тетр. 6 (без пагинации).

⁸⁶ Г. Дьячков. Анадырский край. Записки Общества изучения Амурского края, т. II, Владивосток, 1893, стр. 67 и др. Подробнее см.: Н. Л. Гондатти. Сведения о поселениях по Анадыру. «Записки Приамурского отдела

Между чукчами и оседлыми жителями Анадыря установились хорошие, деловые отношения. На Анадыре снова начала развиваться торговля. Местное оседлое население немало содействовало этому, доставляя на своих собаках товары гижигинских купцов на Анадырь. Кроме того, среди местного оседлого населения возникло кустарное производство некоторых предметов, нужных в хозяйстве и быту чукчей-оленоводов (легковые нарты, ножи, тесла, табакерки и др.).

На Колыме и к востоку от нее в конце XVIII в. нападения чукчей на юкагиров также прекратились. Со времени основания Анюйской ярмарки между чукчами и коренным населением приколымья (юкагиры, эвенки, коряки) наладился оживленный обмен.⁸⁷ В местах наиболее близкого соприкосновения чукчей с юкагирами шел процесс ассимиляции юкагиров. А. Аргентов в середине XIX в. отметил значительное количество смешанных браков чукчей с юкагирами.⁸⁸

В XVII—XVIII вв., несмотря на частые случаи нападения чукчей на юкагиров, между ними существовали и другие формы отношений. По-видимому, юкагиры издавна были посредниками в обмене чукчей с югом и юго-западом. Можно предполагать, что через них осуществлялась связь с Охотским побережьем и Якутией. Они же оказались посредниками в торговле между чукчами и русскими, по крайней мере в XVII и первой половине XVIII в. Подтверждение этому имеется в ряде документов того времени.⁸⁹

Одна из бухт с впадающей в нее небольшой речкой в Заливе Креста называется по-чукотски Этэлкуем, что означает «Юкагирская бухта». Возможно, где-нибудь на этой речке или на берегу бухты и было прежде «юкагирское торговще».

Об активном участии юкагиров в торговле с чукчами имеются указания в ряде документов середины XVIII в., времени наибольшего обострения чукотско-юкагирских отношений. Так, в 1756 г. отряд чукчей близко подошел к Анадырской крепости. Юкагиры сначала сообщили об этом. Командир Анадырского гарнизона приказал им «из предосторожности подойти к крепости ближе» и обещал выслать для их охраны военную команду. Однако юкагиры «в рассуждении желаемой с ними (чукчами, — И. В.) торговли, не допусая россиян наперед», сообщили, что они ошиблись, приняв стадо диких оленей за приближающихся чукчей. Через некоторое время чукчи напали на это стойбище юкагиров. В числе захваченного ими у юкагиров имущества было много предметов,

РГО», т. III, в. 1, Хабаровск, 1897. См. также: Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах, ч. I. СПб., 1894, стр. 190.

⁸⁷ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824, стр. 176 и 389.

⁸⁸ А. Аргентов. Первая народная перепись чукчей, населяющих Чаванский край. Архив Географического общества в Ленинграде, разряд 64, оп. I, № 32.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, № 1552, л. 12.

явно предназначенных для обмена. Так, в списке имущества, принадлежавшего князю Ядаче Соболевскому, значится тулов четыре, стрел железниц 80, лыж с подволоками камусными 7 пар, королюков 150, колокольчиков больших и малых 50, топоров средних 5. У него же были взяты меха (кузнечные) 2, зубил 3, пил укладных 3 и т. д.⁹⁰

Неопределенность и противоречивость в отношениях чукчей с юкагирами, в частности на Анадыре, может быть объяснена отчасти тем, что для одного отряда чукчей данное стойбище юкагиров могло быть дружественным, с ними они могли вести обмен; для другого — это было обычное стойбище слабого иноплеменника, на которого можно было напасть, захватить людей в плен, разграбить их имущество.

Такая неуравновешенность в их отношениях может быть подтверждена еще следующим фактом. В 1756 г. в Анадырский острог приезжал чукотский старшина (так его называет документ) Менигытьев, где вел переговоры о подданстве. Направляясь в свои стойбища, он предложил проводить его «юкагирам до реки Белой, ибо те чукчи тем юкагирам в начатие дружбы подарили более ста оленей».⁹¹

Не прошло и года, как другой отряд чукчей напал на этих юкагиров и разграбил все их имущество, в том числе и подаренных оленей.

Как уже было сказано выше, характер отношений между чукчами и юкагирами изменился в конце XVIII в., когда прекратились нападения чукчей и окончательно улеглась межродовая вражда.

⁹⁰ И. С. Гурвич. Юкагиры чуванского рода в середине XVIII в. «Сибирский этнографический сборник», т. II, М.—Л., 1957, стр. 250.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 31.

ГЛАВА III

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЧУКЧЕЙ

Наиболее ранние исторические источники не дают ничего определенного относительно структуры чукотского общества. Лишь в документах XVIII столетия появляются косвенные сведения, на основании которых можно восстанавливать картину общественного строя чукчей. Следует все же отметить, что уже в документах XVII в. упоминаются чукотские «князцы» со своими улусными людьми (из района р. Алазеи). В документах, касающихся чукчей, обитавших к востоку от р. Колымы, называются «старшины», «тоены», «лучшие и прожиточные мужики», которые обычно фигурируют «со своими родниками», «улусными мужиками». Упоминается иногда и «род».

Как видно, терминология документов XVII—XVIII вв. отображала социальную структуру феодального общества, с одной стороны (князцы, старшины), и с другой — общественную иерархию, существовавшую в Якутии. Однако эта терминология, примененная к чукчам, далеко не отображала существа их общественных отношений. Поэтому ко всем определениям того времени необходимо относиться весьма критически.

Уже в начале XIX в. были высказаны сомнения относительно правильности применения к чукчам этой терминологии.

В 1815 г. кн. Голицын — прокурор святейшего Синода намеревался наградить некоторых из «носовых чукчей» в связи с принятием ими христианства званием тойонов и соответствующими знаками отличия. Однако Пестель — сибирский губернатор счел возможным ограничиться награждением их только кортиками, справедливо замечая при этом, что «чукчи вовсе не знают звания тойонов, что звание это не чукотское, а якутское, и что они не подчинены двум крестившимся чукчам».¹

¹ В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг., т. I. СПб., 1872, стр. 316.

Вдумчивые составители документов XVII—XVIII вв. избегали пользоваться готовой терминологией и предпочитали ограничиваться описаниями, сообщением фактов.

Русская администрация на Северо-Востоке неоднократно пыталась понять общественные отношения чукчей. Для этой цели давались специальные поручения лицам, направлявшимся к чукчам. Им-то мы и обязаны сообщениями весьма ценных сведений, используя которые, можно с большим приближением к истине составить характеристику общественного строя чукчей и его эволюцию.

В 1711 г. из Анадырска на Чукотский нос был послан казак П. Попов, которому среди прочих поручений «велено присматриваться подлинно: на чем у тех чукчей меж собою по их вере в подлинном договоре верная твердость».²

Возвратившись в Анадырский острог, П. Попов, рассказывая о виденных им у чукчей пленных с островов Берингова пролива, сообщил: «а живут ... они, островные люди, собою тако же, что ... и они, чукчи, и начальных людей ... никого у них нет».³

В 1718 г. юкагир ходынского рода Говина Юкольников ходил к чукчам и привел в Анадырский острог несколько человек «с яшашным платежом». Из расспросов чукчей выяснилось, что они «власти над собою никакой не имеют и живут самовольно родами».⁴

Командир Анадырского гарнизона капитан Шатилов, отвечая на запрос военной коллегии о чукчах, писал в 1751 г.: «Старшинство оные (чукчи, — И. В.) имеют по своему иноземческому древнему обыкновению, так же как и коряки, по родам: кто из них постоянное и прожиточнее оленными табунами, тот у них и старшина».⁵ «Чукчи главного командира над собою не имеют, — сообщил в 1756 г. казак Кузнецкий, — а живет всякий лучший мужик со своими сродниками и с собою. И тех лучших мужиков яко старшин признают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей».⁶

«Чукчи народ самовольной и начальников своих не весьма послушной»,⁷ — сообщал в 1775 г. Н. Дауркин.

Аналогичные характеристики встречаются на протяжении почти всего XVIII столетия. Примечательно в этих свидетельствах то, что старшинами считались те, кто «прожиточнее оленными табунами» или «кто более имеет у себя оленей». Встречающемуся

² Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1 (1700—1713). СПб., 1882, стр. 457—459.

³ Там же.

⁴ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 34.

⁵ С. Шашков. Материалы для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII в. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1864, кн. 3, стр. 65.

⁶ Сб. архивных материалов, Л., 1935, стр. 181.

⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 19, л. 53.

термину «род» не дается никаких пояснений; нет ни одного названия рода. Под термином «род» этих свидетельств следует понимать не род в его собственном значении, а скорее семейную общину, большую патриархальную семью. Родовых названий эти общины не имели. Очевидно, родовой организации у чукчей в XVII—XVIII вв. уже не было.

Основной общественной и экономической единицей чукчей в это время была патриархальная семья (*райырзын* — домонаполнение). Организация производства у оседлых (приморских) и оленных чукчей, вся их бытовая обстановка в указанное время подтверждают наличие у них большой патриархальной семьи. В состав ее входили «старшина» со своими «родниками». Такая семья имела общее хозяйство, общее жилище как у оседлых, так и у кочевых чукчей.

В состав семьи входило до 10 и более взрослых мужчин, связанных между собою узами родства. Примеров этому много. Так, в 1731 г. русские встретили «оленных чукок две юрты, в коих 30 человек мужеска полу».⁸ Тогда же «нашли на Каменном отрядыше пеших чукок в одной земляной юрте, в которой 20 человек (мужчин, — И. В.), да баб и ребят, а сколько, не упомянут».⁹

В 1744 г. у р. Нерпичьей «нашли чукотскую юрту, где было 5 мужчин и 2 женщины».¹⁰ Тогда же около мыса Сердце-Камень встретили три юрты (оленных чукчей), в которых было 20 человек мужчин. В том же районе встретили стойбище из 7 юрт, «в коем было 88 мужиков».¹¹

По сведениям участников экспедиции И. Биллингса, полуземлянки береговых чукчей вмещали от 3 до 8—10 семей.¹² В ярангах оленных чукчей также проживало по несколько семей близких родственников.¹³

Г. Сарычев, участник экспедиции И. Биллингса, обобщая собранные членами экспедиции материалы об общественном строе чукчей, писал: «Вообще как оленные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей, соединенных родством или дружбой. Особенных властей или начальников не имеют, а почитают в каждом таком обществе одного, который богаче прочих и имеет большое семейство. Дальнего повиновения ему не оказывают: он может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей или других поступков одними словами, но никого не имеет власти наказывать. При таком без-

⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, лл. 3—8.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, т. II, тетр. 9, л. 49.

¹¹ Там же.

¹² Г. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога в 1791 г. СПб., 1811, стр. 5—6.

¹³ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 11.

начали удивительно, что сей народ по сие время мог удержать свою вольность».¹⁴

В этой характеристике общественного строя чукчей конца XVIII в. Г. Сарычев отчетливо выделил наиболее заметные черты их патриархальной семьи. Вместе с тем он подметил и зарождение других отношений, которые начали развиваться в новых условиях жизни чукчей. Наряду с семьями-общинами «соединенных родством», он указывает на семьи-общины, связанные «дружбою». В этом факте Г. Сарычев правильно подметил разложение патриархальной семьи и зарождение отношений, характерных для соседской общины.

Во главе патриархальной семьи приморских чукчей стоял «старшина» или, как его называли чукчи, *ы'твэрмэчыи*, т. е. 'лодочный начальник', 'старшина'.

У кочевых чукчей патриархальная семья объединялась вокруг общего стада и возглавлялась *эрмэчыи*, буквально 'силач', 'старшина', 'начальник'.

Связи внутри патриархальной семьи в XVII в. у чукчей были прочнее, нежели к концу XVIII в., когда размеры оленьих стад возросли, когда возникла необходимость дробить их в целях более удобного выпаса, лучшего ухода за оленями. Дробление стад в свою очередь ускорило процесс установления частной собственности на них. К. Мерк отмечал, что «занятия мужчин у оленных чукчей — надзор за стадами — дело молодых мужчин, чьи животные составляют общее стадо».¹⁵ Однако тот же К. Мерк подчеркивает наличие у чукчей частной собственности на оленей, а вместе с ней и наличие имущественного неравенства. Частная собственность на оленей закреплялась путем надкусывания ушей молодых оленей каждым владельцем особым способом,¹⁶ благодаря чему каждый чукча в общем стаде находил своих оленей.

Частная собственность на оленей и порожденное ею имущественное неравенство нашли довольно отчетливое выражение в бытовом укладе чукчей. Наиболее рельефно образование социальных групп проступало у чукчей-оленьеводов.

Главы патриархальных семей чукчей, по определению наблюдавшего их жизнь в средние XVIII в. сержанта Кошкарева, «работы никакой не работают, всегда обращаются в гулянье».¹⁷

Чукотский старшина Аныка Анигирин в 1763 г., объясняя начальнику Анадырского острога причины недовзноса ясака чукчами возглавляемой им группы, говорил: «Хотя де его людей и много, но по большей части из работников, кои в их жилищах всегда обращаются при пазбе оленей и протчего, а платили ясак

¹⁴ Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, М., 1952, стр. 186.

¹⁵ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 82.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 30.

только одни лучшие люди».¹⁸ В XIX в. эта дифференциация зашла еще дальше.

Главы патриархальных семей чукчей жили в многоженстве. Как сообщал упоминавшийся выше сержант Кошкарев, «старшины между собою весьма союзны и имеют у себя по четыре и пять жен и более».¹⁹ «Чукчи берут по 3—4 жены, бедные довольствуются одной», — отмечал К. Мерк.²⁰ «Чукча по состоянию своему, — писал доктор Кибер в 1823 г., — имеет много жен, которые, по-видимому, пользуются равными правами и живут согласно. Впрочем, многоженство у них не во всеобщем употреблении; я видел многих чукчей, которые довольствуются одной женою, более же пяти никто их не имеет».²¹

Многоженство у чукчей отмечается в исторических источниках не как исключение, а как обычное бытовое явление, что свидетельствует о прочности и относительной давности возникновения этого института.

В общественной жизни чукчей описываемого периода наблюдаются противоречивые процессы. Так, у них уживались одновременно частная и общинная собственность. При наличии частной собственности на оленей пастбища и охотничьи угодья (сухопутной и морской охоты, лежбища моржей) составляли общинную собственность; зимние жилища, байдары были в собственности патриархальной семьи. Наряду с частной собственностью, имущественным неравенством, многоженством продолжали прочно бытовать традиции общинной жизни, унаследованные из прошлой жизни чукчей: групповой брак с его материальными и моральными обязательствами, левират, сорорат и некоторые другие.

Документальные материалы и другие источники XVIII—XIX вв. отмечают у чукчей «мену жен», иными словами, пережитки группового брака. Казачий сотник И. Кобелев, пробывший среди чукчей зиму и лето 1780 г., рассказывал: «Муж женатый с женатым же меняются женами своими, иные по пятнадцати человекам такую мену производят».²² К. Мерк рассказывал об этом обычае у чукчей так: «Обмен женами (nevtumgin) — мужья договариваются, чтобы таким способом укрепить свою дружбу, спрашивают согласия жен, которые редко отклоняют такую просьбу... Обмен женами чукчи обычно ограничивают лишь одним или двумя друзьями, нередко однако примеры, когда такого рода близкие отношения поддерживаются со многими, до десяти человек (мужчин, — И. В.)».²³

¹⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 23 об.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 30.

²⁰ Архив АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 55.

²¹ Перевод с рукописного сочинения доктора Нижне-Колымского отряда Северной экспедиции Кибера от 1823 года. «Сибирский вестник», СПб., ч. II, 1824, стр. 112.

²² ЦГИАЛ, ф. 1264, Первый сибирский комитет, д. 2, л. 80.

²³ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 57.

Более подробное описание этого обычая у чукчей дал доктор Кибер. «Самое замечательное обыкновение их, — писал он, — есть мена жен. Каждый чукча старается сыскать себе друга, с которым, живя обыкновенно вместе, делится счастьем. У друзей все общее, даже самые жены. Сей известный обычай должен, по-видимому, происходить от глубокой древности. Когда чукча хочет доказать кому-нибудь свою дружбу, то предлагает поменяться женами. Дети, от разных матерей рожденные, пользуются одинаковыми правами».²⁴

Групповой брак влек за собой не только права, но и обязанности, как материальные, так и моральные. Вступившие в отношения группового брака обязаны были поддерживать друг друга всеми средствами к жизни, так как при общности жен они имели и общих детей. Групповой брак связывал членов группы обязательствами кровной мести, ибо люди, вступившие в отношения группового брака, считались кровными братьями, и не только жены, но и дети их были общие. «Дети чукчей, поскольку установился такой обычай (идет речь о *н'эвтумгын*, — И. В.), послушны чужим отцам», — писал К. Мерк.²⁵ Таким образом, групповой брак у чукчей расширял рамки отдельной патриархальной семьи, тем самым увеличивался круг лиц, связанных родством, а следовательно, и силой защиты, силой большей хозяйственной устойчивости, иначе говоря, связывал несколько патриархальных семей в одну большую общину. Групповой брак у чукчей как бы возмещал утраченный род и его наиболее жизненные институты.

Основной формой поселений оседлых чукчей были *нымным* (поселки), оленных — *стойбища*. Приморские поселки включали несколько патриархальных семей, каждая из которых имела в поселке особое место с особым названием и размещалась в отдельной полуземлянке. Так, например, в конце XVIII в. в с. Уэлен проживало 7 патриархальных семей, в с. Янранай — 2, в с. Лорино — 4 и т. п.

В больших селениях родственные патриархальные семьи имели общие участки, на которых были расположены их жилища. Такие участки носили также особые названия. Так, например, с. Уэлен состояло из трех групп полуземлянок: *Тапкарадьит* (жители морской косы, от *тэпкан* — 'коса'), *Гынонральит* (жители середины поселка) и *Кэунэльит*.

²⁴ «Сибирский Вестник», 1824, ч. 2, стр. 112. Наличие пережитков группового брака у чукчей в то время, когда у них уже существовала патриархальная семья, находит объяснение в том, что патриархальная семья «образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира», как это доказано М. Ковалевским и признано Ф. Энгельсом (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 62).

²⁵ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 58.

Аналогичного типа были стойбища оленеводов, объединявшие также несколько патриархальных семей, 2—3 и более, каждая из которых занимала одну ярангу. Однако по мере увеличения стад такие стойбища дробились.

Поселки береговых чукчей и стойбища оленеводов представляли не только территориальные, но также родственные объединения. Каждое селение, каждое стойбище оленеводов представляло собой нечто целое, имело своего главу, считавшегося старшим в селении, стойбище. Это были общины, состоящие из 2—3 патриархальных семей, — следующая ступень в общественной организации чукчей, но менее прочная, чем патриархальная семья. Такие общины были связаны родством, а иногда и совместным производством: у оседлых — коллективной охотой на китов, на диких оленей, у оленеводов — совместным выпасом оленей, совместной охотой, а также объединенными действиями при защите от врагов и нападениях.

Документы XVII—XVIII вв. часто отмечают «князцов», «тоенов», «главных тоенов», которые, судя по количеству людей, связанных с ними, были представителями не только отдельной патриархальной семьи, но поселка, стойбища в целом, т. е. территориальных объединений нескольких патриархальных семей, одновременно связанных и узами родства. Что касается «главных тоенов», то они в определенные периоды представляли более обширные объединения чукчей, охватывавшие группу близко расположенных селений или стойбищ оленеводов. В 1653 г. землепроходец Иван Ерастов сообщал в Якутск, что между рр. Колымой и Алазеей «живут на тундре чукотские мужики, а князцы у них 3 человека Аун, да Тыко, да Кенчека ... со своими улусными людьми».²⁶

Летом 1741 г. к урочищу Чекаево для промысла диких оленей пришел «тоен Апавко с родниками в байдарах 20».²⁷ В том же году туда же прибыл «чукотский тоен Елтувье в 10 байдарах», «на другой день пришли чукоцкие тоены Кею, Тэгрувье, Ятыгыргын, Апавко и Северо-Восточного моря Наихье, Янъятыргын в 40 байдарах, с коими было войска сот до двух».²⁸

В 1756 г. из Анадырска в чукотские стойбища, между рр. Танюрэр и Канчалан, были направлены сержант Кошкарев, капрал Тарский и переводчик. Они прибыли в стойбище «к лучшему чукче именем Леуче, и он, собрав своих родников человек до ста, принял их».²⁹

Летом 1756 г. на устье Анадыря «был чукоцкой князец Татымкын он же и Тэврю», где находилось «юрт с двадцать, стоят слободою и оленные их табуны».³⁰

²⁶ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 31, л. 5.

²⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 7.

²⁸ Там же, л. 6.

²⁹ ЦИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 29.

³⁰ Там же, л. 32.

С другой стороны р. Анадыря прибыл «тоен Минигытьев и с ним еще лучших старшин десять человек».³¹

Помимо «князцов», «тоенов», старшин, документы называют «главных тоенов», т. е. таких, которые объединяли большие группы как оседлых, так и кочевых чукчей. Среди имен, встречающихся в середине XVIII в., упоминаются «главный восточного моря чукоцкой тоен Кею» (1732 г.), находившийся со своими людьми около Залива Креста и руководивший отрядом чукчей более 400 человек.³²

Летом 1763 г. подполковник Плениснер встретился на Анадыре с чукчами, которые прибыли туда «более чем в 60 байдарках по 20 и 25 человек в каждой», считая женщин и детей, среди них было около 300 человек взрослых мужчин. На вопрос Плениснера, «желают ли они быть в вечном подданстве», ответили, что «без главного их старшины Омылята согласия учинить не могут».³³ Имя этого старшины-тойона встречается и в другом любопытном документе, из которого следует, что власть его была наследственной. В 1764 г. Николай Дауркин, чукча по происхождению, по возвращении с Чукотки в Анадырский острог представил особое доношение, в котором сообщал: «В бытность во объявленном чукоцком народе был отец его именем Омылят, а в тогдашнее де время в том чукоцком народе был главным тоеном одного отца его родной дядя именем Тентион, которой по смерти своей одному ево отцу (Омыляту, — И. В.) тою тоенскую власть по наследству и поручить обещал».³⁴

В 1732 г. Тентион был убит и Омылят, как видели выше, стал «главным старшиною».

Этот институт чукотских «тоенов» существовал и в первой половине XIX в. В 1837 г. Главное управление Восточной Сибири сообщало в Министерство внутренних дел, что чаунский и беломорский «тоен» Ятыргын, присягнувший вместе с другими на подданство, «составлял у чукоч значительное лицо, пользующееся между ними большим уважением, по огромному своему богатству, состоящему в бесчисленных стадах оленей, имеет сильное на всех вообще чукоч влияние по родству своему с Носовым (т. е. Чукотского полуострова, — И. В.) тоеном Леутом, известным своим отчаянным удалством и грозой для американцев (аляскинских эскимосов, — И. В.)».³⁵ К этому следует добавить, что Ятыргын и Леут были самыми крупными поставщиками пушнины и оленьего сырья на Анюйскую ярмарку. Таким образом, власть их опиралась на экономическое благосостояние. Не следует, однако, забывать, что роль и значение чукотских «тоенов» в середине XVIII в. зна-

³¹ Там же.

³² ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 5.

³³ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 23.

³⁴ Там же, т. II, тетр. 4, л. 160.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. Министерства внутренних дел, д. 570, 1836, л. 11 об.

чительно отличалась от их роли и значения в 30-х годах XIX в. Из всего сказанного вытекает, что в общественной иерархии чукчей существовало еще одно звено, которое объединяло население целых районов не столько по родственному принципу, сколько по территориальному. По-видимому, у чукчей, существовало какое-то деление на определенные территориальные группы. В 1756 г. один из чукотских тойнов-старшин Менигытьев, предлагая начальнику Анадырского гарнизона свои услуги в борьбе с коряками, говорил, что их «восемь волостей, людей много». Вероятнее всего, что он имел в виду территориально изолированные друг от друга группы чукчей. Возможно, с этими «волостями» и нужно связывать названия «беломорские», «чаунские», «носовые», «анадырские» и др., которые соотносились с определенными районами расселения чукчей.

Объединенные территориальные группы чукчей существовали еще в начале XIX в. Прианадырские чукчи обратились к камчатскому губернатору Г. Кошелеву с просьбой принять от них жалобу на промышленников Российско-Американской компании. Для встречи с Кошелевым прибыли в с. Каменское «Чечро-Тума, верховная глава всего чукотского народа, с двадцатью подчиненными ему старшинами и со знатным числом чукчей».³⁶ Этот «верховная глава» представлял только прианадырских оленных чукчей, но не весь народ.

Возникновение общественных объединений чукчей, более сложных, чем патриархальная семья и община, объединяющая несколько патриархальных семей (поселок, стойбище), было вызвано к жизни не столько условиями их производственной деятельности, сколько взаимоотношениями чукчей с соседними племенами, народностями и с царизмом.

По мере налаживания мирных отношений чукчей с их соседями и самодержавием институт «главных тоенов» прекратил свое существование. К середине XIX в. остался лишь один такой тойон около Колымы, которого всячески поддерживали представители царской администрации, но не чукчи. Власть «главных тоенов», или «главных старшин», как иногда их называли в документах того времени, была преходящей, она проявлялась лишь в моменты обострения отношений чукчей с коряками и самодержавием.

У чукчей существовала начальная, наиболее примитивная форма патриархального рабства. Рабами были только иноплеменники, захваченные во время военных столкновений, или купленные. Преимущественно это были эскимосы с Аляски, коряки и юкагиры.

Казак П. Попов еще в 1710 г. встретил у «носовых» чукчей

³⁶ Любовь чукчей к справедливости. «Русский Вестник», № 8, М., 1811, стр. 17.

«тех островных людей (эскимосов Аляски, — И. В.) ... взятых в полон ... человек с 10».³⁷

В XVIII в. в связи с чукотско-корякскими и чукотско-юкагирскими военными столкновениями чукчи вместе со стадами оленей захватывали в плен подростков, женщин и детей. Мужчин и подростков использовали пастухами в захваченных стадах.

В 1741 г. 14 человек коряков бежали из чукотского плена. По прибытии на Анадырь они сообщили, что «оставили их пленников Эмогу с товарищи оные чукчи в земле своей на урочище по их чюкоцкому званию Увальхала в оленных табунах для пазбы».³⁸

А. Чириков в 1742 г. писал о чукчах: «... взявши в полон, продают сосоедственным же народам».³⁹

В 1791 г. И. Биллингс встретил на Аляске эскимоса, который «прежде пленным у оленных чукоц [был] и обратился в свою землю бегством». Далее И. Биллингс сообщал: «... в бытность мою в Чукотской земле, находившуюся у чукоц одну американку пленную с двумя детьми в тяжком рабстве с немалым убеждением чукоц выкупил я, но детей ея по упрямству чукоц искупить не мог».⁴⁰

Чукотский фольклор передает много эпизодов, когда чукотский богатырь не только отнимает стада, но и забирает в рабство корякских подростков, пасущих эти стада.⁴¹

«По собственным нашим наблюдениям и собранным отзывам других, — писал Ф. П. Врангель, — оказывается, что у кочующих и у оседлых чукчей существует рабство. Богатейшие из чукчей владеют целыми семействами, уже с древних времен находящимися у них в зависимости, не смеющими удалиться никуда, не имеющими собственности и совершенно подчиненными произволу своего господина, употребляющего их в самые тяжелые работы; в вознаграждение он одевает и кормит их. Вероятно, рабы чукчей суть потомки прежних военнопленных».⁴²

Рабы, таким образом, служили рабочей силой, что характерно для патриархальной семьи, в составе которой наряду со свободными членами могли быть и несвободные. Кроме того, рабы (чукотское название — *пурэл*) служили товаром, промениваемым обычно на оленей. Как сообщал майор И. С. Шмалев в 1756 г., чукча «Менигытьев в разговорах объявлял, что ежели б в аманаты браны были их холопи ... (рабы, — И. В.), то они не токмо

³⁷ Сб. архивных материалов, стр. 157.

³⁸ ЦГАДА. ф. 199, № 481, т. VII, л. 345 об.

³⁹ ЦГАВМФ, экспедиция Беринга, д. 2, л. 251.

⁴⁰ Там же, ф. экспедиции И. Биллингса, д. 62, л. 11.

⁴¹ В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, ч. I. СПб., 1900, тексты №№ 133, 134, 135 и др.

⁴² Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824. Изд. Главсевморпути, 1948, стр. 313.

по одному, но и по два б дали, которые холопи между ими покупаютца оленей по 20 и по 30».⁴³

«С тою же целью, т. е. для грабежа, — писал К. Мерк в 1791 г., — оседлые чукчи переезжают на байдарках через пролив в Америку, нападают на стойбища, убивают мужчин и уводят с собою в плен женщин и детей. Оленные чукчи платят оседлым 12 важенок или 10 важенок и двух обьежженных ездовых оленей за американскую женщину, дети стоят дешевле. Они принуждают их к работе ... одевают же их в поношенную одежду».⁴⁴

Весьма любопытны отмеченные К. Мерком подробности, характеризующие начальный, наиболее примитивный этап развития рабства у чукчей. Чукчи охотно за небольшой выкуп возвращали захваченных в плен людей их родственникам, что, несомненно, свидетельствует о недостаточных возможностях применения труда рабов. О недоразвитости, примитивности рабства у чукчей говорит также и то, что рабы часто становились равноправными членами чукотского общества. «Встречаются среди чукчей, — сообщал К. Мерк, — иногда и коряки и юкагиры в качестве работников, иногда женят их на своих бедных женщинах. Оседлые также иногда берут в жены пленных американок».⁴⁵

Рабство у чукчей не получило глубокого развития и широкого распространения, особенно среди приморских охотников. Возникнув вместе с войнами, оно прекратило свое существование, как только прекратились военные столкновения чукчей с соседями. Рабство не стало ведущим способом производства и поэтому не оказало заметного влияния на развитие производства и производственных отношений. В первой половине XIX в. следы патриархального рабства у чукчей окончательно стерлись.

Из сказанного следует, что общественный строй чукчей имел более сложную организацию, чем община, состоящая из нескольких патриархальных семей. Эта организация соответствовала более сложным отношениям, охватывающим большие группы чукчей, с задачами не только совместного производства (коллективная охота), но и для ведения войн, направленных главным образом на захват чужого имущества и угон в плен людей.

Общественный строй чукчей со всеми его противоречивыми процессами в XVII—XVIII вв. шел по пути разложения первобытнообщинных устоев и образования классового общества. Однако в этот период продолжали действовать имманентные пружины их общественного развития, так как на чукчей мало еще сказывалось влияние новых закономерностей, которые порождались воздействием русского феодального государства.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, лл. 36—37.

⁴⁴ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 41.

⁴⁵ Там же.

Всестороннее изучение общественного строя чукчей этого периода дает основание, как нам кажется, утверждать становление у них зачатков военной демократии. В самом деле, к началу XVIII в. развитие производительных сил и производственных отношений чукотского общества достигло такого уровня, при котором произошло первое, наиболее существенное, общественное разделение труда: оленеводство выделилось в самостоятельную отрасль хозяйства, отделилось от морского зверобойного промысла, который в свою очередь также обособился, стал самостоятельной, независимой от оленеводства отраслью хозяйственных занятий чукчей. Возникли необходимые условия как в одной, так и в другой отраслях хозяйства для постепенного накопления излишков производства (продуктов оленеводства, с одной стороны, и продуктов морского зверобойного промысла — с другой), что привело к установлению регулярного обмена не только между представителями этих отраслей хозяйства, но и с другими народностями.

На Крайнем Северо-Востоке сложилась торговля с побережьем Аляски (эскимосами), сочетавшаяся с грабительскими набегами; на западе (в районе Колымы) и на юго-западе (на Анадыре и Гижиге) развивались торговые связи с русскими, коряками, эвенками.

К этому времени среди чукчей были уже богатые «прожиточные», «лучшие люди», основные производители, бедные и «холопы» — рабы. Имущественные, а вместе с ними и зачатки социальных прослоек были уже налицо. Излишки производства как среди оленеводов, так и среди оседлых приморских охотников породили посредников обмена между ними — купцов (*каврадьыт* — «поворотчиков»), основным занятием которых был обмен одних товаров на другие.

Усложнение отношений с русским самодержавием с начала XVIII в. привело как бы к слиянию территориально разобщенных групп чукчей, к осознанию единства народных (племенных) интересов всех чукчей. Более тесное единство, постоянные контакты территориальных групп чукчей, основанные на экономической и общественно-политической базе, вынужденные перемещения населения, смешение его — все это привело к единству чукотского языка, не имеющего диалектов. Все это вместе взятое способствовало окончательному сложению чукотской народности и решительному выделению ее из среды других палеоазиатов, в частности коряков, их территориальных и языковых подразделений. Окончательный переход к пастушескому оленеводству и выделение оленеводства из хозяйственного комплекса протекали в обстановке распада первобытнообщинного строя чукчей и становления у них элементов военной демократии. Нападения на коряков и юкагиров с целью захвата их оленей, имущества, набеги на эскимосов побережья Аляски к началу XVIII в. становятся регулярными.

«Лучшее их (чукчей — И. В.) содержание и пропитание в разбою между собою или что достанут у коряков», — сообщал в Сенат Дмитрий Лаптев в 1741 г.⁴⁶

«Чукчи на богатство имеют зависть, отчего может произойти и частной разбой»,⁴⁷ — заключал характеристику общественного строя чукчей Т. Шмалев во второй половине XVIII в.

«Набеги свои оленные чукчи, — писал К. Мерк, — направляют главным образом против коряков, вражду с которыми все еще не могут забыть, а в прежние времена и против юкагиров, ныне ими почти совершенно истребленных, а цель их набегов — грабеж оленей... чукчи убивают всех боеспособных мужчин. Женщин и детей чукчи уводят с собой».⁴⁸ «С той же целью, — сообщал далее К. Мерк, — т. е. для грабежа, оседлые чукчи переезжают на байдарках через пролив в Америку, нападают на стойбища, убивают мужчин и уводят с собой в плен женщин и детей. Таково частично происхождение пушнины, которую они выменивают с русскими купцами».⁴⁹

Набеги на побережье Аляски чукчи совершали еще в конце XVIII в. Как сообщал тот же К. Мерк, «в нынешнем (т. е. 1791, — И. В.) году оседлые чукчи отправились на нескольких байдарках в набег в Америку, но нашли только пустые, оставленные жилища».⁵⁰

Из цитированных сообщений видно, что на протяжении XVIII в. как оленные, так и оседлые чукчи упорно преследовали своих соседей в целях грабежа их имущества, а также захвата в плен женщин и детей.

Такие набеги превращались у чукчей в одно из их постоянных занятий. Набеги на юкагиров и коряков совершались в зимне-весеннее время по санному пути при участии как оленных, так и оседлых чукчей. При этом оленные чукчи обеспечивали оседлых необходимым транспортом. В этом отношении между оленными и оседлыми чукчами существовала прочная взаимная поддержка и помощь.

«Оленные чукчи к сидячим чукчам на оленях приезжают, — писал Т. И. Шмалев, — и в зимние походы на коряк поднимают тех сидячих на своих оленях, а, напротив того, сидячие ж чукчи оленных носовых и в дальних от моря местах в тундренных живущих летом возят по морю и по рекам... и дают им во взаимное дружество свои байдары».⁵¹

В летние месяцы оседлые чукчи вместе с сибирскими эскимосами и при участии оленных чукчей предпринимали набеги на

⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. экспедиции Беринга, д. 2, л. 251.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 7, л. 10.

⁴⁸ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 39—40.

⁴⁹ Там же, стр. 41.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 199, № 539, тетр. 1, л. 26.

эскимосов побережья Аляски и островов Берингова пролива (о. Лаврентия, Пунукские острова и даже южнее). В 1791 г. И. Биллингса аляскинские эскимосы «убедительно с жалостью просили, чтобы российские защитили оных от нападения и грабежа оленных и пеших чукчей. Сии чукчи почти ежегодно на байдарках чрез проливы во многом числе походом на американскую землю ходят, истребляют убивством американцев, имение их разграбляют, разделяя по себе, а жен и детей берут в плен».⁵²

«Прежде чукчи на ту землю ходили походами байдар по сту», — сообщал в 1789 г. сотник Кобелев, всю жизнь проживший в Анадырске.

Характеризуя состояние человеческого общества при переходе от варварства к цивилизации, Ф. Энгельс на основе обобщения огромного количества исторических фактов наметил основные вехи, по которым шло формирование военной демократии. «Богатства соседей, — писал он, — возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».⁵³

В связи с систематическими нападениями на соседей у чукчей появляются руководители военных отрядов: *йин'ычьыт* — 'передовые', 'впереди идущие', *очоттэ* — 'повелевающие', *эрмэчьыт* — 'силачи', 'витязи', 'сильные воины', объединяющие вокруг себя небольшие дружины воинов (*орачекыт*) с целью грабежа. При нападениях на коряков и юкагиров составлялись отряды в 150—500 воинов.

Так, в 1742 г. «чукчи человек ста с четыре» появились южнее Анадыря, «у Баранова камня».⁵⁴ В марте 1747 г. отряд чукчей около 500 человек перешел р. Анадырь выше острога и направился в корякскую землю.⁵⁵ В 1754 г. отряд чукчей «не меньше двухсот человек» напал на прианадырских юкагиров.⁵⁶ В 1756 г. на устье р. Анадыря «чукок собралось человек с триста и более все в луках и копьях».⁵⁷

«Чукчи в военных делах заобыкли, — писал Т. Шмалев Г. Ф. Миллеру в 1777 г., — ибо они в случае сот от трех и до пяти ходят в походы».⁵⁸

⁵² ЦГАВМФ, ф. экспедиции И. Биллингса, д. 62, лл. 11—12.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 164.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 555.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, лл. 13—14.

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 539.

⁵⁷ Там же, д. 1558, л. 13.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 9, л. 53.

В набеги на аляскинских эскимосов, по-видимому, пускались более многочисленные отряды. Если справедливо указание Кобе-лева о том, что чукчи на Аляску ходили «байдар по сту», то в та-ком отряде было по меньшей мере человек 700—800. Во главе таких дружин стояли *йин'ычъыт*, или *эрмэт*, многие имена которых дошли до нас в исторических документах того времени и в фоль-клоре. Таков, например, Лявтылевалын — 'Кивающий головой', прозванный так оттого, что он в битвах отдавал приказания вои-нам кивком головы. Он имел своего помощника Эленнута и др.⁵⁹

Ко времени наибольшего обострения отношений между чук-чами и представителями царской администрации в XVIII в. чукчи уже имели достаточно слаженную военную организацию, своих вождей. В известиях о походе Павлуцкого на Чукотский полу-остров упоминается «тоен Наихйе», руководивший отрядом чукчей до 1000 и более». В другом месте, относящемся к тому же походу, ко второму столкновению с чукчами, упоминается тот же Наихйе и «тоен Восточного моря Хыпае», которые стояли во главе отряда чукчей в три тысячи человек.⁶⁰

В момент наибольшей опасности и напряжения чукчи сумели, видимо, объединить и собрать в одно место всех способных но-сить оружие. Но создать из них организованное войско, подчинен-ное единому командованию, готовое решать определенную такти-ческую задачу, они не смогли. В 1744 г. во время самого крупного столкновения чукчи выступали разрозненно, неорганизованно, от-дельными группами.

Вообще, продолжительность и спаянность объединения столь большого числа чукчей известна лишь тогда, когда возникала не-обходимость самозащиты, тогда как при нападениях на коряков, юкагиров и эскимосов отряды чукчей были значительно меньше. Чукотское общество того времени еще не развилось до объедине-ния всех групп в единый союз.

Предводители отрядов были выборными, однако не из рядовых воинов, а, очевидно, из глав патриархальных семей, или общин, объединявших несколько патриархальных семей, из числа отличав-шихся организаторскими способностями, силой, ловкостью. «При такого рода предприятия (т. е. походе, — И. В.), — писал К. Мерк, — чукчи, чего не принято у них ни в каких других случаях, выби-рают себе предводителя... При приближении к чужой земле ... вожак собирает совещание самых опытных стариков. Старики, по их представлению, имеют преимущественное право на голос в та-ких предприятиях, а прочий народ ограничивается молчанием».⁶¹

Для решения наиболее важных вопросов, которые касались коренных интересов чукчей, собирались на «совет» представители

⁵⁹ В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фоль-клора. стр. XXIV.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 4.

⁶¹ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 39.

нескольких патриархальных семей, а иногда и территориально обособленных групп. Наибольшую активность чукчей вызывали вопросы вступления в русское подданство и вопросы взаимоотношений с коряками, эскимосами и некоторые другие.

Для совместных действий требовалось единогласие. Однако не всегда они находили общий язык.

Временные объединения нескольких общин, каждая из которых объединяла ряд патриархальных семей, нередко распадались, и каждая из них действовала самостоятельно, порой вопреки интересам других. Так, в 1749 г. «явилась ис полону» от чукчей «коряцкая девка» и в «скаске объявила» неприятели чукчи ... пришед из их земли в реку Анадырь ... ради рыбного и оленного промыслу ... между собою имели великую прю о походе под Анадырской острог, ис которых один лучший мужик Кею с родом своим отправился тремя байдарами и несколько притом было ве-тошников (т. е. пловших на однолючных байдарках, — И. В.), пошедь в поход под Анадырский острог ... а другие чукчи девятнадцать байдар ... в поход с Кеей под Анадырский острог не пошли ... да сверх того Кеины три юрты остались при устье реки Онемена». ⁶² Это показание интересно еще и тем, что Кея, названный здесь «лутчим мужиком», а выше «тоеном», выступал во главе небольшого объединения, состоявшего из трех юрт и трех байдар (по-видимому, трех патриархальных семей). При этом подчеркивается, что он был с «родом своим», т. е. все три юрты представляли собой группу лиц, связанных родством. Указание на «прю» свидетельствует, что некоторые вопросы у чукчей обсуждались весьма бурно. В этой связи уместно процитировать высказывание Т. И. Шмалева, анализировавшего русско-чукотские отношения в середине XVIII в. Он писал: «Чукчи, поссорясь между собою, часто род с родом имеют несогласие ... на богатство имеют зависть, отчего может произойти и частной разбой, что и не можно изменой назвать, а разбой то частной и не может составить генеральной всего общества измены: как то из многих наших начальников одного или части родов измену причитали всем». ⁶³

Т. И. Шмалев, как видно, наблюдал у чукчей большую самостоятельность, независимость друг от друга патриархальных семей и общин, объединявших ряд патриархальных семей. Тем не менее, как уже отмечалось выше, мероприятия, связанные с внешними сношениями чукчей, всегда обсуждались коллективно, большими группами. Другое дело, что решения их были не обязательны для всех.

Сержант Кошкарев в 1756 г. наблюдал у чукчей «собрания» в несколько сот человек, обсуждавших вопрос о подданстве и пла-

⁶² ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 293.

⁶³ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 7, л. 10.

теже ясака. Но тот же Кошкарев отметил, что обсуждение этих вопросов велось и самостоятельно в стойбищах «лутчих мужиков» Леуче и Менигытьева. Каждая такая община, территориальная группа имели еще меньшую спайку, чем патриархальные семьи, выступали обычно совершенно самостоятельно и не были зависимы от других. Так, на предложение майора И. Шмалева (начальника Анадырского острога) в 1756 г. всем чукчам вступить в подданство «тоен» Менигытьев, давая согласие за себя и свою группу, заявил, что за других решать этот вопрос он не может, так как «многих старшин с их родниками на реке Анадырь не было, а самых носовых было немного, а чаунских никого».⁶⁴

Войны с соседями для чукчей первой половины XVIII в. были в известной мере регулярным занятием. Этому соответствовало их вооружение и подготовка воинов. Воином считался каждый мужчина, юноша, способный владеть оружием и управлять упряжкой оленей.

Постоянные тренировки чукчей мужского пола, включая не только молодых мужчин, но и подростков, вырабатывали у них выносливость, силу, ловкость, умение пользоваться оружием, быстроту реакции и другие качества, необходимые для воина и охотника. «Чукчи, — сообщал в 1756 г. неоднократно цитируемый выше сержант Кошкарев, — все мужественны на копьях, и из луков стрелять проворны, и на оленях ездить поспешны, в разговорах к ответу скоры ... обычай имеют: став поутру рано, уйдут все в оленный табун, а обратно пришед, между собою здруг здругом шурмуют копьями и надевши куяки бегают вокруг, например, часа по три и более, а потом стреляют друг в друга из луков стрелами. Оне ж ходят, когда приспееет кочевать, то за табуном всегда пешком в куяках идут».⁶⁵

«А для легкости и разминажу, — сообщалось в описании быта и нравов народов Якутии в 1769 г., — чукчи пинают мячи и копейному сражению обучаются, тако ж и друг друга из луков стреляют до ран».⁶⁶

К этим сообщениям можно добавить наблюдения К. Мерка: «Молодые мужчины нередко упражняются в ношении панцирей, одевая их на целые дни, вплоть до глубокой осени, и следуя за обозом нарт по боковым горным дорогам. Нередко им при этом приходится еще тащить на себе кое-какой груз».⁶⁷

Около каждого большого селения чукчей до недавнего времени сохранялись правильные круги — тропинки с плотно утрамбованной землей и глубоким следом. В центре и по краям круга лежали

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 37.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 30; Сб. архивных материалов, стр. 181, пункты 2 и 4.

⁶⁶ А. П. Окладников. К истории этнографического изучения Якутии. Сб. материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948, стр. 36.

⁶⁷ Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 33.

камни разной величины и веса. В свободное от хозяйственных занятий время по кругу бегали мужчины и подростки, тренируя себя на выносливость в беге. Упражнялись в поднимании камней, боролись и т. п. Все это называлось *илюльэтык*, т. е. 'упражняться', 'тренироваться'. Очевидно, такие круги и имеет в виду Кошкарев.⁶⁸

В основу воспитания молодых людей у чукчей была положена физическая закалка: охотнику нужны ловкость и выносливость, воину — сила и бесстрашие. Весьма выразительно сформулирована именно такая идея в одном из народных преданий чукчей. После удачного выстрела, произведенного сыном из лука, отец воскликнул: «Вот я создал будущего насильника, грабителя чужих стад, воина я создал. Я — хороший человек».⁶⁹

В соответствии с наступательным, захватническим характером войн чукчи выработали определенную тактику, применяя которую, обычно достигали успеха. Следует отметить, что по сравнению со своими соседями они были более активными в военном отношении. Наиболее энергичную деятельность в этом отношении чукчи развивали в XVIII в. Документы Анадырского острога этого периода почти на каждый год дают сведения о нападениях отрядов чукчей то на коряков, то на юкагиров, на их отдельные роды и группы. За весь XVIII в. имеется всего лишь 4—5 документов, отмечающих ответные действия пострадавших (коряков, юкагиров) и то, как правило, в сопровождении отрядов Анадырского гарнизона. Нет ни одного указания на нападения аляскинских эскимосов на чукчей, на побережье Чукотки. Все эти факты служат лишним доказательством переживавшегося чукчами глубокого распада первобытнообщинных отношений, гораздо более глубокого, чем у их соседей. Чукчи во многом превосходили своих соседей и в военной организации, в частности в тактике ведения военных действий.

В 1774 г. на пути к с. Каменскому сержант Маклаков неожиданно столкнулся с отрядом чукчей, следовавшим в корякскую землю. Вот как описывает он подготовку чукчей к сражению. «Чукчи со своих санок стали и, связав к санкам оленей, надев на

⁶⁸ В. Леонтьев, специально занимавшийся изучением чукотских игр, установил, что до недавнего времени в селениях береговых чукчей существовали специальные спортивные площадки, которые чукчи называют *гэчеватын* — 'место для развлечений'. Следы таких площадок имеются в селениях Аккани, Янран'ай, Нунямо, Кэн'ыск'ун (Дежнево), Тунытлин, Уэлен, Инчовын, Чегыгун и др. «На этих площадках, в свободное от охоты время, — замечает В. Леонтьев, — обычно летом, проводились все общественные мероприятия, обряды, состязания в силе и ловкости, разнообразные игры, требующие физической силы».

«Состязания начинались с подъема камней. Камни клались на живот, на спину, выжимались руками, часто устраивались бега с камнями» [В. Леонтьев. Национальные игры чукчей. «На севере дальнем». Литературно-художественный альманах, № 1 (16), Магадан, 1960, стр. 129—130].

⁶⁹ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, Л., 1934, стр. 162.

себя куяки, предприняв в руки копья, луки и тулы со стрелами, стали по крылам расходиться».⁷⁰

Довольно подробно тактические приемы чукчей были изложены «лутчим чукотским мужиком Пурехом Мениямтиным», который в 1776 г. намеревался напасть на стойбища коряков, расположенные около Гижигинской крепости: «По прибытии к здешней (Гижигинской, — И. В.) крепости, во-первых, оставя большую половину своего чукотского войска не в дальнем от крепости расстоянии в прикрытом месте, а достальным малым числом для обману появиться близ крепости у стойбища коряцкого, учинить сражение и не долго оное имея, обратитца к побегу, а когда преследование будет, то чукчи, находящиеся в засаде, должны будут выскочить сбоку и перебить преследователей ... а потом учиня разъезды, а по сыску коряк, их оленные табуны разграбя в добычу себе получить».⁷¹

Таким образом, у чукчей уже были разработаны и применялись такие тактические приемы, как обход и окружение противника, заманивание противника на засаду и т. п.

Более упрощенной была тактика нападения на отдельные стойбища коряков и юкагиров. По описанию К. Мерка, делалось это следующим образом: «При приближении к чужой земле ... высылают разведчиков к тем или иным стойбищам и уславливаются о месте встречи. Нападение на юрты всегда начинается на рассвете, иногда они бросаются с арканами для ловли оленей на яранги и стараются разрушить их, накинув петлю на верхнее сплетение жердей остова. Другие в это время колют копьями сквозь покрывку яранги, а остальные, подъехав на всем скаку на нартах к оленьему стаду, делают его на части и угоняют».⁷²

Эпоха военной демократии наиболее полно изучена советскими историками и этнографами.⁷³ Подробно исследован этот вопрос в работе С. П. Толстова *Военная демократия и проблема «генетической революции»*. С. П. Толстов привлекает, в частности, материалы о тлинкитах. В общественных институтах тлинкитов и чукчей обнаруживается много общего. Однако сопоставление сведений об экономических и общественных устоях военной демократии у тлинкитов и чукчей дает и некоторые отличия.

«Перед нами общество, — пишет С. П. Толстов о тлинкитах, — находящееся на наиболее ранней ступени эпохи военной демокра-

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 19, л. 52.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 7, л. 23.

⁷² Архив ИЭ АН СССР, колл. III, оп. 1, папка 2, стр. 39.

⁷³ С. П. Толстов. 1) *Военная демократия и проблема «генетической революции»*. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 7—8, 1935; 2) К вопросу о периодизации истории первобытного общества. «Советская этнография», № 1, 1946; И. И. Потехин. *Военная демократия матабеле*. В кн.: *Родовое общество. Этнографические материалы и исследования*, М., 1951; М. О. Косвен. К вопросу о военной демократии. В кн.: *Проблемы истории первобытного общества*, М.—Л., 1960.

тии, — общество, сохранявшее частично (в северной части побережья) при утрате группового брака материнско-родовую организацию и сочетающее эту организацию с глубоко зашедшими в своем развитии классовыми, примитивно-рабовладельческими отношениями.

«Общество тлинкитов, гайда, племен Puget-Sund'a и др. резко делится на три классовых, оформленных как касты слоя:

«1) Племенной знати — родовых наследственных вождей и их семейств, рабовладельцев, организаторов военных предприятий и торговцев, 2) свободных производителей («средний класс») и 3) рабов.

«Рабский труд как основа существования аристократической верхушки весьма развит. Военные набеги одной из основных целей ставят захват рабов. Мужчин большей частью убивают ... женщин же и детей обращают в рабство. У них процветала работорговля».⁷⁴

Резюмируя сказанное, С. П. Толстов отмечает: «Перед нами общество, где рабство еще не образовало основы способа производства, но где оно уже является ведущим элементом, определяющим направление общественного развития».⁷⁵

Нельзя сказать этого о чукчах. Развитие у чукчей в XVIII столетии экономических и общественных основ, характерных для эпохи военной демократии, носило зачаточный, более примитивный характер, нежели у тлинкитов. Однако общая тенденция их развития была той же, что и у тлинкитов. Они шли по пути к образованию классов, свойственных рабовладельческому обществу.

В 80-х годах XVIII в. происходит перелом в развитии общественных отношений чукчей. Формировавшиеся ранее институты военной демократии начали заметно ослабевать, реже и менее отчетливо проявляться. На месте их стали складываться институты, отображавшие веяния новых общественных отношений. Вместе с ними возникли и начали обостряться новые внутренние противоречия, сущность которых заключалась в том, что развитие пастушеского оленеводства у чукчей привело к быстрому росту и упрочению частной собственности на оленей. Насильственный захват большого количества оленей в XVIII в., естественное размножение их обусловили быстрое увеличение чукотских стад, необходимость расширения пастбищных угодий, дробления стад. Большие стада (2—3 тыс. голов) в силу чрезмерной подвижности, и следовательно, трудности их выпаса и охраны необходимо было делить на более мелкие. Дробление стад в свою очередь способствовало обособлению отдельных семей и дальнейшему укреплению частной собственности на оленей. Интересы отдельной семьи, об-

⁷⁴ С. П. Толстов. Военная демократия и проблема «генетической революции». «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 7—8, 1935, стр. 182.

⁷⁵ Там же, стр. 183.

ладавшей достаточным для жизни количеством оленей, стали противопоставляться общинным интересам патриархальной семьи. Начался распад основного звена чукотского общественного строя — патриархальной семьи, выделение из нее отдельных семей и постепенное их экономическое и территориальное обособление. Таким образом, нарушалась внутренняя спаянность патриархальных семей и их групп.

Хозяйственная жизнь оленеводов и приморских оседлых охотников могла протекать нормально лишь в обстановке мирной жизни. Стадовладельцы тяготились обстановкой напряженности. Они стремились к урегулированию отношений с соседями и в первую очередь с администрацией Анадырского острога.

К 80-м годам XVIII столетия установилось известное равновесие в общественном разделении труда чукчей. Окончательно определились оленеводство, с одной стороны, и морской зверобойный промысел — с другой. Между этими отраслями хозяйства налаживались регулярные экономические связи, которые могли успешно развиваться опять-таки лишь в мирной обстановке. Таким образом, поводов, а также условий для организации набегов на соседей становилось все меньше и меньше.

Помимо чисто внутренних причин отмирания военной демократии, были причины и внешние, которые также способствовали этому процессу и вместе с тем направляли в новое русло развитие общественных устоев чукчей. Весьма важную роль сыграли в этом отношении сложившиеся по-новому в 70-х годах XVIII в. политические и экономические связи с Россией. Первостепенное значение имели усилия русской власти, направленные на прекращение набегов чукчей на коряков и юкагиров, установление регулярных торговых связей с чукчами и др.

Еще в 60-х годах XVIII в. правительство Екатерины II отказалось от насильственного включения Чукотки в состав Русского государства, а также от обязательного обложения ясаком чукчей и сибирских эскимосов.

В 1771 г. был упразднен Анадырский острог. Воинские подразделения и все гражданское население были переведены в Гижигу и Нижнеколымск, а все постройки около острога и сам острог были сожжены.⁷⁶

Чукчи-олeneводы интенсивно осваивали правый берег р. Анадыря с ее притоками. К началу XIX в. они распространились далеко на юг, на Камчатский перешеек. На западе и юго-западе чукчи освоили правобережье р. Колымы вплоть до притоков Омолсна. В новых местах их расселения они пришли в тесное соприкосновение с коряками, юкагирами, эвенками. Установились мирные отношения, наладились экономические и другие связи между чукчами и названными народностями. Положительную роль в разви-

⁷⁶ Об этом подробнее см.: И. С. Вдовин. Анадырский острог. Исторический очерк. «Краеведческие записки», Магадан, вып. 2, 1959; вып. 3, 1960.

тии новых отношений чукчей с их соседями сыграли учрежденные в конце 80-х годов XVIII в. Анюйская ярмарка, торговый пункт русских на Анадыре (при впадении в него р. Майн) и чукотская ярмарка в Гижиге. В эти пункты потекли излишки производства чукчей-оленоводов и приморских охотников. В обмен на пушнину, оленье сырье они получали товары русского производства, в первую очередь всевозможные металлические изделия, разные украшения, табак, а со временем и огнестрельное оружие.

Продукты оленеводства находили большой спрос у приморских охотников чукчей и сибирских эскимосов, а также у русского и туземного населения Колымы, Гижиги и якутских купцов. Очень скоро из среды чукчей выделились посредники в обменных отношениях между оседлыми и оленными чукчами и главным образом между чукчами и русскими купцами (так называемые *кавральыт* — 'поворотчики', 'торговцы').

Начиная с конца первой четверти XIX в. *кавральыт* вступили в непосредственные торговые связи с американскими китоловами, усиленно занимавшимися у азиатских берегов контрабандной торговлей.

Таким образом, среди социальных прослоек чукчей сложилась новая прослойка — *кавральыт*. К середине XIX в. эта прослойка чукчей определилась весьма отчетливо. «По занятиям, — писал А. Аргентов, — чукчей можно разделить а) на оленных (чавчу), которые всего более заботятся о сбережении, улучшении и умножении своих оленей; б) морских (анкален), занимающихся преимущественно ловлею разных тюленей, моржей, рыбы и в) торгующих (*кавраремкыт*), у которых главное занятие состоит в торговле, в размене одних вещей на другие».⁷⁷

Распространение среди чукчей металлических орудий, огнестрельного оружия, расширение торговых связей с русскими, с населением Аляски и китоловами — все это способствовало развитию и укреплению частной собственности на оленей, на орудия и средства производства морского промысла и пушной охоты. Эти же процессы привели к распаду патриархальной общины, к изживанию родственных устоев, лежавших в основе общественной организации чукчей. Старые традиции и прочность семейно-общинных связей были нарушены.

Распад патриархальной семьи у чукчей и возникновение на ее месте своеобразной соседской (территориальной) общины более отчетливо прослеживается на материалах второй половины XIX в.

В общественном строе чукчей с конца XVII и до середины XIX в. произошли глубокие изменения. Складывавшаяся военная демократия не получила всестороннего и полного развития. Этот естественный процесс был приостановлен в результате

⁷⁷ А. Аргентов. Описание Николаевского Чаунского прихода. «Записки СО РГО», кн. III, СПб., 1857, стр. 90.

включения северо-востока Сибири в состав Русского государства, следствием чего было постепенное прекращение военно-грабительских набегов чукчей, а вместе с этим и прекращение поступления оленей, пленных и другого имущества. Обнаружились и внутренние противоречия в чукотском обществе. Они развивались одновременно с ростом оленеводства и частной собственности.

Развитие пастушеского оленеводства способствовало большей разрозненности населения, что в значительной мере ослабляло родственные связи. Шел распад патриархальной семьи, которая уступала место соседской общине.

Постепенное вовлечение чукотского хозяйства в сферу товарных отношений привело к окончательному изменению направления развития их общественного строя. Уже в первой половине XIX в. от институтов военной демократии не осталось ничего. Не случайно один из наблюдателей первой четверти XIX в. писал: «Чукчи уважают своих начальников. Между ними нет полного равенства. Начальники и богачи живут каждый отдельно, в небольших чистеньких палатках, а остальные теснятся в одной большой».⁷⁸

⁷⁸ В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г., т. I. СПб., 1872, стр. 301.

ГЛАВА IV

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА ЧУКОТКЕ В XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Этапы проникновения русских землепроходцев на Чукотку хорошо известны. Они подробно описывались уже неоднократно.¹

В 40-х годах XVII в. русские обосновались на р. Колыме. В 1649 г. в 750 км от устья Анадыря С. Дежнев поставил зимовье, на месте которого несколько позднее был построен острог.² Основанные русскими поселения оказались — одно на юго-западной границе расселения чукчей (Анадырский острог), а Нижнеколымское зимовье — на самой западной границе их расселения.

Русские остроги были основаны собственно на стыке расселения чукчей с юкагирами. От Анадырского острога чукчи жили далеко. Ближайшие из них обитали на устье р. Канчалана (левый приток Анадыря), порядка 650 км от острога. В районе Колымы чукчи жили по правому и по левому берегу этой реки в ее низовьях, где какая-то часть из них близко соприкасалась с русскими. Однако промышленники и представители официальной власти в первую очередь обратили внимание на то местное население, которое могло добывать соборей и вносить ясак.

Попытки заставить чукчей вносить ясак были неоднократны. Колымские приказчики скоро убедились в том, что ясака соборами с чукчей не получить.

Как сообщал в 1647 г. М. Стадухин, «у тех чюхоч соболя нет, потому что живут на тундре у моря».³ Зато чукчи имели моржовые клыки, о чем сообщал тот же М. Стадухин. Уже в наказной

¹ Н. Н. Оглоблин. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII в. ЖМНП, май, 1903; М. И. Белов. История открытия и освоения Северного Морского пути, т. I. М., 1956; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов. Составил М. И. Белов, Л.—М., 1952; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. Составила Н. С. Орлова. М., 1951.

² И. С. Вдовин. Анадырский острог (исторический очерк). «Краеведческие записки», Магадан, в. 2, 1959; в. 3, 1960.

³ ДАИ, т. III, док. 24.

памяти назначенному на Колыму в 1647 г. приказчиком Василию Власьеву указывалось: «...и велеть им (чукчам, — И. В.) за государев ясак платить тем моржовым зубьем большим и средним, и моржовые лавтаки, и сала имать же за моржовый зуб».⁴

В 1650 г. якутские воеводы Д. Францбеков и Ос. Степанов сообщили в Сибирский приказ, что прислано в Якутск с Колымы от Власова и Коткина «6 костей рыба зубу, и из коих пять костей, весом 17 гривенок», они купили у «чюхоцких мужиков», а шестую кость нашли на море.⁵ В 1652 г. в грамоте из Сибирского приказа якутским воеводам указывалось, что с новых рек «в ясашном соболином сборе и в рыбной кости нашей казне учинить прибыль можно многую».⁶ Поэтому Сибирский приказ предлагал «рыбью кость имать» и доставлять в Москву.

Еще до получения этой грамоты, в том же 1652 г., якутский воевода И. Акинфов в наказной памяти казачьему пятидесятнику И. Реброву писал: «Призывать иноземцев чукоч и велеть им за государев ясак платить тем моржовым зубом ... и моржовые лафтаки и сала имать же ... а имать с них тот моржовый рыбеи зуб ... сколько кому в мочь платить».⁷

Это же требование настойчиво повторялось в наказных памятях и более позднего времени,⁸ и не случайно, так как выяснилось, что с чукчей можно взимать ясак не менее дорогостоящим предметом, чем шкура соболя.

Моржовый клык в XVII в. представлял большую ценность. Присланные в Москву из Якутска в 1652 г. «5 пуд тридцать три гривеньки» моржового клыка по якутской оценке стоили «226 рублей», т. е. 1 фунт кости равнялся примерно стоимости среднего соболя. Отсюда понятен тот исключительный интерес к моржовой кости (клыкам), который проявляли в Сибирском приказе.

Начиная с 1649 г. на приколымских чукчей организуется подряд несколько походов. Особенное рвение в этом деле проявил В. Бугор. В 1649 г. он предпринял два похода на них.⁹

Зимой следующего года опять был организован поход, но чукчей подчинить не удалось.

В 1653¹⁰ и 1655¹¹ гг. также состоялись походы на «непослушников неясачных чукчей», но и они были безрезультатны.

⁴ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в., стр. 239.

⁵ Н. Н. Оглобин. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII в. ЖМНП, май, 1903, стр. 60.

⁶ ДАИ, т. III, док. 97.

⁷ Там же, док. 98.

⁸ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в., стр. 422.

⁹ ДАИ, т. IV, док. 56.

¹⁰ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 223.

¹¹ Там же, стр. 245.

Со второй половины 50-х годов XVII в. чукчи перешли к активным действиям, и казакам на Колыме пришлось уже обороняться. В 1656 г. в Нижнеколымское зимовье был заманен и посажен в аманаты «лутчий чукоцкий князец Миты». Тогда чукчи стали «неотступно приезжать к ясачному зимовью»,¹² требуя, чтобы Миты освободили. Освобожденный Миты в том же году напал на юкагиров, шедших с ясаком в Нижнее зимовье, и отобрал у них соболей. В 1659 г. Миты напал на служилых людей «на рыбной ловле». Несколько ранее, в 1653 г., как сообщал в челобитной сын боярский Костик Стефанов, к Нижнему ясачному зимовью подступило несколько сот чукчей. Они долгое время держали казаков в осаде, «не дадут по дрова и по воду ходить и сетями рыбы промыслять».¹³ В 1662 г. «неясачные люди чюхчи Ковымское нижнее ясачное зимовье обсадили».¹⁴ В 1679 г. «в Нижнем ясачном зимовье . . . служилые люди живут в заперти от неясашных людей от чухоч», — писал в Якутск колымский десятник С. Сорокоумов. В 1685 г. опять «неясачные чюхчи» были около Нижнеколымского острога.¹⁵

Во всех цитированных документах речь идет о неясачных чукчах. В то же время известно, что в списках ясачных плательщиков Нижнеколымского зимовья числились также чукчи; правда, их было немного и вносили они ясак неаккуратно. Числились чукчи и среди аманатов. Так, в 1661 г. был среди аманатов «чюхочей аманат Чочюга Митов».¹⁶

Упорство, с которым чукчи преследовали ясачных юкагиров и осаждали Нижнеколымское зимовье, было вызвано тем, что юкагиры и русские, а также и чукчи претендовали на рыбные и «зверинные» промыслы в низовьях Колымы. Цитированный выше М. Стадухин в 1647 г., сообщая об условиях жизни на Колыме, говорил: «А корм на Ковыме реке рыба, да пави живут оленные и сохатых многож».¹⁷

В 1680 г. нижнеколымские юкагиры жаловались, что «с нижнюю сторону стеснили нас чухчи и не дают нам рыбных кормов и оленей промыслять».¹⁸ Следовательно, здесь затрагивались жизненные интересы этой группы чукчей.

¹² Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936, № 25.

¹³ ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон 8(184), столб. 2, сст. 75—76. В том же 1659 г. сообщалось, что весною приходили к Нижнему ясачному зимовью чукчи «человек здвести и больши за щитами и приступали к зимовью накрепко» (Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 258).

¹⁴ Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в., № 309.

¹⁵ Там же, № 192; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 32, л. 122.

¹⁶ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в., стр. 326.

¹⁷ Там же, стр. 235.

¹⁸ ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон 31, столб. 29, сст. 20.

Ближе к XVIII столетию количество местных чукчей значительно сократилось. Эпидемии оспы в конце XVII в. (1684, 1691—1693 гг.) опустошили чукотские стойбища. Во второй половине XVIII в. приколымских чукчей почти не осталось, а к началу XIX в. о них уже ничего не говорится. К западу от Колымы их не было уже совсем. Вполне допустимо, что в результате столкновений из-за мест промысла часть чукчей ушла из района нижнего течения Колымы на восток. К этому могли их побудить также эпидемии оспы. Предположение это подтверждается некоторыми фактами. Так, в 1685 г., после нападения чукчей на нижнеколымское зимовье, в результате которого пострадали сильно ясачные юкагиры, был снаряжен отряд в погоню за ними. Однако «сыскать тех чухоч не могли. С старых своих жилищ с тундры они чухчи ушли вдаль на Камень, на ту сторону за Камень»,¹⁹ т. е. на восточную правую сторону р. Колымы, или, как ее еще называли, Каменную.

Вся вторая половина XVII столетия для приколымских чукчей была временем почти непрерывной борьбы против гнета самодержавия. Для чукчей же Северо-Востока и прианадырских — это время первых столкновений с политикой феодально-крепостнического государства. Несколько по-иному развивались события на Анадыре.

Летом 1649 г. на одном из островов верхнего течения Анадыря С. Дежнев поставил зимовье.

В том же 1649 г. отряд казаков и промышленных людей был послан «с Колымы реки от сына боярского Василия Власьева вверх Анюя реки на неясачных людей», где они встретили ходынцев и захватили в аманаты «лутчево мужика, именем Ангара».²⁰ Ангара и рассказал В. Власьеву, что с Анюя можно пройти на Анадырь: «За Каменем новая река Анадырь, к вершине Анюя реки близко», — сообщал Ангара. Это известие послужило поводом для организации сухопутного похода на Анадырь.

На следующий год, в марте, туда двинулся приказной человек Семен Мотора, а с ним около 30 человек служилых и промышленных людей.

В апреле 1650 г. отряд С. Моторы соединился на Анадыре с Дежневым. Вслед за С. Моторой с Колымы вышел второй отряд, возглавляемый М. Стадухиным.

В течение трех лет Дежнев не уходил далеко от острога, если не считать поисков р. Пенжины. Деятельность его в это время свелась к обложению ясаком немногочисленных анаулов и частично юкагиров.

В 1652 г. Дежнев и Мотора построили кочи, «плавали к морю» и «хотели итти на новые реки». Выйдя к устью р. Анадыря, «нашли у моря на корге заморную кость рыбей моржовый зуб».

¹⁹ Там же, картон 37, столб. 3, сст. 40.

²⁰ ДАИ, т. IV, док. 7.

Открытие «корги» послужило причиной того, что дальше Дежнев не поплыл, а остался на Анадыре.

Положение русских на Анадыре было трудным. Им приходилось обеспечивать себя продуктами питания, так как никакой связи с Якутском, откуда можно было ожидать подвоза продуктов, у них не было. Жили они, питаясь рыбой и продуктами охоты, как говорится в челобитной служилых и промышленных людей Федора Емельянова Ветошки с товарищи: «Мы холопы и сироты твои кормом нужны, ядим мы красную заморную рыбу, а ныне по плесам кормимся».²¹

Чтобы обеспечить свое существование на Анадыре, часть людей занималась промыслом рыбы и охотой на оленей, лосей, а другая охраняла зимовье и аманатов. Положение тех, которые оставались в зимовье, было более тяжелым, чем тех, которые находились на промыслах. Как сообщается в отписке С. Дежнева 1655 г., «наши товарищи, живучи у государевы казны и аманата, помирали голодною смертию, кормились корою кедровою». Недостаточно было у них орудий лова, «сетей пушальниц» и «мереж», так как «людей заводных пришло мало, платяным и сетяным и всяким заводом должитца не у кого». Это обстоятельство сильно связывало С. Дежнева и бывших с ним промышленных людей необходимостью находиться в тех местах, где можно было добывать пищу. Как сообщается в другом месте той же отписки Дежнева, промыслять дальше моржей на «корге» не могли, так как торопились вверх по Анадырю, чтобы «рыбного промыслу не проходить и не опоздать и голодною смертию не помереть бы».

Такое положение, естественно, долго продолжаться не могло. Нужно было изыскивать дополнительные средства к существованию. Соблюдая государственные интересы, т. е. облагая ясаком коренное население, Дежнев попутно обеспечивал себя и своих людей всем необходимым за счет анаулов. Правда, об этих деталях его жизни на Анадыре сам он скромно умалчивает, лишь другие источники дают кое-какие сведения по этому вопросу. Так, в 1652 г. служилый человек Митька Васильев подал челобитную, в которой писал, что в 1651 г. «Семен Дежнев и Микита Семенов Горбун с товарищи и промышленные люди все в поход ходили и в походе анаулей погромили. И в дуване у них в разводе на человека было корму на сорок человек по полутора пуда жиру говяже, по семи пуд на человека было мяса сохово, да по тринадцати пуд оленя мяса туш на человека».²²

То же подтверждается и в другом сообщении, исходящем от Ю. Селиверстова (не ранее 1654 г.), в котором он писал, что «на той же реке Анадыре на низ, ниже их зимовья, жили анаули иноземцы неясачные люди и во 159 году оне Семен Дежнев с то-

²¹ Там же.

²² ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон 13, столб. 7, сст. 15—16.

варищи тех иноземцев анаулей прибили и в иные годы тож разбивали, для своих бездельных нажитков и ясырей». В заключение Селиверстов сообщал, что «Анадырь река стала пуста, иноземцы все в разны разбежались и прибиты, и аманатов имать не у кого».²³

Это одностороннее и преувеличенное сообщение Ю. Селиверстова нуждается в пояснениях. Сокращение анаулов на Анадыре было вызвано и другими обстоятельствами. Подобно юкагирам и корякам, неясачные анаулы преследовали ясачных. Так, летом 1652 г. «анаульский мужик Мекерка напал на отцов аманатов Каллика и Обый и их побил». Тот же Мекерка в ноябре 1652 г. напал на родственников аманата Когюни и «всех побил на смерть».²⁴

Это же подтвердил в 1655 г. юкагир, сообщивший, что на «Анадыре анаульских мужиков нет, потому что их ходынцы побили, а иные промеж себя. А сказал про то аманат Чехчей».²⁵

Около 1650 г. анаулов плательщиков ясака на Анадыре числилось всего 35 человек,²⁶ следовательно, их вообще было немного. Вскоре все они были подчинены. В 1653 г. С. Дежнев ходил уже «на неясачных людей чуванзей». Через год он повторил поход. В этот раз ему удалось захватить двух чуванцев в аманаты и собрать с них ясак. Вносили ясак С. Дежневу и ходынцы под своего аманата Чекчоя, захваченного еще С. Моторой на пути в Анадырь в 1649 г.

В течение трех лет после прихода С. Моторы и М. Стадухина никто с Колымы на Анадырь не приходил. Слухи же о «корге с заморным зубом» дошли до Колымы и до Якутска. В 1654 г. для промысла «кости моржового зуба» с Колымы на Анадырь была направлена партия промышленных людей во главе с Ю. Селиверстовым. «Корга», на которой Дежнев добывал «заморный зуб», была большим лежбищем моржей. На этом лежбище охотились коряки, жившие к югу от устья Анадыря.²⁷

Никаких упоминаний о чукчах на Анадыре в это время в документах не находим. Плаванья Дежнева к устью Анадыря, где он мог встретить чукчей, в 1652 и 1654 г. происходили в такое время года, когда чукчи на Анадырь еще не приходили.

В 1652 г. Дежнев 17 июля пошел обратно к зимовью, чукчи же обычно приплывали с севера в последних числах июля—начале августа, к осеннему ходу оленей. В 1654 г. первый промысел моржа был только «о Ильине дни», т. е. 20 июля, потому что «льды от берегу не отнесло». В такой год чукчи на Анадырь не могли

²³ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 31, лл. 130—131.

²⁴ ДАИ, т. IV, док. 7.

²⁵ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в., стр. 368.

²⁶ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 548.

²⁷ «Корга», открытая С. Дежневым — земля Гека современных карт.

пройти раньше, так как льды задерживали и их, поэтому-то в отписках С. Дежнева и других нет никаких упоминаний о чукчах.

В 1659 г. Дежнев сдал Анадырский острог Курбату Иванову. В 1662 г. он выехал из Анадырска в Якутск. В челобитной от 23 сентября 1664 г., когда Дежнев уже был в Москве, он просил выдать ему «хлебное и денежное жалованье за прошлые годы» и и тут же сообщал, что «на Анадыре реке будучи, зимовье и острог поставил, и аманатов поймал, и ясаку и десятыя собрал на той новой реке 6 сороков 39 соболей и пластин собольих, 7 сороков 4 пупка собольих, 15 пуд 36 фунт кости рыбы моржового зубу».²⁸

Ясак и десятинная пошлина, собранные С. Дежневым за 10 лет, с 1649 по 1659 г., были незначительны. Один промышленник на реке Мае добывал в сезон по 5—6 сороков соболей. По Анадырю и его окрестностям соболя было мало. Единственно, что привлекало туда промышленных людей — это моржовая кость. С. Дежнев, как сообщалось в докладе государю, составленном в Сибирском приказе по поводу его челобитной, «будучи на государеве службе, упромышлял кости рыба зубу 239 пуд, цена по 60 рублей пуд».²⁹

В результате интенсивного промысла моржей уже через несколько лет лежбище на «корге» опустело. А «заморная кость» в основном вся уже была добыта. Ю. Селиверстов добыл только 50 пудов и жаловался, что С. Дежнев «обобрал всю кость на Анадыре».

Курбат Иванов, сменивший С. Дежнева в 1659 г., уже на следующий год вынужден был отправиться на поиски новой «корги», на которой, по слухам, было много моржей.

Построив и оснастив в Анадырске коч, К. Иванов в сопровождении 22 человек служилых и промышленных людей пустился в плавание на север от устья Анадыря, или, как он выражался, «в русскую сторону». Где-то между устьем р. Анадыря и Заливом Креста К. Иванов встретил 9 чукотских байдар, которые, по-видимому, шли для промысла оленей в Анадырь.³⁰ Это одно из ранних упоминаний о чукчах в документах, составленных в Анадырске.

Уменьшение добычи моржей и моржовых клыков привело к тому, что промышленные и торговые люди стали реже и в меньшем количестве появляться в Анадырском остроге. Жизнь на Анадыре при отсутствии регулярного завоза туда продуктов питания и орудий рыболовства была исключительно дорогой и трудной. Как служилые, так и промышленные люди часто терпели лишения в самом необходимом, голодали, питались нередко «заморной рыбой», древесной корой, болели цингой и т. п. В одной из своих

²⁸ Н. Н. Оглобин. Семен Дежнев. (Новые данные и пересмотр старых). ЖМНП, ч. 272, 1890, стр. 59.

²⁹ Там же, стр. 49.

³⁰ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 269.

отписок Курбат Иванов писал: «А на Анадыре реке служилых людей 5 человек, да торговых и промышленных людей 32 человека. А живут с великою нужею и кормятца рыбою, делают сетишки из крапивы, а хто привезет с Руси сетного холстишка и прядена, и покупают на кость рыба зубу, за сеть дают по пуду кости семерной, а пуд кости ценою 15 рублей, а холсту купят два рубли и по три рубли аршин. А обувь носят кож моржовую, а лопатишки парки оленьи и ровдуги покупают у иноземцев дорогою ценою на железо ... а стрелы купят по рублю».³¹ В 1660 г. писали из Анадырска промышленные и торговые люди: «Служим мы, сироты твои, твою, государеву, службу на Анадыре реки с воды да с травы и твоих, государевых, аманатов поим и кормим, должася великими некупными долгами, покупаючи всякие заводы большою дорогою ценою».³²

Как уже отмечалось выше, соболя на Анадыре было очень мало. «А река Анадырь на лесна и соболей по ней мало», — сообщал С. Дежнев еще в 1655 г.

С точки зрения промысловых возможностей (добыча соболей, моржовых клыков) к 70-м годам XVII в. Анадырский острог и его окрестности оказались невыгодными для промышленных и торговых людей. С еще меньшей охотой шли туда служилые люди, так как жалованье там не выдавалось годами, не снабжался Анадырск и продуктами питания. Так, в 1674 г. в Анадырском остроге было уже только 15 человек служилых людей, как сообщал об этом приказчик Р. Кобелев. В «Росписи Якутского уезду дальним и ближним ясачным острожкам и зимовьям, составленной в 1675—1676 гг., сообщалось, что в Анадырском остроге было всего 16 человек служилых и один приказчик, аманатов 12 человек, исключительно юкагиры.³³

В 1676 г. якутский воевода А. А. Барнашлев в челобитной на имя царя Алексея Михайловича поставил вопрос о ликвидации Анадырского острога, приведя ряд доводов экономического порядка. По его расчетам, годовое содержание 16 человек служилых людей и отправка их из Якутска в Анадырск «ставитца ... в подъеме чetyреста в тритцать в чetyре рубли», тогда как доход, получаемый из Анадырска, «через три и чetyре и пять годов» в среднем составлял «по дватцати и по тритцати и по сороку соболей на год», что по якутской оценке не превышало 95 рублей. К тому же пали совершенно «десятинные» доходы по сравнению с прошлыми годами, когда из «того Анадырского острожку присылалась ... десятинная костяная казна моржового зуба пудов по дватцати и по тритцати и больше». Падение этих доходов А. А. Барнашлев объяснял тем, что «в прошлых годах были на

³¹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в., стр. 315.

³² Там же, стр. 402.

³³ ДАИ, т. VI, док. 136, II.

той Анадыре реке многие торговые и промышленные люди и кость у моря промышляли..., а ныне ... торговых и промышленных людей никого нет». Он также подчеркивал, что местные жители платят ясак «повольно» и аманатов «отступаются», а «служилые небольшие люди сидят в осаде».

За 27 лет, писал А. А. Барнашлев, «как та Анадырская земля сыскана ... и как учили збирать ясак», побито много людей, «а без твоего, великий государь, указу тот Анадырский острог оставить и служилых людей не посылать я, холоп твой, не смею».³⁴ Несмотря на все эти доводы, указа о ликвидации Анадырского острога не последовало, так как в будущем ему отводилась роль отправного пункта для изысканий «новых земель» на юге и востоке.

В 70-х годах XVII в. появляются первые упоминания о ясачных чукчах. Плаванья вниз по Анадырю привели к встрече русских с оседлыми чукчами, жившими при впадении р. Канчалана в Анадырь. Казачий десятник Иван Рубец в 1676 г. сообщал А. А. Барнашлеву: «На реке Анадыре живут неясачные иноземцы чухчи, и близ моря и тех чухоч многие служилые люди преж того поимывали и аманатов с них брали детей и братию и они де чукчи тех аманатов отступаютца и аманаты их не держат».³⁵

В росписи «ясырю» в Анадырском острожке в 1681 г. называются три чукчанки и «два парня чухотского роду».³⁶

В 1685 г. анадырский приказчик Андрей Цыпандин опросил служилых, торговых и промышленных людей, у кого какие «ясыри» живут. В списке, составленном А. Цыпандиным, названо семь чукчанок и один «чукча парень».³⁷

К сожалению, в этих сообщениях не указывается, где и по какому поводу происходили столкновения. Очевидно одно, что в 70—80-х годах русские на Анадыре вплотную столкнулись с чукчами. Однако в списках аманатов Анадырского острога за указанные годы чукчей нет.³⁸ Нет их и в списках ясачных плательщиков. Следовательно, встречи с чукчами были случайными. Возможно, что это были не только «речные чукчи», т. е. те, которые жили на Анадыре, но и те, которые приходили ради промысла дикого оленя.

С конца 80-х годов XVII столетия начинается некоторое оживление в Анадырском остроге. Опять появляются торговые и промышленные люди, увеличивается число служилых людей. Предпринимаются попытки пройти морем к югу от Анадыря. Путь на

³⁴ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 31, л. 277—278.

³⁵ Там же, л. 279.

³⁶ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в., № 132.

³⁷ ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон 37, столб. 3, сст. 113—120.

³⁸ Ср.: ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, лл. 68—71; ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 2, 4, ясачные книги Анадырского острога.

р. Пенжину был уже известен. Многих волновали смутные слухи о Камчатке. Якутские воеводы, направляя в Анадырь приказчиков, неизменно повторяли в наказных памятях, что направляются они туда для «призыву вновь неясашных иноземцев и для подыскания новых земель».

Значение, которое приобретал Анадырский острог в конце XVII в., прослеживается на отношении к нему якутских воевод и служилых людей. Показательно в этой связи следующее обстоятельство. Ревизией Федора Кочанова в 1690 г. было установлено, что якутские воеводы берут откупные «от острожков и от зимовий, и от ясачных волостей с прикащиков и с служилых людей от ясачного сбора». В «Росписи...», составленной Ф. Кочановым, Анадырское зимовье стоит на одном из первых мест; за него должны были платить приказчики воеводам по 200 руб., тогда как за Алазейское, в котором ясаку собиралось значительно больше, только 40 руб.³⁹

Возобновились попытки проникнуть морем на юг в сторону Камчатки. Анадырский приказчик Василий Федоров Кузнецов весной 1688 г., как только вскрылась от льда р. Анадырь, «поплыл к морю на трех кочах, взяв с собою казаков и промысленных людей 52 человека». Прибыв к устью Анадыря, он оставил на «корге» один коч для промысла моржей, а на двух кочах с 12 казаками и 18 промышленными людьми поплыл «в коряцкую сторону», т. е. на юг.

Однако кочи его в бурю разбило «и он Василий с казаками и промышленными людьми... нартами пришел к ясачным чюхчам». Как говорится в доношении по этому поводу, «чюхчи своровали», и В. Кузнецов вместе со своими товарищами погиб при стычке с ними.⁴⁰

Как видим, здесь упоминаются «ясачные чюхчи».

Отряд русских, направленный А. Цыпандиным на поиски В. Кузнецова, подвергся нападению чукчей, которые использовали захваченное у русских оружие. «Те воры изменники чюхчи, — писал А. Цыпандин, — из пищалей по казакам и по торговым и по промышленным людям стреляли, которые взяли у Василия Кузнецова».⁴¹

Увеличение количества казаков и служилых, приток промышленных и торговых людей на Анадырь в 80-х годах XVII столетия были связаны с продвижением на юг от Анадыря в сторону Камчатки, с усилением попыток подчинения чукчей и обложения их ясаком. К этому времени относятся указания о каких-то походах на чукчей, по всей видимости, не выходящих за пределы устья р. Анадыря. Так, казак Г. Федоров, прослуживший в Анадырском остроге с 1682 по 1688 г., писал в челобитной, что, будучи

³⁹ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 32, л. 195.

⁴⁰ Там же, лл. 151—152.

⁴¹ Там же, лл. 154—155.

на той службе, «на немирных неясачных иноземцев на коряк и на чюхчи с служилыми людьями ходил, и на многих боях был».⁴² В свою очередь чукчи начали также проявлять активность. В 1689 г. они уже собирались идти под «Анадырский острожек и ясачное зимовье взять».⁴³

Все же встречи русских с чукчами в низовьях Анадыря в это время были случайными. Они могли происходить лишь во время плавания русских к устью Анадыря или во время поездок ясачных сборщиков. Плавание к устью совершались нерегулярно. По многу лет подряд не плавали совершенно. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в составе десятинной пошлины, собиравшейся целовальником Анадырского острога, моржовой кости очень мало, а в некоторые годы нет совсем. Что касается ясачных сборщиков, то они посылались очень редко. В течение второй половины XVII в. имеется лишь два упоминания об этом. Весной 1688 г. В. Кузнецов послал «из Анадырского зимовья казаков Ивана Анкудинова, да Сидора Иванова, да промышленного человека Фомка Кирилова к чюхчам для ясачного костяного збору моржового зубу». Посланные благополучно возвратились. Однако в 1689 г. ясачные сборщики, посланные «по Анадырю реке к морю к чюхчам для ясачного костяного збору», не возвратились: «ясачные чюхчи тех ясачных зборщиков убили».⁴⁴ Ни за 1689 г., ни за 1690, ни за последующие годы XVII столетия на Анадыре ясак с чукчей не получали. Отношения начали обостряться. Очевидно, чукчи уже тогда преследовали юкагиров и, быть может, коряков.

Так, в 1689 г. в Анадырский острог пришли «полонянки, которые полонянки были у тех воров чюхочь в полону».⁴⁵ Речь идет о женщинах из состава коренного населения Прианадырья.

С конца 80-х годов основные усилия анадырских приказчиков были направлены на продвижение к югу от Анадыря, на подчинение коряков.

Анадырский острог в это время как бы возрождается. Отправляясь в плавание, В. Кузнецов распорядился заново отстроить ясачное зимовье и возвести вокруг него стены, что и было сделано в том же 1688 г. специально нанятыми «работными людьями», которым «за то ясачное зимовье собрано против ряды с служилых и торговых и промышленных людей 40 пуд рыба кости моржового зуба».⁴⁶

После неудачной попытки В. Кузнецова «проведывания коряцкой земли»⁴⁷ на кочах по морю новые не предпринимались. Вместо этого организуются сухопутные разведки к корякам.

⁴² ЛОИИ АН СССР, Якутские акты, картон 39 (1687—1688) без указания столб., сст. 60.

⁴³ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 32, л. 155.

⁴⁴ Там же, л. 152.

⁴⁵ Там же, л. 155.

⁴⁶ Там же, лл. 151—152.

⁴⁷ Там же, л. 154.

При А. Цыпандине ходил в «коряцкую землю для разговоров и призыву» в подданство казак Иван Анкудинов, откуда он благополучно возвратился и принес «10 лисиц красных и те лисицы взял с коряк в ясак».⁴⁸

«Анадырские служилые люди, — писал А. Сгибнев, — давно уже слышали о соседственной Камчатке, но уведомили о том Якутское правление только в 1689 году».⁴⁹ К сожалению, он не сообщил, откуда взял эти интересные сведения.

Как видно, о Камчатке уже были довольно отчетливые представления. Вероятнее всего, первое известие о Камчатке исходило от С. Дежнева и его товарищей, пытавшихся еще в 1652 г. пройти в кочах к югу от Анадыря «на новые реки», но не выполнивших этого намерения.

В 1664 г. С. Дежнев был в Москве, а в 1667 г. в Тобольске при воеводе Петре Ивановиче Годунове был составлен «Чертеж Сибирския земля», в котором впервые обозначена р. Камчатка. О том, что р. Камчатка была известна русским еще задолго до похода В. Атласова, свидетельствует и карта Сибири, составленная в Москве в 1684—1685 гг.⁵⁰

В 1693 г. анадырский приказчик М. Многогрешный прошел до устья р. Пенжины. Видимо, в том же 1693 г. из Анадырска вышел отряд во главе с Лукою Морозко, который проник далеко на п-ов Камчатку и дошел до р. Морощечной.⁵¹ В 1695 г. к корякам снова был направлен Лука Морозко «с товарищи 13 человек, да Анадырского острожку ясашных иноземцев 40 человек для взятия аманатов и для призыву ... иных неясашных коряк». Л. Морозко со своим отрядом прошел далеко на юг. Как сообщал он в челобитной, «собрал ясаку с оленных Опутцких коряк, с Олюторов и Камчацких первых людей, да я ж холоп ваш Лучка с служилыми людьми ... взял Камчацкий острожек, а до Камчатки реки не доходил один день».⁵²

Так постепенно подготавливалось присоединение Камчатского полуострова.

Еще до возвращения Л. Морозко из похода на Камчатку в Анадырск прибыл новый приказчик, якутский пятидесятник Владимир Атласов. Ему и принадлежит окончательное присоединение Камчатки.⁵³

⁴⁸ Там же, л. 154 об.

⁴⁹ А. Сгибнев. Историческое обозрение главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», кн. 4, СПб., 1864, стр. 70.

⁵⁰ Эта карта опубликована Л. С. Багровым («Imago Mundi», IV, Stockholm, 1947); М. И. Белов. Русские походы на Камчатку до Атласова, «Известия ВГО», т. 89, в. I, 1957, стр. 25—35.

⁵¹ И. И. Огрызко. Владимир Атласов. «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 132, 1957, стр. 117.

⁵² ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 32, л. 321.

⁵³ Н. Оглоблин. Новые данные о Владимире Атласове. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1898, кн. 1, стр. 6—7; Сб. архивных материалов, стр. 25—33.

Присоединение Камчатки открывало новые пути в Тихий океан. Камчатка давала большое количество ценной пушнины. Все это надолго приковало внимание к ней Якутского воеводства и Сибирского приказа. Все административные и политические мероприятия на северо-востоке Сибири отныне были тесно связаны с Камчаткой.

С присоединением Камчатки Анадырский острог приобрел особое значение: он стал узловым пунктом, через который поддерживалась связь с Камчаткой. В начале XVIII в. функции его расширились. Для поддержания регулярной связи на путях из Анадырска на Камчатку решено было построить остроги. Связь Анадырского острога с Камчаткой тогда осуществлялась двумя путями. Один пролегал до р. Пенжины, откуда плыли на судах вдоль западного побережья Камчатки до р. Тигиля или шли сухим путем вдоль того же побережья. Второй путь шел по суше до р. Алюторки (Вывенки, а иногда Ынываям современных карт), а затем на судах вниз по реке и далее вдоль побережья до устья р. Камчатки.

В 1709 г. анадырский приказчик Ефим Петров построил на р. Пенжине «Лежащий острог, рублен в лапу, кругом его 60 сажень».⁵⁴ В 1714 г. тоже анадырский приказчик, Афанасий Петров, построил на р. Алюторке острог. Оба эти острога — Пенжинский и Алюторский непосредственно подчинялись приказчикам Анадырска и считались острогами «Анадырского присуда». Анадырский острог в это время становится очень оживленным пунктом. В 1709 г. в нем было 70 человек служилых людей, 45 человек торговых и промышленных, не считая местных жителей. Помимо того, в Анадырске постоянно находились люди, следовавшие на Камчатку и с Камчатки.

Сложность пути на Камчатку через Анадырский острог давно беспокоила сибирские власти. Беспокойство это возросло, когда чукчи начали совершать набеги на оленных коряков, проникая далеко на юг от р. Анадыря. В то же время коряки никак не хотели примириться с тем, что на их территории построены Пенжинский и Алюторский остроги. Все это побуждало сибирскую администрацию искать других путей на Камчатку, которые не требовали бы специальной охраны и не обременяли бы местное население перевозками на оленях. Учитывая эти сложности, сибирский губернатор М. Гагарин в 1711 г. писал якутскому воеводе Д. Траурнихту: «На Камчатку, государь, вели судами ходить через губу с Ламы или от Пенжины».⁵⁵ В 1713 г. последовал указ правительства Петра I об отыскании морского пути с Охотского побережья на Камчатку. В 1716 г. судно, построенное в Охотске, под управлением морехода И. Трески вышло в море и благопо-

⁵⁴ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 2. СПб., 1885, стр. 259.

⁵⁵ Там же, стр. 534.

лучно прибыло на Камчатку к устью р. Тигиль. С этого времени надобность сообщения между Камчаткой и Якутском через Анадырский острог отпала. Новая дорога на Камчатку была значительно короче, дешевле и менее опасна. Правда, еще на протяжении нескольких лет изредка продолжали пользоваться старым путем через Анадырск. Так, 1718 г. из Анадырского острога через р. Пенжину были направлены 60 человек казаков во главе с Григорием Камкиным, но это были уже последние непосредственные связи Анадырского острога с Камчаткой.

Вместе с тем резко ухудшились отношения с чукчами на Анадыре, куда они приходили летом для промысла рыбы и главным образом диких оленей. Обычно чукчи поднимались до устья р. Красной (Чекаево), иногда до впадения р. Белой в Анадырь. Одной из причин ухудшения отношений явился захват русскими и ясачными юкагирами мест промысла чукчей. Дело в том, что продукты питания в Анадырск почти не завозились. Жители его и гарнизон питались рыбой и мясом оленей. Ежегодно летом организовывались специальные промысловые экспедиции в низовья Анадыря, так как возросшее население его уже не могло прокормиться тем, что можно было добыть около острога. Начиная с августа команда вела промысел диких оленей на тех местах, где промышляли чукчи (Чекаево, Родионов Камень, Утесики). На этой почве усилились столкновения с чукчами. В 1701 г. юкагиры жаловались, что чукчи «чинят в промыслу оленей смертные убийства и грабеж».⁵⁶ В 1710 г. сообщалось в Якутск, что служилые люди и ясачные юкагиры, плавающие вниз по Анадырю для промысла оленей, подвергаются нападению чукчей.⁵⁷

С начала XVIII столетия участились нападения отрядов чукчей на ясачных юкагиров и коряков с целью захвата их оленей и другого имущества.

В этих действиях чукчей якутские воеводы усмотрели угрозу Камчатке и ущемление интересов царизма, так как поступление ясака от коряков и юкагиров заметно сокращалось. Ясачные коряки и юкагиры обратились в Анадырский острог, прося защиты от нападения на них чукчей.

Все эти обстоятельства значительно осложнили обстановку на Крайнем Северо-Востоке и побудили сибирскую администрацию предпринять решительные действия против чукчей. В этой новой обстановке функции Анадырского острога несколько изменились. Утратив значение центра всего Чукотско-Камчатского края и узлового пункта на путях к Камчатке, он превратился в центр, откуда предпринимались походы на Чукотский полуостров. В то же время Анадырск оставался единственным форпостом русского государства, наиболее близким к островам Берингова пролива и к «Большой

⁵⁶ Там же, стр. 524.

⁵⁷ Там же.

шой земле», т. е. к Америке, поиски путей к которой заметно оживились в это время. Ходило много слухов о пушных богатствах «Большой земли», поступавших в первую очередь от чукчей и сибирских эскимосов. Поводом к усилению таких слухов служила также пушнина с Аляски (шкурки речных бобров, куниц), которую чукчи променивали юкагирам, а иногда и русским на Анадыре на железо и другие товары.

Таким образом, с открытием нового пути на Камчатку значение Анадырского острога не умалилось, а возросло, но уже в связи с другой ролью, которая ему отводилась политикой царизма на крайнем северо-востоке Сибири.

В Анадырском остроге содержался большой гарнизон, превосходивший своими размерами все гарнизоны острогов Якутского воеводства и даже самого г. Якутска. Из 1500 человек казаков Якутского полка в 1720 г. в Анадырске находилось 300 человек.⁵⁸

Открытие и присоединение Камчатки, установление регулярной связи ее с Охотском по морю создало благоприятные условия для отыскания «новых земель», но уже не сухопутными, а морскими путями. Были получены более точные сведения об островах Берингова пролива, также и об Америке. Наиболее обстоятельные данные были сообщены в 1711 г. казаком Петром Поповым.⁵⁹

В 1725 г. была начата экспедиция под начальством В. Беринга. В марте 1727 г. «последовал высочайший указ о назначении партии» (так официально назывался особый сухопутный отряд), в задачи которой входило «призывать в подданство российского владения немирных иноземцев, которые прилегли к Сибирской стороне, так же и изменников, бывших в подданстве».⁶⁰

Начальником этой партии Сенат назначил якутского казачьего голову Афонасия Шестакова. В помощники ему был назначен капитан тобольского драгунского полка Дмитрий Павлуцкий. В его распоряжение указом было определено 400 человек казаков. Для морской части экспедиции А. Шестакова Адмиралтейств-Коллегия назначила геодезистов, судовых мастеров, штурманов и матросов.⁶¹

В июне 1727 г. А. Шестаков выехал из Петербурга и только весной 1729 г. прибыл в Охотск. Д. Павлуцкий в это время находился в Якутске, откуда через Колыму и Анюй должен был проследовать со своим отрядом в Анадырск.

⁵⁸ А. Сгибнев. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова. «Морской сборник», т. 99, кн. 2, СПб., 1869, стр. 1.

⁵⁹ Ср.: Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1 (1700—1713). СПб., 1882, стр. 458; Ср. также: Сб. архивных материалов, стр. 156—158.

⁶⁰ Полное собрание законов Российской империи, т. VII, СПб., 1830, стр. 771.

⁶¹ Там же.

По планам, которые развивал А. Шестаков в Сенате, все его отряды должны были соединиться в Анадырске, «откуда по Анадырю реке плыть вниз и призывать Анадырских носовых чукоч, а оттуда итти на острова».⁶²

В 1729 г. А. Шестаков на судне «Восточный Гавриил» вышел из Охотска с намерением пройти к устью р. Гижиги или к устью р. Пенжины. Не дойдя до Тауйска, судно А. Шестакова потерпело аварию, но команда благополучно высадилась на берег и вскоре была уже в Тауйском остроге. Отсюда А. Шестаков в сопровождении небольшого числа русских и более ста человек эвенов, эвенков, якутов и коряков, привлеченных им в свой отряд, двинулся на оленях по направлению к Анадырскому острогу. Едва отряд А. Шестакова перешел р. Парень, как он столкнулся с отрядом чукочей. При этом столкновении А. Шестаков был убит. Произошло это 14 марта 1730 г. Д. Павлуцкий со своим отрядом в это время находился на пути из Якутска в Анадырск, куда он прибыл только в начале сентября того же года.

Известие о гибели А. Шестакова вызвало в официальных кругах некоторое замешательство и по существу отказ от выполнения тех широких планов, которые возлагались на сухопутный отряд.

Указом от 10 августа 1731 г. из Тобольска Д. Павлуцкому было предложено принять все имущество, оружие и команду, ранее находившиеся в распоряжении А. Шестакова. В том же указе предписывалось «на чукоч и на протчих иноземцев войною до указу ея императорского воличества не поступать ... а призывать в подданство ласкою».⁶³

Указ этот был получен в Анадырске только 18 августа 1732 г., т. е. уже после того, как Д. Павлуцким был совершен первый карательный поход на чукочей.

Указом от 3 сентября 1731 г. Павлуцкому предписывалось «быть в команде Писарева» — командира Охотского порта, и в то же время подтверждался указ от 10 августа 1731 г. «из Анадырского острогу на немирных иноземцев отправления никакого в поход не иметь».⁶⁴

Пока названные указы проходили по инстанциям от Петербурга до Анадырска, Павлуцкий руководствовался старыми инструкциями и действовал на свое усмотрение. Перестроив Анадырский острог, Д. Павлуцкий в первых числах февраля 1731 г. с «командою регулярных и нерегулярных в 230 человек да верноподданных коряк и юкагир 270 человек» выступил из Анадырска на собранных «с коряк и юкагирей оленях с санки» в чукотскую землю.⁶⁵

Каждый воин имел упряжку оленей. На каждые 5—6 человек везли меховой полог, который устанавливался на ночлегах. Таким

⁶² ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 210.

⁶³ Там же, л. 243.

⁶⁴ Там же, л. 246.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 3.

образом, в отряде было около 700 упряжек оленей. Кроме того, за отрядом гнали специальное стадо запасных упряжных оленей и так называемых «каргин», т. е. оленей, предназначенных для питания команды.

Отряд двинулся вниз по Анадырю, затем по р. Белой, от ее верховий через перевал и тундры к побережью Ледовитого океана, далее вдоль берега на восток.

В сентябре отряд вернулся в Анадырск, проведя в походе почти 8 месяцев. За это время «в добычу получено оленей 12 табунов, в коих было по 1 тысяче и по 2».⁶⁶ Часть оленей еще на пути к Анадырску из-за плохого присмотра «отходили по малому числу обратно к чукчам». Часть была израсходована для питания команды. Лишь около 500 голов дошло до Анадырска.

В числе трофеев, захваченных у чукчей, оказались фузеи, винтовки, 12 железных куяков и личные вещи Шестакова. Кроме того, были «отбиты» 42 человека коряков и двое русских, ранее взятые чукчами в плен.

Подчинить чукчей Павлуцкому не удалось. Они были разбиты, но не покорены.

От расправы Павлуцкого пострадали не только те чукчи, которые нападали на коряков, русских и юкагиров, но и те, которые к этим нападениям были совершенно непричастны. Следствием этого было то, что чукчи получили моральное оправдание для нападений на оленных коряков и юкагиров как участников похода Д. Павлуцкого.

Коряки и юкагиры из этого похода не извлекли никакой пользы. Возвратить отогнанных ранее чукчами оленей им не удалось. Более того, коряки потеряли еще больше 4000 оленей, ибо, отправляясь в поход на чукчей, Д. Павлуцкий взял у них «641 езжалых и 3756 каргинных оленей»,⁶⁷ которые им возвращены не были.

После похода Павлуцкого какая-то группа чукчей стала вносить ясак. В 1733 г. анадырский заказчик Ив. Батанкуев сообщал в Тобольск: «Сидячие чукчи платят ясак лисицы красные малое число повольно, а иного году не платят».⁶⁸ Вероятнее всего, что это были чукчи, приходившие на Анадырь для промысла оленей.

После отъезда Павлуцкого (в конце 1732 г.) в Якутск, гарнизон Анадырского острога в основном занимался промыслом, добывая для себя продукты питания, так как запасы продовольствия, завезенные в 1727—1728 гг., давно уже иссякли, а новых не доставлялось.

Как сообщал тот же Батанкуев, «в Анадырsku служилые люди питаются рыбою и мясом оленьим, и былием, и кореньем, и травою с великою нудю, а хлеба там и иных овощей никаких не

⁶⁶ Там же, л. 5.

⁶⁷ А. Сгибнев, ук. соч., стр. 33.

⁶⁸ ААН СССР, ф. 3, оп. 10, № 137, тетр. 1 (без пагинации).

имеют, а промышляют корм своими трудами».⁶⁹ Положение служилых в Анадырском остроге ухудшилось после того, как в начале 1733 г. чукчи подошли к Анадырску и отогнали с тундры «казенное» стадо оленей.

Прибывший на место Павлуцкого сын боярский Иван Тарабукин не предпринимал никаких мер против чукчей, а занят был исключительно коряками, аккуратно собирая с них ясак и оленей.

В 1738 г. ясачные коряки жаловались на Тарабукина в Камчатскую розыскную канцелярию Д. Павлуцкому,⁷⁰ что, собрав ясак, Тарабукин «взял с них коряк из-за принуждения на служилых людей, которые приезжали с ним Тарабукиным на сорок человек езжалых по два, да по десяти неезжалых оленей на каждого человека».⁷¹

Жаловались коряки и на сменившего Тарабукина Федора Татаринова, который требовал от оленных внесения ясака за умерших акланских оседлых коряков. Волновались коряки аляutorцы, протестовавшие против восстановления Аляutorского острога. Недовольство коряков нарастало. От открытых выступлений их удерживала опасность, надвигавшаяся с севера: чукчи не прекращали нападать на оленных коряков. В 1737 г. отряд чукчей дошел до Нижнекамчатского острога.

В марте 1738 г. чукчи подошли к Анадырскому острогу, а в декабре того же года они произвели опустошительный набег на оленных аляutorских коряков.

Донесения о нападении чукчей на Камчатку и последующий разгром ими коряков вызвали серьезное беспокойство в Сенате. 6 июня 1740 г. Сенат издал указ, предписывавший иркутскому вице-губернатору Лангу, селенгинскому коменданту и капитану-командору В. Берингу «разведать подлинно, в каком месте и сколь те немирные носовые и речные чукчи находятца», и, «собрав из ближних к Якуцку городов и жилищ, також из Якуцка и Анадырского острога служилых людей и обывателей, сколько потребно ... итти на тех чукоч военною рукою и всеми силами старатца не токмо верноподданных ея императорского величества коряк обидимое возратить и отмстить, но их чукоч самих в конец разорить и в подданство ея императорского величества привести».⁷² Такое же предписание было послано в Якутск воеводе Д. И. Павлуцкому.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ В 1733 г. на Камчатку была назначена специальная следственная комиссия, официально называемая «Походная розыскная канцелярия» для расследования причин восстания камчадалов в 1731 г. В состав этой комиссии и был назначен Д. И. Павлуцкий. Он пробыл на Камчатке по 1739 г. (А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», кн. 4, СПб., 1869, стр. 131—133 и др.).

⁷¹ ААН СССР, ф. 3, оп. 10, № 137, тетр. 1.

⁷² ЦГАВМФ, Экспедиция Беринга, д. 2, лл. 140—141.

Зная по опыту 1731 г., насколько военные операции на Чукотке сложны и трудны, он затребовал команду в 400 человек со всем необходимым, включая и продовольствие.

В то же время оседлые чукчи, пришедшие в Анадырь для промысла диких оленей, начали проявлять склонность к покорности: выше урочища Чекаево, где обычно промыслили оленей русские, они не поднимались; не возражали против взноса ясака; посылаемых к ним одиночек казаков для «призыву в подданство и для сбора ясака» не трогали, хотя ясак вносили «повольно», правда, далеко не все. Стремление чукчей к мирному сосуществованию с русскими вытекало также из желания их вести регулярный обмен, получать за пушнину и моржовые клыки изделия из железа, меди и оружие. Но в то же время они не хотели прекращать своих нападений на оленных коряков.

Одной из миссий Анадырского гарнизона была защита ясачных коряков и юкагиров. Уже одно это постоянно осложняло отношения между чукчами и русскими на Анадыре. Но не меньше осложнения приносил произвол командиров Анадырского острога. В истории существования его было немало случаев, когда действия и распоряжения командиров порождали недоверие чукчей к русским на многие годы.

Исполнение указа Сената 1740 г. о разорении чукчей задерживалось.

В марте 1741 г. чукчи напали на оленных коряков, многих взяли в плен и захватили несколько табунов оленей.

Еще до получения этого сообщения Сенат указом от 14 января 1741 г. отменил указ 1740 г. и предписал: «В Чукотскую землю для разорения живущих тамо чукок ... за весьма дальним и неудобным путем ... оруженых людей не посылать, а для предосторожности впредь от помянутых чукок прибавить в Анадырский острог регулярных и нерегулярных лехких людей».⁷³

Едва было получено сообщение о нападении чукчей на коряков, Сенат снова изменил свое решение. 3 февраля 1742 г. был издан новый указ, в котором говорилось, что «для искоренения оных чукок» требуемое майором Павлуцким количество регулярных людей «отправить без всякого отрицания ... оных немирных чукок военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе, точию, которые из них пойдут в подданство ея императорского величества, оных так же жен их и детей взять в плен и из их жилищ вывести и впредь для безопасности распределить в Якутском воеводстве по разным острогам и местам между живущих верно-подданных».⁷⁴

В июле 1742 г. был издан другой указ, предписывавший якутскому воеводе Д. Павлуцкому сдать свою должность капитану

⁷³ Там же, л. 245.

⁷⁴ Сб. архивных материалов, стр. 162—163.

Остякову, а самому отправиться в Анадырск для исполнения указа.

Сформировав отряд и получив продовольствие, Павлуцкий выехал из Якутска. С большими трудностями, потеряв еще на пути к Зашиверску около 1000 якутских лошадей, 7 ноября 1743 г. Павлуцкий прибыл в Анадырск с командой в 407 человек.

Присоединив к своему отряду «170 человек верноподданных коряк и 67 юкагир, на собранных с тех коряк и юкагир оленях и санки», Павлуцкий 2 февраля 1744 г. выступил из Анадырска. Для перевозки людей, провианта и снаряжения, а также для питания команды было мобилизовано свыше 5000 оленей, преимущественно у коряков.⁷⁵

На этот раз Павлуцкий пошел другим путем. Следуя первоначально вниз по Анадырю, от устья р. Канчалан, отряд повернул на север и вышел на Чукотский полуостров.

Выполняя указ Сената, Павлуцкий не вступал в переговоры с чукчами, а, «призывая всемогущего бога», приступал к юртам, уничтожая всех, кто оказывал хоть малейшее сопротивление.

К лету положение отряда стало критическим. Взятые с собой запасы продовольствия кончились. Захваченные у чукчей еще в марте 3000 оленей были также уже съедены.

На пути к острогу команда терпела жестокие лишения, в особенности чувствовался недостаток продуктов. Дошли до того, что «для пищи и езжалых оленей, на коих команда следовала, прибили». Шли прямо по тундре, охотясь на уток, гусей, диких оленей. Так как всего этого было недостаточно, то «пропитание имели травой и кореньями». В конце концов, многие из команды обессилели, не могли самостоятельно двигаться и, «перевязав по плечам и по коленям..., на копейных ратвях несены были». Голод был настолько сильным, что 11 солдат и 39 казаков «померло голодом». Чтобы спасти остальную часть отряда, Павлуцкий, выбрав наиболее сильных «пеших казаков», командировал их в Анадырск для доставки оттуда к устью р. Белой продуктов. После этого отряд Павлуцкого разделился на две партии. Одна из них вместе с Павлуцким пошла прямо к устью р. Белой, другая (280 человек под командой сотника Бутусина), дойдя до верховьев р. Танюрэр, «сделала байдары из оленьих кож» и поплыли к Анадырю, где они были встречены «шитиками с рыбой», присланной из Анадырска.

Бедствия команды на этом не прекратились. Недостаток продовольствия сказывался в самом Анадырске. Команда в Анадырск возвратилась в конце сентября, время промысла диких оленей было упущено, заготовленной рыбы было недостаточно. От надвигавшейся катастрофы спасли корякские олени, которых было

⁷⁵ ЦГАВМФ, Экспедиция Беринга, д. № 2, лл. 247—251.

подогнано к Анадырску и забито для питания команды около 5000 голов».⁷⁶

Через два дня после возвращения в Анадырск Павлуцкий доносил: «В добычу получено 4620 оленей, кои все без остатку команде в пищу употреблены».⁷⁷ Таков итог этого похода.

Коряки опять пострадали, как и в 1731 г., так как «изгнано взятых от тех коряк в подводы пять тысяч оленей», да взяли у них около 5000 голов для питания команды в зиму 1744/45 г. Таким образом, коряки не только не возвратили отогнанных чукчами оленей, они потеряли еще около 10 000 оленей.

Сравнивая поход 1744 г. с походом 1731 г., необходимо прежде всего отметить то, что чукчи в этот раз не оказали организованного сопротивления. Они только оборонялись отдельными группами или бежали, не принимая боя.

И в 1744 г. чукчи не были покорены. Положение оставалось прежним. Для исполнения указа Сената нужно было готовиться к новым походам. В 1745 г. продовольствия в Анадырск из Якутска не выслали, не высылалось уже два года и жалованье служилым. На требования Павлуцкого Якутская воеводская канцелярия предлагала заниматься рыбным и оленным промыслами, не прекращая при этом выполнения указа Сената. В свою очередь Павлуцкий отвечал: «...в прежней партии при отправлении моем в поход в Чукоцкую землю тогда Анадырского острогу иноземцы коряки команды моей служилых подымали своим коштом и кормили своими каргинными оленями, понеже тогда те коряки оленями довольны и от чюкоч не разорены». Если же не будет выслано «хлебное и денежное жалованье солдатам и служилым», писал Павлуцкий, «то все конечно .. в таком отдаленном краю и многотрудном ходу понесут от наготы и босоты нужду, а паче и голод».

Снимая с себя ответственность за невыполнение указа Сената, Павлуцкий доносил, что «за неимением провианта в поход итти нечем, и Анадырского острогу на ясашных коряк в каргинных от них оленях для пропитания впредь надежды не имею, понеже они преж разорены от неприятелей чюкоч, тако же и прошедшей зимы команды моей солдат и служилых пропитали и били своих каргинных оленей многое число».⁷⁸

Не рассчитывая на помощь коряков, Павлуцкий еще летом деятельно принялся за заготовку продуктов силами своей команды. В марте 1746 г. Павлуцкий предпринял третий поход на чукчей, избрав и на этот раз опять новое направление — к Чауну и «на Колымское море». Как и в прежних походах, Павлуцкого сопровождали юкагиры и коряки «с оленями и санками». Поход этот

⁷⁶ ААН СССР, ф. 3, оп. 10, д. № 137, тетр. 5.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, лл. 8—12.

⁷⁸ Сб. архивных материалов, стр. 167—168.

был еще менее удачен, чем предыдущие, хотя пройденная территория была огромной. Отряд прошел по течению р. Чаун от ее верховий до устья, а отдельные подразделения выходили на побережье Ледовитого океана восточнее мыса Шелагского. За все время похода было встречено только 6 чукотских юрт, где было взято всего 650 оленей. Тут же были коряки, ранее уведенные чукчами в плен.

В июне Павлуцкий возвратился в Анадырь, не рискуя оставаться дольше в походе.

В марте 1747 г. отряд чукчей около 500 человек перешел р. Анадырь выше острога и на устье р. Орловой (приток Майна) напал на ясачных коряков. Чукчи захватили у коряков семь табунов оленей, в числе которых были олени анадырских казаков. Получив донесение о нападении чукчей, Павлуцкий с 96 казаками и 35 коряками на оленях пустился в погоню за чукчами. Основная часть отряда вышла из Анадырска несколько позднее. Рано утром 14 марта отряд Павлуцкого настиг чукчей на р. Орловой. Они стояли на горе. Чукчи, видимо, оценили выгодность своего положения и ожидали наступления. Едва наступающие успели выстрелить по чукчам из пушки и дать залп из ружей, как чукчи стремительно бросились на них с копьями. Произошла короткая, но жестокая рукопашная схватка. Чукчи, захватив оленей, на которых ехала команда Павлуцкого, 40 ружей, «пушку с припасы», 51 копье, знамя и т. п. ушли. В этом сражении был убит майор Павлуцкий.⁷⁹

Среди коряков нарастало недовольство политикой самодержавия. Разоряемые чукчами, они в то же время претерпевали притеснения со стороны анадырской администрации. Им приходилось не только давать оленей для походов, но также содержать гарнизон. С 1744 по 1748 г. от коряков было взято 15 420 оленей⁸⁰ только для Анадырского острога, не считая Алюторского и Ак-

⁷⁹ Легенда о том, что чукчи захватили Д. Павлуцкого в плен (В. Г. Богораз), неверна, также неверно утверждение (А. Сгибнев), будто чукчи долгое время возили голову Павлуцкого, преклоняясь перед его храбростью.

Тело Павлуцкого 19 марта 1747 г. было доставлено в Анадырь «обверчено бумагою и залито воском, а потом положено в сделанную из листовничного леса гробницу и поставлено было в построенный при доме казенном под анбаром холодильник — погреб, где лежало ноября до 8 числа 747 года, коего числа и увезено в Якутск в сопровождении есаула Сабурова». 24 марта 1748 г. Павлуцкий был похоронен в Якутске «в монастыре в святых воротах под церковью» (ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. II, тетр. 3, л. 20). Вызывает недоумение утверждение Е. П. Орловой, будто походы Д. Павлуцкого были организованы в целях изучения географии Чукотки (Е. П. Орлова. Чертежи Чукотки Якова Линденау и Тимофея Перевалова. «Вопросы географии Дальнего Востока», в. 3, Хабаровск, 1957).

Совершенно справедливо отметил В. И. Греков, что экспедиции под командованием Д. Павлуцкого имели военный характер и, по-видимому, не вели никаких исследований (В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 34).

⁸⁰ ААН СССР, ф. 3, оп. 10, № 137, тетр. 5.

ланского. Начавшееся в 1745 г. восстание коряков разрасталось, к ним присоединились камчадалы и юкагиры.

В 1746 г. коряками был уничтожен Алюторский, а в 1748 г. Акланский остроги. На путях к Колыме волновались юкагиры, изнемогавшие под бременем доставки снаряжения и продуктов (мука) с Лабазного (на Б. Анюе) в Анадырск. Из 8276 ездовых оленей, которых брали у них в подводы, «во время с Лабазного перевозки провианта ... пало более 1140 оленей».⁸¹ Анадырск оказался блокированным. Многие ясачные коряки отложились, оставшиеся «верноподданными» были ненадежны. Непрекращавшиеся волнения коряков, нападения на них чукчей — все это побудило центр усилить еще Анадырский острог и довести команду в нем до 500 человек. В 1750 г. туда прибыл капитан Шатилов, назначенный главным командиром. Ему было предписано «со взятыми в полон изменниками ... и во искоренение немирных иноземцев поступать ему, капитану, по силе данных покойному маэору Павлуцкому и поручику Кекерову инструкций».⁸²

В апреле 1751 г. он предпринял поход на «бунтовавших» коряков, проявив при этом особую жестокость. Много коряков было взято в аманаты и доставлено в Анадырск. В августе он отправился на судах вниз по Анадырю «для поиску неприятелей чукчей и для промысла оленей». Чукчам пришлось уйти с Анадыря, не проведя промысла оленей. В 1752 г. повторилось то же. Опять Шатилов преследовал их. Кроме того, ему удалось захватить 18 чукотских байдар и 40 «веток», т. е. однолучных байдарок.

Не имея возможности промыслять на Анадыре, чукчи усилили нападения на коряков и юкагиров.

В 1753 г. они напали на стойбище юкагиров ходынского рода, стоявшее около Чекаева. В плен взяли 7 мужчин и 17 женщин, «а юрты и их аргиши и оленей без остатку отвезли в свою землю».⁸³ Весной 1754 г. чукчи на оленях подъехали прямо к Анадырскому острогу. Убили несколько человек, находившихся за пределами острога. У встреченных ими 16 казаков, возвращавшихся с промысла «зверей», они отобрали собак с нартами, одного казака взяли в плен, остальных отпустили. Тот же отряд чукчей напал на юкагиров, захватил в плен 81 человека, все принадлежавшее им имущество, в том числе 912 оленей, 47 чумов, более 350 нарт и т. п.

В 1755 г. они напали на коряков, в 1756 г. напали на юкагиров, кочевавших около устья р. Танюрэр, при этом они взяли в плен 120 человек и также захватили все их имущество.⁸⁴

Карательные походы Павлуцкого и его преемников не остановили чукчей в их стремлении к захвату оленей и другого иму-

⁸¹ Там же.

⁸² Сб. архивных материалов, стр. 112.

⁸³ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 538.

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 300.

щества у коряков и юкагиров. Они не были подчинены и не стали надежными плательщиками ясака. Не были также претворены в жизнь нелепые распоряжения Сената об их «искоренении». Вообще вопрос об отношении к чукчам к этому времени встал по-иному. К этому были объективные и субъективные причины.

Вторая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга (1733—1742 гг.) открыла северо-западные берега Америки и часть Алеутских островов. Участниками экспедиции было установлено, что на открытых ими островах и у берегов Америки водятся в большом количестве котики и морские бобры. Начиная уже с 1743 г. суда торгово-промышленных компаний русских купцов отправлялись на острова и к западным берегам Америки, откуда возвращались с ценными грузами дорогой пушнины (шкурами котиков, бобров, голубых песцов).⁸⁵ С этого времени к берегам Америки и на острова оказалось возможным попадать не через Чукотку, как этого добивались прежде, а прямо из Охотска или из Камчатки. Следовательно, вести поиски путей к берегам Америки через Чукотку и в этой связи вести борьбу с чукчами уже не имело никакого смысла, тем более что бедность Чукотского полуострова пушниной была хорошо известна еще с XVII в. Кроме того, походы на Чукотку были всегда сопряжены с отягощением ясачных коряков и юкагиров, вызывая в конце концов их недовольство. На горьком опыте Павлуцкого убедились в том, что походы не приводят к покорению, они по результатам бесплодны. Чукчи не прекратили нападений на коряков и юкагиров. Поскольку официальным оправданием борьбы против чукчей служила защита ясачных коряков и юкагиров, естественно было продолжать их защиту, но уже другими методами.

В 1755 г. Военная коллегия распорядилась построить ряд крепостей, предназначавшихся охранять коряков от вторжения на их территорию чукчей. Для этой цели был разработан подробный проект, в котором предусматривалось построить четыре крепости по р. Анадырю: на устье р. Белой, на р. Черной (Танюрэр), на р. Красной (притоки р. Анадыря) и на устье Анадыря. Предполагалось также построить крепость на р. Хатырке, чтобы охранять побережье к югу от Анадыря; на р. Колыме и р. Чауне — также по одной крепости. Этот проект в 1755 г. был послан в Анадырьск «для опробации».

И. С. Шмалев⁸⁶ предложил внести в него некоторые изменения. В частности, он рекомендовал построить крепость на скалистом

⁸⁵ Об этом см. подробнее: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948, стр. 298—309. Здесь опубликована «Историческая табель о российских морских компаниях, отправляемых в звериные промысла по островам Северо-Восточного моря и далее...».

⁸⁶ Секунд-майор И. С. Шмалев 30 марта 1753 г. по определению Военной коллегии был назначен командиром Анадырской партии. Вместе со своими сыновьями Василием и Тимофеем, отличавшимися гуманным отношением к ко-

островке (Алюмка) в устье р. Анадыря, ибо «бытию на нем каланчи или батареи вельми способен». Он предлагал укрепить этот островок в дополнение к крепости на левом берегу и редуту на правом, полагая при этом, что «когда чукчи бунту не оставят, то уже им в Анадырь реку для рыбных и оленных промыслов въезжать будет невозможно и всех своих лутчих промыслов лишатца».⁸⁷ Эти предложения Шмалева были одобрены сибирским губернатором Мятлевым, а Военная коллегия подтвердила необходимость их осуществления.

В марте 1756 г. иркутский вице-губернатор Вульф «для ведома и неременого исполнения» направил по этому поводу И. С. Шмалеvu указ.

Пока велась эта переписка, произошли события, которые в корне изменили обстановку на Анадыре и надобность в постройке крепостей и редутов отпала сама по себе. Помимо объективных обстоятельств, о которых уже говорилось выше, были и субъективные. Зимой 1755 г., в то время когда чукчи собирались идти в поход на коряков, к ним пришли анадырские юкагиры «для выкупу взятых у них в плен жен и детей их», которые и сообщили чукчам, что в Анадырск прибыл новый командир и привез якобы указ, в коем «велено с ними миритца». В ответ на это известие чукчи «по согласию всех» направили в Анадырск делегацию из двух «лутчих мужиков Харгитита, да Амговгова» для предварительных переговоров с русскими. Вместе с ними был отправлен находившийся с 1754 г. в плену у чукчей казак Борис Кузнецкий. Прибыв в Анадырский острог, где они были хорошо встречены И. С. Шмалевым, чукчи прежде всего заявили, что «присланы они ото всех чукотских народов» и предложили русским следующие условия мира: «Все чукчи, также и они желают в подданстве ея императорского величества быть и ясак платить вечно, в год по одной лисице красной с человека, токмо без взятия от них аманатов, и военных никаких ссор и кровопролития верноподданному ея императорского величества народу не чинить; а егда паче чаяния российским людям куда случитца в поход итти и им по требованию их вспомогать и в поход ходить без всяких отговорок, а буде и на них чукоch от кого какое нападение будет, а особливо от коряк, тем таким же образом им вспомогать. А в ссору чукча с русскими, разбирать русским и чинить с ними по указам, а чукчи по их же разобранию, и штрафовать без упущения, в чем оне на р. Анадыре по собрании их тоенов на Че-

ренному населению, он сыграл весьма видную роль в налаживании нормальных отношений с местным населением Чукотки и Камчатки.

Довольно полное представление о деятельности Шмалевых на Крайнем Северо-Востоке дается в кн.: А. И. Алексеев. Братья Шмалевы. Исторический очерк. Магадан, 1958.

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, лл. 9—12.

каеве, по своему обыкновению, и присягу, чтоб им солнца не видеть, учинить и обо всем твердое установление сделать».⁸⁸

Предложенные чукчами условия И. Шмалевым были приняты и «из высочайшего ея императорского величества монаршего милосердия они в подданство приняты и вины им отпущены», — доносил И. Шмалев в Иркутск.

В знак установления дружеских отношений чукчи поднесли Шмалеву «две куньи парки». В свою очередь они были одарены табаком, корольками и т. п., после чего чукчи отбыли из Анадырска.

Чтобы удостовериться в искренности намерений чукчей, Шмалев отправил к ним сержанта, капрала и толмача, снабдив их табаком, бисером и прочим для подарков, «и велено им разведать, подлинно ль они чюкчи в подданстве быть и ясак платить желают».

Поскольку обе стороны еще не доверяли друг другу, Шмалев, опасаясь за судьбу отправленных им людей, обставил дело так, что Харгитит остался в Анадырске как заложник.

В юртах «лутчево мужика» Леуче, куда прибыла русская делегация и где собралось к ее приезду «родников человек до ста», чукчи говорили сержанту Кошкареву, что «в мир итти и ясак платить готовы» и что эти намерения у них были давно, «сидячие их чюкчи повсягодно бывают в реку Анадырь для оленьей плавн, а паче ... чтоб о бытии в миру и о платеже ясака договор учинить, то ... увидят их русские, и, не давая им ни единого слова молвить, гоняют и многих побивают, а другие от страха в воду мечутся и тонут».

В юртах старшины Теврюя состоялось большое собрание чукчей, где 27 марта все собравшиеся «объявили, что в подданстве быть и ясак платить желают».

По совету Кошкарева вместе с ним выехали в Анадырск «лучших мужиков» пять человек во главе со старшиной Менигытьевым для переговоров, куда и прибыли 21 апреля.

Менигытьев и приехавшие с ним подтвердили готовность всех чукчей вступить в русское подданство на условиях, изложенных еще первой делегацией. Особенно подчеркивали они, чтобы ясак взимался с них без аманатов и чтобы были прекращены «над ними поиски». В заключение встречи обе стороны условились «для подлинного обо всем договору командиру на судах 756 году летом быть на реке Анадырь при урочище Чекаеве, где они все соберутца и по договору в казну ясак платить будут».

По окончании переговоров чукчи выехали из Анадырска, вместе с ними выехал и Харгитит. Менигытьев попросил себе в провожатые одного казака. Просьба его была удовлетворена. Кроме того, И. Шмалев распорядился, чтобы до устья р. Белой

⁸⁸ Там же, л. 26.

их проводили юкагиры, которым чукчи «в начатие дружбы пода-
рили более ста оленей».

4 июня в сопровождении 346 казаков на 30 судах Шмалев поплыл вниз по Анадырю для промысла оленей и для встречи с чукчами.

На устье Анадыря чукчи передали русским казака Попова, сопровождавшего весной Менигытьева, и ранее взятых в плен несколько человек мужчин и женщин и в свою очередь потребо-
вали, чтобы им были возвращены их сородичи. В то же время «в казну ясаку принесло сто семь человек, а прочие в том про-
сили, со объявлением при том, что им за поздым к ним старшины Менигытьева из Анадырска прибытием не упромышлено, а впредь все промыслять на ясак лисиц и песцов и приносить будут без-
отрицательно».⁸⁹

Так постепенно начали налаживаться до крайности обострив-
шиеся отношения с чукчами.

В феврале 1756 г., после того как побывала в Анадырске пер-
вая делегация чукчей, Шмалев поспешил донести об этом в Ир-
кутск. В своем донесении он между прочим писал: «По большей
части их настоящее желание к приходу в подданство состоит в том,
что им по берегу Анадыря реки и в других к жилищу их угодных
местах жить в покое и в безопасности и ко удовольствию их
в промыслах». В сентябре того же года Иркутская провинциаль-
ная канцелярия, не дожидаясь указаний из Сената, куда было
также послано донесение, приказала Шмалеву чукчей в подданство
«по их желанию принять, не требуя у них аманатов, а в верности
того учинить по их обыкновению присягу, и по оном их содержать
в пристойном ласкательстве и с оказанием к ним всякого при-
ветствия». Ясак предписывалось принимать с них не только обе-
щанными лисицами, а «кто вместо лисиц будет приносить шкурки
других зверей, и тем зверем принимать у них беспрекословно
и без наималейшего им озлобления». Категорически воспреещалось
ездить в стойбища к чукчам, как торговым, промышленным, так и
людям другого звания «во отвращение всякого несогласия и из
того рождаемых ссор». В случаях жалоб чукчей на русских «раз-
бирать их без всякого времени промедления, а по челобитным их
переводить речи тем, кого они к тому изберут».

Правительство отказывалось окончательно от карательных мер,
применявшихся к чукчам. Военная коллегия поспешила предупре-
дить Иркутск, а затем и Анадырск, чтобы постройки намечав-
шихся ранее крепостей не производить. Приведенная выше ин-
струкция Вульфа предлагала идти на всевозможные уступки чук-
чам, даже в ущерб интересам фиска, лишь бы не раздражать их.
Больше того, он разрешил делать подарки чукотским тойонам и
«лутчим людям» табаком, корольками, иголками, медными кот-

⁸⁹ Там же, л. 13.

лами и т. п. все с той же целью. Единственное категорическое требование, которое было предъявлено чукчам — это возвратить «всех российских пленников».

Во всей этой переписке ни разу не упоминаются коряки и необходимость их защиты. Даже в договоре с чукчами о них нет ни слова, хотя русские хорошо знали, что чукчи мириться с коряками не хотят. По-видимому, этого наиболее щекотливого вопроса обе стороны не хотели затрагивать.

Чукчи давно были утомлены борьбой, и они искали мира с русскими, ибо были заинтересованы в нем, и в то же время они не хотели изменять своих отношений с коряками-оленоводами. Еще в 40-х годах XVIII столетия чукчи делали первые шаги в налаживании отношений с русскими. Мир с ними был необходим как для оленных, так и оседлых чукчей. Они заявляли Шмалеву, что в связи с войной «в промыслах своих не довольны и в жилище, и в платье, и обуви недостаточны, да и в нынешних их жилищах лесу нет, а в зимнее время за опасением от русских мало и сну имеют, да и то обутые и одетые и при луках и при копьях». Тогда же чукчи просили «дать им кочевать бесприпятственно при реках Нерпичьей (Канчалан, — И. В.) и Черной (Танюрэр, — И. В.), которые места по их обыкновению людям и оленям весьма способные и в промыслах довольные».⁹⁰

Немаловажную роль в стремлении чукчей к миру с русскими занимала и торговля. Чукчи стремились в первую очередь получить от русских железные изделия. Очень хорошо выразил это старшина Менигытьев. Будучи еще в первый раз в Анадырске, он предложил Шмалеву 200 езжалых оленей «с заплатою за каждого по 2 ножа ему казенные».⁹¹

Казак Попов, сопровождавший Менигытьева из Анадырска к чукчам и пробывший у них до лета, рассказывал по возвращении, что «чукчи по приезде из Анадырска Менигытьева по увещанию его о замирении и о платеже ясака имели донныне неотъемлемую охоту и радовались все».⁹²

При всем этом чукчи не забывали своих основных интересов. Летом 1756 г. они попросили разрешения «ближним чукчам» поселиться на Анадыре. Воспользовавшись разрешением И. Шмалева, чукчи «в сорока трех юртах» перекочевали на южный берег р. Анадыря и обосновались на р. Хатырке.⁹³

На окончательное налаживание отношений с чукчами можно было рассчитывать в случае предоставления им возможности свободно охотиться на оленей на Анадыре или во всяком случае не преследовать их за это.

⁹⁰ Там же, лл. 13—14.

⁹¹ Там же, л. 37.

⁹² Там же, л. 34.

⁹³ Там же, л. 298.

Учитывая интересы чукчей, а также населения Анадырска, численность которого превышала 1000 человек, И. Шмалев собрал необходимые сведения о возможных наикратчайших путях и наиболее дешевых способах доставки провианта и снаряжения в Анадырск, после чего представил в Сенат 9 вариантов возможных путей к Анадырску, изложив попутно то тяжелое положение команды, в котором она находилась вследствие незавоза продуктов и обмундирования. Как сообщал Шмалев весной 1756 г. «некоторые из солдат и казаков, ходя по миру, прося для христово имени, пропитание себе имеют с нуждою». Более того, команда должна была покупать за свой счет зимнюю и летнюю одежду и обувь у анадырских обывателей и ясачных юкагиров.⁹⁴

Сенат привлек для рассмотрения проектов И. С. Шмалева адмирала В. А. Мятлева, контр-адмирала Д. Я. Лаптева, тайного советника и позднее сибирского губернатора Ф. И. Соймонова. Первым отозвался Д. Я. Лаптев. Он предлагал все необходимое для содержания анадырской команды доставлять в Охотск, оттуда морем до Гижиги, где, как он писал, можно собрать до 3000 корякских оленей и на них в зимнее время доставлять все в Анадырск. Но поскольку коряки не были спокойны, он в конце концов склонился к сохранению прежнего пути через Колыму, по Анюю, затем на Анадырь.

В. А. Мятлев, считая мнение Д. Я. Лаптева «наиспособнейшим и вероятнейшим», все же заметил, что «с каким бы прилагаемым старанием способнейшего от Якутска до Анадырска и Охотска тракту кто не пожелал изыскивать, то много прошедшее время засвидетельствовало, что без великих казенных убытков и почти без несносного отягощения тамошних бедных обывателей невозможно, да и небезопасно».⁹⁵ В заключение своих соображений по этому поводу он писал, что сухим путем доставлять грузы в Анадырск при любых проектах будет стоить очень дорого, нужно использовать морской путь, «чего ради и учреждены в Иркутске и Нерчинске для обучения навигации школы».

Ф. И. Соймонов подошел к разрешению этого вопроса несколько иначе. Он высказал мнение о нецелесообразности содержания Анадырского острога вообще. Предлагая, с одной стороны,

⁹⁴ Положение солдат и казаков в Анадырске было всегда трудным. В 1751 г. капитан Шатилов, отвечая на вопросы генерал-майора Киндермана, писал: «В Анадырском остроге ныне состоит команды ... 540 человек ... провианта, муки, ржи, круп и сухарей и прочих харчевых запасов не имеется; а провиант, мука ржаная в Анадырске покупается по 8 рублей пуд, да случается то, что и купить не у кого. С 1747 по предбудущий 752 год за недосланный провиант за муку ржаную весом за 45766 пудов, да 460 пудов крупы леньгами от Якутской воеводской канцелярии и по ныне не прислано» (С. Шашков. Материалы для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII веке. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1864, кн. 3, стр. 67—73).

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 261.

оставить его на попечении казаков, которые могут жить без привозного провианта или возить его сами с Колымы на своих собаках, он в то же время считал, что «надлежит отныне с теми чукокскими и протчих разных и многих родов иноверцами бунтовщиками при склонении оных в российское подданство и к платежам ясаков не столько военною и оружейною рукою поступать, сколько ласкою, благодеянием и добрым с ними обхождением».⁹⁶

В 1760 г. по представлению Ф. И. Соймонова, уже сибирского губернатора (1757—1763), Сенат назначил главным командиром на Анадырь подполковника Ф. Х. Плениснера (участника второй Камчатской экспедиции В. Беринга), поручив ему же наблюдение за всем Охотско-Камчатским краем. В инструкции, которая ему была дана от Ф. И. Соймонова, в частности, было написано: «Будучи в Анадырске, рассмотреть, какой впредь команде при том остроге быть ... для каких надобностей и как усматриваетца, что вся та команда содержится для защищения от чукотского народу и для того всевозможные старания прилагать, чтоб оные народы без воинских действий ласкою, ежели в подданство привести невозможно, то хотя б в соседственную с верноподданными коряками в дружбу привести. От того надеяться можно будет, что той великой команды содержать нужды не будет, а притом разведать и то, какое сравнение имеется против доходов анадырского ведомства содержание всей той анадырской команды и по рассмотрении всего того с приложением своего мнения со обстоятельством рапортовать».⁹⁷

Прибыв в январе 1763 г. в Анадырск, Ф. Х. Плениснер приступил к выполнению инструкции. Летом того же года в сопровождении 200 казаков он прибыл к устью р. Красной, куда прибыли, как обычно, и чукчи, «более 60 байдар по 20 и 25 человек в каждой». При встрече с Плениснером они подтвердили ему свою готовность быть в подданстве и внесли ясак: «57 лисиц красных, сиводушек 2, песцов голубых три, парки куньи с малахаем одна».⁹⁸

И. Шмалев и командиры после него уже не тревожили чукчей на Анадыре. В летнее время команда совместно с чукчами, приходящими на р. Анадырь, занималась промыслом диких оленей и вела с ними оживленный обмен. «В 759, 760, 761 и 762 годах, — сообщал Т. И. Шмалев, — поручик Кекеров из Анадырска с военными командами в летние времена вниз по реке Анадырю на судах до реки Красной для промыслу оленей ежегодно ходил и в бытность там чукчи приходили по немалому числу и несколько ясаку приносили и промышляли обще с российской командою оленей, во всякой тишине и спокойствии, також и торги сильно, публично, а несколько по запрещению командиров и тайно немало произво-

⁹⁶ Там же, л. 283.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 6, л. 6.

⁹⁸ Там же, тетр. 17, л. 23.

дили». Из общего промысла русские получали по 5 оленей на участника.

Видимо, существовала какая-то договоренность с чукчами о количестве оленей, которое должны были получать русские. Так, например, в 1763 г. на 200 человек команды добыто 1000 оленей, в 1764 г., как сообщал капитан Пересыпкин, «отправился к Чекаеву, где для промыслу оленей находился с чукотским народом, дозволяя им с российскими промыслять согласно». На 130 человек команды «упромышлено оленей на каждого по пяти». В 1765 г., по получении ясака с чукчей, говорится в донесении, «отправился к Чекаеву для промыслу команде на пищу оленей», где на 150 человек казаков «упромышлено 750» оленей и т. д.

Ясак, получаемый с чукчей, был незначительным, а главное — его количество и качество зависели от их доброй воли. Для иллюстрации размеров ясака, вносимого ими, можно привести следующие данные из рапортов поручика Пересыпкина. В 1764 г. «добровольно с пришедших чукок принято в казну ... ясаку с 77 человек 69 лисиц красных, 2 куницы, 9 песцов голубых»; в 1765 г. «с свободножелающих чукок собрано в казну ясака ... лисиц красных с 73 человек по одной, да с пяти по две, итого 83, да с 4 человек песцов голубых 6, да с одного 1 песец белый»; в 1766 г. «взято ясаку ... 58 лисиц красных, песцов голубых 8, белых 4»; в 1767 г. «собрано ясаку лисиц красных 90, куница 1, песцов голубых 14, белых 2».⁹⁹

Неравномерность поступления ясака от чукчей определялась добровольностью его взноса. Поскольку они лишь номинально числились подданными, то ежегодно при встречах с русскими на Анадыре им приходилось подтверждать свое подданство, с этого обычно начиналась встреча.

Следуя инструкции, Ф. Х. Плениснер уже в ноябре 1763 г. составил обстоятельный рапорт Ф. И. Соймонову с использованием и обобщением большого архивного материала об Анадырском остроге. По его заключению, содержание Анадырского острога не оправдывалось прежде всего с экономической точки зрения. По подсчетам Ф. Х. Плениснера, выходило, что за 53 года (с 1710 по 1763 год) доходов было получено от поступлений ясака всего на сумму 29 152 рубля, в то время как расходы на содержание крепости выразились за этот же срок в сумме 539 246 рублей, не считая убытков, понесенных якутами, коряками, юкагирами, которые исчислялись в 841 760 рублей. В общей сложности государство за эти годы потерпело убытков на 1 391 007 рублей. Не было никакого оправдания для содержания Анадырского острога и с другой стороны. Как писал Ф. Х. Плениснер, «живущих около Анадырского острога ясашных людей издавна никого не имеется ... Коряки не имеют в близости Анадырска своих жилищ (10 дней

⁹⁹ Там же, л. 25.

пути в санках на оленях до самых ближних) ... к чукоцким жилищам прежде дву месяц на оленях доехать не можно ... и потому, не для чего быть в Анадырске команде».¹⁰⁰ Кроме того, команда острога по обстоятельствам жизненных условий, из-за недостаточности снабжения продуктами питания, практически не имела возможности защищать коряков от нападения на них чукчей и выдаваемое ей жалованье, отмечал Ф. Х. Плениснер, получает «почти за свои партикулярные промыслы напрасно».

Коряки же, по мнению Плениснера, могли защищать себя сами. При этом Плениснер ссылался на то, что почти все коряки уже имели огнестрельное оружие, тогда как у чукчей его почти не было.

От чукчей отказывались совершенно, снимался вопрос и о их приведении в подданство. «Для искоренения чукоц, — доносил Соймонову Плениснер, — и в усильном их в подданство приведением никакой пользы не предусмотрено».

Несколькими годами позднее Т. И. Шмалев, возражая по ряду пунктов Плениснеру, в этом вопросе согласился с ним: «Чукчей в подданство приводить в рассуждении бедного их места, а притом негодного сих народов состояния, никакой нужды не было и ныне нет».¹⁰¹

В заключение своего рапорта Ф. Х. Плениснер писал:

«Анадырской крепости ни по которому образу быть не должно да и не для чего, а вместо оной быть Гижигинской крепости, в кою и обретающуюся здесь всю регулярную и нерегулярную команду с женами и детьми вывести».¹⁰²

Пользуясь своими полномочиями, уже в 1763 г. Ф. Плениснер назначил к отставке из Анадырска 142 человека, из них 90 в том же году были вывезены в Якутск. Тогда же он отпустил из Анадырска всех аманатов.

Еще не получив рапорта Ф. Х. Плениснера, Ф. И. Соймонов 19 ноября 1763 г. представил в Сенат предложение, в котором писал: «По делам видно и Правительствующему Сенату уже известно, что чукоцкий народ нимало в подданство не приведен, а, напротив того, верноподданные ... три народа (коряки, юкагиры, ламуты — эвены, — И. В.) вместо того, чтоб от российских регулярных войск защищаемы были, но от тех же команд, во-первых, в крайнее разорение приведены, и притом от них так озлоблены, что в дальные места откочевали ... В содержании там регулярного войска, кроме великих казенных убытков, никакого приращения не было, да и впредь быть не может».¹⁰³ Рапорт Ф. Х. Плениснера не застал уже Ф. И. Соймонова в должности сибирского губернатора. Однако он встретил полное сочувствие

¹⁰⁰ ААН СССР, ф. 3, оп. № 10, д. № 137, тетр. 6.

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 10, л. 7 об.

¹⁰² ААН СССР, ф. 3, оп. 10, д. № 137, тетр. 9.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 6, лл. 33—34.

со стороны нового губернатора Сибири генерал-майора Д. И. Чи-
черина. 5 марта 1764 г. последовал указ Сената о ликвидации
Анадырского острога и только 28 сентября 1766 г. он был ут-
вержден Екатериной II. Однако Анадырский острог просущество-
вал еще несколько лет. Лишь в 1771 г. из него были вывезены
остатки казенного имущества, гарнизон и все население эвакуиро-
вано, а сам острог был уничтожен.

Последним из Анадырска с остатками команды и имущества
выехал прапорщик Мордовский, а «имевшееся во оном Анадырске
освященная церковь ... разобрана и спущена на воду, крепость
со стоявшими от разломания наводнением тремя башнями и сте-
нами ... в ней строения казенного: канцелярия с гаубвахтой одна,
командирских покоев два с двумя анбарами, обывательских домов
семьдесят пять, компанейской двор один — сожжены».¹⁰⁴ Интересно,
что казаки при этом пытались сохранить свои дома, в надежде,
видимо, вернуться сюда, и Мордовскому стоило больших усилий
поджечь так острог, чтобы он сгорел весь дотла. Осталось нетро-
нутым только кладбище, следы которого сохраняются до сих
пор.

Церковная утварь, а также 8 колоколов «и те колокола преж-
ние малые три ... литы в том Анадырске устюжанином Петром
Серковым, четвертой весом два пуда»¹⁰⁵ были увезены в Нижне-
колымск. Часть оставшегося негодного и устаревшего военного
снаряжения «за уничтожением Анадырска на урочище от бывшей
крепости вверх по реке Анадырю, на зарешной стороне у протоки
Солдатовой за негодностью зарыто: фузей 199, гранат шести-
фунтовых — 70, трехфунтовых — 148; пушек чугунных — 3, же-
лезных — 2, ядер 105» и др.¹⁰⁶

Так, после 120 лет существования был ликвидирован форпост
русского феодального государства на северо-востоке Азии, роль
которого применительно к политическим и экономическим интере-
сам русского самодержавия была исчерпана.

Нельзя не согласиться с Т. Шмалевым, который, полемизируя
с Ф. Х. Плениснером писал, что Анадырский острог «заведением
своим был не бесполезен». Через него была «изобретена» в конце
XVII в. Камчатка, а в 40-х годах XVIII в. уже с Камчатки были
открыты Алеутские острова и северо-западные берега Америки,
откуда с «1744 по 1775 годы было вывезено пушнины на
3 204 138 рублей».¹⁰⁷

Историческое значение Анадырского острога заключается не
только в том, что через него была «изобретена» Камчатка и т. п.
Он был прежде всего важным пунктом, через который шло рас-

¹⁰⁴ Там же, т. II, тетр. 3, л. 31 об.

¹⁰⁵ Там же, л. 32.

¹⁰⁶ Там же, тетр. 4, л. 115.

¹⁰⁷ Там же, т. I, тетр. 17, л. 26.

ширение границ русского феодального государства и включение в его состав новых народов.

Вместе с тем историческое значение Анадырска заключается еще и в приобщении народов северо-востока Азии и отчасти северо-западных берегов Америки (чукчей, коряков, юкагиров, сибирских эскимосов и эскимосов Аляски) к культуре русского народа, а через нее к постепенному преодолению глубокой социально-политической и культурно-экономической отсталости, которые были характерны для этих народностей в XVII—XVIII вв.

Было бы, однако, большой погрешностью перед исторической действительностью закрывать глаза на те сложные, порой полные драматизма отношения, которые складывались между царской администрацией и местным населением, особенно в XVII—первой половине XVIII столетия.

Первые годы после ликвидации Анадырского острога показали, что чукчи, как и прежде, продолжают нападать на оленных коряков. Одновременно шло проникновение чукчей к югу от Анадыря. Сдерживать это продвижение русские власти не могли, да и не пытались. По существу связи русских с чукчами были прерваны. В Гижигу чукчи идти опасались. Дело в том, что в 1769 г. чукчи в количестве 300 человек напали на оленных коряков, кочевавших в непосредственной близости от Гижигинской крепости, за что, однако, они тяжело поплатились. У них не только были отбиты захваченные у коряков олени, но сами они потеряли 34 человека убитыми, много — ранеными, а оставшиеся в живых вынуждены были бежать. Этот урок был долго памятен им, и поэтому к Гижигинской крепости они уже не шли. Коряки-оленоводы там себя чувствовали спокойно. Однако на Парапольском доле, в долинах рр. Алюторки, Апуки и Пахачи оленные коряки были предоставлены сами себе. Местные власти смирились со сложившейся обстановкой. Они не были в состоянии защитить кочевавших по Камчатскому перешейку коряков. Сверху, однако, продолжали предписывать, чтобы искать случаев к предотвращению грабежей коряков чукчами, но не чинить против них «военных поисков», а уговаривать.

В 1775 г. чукчи, направлявшиеся в поход на оленных коряков, были встречены Н. Дауркиным, чукчей по происхождению, находившимся на русской службе.¹⁰⁸ Он уговорил их пойти к Гижигинской крепости и подтвердить там свое желание «быть в российском верном подданстве в платеже ясака», о чем они ему говорили при этой встрече.

¹⁰⁸ Там же, тетр. 19, л. 55 об. О Н. Дауркине см.: А. Алексеев. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961.

По прибытии в Гижигу чукотские старшины были приняты в крепости ее командиром, хорошо им известным по Анадырю капитаном Пересыпкиным, которому и заявили, что «все они желают быть в подданстве и ясак платить, если команда будет по Анадырю вниз плавать, на урочище на устье Краснину, где и прежде они платили ясак».¹⁰⁹ В подтверждение своих намерений они дали согласие на этот раз уплатить ясак в Гижиге и даже оставили старшину Тыгагыргына в качестве аманата.

Пересыпкин спровоцировал столкновение чукчей с коряками и русскими, в результате чего чукчи были разбиты.

Это нападение на чукчей вызвало новую волну негодования против коряков, с одной стороны, и посеяло опять на несколько лет недоверие чукчей к русским, с другой.

Пересыпкин, понимая, что он испортил отношения с чукчами, которые налаживались с большим трудом, пытался всю вину за это столкновение свалить на них. Но Н. Дауркин совместно с бывшим командиром Камчатки Т. Шмалевым представили это дело иркутскому губернатору Брилю так, как оно было в действительности.

Уже 26 января 1776 г. последовал именной указ об отстранении Пересыпкина от должности и о назначении на его место Т. И. Шмалева, которому поручалось начать следствие, и, кроме того, восстановить с чукчами добрые отношения. Шмалев ревностно взялся за выполнение порученного ему дела совместно с Н. Дауркиным, которого чукчи до ареста Пересыпкина считали предателем.

К 70-м годам XVIII столетия общественная спаянность чукчей заметно ослабла. Обнаружились противоречия, при которых определенная часть их не хотела принимать участия в набегах на коряков. В 1776 г. уже многие чукчи не поддерживали некоего Пуреха Менилтина, собиравшего отряд для похода на гижигинских коряков. Во главе небольшого отряда ему удалось в 1777 г. напасть на одинокое стойбище коряков-оленоводов на Апуке. Это нападение чукчей на коряков надо считать одним из последних.

Многие чукчи, захватив корякских оленей, заняты были заботами о их выпасе и размножении, и интересы их уже не совпадали с интересами тех, которые все еще стремились к отгону корякских табунов. На базе развившегося пастушеского крупнотабунного оленеводства внутри чукотского общества складывались новые отношения. Появилась необходимость в регулярном внутриплеменном обмене между береговыми и оленеводами. Поэтому оседлые чукчи также теряли интерес к дальним и рискованным походам на коряков. Нормальная торговля (обмен) требовали обязательно мира, что также сыграло свою роль в установлении спокойствия на чукотско-корякской границе. Большое влияние на умиротворение

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 19, л. 60.

чукчей оказала потребность их в товарах русского производства, в торговле с русскими.

В 1778 г. Т. И. Шмалеву удалось заключить с чукчами договор о мире. В Гижигинской крепости побывали «главный чукотской тоен Омылят Хергынтов, с ним Северного Ледовитого моря тоен же Аоеткин Чымкычын»,¹¹⁰ с ними и вел переговоры Шмалев. Чукчи, взятые в плен еще в 1775 г., были освобождены. Необходимо отметить, что переговоры эти велись лишь с представителями части чукчей. Однако последние выражали общее настроение своих единоплеменников, а также сибирских эскимосов. В переговоры с русскими вступили те чукчи, которые ближе других жили к границам расселения коряков, которые больше других были заинтересованы в торговле. Следует отметить особую роль Т. И. Шмалева. Своим гуманным отношением, бескорыстием и добросовестностью по отношению к чукчам он завоевал полное их доверие. Чукчи знали его с 1757 г., когда он был еще прапорщиком и служил в Анадырске под командой своего отца И. С. Шмалева. Можно сказать определенно, что только авторитет Т. Шмалева, действовавшего совместно с Н. Дауркиным, помог уладить этот конфликт так скоро. Шмалев всячески пытался внушить чукчам расположение к ним русских и всю бессмысленность войны.

Эти действия Т. Шмалева оказались весьма ко времени. Внешние обстоятельства снова заставили правительство обратить особое внимание на чукчей и страну их. После того как в 1779 г. в Петропавловск-на-Камчатке заходили английские корабли «Resolution» и «Discovery» под командой капитана Клерка правительство больше, чем когда-либо, было настроено привести в спокойствие и хотя бы номинальное подданство всех чукчей, в особенности после того как названные суда побывали около берегов Чукотки. Уже в сентябре того же года генерал-прокурор князь Вяземский докладывал в Государственном совете о полученном письме от иркутского губернатора Клички с сообщением «о вступлении вновь чукотского народа в подданство, о желании оного платить ясак и давать аманатов по-прежнему в Анадырске и о пришедших к берегам оного двух судов, кои приняты ими за наши. Генерал-прокурор изъяснился притом, что ее императорское величество всемилостивейше соизволяет на принятие чукотского народа в свое подданство, и в рассуждении бывшего в нем мору и оленьего падежа увольняет его от платежа ясака на десять лет; что принимая сей народ в подданство, е. и. в. не желает от него иной пользы, как только чтоб он, чувствуя высочайшую ея милость, был спокоен и не разорял граничущих с ним подданных ея коряков; что о пришедших к чукотским берегам судах полагает е. и. в., что они, быть может, американские, и особливо из Канады, а потому и повелела отписать к полномочному министру князю

¹¹⁰ ЦГАВМФ, ф. экспедиции Биллингса, д. 12, лл. 101—105.

Барятинскому в Париж, чтоб он осведомился о тех судах у Франклина...¹¹¹ что на случай прихода туда впредь иностранных судов е. и. в. указать изволила сделать гербы и отослать их к чукчам для развешания в удобных местах их берегов по деревьям и показывания сходящим с судов, чтобы они узнавали чрез то принадлежность тех земель империи».¹¹²

Следовательно, важно было не получение ясака с чукчей, а чтобы они были «спокойны» и не разоряли коряков.

Сформулированное Екатериной II в известной мере безразличное отношение к чукчам на долгие годы определило политику самодержавия. Главным было включение в границы Российской империи Чукотского полуострова.

Видя, что дорога к северо-восточным берегам Сибири, а равно к владениям в Америке стала известна иностранцам, Екатерина II поспешила предупредить возможные притязания на эти территории.

В 1785 г. был издан указ о снаряжении специальной экспедиции для описания берегов Чукотки во главе с Иосифом Биллингсом. Подготовка к ее проведению и сама экспедиция сблизили русских с чукчами.

К еще большему сближению и нормализации отношений привело расширение торговли с чукчами, в чем были заинтересованы обе стороны. Поскольку в Гижигу и на Колыму ходили по преимуществу чукотские торговцы *каврадьит*, потребность в товарах русского производства в массе чукотского населения оставалась все еще огромной. Как раз в эти годы шло наиболее интенсивное продвижение чукчей-оленьеводов на юг и на запад. В 1788 г. на устье р. Ангарки, впадающей в Б. Анюю, вышло 580 человек чукчей. Для встречи их приезжал зашиверский исправник И. И. Баннер, которому удалось договориться с ними о принятии подданства и взносе ясака «с каждого луком владеющего по лисице красной». В донесении по поводу этой встречи Баннер писал: «...необходимо должно на первый случай награждать каждого за принесенную лисицу хотя небольшим количеством табаком, дабы им на первый случай поваднее было вносить казенную подать».¹¹³ Тут же был произведен обмен товарами между чукчами и русскими.

Многие чукотские тойоны были награждены Баннером кафтанам и одарены табаком и другими вещами.

Судя по донесению Баннера, чукчи хотя и приняли русское подданство и обещали вносить ясак, но уверенности в том, что они будут регулярными плательщиками, не было. Он предложил

¹¹¹ Франклин Вениамин (Бенджамин) — видный американский политический деятель и физик. В 1776—1785 гг. был дипломатическим представителем США во Франции.

¹¹² Архив Государственного совета, т. I. СПб., 1869, стр. 259.

¹¹³ Сб. архивных материалов, стр. 189.

в качестве радикальной меры для привлечения их к взносу ясака практиковать подарки.

Дабы не вызвать никаких новых осложнений с чукчами, в октябре 1789 г. последовало высочайшее повеление о том, чтобы чукчи были приняты «в Российское подданство с правом производить торговлю и промышленность без всяких стеснений».¹¹⁴ Этим актом правительство узаконило полузависимое положение чукчей.

Последующие мероприятия шли в том же направлении. 7 ноября 1791 г. Екатерина II разрешила из средств Кабинета отпускать ежегодно по 500 рублей для приобретения товаров на подарки чукчам, а через пять дней, т. е. 12 ноября, Иркутскому наместническому правлению было послано предписание с препровождением 20 серебряных и 80 медных медалей «сих людей приласкать и раздать медали первейшим из них». Таким образом, отдарки за ясак были официально узаконены. Эта мера имела известное влияние на приближение чукчей к Колыме. Правда, подарки не могли привлечь большого количества чукчей к взносу ясака, так как до Ангарки было очень далеко от основных районов их расселения. Подарки получали торговцы — кавральит. Внося ясак, они получали в виде подарков иногда столько товаров, сколько не могли получить за ту же пушнину от купцов.

Стремясь наладить отношения с чукчами и на Анадыре, правительство уступило их настоятельным просьбам. В 1788 г. (т. е. в том же году, когда Баннер встретился с чукчами на Ангарке), не без поощрения со стороны сибирской администрации, каргопольский купец А. А. Баранов основал на Анадыре селение — Крепость. В нем он поселил около 30 человек промышленников, которые занимались не только добычей пушных зверей и моржей, но вели также торговлю с чукчами.¹¹⁵

Торговые связи с чукчами на Анадыре, возобновленные в 1788 г., почти не прерывались, однако они здесь не регулировались предварительным взносом ясака, как это было на Анюе.

В начале 90-х годов XVIII в. гижигинская администрация пыталась использовать поселение промышленников на Анадыре для сбора ясака. Карл Лаксман, исполнявший обязанности гижигинского городничего, направляя на Анадырь солдат для сбора ясака с чукчей, в то же время заставлял их возить водку, табак, железные вещи и т. п. для обмена на меха.¹¹⁶ Вскоре махинации Лаксмана были пресечены, «за недозволенный торг» он был смещен с поста и отдан под суд. После этого гижигинская администрация уже не предпринимала никаких мер к сбору ясака с чукчей.

¹¹⁴ А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», кн. 7, СПб., 1869, стр. 31.

¹¹⁵ Замечания о чукчах. ЖМВД, № 5, 1835, стр. 365—367.

¹¹⁶ В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Перевод со шведского. СПб., 1890, стр. 453.

Торговля на Анадыре развивалась медленно, так как товары там продавались по цене в 10 раз дороже, чем в Гижиге.¹¹⁷

Центром, связывавшим экономически и политически чукчей с русскими, стала Анюйская ярмарка.

Торговлей и поведением промышленников на Анадыре чукчи были недовольны. Они снова обращались с просьбой о восстановлении Анадырского острога. Комендант Камчатки генерал Кошелев в 1805 г. выдвигал идею восстановления Анадырского острога, что, по его мнению, необходимо было для большего сближения с чукчами. В своем представлении по этому поводу иркутскому губернатору он писал: «Вся связь с ними русских заключается в мене товаров... Но как наши торговцы на Анадыре, по словам чукоч, их постоянно обманывают, то очень не мудрено, что чукчи, при удобном случае, жестоко отомстят за это».¹¹⁸ Основанием к такому заявлению Кошелева были жалобы чукчей, принесенные ему в 1803 г. Не получив, видимо, от Кошелева удовлетворительного решения на свою жалобу, в 1806 г. чукчи расправились с обидчиками, о чем сами же сообщили Кошелеву. При этом они снова просили восстановить Анадырский острог для наблюдения за торговлей.¹¹⁹ Просьбы чукчей и их расправа с промышленниками не были приняты во внимание иркутским губернатором.

Вместе с тем связи русских и чукчей на Анюе укреплялись и расширялись. В 1794 г. по просьбе чукчей место ярмарки перенесли «к урочищу, называемому Обром» на одном из островов р. Б. Анюй, в 200 верстах от Нижнеколымска. Пришло их 307 человек во главе с 4 тойонами. Тойонам были вручены в знак «признавания их верноподданными указы местнического управления с присовокуплением медалей каждому по одной». Кроме того, они, как обычно, были «одарены приличными подарками».¹²⁰

В 1795 г. вышло 62 человека и с ними 6 тойонов. Ясак был внесен только прибывшими. Он был добровольным, но чукчами рассматривался как взнос за право на торговлю. Впрочем, бесплатно они его не вносили, требовали обязательно отдарков.

В 1796 г. «в том же самом урочище Островном имели с исправником Поповым свидание 6 тойонов и 120 человек родовых мужеска пола».

В 1797 г. чукчи не приходили совсем, так как среди их стойбищ свирепствовала эпидемия кори.

¹¹⁷ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. № 638, л. 363.

¹¹⁸ А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», кн. 7, СПб., 1869, стр. 56—57.

¹¹⁹ Любовь чукчей к справедливости (из 2-й части «Путешествия капитана Крузенштерна»). «Русский вестник», № 8, 1811, стр. 17.

¹²⁰ Записки о чукотском народе, обитающем около берегов Ледовитого моря из имеющихся в Сенатском секретном Архиве сведений. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1858, кн. 4, стр. 106.

В 1798 г. явилось всего 70 человек, а в 1799 уже 277, кроме женщин и детей, в сопровождении 5 тойонов. К этому приходу была построена Анюйская крепость, у стен которой производился торг с чукчами. Приходили они раз в год, обычно в марте. Кроме чукчей, приходили юкагиры, эвены, коряки. Из Якутска, Нижнеколымска и Среднеколымска приезжали купцы, а также исправник в сопровождении казаков. Крепость была обитаема только во время ярмарки.

После 1799 г. донесений в Сенат о приходе чукчей на ярмарку уже не поступало. Все дела по сношениям с ними были вверены сибирским властям, и чукотский вопрос, казалось, уже больше не интересовал правительство. В обязанности колымским исправникам вменялось собирать добровольно приносимый чукчами ясак и следить за тем, чтобы торговцы не вызывали раздражения чукчей и вместе с тем осложнений отношений с ними.

С организацией регулярной торговли с чукчами на Анюе они постепенно заселили течение р. Баранихи, а затем вышли на Б. и М. Анюи. Здесь у них сложился новый хозяйственный режим, при котором в летнее время они выходили на побережье Чаунской губы и к западу от нее или оставались в горах. На зиму они откочевывали в глубь страны, ближе к лесам, на Анюи и их притоки. Эти места оказались очень удобными для кочевого хозяйства. К тому же отсюда была близко Анюйская ярмарка.

Так начала складываться анюйская кочевая группа чукчей, ближе других стоявшая к русским.

Расселение чукчей по Анюям, регулярный приход их на ярмарку дали повод сибирским чиновникам усилить старания по привлечению их в подданство и обложению ясаком.

В 1810 г. иркутский гражданский губернатор Трескин разработал «Правила иновещеского управления». Одним из пунктов этих правил явилось учреждение ярмарок со строгой регламентацией торговли. Все торговые операции должны были производиться только на ярмарках и разрешались лишь после того, как был внесен ясак. Запрещалось под страхом лишения прав торговли ввозить и продавать на ярмарках спиртные напитки.

После взноса чукчами ясака они получали подарки. И только тогда все прибывшие на ярмарку оповещались об ее открытии.

Чукотские торговцы (*каврадьыт*) и тойоны безоговорочно вносили ясак. Однако другие чукчи, приходившие на ярмарку с небольшим запасом пушнины, или просто отнекивались, или требовали себе подарков столько, сколько, по их мнению, стоила вносимая ими в ясак шкурка.

Идя на постепенное сближение с чукчами, Трескин искал опоры среди них прежде всего в среде купцов — *каврадьыт*, надевая их званиями тойонов и старшин. Он выдавал им именные печати, щедро награждал медалями, кафтанами, кортиками. В 1812 г. из числа прибывших на ярмарку «трое чукотских тоенов

и 55 родичей их приняли на подданство присягу и обязались платить ясак, на этот предмет и были заготовлены для них печати от имени иркутского губернатора Трескина». ¹²¹ В том же 1812 г. чукотские тойоны получили подарки, стоимость которых намного превысила стоимость внесенного ими ясак. Так, например, «сын главного беломорского чукотского тоена Валетки Ятыргин получил 2 сумы табаку, 4 котла и женам бисер»; чаунский тоен Тырылгын Иван Еврашка получил также 2 сумы табаку, 4 котла и бисер; родственник Валетки Кичарга получил «камлею шитую из сукна» и т. д. и т. п. ¹²²

Все эти меры мало продвинули вперед дело подданства чукчей. Они по-прежнему оставались независимыми. Частые подарки и особые знаки внимания создавали впечатление у чукчей, что с ними не только считаются, но их как-то боятся, дорожат торговлей с ними. На деле, однако, было несколько иначе. Самодержавию нужно было только спокойствие чукчей. Оно-то и покупалось этими мерами. В 1813 г. министр внутренних дел О. П. Козадавлев писал сибирскому генерал-губернатору по поводу Анюйской ярмарки, что «торг, с чукчами не более ли должен быть уважителен в том отношении, чтобы снискать дружество сего дикого народа, который иногда селениям нашим вредить может, нежели настаивать в приобретении выгод от мены, которая не только теперь, но, по-видимому, и впредь ничего весьма значащего обещать не может». ¹²³ Трескин также не придавал особого значения присоединению части чукчей к русскому подданству, так как он считал, что «положенные в окладной ясак 55 человек чукчей являются номинальными плательщиками, ибо производят платеж нерегулярно». ¹²⁴

В течение 13 лет они не внесли и одной трети того, что с них полагалось. Чукчи, пришедшие на ярмарку в 1825 г., заявили колымскому комиссару, что их соотечественники, принявшие русское подданство, все умерли. ¹²⁵ В данном случае не помогли и щедрые подарки. Чукчи опять ускользали даже от условной зависимости.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. оформил юридически не вполне зависимое от самодержавия положение чукчей, что определялось ходом развития отношений с ними на предыдущих этапах истории. Согласно «Уставу» «чукчи платят дань по собственному их произволу как в количестве, так и в качестве (прим. 4 к ст. 681 «Устава прямых налогов») и в пределах обитаемых

¹²¹ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 7, д. № 495, л. 104.

¹²² ГАИО, ф. Духовной консистории, оп. 50, д. № 93, л. 37.

¹²³ Там же, л. 91.

¹²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1264, Первый сибирский комитет, д. 58, л. 25.

¹²⁵ А. С г и б н е в. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», кн. 8, СПб., 1869, стр. 39.

ими земель не подчинены гражданским и уголовным законам и суду российскому подлежат только в случае убийств, насилий или кормчества, учиненных вне границ этих земель (ст. 3, прилож. V к ст. 168 «Уложения о наказаниях»)¹²⁶.

В «Уставе» закреплена опора царизма на местную социально-экономическую верхушку. Во всех последующих действиях сибирских чиновников прослеживается последовательно проводимая политика поощрения торговцев, богатых, стадовладельцев. Царизм не вмешивался в дела и взаимоотношения внутри чукотского общества, что опять-таки создавало благоприятные условия для укрепления положения богатых, для закабаления ими бедных. Никакое законодательство не распространялось на чукчей. Они не платили окладного ясака. Их общественное устройство и управление не подвергались никаким изменениям. Они не несли никаких натуральных земских повинностей.

В свою очередь государство не создавало на их территории казенной продажи продуктов (муки) и необходимого снаряжения (пороха, свинца и т.п.).

Чукчи не испытывали гнета царизма в таком объеме, как это приходилось переживать их соседям юкагирам, эвенкам, корякам.

Лишь небольшая группа чукчей, обитавшая в непосредственной близости к Колыме, постепенно подпадала под общее положение туземного населения севера России. Царское правительство оставило за собой лишь право наблюдения за государственными границами на территории расселения чукчей и регламентацию торговли с ними.

Приступив к упорядочению управления сибирскими «инородцами», М. М. Сперанский ознакомился с материалами, характеризующими их общественный быт. Сведения, которые он получил о чукчах, состояли из донесений гижигинского и нижнеколымского комиссаров «о всех своих сношениях и разговорах с чукчами». Из всех донесений внимание Сперанского привлекло только одно, в котором сообщалось, что какое-то иностранное судно в 1819 г. подходило к берегам Чукотки и производило торговлю с чукчами. В 1820 г. чукчи с берегов Берингова пролива пушнины на ярмарку почти не привезли, и явилось их меньше, чем когда-либо. Как потом было установлено, это было американское судно «Сан-Мартин», владельцы которого предложили чукчам в обмен на пушнину табак, железные изделия, ром и прочее. В 1821 г. капитан шлюпа «Благонамеренный» Шишмарев сообщал, что иностранцы торгуют у наших берегов. «У одного чукчи, — писал он, — мы видели два английской работы мушкетона, полученных, вероятно, от американцев».¹²⁷

¹²⁶ В. В. Соляровский. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского Края. Хабаровск, 1916, стр. 27.

¹²⁷ Сведения о чукчах капитана Шишмарева 1821 г. Записки Гидрографического департамента, т. X, 1852, стр. 183.

Эти случаи заставили правительство насторожиться и проявить большее внимание к Чукотке. К тому же проникновение иностранных судов в русские воды северной части Тихого океана глубоко затронуло интересы Российско-Американской компании, которая вынуждена была просить защиты у правительства. Указом от 4 сентября 1821 г. были объявлены принадлежащими России все владения по северо-западному берегу Америки от Берингова пролива до 51° северной широты, по Алеутским островам и по восточному берегу Сибири, по Курильским островам от Берингова пролива до южного мыса о. Урупа, т. е. до 45°51' северной широты. Производство промысла китов и рыбы, а также торговли с туземным населением побережий и островов Тихого океана в указанных границах разрешалось только одним русским подданным.¹²⁸

Однако уже в 1824 г. русское правительство вынуждено было заключить с правительством США конвенцию, в которой предусматривались наряду со свободным заходом судов во все бухты, заливы и гавани, находящиеся в пределах обоих государств, не только свободный промысел кита, но также и свободное ведение торговли с туземцами.¹²⁹

В 1834 г., едва истек срок конвенции, Министерство иностранных дел обратилось к правительству США с просьбой запретить американским судам заходить во внутренние наши моря и заливы. Это представление Министерства иностранных дел правительством США было принято, и запрещение о плавании в русских территориальных водах опубликовано в американских газетах.

Однако предполагаемых результатов мера эта не достигла. Хищническая охота в наших водах, а вместе с ней и контрабандная торговля китобоев процветали. В связи с этим стало заметно падать количество пушнины, попадавшей от чукчей на Анюйскую и другие ярмарки. Несли убытки от этого не только русские купцы, но и чаунские чукчи, которые, по определению нижеколымского земского исправника Виноградова, служили «кондукторами сообщения русских с чукчами носовыми ... ибо на своих оленях перевозили их (чукчей — И. В.) в островную крепость».¹³⁰ Помимо того, оленные чукчи лишались продуктов морского промысла (кожи, ремни, обувь из шкур морских животных), поступавших с востока, и не находили достаточного рынка сбыта продуктам оленеводства, которые они меняли частью на ярмарке русским, частью носовым чукчам с побережья Берингова пролива.

Русская администрация в свою очередь также опасалась потерять последние нити, связывавшие ее с носовыми чукчами. Актив-

¹²⁸ Полное собрание законов Российской империи, т. XXXVII, СПб., стр. 823.

¹²⁹ А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», кн. 8, СПб., 1869, стр. 48—53.

¹³⁰ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 6, № 570, л. 24.

визировались поиски путей укрепления связей с ними, на что охотно откликнулся чаунский богач Ятыргын.

В 1836 г. он предложил очередное вступление чукчей в российское подданство. Через переводчика Ятыргын обратился к исправнику Виноградову с письмом, в 14 пунктах которого изложил свои условия. Вызывает недоумение то, что все пункты письма Ятыргына строго выдержаны в духе и букве «Устава об инородцах» 1822 г. По всей видимости, если не идея самого письма, то его окончательная редакция принадлежала тому, к кому оно было адресовано. Вряд ли Ятыргын сам знал «Устав» и тем более юридические границы, в пределах которых мог проявлять независимость:

«1. Твоего царя я признаю полным моим государем со всеми мною заведоваемыми чукчами, как Чаунцами, так и Носовыми.

2. Русский царь пусть дает мне какое-либо отличие или подарок, чтоб чукчи меня слушались и мне повиновались.

3. Все повеления нового моего государя Николая Павловича и все родовичи мои будем исполнять свято и без всякого упорства.

4. Русские не должны в нашей земле строить никаких крепостей и вообще поселений, какого бы они рода ни были.

5. Дозволить нам держаться при ссорах и торговых сделках своего обычая, и в том только случае входить в разбирательство наших жалоб, когда я или мои родовичи будут просить о них.

6. Лекарей и лекарства посылать к нам, на наш счет, ежели мы будем требовать их.

7. Защищать нас от всех притеснений наравне с русскими.

8. Вера, обычаи, нравы и одежда наши да останутся неприкосновенными.

9. Дозволить нам покупать от купцов ружья, винтовки и свинец, а казна пусть снабжает нас порохом за плату.

10. Купцам торговать с нами полюбовно и о времени ярмарки заблаговременно условиться и сие держать свято, потому что мы разоряемся от позднего приезда русских купцов.

11. Я обещаюсь и мною заведоваемые чукчи, что они будут всегда платить ясак новому своему государю Николаю Павловичу по своей возможности и непринужденно, то есть кто сколько может взнести в пользу е. и. в.

12. За нарушение сего условия русский царь пусть нас наказывает как ему, государю, угодно» и т. д.¹³¹

Интересно в этом документе то, что Ятыргын распространяет свою «власть» на чукчей носовых, т. е. собственно Чукотского полуострова. Это вполне соответствовало тенденциям «Устава» к укреплению власти местных тойонов и отвечало складывавшейся

¹³¹ Там же, лл. 18—19.

обстановке на берегах пролива. Нужно было экономически и политически связать население Чукотского полуострова с царизмом, т. е. подчинить его. Не менее показательно в этом плане требование Ятыргына защищать чукчей от притеснений извне наравне с русскими (пункт 7). Появление этого пункта было вызвано произволом китобоев, на действия которых уже жаловались чукчи. Интересен пункт 9, в котором выражается косвенно просьба об открытии для чукчей «запасного магазина», который снабжал бы их огнеприпасами.

В донесении по поводу этого письма генерал-лейтенанту Броневскому Виноградов сообщал, что он не замедлил с положительным ответом Ятыргыну. Он всячески оправдывал принятые им решения, попутно настаивая на разрешении продавать чукчам огнестрельное оружие. Мотивировал он это тем, в частности, что они «без сего имеют в значительном числе огнестрельное оружие, получаемое ими от юкагиров».

Главное управление Восточной Сибири донесло об этом министру внутренних дел, который разрешил принять условия чукчей. Так или иначе в 1837 г. Ятыргын присягнул русской короне и с ним 20 чукчей. Через год ему были высланы сабля и кафтан, долженствовавшие служить знаками его власти над чукчами.

Тенденции Ятыргына, так горячо поддержанные чиновниками, не отвечали настроениям других чукчей. Не помогли и родственные связи его с тойоном носовых чукчей Леутом. Приток пушнины на Анюйскую ярмарку не увеличивался, а сокращался с каждым годом. Приходившие с Чукотского полуострова чукчи не выказывали желания вступить в подданство и тем более подчиняться Ятыргыну. Положение по существу осталось тем же, каким оно было до вступления в подданство Ятыргына.

Учрежденная в 1812 г. с трескинским регламентом торговых правил Чукотская ярмарка между рр. Пенжиной и Анадырем, куда также выезжал гижигинский комиссар и купцы, почти не имела никакого успеха. Чукчей приходило на эту ярмарку немного, пушнины они привозили еще меньше, чем на Анюй, ясак вносили также «повольно».

Деятельность иностранных китобоев в наших водах все возрастала. Уже не единицы, а многие десятки китоловных судов плавали в Беринговом море, подходили к нашим берегам, вели интенсивную торговлю с чукчами, эскимосами, коряками.

Нанкинский мир 1842 г., заключенный между Англией и Китаем, в результате которого последовало открытие китайских портов для посещения иностранными судами, вызвал еще большее усиление деятельности китоловов. Их продукция нашла новый, весьма выгодный рынок сбыта.

В 1843 г. чукчи, приходившие в Гижигу, сообщали капитану брига «Охотск» Транковскому, что в последнее время стали появ-

ляться иностранные суда у устья Анадыря, где они торгуют с чукчами.

Российско-Американская компания давно уже терпела убытки и переносила всякие неудобства от деятельности китоловов, особенно тех, которые вели контрабандную торговлю. В 1845 г. правление Компании обратилось к правительству с просьбой об учреждении крейсерства для охраны ее владений. Однако сибирская эскадра, занятая в это время более неотложными делами на юге, не могла предпринять ничего. Российско-Американская компания, заинтересованная в торговле с населением Сибирского побережья Берингова моря, в 1846 г. направила к устью Анадыря свое судно, которое иностранных судов там не застало. В 1848 г. туда же было послано два судна Компании — «Охотск» и «Камчатка». Были тщательно обследованы и описаны лиман и нижнее течение Анадыря, однако и на этот раз застать там американских китоловов не удалось.

Насколько энергично действовали американские китобои, можно судить по следующим фактам. В 1846 г. около 500 иностранных судов занималось китовым промыслом в Беринговом и Охотском морях.

Через два года, т. е. в 1848 г., первое китобойное судно «*Surriog*» прошло через Берингов пролив в Ледовитый океан и в несколько дней взяло полный груз китового жира. В 1849 г. через пролив прошло уже 154 судна. За два года (1848—1849) американцы по реализации продуктов промысла выручили 17 412 453 доллара.¹³²

Наплыв китобоев к берегам Чукотки отражался на русско-чукотской торговле и русско-чукотских отношениях вообще. Трудно было конкурировать русским товарам; доставляемым за тысячи верст сухим путем из центра России в Гижигу и на Анюй, с товарами американцев, доставляемыми из портов западного побережья Америки.

Чукчи с побережий Берингова моря и Ледовитого океана пользовались теперь товарами непосредственно от американских контрабандистов и китобоев. К ним же попадало большинство той пушнины, которая шла с берегов Аляски. Анюйская ярмарка продолжала существовать, но приток пушнины с Аляски сильно сокращался. «Носовых» чукчей, вернее купцов — *каврадьит*, привлекал туда черкасский табак, с которым не могли конкурировать у чукотских и аляскинских потребителей американские табаки, и оленье сырье.

На Анюйскую ярмарку чукотские торговцы стали доставлять американские товары и продукты морского зверобойного промысла, в которых нуждались западные оленеводы.

¹³² А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», кн. 8, СПб., 1869, стр. 78—82.

В 1850 г. было учреждено регулярное крейсерство для охраны берегов Охотского побережья. На берега Чукотки крейсерство не было распространено, так как в связи с перенесением центра управления Охотско-Камчатским краем из Охотска в Петропавловск-на-Камчатке все суда Сибирской флотии заняты были перевозкой учреждений и т. п.

Крымская война 1853—1856 гг. задержала это дело еще на несколько лет. В 1855 г. была образована Приморская область с центром в Николаевске-на-Амуре, куда и были переведены все учреждения из Петропавловска. Главное внимание сибирских властей в этот период было сосредоточено на делах военных, связанных с Крымской войной. При этих условиях браконьерство у берегов Чукотки и контрабандная торговля с чукчами не знали никаких ограничений.

Наряду с прочими товарами, фигурировавшими в чукотско-американской торговле, первое место занимали ром и виски. Спаивание, грабежи и насилия, а подчас бандитизм сопровождали эту торговлю. Так, например, в 1851 г. «близ маленького острова на юг от 2—3 длинных островов близ берега, называемых Аракамчеченские острова» (пролив Сенявина) произошло столкновение чукчей с английской командой судна «Армата», плававшего под американским флагом. Ссора произошла якобы из-за «обломков якорной цепи, которую чукчи хотели отнять у корабля». В результате столкновения было убито 12 чукчей. С английской стороны был убит только один человек.¹³³

Бесчинства американских китобоев побудили якутское и иркутское начальство предпринять ряд мер к охране чукотских берегов и к большему сближению с оседлыми чукчами. В 1858 г. якутский губернатор Штубендорф пригласил приехать в Якутск чукотского эрема (главного тойона). На это приглашение откликнулся помощник чукотского эрема Дмитрий Хотто (с Чукотского полуострова), который и прибыл в Якутск в том же году. Хотто «за представление в разное время ценной рухляди удостоен был всемиловитейших наград: кафтаном, кортиком и серебряною медалью на Аннинской ленте». «Он в обращении своем, — доносил Штубендорф генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьеву-Амурскому, — показал менее дикости, чем якутские инородцы, много наблюдательности и при нескрываемом чувстве самостоятельности и своего собственного достоинства показал большое уважение и покорность начальству».

Приезд Хотто был расценен в Якутске как выражение самых добрых намерений чукчей. Это был первый случай добровольного приезда чукчей в Якутск. В соответствии с положением и званием Хотто был оказан долженствующий прием. Видя к себе располо-

¹³³ ЦГИАЛ, ф. 1286, Министерство внутренних дел, Департамент полиции исполнительной, д. 888, лл. 2—3.

жение начальства, Хотто подал Штубендорфу записку, в которой, отдав дань за оказанное ему внимание, испрашивал разрешение прислать своего сына учиться в Якутск.¹³⁴ Указанная просьба Хотто превзошла ожидания Якутского губернатора. На приглашение его посетить чукчей кому-нибудь из русских Штубендорф на первый случай поручил это миссионеру Суворову. В то же время такое представительство было возложено на чиновника особых поручений, ревизовавшего Колымский округ, некоего Шевелева.

Так как ясак, получаемый с чукчей в это время, не превышал 35 лисиц в год, которые вносились, по признанию Штубендорфа, «небольшим числом более состоятельных чукчей», то он, видимо по договоренности с Хотто, предлагал «в видах увеличения доходов Кабинета ... взимать, кроме лисиц, также другие предметы, а именно: зуб моржовый, выпоротки оленьи и ремни моржовые». Это нововведение в получении ясака с чукчей, кроме увеличения доходов Кабинета, по мнению Штубендорфа, «распространило бы чувство подданства ... в большей части народа, чем теперь».¹³⁵

Муравьев-Амурский, одобряя все действия и распоряжения Штубендорфа по этому поводу, приказал «в случае присылки в Якутск сына Хотто оказать наивозможное покровительство в его воспитании».¹³⁶ О взимании ясака другими предметами, кроме лисиц, он разъяснил, что «законом (1256 ст. IX т. «Свода законов» издания 1857 года) предоставлено чукчам вносить ясак произвольно как по качеству, так и по количеству». Исходя из этого, он находил вполне возможным принимать от чукчей в ясак и другие предметы, кроме лисиц. Вместе с тем Муравьев-Амурский предписал командовавшему Сибирской эскадрой контр-адмиралу Козакевичу посылать ежегодно к чукотским берегам судно «для наблюдения там за иностранцами и заведения с тем вместе торговых сношений с чукчами с морской стороны, со взиманием притом с них добровольного ясака».¹³⁷

Начало установления торговых связей с приморскими чукчами Муравьев-Амурский рекомендовал возложить на капитана военного судна и в то же время «дозволить торгующим лицам отправлять на этом судне свои товары и приказчиков».

Прошло более 10 лет, прежде чем указания Муравьева о посылке судна были осуществлены.

В свою очередь в Якутске изобретали разные меры для сближения с чукчами, для привлечения северо-восточной их части к более постоянным и более широким торговым связям. Особое старание в этом деле проявил якутский купец Барамыгин. Пошатнувшиеся дела фирмы в связи с торговой деятельностью иностранных китобоев побудили его к политическому вмешательству

¹³⁴ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 17, д. 12, лл. 1—4.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же, л. 11.

в чукотские дела. Его не удовлетворили результаты поездки в Якутск Хотто, который умалял значение торговли чукчей с иностранными китобоями. Барамыгин совместно с чиновником особых поручений Шевелевым весной 1859 г. уговорил чукотского главного эрема Амраургына поехать в Якутск. Еще с Колымы Амраургын писал якутскому губернатору Штубендорфу: «Я старался привлечь и народ свой на сторону русских, всеми мерами стараясь распространить нашу меновую торговлю с ними и тем отвлечь чукчей от вредной для нас торговли с ежегодно приезжающими к нам на судах иностранцами, судов которых приходит к нам каждый год от 100 до 150». В отличие от сдержанности Хотто Амраургын полон верноподданнических излияний.

«Дружеский и ласковый прием, — писал он в том же письме Штубендорфу, — оказанный мне вашим чиновником Шевелевым, убеждения его и купца Барамыгина и слухи о приеме, оказанном в Якутске Хотто, столь на меня подействовали, что я, заботясь о благе чукотского народа, решился всеподданнейше умолять его императорское величество государя императора всея России принять меня и весь мой чукотский народ в вечное и покорное ему подданство, для чего и желал бы иметь счастье предстать перед его императорское величество лично сам. А потому и прошу нижайше Вас о дозволении и содействии русского правительства к моей поездке в С.-Петербург».¹³⁸

В этом внешнем противоречии в настроениях Амраургына и Хотто были и противоречия по существу внутренние. В них проявились две ориентации торговой верхушки чукчей. Хотто, представитель купцов — кавральыт с Чукотского полуострова, был заинтересован в торговле с китобоями, завозившими ром, спирт, оружие и прочие товары в большом ассортименте и по более дешевым ценам, благодаря чему кавральыт стали конкурировать с русскими купцами на Анюйской ярмарке и на Анадыре. Амраургын — представитель западной, анюйско-чаунской группы крупных оленеводов, эксплуатировавших своих соплеменников с помощью товаров русского происхождения. Отсюда естественна та поддержка, которая была оказана Амраургыну Барамыгиным и Шевелевым. На этой почве их интересы совпадали.

Поездку Хотто в Якутск поэтому нужно рассматривать как разведывательную, чтобы окончательно решить, с кем выгоднее иметь дело. Не случайно то, что Хотто очень сдержанно говорил о подданстве и в конце концов отказался вступить. Он всячески защищал торговлю с китобоями. Отказ послать сына учиться в Якутск был его окончательным ответом.

В мае 1859 г. Амраургын выехал в Якутск, «отколь намерен следовать к священной особе его императорского величества», как

¹³⁸ Е. Д. Стрелов. Материалы к истории чукоц, «Сборник трудов исследовательского общества „Saqa—Keskile“», Якутск, 1925, в. 1, стр. 16.

доносил колымский исправник в Якутск со специальным курьером. Генерал-губернатор Восточной Сибири, которого известили о намерении Амраургына, предложил отклонить «приличным образом» эту поездку в Петербург. Штубендорф дал понять Амраургыну, что по русским законам не полагается несколько раз приходить в подданство, что предки его были верноподданными; «наследуя от них разные знаки отличия, он этим признает себя русским подданным». Единственно, что счел Штубендорф необходимым, — это привести Амраургына к присяге на верность новому царю (Александру II), что Амраургын еще не успел сделать. Для этой церемонии был переведен на чукотский язык текст присяги.

Все участвовавшие в деле принятия Амраургыном присяги были награждены правительством. Кроме того, текст присяги был размножен типографским способом и направлен для распространения среди чукчей.

Поездка Хотто, а затем и Амраургына в Якутск в конечном счете имела положительное значение для укрепления связей чукчей с русскими. Западная группа оленных чукчей давно уже продвигалась к Колыме. Немногочисленные юкагиры и эвены, жившие по берегам Б. и М. Анюев и их притокам, почти все переселились на Анадырь, поэтому возражать по поводу занимаемых чукчами пастбищ было некому. Население Колымы приветствовало приближение чукчей, так как они не раз уже выручали мясом своих оленей русских старожилов, эвенов и юкагиров во время голодовок.

«С 1844 г., — писал Аргентов, — отношения между чукчами и колымчанами совершенно изменились: чукчи, числом до 40 юрт, подкочевали к самой Колыме и живут здесь с русскими по-братски».¹³⁹

Их тянули к Колыме близость леса, хорошие пастбища, возможность непосредственной реализации продуктов оленеводства. Все это обеспечивало необходимые условия для процветания их хозяйства.

В 1859 г. большая группа чукчей перешла через Колыму на запад, где они расселились по Б. и М. Чукочьим рекам, а часть из них двинулась к Алазее. Видимо, никого из своих соплеменников, кочевавших в этих местах еще в начале XVIII в., они не встретили. Якутский епископ Дионисий, посетивший Колымский округ в 1868—1869 гг., где он бывал и прежде, писал, что «около Среднеколымска и даже ста на четыре верст западнее от р. Колымы кочуют чукчи вместе с нашими тунгусами и юкагирами и стадами своих оленей питают многочисленные их семейства». «За двадцать лет перед сим, — писал он далее, — когда я был в последний раз в Колымске, чукчи не смели ступить ногой далее

¹³⁹ Путевые записки священника-миссионера А. Аргентова в приполярной местности. «Записки СО РГО», кн. IV, СПб., 1857, стр. 55.

Островной крепости».¹⁴⁰ В письме якутскому губернатору он сообщал: «Чукчи жительствоуют не только близ Среднеколымска и Нижнеколымска, но некоторые едва не доходят до р. Индигирки... По рекам Большой и Малой Чукочьей и Алазее множество чукотских семей».¹⁴¹

Переселение на запад, за Колыму, было по существу шагом к окончательному признанию этой группой чукчей полной зависимости от самодержавия.

Итак, на протяжении более 200 лет политика самодержавия на Чукотке развивалась крайне неравномерно. С первых шагов русских землепроходцев стало очевидно, что Чукотка не имеет ценных пушных зверей. Присоединение Камчатки и обложение ясаком коряков поставило правительство перед необходимостью защиты ясачных плательщиков от систематических набегов чукчей. Активизация действий против них в первой половине XVIII столетия объяснялась также тем, что через Чукотку видели кратчайшие пути в Северную Америку.

Однако после открытий экспедиции В. Беринга, особенно после удачных плаваний промышленников, надобность в насильственном подчинении чукчей отпала, отпала и необходимость в содержании Анадырского острога. С его ликвидацией фактически прекратились административные связи с чукчами. Единственными каналами, по которым поддерживались и развивались отношения чукчей с русскими, была торговля.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. — основной юридический документ, положенный в основу политики царизма среди малых народностей Сибири, признал неполную зависимость чукчей от самодержавия. Они были предоставлены сами себе. Только появление иностранцев у берегов Берингова пролива вынудило правительство вспомнить о Чукотке и ее населении. В этом сказалась черствость и безразличие правительства дворянско-помещичьего государства к судьбам коренного населения Севера. Такая политика самодержавия надолго задержала сближение чукчей с русским народом и его культурой.

¹⁴⁰ Поездка преосвященного Дионисия епископа Якутского в Чукотскую миссию в 1868—69 годах. «Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям», 1884, № 5, стр. 65.

¹⁴¹ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 7, д. 495, л. 46.

Раздел
ВТОРОЙ

ЧУКЧИ

СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА ДО 1917 ГОДА

ГЛАВА V

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЧУКЧЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

К середине XIX столетия основными видами хозяйственной деятельности коренного населения Чукотки были пастушеское оленеводство, морской зверобойный промысел, отчасти рыболовство, охота на диких оленей и пушных зверей. Преобладающим занятием являлось оленеводство. Им была занята большая часть населения Чукотки.

По данным переписи 1897 г. 8869 чукчей были оленеводами, 2841 — охотниками на морского зверя и рыболовами, 18 занимались преимущественно торговлей и кустарными промыслами, 67 — прочими занятиями.¹

Никаких статистических данных о количестве кочевого и оседлого населения Чукотки до конца XIX в. не было. Перепись А. Аргентова 1850 г. охватила лишь чаунскую группу оленных чукчей и отчасти оседлых из поселков на мысе Шелагском и мысе Якан.²

Едва ли ни впервые были получены общие сведения о количестве оседлых поселков чукчей и в них жилищ Гагемейстером в 40—50-х годах XIX в. По его данным, оседлых чукчей было 52 поселка и в них 1565 яранг.³

Более обстоятельные сведения о количестве оседлого населения побережий Чукотки собрал участник экспедиции на судне «Вега» О. Нордквист. В 1879 г. он составил «Список селений промышленных чукчей по берегу Ледовитого океана».⁴ Им учтено 58 населенных пунктов с 432 хозяйствами в них и с населением 2160 человек.

¹ И. И. Серебрянников. Инородцы Восточной Сибири. «Известия ВСОРГО», т. XLIII, Иркутск, 1914, стр. 166.

² Архив Географического общества г. Ленинграда, разряд 64, оп. 1, № 32. Первая народная перепись чукчей, населяющих Чаванский край.

³ Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском комитете, ч. II, СПб., 1854, стр. 316.

⁴ См.: «Известия РГО», т. XVI, 1880, стр. 98—100.

Более ранние сведения о количестве населенных пунктов и в них жилищ (от мыса Шелагского до Колючинской губы) имеются в книге Ф. П. Врангеля.⁵

Сопоставляя все эти данные с данными переписи 1897 г., обработанными С. Паткановым, можно утверждать, что соотношение оседлого и кочевого населения Чукотки было примерно одним и тем же во второй половине XIX—начале XX в.

Переписью 1897 г. зарегистрировано следующее количество оседлого и кочевого населения Чукотки: оседлых чукчей в 71 поселке 496 хозяйств (по побережью Ледовитого и Тихого океанов) с населением 2956 человек. Сибирских эскимосов, которые были учтены впервые отдельно от чукчей, в 185 хозяйствах 1307 человек.

Также впервые были учтены кочевые оленные чукчи. Их оказалось 1408 хозяйств с населением 8796 человек.⁶

Подробный перечень населенных пунктов оседлых чукчей приводит в своей работе В. Г. Богораз-Тан. Его сведения несколько расходятся с официальными.⁷

В 1906—1909 гг. побережье Чукотки объехал Н. Ф. Калинин. Им зарегистрировано 558 яранг оседлых чукчей и 171 яранга сибирских эскимосов.⁸

Участники экспедиции на судне «Мод», дважды зимовавшие у берегов Чукотки (в 1919/20 г. у о. Айан, в 1920/21 г. у мыса Сердце-Камень), имели возможность подробно ознакомиться с жизнью, бытом населения побережий Чукотки. По подсчетам Г. У. Свердрупа, на северном побережье «находится приблизительно 450 юрт с населением в 2500—3000 человек». Сравнивая свои сведения с данными Норденшельда, Свердруп отметил, что население побережья за последние 40 лет несколько увеличилось. Основываясь на этих данных, он приходит к выводу, что «чукчи не являются вымирающим племенем». В общей сложности число яранг, населенных береговыми чукчами, по мнению Свердрупа, достигает 800, из них 450 расположены по северному побережью, а 350 на восточном и южном берегу Чукотского полуострова.⁹

Сопоставляя все эти данные, можно заметить тенденцию к увеличению оседлого населения. Является ли это результатом естественного прироста или результатом перехода на оседлость разорившихся оленеводов, решить трудно, так как одних этих сведений недостаточно для столь ответственного вывода.

⁵ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824. Изд. Главсевморпути, 1948, гл. VIII.

⁶ С. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. I. СПб., 1912, гл. III.

⁷ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I. Л., 1934, стр. 13—17.

⁸ Н. Ф. Калинин. Наш Крайний Северо-Восток. СПб., 1912, стр. 48—51.

⁹ Г. У. Свердруп. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930, стр. 262.

Оленеводство

Основная масса чукчей была занята оленеводством, которое к середине XIX столетия сложилось в прочное хозяйственное занятие $\frac{3}{4}$ всего населения Чукотки.

Оленеводство продолжало развиваться, а чукчи-олeneводы распространяться к западу от Колымы и к югу от Анадыря. В конце XIX в. 13 лагерей оленеводов уже кочевали к западу от Алазей.¹⁰ Таким образом, кочевья чукчей были разбросаны на огромной территории от побережья Тихого океана на востоке до правых притоков нижнего течения р. Индигирки на западе (около 1800 км от крайних точек), а на юг до Камчатского перешейка.

На этой территории чукчи-олeneводы распадалась на ряд групп, сосредоточенных в определенных районах, удобных для выпаса оленей.

Исторически сложились две области расселения оленных чукчей: южная — по долине р. Анадыря с ее притоками и северная — от побережья Ледовитого океана до Анадырского хребта.

В свою очередь на территории южной и северной областей чукчи делились на более мелкие территориальные группы, каждая из которых имела свои определенные места кочеваний.

За этими группами закрепились названия по месту их обитания. Так, например, в северной области известны следующие группы: анюйская, кочевавшая по правым притокам Б. Анюя и по М. Анюю, чаунская — по долинам рек, впадающим в Чаунскую губу с востока и юго-востока, группа района и мыса Северного, амгуемско-ванкаремская группа чукчей, колючино-мечигменская группа. В южной области были следующие группы: онмыльыт — группа оленеводов, кочевавших по долине р. Канчалана и ее притокам; кагыргыльыт — оленеводы, кочевавшие по левому берегу Анадырского лимана, начиная от большой Нерпичьей бухты; пэкульнэйльыт, кочевавшие между Пэкульнэйским хребтом и р. Танюрэр, усть-бельская, еропольская, туманская (тэлкэпыльыт) и др.

Помимо названных групп в северной и южной областях расселения чукчей, небольшие группы оленеводов кочевали по верховьям р. Олая и по притокам Омолона, к западу от Колымы, в районе рр. Апуки, Пахачи. Вывенки (Алюторской).

К началу XX в., по данным В. Г. Богораза, население оленных чукчей составляли следующие группы. Индигирская и алазейская состояли из 13 стойбищ с населением около 150 человек, западная колымская — 35 стойбищ с населением 400 человек. От правого берега Колымы, вдоль Анюя — около 100 стойбищ. Стада

¹⁰ В. Г. Богораз. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края. Иркутск, 1889, стр. 6. В 1870 г. между Индигиркой и Колымой кочевало 88 семей чукчей (Памятная книжка Якутской области на 1896 г., в. 1, Якутск, 1895, стр. 144).

их были не очень велики, большей частью от 300 до 400 голов. Некоторые имели стада в 2—3 тысячи голов. На Б. Анюе было около 20 стойбищ, число которых уменьшалось вследствие перекочевки на юго-запад к рр. Олою и Омолону, где эта группа насчитывала около 45 стойбищ с населением в 500 человек. Они не имели доступа к морю и поэтому в летнее время находились в горах.

Верхнеанадырская группа состояла из 30 стойбищ, в летнее время они также находились в горах. Чаунская группа насчитывала 50 стойбищ, в ее стадах числилось 400—500 голов. Группа Эрри (мыс Шелагский и к востоку от него) включала 40—50 стойбищ, онмылынская (между северным берегом р. Анадыря и заливом Креста) — около 60 стойбищ. Они значительно отличались по количеству оленей в стадах. Многие стойбища были весьма бедны и жили рыбным и тюленьим промыслами три года из четырех, между тем как другие были весьма состоятельны. Эта группа включала приморских чукчей с тихоокеанскими поселками, которые с 70-х годов XIX в. переходят на оленеводство. Тэлькэпская группа насчитывала около 50 стойбищ со стадами в 400—500 голов. Стойбища расположены вдоль р. Большой (Великой). Далее вдоль корякской границы, включая чукчей, рассеянных на Парампольском доле и на Камчатке — 80 стойбищ. На р. Белой — 25 стойбищ, группа в горах Пэкулнэй — 25 стойбищ, на Чукотском полуострове между заливами Колючинским и Креста — 80—100 стойбищ. Стада их не очень велики. Почти половина означенных стойбищ большую часть своего пропитания получала от моря, они имели упряжных собак, собственные байдары и пр.¹¹

Эта оценка численности стойбищ, населения в них и количества оленей в хозяйствах — весьма приблизительна. Однако никаких других, более точных статистических данных по этому вопросу к началу XX в. не было. Наиболее плотно оленеводы были расселены по М. Анюю и его притокам. Здесь их стойбища, по образному выражению чукчей, располагались *ым н'ылгыл вытра* — «на расстоянии возможности видеть дым».

Сплошной цепи стойбищ чукчей-оленеводов не было. Группы кочевников отделялись друг от друга обширными пространствами незаселенных мест, мало пригодных или совершенно непригодных для выпаса оленей.

Как бы промежуточное положение между оседлыми и оленеводами занимали чукчи, которые имели незначительное количество оленей, что принуждало их жить постоянно в непосредственной близости от берега моря, дабы возмещать недостающие продукты питания и другие средства к жизни за счет морского зверобойного промысла и рыболовства. В стадах таких оленеводов обычно выпас-

¹¹ W. Bogoras. The Chukchee, I, Material culture, New York, 1904, pp. 26—27.

сались также олени, принадлежавшие оседлым чукчам. Такие хозяйства насчитывали в своих стадах 150—200 оленей. Они кочевали и зиму и лето недалеко от береговых поселков преимущественно Тихоокеанского побережья Чукотки.¹²

Во второй половине XIX столетия начали переходить на оседлость по р. Анадырю обедневшие оленеводы. Средствами к жизни им служили охота на диких оленей и рыболовство. Количество хозяйств оседлых чукчей на Анадыре не превышало двух десятков.¹³

Итак, основным занятием для большинства чукчей было пастушеское оленеводство. Олень и продукты оленеводства давали все необходимые средства к жизни чукчам-оленеводам: пищу, одежду и обувь, жилище и средства передвижения.¹⁴ При таком универсальном использовании оленей естественно было то внимание, с которым чукчи относились к этой отрасли хозяйства.

Главной заботой их было размножение оленей. Вся жизнь чукчей-оленеводов была тесно связана с выпасом оленей, с перекочевками и подысканием наиболее удобных мест для выпаса. Жизнь оленеводов, места их пребывания в разные сезоны года были подчинены необходимости создания наиболее благоприятных условий для оленей.

В летнее время стада, а вместе с ними и их хозяева находились на побережье океана, где благодаря постоянным ветрам, прохладе, идущей от воды и льдов, было меньше оводов и комаров. Кроме того, что также весьма важно, олени получали необходимую организму минеральную подкормку. Здесь олени выпасались спокойнее и требовалось меньше человеческих усилий, чтобы удерживать стадо на одном месте. Вместе с тем пребывание на побережье океана давало возможность части чукчей заняться промыслом морских зверей (тюленей, лахтаков, моржей) и рыбной ловлей.

На побережья Ледовитого и Тихого океанов выходили чукчи, которые в течение зимы кочевали в расстоянии 100—200 км от берега. Около четверти оленных чукчей на летний период не выходили на побережье океана. Они проводили лето со своими стадами

¹² Более подробно о расселении чукчей-оленеводов см.: Г. Майдель. Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868—1870 годах, т. I. СПб., 1894, стр. 5, 120, 213, 214, 271, 507; Г. Дьячков. Анадырский край. «Записки Общества изучения Амурского края», Владивосток, 1893, стр. 49 и др.; Н. Л. Гондатти. Состав населения Анадырской округи. «Записки Приамурского отдела ОРГО», т. III, в. 1, 1897, стр. 166—178; В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 12—17; С. Патканов, ук. соч., стр. 118—122.

¹³ Н. Л. Гондатти. Анадырские очерки. Сведения о поселениях по Анадыру. Хабаровск, 1897. — В 1913 г. оседлых чукчей по Анадырю числилось 106 человек (Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 3, д. № 414, л. 11).

¹⁴ В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти. СПб., 1901, стр. 38—39; W. Bogoraz. The Chukchee, I, pp. 72—97; Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 166—168.

в горах, где в лощинах по северным и западным склонам гор сохранялся снег в течение всего лета. Здесь было прохладно, меньше было «гноса». Это были по преимуществу крупные стадовладельцы. Летом их стада выпасались по притокам верхнего и среднего течения р. Анадыря, в верховьях Б. Анюя, на водоразделе рр. Погынден и Б. Баранихи, в верховьях Олоя и других правых притоков Омолона.¹⁵

В течение лета эти чукчи занимались рыболовством и охотой. Обычно их семьи и имущество оставались на берегах рек или озер, тогда как стада с пастухами уходили в горы.

С наступлением осени, с выпадением первых снегов чукчи снимались с побережья океана и начинали медленно продвигаться в глубь материка, к границе леса, на зимние пастбища, в места, более защищенные от ветров. Оленеводы, проводившие лето в горах, на берегах рек и озер, также откочевывали на зимние пастбища, спускаясь в долины рек.

В течение зимы оленеводы меняли места своих стойбищ по мере того как стадо выедало моховища вокруг стойбища.

Чем крупнее стадо, тем чаще приходилось менять место. Перекочевки обычно производились на близкое расстояние — 5—10 км. При нормальных условиях снежного покрова ежегодные маршруты передвижения стада производились в одном районе и с таким расчетом, чтобы к весне выйти снова на побережье океана, в то место, где находилось стойбище в прошлое лето. Годовой маршрут представлял собой замкнутую кривую.

Резко менялись районы кочевания при образовании гололеда. В таких случаях оленеводы спешили уйти из района оледенения снежного покрова, что приводило к изнурительным дальним перекочевкам, а иногда и смене района обычного кочевания. Наиболее часто гололеды образовывались в районах, примыкавших к побережью океанов.

Жизнь оленеводов, проводивших зиму в тундре, т. е. тех, которые кочевали по северным склонам Анадырского хребта, несколько отличалась от жизни чукчей, кочевавших у границы лесов по Анадырю, Анюям, Омолону и в других местах.

В тундре стойбища стояли на одном месте в течение нескольких дней, после чего чукчи снимались и уходили на новое место. Помимо заботы о пастбищах для оленей, им приходилось выбирать места, где можно было бы обеспечить себя хотя бы небольшим количеством топлива. Можно сказать без преувеличения, что их жизнь в течение зимы протекала почти в непрерывных перекочевках. Всего несколько дней они находились на одном месте. Снова начинались сборы.

¹⁵ В. Г. Богораз. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края. Иркутск, 1899, стр. 6.

Так называемые горные чукчи, т. е. те, которые лето проводили в горах, к зиме уходили к лесу. Здесь они оставляли большую часть обоза, яранги с семьями. Яранги устанавливались прочно, а полога, как у береговых чукчей, утеплялись связками сухой травы. Стада с пастухами и легкими ярангами уходили довольно далеко. Не будучи обременены тяжелым обозом, они быстро снимались с места и откочевывали на новые пастбища.

Перекочевки стойбища отнимали много человеческого труда. Все имущество чукчей грузилось на нарты. Чтобы подготовить стойбище для перекочевки, требовалось несколько часов работы всех членов его, включая подростков и детей. В день перекочевки, рано утром, мужчины уходили за стадом. Женщины снимали покрывку яранги, свертывали ее в определенном порядке и грузили на нарту. Снимался полог. Прежде чем погрузить на нарту, его вымораживали и затем образовавшийся на внутренней (меховой) стороне налет в виде инея тщательно выколачивали роговыми снеговывивалками. Деревянный остов яранги разбирался в последнюю очередь и также грузился на специальные нарты. Все предметы домашнего обихода: посуда, жирники (светильники) и т. п. тоже укладывались на нарты.

Нагруженные нарты составлялись в виде полукруга, в который загоняли отделенных от стада упряжных оленей, здесь их ловили и впрягали в нарты. Хозяин садился на легковую нарту и ехал вперед к месту будущего стойбища. Женщины, старики, дети, ведя на поводу запряженных оленей, шли по следу хозяина. Вслед за караваном гнали стадо оленей. На новом месте развязывались нарты, устанавливались яранги, полога, и хозяйки приступали к приготовлению пищи.

Кроме маленьких детей и дряхлых стариков, никто не пользовался при перекочевках оленьими упряжками. Все шли пешком.

На такую перекочевку уходил целый день. Среднее стойбище в 3—4 яранги имело 70—100 нарт.¹⁶ На них хранилось имущество, запасы заготовленного с осени мяса, шкуры, дерево для поделок, запасная одежда, обувь и т. п.

У чукчей-оленоводоов существовало внутрисемейное разделение труда. На обязанности женщин лежало, помимо приготовления пищи, выделка шкур, заготовка ниток, шитье одежды, обуви, поддержание в порядке покрывки яранги, полога, уход за светильником, просушка одежды и обуви мужчин, иногда заготовка дров, установка и разборка яранги при перекочевках. Уход за детьми и стариками также входил в обязанности женщин.

Основной работой мужчин был уход за оленями. Охота, рыболовство также являлись занятиями мужчин. Изготовление и ремонт нарт, упряжи, орудий труда и промысла лежало на обязан-

¹⁶ В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей ..., стр. 39.

ности мужчин. Из домашних работ мужчины должны были заготавливать и подвозить дрова.

Наиболее трудной работой, поглощавшей все силы мужчин, была работа по охране и выпасу оленей. Чукотское оленеводство не знало пастушеской собаки. Поэтому вся тяжесть выпаса оленей ложилась на плечи пастухов. Особенно в бурную погоду они неотлучно находились при стаде, иногда сутками не приходили в стойбище, опасаясь потерять оленей. Даже в хорошую погоду пастухи ночью находились при стаде. Они приходили в ярангу лишь для того, чтобы поесть и сменить отсыревшую одежду и обувь на сухую.

В течение ночи пастух обходит стадо вокруг, подгоняя отбившихся оленей.

Большой урон чукотскому оленеводству причиняли волки, особенно в зимнее время. Поэтому пастухи должны были быть бдительными в ночное время. В весеннее и летнее время труд пастуха был еще более утомителен. Если зимой можно было установить по следам, в каком направлении ушли отбившиеся олени, то в летнее время это установить почти невозможно. В ясную погоду пастухи безотлучно находились при стаде, сдерживая его, когда олени стремились быстрым бегом избавиться от назойливых преследований от оводов, от комаров. Лишь в дождливую погоду и олени и пастухи могли отдыхать. Не менее трудной порой для пастухов было время отела и время гона оленей. На время отела мобилизовались все жители стойбища. Чем внимательнее уход за самками и новорожденными оленятами, тем, следовательно, больше увеличение стада.

— Для удовлетворения жизненных потребностей семьи (в мясе, шкурах для одежды, жилища), нужд хозяйства (наличие достаточного количества упряжных оленей) требовался определенный минимум оленей — 200—250 голов на одну обычную семью.¹⁷ Только при наличии такого количества оленей семья оленевода могла сводить концы с концами, едва покрывать свои жизненные потребности и существовать независимо. Однако такие хозяйства не были стойкими. Гололедица, нападения волков, летние эпизоо-

¹⁷ Это количество оленей, необходимое для существования одной семьи, установлено нами на основании личных наблюдений и опроса оленеводов (в 1932—1934 гг.). Однако на этот счет существуют разные точки зрения. Так, В. Г. Богораз считал, что средний размер стада, обеспечивающий существование семьи, 300—400 голов (В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей, стр. 37). Н. Ф. Калинин полагал, что для сносного существования семьи оленевода необходимо иметь 100 оленей (Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 163). Впрочем, среднее число оленей в отдельных хозяйствах чукчей в разных районах их расселения было неодинаковым: «У чукчей Чаунской губы и групп Эрри и Талкэп стада в среднем состоят из 400—500 важен, на Чукотском полуострове стадо среднего размера имеет не более 100 важен» (В. В. Солянский. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. «Материалы по изучению Приамурского края», в. XXVI, Хабаровск, 1916, стр. 127).

тии (копытка) в течение одного года могли вывести такое хозяйство из равновесия.

Во время гололедицы зимой 1904/05 г. около сорока малооленных хозяйств чукчей в районе Чауна потеряли всех своих оленей.¹⁸

Владельцы минимальных стад вынуждены были систематически искать дополнительные средства к существованию. Они занимались охотой, рыболовством, морским промыслом. Это побуждало их держаться ближе к побережью океана, местам рыбной ловли. Многие из них имели соответствующие орудия промысла и даже байдары.

«На берегу Ледовитого океана, — писал В. Г. Богораз, — между Колымой и Чауном, обычно пастбища занимаются беднейшей частью населения. Богатые чукчи не очень стремятся туда».¹⁹

Оленеводы, владевшие большим количеством оленей, в меньшей степени прибегали к охоте и рыболовству.

«У оленного чукчи, — писал В. И. Иохельсон, — нет ни привычки к охоте, ни времени для нее, так как стадо требует постоянного ухода и забот. Пастей, срубов или самострела он не умеет ни делать, ни настораживать.

«Вообще к охоте и промыслу тяготеют бедные и малооленные люди, богачи не интересуются охотой. Белку, лисиц или песцов, приносимых чукчами на Анюйскую ярмарку и в Среднеколымск, они приобретают от ламутов или тунгусов в обмен на „еденных“ оленей».²⁰ Нужные им предметы морского зверобойного промысла, а также товары русского завоза выменивались ими на пушнину и продукты оленеводства.

По мере развития торговых связей с русскими и иностранцами металлические изделия и огнестрельное оружие к концу XIX столетия окончательно вытеснили каменные орудия (за немногими исключениями, например, скребки для выделки шкур), а также лук и стрелы.

Из краткого обзора хозяйственной деятельности чукчей-оленеводов видно, что производство материальных благ у них находилось в неразвитом состоянии, техническая база была примитивной

¹⁸ С. А. Бутурлин. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края. СПб., 1907, стр. 47.

¹⁹ W. Bogoras. The Chukchu, I, p. 77. «В прибрежной полосе держатся постоянно только мелкие оленеводы, стада которых не превышают 100—150 штук» (Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 161).

²⁰ В. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. «Вестник Сибирского отдела РГО», отд. III, т. X, ч. 3, СПб., 1898, стр. 25—26. — Примерно то же отметил В. Г. Богораз: «Падающих ловушек (пастей, срубов), употребляемых русскими и юкагирскими промышленниками, оленные чукчи не знают, хотя бывают случаи единичного заимствования; точно так же не ставят лучных самострелов на звериных тропах» (В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей... стр. 43).

и отсталой, что особенно наглядно прослеживается на орудиях труда.

Оленеводческое хозяйство у абсолютного большинства чукчей и во второй половине XIX в. сохраняло в основном натуральный характер. Все необходимые средства существования: пища, жилище, одежда, освещение и отопление, средства передвижения, многие предметы домашней утвари, некоторые орудия труда — все это изготовлялось внутри хозяйства и использовалось также внутри хозяйства.

В середине XIX в. оленеводческое хозяйство чукчей все еще слабо было втянуто в товарно-рыночные отношения. Из продуктов оленеводства поступали на рынок разные виды шкур и в очень малом количестве мясо оленей. Для средних и малооленных хозяйств большее товарное значение имела добываемая ими пушнина (песцы, лисицы и т. п.). На излишки оленеводческого хозяйства и пушнину оленеводы выменивали товары фабричного и кустарного производства.

О слабой втянутости оленеводческого хозяйства в товарно-рыночные отношения в середине XIX в. говорит также и то, что у оленеводов на базе своего хозяйства не были развиты кустарные промыслы. Поэтому на ярмарки оленеводы поставляли пушнину и продукты оленеводства преимущественно в виде сырья (шкуры). Постепенное вовлечение чукотского хозяйства в товарно-рыночные отношения, которые стали более заметны с 70-х годов XIX в., привело к усилению ручного труда женщин, изготовлявших на продажу одежду, обувь, выделывавших особым способом замшу.

Слабое участие оленеводческого хозяйства чукчей в рыночном обмене объясняется еще и тем, что торговые пункты — ярмарки находились на границах расселения чукчей, поэтому основная масса их не принимала непосредственного участия в торговле. Кроме того, на ярмарках охотнее скупалась пушнина и лишь часть оленьего сырья. К концу XIX в. картина несколько изменилась — увеличился спрос на продукты оленеводства (шкуры, готовую одежду). По наблюдениям В. И. Иохельсона, «раньше вывоз оленьих шкур из Нижнеколымского округа был довольно ограничен, но за последние 6—7 лет эти шкуры занимают по стоимости вывоза их в Якутск то второе, то первое место в ряду более ценных мехов».²¹ С 1890 г. из Якутска начали вывозить оленьи выпоротки и на Ирбитскую ярмарку. По подсчетам Иохельсона, «за период от 1886 по 1892 год было вывезено с Анюйской ярмарки 18 000 выпоротков, 4000 ровдуг, 200 пыжиков, 450 недорослей и постелей (шкуры оленя зимнего убоя, — И. В.)».²²

²¹ В. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговля мехами в Колымском округе, стр. 35.

²² Там же, стр. 127, 129.

Ровдуги выделывались жителями Нижнеколымска из шкур оленей, приобретаемых у чукчей. Значительная часть их поступала с Анадыря. На востоке оленьи шкуры и изделия из них интенсивно скупались американскими китобоями и контрабандистами. Они с большой прибылью сбывали продукты оленеводства золотоискателям Аляски.

Большое значение для дальнейшего вовлечения оленеводческого хозяйства Чукотки в товарно-рыночные отношения имело налаживание регулярного сообщения пароходами из Владивостока. С начала XX в. пароходы пошли и до Колымы.

На развитие товарности чукотского оленеводства оказывало некоторое влияние русское и обруселое туземное население, обосновавшееся в первой половине XIX в. на р. Анадыре. Это население вело с чукчами оживленный обмен, променивая им предметы кустарного производства, товары, завозимые русскими купцами, главным образом на оленье мясо, шкуры оленей. По мере того как сокращался промысел дикого оленя на Анадыре, развивался обмен между оседлым населением Анадыря и чукчами-оленеводами. Н. Л. Гондатти подсчитал, что «с октября 1894 года по май 1895 года оседлым населением по Анадырю было приобретено у кочевого на еду 1986 голов оленей.²³ Аналогичные отношения складывались в XIX в. и на Колыме.

Известное влияние на развитие чукотского оленеводства во второй половине XIX в. оказали возраставшие потребности в продуктах оленеводства со стороны оседлых чукчей и сибирских эскимосов. По донесениям Анадырского окружного начальника в 1896 г., «экономическое благосостояние оленных чукчей в общем увеличилось вследствие увеличения количества стад оленей и значительного спроса на оленье мясо со стороны оседлого инородческого населения».²⁴

Широко практиковавшийся обмен между чукчами-оленеводами и приморскими охотниками также не выходил за рамки натурального обмена.

Постепенное расширение торговли с русскими и иностранцами во второй половине XIX в. способствовало дальнейшему разрушению натурального чукотского оленеводческого хозяйства. С каждым годом расширялось вовлечение оленеводов в новые экономические связи, что выводило их из замкнутого круга натурально-потребительского характера производства, стимулировало развитие их хозяйства.

²³ Н. Л. Гондатти. Анадырские очерки. Сведения о поселениях по Анадырю, стр. 71. Там же Н. Л. Гондатти отметил, что около с. Еропол кочует много оленеводов, «от которых все жители (с. Еропола — И. В.) пользуются оленьим мясом, за очень дешевую плату, большей частью за железные мелкие вещи собственнойковки: ножи, чашки, судки, огнива, затем за табакерки. Мясом (оленей) кормят своих собак».

²⁴ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 259, л. 35.

Развитие торговли с русскими, обмена с оседлыми чукчами и сибирскими эскимосами благотворно сказалось на развитии чукотского оленеводства. Остановившись на значении Анюйской ярмарки для чукчей, Г. Майдель отмечал: «... ярмарка имела еще другое, более важное значение в том отношении, что она ставила чукчей все в более и более близкие отношения к Колыме, а впоследствии повела к тому, что самые богатые из них, наиболее состоятельные из стадовладельцев, переселились в область этой реки».²⁵

В 60-х годах XIX в. правые притоки Колымы оказались уже плотно заселенными оленеводами, в области этих рек «стадовладельцы разбогатели по тамошним условиям до колоссальных размеров».²⁶

В 1866 г. Амраургын (чукотский эрым) говорил Г. Майделю, что «на Анюях чукчам становилось уже тесно», что их «стада очень велики, а потравленные оленями моховые пастбища могут поправляться только через четыре года, почему уже часто случались в них недостатки».²⁷

Развитию чукотского оленеводства в районах обоих Анюев способствовал все возрастающий спрос на оленьи сырье (шкур, кожи) со стороны якутских торговцев, что хорошо прослеживается на протяжении всего XIX в. В этой связи справедливо замечание Г. Майделя, который писал, что с помощью анюйских оленних чукчей «не только уравнивается, но и с избытком вознаграждается год от году все более бросающийся в глаза упадок торговли пушниной... Дело в том, что тунгусы, ламуты и юкагиры, единственные инородцы, занимающиеся оленеводством в скольконибудь порядочных размерах, никак уже не в состоянии удовлетворять все более и более растущий в Якутской области спрос на оленьи шкур для зимних одежд. Этого рода торговые дела значительно расширились в последние годы... и очевидно, что они будут еще оживленнее».²⁸

При увеличивающемся спросе на продукты оленеводства поголовье оленьих стад чукчей, хотя и медленно, но возрастало. Так, В. Г. Богораз отмечал: «На основании совокупности разнообразных данных, в том числе прямых свидетельств народной памяти, можно сказать, что оленеводство, хотя и составляющее исконное занятие части чукотского племени, стало расширяться только в последнее столетие благодаря расселению чуко в области рр. Колымы и отчасти Анадыря».²⁹

²⁵ Г. Майдель, ук. соч., стр. 88.

²⁶ Там же, стр. 92.

²⁷ Там же, стр. 98.

²⁸ Там же.

²⁹ В. Г. Богораз. Краткий отчет об исследовании чуко Колымского края, стр. 44.

С конца XIX—начала XX в. мы имеем более полные сведения о состоянии и направлении развития чукотского оленеводства. В нём можно отметить несколько социально-экономических процессов: во-первых, обеднение части оленеводов, в результате чего они попадали в разряд бедняков-батраков или переходили на оседлость; во-вторых, обзаведение оленями зажиточной части оседлых чукчей и эскимосов; в-третьих, увеличение численности оленей у богатых стадовладельцев.

Все эти процессы в значительной степени протекали под прямым или косвенным воздействием товарно-рыночных отношений, постепенно охватывавших все отрасли чукотского хозяйства.

Большое влияние на обеднение чукчей имели частые падежи оленей, которые прежде всего выводили из равновесия малоолённые хозяйства.

В результате падежа оленей у чукчей Западной тундры «интенсивно распространяется в самое последнее время переход от кочевого скотоводства к полuosедлому рыболовству»,³⁰ — писал в 1905 г. С. А. Бутурлин. Тот же процесс обеднения слабых хозяйств чукчей он отметил и к востоку от Колымы. «Мне выяснилось, — писал он, — что уничтожение чукотского оленеводства (по крайней мере между Колымой и Чауном) приняло столь широкие размеры, что носит вполне характер глубокого экономического кризиса. Кризис этот временами, как в конце истекшей зимы, принимает острые формы голодовки». Как чукчи выходили из этого кризиса, весьма красочно описывает тот же С. А. Бутурлин. «Я был поражен той степенью духовной и бытовой эластичности, которую они, полудикий народ, в данном случае выказали, переходя без замедления от привычного бродячего пастушества к полuosедлому рыболовству. Всего несколько лет назад можно было проехать от Колымы до Чаунской губы, не встречая у моря чукчей, теперь же повсюду виднеются их руды (юрты, — И. В.). Я видел стариков, в первый раз прикочевавших к морю с тундренных хребтов, чтобы приобрести рыболовные и нерпичьи сети и поучиться у русских их метать».³¹

Тяжело приходилось тем, кто оказывался в тундре без оленей. По отчету того же автора, в 1904 г. из 40 хозяйств, потерявших оленей в районе Чауна, часть вышла пешком к с. Пантелеихе (на Колыме), другие ушли в западную тундру к богатым оленеводам, часть ушла, волоча за собой нарты со скарбом на восток к Шелагскому мысу и далее к Колючинской губе.³²

Как они устроились на новых местах, неизвестно.

На Анадыре, где тоже происходило оседание разорившихся оленеводов, было установлено, что они нуждаются в серьезной

³⁰ С. А. Бутурлин, ук. соч., стр. 52.

³¹ С. А. Бутурлин, ук. соч., стр. 71.

³² Там же, стр. 47.

поддержке. «Вследствие крайней бедности и необеспеченности своего существования, — сообщал в 1912 г. камчатский губернатор, — постоянных жилищ, в тесном значении этого слова, не имеют и оседлость их носит отчасти бивачный характер. Чтобы прекратить их бродяжничество по уезду, необходимо выдать им от казны пособие на постройку постоянных жилищ и приобретение орудий рыболовного и звериного промыслов, лодок и собак».³³ Конечно, никакого пособия они не получили, устроившись, кто как смог.

Немаловажное влияние на разорение части оленеводов имела торговая эксплуатация их местными купцами, которые в целях обогащения не гнушались самыми низкими и подлыми средствами. «В некоторых мне известных случаях, — отмечал С. А. Бутурлин, — причиной разорения была нерасчетливо широкая благотворительность, чаще беспощадная эксплуатация торговцев или увлечение картами и спиртом».³⁴

Были и случаи злоупотребления чукотским гостеприимством. Однако главное было не в том.

Об обеднении чаункских чукчей доносил в 1904 г. миссионер Петелин: «Чукчи все более и более беднеют, — сообщал он. — Осталось немного богачей. Теперь сплошь и рядом встречаешь безоленных чукок. Все таковые продвигаются к морю и рекам. На устье р. Колымы стало более 30 чумов и рыболовов чукчей было более, чем русских».³⁵

То же происходило в других районах расселения чукчей. К этому было достаточно оснований, появившихся вместе с общим ростом оленеводства (особенно во второй половине XIX в.), который сопровождался увеличением количества мелких хозяйств и вместе с тем известной «скученностью» на пастбищах. Неорганизованное использование пастбищ, захват лучших богатыми стадовладельцами, — все это вынуждало более мелких оленеводов выпасать свои стада на малопригодных пастбищах. Условия для распространения эпизоотий, в частности никробациллеза (копытки) и др., оказались благоприятными.

Не случайно богатые стадовладельцы с правых притоков Колымы, как отмечал Д. И. Меликов, «встречаясь на Анюйской ярмарке, чтобы не мешать друг другу, уславливались, где кто будет проводить со своими стадами лето, где будут кочевать зимой».³⁶

³³ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 3, д. 414, лл. 11—12.

³⁴ С. А. Бутурлин, ук. соч., стр. 69.

³⁵ Архив ДВ РСФСР, ф. 1508, оп. 1, д. 26, л. 16.

³⁶ «Памятная книжка Якутской области на 1896 г.», стр. 138. — «В конце XIX в. в разных местах встречаются споры из-за права на пастбище, в особенности летом, когда многие стада выходят на устья одних и тех же речек к Северному океану и там жмутся вместе, мешая друг другу» (В. Г. Таи-Богораз. Классовое расслоение у чукок оленеводов. «Советская этнография», 1931, № 1—2, стр. 100).

В конце XIX—начале XX в. от никробациллеза гибло огромное количество оленей. Ветеринарного обслуживания чукотского оленеводства тогда не было. Сами чукчи не знали никаких средств лечения болезней оленей. Больных животных они либо оставляли в тундре, либо уничтожали.

Непоправимый ущерб наносила эта болезнь экономически слабым малоолненным хозяйствам, они разорялись в первую очередь.

Начальник Анадырской округи в 1895 г. сообщал приамурскому генерал-губернатору, что «у многих инородцев погибло более половины стад».³⁷

В 1915 г. из Анадырского уезда доносили, что «эпизоотии оленей не прекращаются». По подсчетам, правда приблизительным, с 1897 по 1915 г. «погибло не менее 300 000 оленей».³⁸

Разорение оленеводов охватило и Чукотский уезд. Как сообщал начальник уезда (1910 г.), «на востоке Чукотского полуострова олени почти совсем перевелись. Не так давно, всего лишь шесть-семь лет тому назад, в районе Мечигменской бухты стояли крупные оленеводы. Но гололедица и выкочевки обезоленили край, и теперь там только изредка можно встретить маленькие стада».³⁹ Автор этого сообщения забыл упомянуть, что, помимо гололедицы, на оленеводстве Чукотского уезда пагубно отразился вывоз живых оленей и оленьего мяса американцами на Аляску.

После того как был основательно подорван морской зверобойный промысел чукчей, щупальцы спрута американского капитализма потянулись к другой отрасли их хозяйства — оленеводству.

В 1891 г. представитель Департамента просвещения на Аляске Джексон Шелдон под предлогом налаживания разоренного хозяйства аляскинских эскимосов организовал с ведома и при поддержке правительства США закупку живых оленей на Чукотке.

В своих ежегодных отчетах Шелдон признавал, что с самого начала действовал в соответствии с инструкциями, исходявшими от правительства.

Закупка оленей производилась агентами Шелдона, а перевозили их на судах таможенного флота США на Аляске.

Американский конгресс утвердил специальный закон о финансировании предпринимателей, изъявивших желание заняться закупкой оленей на Чукотке и Камчатке.

Закупка и вывоз оленей уже велись, когда американские дипломаты начали упорно насаждать на представителей русской власти, добиваясь официального разрешения на закупку большого количества оленей.

В 1899 г. русский посол в Вашингтоне просил приамурского генерал-губернатора оказать содействие агентам Шелдона в закупке оленей. В том же году они вывезли 100 голов оленей.

³⁷ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 3, д. 160, л. 28.

³⁸ Там же, д. 563, л. 147.

³⁹ Там же, оп. 1, д. 682, л. 13.

В 1901 г. было закуплено 600 оленей. Шелдон намеревался вывезти из Сибири 15 000 оленей.

В 1903 г. США уже просили разрешения закупить 800 самок оленей. Однако генерал-губернатор Приамурской области отклонил эту просьбу.⁴⁰

В американской печати появились рекламы, пропагандировавшие ввоз оленей на Аляску как основание «прибыльной промышленности». Развитие оленеводства, сообщалось, «увеличит доход этих провинций, так как скоро тысячи оленей будут ежегодно убиваться и окороки и мясо продаваться на рынке».

Этот призыв имел успех. С 1896 г. начали вывозить оленей с Чукотки частные предприниматели. Сколько ими закуплено и вывезено на Аляску оленей, неизвестно. Во всяком случае они действовали не менее энергично, чем агенты Шелдона. В 1897 году в заливе Лаврентия закупщики остались на зиму. Им удалось приобрести около 100 голов оленей.

С 1892 по 1899 г. закупщиками Шелдона было вывезено 1020 живых оленей, преимущественно самок, не считая того количества, которое вывезли частные предприниматели.⁴¹

Вывоз оленей, оленьего мяса и шкур с Чукотки особенно усилился после 1899 г., когда в Номе было открыто золото и туда хлынули алчущие быстрой наживы. Предприимчивые дельцы начали направлять осенью шхуны в Мечигменскую губу и другие места, где закупали по дешевке оленье мясо.

Какое количество было забито оленей и вывезено на Аляску, никем не учитывалось и поэтому неизвестно. Чукчи гораздо охотнее, без всякого суеверного страха, забивали оленей на мясо, тогда как живых они продавали очень неохотно.

При наличии официальных представителей на таможенных судах закупка оленей производилась теми же методами, какими действовали китоловы. Смешно сказать, что за 20 голов оленей платили один винчестер марки «Экспресс»,⁴² в то время как завозившиеся русскими в Анадырский казенный склад винтовки системы «Карле» продавались чукчам по пять рублей.

«Закупку оленей, — писал Гондатти, — американцы производят почти насильно, продают обыкновенно бедные, иногда последних животных, соблазняемые ружьями: за 5 важенок двухлетнего возраста или трех важенок и трех быков того же возраста дают винчестер⁴³ с принадлежностями».

⁴⁰ Там же, д. 390, л. 1.

⁴¹ К. И. Богданович. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901, стр. 35.

⁴² Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 177, л. 107.

⁴³ Н. Гондатти. Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив). «Записки Приамурского отдела РГО», т. IV, в. 1, Хабаровск, 1897, стр. 24.

Следовательно, причинами сокращения количества оленей на Чукотском полуострове в начале XX в. являлись не только стихийные бедствия, но и закупка живых оленей и оленины американцами, что особенно тяжело отразилось на малооленных хозяйствах.

Не случайно В. В. Солярский, специально изучавший положение коренного населения северо-востока Сибири, пришел к выводу, что в среде оленеводов «систематически умножается безоленный пролетариат».⁴⁴ В то же время шел другой, противоположный процесс. Оседлые зверобой — зажиточные байдаровладельцы, торговцы скупали живых оленей и создавали свои стада. «Сидячие чукчи сами стараются завести оленей, — отметил К. И. Богданович, «так, чукчи с. Уныин (эскимосы, — И. В.) и на острове Ширлук имеют уже большие тысячные стада, которые пасутся ими на островах Аракам и Ширлук и на близлежащих берегах; имеются стада у жителей сел. Уэлен и других».⁴⁵

Не только чукчи, но и эскимосы обзаводились оленями. Однако выпасали оленей чукчи. «Некоторые эскимосы, — сообщалось в одном документе 1914 г., — содержат оленей под присмотром чукчей оленеводов. У айванов — жителей с. Уныина и острова Иттыграна имеются олени стада в 1000 голов и более».⁴⁶

Эту тенденцию отметил еще Г. Дьячков, который писал: «... носовые чукчи торговцы „кавраляне“ кочуют вверх по Анадырю и покупают здесь оленей, обменивая их „на лафтаки и ремни“».⁴⁷

В то время как массы мелких и средних оленеводческих хозяйств разорялись, крупные стадовладельцы упрочали свое положение. По сведениям В. Г. Богораза, «в верховьях Омолона у Эйгэли было 5 стад, до 15 тыс. голов, у его соседа Рочгэлина — 2 табуна — 5 тыс. На западной тундре у Етыгына 2 табуна — 4 тыс., у Араро — 3 табуна — 8 тыс. оленей».⁴⁸

Богатые стадовладельцы умножали свое состояние не только за счет размножения оленей; все они, по признанию многих наблюдателей, занимались торговлей, скупкой пушнины, перепродажей русских товаров, оленей и т. п.

В. И. Иохельсон, который идеализировал общественные отношения чукчей, все же признавал, что богатые стадовладельцы эксплуатируют бедняков соседей. «Чукча считает себя обязанным кормить голодных людей», — писал он и тут же добавлял: «Впрочем, к этим первобытно-филантропическим отношениям примешив-

⁴⁴ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 17.

⁴⁵ К. И. Богданович, ук. соч., стр. 209.

⁴⁶ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 65.

⁴⁷ Г. Дьячков. Анадырский край. «Записки общества изучения Амурского края», Владивосток, 1893, стр. 51.

⁴⁸ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 115.

ваются еще обменно-торговые сношения. Богатый чукча является не только кормильцем бедных людей, но и торговцем — посредником между настоящим купцом и промышленником и получает от своих клиентов песцовые шкуры в обмен за „еденных“, как говорят на Колыме, оленей. Расчеты этого обмена бывают довольно запутаны, но в общем за одного оленя считают 2 песцов». ⁴⁹ Какая уж тут первобытная филантропия, когда за тушу одного оленя нужно было уплатить два песца!

Несколько наивную, но верную по социальным признакам характеристику чукчей дал первый начальник Анадырского окружного управления Л. Гриневицкий. «Можно принять за правило, что все богатые чукчи всегда отличаются черствостью даже в отношении собратий своих, бедняки же и среднего достатка люди, все, сколько мы ни знаем их, — прекрасные люди». ⁵⁰

Во второй половине XIX—начале XX в. ведение оленеводческого хозяйства, орудия труда оленеводов, весь комплекс средств передвижения оставались теми же, какими они были в XVIII—начале XIX в. Никаких существенных усовершенствований в ведение оленеводства внесено не было. Вместе с тем заметно повысился спрос на продукты оленеводства, а это стимулировало его развитие.

Решающее влияние на рост чукотского оленеводства оказало постепенное вовлечение его в товарно-рыночные отношения, в связи с чем наметилось несколько тенденций в развитии этой отрасли хозяйства.

В результате дробления патриархальных общин, с одной стороны, шло образование мелких, экономически слабых хозяйств, с другой — развивались крупные хозяйства богатых стадовладельцев с производственной и торговой эксплуатацией родственников и посторонних пришельцев.

Морской зверобойный промысел

Основу хозяйственной деятельности приморских оседлых чукчей во второй половине XIX в. составлял морской зверобойный промысел. Они охотились на китообразных (киты, белухи), моржей, тюленей (нерп, лахтаков). От охоты на морских млекопитающих чукчи получали основные продукты питания (мясо, жир), корм для собак, материал для жилища, некоторых видов одежды, обуви и т. п. Основная масса продуктов морского промысла потреблялась внутри хозяйства. Шкуры лахтаков, нерп, моржей, всевоз-

⁴⁹ В. И. Иохельсон. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов. СПб., 1900, стр. 15.

⁵⁰ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 116, л. 107.

можные ремни из них, жир в бурдюках (*пыгыг*), обувь, сшитая из кож морских животных, — все это находило спрос у чукчей-оленоводов и шло в обмен на продукты оленеводства.

Помимо широкого применения в быту, моржовые клыки и китовый ус имели товарное значение и шли на внешний рынок.

С конца XIX в. обозначился спрос на внешнем рынке на шкуры морских животных, обувь из них. Эти товары скупались в значительном количестве американскими китобоями-контрабандистами.

Охота на китов и моржей носила сезонный характер, что связано было с миграциями этих млекопитающих, появлявшихся в северной части Берингова моря и Ледовитого океана в летние месяцы. Добычей тюленей (собственно нерп), белых медведей занимались в течение всего года.

Охота на китов и моржей производилась на байдарках и вельботах (с конца XIX в.) с помощью гарпунов, огнестрельного оружия и носила коллективный характер, в то время как охота на тюленей была индивидуальной.

В зимнее время тюлени добывались с помощью особых сетей, устанавливавшихся в продухах (лунках во льду) или вдоль полыней, трещин, и с помощью гарпуна и ружья около полыней и кромки берегового припая.⁵¹

При охоте на тюленей и белых медведей иногда использовались собаки. На ледяной поверхности моря собаки отыскивали лунки тюленей, занесенные снегом, останавливали белого медведя, защищали человека.

Наиболее интенсивно и с большими результатами морской зверобойный промысел велся населением побережья Берингова моря и отчасти побережья Ледовитого океана, особенно в районах, прилегающих к проливу. Чем далее на северо-запад от Берингова пролива, тем суровее ледовый режим океана, тем меньше проходило туда моржей и китов. К мысу Шелагскому киты уже не приходили. Г. Майдель отметил, что лишь иногда киты доходили до мыса Якан.⁵² По сведениям, собранным Н. Ф. Калининским, киты встречаются преимущественно «начиная от мыса Сердце-Камень и до Мечигменской губы, затем от мыса Чаплина и до мыса Беринга».⁵³ Он же установил, что моржи держатся летом у всего нашего побережья: «Их присутствие я проследил от залива св. Креста до самой Чаунской губы».⁵⁴

В этой связи уместно вспомнить, что мыс Шмидта по-чукотски называется Рыркайпаян, буквально «место, где закрывается проход моржам».

⁵¹ Подробное и обстоятельное описание орудий и приемов охоты на тюленей см.: Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 142—145.

⁵² Г. Майдель, ук. соч., стр. 283.

⁵³ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 138.

⁵⁴ Там же, стр. 141.

Суровый климатический режим на побережье этой части Ледовитого океана, отмельные берега его — все это неблагоприятно сказывалось на условиях обитания здесь морских млекопитающих, и поэтому поселки оседлых чукчей в этой части побережья Чукотки были относительно редки и мало населены. Жители их часто испытывали голод. Почти все исследователи, которым приходилось непосредственно сталкиваться с населением этой части побережья, отмечали ненадежность морского промысла. «Чукчи, стоянки которых мы посещали на восток от Ырри (мыс Шелагский, — И. В.), — писал Майдель, — ничем уже не могли поделиться с нами и с нетерпением ждали наступления весеннего лова; они говорили также, что в Рыркайпй уже наступил голод».⁵⁵

В феврале 1909 г., проехав мыс Якан, Калининков отметил в своем дневнике: «Повсеместно, если не голод в буквальном смысле слова, то страшная нужда и недоедание. Океан замерз на такое пространство, что до открытой воды день пути. Нерпы почти нет».⁵⁶

Наблюдались существенные отличия в условиях морского зверобойного промысла на побережье Ледовитого океана и Берингова моря.

Жители северного побережья вынуждены были почти ежедневно ходить на промысел тюленя, осматривая сети и т. п. Здесь мало создавалось запасов. Особенно трудно приходилось чукчам, которые жили к западу от мыса Сердце-Камень.

На побережье Берингова моря чукчи и эскимосы в течение лета и осени создавали запасы мяса, жира моржей и китов. Их жизнь была более обеспеченной.

Таким образом, условия морского зверобойного промысла и его характер в разных частях побережья Чукотки были различными, что обуславливало необходимость для населения северного побережья прибегать к поискам дополнительных средств существования. Эти же обстоятельства влияли на количество товарной продукции морского зверобойного промысла.

При сохранении прежних орудий промысла на морских млекопитающих, набор которых был довольно разнообразен и специализирован (гарпуны на кита, гарпуны на тюленей, моржей, специальные копья для поколки моржей на лежбищах), чукчи и сибирские эскимосы все больше начали применять нарезное огнестрельное оружие. Стало возможным бить зверя на расстоянии, значительно большем, чем это можно было делать гарпуном. Увеличилась убойная сила оружия и вместе с тем эффективность промысла. Однако применение ружей потребовало изобретения специального орудия для извлечения добычи из воды. Гарпун, как известно, оснащался длинным линем, один конец которого крепился к нако-

⁵⁵ Г. Майдель, ук. соч., стр. 278.

⁵⁶ Н. Ф. Калининков, ук. соч., стр. 26.

нечнику гарпуна и древку, а другой находился в руках охотника. Следовательно, гарпун выполнял как бы две функции: он являлся одновременно убойным оружием и орудием, с помощью которого извлекалась добыча из воды.

Из ружья можно было убить или ранить зверя. Чтобы достать его из воды, понадобилось дополнительное орудие, так называемый *ак'ын* — 'закидушка', 'кошка'.

К одному из концов тонкого, длинного линя прикреплялась деревяшка ромбовидной формы. В утолщенную часть ее забивалось несколько железных крючков (3—5), обращенных остриями к вершине *ак'ын*, за которую крепился линь.⁵⁷

После удачного выстрела охотник бросал *ак'ын* с таким расчетом, чтобы он упал дальше убитого тюленя. Когда охотник начинал выбирать линь к себе, крючки *ак'ын* цеплялись за шкуру тюленя, и таким образом добыча подтягивалась к кромке льда, на которой стоял охотник.

В середине XIX в. огнестрельное оружие на морском зверобойном промысле применялось не повсеместно, потому что ружей у чукчей было еще мало.

Менее обеспеченными огнестрельным оружием были оленеводы и жители побережья на запад от мыса Шмидта. Так, Г. Майдель, наблюдавший в мае 1869 г. морскую охоту чукчей, писал: «Почти все мужское население (поселка, — И. В.) находилось с гарпунами в руках на льду и следило за трещинами и прорубями в надежде, что из них выйдет тюлень».⁵⁸

К началу XX в. огнестрельное оружие в морском зверобойном промысле чукчей применялось уже повсеместно.

Несмотря на высокую цену, американские винчестеры были у большинства охотников. Ежегодно на восточное побережье Чукотки завозилось от 300 до 500 штук винчестеров с соответствующим снаряжением.⁵⁹

Начиная с 90-х годов XIX в. русское правительство через своих официальных представителей на Анадыре снабжало чукчей преимущественно винтовками системы «Карле».⁶⁰ И все же не все чукчи имели возможность приобрести ружье. Далеко не всегда охотники имели в достаточном количестве порох, свинец, патроны.

По сообщению Н. Ф. Калининкова, проезжавшего по побережью Ледовитого океана в 1909 г., у мыса Шмидта и дальше к Чаунской губе, «где патроны и ружья встречаются не так часто», еще сохранился старый способ охоты при помощи гарпуна.

⁵⁷ W. Bogoras. The Chukchee, I, p. 121.

⁵⁸ Г. Майдель, ук. соч., стр. 289.

⁵⁹ Н. Ф. Калининков, ук. соч., стр. 117.

⁶⁰ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 116, л. 68.

Вместе с тем население побережья Берингова пролива имело оружие в достаточном количестве.

В начале XX в. во многих поселках оседлых чукчей и сибирских эскимосов появились китобойные ружья, гарпуны с бомбами.⁶¹

В 1915 г. на 667 хозяйств приморских чукчей имелось 1150 шт. нарезного оружия разных систем, 207 малых китобойных пушек (ружей — И. В.).⁶²

Основным средством передвижения чукчей по морю были байдары. Они строились различной величины, от маленьких, поднимающих одного-двух человек, до таких, которые могли поднимать 30 человек. Маленькие байдары использовались во время зимней и весенней охоты в полыньях и разводьях, у берегового припая льда. На больших байдарах выходили в открытое море. С них охотились на китов и моржей.

Большие байдары оснащались парусами, под которыми могли идти только по ветру, так как они не имели киля. Применялись два вида весел: длинные, которыми гребли через уключины, и короткие.⁶³ Последними пользовались обычно во время охоты, когда нужно было подойти к моржам или киту без шума.

Однако уже в конце XIX в. у байдары появился конкурент — вельбот. В 1909 г. почти в каждом селении, начиная от мыса Беринга на юге до мыса Сердце-Камень на северо-западе, имелись вельботы, а в Чаплино их было 15.⁶⁴

В 1915 г. чукотские зверобой имели 101 вельбот и 523 байдары.⁶⁵

Американские китоловы по окончании сезона промысла охотно продавали чукчам вельботы, китобойные ружья, остатки снаряжения к ним. Таково происхождение вельботов и китобойных ружей у чукчей. Впрочем, в 1915 г. три китобойных вельбота, построенные в Петропавловске-на-Камчатке, были отправлены Чукотскому уездному начальнику. Два из них тогда же были проданы чукчам.⁶⁶

Однако вельботы не вытеснили байдар, так как последние имеют свои преимущества. Они легки и очень удобны при высадке на берег во время прибоя, для плавания по мелким лагунам и рекам. Кроме того, их можно было изготовить своими силами из своих материалов.

Итак, к началу XX столетия морской зверобойный промысел чукчей был оснащен рядом новых орудий (винтовки, китобойные

⁶¹ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 115.

⁶² М. И. Куликов. Характер экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX и начале XX в. «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 159.

⁶³ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 116.

⁶⁴ Там же, стр. 115.

⁶⁵ М. И. Куликов, ук. соч., стр. 159.

⁶⁶ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 3, д. 563, л. 56.

ружья и пушки,⁶⁷ ак'ын) и средств передвижения по морю (вельботы, шхуны).

Богатые чукчи и эскимосы начали приобретать у американцев шхуны с газолиновыми двигателями. Как сообщал камчатский губернатор в 1911 г., «в последнее время местное население стало обзаводиться от американцев собственными небольшими шхунами, которых в настоящее время пять: в Уэлене, Нуукане, Чаплине, Эстигэте и на мысе Беринга».⁶⁸

Шхуны применялись в морском промысле и использовались для каботажных плаваний с целью торговли. Команда на них состояла из местных жителей. Опыт работы на шхунах у них был.

Более совершенные орудия охоты и средства передвижения по морю давали возможность охотникам Чукотки увеличивать количество добываемых морских зверей. Рост добычи стимулировался увеличением спроса на продукты морского зверобойного промысла как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Все это вызвало дальнейшее упрочение частной собственности, распространение влияния ее на распределение всех продуктов промысла. База для развития частной собственности и имущественного неравенства в морском зверобойном промысле была заложена давно. Излишки промысла давно уже стали товаром.

Во второй половине XIX—начале XX в. условия для дальнейшего развития частной собственности стали более благоприятными. Резко возрос спрос на моржовые клыки, китовый ус, жир морских животных, а в конце XIX в. — на тюленьи и моржовые шкуры, а также на изделия из них (обувь, коврики, чемоданы и т. п.). Все это шло на вывоз, преимущественно на Аляску. По далеко не полным данным, в 1895 г. американскими судами вывезено с Чукотки 1240 пластин китового уса, 658 шт. моржовых клыков, 67 пар нерпичьих штанов, 403 пары нерпичьих торбазов, 82 пары нерпичьих рукавиц, 66 шт. нерпичьих мешков, 14 фуражек из шкур нерпы и т. п.⁶⁹

В 1905 г. вывезено в Америку шкур нерпичьих 9850 шт., моржовых клыков 8200 фунтов, китового уса 8000 фунтов, шкур лахтачьих 230 шт., шкур моржовых 15 шт.⁷⁰

В 1906 г. торговая станция Северо-Восточного сибирского общества на мысе Дежнева отправила на Аляску закупленного у чукчей сырья на 15 тысяч долларов, со станции Владимир (порт

⁶⁷ «При промысле кита чукчи и эскимосы применяют динамитные бомбочки, китобойные ружья и манильские канаты» (Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 65).

⁶⁸ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 720, л. 10.

⁶⁹ Н. Л. Гондатти. Поездка из с. Маркова на Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив). «Записки Приамурского отдела РГО», т. IV, в. 1, Хабаровск, 1897, стр. XXIII.

⁷⁰ К. Н. Тульчинский. Из путешествия к Берингову проливу. СПб., 1906, стр. 30.

Провидения) мехов, моржовой кости, кож и китового уса на 34 тысячи долларов.⁷¹

Одновременно с развитием частной собственности на орудия и средства охоты шло разрушение первобытнообщинных принципов уравнительного распределения добычи. При сохранении коллективных видов охоты, например на китов, в общинное распределение шло только мясо и жир кита, а китовый ус делился по определенным правилам лишь среди участников промысла. Установились также правила раздела шкур и клыков моржа между участниками охоты, тогда как мясо и жир по-прежнему составляли общее достояние. Однако и при дележе мяса моржа действовали установленные правила.

В промысле кита принимали участие 3—4 байдарных артели. Главная трудность состояла не в том, чтобы убить кита, а в том, чтобы прибуксировать его к берегу. При этом «уславливались, какую часть добычи получит первая лодка, убившая кита, вторая и третья, пришедшие к ней на помощь», — отмечал Калинин. «Мясо считается общим достоянием, — указывал тот же автор, — ус же делится между первыми тремя лодками».⁷²

Несколько противоречивые сведения, но в общем свидетельствующие также о неравномерном распределении китового уса, сообщал В. Г. Богораз. «Китовый ус делит „хозяин“, — писал он, — и для себя оставляет самые лучшие и длинные полосы. Следующую долю уса получает охотник, нанесший смертельный удар киту».⁷³

В другом месте он писал: «При дележе весь китовый ус делится на две равные части, которые называются тинкэл — „половинки“ (китового уса). Главная байдарка получает одну половину. Другая половина достается всем „помогающим“ байдарам, каждая байдарка в свою очередь распределяет свою долю между членами артели».⁷⁴

По собранным нами сведениям, распределение китового уса среди членов байдарной артели производилось так: из доли, пришедшейся на байдарную артель, половину забирал хозяин байдары, другую часть распределяли между собой гребцы.

Продукты охоты на моржей и лахтаков также распределялись неравномерно, в первую очередь — имевшие товарное значение.

Шкуры лахтаков, которые шли на ремни и подошвы, ценились особенно высоко, так как составляли один из главных предметов при обмене с оленными чукчами. Их распределение было не менее строгим и производилось в соответствии с установившимися традициями. При этом учитывалось, что шкуры лахтаков были необходимы в хозяйстве каждого охотника. Когда добывали лахтаков

⁷¹ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 338.

⁷² Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 138—139.

⁷³ В. Г. Богораз - Тан. Чукчи, ч. 1, стр. 157.

⁷⁴ Там же.

много, каждый, начиная с хозяина байдары, получал по шкуре. Если же шкур на всех не хватало, из середины каждой шкуры нарезались свитки ремней определенного размера. Остатки шкур разрезались на части по количеству членов артели, каждый из них получал по куску или два на подошвы. По замечаниям В. Г. Богораза, этот традиционный принцип распределения шкур добытых лахтакров претерпевал в начале XX в. изменения. Шкуры лахтакров стали забирать те охотники, которые убивали зверя. «Этот новый способ дележа не одобрялся общественным мнением, — писал В. Г. Богораз, — однако он укоренялся все крепче».⁷⁵

Зафиксированные в конце XIX—начале XX в. правила распределения добычи морского зверя, действовавшие у чукчей, свидетельствуют о том, что товарные отношения охватили более широкий перечень продуктов морского зверобойного промысла.

Частное присвоение продуктов коллективного промысла прежде всего распространилось на те продукты морского зверобойного промысла, которые имели спрос на внешнем рынке: моржовые клыки, китовый ус, шкуры морских животных.

Увеличение спроса на некоторые виды продуктов морского зверобойного промысла во второй половине XIX в. объясняется развитием торговли с иностранными китоловами и контрабандистами, подходившими ежегодно к берегам Чукотки. С конца XIX столетия, помимо пушнины, продуктов оленеводства и сырья от морского зверобойного промысла, иностранные шкуны охотно скупали одежду из оленьих шкур, обувь из кож морских животных и т. п.

Иностранцы не только скупали продукты морского зверобойного промысла, но главным образом охотились сами на китов, моржей, тюленей, часто в водах и на лежбищах Чукотского полуострова. Уже в конце 60-х годов XIX в. начало ощущаться уменьшение промысловых животных у берегов Чукотки. «От прибрежных жителей, — писал Г. Майдель, — со всех сторон слышались жалобы, что прежде морские промыслы были много прибыльнее, что они имели тюленьи шкуры, моржовые клыки, да и рыбу в достаточном количестве для того, чтобы выменивать их чукчам-олeneводам на необходимый материал для зимней одежды; но с тех пор как американцы начали ловлю тюленей и моржей у самого берега, добыча, выпадавшая на долю чукчей, стала много беднее, а нужда сильно возросла. Было много безутешной покорности судьбе в этих рассказах несчастных людей, которые сознавали, что они приближаются верными шагами к гибели».⁷⁶ «Туземцы жалуются, — писал А. Е. Норденшельд, — что китобой мешают их промыслу».⁷⁷ О. Нордквисту чукчи неоднократно говорили о шку-

⁷⁵ Там же, стр. 157.

⁷⁶ Г. Майдель, ук. соч., стр. 183.

⁷⁷ А. Е. Норденшельд. Плавание на «Вега», II. Л. 1936, стр. 341.

нах, которые истребляют китов и моржей, отчего сами чукчи терпят нужду.⁷⁸

Уничтожение запасов морских зверей, грабительская торговля нанесли непоправимый вред хозяйству оседлых чукчей и эскимосов. Все чаще и чаще поступали тревожные сведения о голодовках и заболеваниях населения.

В 1881 г. из 50 яранг эскимосов с Чаплино осталось только 23 на месте, жители остальных вынуждены были уйти в тундру к оленным чукчам, чтобы спастись от голодной смерти. В 1886 г. чукчи и эскимосы всех поселков жаловались представителю приамурского генерал-губернатора полковнику Ресину, что при таком положении дел, если русское правительство не защитит их от американских хищников, «их ожидает в будущем голодная смерть».⁷⁹

Знали об этом не только люди, случайно оказавшиеся на Чукотке. В «Правительственном вестнике» за 1890 г. была опубликована статья, в которой использовались сведения русского консула в Сан-Франциско А. Э. Олоровского. «В Беринговом море, — сообщалось в статье, — истребление китов идет параллельно с уничтожением тюленей, моржей и некоторых других зверей, и если против такого истребления не будут своевременно приняты меры, то и киты также выведутся, как тюлени и моржи. Известно уже, что только из Сан-Франциско и Виктории ходят ежегодно в Берингово море 10 больших шхун, но значительное количество американских судов, занимающихся незаконным промыслом у русских берегов, остается неизвестным».⁸⁰

Жалобы чукчей были небезосновательны, так как общее количество китов и моржей быстро сокращалось. Их выбивали китобойи. Например, 14 июня 1885 г. «близ селения Уныин на Чукотском полуострове был убит 21 кит, из них четырех убили чукчи, а остальных — 5 партий китобоев».⁸¹

В 1900 г. в Беринговом море было добыто всего 63 кита, в 1901 — 39, в 1902 — 52, в 1903 — 38.⁸² В 1914 г. в Чукотском уезде было добыто лишь 11 китов, а в 1915 — только 6.⁸³

⁷⁸ О. Нордквист. Заметки о численности и нынешнем положении чукчей, живущих по берегу Ледовитого океана. «Известия РГО», т. XVI, 1880, стр. 103—104.

⁷⁹ А. А. Ресин. Очерк инородцев Русского побережья Тихого океана. СПб., 1888, стр. 70.

⁸⁰ Торгово-промышленные сношения приморской окраины Восточной Сибири с иностранцами (по сообщению русского генерального консула в Сан-Франциско А. Э. Олоровского). «Правительственный вестник», 1890, СПб., № 255.

⁸¹ Н. В. Кирilloв. Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову. СПб., 1912, стр. 15. — «Американские суда, — отмечалось в 1897 г., — которые в течение нескольких десятилетий, хозяйничая совершенно бесконтрольно у наших берегов, истребили массу китов и моржей ... теперь вообще нужда в самых необходимых вещах сильно растет у чукчей» (Сибирские ярмарки. «Вестник финансов промышленности и торговли», № 40, СПб., 1897, стр. 11).

⁸² Н. В. Кирilloв, ук. соч., стр. 14.

⁸³ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 347, л. 579.

Наглость китобоев не знала преград. Зимой 1906 г. в с. Яндагай был конфискован промысловый вельбот, принадлежавший китобойному пароходу «Бельведер». Гефмин (рулевой вельбота), зимовавший в Яндагае, полагал начать охоту на китов ранней весной.⁸⁴

Пагубные последствия истребления морского зверя для чукчей хорошо сознавали чиновники Приморской области. Назначая в 1888 г. Л. Гриневицкого начальником Анадырской округи, ему указали, что «в настоящее время все большее и большее истребление морского зверя (иностранцами) грозит чукчам рано или поздно бедствием».⁸⁵

Не только киты, но и моржи были объектом хищнического истребления иностранными китобоями. «Чукчи давно уже жалуются русскому правительству, — писал В. В. Солярский, — на это истребление, поясняя, что «когда морж кончится, и чукчи кончатся».⁸⁶

С каждым годом сокращалась добыча моржей — основного источника существования береговых чукчей, так как этих животных становилось также меньше и меньше.

В 1910 г. генерал-губернатор Приамурского края П. Ф. Унтербергер имел возможность лично выслушивать жалобы чукчей на хищническое истребление моржей американскими браконьерами. Жители с. Энмыльын, около которого бросил якорь военный транспорт «Шилка», «жаловались начальнику края, что американские шхуны выбивают вдоль берегов морского зверя. Раньше его было много, теперь становится все меньше и меньше, и они опасаются, что моржей сильно истребят и чукчи будут терпеть острую нужду в продовольствии».⁸⁷ В с. Нунлыгран чукчи также «жаловались на американцев, уничтожающих морского зверя и просили защиты».⁸⁸

Браконьерство американских шхун у берегов Чукотки усилилось еще больше после 1914 г., так как охрана берегов в связи с войной значительно ослабла. Катастрофически сокращалось количество моржей и их добыча чукчами. Население почти ежегодно испытывало недостаток в моржовом мясе, местами переходящий в голод. В зиму 1915—1916 гг. жители побережья Берингова пролива оказались в крайне тяжелом положении. В феврале 1916 г. губернатор Камчатки Мономахов сообщал генерал-губернатору Приморской области: «По побережью от бухты Провидения до мыса Дежнева в 25 селениях с половины ноября по случаю упадка промысла моржей начался голод, питаются ремнями, кожами».

⁸⁴ Там же, оп. 1, д. 529, л. 56.

⁸⁵ ГАМО, ф. р.-31, оп. 1, д. 9, л. 18.

⁸⁶ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 124.

⁸⁷ П. Ф. Унтербергер. Приамурский край 1906—1910 гг. СПб., 1912, стр. 281.

⁸⁸ Там же, стр. 282.

«Главная причина ухудшения промысла моржей — массовое хищническое истребление моржей у наших берегов американскими шхунами. В 1915 г. каждая шхуна промышляла до двух тысяч моржей, пользуясь клыками, кожей, жиром, выбрасывая мясо в море»,⁸⁹

Браконьеры выбивали моржей и на лежбищах,⁹⁰ следствием чего явилось угасание лежбищ. Многие из них так и не восстановились.

Из двадцати моржовых лежбищ Чукотского полуострова к началу XX в. осталось только пять, на которые еще выходили моржи.

Итак, во второй половине XIX—начале XX в. хищническое истребление сначала китов, а потом и моржей иностранными, особенно американскими, китобоями подрывало промысловую базу оседлого населения Чукотки.

Несмотря на значительное техническое оснащение морского зверобойного промысла, чукчи и эскимосы испытывали недостаток в продуктах промысла, часто перераставший в голодовки.

Вместе с тем увеличивавшийся спрос на продукты морского зверобойного промысла помогал дальнейшему упрочению частной собственности на орудия и средства охоты.

В этих условиях выработались такие правила распределения добычи, при которых большая часть ее шла в пользу хозяина байдары, вельбота и т. п. Все это породило значительную имущественную дифференциацию среди оседлых охотников.

Рыболовство

Рыболовством в той или иной мере занимались все чукчи. Оседлые и кочевые охотно разнообразили свой стол рыбой. Однако значение рыболовства для разных групп чукчей было неодинаковым. Бедняки-оленоводы всегда искали случая добыть рыбу.

Приморские чукчи почти нигде не добывали рыбу в больших количествах и не создавали из нее запасов на зиму. Лишь в годы неудачного морского промысла зверобой переходили к усиленному рыболовству, как средству спасения от голода.

Во второй половине XIX в. значение рыболовства для оседлых чукчей заметно возрастает.

Упадок добычи морских млекопитающих, повышение спроса на продукты зверобойного промысла побуждали прибрежное население более интенсивно заниматься рыболовством.

⁸⁹ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. № 229, л. 278.

⁹⁰ «В целях сохранения моржа, — отмечал В. В. Солярский, — чукчи устраивали по своей инициативе моржовые заповедники, но в них морж поголовно истреблялся американскими хищниками» (В. В. Солярский, ук. соч., стр. 124). «Моржовые заповедники» — лежбища, охота на которых строго регламентировалась самими чукчами.

«Побережные жители Чукотского полуострова, — отмечал Н. Ф. Калинин, — еще мало интересуются рыбой, хотя и там уже заметен переход к этому источнику довольствия, который в будущем, по истреблении зверя, должен и для них стать главным».⁹¹

В разных местах побережья Чукотки рыболовство имело неодинаковый удельный вес в хозяйстве чукчей. Наблюдается такая закономерность: чем дальше на юг и на северо-запад от Берингова пролива, тем большее значение в жизни оседлых чукчей играло рыболовство, чем ближе к проливу, тем меньшее. Может быть, это объясняется также тем, что около пролива добывалось всегда значительно больше морского зверя, чем в других частях побережья, и население поэтому мало уделяло внимания рыболовству. Вместе с тем реки, озера и прибрежные моря Чукотки богаты речными и морскими рыбами. У берегов Чукотки водится треска, бычок, камбала, навага, в устья рек входит кета, горбуша. В реках Чукотки встречается голец, хариус, сиг, конек, налим, чир, нельма и некоторые другие. Тем не менее рыболовство у чукчей было развито слабо, оно имело подсобное значение.

Рыболовные орудия не отличались разнообразием и совершенством. Они состояли из нескольких видов удочек, марики и простых ставных сетей 5—10 м длиной, которые ставились с берега при помощи длинного шеста. У большинства чукчей сети начали появляться лишь с развитием торговли на Колыме и Анадыре, где они выменивали прядево и конский волос или же готовые сети. Применяли чукчи сети и своего изготовления — из сухожилий оленя и ремней.⁹²

Очень часто чукчи не могли заняться более продуктивно промыслом рыбы, так как не имели необходимых орудий лова. Еще в 1916 г. отмечалось, что «вследствие невозможности получения прядевого материала для сетей некоторыми из чукчей применяются при рыболовстве небольшие сети, сплетенные из оленьих сухожилий».⁹³

Чтобы создать такую сеть при ручном способе сучения ниток из сухожилий оленя, вероятно, нужно было несколько месяцев напряженного труда женщины. Только крайняя необходимость могла побудить людей к такому занятию.

Промысел рыбы носил индивидуальный характер. Орудий лова коллективного пользования у них не было. Часто рыболовство носило случайный характер, особенно у оленеводов. Все зависело от того, где проводили лето стада.

⁹¹ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 133.

⁹² Подробное описание орудий рыболовства чукчей см.: W. Bogoras. The Chukchee, I, 146—151; В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленьих чукчей...; Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 120, 130—135.

⁹³ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 129.

Как уже было отмечено выше, в связи с сокращением количества морских зверей оседлым чукчам приходилось все чаще прибегать к рыболовству. А. Е. Норденшельд, судно которого в 1878—1879 гг. зимовало около о. Колючин, отметил, что чукчи близ расположенных селений занимались усиленно рыболовством. Они имели удочки и сети. «Женщины и дети чукчей ловили подо льдом вдоль берега рыбу... Мужчина, всегда сопровождающий уходящих рыбу женщин, прорубает шестом с железным наконечником отверстие во льду. Как только в воде покажется рыба, удильщица закидывает удочку с костяным, железным или медным крючком, приманкой служат рыбы потроха. В течение зимы в большом количестве ловили навагу и еще другую маленькую рыбешку в лагуне. Голец ловился в озерах».⁹⁴ В с. Найыткын Норденшельд видел у чукчей сети. В течение зимы жители о. Колючин и других селений к западу от него ездили куда-то на восток, где они занимались рыбной ловлей.⁹⁵

Другой исследователь, участник экспедиции на «Веге» О. Нордквист, отметил, что жители побережья между о. Колючин и Беринговым проливом, как только замерзало море, ловили арктическую треску (*Boreagadus polaris*), а зимой в Найытканской лагуне много другого вида трески (*Gadus* sp.) и др.⁹⁶

Систематически занимались рыбной ловлей малооленные чукчи, проводившие лето на берегах Анадырского лимана, в низовьях р. Анадыря. «Чукчи, которых я видел, — писал Олсуфьев, — знали только один способ ловли рыбы, именно — с помощью неподвижной сети, связанной из кожаных ремней. Сеть эта имеет форму клина длиной до 3 сажень при ширине основания в 2 аршина. Один конец укрепляется на берегу, а другой с помощью длинной жерди выставляется вперед. Через несколько минут сеть ремнем притягивается к берегу, каждый раз приносит от 2—4 рыб».⁹⁷

Рыбу ловят «они крючками (багрят)», сообщалось в одном документе.

При таких несовершенных средствах добычи чукчи не создавали, да и не могли создать значительных запасов рыбы. «Красная рыба чукчами и ламутами ловится только на их текущую потребность».⁹⁸

Сообщая о чукотском рыболовстве побережья Тихого и Ледовитого океанов, Калининков писал: «Они неохотно переходят к рыбе, потому что для этого промысла у них нет ни опыта, ни приборов, ни умения заготавливать ее впрок».⁹⁹

⁹⁴ А. Е. Норденшельд, ук. соч., II, стр. 158—159.

⁹⁵ Там же, стр. 216.

⁹⁶ О. Нордквист, ук. соч., стр. 102.

⁹⁷ А. В. Олсуфьев. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896, стр. 129.

⁹⁸ Н. Ф. Калининков, ук. соч., стр. 130.

⁹⁹ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 651, л. 30.

По-видимому, это обобщение справедливо лишь относительно чукчей, которые жили к северу от бухты Провидения и по побережью Ледовитого океана.

Обитавшие к югу от Анадыря давно усвоили от соседей коряков промысловые орудия, приемы заготовки рыбы впрок. Они вялили юколу, имели вешала для ее просушки и балаганы для хранения. Весь рыболовный инвентарь этих чукчей ничем не отличался от рыболовного инвентаря коряков.¹⁰⁰

Из сказанного выше следует, что рыболовство для чукчей не было основным занятием. К нему обращались как к вспомогательному источнику питания бедняки-оленоводы систематически, а оседлые — в годы плохого промысла морских зверей. Для большинства чукчей добыча рыбы вызывалась желанием изменить однообразное мясное питание.

Несовершенство и примитивный характер орудий лова свидетельствуют о неразвитости этого хозяйственного занятия.

Рыболовство чукчей носило исключительно потребительский характер. Никакие продукты их рыболовства не поступали на рынок. Вообще промышленного рыболовства, которое оказало бы заметное влияние на развитие хозяйства местного населения, на Чукотке не было. Лишь с 1908 г. началась промышленная эксплуатация рыбных богатств Анадыря, когда на устье прибыл первый рыболовный пароход.¹⁰¹

Рыболовство имело первостепенное значение для оседлого обруселого населения по Анадырю.

В 1909 г. на устье Анадыря уже действовало три рыбопромышленных участка. С расширением рыболовства в устье Анадыря, которое велось хищническим способом, резко сократился проход лососевых в верховья реки.

В 1910 г. население Анадыря переживало острую нужду в продуктах питания, погибли от бескормицы почти все ездовые собаки. В 1913 г. рыба не дошла и до Усть-Белой. Населению угрожал голод. Правительство вынуждено было закупить для оседлых жителей Анадыря на 9500 руб. продовольствия.

В 1914 г. были израсходованы последние запасы юколы, имевшиеся в общественном магазине, которые так и не возобновились.¹⁰²

Пушной и другие промыслы чукчей

Промыслом пушного зверя занимались как кочующие, так и оседлые чукчи, однако в большей мере — оленоводы. Оленные чукчи, по мнению Н. Ф. Калининкова, «могут больше уделять внимания

¹⁰⁰ О рыболовстве этой группы чукчей см. подробнее: И. С. Вдовин. Вагские чукчи. «Сибирский этнографический сборник», IV, М., 1962.

¹⁰¹ Н. Ф. Калининков, ук. соч., стр. 131.

¹⁰² В. В. Соляровский, ук. соч., стр. 100.

промыслу пушного зверя, и они являются главными поставщиками песца и лисицы». ¹⁰³ Он встречал в тундре оленеводов, которые в течение зимы добывали до 80 песцов.

Из оседлых чукчей больше и успешнее занимались пушным промыслом те, которые жили к западу от мыса Шмидта. Среди них были такие, для которых добыча песца являлась почти исключительным занятием. К востоку от Ванкаремы и на побережье Берингова пролива оседлое население мало занималось охотой на пушных зверей.

Шкурки лисиц, волков, песцов, горностаев издавна служили меховым товаром, на который можно было приобрести товары фабричного производства. Сами чукчи не использовали меха, они всегда их продавали.

Чукчи добывали в основном песцов и лисиц. Они водились почти повсеместно.

Охотились чукчи с помощью огнестрельного оружия, но главным образом капканами и пастями. Последние применялись там, где был выкидной лес (в районе мыса Шелагского, по берегу Чаунской губы и далее к западу, вплоть до Колымы), по берегам рр. Анадыря, Колымы, Б. и М. Анюев.

Этот промысел носил индивидуальный характер. Добыча не подлежала распределению, она составляла собственность охотника. Это занятие было делом только мужчин. Среди чукчей не было людей, которые существовали бы только за счет пушного промысла. В летнее время они занимались охотой на море, рыболовством. Следовательно, охота на пушного зверя была подсобным хозяйственным занятием, игравшим весьма важную роль в экономической жизни чукчей. Пушнина служила меховым товаром, на который приобретались все привозные и местные товары, в том числе олени, собаки.

Некоторые из чукчей уделяли большое внимание этому промыслу. Они вносили в него усовершенствования, пытались сделать промысел, в частности добычу песца, регулярным. Для этого они в летнее время, когда был удачным промысел морского зверя, часть мяса зарывали на приманку песцам. ¹⁰⁴

О размерах пушного промысла чукчей можно в известной мере судить по количеству закупленных на Чукотке американцами песцовых шкурок.

В 1894 г. в с. Уэлен было закуплено 45 шкурок песца, ¹⁰⁵ в 1895 г. — 118. ¹⁰⁶ В 1905 г. на всем побережье Берингова моря

¹⁰³ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 125.

¹⁰⁴ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 148.

¹⁰⁵ Н. А. Гондatti. Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив). «Записки Приамурского отдела РГО», т. IV, в. 1, Хабаровск, 1897, стр. XIV.

¹⁰⁶ Там же, стр. XXIII.

(к северу от мыса Беринга) было закуплено 560 шкурок песца.¹⁰⁷

У чукчей не практиковались коллективные формы охоты на песца. Вообще сухопутной охотой они занимались мало.

В начале XX в. в связи с почти полным исчезновением дикого оленя прекратились его миграции, а вместе с тем и охота на плавях.

Охота на горных баранов носила случайный характер.

Занимались чукчи охотой и на водоплавающую дичь. Для этого они пользовались особом рода «бола» — эплыкытэт,¹⁰⁸ состоящим из нескольких ремешков длиной около метра, на концах которых прикреплялись грузики из моржового клыка. Свободные концы ремешков связывались вместе. Охотник сильным рывком бросал эплыкытэт в низко летящую стаю уток. Так охотились обычно ранней весной во время перелета.

На куропаток ставили петли, то же — на зайцев. В конце XIX в. при охоте на зайцев и куропаток, помимо петель, еще были в употреблении луки и стрелы. На маленьком острове напротив с. Тэпкан Норденшельд наблюдал, как чукчи охотились на зайцев. «Остров кишит зайцами, на которых жители Тэпкана охотятся с луком».¹⁰⁹

Эти виды промысла служили лишь подспорьем в питании. Однако заячьи шкуры поступали и на рынок.

Приморские чукчи, подобно оленям, заготавливали ягоды (шыкшу, морошку), корни некоторых клубневых растений, а также листья кустарников, которые употреблялись в пищу зимой. Н. Ф. Калинин записал около 20 видов различных растений, употребляемых чукчами в пищу.¹¹⁰

В весеннее время поедали некоторые виды моллюсков, а осенью вылавливали в море особым орудием листья морской капусты, которые шли в пищу в сыром виде.

Средства передвижения

Оседлые чукчи, как об этом было сказано выше, передвигались по воде, используя байдары, вельботы, шхуны.¹¹¹

По суше они ездили на собаках.¹¹² Во второй половине XIX—

¹⁰⁷ К. Н. Тульчинский. Из путешествия к Берингову проливу. СПб., 1906, стр. 30.

¹⁰⁸ W. Bogoras. The Chukchee, I, стр. 145; Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 151.

¹⁰⁹ А. Е. Норденшельд, ук. соч., II, стр. 234.

¹¹⁰ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 92.

¹¹¹ См. выше, стр. 176.

¹¹² Устройство упряжи, нарт, описание приемов управления упряжками собак подробно описано В. Г. Богоразом (W. Bogoras. The Chukchee, I, 104—114), Н. Ф. Калинин (ук. соч., стр. 153—158, 163—167) и др. Наиболее полно собачий транспорт чукчей описан в «Историко-этнографическом атласе

начале XX столетия у них практиковалось еще два способа упряжки собак: старинный — веером и новый — цугом. Соответственно каждому способу упряжки использовались разные виды нарт. В упряжку цугом запрягали обычно 8—12 собак, в веерную — 5—6.

В 1878 г. Норденшельд от места зимовки «Веги» отправился в стойбище Пидлин, расположенное у Колючинской губы. Вез его чукча из с. Иргуннука. «У него были маленькие легкие нарты с полозьями из китовых ребер. Упряжка состояла из шести собак, из которых вожак бежал впереди остальных пяти, впряженных в ряд перед санями. Каждая собака была впряжена в нарты отдельным ремнем».¹¹³ Однако уже Норденшельд отметил, что чаще всего чукчи запрягали собак пара за парой в один длинный общий ряд. Уже, видимо, тогда новый тип упряжки значительно вытеснил прежний.

Старинный способ упряжки собак веером сохранялся у чукчей и в начале XX в., правда, только при состязаниях в быстроте езды.¹¹⁴ Такой способ упряжки применялся чукчами и позднее, как это удалось наблюдать автору в с. Лорино в 1932 г.

Иногда чукчи использовали собак и летом, припрягая их к бечеве байдары или вельбота, когда им приходилось плыть вдоль берега с удобным пляжем.

В каждом хозяйстве чукчей, в котором имелись работоспособные мужчины, была упряжка собак. Однако их количество и качество находились в прямой зависимости от состоятельности семьи, морского промысла. На побережье Ледовитого океана, к западу от с. Ванкарем, собак было у чукчей меньше, так как морской промысел здесь был менее продуктивным, чем к востоку, и поэтому обычная упряжка состояла из 6—8 собак.

Жители побережья Ледовитого океана вследствие частых голодовок лишались тех немногих собак, которые у них были. «Хроническое бессобацье» чукчей этого побережья отмечалось почти всеми, кому доводилось бывать у них.¹¹⁵

Кроме того, часто собаки гибли не только от бескормицы, но и от болезней. В 1901 г. погибло 940 собак, в 1904 г. — 1001, в 1905 г. в Анадырском уезде было 5—6 тыс. собак, только у обруселого населения Анадыря погибло из 1800 собак около 1000.¹¹⁶

В 1915 г. начальник Анадырского уезда сообщал генерал-губернатору Приамурской области: «Собаководство находится в крайне печальном положении. Ежегодные падежи щенков и взрослых собак стали за последние пять лет обычным явлением и число ездо-

Сибири» (М.—Л., 1961), в статье В. В. Антроповой и М. Г. Левина «Упряжное собаководство» (стр. 55—79).

¹¹³ А. Е. Норденшельд, ук. соч., стр. 172, так же 308.

¹¹⁴ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 243.

¹¹⁵ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 156.

¹¹⁶ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 3, д. 563, л. 151.

вых собак с каждым годом уменьшается в ужасающей прогрессии». ¹¹⁷

Сами чукчи лечить собак не умели. «Болезни вырывают собак сотнями, — сообщал Калинин, — потому что население не умеет бороться с ними, никакой ветеринарной помощи здесь не существует». ¹¹⁸

Чукчи не очень умело занимались разведением и отбором лучших собак. Никакой системы в этом отношении у них выработано не было. Они предпочитали покупать ездовых собак у русских жителей Колымы и Анадыря. Особенно высоко ценились передовые собаки.

Некоторые из жителей Колымы специально занимались разведением и скупкой собак, чтобы перепродавать их чукчам. Стоимость средней собаки — 15 рублей или 2 песца. Лучшие собаки ценились в 20, 25 и 30 рублей, т. е. до 4 песцов за голову. ¹¹⁹ Ни охотничьих, ни пастушеских собак у чукчей не было.

Кормили собак мясом и жиром морских млекопитающих, на Анадыре — рыбой и нередко оленьим мясом.

У кочевых чукчей практиковалось два вида использования оленей в упряжи: для перевозки грузов и для легкой езды. В первом случае всегда впрягался один олень, для легкой быстрой езды — два оленя. ¹²⁰

Каждое хозяйство, каким бы экономически слабым оно ни было, имело хотя пару упряжных оленей и нарты. Владельцами пары упряжных оленей обычно были молодые пастухи. Оставаться в тундре без собственных средств передвижения — значит обрекать себя на произвол хозяина стойбища.

Только среди одиноких женщин и сирот встречались совершенно не имеющие ездовых и вообще каких бы то ни было оленей.

Отправляясь в дальнейшее путешествие с грузами, чукчи передвигались медленно, делая в день максимум 10—12 км. Олени быстро утомляются, теряют упитанность и медленно восстанавливают силы, особенно зимой и весной.

Если чукча отправлялся куда-нибудь далеко налегке, он предпочитал проехать много лишнего расстояния, лишь бы не ночевать с оленями в тундре. Обычно такой путник ехал от стойбища к стойбищу. В первом же стойбище он оставлял своих оленей, ему давали

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 158.

¹¹⁹ Там же, стр. 156.

¹²⁰ Виды упряжи оленей, типы, назначение нарт подробно описаны В. Г. Богоразом (W. Bogoras, *The Chukchee*, I, pp. 85—95), отчасти Н. Ф. Калинин (ук. соч., стр. 167—168). Наиболее полно и всесторонне олений транспорт чукчей описан в Историко-этнографическом атласе Сибири (М.—Л., 1961) в статье Г. М. Василевич и М. Г. Левина «Олений транспорт» (стр. 11—55). Здесь же даются фотографии, чертежи.

свежих, которых в свою очередь он оставлял в следующем стойбище, и т. д.

На обратном пути он возвращал хозяевам тех оленей, которых они ему давали.

При таком способе передвижения и замены утомленных оленей свежими путник быстро преодолевал большие расстояния.

Бедняки-оленоводы, кочевавшие около побережья моря или рек, имели ездовых собак и почти не имели ездовых оленей. Кормили своих собак рыбой или мясом морских зверей, подобно оседлым чукчам.

Других средств передвижения чукчи не имели.

Кустарное производство и другие занятия чукчей

Характерной чертой изучаемого периода было нарастающее вовлечение всех отраслей производства чукчей в сферу товарного обращения. Этот процесс развивался под влиянием ряда причин. Дальнейшая специализация и обособление оленеводства, с одной стороны, и морского зверобойного промысла — с другой, привели к интенсивному товарообмену между названными отраслями хозяйства чукчей.

Во второй половине XIX в. расширяется ассортимент продуктов морского зверобойного промысла, находящих спрос на внешнем рынке, преимущественно в сыром, непереработанном виде.

Вместе с тем на базе морского зверобойного промысла начали складываться зачатки кустарного производства некоторых видов одежды, обуви, художественной резьбы по кости, изготовление предметов исключительно на продажу (коврики и т. п.) по заказу предприимчивых купцов.

«Многие из жителей прибрежных поселков, — сообщал в 1902 г. начальник Анадырского окружного управления, — занимаются выделкою из моржовых клыков разных мелких вещей, например фигур людей, животных, целых охотничьих сцен, трубок и т. п. Женщины выделывают шкуры, эти вещицы находят хороший сбыт на европейские суда. Женщины занимаются выделкою кож и шьют на продажу американцам много разной обуви».¹²¹

Чукчи выделывали особым способом нерпичью кожу, пропитывали ее жиром, благодаря чему она делалась эластичной, водонепроницаемой и темного, почти черного цвета. Из такой кожи делались чемоданы для продажи на Колыме и Анадыре русским. Для сбыта на Аляску из такой кожи шились торбаза в виде сапог. «На восточном берегу Чукотского полуострова, — писал Калинин, — где существуют более или менее регулярные сношения с Америкой, выработались небольшие промыслы особого рода. Китобои, идущие по весне в Северный Ледовитый океан, нуждаются в лег-

¹²¹ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 313, л. 35.

кой непромокаемой обуви, и айваны этой местности и чукчи готовят сотни пар нерпичьих сапог из черной прожиренной кожи... Кроме сапог, рукодельницы этой местности готовят в течение долгой зимы много ковриков разнообразной величины из белой и разноцветной нерпичьей кожи, вырезанной разнообразными фигурами, с опушкой из какого-либо меха, вышитых сумочек, поясов, ружейных чехлов, патронташей и прочей мелочи». ¹²²

В меньшей мере домашнее кустарное производство было развито среди оленеводов. Обработка шкур оленей и изготовление из них предметов на продажу осуществлялось в основном женщинами в приморских оседлых поселках. «На почве оленеводческого хозяйства, — отмечал Солярский, — развились кустарные промыслы: выделка ровдуги (замши) и изготовление для продажи кухлянок, одеял, ковров, кукулей, перчаток, рукавиц, торбазов и пр.». ¹²³

Многие чукчи из поселков на побережье Берингова пролива занимались резьбой по кости. В значительной части предметы их изготовления предназначались для сбыта. В числе предметов украшения их быта изделий из моржового клыка не было.

«Наряду с женщинами мужчины режут из кости незатейливые цепочки, ножи для бумаги, мундштуки, трубки, пуговицы, модели пароходов и шхун, просто полируют красивые моржовые клыки. Некоторые достигают в своих работах большого изящества, приобретают в Америке специально для этой цели токарные станки, но, к сожалению, таких лиц можно перечислить по пальцам и дальше восточного побережья этот промысел не распространяется». ¹²⁴

Как видно из приведенного сообщения, зачатки кустарного производства, обслуживавшего внешний рынок, возникали лишь на Восточном побережье Чукотки, тесно связанном морскими сообщениями с внешним миром, с торговцами. В этот вид новой деятельности в большей степени были вовлечены женщины чукчанки. Труд их не был механизирован, все процессы производства от начала и до конца носили ручной характер. Мужчины при обработке изделий из кости начали прибегать к помощи токарных станков. Правда, резчики по кости, работавшие на рынок, насчитывались единицами.

Интересно в этой связи замечание Свердруп, который отметил, что купцы способствовали развитию кустарного производства среди чукчей, скупая их изделия «из моржовой кости, меховые вышивки и непромокаемые сапоги из тюленьей кожи». ¹²⁵

К этому следует добавить, что скупщики кустарных изделий в соответствии с требованиями рынка заказывали чукчам образцы предметов, которые отступали от традиционных форм. Часто это были совершенно новые предметы для чукчей, изготавливавшиеся

¹²² Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 123.

¹²³ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 128.

¹²⁴ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 124.

¹²⁵ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 264.

ими из местных материалов (коврики, скульптуры пиликенов и др.).¹²⁶

С развитием китобойного промысла в Беринговом море американские владельцы китобойных шхун и пароходов предпочитали нанимать на свои суда в качестве рабочих-матросов чукчей и сибирских эскимосов. Обычно в мае-июне китобойи подходили к берегам Чукотки и доукомплектовывали команды судов чукчами и эскимосами. Эта рабочая сила стоила значительно дешевле, чем рабочие-европейцы. Кроме того, все они были с детства знакомы с приемами охоты на кита, со способами их разделки. Не приходилось заботиться особенно об организации для них питания, устройстве бытовых удобств на судне. С ними было мало хлопот. Они были не только самой дешевой рабочей силой, но нетребовательными и безответными людьми, с ними можно было не церемониться. В то же время они были хорошими моряками, легко переносили тяготы суровой жизни на маленьком суденышке в водах бурного и холодного океана. Вот почему китобойи всегда стремились иметь в составе своей команды местных жителей. Капитан клипера «Разбойник», крейсировавшего в 1884 г. в Беринговом море, сообщал в отчете: «Многие чукчи плавали на промысловых судах, как превосходные промысловые работники, бывали на них и в Гонолулу. По окончании плавания с таким работником рассчитываются ружьем, ящиком табаку и сухарей».¹²⁷

Из года в год китобойи пользовались услугами чукчей и сибирских эскимосов.¹²⁸ Нередко они увозили их в Сиэттль или Сан-Франциско, где им приходилось жить до нового сезона. Некоторые чукчи и сибирские эскимосы превращались в профессиональных моряков. Уильям Гильдер, участник экспедиции по розыскам судна капитана Делонга, в 1880 г. встретил одного чукчу в бухте Пlover, которого он раньше видел на китоловном пароходе «Бельведер». 14 лет он прослужил на американских кораблях и успел побывать на них почти во всех странах света.¹²⁹

Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие чукчи и сибирские эскимосы знали в той или иной мере английский язык, во всяком случае могли объясняться на нем.

Известно, что некоторое количество чукчей работало на золотых приисках на р. Надо в 1907—1908 гг.,¹³⁰ на разработках гра-

¹²⁶ Подробная и обстоятельная характеристика состояния искусства резьбы по кости у чукчей дана в ряде работ С. В. Иванова (Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954, стр. 407—472; Чукотско-эскимосская гравюра на кости. «Советская этнография», № 4, 1949).

¹²⁷ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 6, д. 6, л. 55.

¹²⁸ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 171—172; Н. В. Кириллов, ук. соч., стр. 18.

¹²⁹ Уильям Гильдер. Во льдах и в снегах. СПб., 1898, стр. 110.

¹³⁰ С. Д. Оводенко. Отчет о поездке на Чукотский полуостров и на устье реки Анадырь в июне-августе 1911 года. «Горный журнал», т. III, июль, 1913, стр. 6.

фита в Повтыне. Работали чукчи в услужении у торговцев и т. п. Только крайняя необходимость могла побудить чукчу бросить свою семью и уйти на несколько месяцев в море. Вознаграждение за этот труд обычно в виде предметов одежды, ружья и некоторого количества продуктов (сухари, патока) удовлетворяло скромные запросы чукчей.

Жизнь приморских чукчей была более трудной, чем оленеводов. Только приморские чукчи нанимались китобоями, рабочими. Приморские поселки давали также рабочие руки оленеводам. Многие из них уходили в тундру навсегда, оставаясь там батраками в стадах крупных стадовладельцев. Со временем некоторые из них в результате многолетнего упорного труда обзаводились таким количеством оленей, которое давало возможность начать независимую жизнь бедного оленевода.

Таким образом, неустойчивость морского зверобойного промысла, особенно в результате хищнического истребления моржей, остро отразилась на жизни приморских охотников. Они начали обращаться к другим видам промысловой деятельности (рыболовству), начали заниматься кустарными промыслами и наниматься на работы (китобоями, пастухами и т. п.). Однако эти чукчи, за исключением единиц, не отрывались окончательно от своего основного производства — морского зверобойного промысла. Кустарное производство, наем в качестве моряков и рабочих носили сезонный характер. В остальную часть года они превращались снова в морских охотников.

Основные черты общественного строя чукчей во второй половине XIX—начале XX в.

Вопрос об общественном строе чукчей второй половины XIX—начала XX в. привлекал внимание не только исследователей, но и представителей власти. Интерес последних вытекал из чисто практических потребностей организации среди чукчей таких учреждений, на которые могла бы опираться власть. В этих целях предполагалось использовать действующие общественные институты чукчей.

Начиная со второй половины XIX в. изучение быта, общественного устройства входило в планы командированных на Чукотку официальных лиц. Первым, кто выполнил такое поручение при содействии Восточно-Сибирского отделения РГО, был Г. Майдель. В самой общей форме он сформулировал свои наблюдения так: «Некоторого рода начальственным влиянием пользуются богатые родовичи, но влияние это, соединенное с богатством, простирается только на самых ближних соседей и с потерей богатства исчезает».¹³¹

¹³¹ «Сборник трудов исследовательского общества „Saqa—Keskile“, в. 1(4). Якутск, 1927, стр. 31.

Аналогичные поручения имели полковники А. А. Ресин и А. В. Олсуфьев. Небезынтересно привести их высказывания: «Каждый родоначальник, — писал А. А. Ресин, — есть полноправный властелин над своим родом; более богатый, родовитый, а следовательно, и сильный имеет большое влияние и на других». ¹³²

Намного полнее и обстоятельнее наблюдение А. В. Олсуфьева. «Несмотря на все своеволие и необузданность чукоч, подчинение старшему в семье всех ее членов совершенно беспрекословное, даже взрослые сыновья, часто прямо себе в ущерб, не смеют ослушаться старика отца или матери. Вне тесного круга семьи чукчи совершенно независимы, что не может повлечь к недоразумениям ввиду полного отсутствия каких бы то ни было общественных интересов». ¹³³

Первый начальник Анадырского уезда врач Л. Ф. Гриневский писал так: «Все они живут отдельными, независимыми одна от другой группами (стойбищами, — И. В.), причем каждая группа или селение подчиняются только, да и то крайне относительно, старейшему или богатейшему члену данной группы. Фактической власти чукчи не признают над собой никакой, руководствуются в жизни советами и наставлениями старейших или опытнейших членов общества». ¹³⁴

Н. Л. Гондатти, перед которым стояла та же задача изучения быта и общественных порядков чукчей, писал: «Особенность быта кочевых чукоч, чаучат (чавчуват, — И. В.), заключается в том, что у них совершенно нет родового или иного какого-либо общественного устройства: всякий живет своей семьей; всякий сам себе хозяин и решительно ни за кем не признает права вмешиваться в его дела». ¹³⁵

Сменивший Гондатти Сокольников в 1902 г. в рапорте военному губернатору Приморской области сообщал: «Родового устройства и старост пока нет. Главою семьи является отец, спорные дела решаются стариками, но иногда обходятся без них и правым часто остается наиболее сильный.

«Для распределения паев на совместных промыслах есть всеми признаваемые правила. В некоторых местах есть так называемый эрмэчын — „хозяин“. У оленных чукоч — это обыкновенно хозяин большого табуна, возле которого группируются 2—3 юрты, имеющих незначительное количество оленей...

В прибрежных поселках эрмэчыном считают самого давнего жителя данного места, он считается хозяином и руководителем промысла и получает за это большой пай». ¹³⁶

¹³² А. А. Ресин. Очерк инородцев Русского побережья Тихого океана. СПб., 1888, стр. 54.

¹³³ А. В. Олсуфьев, ук. соч., стр. 108.

¹³⁴ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 116, л. 112.

¹³⁵ Н. Л. Гондатти. Оседлое население реки Анадыря. «Записки Приамурского отдела РГО», т. III, вып. 1, Хабаровск, 1897, стр. 168.

¹³⁶ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 313, л. 34 об.

В. В. Солярский, специально изучавший правовое и культурно-экономическое положение коренного населения Приамурского края, касаясь чукчей, отметил: «Семья представляет не только родствен-ный, но и производственный союз, в котором объединяются не только отец и нисходящие — дети, но и братья, дяди и племян-ники и даже посторонние — зятья, и в котором домохозяин, не обладающий правом единоличной индивидуальной собственности семейного имущества, является лишь распорядителем общего хо-зяйства».¹³⁷

Во всех цитированных определениях (с которыми нельзя пол-ностью согласиться) есть общее, что сближает их и что, по-види-мому, верно отражает сущность общественных отношений чукчей.

Эти высказывания содержат хотя неполные, но достаточно определенные характеристики. Опираясь на одни из них, можно прийти к заключению, что у чукчей была ячейкой общества боль-шая патриархальная семья. Соглашаясь с другими, надо признать, что обычная (моногамная) семья была вполне независима как в хозяйственной, так и общественной жизни.

Оба эти высказывания не исключают одно другое, а допол-няют. Они отражают тот противоречивый процесс, при котором старые отношения еще не исчезли, продолжали жить, а новые не настолько окрепли и распространились, чтобы заслонить собой старые.

Основы большой патриархальной семьи были уже значительно разрушены, но еще жили некоторые ее атрибуты. Их-то и прини-мали за основные устои общественных отношений чукчей.

В других случаях нет никакого намека на патриархальные от-ношения; кажется, что вся жизнь сосредоточена в обычной семье. Это — другая крайность, основанная также на действительности, но учитывающая только новые отношения и не принимающая во внимание бремена прошлого, живучести старых отношений. То и другое определения неполны, односторонни.

В специальных работах этот вопрос освещен полнее. В них используется большой фактический материал, хотя интерпретация его не всегда бесспорна.

Наиболее обстоятельно и подробно общественные институты чукчей изучаемого периода описаны В. Г. Богоразом. В наше время на эту тему написана интересная работа М. И. Куликова.¹³⁸

В. Г. Богораз, хотя несколько непоследовательно, но верно подметил основные черты общественных отношений чукчей. «Стой-

¹³⁷ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 44.

¹³⁸ М. И. Куликов. 1) Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа «гаймысылын» (богатых) (конец XIX—начало XX в.). «Краеведческие записки», в. I, Магадан, 1957; 2) Ха-рактер экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX и начале XX в. «Сборник статей по истории Дальнего Востока», Изв. АН СССР, М., 1958.

бище у оленных чукчей и поселок у приморских, — писал он, — представляют собою социальную единицу. Однако эта первичная социальная организация не отличается прочностью. Она постоянно изменяется».¹³⁹

В этом определении все верно только применительно к оленным чукчам, у которых действительно стойбище составляло экономическую и общественную ячейку. Верно также и то, что экономические и общественные связи внутри стойбища не отличались прочностью и постоянством.

Применительно к приморским чукчам это определение не совсем верно. Поселок — более сложное общественное объединение, с другими производственными и прочими связями. Поэтому ставить в один ряд поселок приморских чукчей и стойбище оленеводов нет оснований. Это разные общественные величины.¹⁴⁰

Хозяйственной и общественной единицей оседлых чукчей была байдарная община, что признавал и сам В. Г. Богораз. «Байдарная артель (община, — И. В.), — писал он, — представляет собою довольно устойчивую социальную единицу».¹⁴¹

Несколько таких общин составляли поселок. О величине населенного пункта чукчи часто судили по количеству имеющихся в нем байдарных общин (артелей).¹⁴²

Производственная и общественная жизнь у приморских чукчей в основном складывалась внутри байдарной общины, подобно тому как производственная и общественная жизнь оленных чукчей в основном развивалась внутри стойбищной общины.

Экономические и общественные связи были наиболее прочными внутри стойбищной общины оленеводов и внутри байдарной общины приморских охотников. Но те же связи байдарных общин внутри поселка и соседних стойбищных общин оленеводов были менее постоянны и прочны.

Хозяйственная деятельность, вся внутренняя жизнь байдарной общины была независима от других байдарных общин, как и стойбищная община от соседних стойбищных общин оленеводов. Вместе с тем некоторые элементы производственного и общественного коллективизма байдарные общины, а равно соседние стойбищные общины оленеводов сохраняли.

¹³⁹ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 142.

¹⁴⁰ Судя по хозяйственным и общественным функциям, стойбище оленеводов правильнее называть стойбищной, или кочевой общиной, соответственно «байдарную артель» приморских чукчей — байдарной общиной. Эти названия более точно отражают социальную сущность данных объединений. Следует, однако, помнить, что к началу XX в. основы общественного коллективизма в стойбищной и байдарной общинах были серьезно подорваны, но некоторые из них еще бытовали. Поэтому названия «стойбищная» и «байдарная община» нам представляются более правильными.

¹⁴¹ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 156.

¹⁴² Там же: «Туземцы говорят: „В этом поселке три байдарных артели“, и т. д.

Производственная связь жителей поселка проявлялась во время коллективной охоты на китов и моржей (на лежбищах). Аналогичная связь была и у оленеводов. Она выражалась в некоторых совместных работах ряда соседних стойбищных общин (например, во время отбивки стельных важенок от остальной части стада).

Существовали и другие виды связей как внутри поселка береговых, так и между соседними стойбищами оленеводов — совместное отправление некоторых религиозных обрядов (например, при осеннем убое оленей *вылгыҕаанматгыргын* — у оленеводов, во время праздника *кэрэткун* — у оседлых), родственные и др. Однако эти связи не могут быть поставлены в один ряд со связями внутри байдарной общины и внутри стойбищной общины. Следовательно, поселок оседлых зверобоев и стойбище оленеводов — разные общественные величины. Этого В. Г. Богораз, видимо, не учитывал. В поселках, писал он, «все обитатели находятся на равном положении, и дома разбросаны кругом без всякого порядка»,¹⁴³ тогда как на стойбище оленеводов всегда придерживаются определенного правила расположения яранг и нет такого равенства.

С первого взгляда в поселке оседлых чукчей расположение жилищ, казалось бы, носит случайный характер. Яранги стояли без видимого порядка. На самом деле все обстояло далеко не так. Здесь был свой, освященный временем и традицией, порядок расположения жилищ. Он определялся производственной деятельностью и общественным укладом населения. На территории поселка яранги располагались отдельными группами по 2—5 в одном месте. Каждая группа яранг объединяла членов одной байдарной общины. Каждое такое место носило особое название. В более ранние времена на этих местах находились полуподземные жилища больших патриархальных семей. Как правило, «хозяином» данного места считался руководитель, старшина байдарной общины. Без его согласия никто не имел права поселиться на этой территории или занять ее под что-либо.

Утверждение В. Г. Богораза, что организация приморского поселка основывается не на родстве, а на принципе территориального сожителства,¹⁴⁴ справедливо только частично. Во-первых, потому что, как писал Богораз несколькими строками ниже, «байдарная артель составляется из ближайших родственников владельца байдары». Следовательно, семейное родство налицо. Во-вторых, существовали довольно сложные родственные отношения между всеми жителями поселка. Значит, поселок оседлых чукчей представлял не только территориальное объединение.

Касаясь отношений между социальными группами среди оленеводов, В. Г. Богораз верно подметил основную тенденцию их

¹⁴³ Там же, стр. 154.

¹⁴⁴ Там же.

развития от патриархально-общинных к соседским с существенными элементами эксплуатации. «Рядом со связью семейно-родовой, — писал он, — существует связь по соседству на стойбище (нымтумгываыргын); до некоторой степени напоминающая зачатки вассальных отношений и успевшая выработать представление об обоюдных материальных и нравственных обязанностях лиц, заключающих ее... Собственно у оленных чукоч соседственная связь начинает изменяться таким образом, что все более и более напоминает отношения между хозяевами и работниками... Теперь бедный сосед на стойбище (нымтумгын) является находящимся в чисто экономической зависимости от хозяина и его поэтому прямо называют работником (чавчуваамульын), между тем как в старину к экономической зависимости присоединялась и потребность в защите от нападений врагов».¹⁴⁵

Это замечание В. Г. Богораза, основанное на обобщении большого количества наблюдений, представляется весьма правильным. Он верно подметил то новое, что было характерно для разрушавшихся патриархально-общинных отношений, на месте которых возникали зачатки, ростки капиталистического уклада.

Приколымские чукчи, быт которых изучал тогда В. Г. Богораз, были почти все переселенцами «из разных мест области, лежащей за Чауном».¹⁴⁶ Поэтому здесь родственный принцип в организации стойбищ был в корне нарушен сильнее, чем в районах с более постоянным населением.

Известно, что В. Г. Богораз не отличался последовательностью во взглядах, что часто проявлялось в одной и той же работе.

После исследований жизни и быта чукчей других районов, в том числе оседлых, он не нашел никаких принципиальных отличий в общественном строе оленеводов и приморских охотников. И это понятно, так как бытовой уклад, семейно-брачные отношения, правовые нормы, мировоззрение и другие институты у обеих групп были одинаковыми. В этом отношении они составляли единое целое.

По-иному подходит к определению общественных отношений чукчей во второй половине XIX и начале XX столетия М. И. Куликов. В его работе имеется ряд интересных наблюдений, выводов (например, о трех типах стойбищ оленеводов). Однако наряду с теоретически обоснованным анализом социально-экономических отношений чукчей, М. И. Куликов приходит к неожиданным и весьма спорным заключениям. Он считает, что «нельзя давать единое определение общественному строю всех чукчей в целом, ибо оседлые и кочевые чукчи находились на различных ступенях развития. „Экономические отношения чукчей, — пишет он, — мы

¹⁴⁵ В. Г. Богораз. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края, стр. 39—40.

¹⁴⁶ Там же, стр. 34.

определяем как разлагающиеся первобытно-общинные отношения. У оседлых чукчей, кроме того, появляются зачатки капиталистического уклада, чего мы не находим у кочевых чукчей, где в полной мере сохраняются отношения «добровольного» (патриархального) рабства».¹⁴⁷

М. И. Куликов, как видно, исходит из предположения, что оленные и оседлые чукчи в хозяйственном и общественном отношении развивались как независимые, обособленные друг от друга части одного народа. Такое понимание представляется ошибочным; оно не соответствует фактам, истории чукчей.

Возникновение двух отраслей хозяйственной деятельности чукчей явилось в результате общественного разделения труда, в результате специализации одной части в области оленеводства, другой — в области морского зверобойного промысла. Общеизвестно, что общественному разделению труда сопутствует установление и развитие обмена между представителями разных отраслей хозяйства. Обменивать могли лишь излишки производства.

С развитием общественного разделения труда и обмена тесно связано возникновение и развитие частной собственности на средства производства. Частная собственность на движимую часть имущества была одинаково распространена как у оленеводов, так и у оседлых. Следовательно, в этой части никаких признаков «различных ступеней развития» оленеводов и оседлых чукчей нет.

Не было хозяйственной и территориальной обособленности и изолированности оленных чукчей от оседлых. Повсеместно были распространены промежуточные группы бедняков-олeneводов, которые, образно говоря, одной ногой стояли на берегу, другой — в тундре. Они систематически занимались морским зверобойным промыслом, часто вместе с оседлыми, в их байдарных артелях. В свою очередь многие оседлые чукчи имели небольшое количество оленей, которые выпасались в стадах оленеводов.

Между оленными и оседлыми чукчами регулярно поддерживался обмен продуктов оленеводства на продукты морского зверобойного промысла.

Существовали родственные связи оленеводов с оседлыми чукчами.

На протяжении второй половины XIX в. происходило интенсивное перемещение населения Чукотки. Многие из береговых жителей уходили в тундру, в свою очередь обедневшие оленеводы переходили к вынужденной оседлости и селились на берегу моря.

Никто из исследователей и официальных лиц не писал о разных уровнях развития общественных отношений у оседлых и кочевых чукчей, о каком-то обособлении одних от других.

¹⁴⁷ М. И. Куликов. Характер экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX и начале XX в. «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 158.

Насколько тесны и многообразны были связи между этими группами чукчей, подтверждают и другие данные. Чукотский язык не имеет диалектов. В нем нет каких-либо существенных различий на всем огромном пространстве расселения его носителей. Такое единство языка могло сохраниться лишь в результате тесных экономических, общественных и других видов связей всего населения. Значит, и язык не подтверждает обособленности оленеводов и береговых. Не находит это предположение М. И. Куликова подтверждения и в юридических, бытовых, семейно-брачных и других обычаях оленных и оседлых чукчей. Они повсеместно идентичны.

Если бы уровни развития общественных отношений были у них разные, непременно нашлись бы элементы, отличающие право оленных чукчей от права у береговых. Ничего этого нет. Таким образом, тезис М. И. Куликова о том, что оленные и оседлые чукчи находились на разных ступенях общественного развития, не подтверждается действительностью, жизнью, историей.

Невозможно согласиться с самим определением экономических отношений оленных чукчей, которое дает М. И. Куликов. По его мнению, у них «в полной мере сохраняются отношения „добровольного“ (патриархального) рабства».

Не вдаваясь в обсуждение терминологии, принятой автором, которую мы считаем неприемлемой, остановимся на рассмотрении его аргументов.

«Почему пастух идет добровольно в рабство?» — спрашивает М. И. Куликов и тут же отвечает: «Потому, что у него нет другого выхода. Отдавая себя владельцу стада, он гарантирует себе хотя бы полуголодное существование».

Если стать на точку зрения М. И. Куликова, то под его понятие «добровольное» (патриархальное) рабство можно подвести и рабочих при капитализме. Они, чтобы не умереть с голоду, вынуждены продавать свою рабочую силу, наниматься к собственникам средств производства. Они могут покинуть предприятие одного капиталиста и перейти к другому. Лично (юридически) рабочие свободны, но они находятся в полной экономической зависимости от класса капиталистов. Однако никто не говорит, что рабочие, нанимаясь к капиталисту, становятся «добровольными» рабами.

М. И. Куликов забывает одно весьма важное, решающее обстоятельство. Пастух у чукчей был свободен. Он мог в любое время уйти от хозяина. Во второй половине XIX—начале XX в. у чукчей не существовало внеэкономического принуждения, что, как известно, характерно для рабовладельческого и феодального способов производства.

В XVII—XVIII вв. русские застали у них начальную, наиболее примитивную форму патриархального рабства. С приходом русских постепенно прекратились межплеменные войны, служившие источником этого рабства. Последние набеги чукчей на сосе-

дей были в последней четверти XVIII в. К середине XIX в. остались только воспоминания о рабах. Следовательно, никакого рабства у чукчей-оленоводов в это время не было.

М. И. Куликов рассматривает развитие общественного строя оленных чукчей без учета более чем двухвекового влияния первоначально феодально-крепостнической, а затем и капиталистической России, без учета влияния русской культуры.

Нельзя, конечно, приравнивать положение чукчи-пастуха к положению рабочего при капитализме, что было бы также неверно. Однако и в том, и в другом случае мы имеем экономическое принуждение, личную свободу и пастуха, и рабочего. Это-то обстоятельство и дало нам повод в свое время высказать мысль о том, что как оленные, так и береговые чукчи шли по пути развития капиталистического уклада.¹⁴⁸

Желая, видимо, придать большую убедительность своей теории, М. И. Куликов порой отступает от фактов. На основании каких сведений он пишет, что богатый оленевод мог пастуха «даже обменивать»,¹⁴⁹ что пастух «своеобразная собственность хозяина стойбища»,¹⁵⁰ неизвестно. Автор не приводит ни одного примера. Видимо, из тех же побуждений М. И. Куликов утверждает, будто «положение сыновей и родственников в процессе производства такое же, как и положение пришельца»,¹⁵¹ т. е. пастуха, «добровольного» раба. Выходит, что положение сыновей и родственников не лучше рабского. Это, конечно, не соответствует действительности. Несмотря на суровость воспитания детей, хозяин всегда перекладывал все тяжелые работы в первую очередь на наемных пастухов, а не на своих сыновей и родственников.

Итак, М. И. Куликов, как нам представляется, не сумел доказать тезиса о различных ступенях общественного развития оседлых и кочевых чукчей.

Развитие общественных отношений у той и другой группы шло по одному и тому же пути распада патриархальной общины и перерастания ее в соседскую. Интенсивность этого процесса была более заметной у оленеводов. У них отчетливее проявлялось имущественное неравенство. Среди оседлых чукчей лишь со второй половины XIX в. заметно увеличивается число богатых. Почти в каждом поселке появляются посредники в торговле с американцами. Как правило, это были *ы'твэрмэчыт* — байдарные руководители, старшины. Их имущественное состояние быстро росло в результате присвоения большей и лучшей части добычи (имевшей товарное значение), к которому присоединялись доходы от перепродажи американских товаров.

¹⁴⁸ И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей. «Ученые записки ЛГУ», № 115, Л., 1950, стр. 100.

¹⁴⁹ М. И. Куликов, ук. соч., стр. 173.

¹⁵⁰ Там же, стр. 172.

¹⁵¹ Там же, стр. 174.

Разницы в степени развития общественных отношений кочевых и оседлых чукчей не было.

Общим для всех чукчей было наличие частной собственности на орудия труда и охоты, на оленей, байдары, вельботы, жилища, собак и общинной собственности на пастбищные и охотничьи угодья. Однако в начале XX столетия было немало случаев, когда богатые стадовладельцы фактически распоряжались пастбищами как собственностью. Никто не имел права прийти со своими стадами на ближайшие к богатому стадовладельцу места. В таких случаях право оставалось на стороне сильного, а сильным был богатый.

Среди оседлых чукчей известны случаи захвата отдельными лицами моржовых лежбищ, и хотя такие факты рассматривались как нарушение традиций, однако никто не смел выступить против захватчика. Его поддерживали шаманы. Они находили соответствующее оправдание этому действию. Такие захваты так или иначе признавались. В этих фактах сквозит тенденция такого общественного развития, которое все больше и больше порывало с первобытнообщинными принципами.

Едиными для той и другой группы чукчей были нормы обычного права. Среди обеих групп чукчей были распространены многоженство, часто опиравшееся на состоятельность, пережиточно сохранившиеся — групповой брак, левират, сорорат и некоторые другие институты.

Как видно, общественные отношения оленных и оседлых чукчей находились на одном и том же этапе развития.

Основной хозяйственной и общественной ячейкой у оленеводов была стойбищная община. Обычно она состояла из 2—4 семей, каждая из них занимала особую ярангу.

По экономическому состоянию стойбищные общины оленеводов не были однородными; не был однородным и социальный состав внутри такой общины. К концу XIX столетия определилось несколько отличных по социальной структуре типов стойбищных общин.

Распространенными были стойбищные общины, объединявшие семьи близких родственников — отца и его взрослых сыновей, родных, двоюродных братьев, дядю с племянниками и т. п. Обычно сыновья с отцом, братья оставались вместе, сохраняли единое хозяйство, когда их стадо состояло из нескольких сот оленей и не было необходимости дробить его. Это — середняцкие хозяйства.

Другую большую группу составляли стойбищные общины добровольно объединившихся мелких хозяйств, каждое из которых имело несколько десятков оленей. Часто это были люди посторонние или дальние родственники. В таких хозяйствах олени выпасались совместными усилиями. Экономически эти хозяйства были мало устойчивыми. Состав населения таких стойбищ не отличался

постоянством. Это были бедняки, которые в поисках лучшей доли часто разъединялись.

Оленные чукчи, писал Калинин, «кочуют даже не родством, а товариществами, сообразно количеству рабочих рук и оленей. Товарищества эти страшно непрочны: на зиму они устраиваются в одном соседстве, а на лето его меняют и пристраиваются к другому».¹⁵²

Иногда хозяйства, насчитывавшие несколько сот оленей и имеющие достаточное количество рабочей силы в семье, образовывали особое стойбище, которое могло состоять из одной яранги, одной семьи. Впрочем, такие стойбища были довольно редки, всегда находились родственники или более бедные соседи.

«Владельцы, имеющие стадо в 500 голов, — отмечал А. В. Олсуфьев, — могут кочевать совершенно самостоятельно, тогда как семейства с меньшим числом оленей соединяются по несколько вместе. Несколько ярангов таких бедняков, поставленных близко друг от друга, образуют стойбище, носящее у русских название чукотский лагерь. Старший годами в таком лагере, называемый эрмэчын, пользуется общим уважением, и ему повинуются беспрекословно...

«Эти стойбища чукоч не представляют, однако, постоянных общин; каждая семья совершенно свободно отделяется и перекочевывает со своими оленями в другое стойбище или же образует самостоятельное хозяйство».¹⁵³ Такие хозяйства составляли основную массу чукчей-оленьеводов. Те из них, которые стремились к независимости и самостоятельности, очень дорожили оленями, заботясь в первую очередь об умножении своего стада, поэтому они упорно занимались как сухопутной охотой, так и охотой на море, рыболовством.

Значительно меньшую часть оленьеводов составляли владельцы крупных стад. В их руках находилась основная масса оленей. Многие из них имели по несколько стад. Хотя они принадлежали одному хозяину, но выпасались раздельно. Иногда они находились одно от другого на довольно значительном расстоянии. В каждом стойбище богатого стадовладельца находился кто-нибудь из его родственников (сын, племянник), чаще одна из жен, а иногда и посторонние пастухи, пользовавшиеся особым доверием хозяина.

«Богатые чукчи, — писал А. В. Олсуфьев, — имеющие несколько тысяч оленей, не могут пасти их в одном стаде, а должны разделить их на несколько, каждое под надзором одного из членов семьи. Эти хозяева нередко нанимают в более бедных семьях пастухов, причем, подолгу не видя своих отдельных стад, отдают их всецело в распоряжение лиц, которым они их поручили».¹⁵⁴

¹⁵² Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 56.

¹⁵³ А. В. Олсуфьев, ук. соч., стр. 121.

¹⁵⁴ Там же.

Необходимо заметить, что Олсуфьев преувеличивал доверие хозяев пастухам. Полным доверием хозяина пастух начинал пользоваться лишь тогда, когда он на протяжении ряда лет своими трудами достаточно умножал порученное ему стадо. Обычно стойбище богатого стадовладельца состояло из яранги хозяина и яранг так называемых *нымтумгыт* — 'соседи по стойбищу'. Чаще всего это были малооленные семьи. Около хозяина большого стада «группировалось 2—3 юрты, имеющих незначительное количество оленей, а иногда и вовсе безоленных». ¹⁵⁵

Отношения в первых двух типах стойбищ были просты и ясны. Там, где были одни близкие родственники, все строилось примерно на равных началах, хотя они могли быть обладателями разного количества оленей (например, отец и сыновья).

В стойбищах, объединявших посторонних, совместными усилиями лишь выпасались олени, тогда как удовлетворение всех жизненных потребностей составляло заботу каждой семьи в отдельности.

По-другому складывались отношения богатого стадовладельца с его *нымтумгыт* — 'соседями по стойбищу', батраками. Здесь не было равных отношений ни в труде, ни в распределении продуктов труда. В качестве платы за труд пастух получал скромное питание для себя и своей семьи и минимальное количество шкур для одежды и обуви — и только. При равном труде пастухи получали разное вознаграждение. Так, семейный пастух получал мясо на содержание всей своей семьи, а холостой только то количество, которое нужно было для его пропитания. То же правило распространялось и на снабжение работников шкурами.

«Если пастух оказывается пригодным к делу и старательным, — отмечал Г. Майдель, — то ему доверяют часть стада в самостоятельное заведование. Жалованья он и на этом месте не получает, но по старинному обычаю может убивать столько оленей, сколько он считает необходимым для того, чтобы пропитать себя и одеться. С этого времени хозяин заботится об отданном стаде только в том отношении, что время от времени посещает его, чтобы убедиться в его хорошем состоянии и в соответствующем приросте». ¹⁵⁶

Наличие таких отношений между хозяином и работником поддерживалось не только исторически сложившимися традициями, но и тем, что количество малооленных или почти совершенно безоленных чукчей (эвенов, эвенков, юкагиров) было весьма значительным.

Богатые стадовладельцы всегда находили рабочую силу среди бедняков-оленоводов и выходцев из береговых поселков, особенно со второй половины XIX в., когда хищническое истребление мор-

¹⁵⁵ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 313, л. 34 об.

¹⁵⁶ Г. Майдель, ук. соч., стр. 158.

ских млекопитающих американцами приводило к частым голодовкам оседлое население. Тот же Майдель заметил, что «стадовладелец никогда не остается без пастуха, потому что предложение больше спроса».¹⁵⁷

В качестве пастухов крупные оленеводы нередко привлекали представителей других народностей: эвенов, эвенков, юкагиров, чуванцев, кереков. «Тунгусы в Колымском округе очень бедны, — писал в 1874 г. Ф. Августинович, — и стараются проживать вблизи чукчей, к которым поступают в услужение пастухами при их громадных стадах оленей, за что получают плату оленями».¹⁵⁸

Условия найма оленеводами пастухов нечукчей были те же, что и для пастухов чукчей. Пастух эвен или эвенк из отделенного ему богатым чукчей стада имел право «резать на пищу столько оленей, сколько сможет съесть, выбирая оленей по своему усмотрению. Мясом хозяйских оленей он мог угощать своих гостей, но не имел права продажи. Шкуры съеденных оленей шли также в пользу пастуха».¹⁵⁹ Никакой дополнительной платы ему не полагалось. Он довольствовался тем, что принадлежавшие лично ему олени в это время размножались.

«Я не могу иначе, как пролетарием считать ламута, — писал С. А. Бутурлин, — который ютится со своим семейством (а я встречал и 2—3 семьи в одной) в крошечной, изодранной и дырявой палатке среди тундры, не имея даже пары оленей для кочевания... Ему остается разыскать на тундре какого-либо «олениного» чукчу и за корм работать у него: возить дрова, смотреть за оленями и т. п.».¹⁶⁰

Условия найма пастухов не всегда были одинаковыми. В конце XIX в. потребность в пастухах, в частности по Анюю, возросла, и поэтому некоторые стадовладельцы, чтобы привлечь к себе работников, устанавливали сверх традиционного содержания плату в виде живых оленей. По наблюдениям В. Г. Богораза: «Многие бедные семьи поступают в услужение к одному из богатых соседей на несколько лет. Они весьма упорно трудятся и получают в качестве платы мясо для пищи и шкуры от стад своего хозяина. В награду за хорошее услужение можно рассчитывать на получение

¹⁵⁷ Там же, стр. 508.

¹⁵⁸ Ф. Августинович. Три года в Северо-Восточной Сибири. «Древняя и новая Россия», т. XVIII, № 12, 1880, стр. 713.

¹⁵⁹ Извлечение из отчета старшего советника Якутского областного управления Д. И. Меликова по командировке его в Колымский округ в 1893 г. «Памятная книжка Якутской области на 1896 год», стр. 37.

¹⁶⁰ Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С. А. Бутурлина. СПб., 1907, стр. 80. «Некоторые из кереков состоят пастухами у Туманских чукчей» (Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1 д. 1401, л. 50). «Среди соседей на стойбище, — писал В. Г. Тан-Богораз, — встречаются чужеплеменники, ламуты, юкагиры и даже изредка русские» (В. Г. Тан-Богораз. Классовое расслоение у чукок оленеводов, стр. 101).

от хозяина ежегодно до 10 телят».¹⁶¹ Такая плата, конечно, была мизерной. По ценам, тогда существовавшим, 10 телят стоили около 20 руб. серебром. Но и это надо считать шагом вперед.

Дополнительная оплата живыми оленями практиковалась, когда пастух работал у стадовладельца несколько лет. Обычно семьи бедных оленеводов на лето соединяли свои стада с такими же бедняками. Осенью они разделялись. На зиму некоторые из них присоединялись к богатому соседу, караулили его стадо и в том числе своих оленей. В виде вознаграждения за труд они получали шкуры и несколько оленей на мясо. В летнее время такие бедняки питались за счет рыбного и морского промысла, объединяя свои усилия с такими же бедняками. Следовательно, условия найма пастухов определялись также продолжительностью работы. Часто такие пастухи не жили у крупного стадовладельца больше одного сезона.

К началу XX в. частная собственность на оленей, эксплуатация в оленеводческом хозяйстве чукчей приобрела более определенный характер.

Каждый член семьи имел своих оленей в стаде. Даже младенец получал в подарок от отца одну или несколько важен, с особым клеймом, приплод от которых составлял его (ребенка) собственность. После смерти отца сыновья делили между собой стадо оленей, не отмеченных отцом для выдела определенному сыну или дочери.¹⁶² Подробно охарактеризовал частную собственность на оленей Г. Дьячков. «У новорожденных телят, — писал он, — вырезают на ушах выемки разной формы, определяющие принадлежность оленя тому или другому сыну. Если отец не успеет при жизни разделить табуны между детьми, то дети после смерти отца разделяют табун по вырезанным знакам. Подобные знаки вырезают не только для сыновей, но и для дочерей. Если хозяин табуна после смерти оставит грудного младенца или беременную жену и кто-либо завладеет его табуном, то оставшиеся после отца сын или дочь по достижении совершеннолетия имеют право отобрать отцовский табун».¹⁶³

Часто старшие сыновья отделялись при жизни отца, тогда все остальное имущество наследовал самый младший сын.

В начале XX в. изменилось отношение к пастухам, исчезает бывшая доверчивость стадовладельцев к ним. По наблюдениям Н. Ф. Калининкова, «... отец, выделивший взрослых детей со стадами в отдельные кочевья, не всегда соединяется с ними для летних и зимних кочев, даже если они живут в соседстве, а берет в товарищи совершенно чужих ему людей, обыкновенно бедняков, имеющих только упряжных оленей».¹⁶⁴

¹⁶¹ W. Bogoras. The Chukchee, I, p. 83.

¹⁶² В. В. Солярский, ук. соч., стр. 47.

¹⁶³ Г. Дьячков, ук. соч., стр. 55.

¹⁶⁴ Н. Ф. Калининков, ук. соч., стр. 81.

Как видно, богатые стадовладельцы предпочитали родственникам посторонних людей, что, несомненно, было выгодно им. Близкий родственник имел право на какую-то долю собственности хозяина, на хорошее жирное мясо, на красивые шкуры для одежды и т. п. Посторонний же пастух или дальний родственник в этой роли таким правом не пользовались. С ними было проще.

Основной производственной и общественной единицей оседлых чукчей, как уже сообщалось выше, была байдарная община. В прошлом состав ее членов совпадал с составом мужской части большой патриархальной семьи. Во второй половине XIX столетия произошли существенные изменения в характере производственных и общественных отношений оседлых чукчей. Разрушались патриархальные основы байдарной общины.

На базе одной патриархальной семьи нередко происходило образование двух байдарных объединений. Слабые семьи присоединялись для охоты к более сильным, так как сами они не имели байдар или не были в состоянии укомплектовать их полностью гребцами-охотниками, построить байдару. Производственное дробление патриархальных семей протекало также под влиянием распространения и широкого применения новых орудий и средств охоты (огнестрельное оружие, вельботы) и в связи с возрастающим вовлечением оседлого населения Чукотки в товарно-рыночные отношения.

«В настоящее время, — писал В. Г. Богораз, — во многих местах Тихоокеанского побережья американские вельботы вытеснили старые кожаные байдары. Число членов артели, необходимое для охоты на вельботе, меньше, чем при охоте на байдаре. Для вельбота довольно пяти-шести гребцов».¹⁶⁵

Дробление патриархальных семей прослеживается на изменении количества населения отдельных частей оседлых поселений чукчей. Например, в конце XVIII в. в с. Янран'ай проживало 2 патриархальных семьи. Соответственно в нем было две полуземлянки (к'легран), население которых состояло из 17 семей в узком значении этого термина. Следовательно, одна патриархальная семья объединяла 8—9 семей.

Место, занимаемое каждой патриархальной семьей, носило особое название.

К концу XIX столетия количество байдарных объединений увеличилось главным образом за счет дробления. При этом семьи (обычные, малые), входившие в них, занимали определенное место в поселке, которое имело особое название. Так, в том же с. Янран'ай их уже стало 11: Нымын — имелось 4 яранги (4 семьи), у них была 1 байдара; Пэкъумин — 2 яранги, 1 байдара; Тынопран — 4 яранги, 2 байдары; Этчыпэн — 3 яранги, 1 байдара;

¹⁶⁵ В. Г. Богораз - Тан. Чукчи, ч. I, стр. 154. То же наблюдал и автор на месте в 1932 г.

Н'анэран — 2 яранги, 1 байдара; Нымынвык'ай — 2 яранги, байдары не имели; Кунъэнэн — 2 яранги, байдары также не имели; Кэвъятран — 4 яранги, 1 байдара; Энмыран — 5 яранг, 1 байдара; Кыйыпэск'ын — 4 яранги, 2 байдары; Гырготлан — 6 яранг, 2 байдары.¹⁶⁶

Как видно из этого перечня, одна байдара приходилась в среднем на две-три яранги жителей, т. е. на две-три семьи. В то же время некоторые группы семей байдар не имели. На сезон охоты они присоединялись к какой-нибудь общине. Например, в с. Янран'ай жители Кунъэнэн входили в состав общины жителей Кэвъятран и т. п.

То же можно проследить в других населенных пунктах Чукотского побережья.

Отмеченные явления характерны для периода перехода от патриархальной общины к соседской, территориальной, в основе производственных отношений которой преобладает частная собственность на основные средства производства, промысел индивидуализируется, соответственно закрепляется неравное распределение продуктов добычи. Так складывались условия для дробления патриархально-семейной общины на более мелкие коллективы, отдельные семьи.

Наглядным отражением этого процесса явилось изменение размеров и типов жилищ. У оседлых чукчей во второй половине XIX в. вышла из употребления полуземлянка — *к'легран*, жилище большой патриархальной семьи. Вместо нее появились яранги, в каждой из которых проживала одна обычная (малая) семья. Однако яранги близких родственников ставились на земле патриархальной семьи, т. е. там, где прежде находилась полуземлянка (*к'легран*) и другие постройки.

У оленеводов уменьшились размеры яранг. Вместо нескольких спальных пологов под одним шатром, как это было прежде, стали ставить только один. Яранга оленеводов также превратилась в жилище обычной (малой) семьи.

Уменьшились размеры байдар; больших, поднимавших до 30 человек, почти не строили. Байдары оседлых чукчей, писал Н. Ф. Калинин, строились в соответствии с наличным количеством рабочих рук в семье.¹⁶⁷ Кроме того, во многих случаях байдару заменил вельбот.

Изменение орудий и средств охоты вызвало изменение приемов промысла. При меньшем количестве участников коллективной охоты результаты ее не снизились.

Уравнительный характер распределения добычи заменился неравным. Новый порядок распределения прежде всего распростра-

¹⁶⁶ По материалам, собранным автором на месте в 1932 г.

¹⁶⁷ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 116.

нился на товарную часть промысла (моржовые клыки, китовый ус, шкуры).

Состав членов байдарных общин стал менее постоянным, изменялся характер их производственной и общественной спаянности.

Производственная деятельность байдарных общин, т. е. коллективная охота, в конце XIX—начале XX столетия протекала в основном лишь во время сезона морской охоты (лето—осень).

Байдарная община составлялась из мужчин и молодых людей — представителей малых (обычных) семей, преимущественно родственников. В другие сезоны каждая (обычная) семья вела свое индивидуальное хозяйство самостоятельно, она имела свой склад (яму), в котором хранились ей принадлежащие запасы мяса и жира морских животных. Впрочем, нередко такие склады были общими у отца с сыном, который уже имел свою семью, у родных братьев и т. п. В близкородственных семьях бытовала тесная взаимопомощь, которая иногда распространялась и на других соседей. В случае нужды члены байдарной общины могли обратиться за помощью к ее старшине — «байдарному хозяину». Обычай обязывал его оказать таковую.

Аналогичные обычаи сохранялись и в более развитых обществах.¹⁶⁸

Байдарная община состояла из гребцов (4—6 человек), гарпунера-стрелка и *ытвэрмэчын* — 'старшины' (буквально 'байдарный силач', 'хозяин'). Таков обычный состав общины. Как правило, гарпунером-стрелком был сын или другой близкий родственник *ытвэрмэчын*. Гребцы могли быть и не родственниками ему.

Отношения внутри такого производственного объединения покоились на частной собственности на средства и орудия охоты (вельбот, байдара, гарпун, ружье и т. п.). По традиции некоторое значение имели родственные отношения членов общины.

Материальная обеспеченность, общественное положение охотника определялись его отношением к основному средству охоты — байдаре (вельботу) и ролью, которую он выполнял в байдарной общине. От этого зависело получение той или иной доли добычи.

К концу XIX в. байдарные общины чукчей, как и отношения внутри их, не были однородными, особенно в больших селениях. К этому времени сложились два основных типа байдарных общин,

¹⁶⁸ «Землевладелец, — писал Ф. Энгельс о сельском населении Ирландии, — у которого крестьянин арендует землю, представляется последнему все еще своего рода вождем клана, обязанным распоряжаться землей в интересах всех; крестьянин полагает, что уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь. Там считают также, что всякий более богатый человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь — не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному члену клана от более богатого или от вождя клана» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 133).

производственные отношения внутри которых были неодинаковы. Наиболее распространенным типом были байдарные общины, объединявшие в основном родственников по мужской линии. «Байдарная артель, — писал В. Г. Богораз, — составляется из ближайших родственников владельца байдары. Это нечто вроде семейно-кооперативной группы. Члены артели охотятся вместе и поровну делят между собою добычу».¹⁶⁹

Чаще такие байдарные общины встречались по побережью Ледовитого океана, где населенные пункты были малочисленны. Они состояли, как правило, из близких родственников. Вместе с тем в морском промысле этих артелей принимали участие бедные оленеводы, проводившие лето на побережье океана. Распределение нетоварной части добычи было относительно равномерным. Продукция промысла, имевшая товарное значение, распределялась по усмотрению владельца байдары — *ы'твэрмэчьын*. Основная часть ее переходила к нему и его ближайшим родственникам.

Двойственный характер использования продуктов промысла — потребительский и товарный — способствовал развитию неопределенных скрытых форм эксплуатации.

Наряду с новыми правилами распределения продуктов промысла действовали и старые, на основе традиций. Некоторые из них косвенно способствовали укреплению частной собственности, эксплуатации.

Владелец байдары был обязан проявлять заботу о всех семьях общины, в случае нужды наделять их мясом, жиром, содействовать, чтобы оно было у всех в достатке, чтобы у них были шкуры на одежду, обувь и жилье. Он также должен был содержать в порядке байдару (прожиривать, менять кожи и т. п.). Все это создавало условия для присвоения хозяином байдары большей части добычи, особенно шкур моржей, жира. Рядовые члены общины признавали за *ы'твэрмэчьын* такое право присвоения, но в то же время считали его обязанным проявлять о них заботу. Спрос на те же продукты на рынке стимулировал еще большее их присвоение хозяином байдары, превращение их в товар.

Некоторые правила распределения добычи, освященные религиозными традициями, также помогали присвоению старшиной байдарной общины большей и лучшей доли добычи, они также способствовали укреплению частной собственности, развитию эксплуатации. Например, все моржовые головы вместе с клыками хранились до осеннего «праздника голов» у хозяина байдары. Никто из членов байдарной общины не имел на это права.

Таким образом, здесь мы сталкиваемся со сложным переплетением старых обычаев с пробивающими себе дорогу новыми производственными отношениями.

¹⁶⁹ В. Г. Богораз - Тан. Чукчи, ч. I, стр. 154.

В конце XIX в. байдара составляла частную собственность чаще одного и лишь иногда нескольких совладельцев близких родственников.

«Если хозяин не настолько богат, чтобы запасти весь необходимый материал для сооружения байдары, — отмечал В. Г. Богораз, — то ему помогают в этом двое-трое из его родственников, обычно родные или двоюродные братья. Тогда они все вместе считаются „байдарными хозяевами“. Старший из них сидит на руле и распоряжается охотой».¹⁷⁰

Если умирал хозяин байдары, она переходила по наследству к его сыну. Сын наследовал от отца и право быть байдарным старшиной.

Неизвестно ни одного факта, когда байдара находилась бы в коллективной собственности пользующихся ею охотников, хотя изготавливали они ее все вместе.

Право наследования у чукчей отображало прочное существование частной собственности и на байдару.

Какими данными пользовался М. И. Куликов, утверждая, что байдара «принадлежала группе лиц — тем, кто ее соорудил и на ней охотился»,¹⁷¹ к сожалению, он не сообщает.

Распределению между участниками охоты, помимо шкур, моржовых клыков, китового уса, подлежали мясо и жир моржа, иногда и лахтака. Тюлени принадлежали тому, кто их добыл. Однако обычай требовал, чтобы охотник, если в этом была нужда, наделил мясом, жиром всякого, кто обращался к нему, хотя бы небольшим куском. Мясо и жир моржей, лахтаков делились между членами байдарной артели примерно поровну. Мясо и жир кита (за исключением языка, печени и некоторых других частей) не делились. Каждый брал столько, сколько мог перенести в свою яму. Кроме участников охоты, мясо и жир кита могли брать все жители поселка.

Лишь после «праздника голов» моржовые клыки делились между родными и двоюродными братьями хозяина, участниками промысла».¹⁷² Другие члены общины, не родственники, обычно гребцы, получали только жир «из-под моржовых усов».¹⁷³

В распределении шкур моржей существовал следующий порядок. Шкуру первого убитого моржа получал хозяин байдары, шкуру второго — гарпунер-стрелок. Гребцы получали по одной-две шкуры за весь сезон, по усмотрению хозяина. Все остальные шкуры моржей он брал себе, часть получал стрелок.

В начале XX столетия старый порядок распределения добытых лахтаков был значительно изменен. Хозяин байдары устанавливал очередность выстрелов для всех охотников, находящихся

¹⁷⁰ Там же, стр. 155.

¹⁷¹ М. И. Куликов, ук. соч., стр. 159.

¹⁷² В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 158.

¹⁷³ Там же, стр. 158.

в байдаре. Кто убивал зверя, тому и принадлежала шкура, а мясо делилось между всеми.

Распределение частей кита велось также по особым правилам. Кости от челюстей, из которых выпиливались подрези для полостей нарт, доставались тому, кто первый замечал в море кита.¹⁷⁴ Весьма неравномерным было распределение китового уса (ср. стр. 178).

Индивидуализация морского промысла в связи с применением скорострельного нарезного оружия породила присвоение значительной доли добычи охотником. Однако и при этом все еще действовали обычаи, требовавшие делиться с товарищем, односельчанами. В таких случаях действовали правила, общие для всех чукчей.

Необходимость поделиться с товарищем практиковалась обычно в наиболее трудное для промысла время года, когда уже истощались летние запасы.

Охотник брал себе целиком тушу моржа или лахтак лишь в том случае, если во время добычи никого вблизи не было. Если же были другие охотники, то каждый из них имел право получить известную долю. Правило дележа было таково: если убит лахтак, охотник брал себе шкуру, голову и обе лопатки; первый пришедший на место добычи получал тазовую часть, второй — правый задний ласт, третий — левый задний ласт, четвертый — грудинку, нижнюю часть ребер с полосой жира, нарезанной кругом всей туши; другие ребра делились между пришедшими позже. Самые последние получали по куску мяса.

При дележе туши моржа охотник брал себе шкуру, голову и спину с жиром. Все остальное мясо делилось между присутствующими.¹⁷⁵

В производственных отношениях оседлого населения Тихоокеанского побережья Чукотки общественные отношения подверглись более глубоким изменениям. Здесь частная собственность на средства охоты была более наглядна и ощутима, чем на побережье Ледовитого океана. В 1908 г. имевшиеся у чукчей и сибирских эскимосов 101 вельбот и 5 моторно-парусных шхун составляли собственность отдельных лиц. Некоторые из чукчей имели по 2 вельбота или вельбот и байдару. Здесь состав байдарных общин был менее постоянным. «Выйдя по окончании осеннего промыслового сезона из одной артели, — писал В. Г. Богораз, — охотник может в начале следующего лета присоединиться к другой, или, если у него „большая удача“, он может построить или купить новую байдару и составить свою артель из числа родственников и друзей».¹⁷⁶

Н. Ф. Калинин вообще считал, что общинные начала у оседлых чукчей утратили свою основу. «Некоторый намек на общину, —

¹⁷⁴ Там же, стр. 157.

¹⁷⁵ Там же, стр. 157—158.

¹⁷⁶ Там же, стр. 156.

писал он, — можно видеть в обычае береговых чукчей делиться между собою плодами добычи. Однако этот обычай распространяется только на мясо, а не на меха, кожи, ус, привозные товары и носит скорее характер угощения, чем обязательного дележа». ¹⁷⁷ Очевидно разрушение общинных начал у приморских чукчей зашло далеко, байдарная община распадалась.

Владелец лишней байдары или вельбота часто отдавал их в пользование кому-нибудь из односельчан. В таких случаях создавалась временная байдарная артель под руководством того, кто брал на себя ответственность перед хозяином за предоставленный вельбот или байдару. Этот охотник считался старшиной данной артели. В. Г. Богораз полагал, что за пользование байдарой не взималось никакой платы даже в тех случаях, когда охота была удачной. Видимо, эти отношения между хозяином и арендовавшим байдару были не столь бескорыстны. Известно, что хозяин байдары или вельбота часто сам не выходил на охоту, однако соответствующий пай от добычи ему причитался и он имел право его всегда получить.

Никаких договорных отношений хозяина вельбота (байдары) с посторонним гребцом не было. Гребец получал долю добычи.

Наиболее предприимчивые хозяева байдар в начале XX в. уже обзавелись собственными шхунами, команда на которых была из местных жителей. Однако и в этом случае определенных отношений нанимателя с командой шхуны чукчи и сибирские эскимосы не выработали. Определенной установленной заработной платы команда не получала. Работа была не постоянной, а сезонной.

Таким образом, здесь мы сталкиваемся снова с неразвитой, опутанной старыми бытовыми, религиозными и другими пережитками эксплуатацией.

В общественных отношениях оседлых и кочевых чукчей к началу XX столетия более отчетливо выделились экономические признаки социальных групп, тогда как идеологических разграничений между ними по существу еще не было. Они только начинали зарождаться. Поэтому классового самосознания также не было, хотя богатые стадовладельцы, собственники вельботов, шхун уже противопоставляли себя беднякам. Этому немало содействовало самодержавие. Стремясь укрепить свои позиции на окраинах, царское правительство опиралось на богатей, поддерживало их, оказывало им покровительство. Все старосты назначались из числа богатых. Вот что писал колымский исправник барон Г. Майдель в своем отчете о поездке к чукчам в 1868—1869 гг. «С большей частью посетителей я лично не знакомился; Амраургын полагал, что это были совершенно бедные, простые люди, с которыми вовсе не стоило церемониться». ¹⁷⁸

¹⁷⁷ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 82—83.

¹⁷⁸ Г. Майдель, ук. соч., стр. 175.

В этом признании выражено откровенное высокомерие и чванство чиновника барона Майделя. Не менее откровенно было поведение Амраургына по отношению к своим единоплеменникам беднякам. У Майделя и Амраургына в отношении бедняков проявились общие классовые черты, которые роднили барона с чукотским богачом эрымом.

У чукчей можно выделить следующие социальные группы.

1. Бедняки в среде оленеводов и приморских охотников. Они располагали меньшей долей частной собственности в виде оленей, собак, орудий рыболовства и охоты. При имеющихся у них средствах производства они не были в состоянии прокормить себя и свою семью. Поэтому оленеводы-бедняки вынуждены были работать пастухами у богатых стадовладельцев зимой, а летом нередко гребцами в байдарных артелях или искать себе пропитание рыболовством; бедняки из оседлых на сезон охоты — гребцами на байдарках, матросами на китобойных шхунах. За счет их пополнялись кадры пастухов у богатых стадовладельцев.

2. Середняки-олeneводы, обеспеченные минимумом оленей, способные существовать за счет своего хозяйства. Они, с одной стороны, пополняли среду бедняков, когда нарушалась устойчивость их хозяйств (при гибели хотя бы части оленей), с другой — могли при благоприятных условиях подняться до уровня богачей.

Середняки — оседлые рядовые охотники, обеспеченные орудиями морского зверобойного промысла для индивидуальной охоты (оружие, сети и т. п.), состоящие членами байдарных общин, основанных на родственном принципе.

3. Богачи — крупные стадовладельцы и торговцы одновременно. Они систематически эксплуатировали в своем хозяйстве бедняков-пастухов, посторонних и родственников.

Богатые владельцы вельботов, байдар, шхун занимались также посреднической торговлей. Они эксплуатировали бедных родственников и неродственников гребцов на промысле и других работах, в частности связанных с производством торговли.

Хотя экономическое развитие чукотского хозяйства испытывало влияние капиталистического уклада, однако в производственных отношениях различных социальных групп чукчей еще не сложились определенные классово выраженные отношения.

Возникает вопрос, развилось ли чукотское хозяйство до уровня товарно-капиталистического производства? На этот вопрос мы должны ответить отрицательно, ибо чукотское общество представляло массу отдельных мелких общин, в которых индивидуальное хозяйство и индивидуальное производство сочетались с общинным хозяйством и коллективным производством. Для чукчей было характерно переплетение частной и общинной собственности на средства производства. У них не сложились еще развитые формы частной собственности. В собственности отдельных лиц находилось лишь движимое имущество.

На основе развивающейся частной собственности развивалась эксплуатация как среди оленеводов, так и среди приморских охотников. Однако эксплуатация также носила неразвитый, скрытый характер. Полного отрыва производителя от средств производства у чукчей не было. Каждый бедняк, работник в оленеводческом хозяйстве богатого стадовладельца имел и своих оленей, каждый оседлый чукча имел свои орудия морской охоты. Рабочая сила у чукчей еще не превратилась в товар. Здесь не было договорных отношений между хозяином и работником, не было никакой регламентации труда и его оплаты. Работа по найму была преимущественно сезонной. Каждый работник был свободен и в любое время мог уйти, отделиться от своего хозяина.

Удовлетворение ряда жизненных потребностей большинство чукчей получало за счет продуктов собственного производства и охоты. Следовательно, в этот период (конец XIX в.) у чукчей еще не сложились необходимые условия для широкого товарного производства, оно имело узкую сферу распространения.

Известно, что товарное производство предшествовало капиталистическому, известно также, что товарное производство перерастает в капиталистическое тогда, когда рабочая сила выступает как товар, который покупает капиталист и эксплуатирует в своем производстве.

Ни капиталистической частной собственности на средства производства, ни капиталистической эксплуатации, ни поступления рабочей силы как товара на рынок у чукчей не было. Не было, следовательно, и товарно-капиталистического производства, сколько-нибудь сложившихся капиталистических отношений. Они только зарождались.

В новых условиях жизни все еще сохранялись обычаи старых, отживающих отношений — слабые пережитки группового брака, левират, отработка за жену, многоженство и другие. Их бытование находило еще опору и объяснение в пережиточно существовавших общинных формах производства, которые были жизненно необходимы, диктовались условиями добычи основных средств к существованию (оленеводство, морской промысел).

По сведениям В. Г. Богораза, в конце XIX в. групповой брак охватывал почти все семьи чукчей.¹⁷⁹ В такие отношения вступали хорошо знакомые люди, друзья, соседи и родственники, чаще двоюродные и троюродные братья. «Семья, не входящая в такой союз, — отмечал он, — не имеет ни друзей, ни доброжелателей, ни покровителей в случае нужды». Таким образом, люди, находившиеся в отношениях группового брака, обязаны были оказывать взаимно трудовую, материальную и общественную помощь и под-

¹⁷⁹ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 135—139; Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 85.

держку. В этом были причины сохранения группового брака в начале XX в.

Родство по групповому браку считалось таким же близким, как кровное родство. Поэтому дети, родившиеся в семьях, состоящих в отношениях группового брака, считались родными братьями и сестрами. Они не могли вступать между собою в брак. Существовали особые термины для обозначения жен отца, но не «моей» матери — ытлалк'ыл (то же, что мачеха) или н'автомгытля (от н'эвтумг/н'автомг — основа слова 'товарищ по жене' плюс ытля — 'мать'). Мужей матери, но не «моего» отца, в семье которого «я» живу, «я» называю ытлыгылк'ыл (то же, что отчим) или н'эвтумгытлыгын. Сын н'эвтумгын — «моих» родителей (я м.) — йичемиттумгылк'ыл ('назначенный быть родным братом'). Дочь н'эвтумгын — «моих» родителей (я м.) — чакэттылк'ыл ('назначенная быть родной сестрой') или н'автомгычакэттылк'ыл. Сын н'эвтумгын — «моих» родителей (я ж.) — йичемиттумгылк'ыл ('назначенный быть родным братом') или н'эвтумгийичемиттумгын. Дочь н'эвтумгын — «моих» родителей (я ж.) — чакэттомгылк'ыл ('назначенная быть родной сестрой') или н'автомгычакэттомгын.

Эти термины родства по групповому браку разграничивали кровное родство от родства по брачному союзу.

Право наследования распространялось на детей, родившихся только в семье, которой принадлежало имущество. Оно не распространялось на детей от группового брака в других семьях. Это — одно из ограничений функций группового брака.

Общих средств производства, имущества члены н'эвтумгын не имели. Они не создавали производственных коллективов. В экономических отношениях н'эвтумгын господствовали отношения, опиравшиеся на частную собственность.

Функции группового брака больше сохранялись в моральных устоях, но не в экономических отношениях чукчей.

Обычай левирата,¹⁸⁰ сохранившийся среди чукчей, имел экономическую подоплеку. Часто он носил характер не только права, но и обязанности.

Овдовевшая женщина с малолетними детьми оказывалась в тяжелом положении. Вести хозяйство самостоятельно, выпасать оленей или охотиться на море она не могла. Ей нужна была постоянная помощь и опека. Обычай предусматривал обязанность одного из ближайших родственников, либо младшего брата, либо двоюродного брата умершего взять на себя обязанности мужа овдовевшей женщины и отца для детей.

Многоженство в большинстве случаев составляло привилегию богатых стадовладельцев и хозяев байдар.¹⁸¹ Распространение его

¹⁸⁰ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 139—140.

¹⁸¹ Там же, стр. 133; Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 84.

чаще всего вызывалось экономическими причинами, что подчеркивали все наблюдатели, в том числе и более ранние. Так, Майдель писал: «Вероятно из практических расчетов многоженство является исключением, а одноженство — правилом».¹⁸²

«Если я владею одним стадом, — сообщали чукчи В. Г. Богораза, — мне нужен один шатер и одна жена, однако если у меня два стада, я должен иметь два хозяйства и по женщине в каждом из них». Были и другие причины многоженства — бездетность первой жены, желание иметь сыновей и т. п.

Бедняк, конечно, не мог содержать двух жен. Многоженство было распространено среди зажиточной части чукчей. По подсчетам В. Г. Богораза, число мужчин, имеющих двух и больше жен, достигало пятнадцати процентов к общему количеству женатых людей, тогда как богатых оленеводов, имеющих два стада и больше было всего около трех процентов. Отсюда можно сделать вывод, что многоженство вызывалось не только экономическими причинами. Так, одним из источников его служил обычай левирата.

Случаи многоженства у приморских чукчей были более редки, чем у оленеводов.

Подробно описанный и хорошо известный по литературе обычай отработки за жену¹⁸³ был распространен среди чукчей повсеместно. Бытование его во второй половине XIX — начале XX столетия оправдывалось не только традицией. К этому уже заметно примешивалась заинтересованность в использовании бесплатного труда. Отец невесты, если у него было стадо оленей, всячески оттягивал совершение брачного обряда, так как тогда он терял бесплатного пастуха, у оседлых — добытчика.

По общему мнению всех наблюдателей, отработка за жену была тяжким трудом, особенно продолжительным для бедняков, добывавшихся руки дочери стадовладельца или богатого хозяина байдары. Иногда отработка длилась два-три года. Такие случаи были одинаково распространены среди кочевых и оседлых чукчей.¹⁸⁴ Отработка могла закончиться безрезультатно, при этом сватавшийся не получал никакого вознаграждения за свой труд. У оседлых чукчей отработывавший за невесту не только трудился по дому, но охотился и всю добычу приносил будущему тестю. У оленеводов он пас оленей: «Все это время, — писал В. Г. Богораз, — жениху приходится очень тяжело. Он встает утром раньше всех и ложится спать поздно ночью. Часто ему даже не дают места в спальном пологе, и он ночует в переднем шатре или под открытым небом. Большую часть времени он проводит около стада. Он носит тяжести, таскает нагруженные нарты, чинит всю домашнюю утварь. Он должен угождать отцу невесты, ее старшим братьям и всем родственникам-мужчинам. Если кто-нибудь из старших чле-

¹⁸² Г. Майдель, ук. соч., стр. 162.

¹⁸³ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 119—124.

¹⁸⁴ Там же, стр. 124 и 140.

нов семьи выскажет ему свое недовольство или даже обругает его, он должен терпеливо снести брань и даже согласиться с упреком, выказав при этом почтительность».¹⁸⁵

Другое дело, когда сватался молодой человек из богатой семьи к девушке из бедной семьи. В таких случаях отработка носила чисто символический характер, могла длиться не более дня.

Отработка за вторую жену была вовсе необязательной, особенно для богатых стадовладельцев.¹⁸⁶

Во всех случаях сватовства согласие невесты было необходимо.

Положение женщин у чукчей отличалось свободой и известной независимостью. Об этом писал В. Г. Богораз, который сообщил ряд характерных для чукотской жизни примеров.¹⁸⁷

Нередко девушки и молодые бездетные женщины исполняли «мужские работы». Они пасли оленей и зимой и летом¹⁸⁸ и даже принимали участие в морском зверобойном промысле.

«Когда мало рабочих рук, — писал Н. Ф. Калинин, — они (женщины, — И. В.) берутся в качестве гребцов на байдары для промысла, и я даже встречал таких, которые с ружьем и уколom вели все промыслы самостоятельно, начиная от охоты на белого медведя. Случаются такие явления преимущественно в семьях престарелых родителей, у которых не оказалось сыновей».¹⁸⁹

В семьях разных социальных групп чукчей разным было положение женщин. Оно было довольно принижено в семьях богатых многоженцев, особенно положение второй и третьей жены. Другое дело — в семьях рядовых тружеников. Здесь женщины принимали участие в решении хозяйственных и общественных дел семьи наравне с мужчинами. «Женщина во многих отношениях чукотского быта, — сообщал Н. Ф. Калинин, — почти равноправна мужчине, и если нет старика в доме или он отсутствует, доминирующую роль занимает старуха мать».¹⁹⁰

Вообще, по мнению того же автора, чукча во всех важных вопросах жизни советуется со всеми членами семьи и, конечно, с женой.

Участие женщин в промысле, выпасе оленей, в решении важных хозяйственных и бытовых вопросов — явление, порожденное распадом патриархальных отношений.

* *
*

На протяжении второй половины XIX—начала XX в. произошли новые изменения в поступательном развитии производительных сил и производственных отношений чукчей.

¹⁸⁵ Там же, стр. 123.

¹⁸⁶ Г. Майдель, ук. соч., стр. 164.

¹⁸⁷ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I, стр. 100—101.

¹⁸⁸ Там же, стр. 99.

¹⁸⁹ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 94.

¹⁹⁰ Там же, стр. 87.

До этого у них преобладали отношения, характерные для патриархально-семейной общины. В основе их были коллективная собственность на пастбищные и охотничьи угодья, на основные орудия труда (байдары), жилище, коллективный труд (охота, выпас оленей) и соответственно уравнилельный порядок распределения продуктов.

Однако под влиянием торгового капитала, все больше и больше вовлекавшего основные отрасли их хозяйства в сферу товарного обращения, в результате появления более совершенных орудий менялись и отношения.

Этот период характеризуется дальнейшим развитием частной собственности, нарастанием имущественного неравенства, более отчетливым формированием социальных прослоек.

Эксплуатация богатыми стадовладельцами бедняков-оленоводов, хозяевами байдар, вельботов, шхун — бедняков-охотников приобрела в начале XX в. широкое распространение.

Наиболее отчетливо черты эксплуатации проявились в оседлых поселениях побережья Берингова моря, у оленоводов Приколымья и Прианадырья, в пунктах более частого соприкосновения с русскими и иностранными торговцами.

Патриархальная семья как основная производственная и общественная единица чукчей утратила свое основное экономическое и социальное значение. Она уступила место соседской общине, в основе производственных отношений которой лежало сочетание частной собственности на основные средства производства с общинной (пастбища и охотничьи угодья), преобладание индивидуального труда и неравное распределение продуктов его.

Для данного периода характерно сочетание частной собственности с пережитками первобытнообщинных элементов, утрата былой силы и значения родственных связей. Их заменили связи соседские. Нарушилась родственная целостность стойбищ оленоводов, селений оседлых и их подразделений, что было вызвано перемещениями населения.

Вместе с тем все еще продолжали бытовать пережитки прошлого, причудливо переплетавшиеся с новым как в области материального производства (байдары, нарты, скрепленные только ремнями, каменные скребки для выделки шкур, каменные молотки и чаши для дробления костей и мерзлого мяса и т. д. и т. п.), так и в области мировоззрения (наивно-примитивные представления о строении вселенной, светилах, о происхождении человека и т. п.).

В хозяйственной деятельности чукчей, в их домашней и общественной жизни бытовали элементы далекого прошлого. Но наряду с ними уже отчетливо проступали черты нового в производстве, производственных отношениях, быту, характерные для складывающегося классового общества.

Общий уклад жизни чукчей, бытовая обстановка накануне Великой Октябрьской социалистической революции оставались в основном теми же, какими они были в конце XIX—начале XX в. У чукчей-оленьеводов и оседлых приморских охотников сохранялись архаические формы хозяйства, что накладывало свой отпечаток на весь уклад жизни, идеологию.

Общественные отношения характеризовались разложением первобытнообщинного строя с большим количеством пережитков прошлого.

В быту действовали традиции, сложившиеся очень давно, которые поддерживались благодаря отсталым формам хозяйства. Новое проникало и распространялось очень медленно. Повседневная жизнь оленеводов-кочевников была подчинена основной задаче — уходу за стадом оленей.

Жилище, домашняя утварь, средства передвижения — все было приспособлено к кочевому образу жизни, на всем лежал отпечаток неприхотливости, простоты и в то же время исключительной приспособленности к суровым условиям природы.

Яранга со спальным пологом служила укрытием от стужи и дождя. Такое жилище давало лишь минимум элементарных удобств для отдыха ее обитателей. Полог — это и спальное помещение, и столовая, здесь же сушились одежда и обувь. Пологи оленеводов, сшитые из шкур оленей мехом внутрь, имели 5—8 м². Семья в 5—6 человек занимала всю его площадь, где члены ее могли только лечь, вытянувшись во весь рост. Никакой мебели, никакого убранства в пологе не было. Жирник (светильник) с подставкой для него был единственным обязательным предметом, который стоял у задней стены полога. Он давал тепло и свет, а при необходимости на нем можно было приготовить пищу, согреть воду. Как правило, зимой пологом пользовались только в ночное время. Днем, как бы ни было холодно, все, не исключая грудных младенцев и стариков, находились в холодной части яранги (чоттагыи) или на улице. Зимой на день полог снимался, выносился на улицу, вымораживался.

Постелью служили шкуры оленей.

Зимняя одежда и обувь, летняя одежда и частично обувь шились из шкур и кожи оленей.¹⁹¹

В домашнем обиходе чукчей использовались еще некоторые виды каменных и костяных орудий: каменный молоток и каменная наковальня (плита) для дробления оленьих костей (из которых затем вываривался костный жир, употреблявшийся для освещения и в пищу) и размельчения мерзлого мяса, кусков жира; каменные скребки для выделывания кожи; костяные лопаты; костяные мо-

¹⁹¹ Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 67—74.

тыги для выкапывания съедобных корней и т. п. Несложной и немногочисленной была и посуда. Медный котел, в котором варилося мясо, и чайник — обязательные принадлежности каждой семьи. Деревянное блюдо (кэмэн'ы), несколько жестяных и фаянсовых чашек с блюдами дополняли скромный набор посуды чукотской семьи.

Маленький, на низких ножках (до 20 см) столик или просто доска, а иногда перевернутое вверх дном блюдо служили чайным столом. Кое-где уже появилась эмалированная посуда: тазы, чашки, кастрюли, тарелки.

Во время еды и чаепития чукчи сидели на разостланных шкурах, со скрещенными ногами, скорчившись, или лежали на животе.

Все имущество оленеводов — лишняя одежда, шкуры, запасы мяса и т. п. хранились и перевозились на грузовых нартах.

Основным продуктом питания служило мясо оленей. В летнее время прибавлялась рыба, а иногда мясо и жир морских животных. В течение лета и осени чукчанки заготавливали несколько видов корней, листьев ивы и других растений, которые употреблялись вместе с мясной пищей.

Те кочевники, которые чаще бывали на берегу моря, встречались с торговцами, покупали чай, немного сахара и муки. Они питались два раза в день — утром и вечером. Основное питание было вечером.

Бытовая обстановка и условия жизни оседлых чукчей несколько отличались от обстановки и условий жизни оленеводов. У них была та же яранга, только значительно больших размеров. Помимо полога, в ней находились кладовые для хранения имущества, запасов пищи на ближайшее употребление. Покрывалась она шкурами моржей (не везде). Полог шился также из шкур оленей, но мехом наружу и значительно больших размеров (до 24 м²). В нем горело по 3—5 жирников. Для лучшего сохранения тепла на зиму полог обкладывался сверху и с трех сторон (кроме входной) связками сухой травы. В обиходе оседлых чукчей было значительно больше разных покупных предметов быта и культуры. Некоторые из них имели примусы, ведра, наборы эмалированной посуды, вилки, ложки, будильники, патефоны (наиболее зажиточные), кое-что из одежды фабричного производства.

В основном все чукчи одевались в одежды глухого покроя из шкур оленей зимой и тюленей в другие сезоны года. Одежда и обувь были хорошо приспособлены к местным климатическим и другим условиям. Так, мягкая обувь была удобна при ходьбе по неровной местности, кочковатой тундре, торосистому льду и т. п.

Питались оседлые чукчи преимущественно мясом морских млекопитающих, однако в их жизнь больше, чем у оленеводов, начали входить привозные продукты — мука, крупа, чай, сахар, галеты и т. п.

В культуре чукчей преобладали устои и представления, сложившиеся в эпоху развития первобытнообщинного строя. Изолированность от систематического влияния русского народа способствовала консервации культурной отсталости чукчей. Царское правительство не делало почти ничего для развития культуры населения этой окраины империи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что у чукчей сохранялось отсталое мировоззрение.

Первая школа для чукчей была создана лишь в 1916 г. Больше всего архаических черт культуры сохраняли оленеводы центральных областей Чукотки. Многие из них годами не видели русского человека, не слышали русской речи. Буквально несколько человек едва умели объясниться по-русски. Таким образом, культура чукчей в основном носила те же черты, которые были свойственны ей в XIX в.

Положительные знания народа, выработанные на протяжении многих веков, в первую очередь наиболее отчетливо проявлялись в основных отраслях производственной деятельности — в оленеводстве, морском зверобойном промысле, охоте и рыболовстве. Непосредственная и повседневная связь с природой, кочевая жизнь оленеводов, выходы зверобоев далеко в море содействовали развитию способности ориентироваться на местности не только по солнцу и звездам, но также по направлению ветра; по расположению снежных надувов (застрогов), поведению птиц и зверей и по ряду других признаков определять довольно точно погоду на ближайшие сутки. Зверобои, которым зимой приходилось уходить далеко от берега к кромке льда, выработали ряд приемов определения возможного направления ветра, состояния движения льда. Сильный ветер с берега мог оказаться пагубным для охотника, далеко ушедшего в море.

Чукчи знали, что Полярная звезда (Унпэн'эр — «Воткнутый кол звезда») неподвижна. По ней и окружающим ее созвездиям они определяли страны света. По положению созвездий они определяли время. В своей практической повседневной жизни они пользовались 22 направлениями компаса.¹⁹² Так они определяли время в течение суток, ориентировались на местности.

Оленеводы хорошо знали все виды растений, пригодные для питания оленей в разные сезоны года. Руководствуясь этими знаниями, они выбирали сезонные пастбища, определяли время и направление кочевок. Наблюдательность, изучение повадок морских млекопитающих давали возможность охотникам безошибочно угадывать направление движения их под водой, что обеспечивало удачный промысел, например, китов, моржей.

Они хорошо знали анатомическое строение животных, на которых охотились. Так, при разделке оленя, морских млекопитающих

¹⁹² В. Г. Богораз. Чукчи, ч. II. Религия. Л., 1939, стр. 21.

они безошибочно и быстро расчленяли туши по суставам с помощью лишь ножей.

Чукчи употребляли в пищу до двадцати видов растений, каждое из которых имело свое название. Вместе с тем растения, не имеющие хозяйственного значения, не имели даже названий.

При широко развитом оленеводстве и собаководстве чукчи не выработали средств и приемов лечения больных животных.

Весьма неразвиты были средства и приемы лечения людей. Лишь несложные травматические повреждения лечили домашними способами. Так, легкие ранения лечили тюленьей ворванью, прикладывали к ране заячью шкурку мездрой. Во всех более серьезных случаях прибегали к помощи шаманов, которые не знали никаких положительных приемов лечения. Больных они «лечили» заговорами, камланиями в целях изгнания «духа» болезни. Практически народная медицина находилась в зачаточном состоянии.

✓ Знание природы своего края, народных обычаев и традиций прививалось с детских лет. Воспитание детей преследовало цель передать им трудовые навыки, приобщить их к производственной деятельности взрослых. Мальчики с раннего возраста приучались пользоваться ножом, арканом, огнестрельным оружием, настораживать капканы, ставить петли на зайцев, куропаток, ловить рыбу и т. п. В раннем возрасте их приучали к уходу за стадом. В 10—12 лет они уже становились сначала дневными, а затем и ночными пастухами. При стаде они проходили суровую, порой полную лишений школу жизни оленевода. С детских лет их приучали переносить стужу, спать под открытым небом, находиться сутками при стаде и в пургу и в дождь. Индивидуальные распыленные хозяйства оленеводов всегда испытывали недостаток в рабочей силе. Поэтому дети начинали трудиться очень рано. Девочки также приучались к ведению хозяйства, связанного с кочевым образом жизни, очень рано. По существу их детство кончалось в 8—10 лет. Далее они становились повседневными помощницами матери в домашнем хозяйстве: ухаживали за младшими, выделывали шкуры, сучили нитки из сухожилий, шили, вышивали и т. п. Нередко девочки приучались к уходу за оленями, если в семье не было других помощников.

Жизнь в окружении повседневного труда и хозяйственных забот рано делала чукотских детей взрослыми. Поскольку они, особенно мальчики, принимали постоянное и ответственное участие в труде (выпас оленей), взрослые нередко согласовывали с ними те или иные хозяйственные и семейные вопросы, прислушивались к их мнению. Дух уважения — характерная черта во взаимоотношениях взрослых и детей у чукчей.

Несколько дольше продолжалось детство у мальчиков приморских охотников. Они позднее мальчиков-олeneводoв включались в труд взрослых.

Игры детей в основном копировали трудовую деятельность старших. Окружающая природа, стадо оленей, стойбище с его размеренной и однообразной жизнью — вот тот ограниченный мир, в котором протекала вся жизнь оленевода. Такая обстановка мало способствовала развитию кругозора ребенка. Поэтому круг его развлечений, представлений часто не выходил за рамки хозяйственных занятий взрослых.

Чукчи выработали целую систему физического развития детей, направленную на воспитание у них любви к труду, на привитие им с детства навыков пользования орудиями труда (нож, аркан), умения обращаться с домашними животными (олени, собаки). Особое внимание обращалось на физическую закалку, особенно мальчиков. Пастуху и охотнику надо было быть выносливым, нетребовательным. Около каждого селения чукчей на побережье Чукотского и Берингова морей имелись правильной формы круги — тропинки с глубоко и плотно утрамбованной землей. В центре круга лежали камни разной величины и веса. В свободное от хозяйственных занятий время по кругу бегали мужчины, юноши, подростки, тренируя себя на выносливость в беге. Начинали обычно дети, к ним присоединялись подростки, юноши и т. д. Упражнялись в поднимании камней и т. п. Такие упражнения детей поддерживались взрослыми. Известно, какими выносливыми ходаками и бегунами были чукотские пастухи и охотники.

Спортивные состязания занимали важное место в культурной жизни чукотского населения. Все праздники и другие общественные встречи оленеводов и приморских охотников сопровождались непременно состязаниями в беге, борьбе, гонками на оленях и собаках, спортивными развлечениями (например, игрой в мяч и др.). Подростки и юноши были самыми активными участниками всех видов спортивных соревнований, игр и т. п.

По-иному шло духовное развитие населения Чукотки.

Глубокие практические знания природы, приобретенные в процессе трудовой деятельности, неожиданно сочетались с удивительно наивными, искажающими действительность представлениями. Различные явления природы, предметы воспринимались как нечто живое, одухотворенное, подобное самому человеку, хотя и имеющее другую материальную форму.

По представлениям чукчей, окружающий мир был наполнен благожелательными к человеку существами *ваыргыт* и злыми вредоносными «духами» *кэлет*. Благожелательные существа помогали человеку в его трудовой деятельности, а злые *кэлет* — вредили. Они, например, вызывали падежи оленей, вселялись в человека, причиняли ему болезни и приносили смерть.

Солнце — это благожелательное *ваыргын*. Его представляли в виде человека в блестящих одеждах.¹⁹³ Луна — тоже человек, но

¹⁹³ Там же, стр. 22.

она занимает прямо противоположную позицию солнцу. Ее называли солнцем злых «духов» *кэлэт*. Звезды и созвездия это тоже *ваыргыт*. Доброжелательными к человеку существами считались также *Тэнантомгын* ('Творец'), *Гырголваыргын* ('Верхнее существо'), *Яйвачваыргын* ('Милостивое существо'), *Ягтачваыргын* ('Дающее жизнь существо'), *Кынтаваыргын* ('Дающее удачу существо') и др. Наиболее важным считалось *Н'аргынэн* («Вселенная», буквально 'наружное пространство'). Всем этим существам, представления о которых были неясны, расплывчаты, приносились жертвы. У них искали покровительства, помощи и защиты. Поскольку успехи или неудачи в трудовой деятельности зависели от благожелательного расположения *ваыргыт*, чукчи задабривали их путем жертвоприношений, практиковавшихся по самым различным поводам (отправление в дальнюю дорогу, на охоту, по случаю рождения ребенка, перекочевки к берегу моря и по другим, более мелким поводам).

Поскольку чаще всего такие жертвоприношения не достигали цели, то считалось, что вредоносные *кэлэт* оказывались более сильными, чем доброжелательные *ваыргыт*. В таких случаях прибегали к помощи шаманов, которые, по представлениям чукчей, могли общаться с доброжелательными «духами», имели их в качестве своих помощников и поэтому могли защитить человека от преследований *кэлэт*. Шаманам приписывалась сверхъестественная сила. Они якобы могли бороться с вредоносными «духами», следовательно, могли изгонять из тела больного человека вселившихся в него *кэлэт*.

Вместе с тем каждая семья чукчей имела собственные средства защиты от *кэлэт* в виде связок различных амулетов (*тайн'ык-выт*).¹⁹⁴ Эти амулеты в то же время представляли собой семейную святыню, содействующую материальному благополучию семьи. К числу семейных покровителей относились также деревянный прибор для добывания огня трением, семейный бубен, домашний очаг. Это, так сказать, постоянно действующие защитные средства; но были и временные, такие, как помазание (кровью жертвы, сажей или охрой). Помазания были широко распространены среди всех чукчей. Они применялись обычно в качестве меры от заразных болезней. При этом предполагалось, что помазание помогло изменить облик человека настолько, что его не узнают злые «духи» болезни. Помазание практиковалось почти на всех семейных праздниках, по возвращении из дальней поездки и т. д.

Наивны и непосредственны были представления чукчей о загробном мире. По их представлениям, после смерти человек переселялся только в иной мир, в котором он продолжал вести такой же образ жизни, как и на земле. Поэтому вместе с покойникам клали его личные вещи (оружие, трубку, нож и т. п.),

¹⁹⁴ Там же, стр. 58—61.

закалывали тех оленей, на которых он ездил и оставляли их на могиле вместе с нартой и сбруей.¹⁹⁵ Те же представления были свойственны и приморским чукчам.

У оленеводов и морских охотников каждому сезону хозяйственной деятельности соответствовал особый праздник. Главной целью их проведения у чукчей было привлечение покровительства *ваыргыт*, чтобы упрочить материальное благополучие семьи. Обязательным при проведении всех праздников были жертвоприношения (*таарон'гыргыт*).

Помимо праздников, связанных с годовым хозяйственным циклом, которые проводились всеми чукчами примерно в одно время, были праздники семейные, связанные с рождением ребенка, выражением благодарности в результате удачного промысла начинающим охотникам и т. п.

Сами чукчи, отмечая эти события, называли их «жертвоприношения».¹⁹⁶ Собственно слова «праздник» у них и не было. Однако есть основания называть их праздниками, так как после жертвоприношений устраивались спортивные состязания, увеселения и угощения.

Оленные чукчи проводили несколько годовых праздников-жертвоприношений: *вылгык'аанматгыргын* ('убой тонкошерстных молодых оленей') в августе, *тээтавн'ыгыргын* ('делание шкур для одежды') в сентябре. Эти праздники имели практическую основу — забой оленей для получения хороших шкур на одежду, что совпадало с возвращением стад с летних пастбищ. Менее важными были праздники, связанные с установкой зимнего жилища — «кормление» созвездия Пегыттын (звезды Алтаир и Тарарей из созвездия Орла) во время зимнего забоя оленей, когда заготавливалось мясо на вторую половину зимы. Затем устраивались праздники-жертвоприношения весной в связи с разбивкой стад (отделением важенок от быков и молодняка), в связи с переходом на летние пастбища; праздник рогов (*килвэй*) весной после отела важенок, жертвоприношение огню и др. Один или два раза в год каждая семья справляла праздник «благодарения», сопровождающийся, помимо жертвоприношений, плясками.¹⁹⁷

Праздники приморских чукчей также связаны были с производственной деятельностью и начинались с жертвоприношений в знак благодарности за успешную охоту. Наиболее важными праздниками-жертвоприношениями приморских чукчей были жертвоприношение морю, праздник *кэрэткун'а*, *лыгымн'эгыргын* ('настоящий благодарственный праздник'), праздник байдары (спуска на воду), праздник кита и др.¹⁹⁸

¹⁹⁵ Там же, стр. 43—45.

¹⁹⁶ Там же, стр. 71.

¹⁹⁷ Там же, стр. 81—82.

¹⁹⁸ Там же, стр. 85—86.

Все праздники оседлых чукчей также сопровождались состязаниями в беге, в борьбе, в стрельбе, в подпрыгивании на шкуре моржа, в гонках на собаках и т. п.

Наряду с шаманством широкое распространение среди чукчей имели заклинания, заговоры, гадания и другие магические приемы.¹⁹⁹

Отсталость мировоззрения и всей духовной культуры чукчей вообще, ограниченность их кругозора прослеживались на лексике языка, в частности, на развитии таких категорий, как числительные. Счет в чукотском языке ограничивался 400 — кликкликкин (от клик — человек, мужчина). Считали по пальцам рук и ног. Отсюда кликкин — двадцать, кликкликкин — двадцать раз по двадцать, т. е. 400. Сам по себе словарный состав, богатый терминами, относящимися к разным деталям их производственной деятельности, окружающей флоры и фауны, в то же время был крайне беден в части общественно-политической, научно-технической и другой терминологии.

Художественная одаренность народа выражалась в стремлении как-то скрасить суровую и тяжелую жизнь, что проявлялось в разных формах художественного творчества чукчей (в фольклоре, в танцах-пантомимах и других видах искусства). Правда, и в этой области прослеживается скованность мировоззрения, его узость и ограниченность.

Устное народное творчество чукчей в основном было представлено мифами, сказками и зачатками героических сказаний. Такие формы устного творчества, как загадки, поговорки только начинали складываться.

Сказки и исторические предания, пожалуй, самый распространенный и любимый жанр чукчей. Эти виды устного творчества чукчей служили одним из важных средств воспитания и образования молодежи. Средствами устного народного творчества чукчи выражали свои чаяния, идеалы, которые в основном сводились к созданию материального благополучия. Вместе с тем сказки призывали на борьбу со злом и несправедливостью, призывали людей к смелости, подвигам, к борьбе за правое дело. Это ценное культурное наследие — источник народной мудрости, его истории, духовного вдохновения — отражало идеологию общества, находящегося на стадии разложения первобытнообщинного строя.

Богато и разнообразно было изобразительное искусство. Оно развивалось по линии декоративного искусства в виде украшений одежды, обуви, головных уборов (вышивки, аппликации).

Особое место занимала резьба по кости, распространенная среди части оседлых чукчей. В предреволюционное время этот вид искусства начал несколько отступать от народных традиций в результате определенного спроса на внешнем рынке. Чукчи стали

¹⁹⁹ Там же, стр. 165—174.

вырезать фигурки пиликенов, модели шхун, чернильные приборы и другие предметы на продажу.

У чукчей бытовали оригинальные пляски-пантомимы, исполнявшиеся под напев мелодий и аккомпанемент бубна. Наиболее распространенными были пляски-пантомимы «Ворон», «Одноглазый», «Гуси», «Битва морских куликов» и др. В основном пляски-пантомимы состояли из подражательных движений. Они копировали отдельные моменты труда, движения животных и т. п.

В целом культура чукчей в предреволюционное время отражала общественно-трудовой опыт народа, который был ограничен низким уровнем развития производительных сил и производственных отношений.

ГЛАВА VI

ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ НА ЧУКОТКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Организация административных учреждений на Чукотке

Политика самодержавия на Чукотке во второй половине XIX столетия заметно активизировалась. К этому были более чем достаточные основания. Они имели не только местное, но и общегосударственное значение.

Помимо захвата иностранцами торговли на побережье Берингова и Чукотского морей, в 60-х годах появилась реальная опасность вторжения американцев на территорию Северо-Востока Сибири. Вместе с тем все чаще и чаще стали поступать жалобы от чукчей и сибирских эскимосов на хищническое истребление иностранными китобоями моржей и китов у берегов Чукотки и на их бесчинства, грабежи, спаивание населения и т. п.

Непосредственным поводом к проявлению забот о Чукотке явилось намерение соединить телеграфную сеть США с телеграфной сетью Европы через Сибирь. После того как не удалась первая попытка соединить телеграфным кабелем Новый и Старый Свет через Атлантический океан, был предложен другой проект: соединить телеграфную сеть Америки с Россией и Европой через Аляску, Берингов пролив, Чукотку и Охотское побережье, далее через Сибирь.

В 1864 г. в Нью-Йорке была основана Российско-Американская телеграфная компания. Ее представители на протяжении трех лет (1865—1867) занимались изысканиями линии будущего телеграфа, заготовкой столбов, строительством необходимых сооружений. В устье Анадыря были высажены две партии американских специалистов и рабочих.¹

¹ Бриг «Гольден-ген», принадлежащий Российско-Американской телеграфной компании, прибыл в устье Анадыря в сентябре 1866 г. с инженерами, ра-

В связи с этим Чукотка и вообще весь северо-восток Сибири приобрели особый интерес. Русским правительством было уделено специальное внимание чукчам. Ничего определенного о них не было известно, в особенности о носовых (так называли оседлых чукчей Чукотского полуострова), по территории расселения которых должна была проходить линия телеграфа.

В 1865 г. из Якутска на Колыму был командирован чиновник особых поручений барон Г. Майдель. Ему-то и поручалось собрать необходимые сведения о чукчах, познакомиться с их торговлей, определить, насколько уместны в настоящее время так называемые «Трескинские правила» и предложить меры к скорейшему присоединению чукчей. Будучи на Анюйской ярмарке, единственное, в чем Майдель добился успеха, как доносил он в августе 1866 г. в Якутск, это убедить «начальника носовых чукок Дмитрия Хотто, а с ним двух из самых богатых его родичей Александра Камле и Александра Яторгина» принять присягу на верность русской короне. Вместе с носовыми приняли присягу еще пять человек чаунских чукчей. Майдель здраво оценил положение вещей и поэтому в донесении Якутскому губернатору писал: «Хотя и не надо приписывать этому обстоятельству большую важность, все-таки хорошо было бы поставить за правило, что по крайней мере начальники чукок непременно должны принимать присягу».

Для того чтобы чукчи стали действительно российскими подданными, необходимо было предпринять какие-то радикальные меры, пересмотреть систему отношений, которые сложились, и в первую очередь ясачную политику. В связи с этим Майдель предлагал учредить институт помощников главного эрыма Амраургына, которые и ведали бы отдельными территориальными группами чукчей. Он считал это нововведение тем более необходимым, что Амраургын якобы выдвинул перед ним идею «собирать подати от всех чукчей без исключения». Вместе с тем Майдель считал, что подарки за ясак выполнили свою историческую роль. Они нужны были только для того, чтобы «приманить чукок к торговле с русскими, но теперь чукчи нуждаются уже в этой торговле почти больше наших купцов и нет никакой надобности в этих подарках, имеющих еще и то невыгодное влияние на чукотских начальников, что они через это считают себя наравне с правительством».²

бочими, речным пароходом и другими грузами. При выходе из устья Анадыря (5-го октября) он был раздавлен льдами. Пассажиры и грузы были свезены на берег. Часть людей на собаках была перевезена в с. Марково, где их приютили местные жители, оказав должное гостеприимство (Архив ДВ РСФСР, ф. 701, оп. 1, д. 122, л. 29). Они их разместили по своим домам, кормили, снабдили зимней одеждой и обувью. За все это жители с. Марково так ничего и не получили, хотя обещано им было много. Подробнее об этом см.: Г. Дьячков. Анадырский край. «Записки Общества изучения Амурского края», Владивосток, 1893, стр. 45—48.

² ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 7, д. 495, лл. 5—7.

Так как ясак раньше вносился только торговцами и некоторыми старшинами, что Майдель счел для них обременительным, то он нашел более правильным переложить эту повинность на плечи чукотской бедноты и поэтому предложил Амраургыну «заплатить подати по денежному счету и обложить всех взрослых мужчин без исключения хоть маленьким ясаком, примерно до полтора рубля ассигнациями».

Таким изменением ясачного обложения он добивался и выгоды для казны, и, главное, того «что чукчи мало-помалу привыкнут считать себя подданными». Как писал он несколько ниже в том же донесении, «Амраургын на это очень охотно согласился и согласятся наверное и самые богатые и сильные чукчи, потому что они платили до сих пор ясак лисицами и новый способ сбора для них очень выгодный».³

Он мог не сомневаться в мнении на этот счет «богатых и сильных чукоch», так как это только укрепляло их позиции и открывало новые возможности в эксплуатации своих соплеменников.

Тогда же часть богатых стадовладельцев выразила желание перекочевать в большую тундру к Ледовитому океану между устьями рек Колымы и Индигирки.

О всех предложениях Майделя якутский губернатор сообщил в Иркутск. Вместе с тем он разрешил чукчам перекочевать в Западную тундру. Генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков в ответ на донесения из Якутска писал: «Имея в виду постройку российско-американского телеграфа, нить которого предположено провесть по Восточному берегу Якутской области, по местности нам мало и даже почти неизвестной, я нахожу необходимым ныне же послать особого чиновника для осмотра прилегающей к Берингову проливу Чукотской земли до Чаунского мыса и кочующих там инородцев».⁴

Тогда же Корсаков сообщил министру внутренних дел, что меры Майделя имеют своей целью окончательное приведение чукчей в подданство России, но, чтобы достичь этой цели, «необходимо ближе познакомиться с бытом этих инородцев и местностью, ими занимаемою».

«Это обстоятельство, — писал он далее, — приобретает ныне еще большее значение потому, что по означенной местности проводится линия русско-американского телеграфа. При отсутствии русских и малом знакомстве их с чукчами американцы, находясь в частых сношениях с этими инородцами, даже помимо своего желания могут приобрести большее в глазах чукчей значение против русских, если с нашей стороны не будет принимаемо никаких мер».⁵

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 1—3.

⁵ Там же, л. 15.

Это сообщение было отправлено из Иркутска в январе 1867 г., а 1 июня Комитет министров по Сибири рассмотрел вопрос «О снаряжении экспедиции в Чукотский край для изучения страны и обычаев ее обитателей», т. е. уже после того, как стало известно о прекращении деятельности Российско-Американской телеграфной компании в связи с тем, что другая Компания успешно проложила телеграфный кабель через Атлантический океан.

Таким образом, непосредственная причина, вызвавшая организацию экспедиции, уже утратила свое значение. Однако на заседании Комитета министров было принято решение о необходимости отправления экспедиции, но уже по другим мотивам, пожалуй, более важным, которые были изложены министром государственных имуществ так: «Более близкое знакомство с бродячими в Чукотском крае инородцами и усиление на них влияния нашего правительства представляется особенно необходимым в настоящее время, когда по ту сторону Берингова пролива у нас являются новые соседи, северо-американцы, вступающие во владение нашими американскими колониями. Поэтому командирование в Чукотский край экспедиции представляется как нельзя более уместным в настоящее время».⁶

Как видно, усиление внимания со стороны правительства к Чукотке обуславливалось отнюдь не проявлением заботы о коренном населении, а опасениями за северо-восточные границы государства, которые до этого времени находились под охраной Российско-Американской компании.

Мнение министра государственных имуществ Комитет министров 20 июня 1867 г. утвердил. При этом было предложено «пригласить существующее в Иркутске отделение Географического общества, начертать подробную программу экспедиции с указанием, на какие предметы она должна обратить внимание, и вообще принять то участие в этом деле, которое оно заслуживает по своей важности».⁷

Экспедиция состоялась в 1868—1870 гг. Майдель совмещал должность начальника экспедиции и колымского исправника с особыми полномочиями от якутского губернатора.

Задачи ее были определены так: главная цель экспедиции, по определению якутского губернатора Лохвицкого, «должна быть чисто правительственная и состоять в собрании сведений о числе чукотского народа, в старании привести их к присяге на верно-подданство с платежом ясака и перекочеванием на левый берег р. Колымы».⁸

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 3, д. 142, л. 4.

⁷ Там же.

⁸ Барон Майдель. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской области. «Сборник трудов исследовательского общества „Saqa—Keskile“», Якутск, 1925, в. 1, стр. 20.

Майдель энергично взялся за осуществление этой программы. Нужна была коренная реформа, но провести ее сразу было нельзя, так как чукчи могли оказать этому сопротивление. Сложившиеся отношения воспитали в чукчах чувство независимости от самодержавия. При даче ясака и получении непереносимых подарков они вели себя довольно бесцеремонно. Ярмарка считалась благополучно оконченной, если чукчи не позволяли себе лишних грубостей.

Учитывая сложившиеся отношения, действовать нужно было осмотрительно. «Единственной точкой опоры, — писал Майдель, — оказалась просьба эрема Андрея Амраургына относительно перехода чукок через Колыму и о защите переселенцев от тунгусов».

Пользуясь тем, что разрешение было получено из Якутска, но о нем не знали не только чукчи, которые уже перекочевали, но даже и Амраургын, Майдель предъявил ультимативное требование: или правильный взнос ясака без отдарков и беспрекословное выполнение предписаний окружного управления, или же возвращение из-за Колымы на прежние места.

Вызванные для переговоров в Среднеколымск чукотские старшины безоговорочно согласились на первое и даже «просили назначить количество ясака». Чтобы изолировать этих чукчей от «вредного» влияния остальных, Майдель поставил их в непосредственное подчинение окружному управлению, предупредив при этом Амраургына, что «он уже ни под каким видом не может подвергаться ответственности, если тундренные чукчи окажутся со временем неисправными во взносе податей».⁹

Вместе с тем в отношении чукчей, живущих к востоку от Колымы, или, как он называл их, «восточной орды», Майдель считал, что для них «непосредственная власть эремов еще необходима и потому рано таковую уничтожать или ослаблять».

На протяжении всего времени пребывания в экспедиции он последовательно проводил эту политику, всячески выгораживая и раздувая авторитет Амраургына в глазах чукчей. Майдель во что бы то ни стало старался распространить власть Амраургына на всех чукчей. С этой же целью он (в 1869 г.) просил якутского губернатора «об исходатайствовании наград Амраургыну и сыну его, чтобы эти лица в глазах чукчей имели особые преимущества от правительства, потому что влияние их на этот народ очень благоприятствует власти самого правительства. А если чукчи совершенно будут подвластны, то влияние эремов само собой уничтожится».¹⁰

В январе 1869 г. Майдель сообщил якутскому областному правлению, что почетные чукчи Большой тундры (так называлась местность к западу от Колымы) по его предложению образовали

⁹ Там же, стр. 22.

¹⁰ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 7, д. 495, л. 52.

особые общества под начальством головы Луки Ваалергина и старосты Петра Араро, которые избраны на три года, с 1869 по 1872 г. В их обязанности входило собирать со всех родичей ясак и вносить его колымскому исправнику. На основании общественного приговора, составленного по этому поводу почетными чукчами, ясак они должны были вносить не лисицами, как это было раньше, а ровдугами, «так как между ними промышленников мало, все состояние их — олени».

В связи с тем что чукчи, подведомственные эрым Амраургину, разбросаны на огромной территории «от устья реки Колымы до Чаунской губы и от Ледовитого моря до притоков Анадыря», Амраургин, не будучи сам в состоянии проследить за взносом ясака, «поручил в настоящем году, — сообщал Майдель, — сбор ясака с родичей его четверем благонадежным чукчам, которыми поручение это было выполнено в точности: ясак собран весь».

Учитывая успех сборщиков, Амраургин якобы попросил разделить подведомственных ему чукчей на четыре наслега, поставив во главе их старост, снабженных необходимыми в таком случае знаками власти, т. е. «наслежными кортиками и печатями».¹¹

Так по якутским образцам были созданы четыре наслега (не считая пятого — Большой тундры), или особые общества чукчей. Делалось это под большим нажимом Майделя, говорившего о необходимости такого деления чукчей еще в 1866 г.

В первый наслег были включены чукчи, живущие по обоим берегам р. Колымы, под управлением старосты Петра Вейгына; во второй — по Большой реке, приблизительно от М. Анюя до моря и Чаунской губы, под управлением старосты Григория Тыньмита; в третий — по р. Белой, к вершинам Большого Анюя и Анадыря, под управлением Егора Нутэмкина; в четвертый — по хребту, отделяющему воды Ледовитого моря от притоков Анадыря, под управлением старосты Айгингивота. Указанное разделение на общества, или наслеги, было оформлено общественными приговорами, составленными почетными чукчами опять-таки при участии Майделя. Так как многие из этих чукчей отказывались вносить ясак лисицами, то Майдель ввел новый порядок. Полным ясаком облагались все чукчи мужского пола от 15- до 55-летнего возраста, и должны были они вносить ясак по одному рублю с каждого или «за неимением денег по одной ровдуге первого сорта, или по одному песцу с лапами, или за два ясака красную лисицу, а до 15-летнего возраста половинный оклад ясака».

В целях лучшей организации сбора ясака чукчи пяти вышеуказанных обществ были переписаны. Зарегистрировано было всего 845 человек, из них 417 подлежало ясачному обложению.

¹¹ Там же, лл. 101—102.

Ясак был внесен чукчами, по словам Майделя, без всякого отдаривания, поэтому он просил на будущее время не высылать чукотских подарков.

Сложнее дело обстояло с носовыми чукчами; они не приняли этой реформы и требовали по-прежнему отдарков. Будучи на устье Анадыря, Майдель попытался через старшин и почетных носовых чукчей обложить ясаком всех чукчей на побережье. Однако старшины, выражая готовность внести ясак за себя, в то же время не брали никакой ответственности за своих сородичей.

Совет Якутского областного правления нашел принятые Майделем меры и его предложения приемлемыми и направил свое решение на утверждение в Иркутск. В 1871 г. Главное управление Восточной Сибири под председательством губернатора Синельникова в целом утвердило решение Якутска о чукчах, однако тут же оговорило необходимость сохранения подарков за внесенный ясак и на будущее время. Вместе с тем было предложено Якутскому областному правлению разработать инструкцию по управлению чукчами. Это было поручено колымскому исправнику Иващенко, так как Майделя уже не было.

В 1871 г. чукчи выразили недовольство по поводу некоторых установлений Майделя. Прежде всего Амраургын и его родичи вступили в ходатайство о сложении ясака с малолетних до 18-летнего возраста, а носовые заявили в категорической форме: если правительство желает получать с них ясак, пусть не прекращает отдарков.¹²

Ходатайство первых и требование вторых были удовлетворены, так как указанные нововведения Майделя не соответствовали Положению 1857 года.¹³

Инструкция по управлению чукчами, составленная Иващенко, после ряда изменений и дополнений была представлена на обсуждение Совета Главного управления Восточной Сибири. Предварительное заключение было поручено составить надворному советнику Филиппеусу, много лет торговавшему на Камчатке. Он составил резко отрицательный отзыв. В заключение подробного рассмотрения всех пунктов инструкции Филиппеус писал: «Ни старания и убеждения миссионеров, ни снисходительные законоположения, буквально исполняемые самыми добросовестными и неугомонными чиновниками, ни ласки, ни подарки и знаки отличия не приведут чукотский народ к подданству России, пока в Беринговом проливе и вообще около берегов Чукотской земли не появится российский военный флаг и чукчи не убедятся, что русское

¹² Там же, л. 195.

¹³ Согласно этому положению, чукчам было предоставлено право вносить ясак произвольно как по качеству, так и по количеству (ст. 1256, т. IX «Свода законов Российской империи» изд. 1857 г.).

правительство может оказать им покровительство и защиту, а также и наказать непокорных».¹⁴

По его утверждению, в заливе Креста и в некоторых других пунктах Чукотского побережья были постоянные торговые посты «вроде редутов, принадлежащие подданным Сандвичского короля и разным бродягам». На этих торговых пунктах скупали у чукчей пушнину, снабжали их «крепкими напитками, порохом, свинцом, оружием, табаком и металлическими изделиями». «Держат чукчей, — продолжал он, — в повиновении и страхе».

Тут же он сообщал о случаях безнаказанного бандитизма «цивилизованных» торговцев на Чукотке, а в заключение писал, что в глазах чукчей «купец, который безнаказанно лишает жизни, гораздо могущественнее, чем исправник, вымогающий ясак за подарки и кортики, и чем миссионер, старающийся (но по незнанию языка неудачно) объяснить им, чтобы они воздавали богу божеское, а царю царское».¹⁵

После таких замечаний Филиппеуса инструкция переделывалась еще несколько раз и, наконец, в 1874 г. по решению Иркутского губернского совета представлена на утверждение министра внутренних дел. Вскоре был получен ответ, который гласил, что «на Министерство внутренних дел не возложено обязанности утверждать особые инструкции для исправников», кроме того, было указано, что «сибирские инородцы управляются по особому, высочайше утвержденному для них положению».¹⁶

Таким образом, мероприятия по обложению ясаком чукчей, начатые в 1866 г., через 18 лет окончились почти ничем. Аккуратными плательщиками ясака остались только чукчи Большой тундры, а остальные, управляемые Амраургыном, стали опять добровольными плательщиками, не говоря уже о носовых. Снова были восстановлены чукотские подарки.

После этого уже не предпринималось никаких попыток к реорганизации управления чукчами. Колымские исправники вели наблюдение за торговлей, собирали ясак. Ярмарка с каждым годом все больше приходила в упадок и потеряла почти всякое значение как для носовых чукчей, так и для якутских купцов. В 1874 г. сообщали из Якутска генерал-губернатору Восточной Сибири, что «торговля русских купцов с чукчами, обитающими в Колымском округе, падает с каждым годом; большая часть чукчей, бывших для торговли и взноса ясака около Анюйской крепости в апреле 1873 года, не могли ничего предложить из своих промыслов русским купцам в обмен на привезенные ими товары, так как ценная рухлядь променивается инородцами на спирт иностранным китоловам, что от этого чукчи делаются с каждым годом беднее,

¹⁴ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 7, д. 495, л. 324.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 358.

так что в скором будущем можно рассчитывать на окончательное прекращение торговых сношений с чукчами».¹⁷

Ежегодные обороты торговли с чукчами уже не превышали нескольких тысяч рублей. Так, в 1874 г. на пушнину, доставленную чукчами, было отпущено товаров всего на 5442 руб. 61 коп., в 1875 г. — на 3657 р. 52 к.¹⁸ и т. п. В 90-х годах обороты ярмарки несколько повысились, главным образом за счет всевозможных шкур оленей. Например, в 1899 г. чукчам было променено товаров на 11854 руб., в 1900 г. — на 7551 руб., в 1901 г. — на 8500 руб., в 1902 г. — на 5526 руб., а в 1904 г. только на 2432 руб. Почти совершенно исчезла пушнина, поступавшая к чукчам с американского берега. Если в 1874 г. чукчи привезли 655 шкурок речных бобров, то в 1899 г. их уже было только 42, а в 1902 г. — 12. Вместо этого возросло поступление оленьих шкур (выпоротков, пыжиков и т. п.). Таким образом, ярмарка приобрела местное значение и обслуживала уже по преимуществу только оленьих чукчей ближайших к Колыме районов.

В то же время торговая и промысловая деятельность американцев у берегов Чукотки активизировалась с каждым годом все больше и больше. Как сообщали из Якутска в Иркутск на основании сведений, полученных от чукчей, «американцы завладели местностью по Чукотскому носу и другими на Северо-Востоке по морским берегам от Шелагского мыса до Анадырской губы».¹⁹ Они не ограничивались избиением китов и моржей в наших водах; некоторые приходили исключительно с торговыми целями.

По официальным сведениям, ежегодно публиковавшимся в «Whaleman's Shipping List» (New Bedford), у чукотских берегов бывает по 30—35 китобойных судов, в том числе 5 или 6 пароходов.²⁰

Как сообщал Норденшельду некий Бартлет, в 1878 г. его судно было в заливе Лаврентия, где приняло на борт от китоловов 6100 бочонков ворвани и 37 000 фунтов китового уса.²¹

Это случайные сведения, которые, конечно, далеко не полно отражают размеры истребления морских зверей у наших берегов. Известно, что как раз в эти годы многие лежбища на Чукотке были совершенно опустошены и зверь отпуган. Почти все американские суда, которые уходили на промысел в Ледовитый океан, придерживались наших берегов. Они вели торговлю с чукчами и сибирскими эскимосами, что никем не преследовалось, тогда как

¹⁷ Там же, оп. 7, д. 73, л. 33.

¹⁸ Там же, оп. 17, д. 12, лл. 40—41, 45—46.

¹⁹ Там же, оп. 7, д. 73, л. 33.

²⁰ А. А. Ресин. Очерки инородцев Русского побережья Тихого океана. СПб., 1888, стр. 67.

²¹ А. Э. Норденшельд. Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878—1880 г. СПб., 1881, ч. 1, стр. 458.

«на американской стороне продажа рома и ружей Винчестера запрещена и строго преследуется».²²

Китобойи у наших берегов не стеснялись, с циничной откровенностью они грабили население. По донесению колымского исправника Корзовы, китобойи практикуют следующие приемы: «Подплывает к берегу китобойное судно, и чукчи в ожидании лакомого угощения высыпают всем населением на берег. Капитан, распорядившись временною остановкою судна, подвозит на шлюпке к берегу значительную по величине бочку рому или виски и выкатывает ее чукчам в полное их распоряжение, а сам на той же шлюпке возвращается к судну и на нем удаляется на далекую дистанцию, откуда и наблюдает в подзорную трубу. Чукчи, окружив бочку, начинают моментально черпать из нее и с жадностью пить „огненную воду“ до тех пор, пока тут же около бочки не сваливаются с ног в состоянии полного опьянения до последнего человека, без различия пола и возраста. Капитану судна только это и нужно, он сейчас же с экипажем высаживается на берег и, шныряя по жилищам чукчей, обирает у них все, что окажется достойным его внимания, и затем уплывает в море».²³ Комментарии к этому рассказу совершенно излишни.

Еще до открытия золотых россыпей на Аляске американцы обнаружили признаки золота на нашем берегу. В конце 1869 г. русский консул в Сан-Франциско сообщал нашему посланнику в Вашингтоне, что «по заявлению американца Скотта, партия американцев открыла на наших берегах в Тихом океане золотую россыпь». При этом он отказался указать точно место обнаружения золота. В марте 1870 г. министр финансов уведомил генерал-губернатора Восточной Сибири о том, что наш посланник в Вашингтоне Катакази сообщил в Министерство иностранных дел «об отправлении американцами из Сан-Франциско к берегам Восточной Сибири шхуны с вооруженною командою для добывания золота. Другая экспедиция в 60 человек должна была отъехать несколько дней позже с тою же целью».

Русский консул в Сан-Франциско Клинковстрем в том же 1870 г. уведомил военного губернатора Приморской области, что «в Сан-Франциско нашлись слухи и довольно достоверные, что отправляется экспедиция с целью основать на наших берегах около Берингова пролива близ Чукотского носа винокуренный завод и продажей водки завладеть всеми пушными промыслами по азиатскому берегу».²⁴

Все эти тревожные сведения требовали принятия срочных и действенных мер по охране побережий Чукотки.

²² А. А. Р е с и н, ук. соч., стр. 67.

²³ ГАИО, ф. Канцелярии иркутского генерал-губернатора, IV делопроизводство, д. 364, лл. 24—25.

²⁴ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 7, д. 73, л. 23.

Еще в 1858 г., когда начались переговоры об организации Телеграфной компании, генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский предписал контр-адмиралу Казакевичу, командовавшему Сибирской эскадрой, посылать ежегодно к Чукотским берегам судно. Однако это распоряжение не выполнялось.

Между тем донесения исправников о пиратских действиях иностранных китобоев у наших берегов продолжали поступать. В 1861 г. Казакевич, будучи уже военным губернатором Приморской области, в своем отчете писал: «Беспрестанно доходят жалобы на беспорядки, делаемые китобойными судами на берегах наших северных морей, и нет возможности устроить крейсерство по неимению соответствующих для этой цели судов».²⁵

На настойчивые требования из Иркутска, куда также поступали тревожные сведения с Чукотки, Казакевич и в 1862 г. ничего утешительного сообщить не мог: «До сего времени ни одно судно еще не плавало в Беринговом проливе».²⁶

В 1870 г. сменивший Муравьева-Амурского генерал-лейтенант Шелашников указывал Приморскому областному правлению, что никаких донесений о крейсерстве и заведении торговли с чукчами из Приморского правления в Иркутск не поступало. Требуя разъяснений по этому поводу, он настаивал на выполнении распоряжений Муравьева-Амурского. Однако и на этот раз оказалось, что вся Сибирская эскадра была занята выполнением других задач.

Увеличение количества хищнических шхун и контрабандистов у наших берегов особенно стало заметно после 1870 г. Дело в том, что с продажей владений Российско-Американской компании (РАК) воды Берингова моря были разделены точно обозначенной границей. Правительство США передало пушной промысел и всю торговлю по американскому побережью в долгосрочную аренду Аляскинской компании, которая и позаботилась о том, чтобы никто не смел нарушить ее монопольных привилегий. В угоду интересам Компании правительство США учредило крейсерство и одновременно запретило ввоз спиртных напитков в бывшие владения РАК. Этими мерами американское правительство сразу оградило свое побережье «от эксплуатации мелких „бобровых“ или „воровских“ шхун. Все они, ища добычи, направились в пределы наших владений, вдоль Северо-Восточного побережья Азии».²⁷

Жалобы со стороны чукчей усилились. В 1872 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Синельников потребовал от губернатора Приморской области уведомления, «был ли посылаем в минувшем году в Берингово и Ледовитое моря крейсер с целью ограждения туземцев от своевольных поступков китоловов, а также в каком

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 11, д. 178, л. 34 об.

²⁶ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 17, д. 12, лл. 7—9.

²⁷ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 36, л. 2.

положении находится обстоятельство об установлении торговых сношений русских с чукчами».²⁸

И на этот раз у Приморского правления нашлись извиняющие обстоятельства, по которым оно не могло послать крейсера в прошлом, т. е. 1871 г., а в связи с перенесением порта из Николаевска во Владивосток в 1872 г. «суда флотилии будут заняты и поэтому посылаемы быть не могут».²⁹

Долгие годы бюрократический аппарат царского правительства не мог положительно решить этого вопроса. Только в 1874 г., «по согласовании министров иностранных дел, внутренних дел и морского», было признано необходимым «отправить крейсера для ограждения интересов нашего северо-восточного сибирского побережья».

В 1875 г. крейсерование вдоль берегов Чукотки было поручено клиперу «Гайдамак», на котором находился чиновник с особыми полномочиями К. Нейман, ранее принимавший участие в экспедиции Майделя. В своем отчете он отметил, что, как сообщали ему чукчи, «в 1872 году двое американцев остались здесь зимовать; выстроили себе привезенные с собою маленькие домики и имели при себе запасы ружей, пороха, свинца, патоки и водки, кроме других вещей. Сперва торговля шла как нельзя лучше, но потом начались разного рода ссоры», в результате чего чукчи расправились с наглыми пришельцами.

В заливе Лаврентия, куда зашел клипер «Гайдамак», стояло американское судно «Тимандра», торговавшее с чукчами. «Из судовых бумаг, — писал Нейман, — усмотрено, что бриг „Тимандра“ при выходе своем из Сан-Франциско имел груз, состоящий, между прочим, из 250 ружей и более чем 1000 фунтов пороха, из 80 ящиков патронов и 10 ящиков свинцу. Сколько было водки, в бумагах не сказано. Весь ли этот арсенал продан на нашем берегу, трудно решить, но при осмотре судна ружей уже не оказалось».

Несмотря на то что американцы были уличены в незаконной торговле, по имевшимся у Неймана инструкциям он не имел права арестовать это судно и поэтому ограничился только тем, «что принудил шкипера выдать обратно чукчам всю пушнину и все клыки, которые он променял им на водку».

По определению К. Неймана, «стоимость вымениваемых у инородцев товаров торговыми судами простирается, насколько это возможно оценить, до 100 000 руб.»³⁰

В 1876 г. крейсеровал клипер «Всадник», капитан которого сообщал весьма любопытные факты, дополняющие сведения Неймана «В Провидении, — писал он, — был чукча J. Canilas, который маленьким был увезен в Америку и вырос там. Теперь он воз-

²⁸ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 17, д. 12, л. 21.

²⁹ Там же.

³⁰ К. К. Нейман. Плавание по Восточному океану. «Известия СО РГО», т. VIII, №№ 1—6, 1877, стр. 50—54.

вратился на родину, как сам говорит, чтобы утешить свою старуху мать, но, кроме того, как кажется, он состоит у американцев в роде агента по части их местной торговли». ³¹

Этот случай свидетельствует о новой тактике американских торговцев-контрабандистов. По заверениям И. И. Майнова (его сведения относятся к концу 90-х годов XIX в.), «в последнее время они (американцы, — И. В.) начали практиковать „экспорт“ в Америку и самих чукчей; увозят молодых чукчей в Аляску, дают им там американское воспитание и возвращают на родину, где готовят таким образом живые нити для дальнейшего укрепления возникающей связи, что, разумеется, чревато многими последствиями». ³²

«К 80-м годам этого столетия, — писал чиновник А. П. Сильницкий, — положение дел было таково: страна, считавшаяся во владениях русского государя, населенная десятьютысячным племенем чукчей, почти не слышала имени русского. На побережье чукотской земли развевался американский флаг; многие чукчи успели побывать в Сан-Франциско и весьма многие объяснялись по-английски». ³³

Аналогичные известия можно было бы умножить, но и приведенные говорят с достаточной убедительностью о том, как далеко зашли действия «китобоев» и к чему они могли привести.

Лишь с 1883 г. было введено регулярное посещение Берингова моря нашими военными кораблями. Они приходили туда во второй половине лета, в то время как американские шхуны уже успевали к этому времени побывать во всех населенных пунктах пролива. Тем не менее в 80-х годах военными кораблями было арестовано 5 китобойных шхун, уличенных в контрабандной торговле. Факты эти имели известное влияние если не на сокращение торговли, которую успевали производить американцы до прихода русского военного судна, то хотя бы на уничтожение пиратских приемов ее. Ликвидировать контрабандную торговлю при тех средствах контроля со стороны Морского ведомства, которые были определены для этой цели, так и не удалось. Хищники стали более изощренными и изворотливыми.

В 1884 г. клипер «Разбойник» арестовал шхуны «Элиза» и «София Джонсон». Последняя принадлежала американцу Макена, который на следующий год направил к берегам Чукотки пароход «Альянс». При встрече с чукчами он цинично заявил им, что за арест русскими его шхуны он «еще больше будет возить водки и теперь его уже больше не поймают», ³⁴ и это после того, как рус-

³¹ Заметки во время плавания около берегов Чукотской земли и в Ледовитом океане в 1876 году. «Морской сборник», № 7, 1877, стр. 62.

³² И. И. Майнов. Население Якутии. Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 415.

³³ А. П. Сильницкий. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь. «Записки Приамурского отдела РГО», т. II, в. III, Хабаровск, 1897, стр. 19.

³⁴ А. А. Ресин, ук. соч., стр. 67.

ские консульства в Иокогаме и Сан-Франциско опубликовали в 1881 г. для общего сведения, что «без особого позволения или разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири, иностранным судам возбраняется торговля, охота, рыболовный промысел и пр. на русских берегах и островах в Охотском и Беринговом морях, на северо-восточном берегу Азии и в пределах территориальных вод, омывающих эти берега и острова».³⁵

В 1886 г. на переходе между заливом Лаврентия и мысом Чаплина русским корветом «Крейсер» была задержана, а затем конфискована шхуна «Генриэта», принадлежавшая американцу Сенет и К°. «На шхуне оказалось 4000 фунтов китового уса, 800—1000 фунтов моржовых клыков, 500 лисьих шкур, 70 пар чукотских сапог, всего примерно на 15 тысяч долларов».³⁶ Все это было приобретено у населения нашего побережья.

Контрабандной торговлей у наших берегов ежегодно занималось несколько десятков шхун, стремившихся опередить одна другую, многие из них занимались одновременно и торговлей, и хищническим промыслом китов и моржей. Однако случаи с задержанием и конфискацией шхун военными кораблями заставили многих хищников и контрабандистов быть осторожнее. В 1891 г. к устью Анадыря пришли на двух байдарках носовые чукчи; они рассказали, что «к их жительству приходило 35 торговых американских судов, которые очень торопились, даже не успели распродать все товары», так как боялись, чтобы русский пароход их здесь не застал.³⁷

По количеству вывозимых товаров и судов, проникавших к нашим берегам, можно судить о размерах этой контрабандной торговли. Опасаясь быть захваченными врасплох русскими судами, американские контрабандисты меняли тактику торговли. Если до учреждения крейсерства они предпочитали заходить во все бухты и вести обмен непосредственно с населением, то после случаев конфискации их судов они начали создавать свою агентуру среди чукчей и эскимосов, по преимуществу из торговцев (каваралыт), с которыми и вели оптовые сделки.

Массы чукотского населения благожелательно отнеслись к появлению русских военных судов и их действиям. Так, в 1884 г. команда клипера «Разбойник» произвела обыск в складах уэленского торговца-чукчи. В них было найдено, помимо оружия, три пятиведерных бочонка со спиртом, ром. Все это тут же было вылито на землю. «К выносу контрабанды, как сообщалось в отчете о крейсерстве, и уничтожению вина народ отнесся вполне спокойно, с весьма добродушными усмешками».³⁸

³⁵ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 35, л. 19.

³⁶ Там же, оп. 2, д. 548, л. 16—17.

³⁷ Там же, оп. 1, д. 116, л. 183.

³⁸ Там же, оп. 6, д. 6, л. 18 об.

Отношение чукотского народа к мерам против их угнетателей нашло яркое отражение в устном творчестве. В эпической форме рассказывается о борьбе двух «начальников», одного с американского судна, другого с русского. Победа остается за последним. Симпатии на стороне русского начальника, ибо он защищает чукчей, и поэтому ему придаются все черты, характерные для чукотского воина-богатыря.³⁹

Крейсерство не избавляло полностью побережье Чукотки от хищников, а население от иностранной эксплуатации. Кроме того, оно недостаточно способствовало проникновению русского влияния и упрочению позиций самодержавия на Крайнем Северо-Востоке. Со всей очевидностью возникла необходимость создания на Чукотке административного аппарата и налаживания русской торговли.

В 1888 г. было принято решение об образовании Анадырского окружного управления. Первым начальником его был назначен врач Л. Ф. Гриневицкий. Он прибыл со своим персоналом на устье Анадыря в июле 1889 г. Местом резиденции Анадырской округи назначалось с. Марково.

Военный губернатор Приморской области генерал-майор Унтербергер, оформляя назначение Гриневицкого, определил его задачи так: «Высшим правительством было признано необходимым выделить северную часть Гижигинской округи в самостоятельную административную единицу под названием Анадырской округи, начальником которой назначены Вы.

«Округа эта обитается преимущественно инородческим племенем чукчами, которые до сих пор считают себя народом свободным и ясака русскому правительству не платят. Чукчи и соседние инородцы уже давно ведут деятельную меновую торговлю почти исключительно с американцами и потому последние приобрели между ними сильное влияние.

«Американцы во многом оказали пагубное влияние на чукчей, они снабжают их преимущественно спиртными напитками.

«В настоящее время все большее и большее истребление морского зверя грозит для чукчей рано или поздно бедствием. Как предотвратить эти бедствия и что предпринять для обеспечения местными промыслами довольствия и спокойной жизни инородцев этой северной окраины, и будет составлять на первое время Вашу главную задачу. С этой целью Вы должны стремиться вызвать сознание у чукчей их принадлежности к Русской империи и стараться объясачить их не столько для прибылей государственного казначейства, сколько ради того, что уплата ясака доказывает, что инородец признает над собою известную правительственную власть.

³⁹ В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900, стр. XXXI—XXXIII.

«Все это должно достигаться ласковым обращением. Ваша работа, во-первых должна заключаться в пассивном наблюдении над действиями в крае иностранцев».⁴⁰

Кроме этих поручений, Гриневицкий должен был «ознакомиться с составом, материальным положением, вероисповеданием, обычаями и санитарным состоянием населения края», изучить промыслы и торговлю, собрать сведения о нуждах населения и потребностях «с изысканием способов и мер к удовлетворению их, способствовать сближению нашему с инородцами».⁴¹

Из поставленных перед ним задач он успел сделать немного, так как в 1891 г. умер.

Только через три года был назначен новый начальник, также с задачами ознакомления и подготовки условий для организации уездного управления, — Н. Л. Гондатти (ученый секретарь Общества антропологии, этнографии и естествознания при Московском университете).

Гондатти решительно взялся за исполнение возложенных на него обязанностей: посетил населенные пункты побережья от устья Анадыря до Чаплино, побывал на многих стойбищах оленеводов к югу и северу от Анадыря, был на Анюйской ярмарке и т. д.

Он придавал решающее значение развитию русской торговли с чукчами. Кроме чисто коммерческой выгоды, торговля, по его мнению, должна была послужить самым надежным средством «к распространению русского влияния над чукчами». Распространение же между чукчами русской власти без снабжения их товарами он считал совершенно невозможным делом.

Вместе с тем он установил контроль над торговлей: запретил торговцам объезжать стойбища оленеводов, организовал ряд местных ярмарок — Устьбельскую, Марковскую, Еропольскую, Туманскую и др.⁴²

На устье Анадыря был создан склад казенных товаров с твердыми ценами, что в известной мере оказало положительное влияние на регулирование цен, по крайней мере на устье Анадыря. Тогда же был основан Ново-Мариинский пост, вокруг которого стали селиться чукчи.

Создание русского поста на устье Анадыря приостановило появление здесь контрабандных шхун. Однако побережье Чукотки к северу от залива Креста оставалось по-прежнему вне досягаемости уездной власти. Там продолжали хозяйничать иностранцы.

На Чукотском полуострове положение населения и вообще вся обстановка осложнились еще больше после того, как в 1900 г. полковнику Вонлярлярскому было предоставлено исключительное

⁴⁰ ГАМО, ф. р.-37, оп. 1, д. 9, лл. 17—18.

⁴¹ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 116, лл. 18—19.

⁴² Н. К о л и н. Иностранцы в Сибири. I. Чукотский край. «Русский вестник», т. 252, 1897, декабрь, стр. 421.

право разведки и попутной разработки золота и прочих полезных ископаемых на Чукотском полуострове.

Начинание Вонлярлярского с момента организации находилось в зависимости от английского финансиста лорда Солсбери, поэтому доступ иностранцам на Чукотку оказался свободным.

В 1902 г. Вонлярлярский создал акционерное предприятие под названием «Северо-Восточное сибирское общество» с акциями на предъявителя. Большинство их оказалось в руках американских капиталистов. Фактическим распорядителем всех дел Общества стал крупный торгово-промышленный синдикат на Аляске, главным распорядителем которого был американец Джон Розин.

Согласно уставу Общество имело целью «разведку и добычу полезных ископаемых на Чукотском полуострове и прилежащих к нему островах, а также производство различных морских и речных водных промыслов в Беринговом море и Ледовитом океане с их заливами, проливами и реками на материке Восточной Азии российских владений, производство птичьего и звериного промыслов, изготовление консервов и вообще использование всевозможных продуктов означенных промыслов и торговлю как этими продуктами и изделиями из них, так и другими товарами».⁴³

На Чукотке уже в 1902 г. появились проспекторы-золотоискатели из Америки. Тогда же Общество открыло ряд своих факторий на Чукотском полуострове, в бухте Провидения, в Дежневой и в заливе Лаврентия.

В связи с русско-японской войной Общество приняло поручение правительства доставлять продукты и товары на все Тихоокеанское побережье Чукотки.

Так Северо-Восточное сибирское общество оказалось монополистом торговли на Чукотском полуострове. Многие проспекторы превратились в торговых агентов Общества (Волл и др.), рассеянных в разных местах побережья. Некоторые из бывших проспекторов предпочли заниматься торговлей с чукчами самостоятельно (Свенсон, Карпендель и др.).

Чукчи и эскимосы оказались во власти иностранных торговцев, которых никто не контролировал. «Я видел сам, — писал в 1905 г. Тульчинский, — как пара торбасов (сапоги из нерпичьей кожи) пошла за 5 морских галет (5 морских сухарей); шкура нерпы — за фунт кирпичного чая (1 кирпич в 2.5 ф. Обществу обходится в 35 коп.)».⁴⁴

За операционный 1904/05 г. Компанией на Чукотском полуострове было закуплено китового уса около 6200 фунтов, «что должно дать американскому синдикату чистого дохода только от продажи китового уса около 75 000 руб., не считая прочего дохода,

⁴³ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 64.

⁴⁴ К. Н. Тульчинский. Из путешествия к Берингову проливу. СПб., 1906, стр. 17.

в подобных же размерах, от продажи шкур белых медведей, оленьих, нерпичьих, моржовых клыков и проч.».⁴⁵ Все сырье и пушнина вывозились без пошлин.

Помимо нарушения устава в части эксплуатации горных богатств, Общество стало заниматься преимущественно торговлей с чукчами, при этом спирт играл главную роль, несмотря на то что ввоз и продажа спиртных напитков на Чукотку правительством воспрещались.

В связи с незаконными действиями Общества в 1905 г. на Чукотку был командирован горный инженер Тульчинский. Его выводы и заключение явились предметом обсуждения особого междоуведомственного совещания в 1906 г.

Это совещание пришло к заключению, что «горный и золотой промыслы не получили сколько-нибудь заметного развития, что же касается до укрепления русского влияния на полуострове, в противовес иностранному, то это не только что не было достигнуто, но, наоборот, влияние американское еще больше закрепилось, чему содействовали различные иностранные и полуиностраные уполномоченные и агенты названного Общества».⁴⁶

В результате этого совещания стал вопрос об организации на Чукотском полуострове постоянной полицейской службы. В 1906 г. был учрежден горно-полицейский надзор. Начальник его считался помощником анадырского уездного начальника.

В 1909 г. был утвержден закон, одобренный Государственным советом и Государственной думой, об административном устройстве Приморской области, в одном из пунктов которого говорилось о создании Чукотского уезда.⁴⁷

Никаких других учреждений, кроме уездного полицейского управления, законом не предусматривалось. Штат его состоял из начальника уезда, фельдшера, переводчика и 4-х стражников. Для служебных разъездов была выделена парусно-моторная шхуна «Северная звезда» (11 футов осадки, с 50-сильным мотором) со специальной командой.⁴⁸

Уездный начальник (барон Клейст) прибыл на Чукотку в 1911 г. Местом пребывания его первоначально служила бухта Провидения, в 1912 г. управление перевели в Уэлен.

Созданием Чукотского уезда завершилась организация административных учреждений среди чукчей и сибирских эскимосов.

⁴⁵ Там же, стр. 29.

⁴⁶ П. Ф. Унтербергер. Приамурский край. 1906—1910. СПб., 1912, стр. 276.

⁴⁷ Архив ДВ РСФСР, ф. 1370, оп. 1, д. 13, л. 51.

⁴⁸ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 679, л. 10. — «В состав Чукотского уезда выделяется Чукотский полуостров и прилегающие к нему острова. На юге граница — р. Анадырь, на востоке — Берингово море, на западе р. Амгуема — от устья вверх по течению до водораздела, а затем по линии, идущей через водораздел к р. Черная и далее по течению этой реки и р. Танюрэр до впадения последней в р. Анадырь» (там же, ф. 1005, оп. 5, д. 68, л. 13).

Анадырское уездное управление в основном было связано с оседлым населением Анадыря и оленеводами, тогда как чукотское — преимущественно с оседлыми чукчами и эскимосами.

По мере создания уездных управлений на Чукотке насаждалась местная власть в лице старост, назначавшихся уездными начальниками из числа богатых чукчей — крупных стадовладельцев, торговцев, хозяев байдар.

Кто был близко знаком с чукчами и их обычаями, тот понимал, что назначенные старосты не могут распространять власть на всех определенных под их начало чукчей.

В 1897 г. на должность старосты беломорских (онмыльыт) чукчей был назначен богатый стадовладелец и торговец Омрыроль. Начальник уезда, вручивший старосте кортик, сообщал, что «присвоение Омрыролю звания старосты беломорских чукок не имеет значения для всех их, а он, как был и раньше, так и остался и теперь старшим той группы родников и небольшого числа посторонних, которые кочуют с ним».

Понимая, что власть Омрыроля не распространяется за пределы его стойбища и ближайших соседей (вероятно, родственников) и, следовательно, не прочна, Сокольников решил подобрать ему помощников: «Я постараюсь, чтобы в помощники старосте Омрыролю были выбраны наиболее влиятельные вожаки больших групп. Этим я рассчитываю образовать между ними значительный и влиятельный центр, на который будет опираться власть и влияние старосты ставленника».⁴⁹

В Чукотском уезде действовали более прямолинейно. В 1906 г. был назначен старостой Уэлена и «ближайших окрестных поселков» самый богатый торговец, владелец шхуны, Тн'эск'ын.⁵⁰ В с. Авань был назначен эскимос Капуза, тоже торговец, и т. д.

Уже в 1910 г. было признано, что «чукчи не образуют общин и не имеют начальников, и все попытки русской администрации создать у них старшин и старост кончались неудачей».⁵¹

Этот вывод сделан также с учетом опыта колымских исправников, много лет старавшихся распространить власть самодержавия через ставленников старост и чукотского эрыма.

Г. Майдель, проявлявший особенное усердие в этом отношении, в конце концов должен был сознаться, что все мероприятия русской администрации потерпели полный провал из-за нежелания чукчей признавать русских ставленников.

«Наследственный эрым» Амраургын распространял свою власть только на прианюйских чукчей. Чаунские, анадырские, не говоря уже о приморских, не считались с ним совершенно и не признавали его власти над собой. В секретной записке якутскому губер-

⁴⁹ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 288, л. 52.

⁵⁰ Там же, д. 529, л. 39.

⁵¹ Там же, оп. 2, д. 414, л. 86.

натору Майдель сообщал: «К этим наружным знакам власти (кафтан, медали, кортик и т. п., — И. В.) Амраургын как сам, так и отец и дед его, сумели присоединить более естественные основы. Они владели огромными табунами⁵² и, таким образом, могли держать около себя значительное число бедняков; с другой стороны, они выгодными женитьбами сроднились с самыми богатыми сородовичами, благодаря чему мало-помалу около них образовалась значительная орда, и в настоящее время все анюйские чукчи безусловно признают власть Амраургына».⁵³

В 1881 г. Амраургын умер и его должность чукотского главного эрыма унаследовал сын Афанасий Амраургын. Он еще больше, чем отец, старался служить самодержавию, но скоро разорился, потерял оленей и уже не пользовался никаким почетом и авторитетом у соплеменников. «Чукотский тойон, — писал Олсуфьев в 1896 г., — несмотря на внимание к нему нашего начальства и на получаемые знаки отличия, не имеет для них ни малейшего значения. Хотя сам тойон благодаря медалям и расшитому кафтану приобретает некоторую заносчивость, но этим он только раздражает своих соплеменников, которые в глаза смеются над ним и его фиктивной властью и нередко грозят ему физической силой».⁵⁴

Более или менее прочным было положение чукотских старост, но опять-таки только до тех пор, пока они были состоятельны.

В 1906 г. колымский земский заседатель Н. Попов доносил в Якутск, что «чукчи не признают никакого общественного устройства и повинуются назначенным для них старостам лишь до того времени, пока они богаты и, следовательно, пока они находятся в экономической от них зависимости; раз этой зависимости нет — чукчи не хотят знать никакого начальства. Исчезновение с ярмарки (Анюйской, — И. В.) чукотских старост объясняется именно одним этим фактом: бывшие старосты обеднели и боятся заикнуться об ясаках перед бывшими их подчиненными и сочли за лучшее вовсе не являться на ярмарку (восемь уже лет), на которой с них потребуют ясаков».⁵⁵

Таким образом, искусственное насаждение среди чукчей учреждений общественного устройства, угодного российскому самодержавию, не привилось, да оно и не могло привиться, ибо не соответствовало экономическим и общественным устоям, сложившимся к тому времени у них. Полунатуральный характер чукот-

⁵² «У Амраургына насчитывается до 40 000 животных, а у некоторых его богатых и самых верных приверженцев по 20 и 25 000 оленей» (Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах, т. I, стр. 97).

⁵³ Барон Майдель. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской области. «Сборник трудов исследовательского общества „Saqa—Keskile“», в. 1, стр. 29.

⁵⁴ А. В. Олсуфьев. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896, стр. 108.

⁵⁵ ГАИО, ф. Канцелярии генерал-губернатора, д. 1514, лл. 7—8.

ского хозяйства, дававшего почти все необходимое для жизни, огромные пространства страны с редким населением — все это порождало своеобразную замкнутость, хозяйственную и общественную независимость стойбищ оленеводов и поселков оседлых. Не существовало внешней опасности и других стимулов, которые могли бы толкать их к объединению, как это было в XVIII в.

В этой связи представляются совершенно надуманными опасения якутского губернатора Крафта, высказанные в 1908 г. Столыпину. «Несколько лет тому назад умер и с большой торжественностью похоронен в Колымске чукотский тоен, — писал Крафт. — Ему действительно воздавались чукчами большие почести: он в торжественных случаях надевал головной убор, сделанный наподобие короны, а принимая русских, осведомлялся о здоровье государя-императора и спрашивал: «Как поживает мой брат Николай?». После смерти тоена сын его разорился, не пользуясь никаким влиянием среди народа, ничем не отличался от остальных чукчей. Но нельзя поручиться, что в будущем не появится новый претендент на мнимый чукотский престол и не создаст осложнений, пользуясь малочисленной русской администрацией на севере».⁵⁶

Необоснованность, надуманность высказанных Крафтом опасений очевидна.

На этом закончила свое существование «династия» наследственных чукотских эрымов, созданная еще в начале XIX в. Понадобилось почти целое столетие, чтобы чиновники убедились в полном отсутствии условий для существования у чукчей власти «главного эрыма». По уровню развития общественных отношений чукчей сама идея «главного эрыма» была чужда и непонятна им. Точно так же оказались не менее чужды складу их жизни, представления о власти старост, назначаемых уездным начальником.

По откровенному признанию В. В. Солярского, административное насаждение управления среди чукчей оказалось безрезультатным. «Составляющие особый разряд инородцев чукчи и эскимосы, а также бродячие коряки, — писал он, — не организованы в общества и у них не имеется общественного управления, хотя со стороны русской администрации принимались меры к введению института старшин и старост».⁵⁷

Создавая полицейские учреждения на Чукотке, царское правительство в то же время не делало ничего для развития хозяйства и культуры коренного населения. В 1909 г. Государственная дума высказала пожелания о необходимости принятия правительством некоторых мер в этом направлении. Рядом с такими пожеланиями,

⁵⁶ М. А. Кротов. К истории чукчей. «Сборник трудов исследовательского общества „Saqa—Keskile“», Якутск, в. 1 (4), 1927, стр. 53.

⁵⁷ В. В. Солярский. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. «Материалы по изучению Приамурского края», в. XXVI, Хабаровск, 1916, стр. 49.

как пополнение штатов Чукотского уездного полицейского управления, указывалось на необходимость «устройства беспроволочного телеграфа на Чукотке», принятия мер, направленных к сбережению оленей и собак и организации ветеринарной помощи, пересмотра законов о кочевниках и бродячих инородцах.

От рекомендаций Государственной думы до принятия правительством решений была огромная дистанция, на преодоление которой уходило несколько лет. В 1914 г. все еще велась переписка по поводу пересмотра «действующего положения об управлении кочевыми и бродячими инородцами», в связи с чем военный губернатор Приморской области писал: «Современным социально-экономическим строем жизни требуется, чтобы в отношении инородцев были приняты решительные меры к улучшению и усовершенствованию условий их жизни и к усвоению ими культуры. Инородческое население прежде всего нуждается в содействии к его умственному развитию, поднятию самостоятельности и переходу к более усовершенствованным приемам пользования естественными богатствами».⁵⁸

Чиновник того же ведомства В. В. Солярский в 1915 г. здраво и достаточно объективно оценил одностороннюю направленность действий начальства в отношении коренного населения Севера.

«Политика краевой администрации в отношении инородческого населения, — писал он, — сводилась с 60-х годов прошлого столетия к полному предоставлению инородцев в своей жизни и развитии самим себе. Администрация не только не принимала мер к улучшению экономического положения инородцев и к переходу их к новым, культурным формам жизни, но никогда не приходила на помощь и в периоды развития между ними голода, и бывали даже случаи, когда административные распоряжения содействовали процессу обеднения инородцев.

«Не озабочиваясь вообще приобщением инородцев к европейской культуре, краевая администрация не принимала и систематических мер против факторов, обуславливающих вырождение и вымирание инородцев».⁵⁹

Показательным в этом плане является то, что население Чукотского уезда в периоды голода никогда не получало государственной помощи и всецело было предоставлено собственным силам.⁶⁰

Невнимание к нуждам народов Севера определялось национальной политикой самодержавия, а не забывчивостью «краевой администрации», как это представлял В. В. Солярский.

Юридическое положение чукчей и сибирских эскимосов в империи в начале XX в. оставалось таким же, каким оно было опре-

⁵⁸ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 347, л. 70.

⁵⁹ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 172.

⁶⁰ Там же, стр. 102.

делено в уставе 1822 г. Они считались состоящими в зависимости от Российского государства, но не подданными. Управлялись по своим обычаям, никаких повинностей не несли и никакими сборами не облагались. Ясак вносили только на ярмарках и только добровольно, за что получали подарки.

Взимание ясака с чукчей, несмотря на то что они были добровольными плательщиками его, считалось делом первостепенной важности для уездных начальников. Как уже отмечалось выше, внесение ясака рассматривалось как выражение подданства. Поэтому чем больше было добровольных плательщиков, тем, следовательно, больше подданных. Никакие изощрения чиновников, ни даже щедрые подарки не могли приучить чукчей к регулярности взноса ясака.

И в начале XX в. дело с обложением чукчей ясаком оставалось в том же положении, что и в XIX в. Юридическое положение их в империи позволяло им в этом отношении свободу выбора. Даже в Уставе о прямых налогах издания 1914 г. оговорено, что чукчи и эскимосы только «платят дань» и притом «по собственному их произволу как в количестве, так и в качестве».⁶¹

Не привлекали их и подарки, которые порой намного превышали стоимость вносимого ими ясака. «С 1866 года, — указывает Олсуфьев, — вместо денег (150 руб. серебром), на которые колымский начальник сам покупал подарки, вещи эти стали высылаться прямо из Якутска на сумму 70 руб. серебром (по якутским ценам). Но в Анюйске стоимость этих подарков составляла 255 руб., между тем как полученный за них добровольный ясак по местной же колымской цене колебался между 15 и 45 рублями».⁶²

По сведениям Колымского окружного полицейского управления, за десятилетие с 1881 г. по 1890 г. носовыми чукчами (торговцами) внесено в уплату ясака лисиц красных 75, песцов 46, куниц 1. В то же время выдано подарков на 611 рублей, что, по мнению колымского исправника, совершенно невыгодно государству, так как эти же шкурки «можно приобрести дешевле от торговцев, скупщиков».⁶³

Якутское областное управление в 1891 г. пришло к выводу, что вопрос о привлечении чукчей к совершенному подданству России и обложению их ясаком на основании существующих законов (ст. 857, т. IX «Свода законов» издания 1876 г.) не может быть решен «давлением со стороны местной власти, до того, по крайней мере, времени, пока сами инородцы не придут к заключению о несостоятельности своего родового управления или обычного права и о преимуществе правительственной опеки».

⁶¹ Там же, стр. 67.

⁶² А. В. Олсуфьев, ук. соч., стр. 93.

⁶³ ГАИО, ф. Канцелярии иркутского генерал-губернатора, IV делопроизводство, д. 364, лл. 14—16; «Сибирский вестник», Тобольск, 1893, № 24.

В этой связи было решено «порядок снабжения вещами и предметами отдаривания носовых чулок оставить прежний». ⁶⁴

В 1905 г. уже почти никто из приколымских чукчей (к востоку от Колымы) не вносил ясака. «Многие отказываются платить, находя, что в случае бедствий и платящие и не платящие одинаково не получают помощи». ⁶⁵

Тем не менее уездные начальники проявляли настойчивое усердие. Немало было приложено усилий в этом направлении в Анадырском уезде.

По давно заведенной традиции ясак получали с чукчей на ярмарках, перед началом открытия торговли. Эта традиция была перенесена с Анюя на Анадырь, где были организованы Гондатти местные ярмарки, и хотя ему удалось собрать ясак с 200 человек, превратить это в систему он не смог. ⁶⁶

Прав был Сокольников (начальник Анадырской окружной полиции), который в рапорте военному губернатору Приморской области в 1898 г. писал: «Слову „ясак“, употреблявшемуся моим предшественником (Гондатти, — И. В.) при представлении собранной от чулок пушнины, не следует придавать действительного значения этого слова в смысле определенной подати: здешний ясак вносился при моем предместнике и вносится теперь только теми из чукотских скупщиков пушнины, которые явились на ярмарку или в оседлое поселение и вошли в торговую сделку с кем-либо из наших торгующих, таким образом, он имеет вид как бы торговой пошлины». ⁶⁷

То же было и на Анюйской ярмарке, т. е. ясак вносился только торговцами. Основные массы чукотского населения ясака не вносили. Следовательно, ни чукчи, ни сибирские эскимосы не испытывали, к своему счастью, всей тяжести обложения ясаком, как это пришлось на долю других народов Севера.

Царское правительство всегда умаляло человеческие достоинства народов Севера («инородцев») и ограничивало их в правовом отношении. Так, например, в 1906 г. были изданы дополнения и уточнения к манифестам 6 августа и 17 октября 1905 г. В одном из них говорилось: «Предоставить всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением инородцев (разрядка наша, — И. В.), одинаковые в отношении государственной службы права». ⁶⁸ Как видно, это исключение распространялось на всех «инородцев», и подданных, и не подданных.

⁶⁴ ГАИО, ф. Канцелярии иркутского генерал-губернатора, IV делопроизводство, д. 364, лл. 38—39.

⁶⁵ С. А. Бутурлин. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края. СПб., 1907, стр. 52.

⁶⁶ Анадырский край. Письмо Гондатти к Д. Н. Анучину. «Землеведение», т. IV, М., 1898, стр. 142.

⁶⁷ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 288, л. 53.

⁶⁸ Там же, ф. 1370, оп. 1, д. 15, Циркуляры департамента полиции, л. 2.

В начале 1910 г. Столыпин поставил в известность приамурского генерал-губернатора, что «комиссия по направлению законодательных предположений высказалась за пересмотр законов о кочевых и бродячих инородцах и за скорейшее учреждение сельских обществ». При этом подчеркивалось, что на территории всего Охотско-Камчатского края совершенно не имеется сельских обществ, обязанности властей повсюду исполняет полиция.

Одновременно Министерство внутренних дел разъясняло: «Все оседлые инородцы должны управляться по правилам, установленным для крестьян, без всяких в этом отношении изъятий или отступлений, не исключая и суда», а кочевые, подобно оседлым, должны пользоваться правами сельских обывателей.⁶⁹

С перечислением в разряд оседлых инородцев они освобождались от ясачной повинности, но должны были нести другие.

Создание административных органов нарушало самобытные устои жизни коренного населения Сибири и Севера, о чем так печались составители устава 1822 г. Как известно, в основание действующих законов об «инородцах» был положен принцип невмешательства в их самобытное развитие, они не должны были быть стесняемы в своей жизни, а предоставлены в своем развитии самим себе. Роль административных органов должна была сводиться к обереганию их самобытности и интересов от посягательств извне.

Все эти принципы и законы давно уже не соответствовали капиталистическим основам буржуазно-помещичьего государства России.

В 1914 г. в Анадырском уезде было введено общественное управление для поселков Марково, Еропол, Оселкино, Солдатово, Вакерина, Усть-Белая, Утесики, Чикаево и Ново-Мариинск с объединением всех в одно сельское общество под названием Марковское. Сюда же вошли все оседлые чукчи, жившие в названных поселках.

В Чукотском уезде эскимосы и все береговые чукчи были переведены в разряд оседлых, и у них также вводилось сельское общественное управление со всеми вытекающими отсюда обязанностями и правами.⁷⁰

Таким образом, вопрос о включении оседлых чукчей и сибирских эскимосов в русское подданство решился автоматически, без всяких затруднений.

По-прежнему на положении бродячих оставались оленные чукчи. В разряд кочевых были переведены только оленные коряки и часть чукчей, кочевавших вместе с ними, в частности в районе Апуки. Здесь предполагалось создать Апукинскую инородческую управу.

⁶⁹ Там же, ф. 702, оп. 2, д. 414, л. 71.

⁷⁰ Там же, ф. 702, оп. 3, д. 414, л. 36. См. также: Инструкция об устройстве сельских обществ в Камчатской области. Типография Канцелярии приамурского генерал-губернатора, Хабаровск, 1914.

Первая империалистическая война помешала претворить в жизнь большую часть намечавшихся преобразований.

Сами чукчи давно уже считали себя людьми русского государства. Они радовались, когда появились первые военные корабли для охраны берегов Чукотки. Еще больше они почувствовали себя в составе русского государства, когда были учреждены уездные управления, налажено регулярное сообщение с Владивостоком, появились казенные склады, развернулась торговля русских и т. п. Поэтому нет ничего удивительного в том, что во время первой империалистической войны чукчи сочувственно отнеслись к призыву оказать материальную помощь Обществу Красного Креста. Они также приняли участие в сборах средств на строительство воздушного флота.

В 1916 г. за добровольные пожертвования для воздушного флота, Красного Креста и другие жертвователям выдавались нагрудные знаки. В числе лиц, получивших такие значки, были чукчи: Рынтыгыргын, сын Тэвлялкота, Амулынват, Тевлягыргын (Туманский), Тэгругъи (с севера) и др.⁷¹

Христианизация чукчей

Верным сподвижником самодержавия в деле русификации и приведения в подданство народов Севера была православная церковь. Ее учреждения возникали почти одновременно с организацией торговых и административных пунктов на Севере.

Вопрос о массовой христианизации чукчей стал только после того, когда были налажены с ними регулярные связи.

Вместе с постройкой Анюйской крепости была воздвигнута часовня, которая должна была обслуживать чукчей.

До середины XIX в. пропаганда христианства среди чукчей велась в основном через часовню Анюйской крепости, куда чукчи собирались лишь на время ярмарки. Туда же приезжали миссионеры.

Деятельность миссионеров почти не оставила никаких следов. Они не знали чукотского языка, действовали через местных переводчиков, которые, как и чукчи, не понимали основ христианской религии, далеких и чуждых их идеологическим воззрениям.

Некоторые чукчи крестились, но они требовали за это подарков. Весьма красочно описано крещение в Анюйской часовне Ф. Матюшкиным.⁷² Спутник Ф. Матюшкина доктор Кибер, также наблюдавший крещение чукчей, писал: «Сказать правду, христианство там процветет не скоро. Для формы все чукчи, проходящие на ярмарку, бывают крещены, но они крестятся только тогда,

⁷¹ Архив ДВ РСФСР, ф. 1370, оп. 1, д. 40, л. 2.

⁷² Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824. Изд. Главсевморпути, 1948, стр. 388.

когда им дают табаку, железных вещей и проч. Ни один чукча не крестится по убеждению, лишь только получит подарки, — отправляется во-свояси и забывает и крещение, и данное при крещении имя».⁷³

В 1848 г. на устье р. Б. Баранихи была сооружена церковь и жилой дом для миссионера-проповедника. А. Аргентов был первым и последним обитателем этой миссии.⁷⁴ Позднее эту церковь изредка посещали в летнее время колымские священники.

В 1860 г. миссионер-священник П. Суворов окрестил в этой церкви несколько чукчей. И в 60-х годах чукчи также не понимали, зачем нужно креститься, как и 40 лет назад. Даже торговцы, которые ежегодно бывали на ярмарке и были окрещены, не прониклись благоговением к церкви и уважением к ее служителям.

Будучи на ярмарке, Суворов обратился к крупному торговцу и «начальнику» носовых чукчей Д. Хотто, прося привести всех некрещеных чукчей, прибывших с ним. Эту просьбу Хотто выполнил, однако во время продолжительного поучения Суворовым вновь обращаемых грубовато прервал его, заявив: «...окрести их поскорее, мне захотелось спать, я сам поучу их дома».⁷⁵

В 1868—1869 гг. чукотскую миссию посетил якутский епископ Дионисий. Под его нажимом чукотский эрым Амраургын за свой счет построил часовню на р. Эломбал.

В 1879 г. с подчинением Якутской епархии, была учреждена Чукотская духовная миссия в составе трех станов: Сенкельского, Чаунского и Эломбальского. С 1877 г. в Чукотской миссии подвизались три миссионера из монахов. Сенкельский стан должен был обслуживать чукчей Западной тундры и эвенов, два других — чукчей к востоку от Колымы. Их деятельность не распространилась, однако, далее мыса Шелагского. Почти никаких следов христианизации чукчей эта миссия не оставила.

Примерно так же обстояло дело с христианизацией чукчей и по Анадырю, где еще в 1839 г. в пос. Крепость была построена часовня. В 1844 г. туда прибыл первый причт для обращения чукчей в христианство. Летом священник выезжал на устье Анадыря, куда прикочевывало несколько лагерей чукчей. В 1847 г. он сообщал в Камчатскую епископию, что «со времени открытия Анадырской миссии (т. е. с 1844 г., — И. В.) до 1 января 1847 года всех чукоч окрестилось 151 душа».⁷⁶

⁷³ В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822, ч. I, СПб., 1872, стр. 343.

⁷⁴ А. Аргентов. Описание Николаевского Чаунского прихода. «Записки Сибирского отдела РГО», 1857, кн. III, отд. 1.

⁷⁵ Походный журнал миссионера-священника Петра Суворова во время поездки его в Анюйскую крепость в 1860 г. «Записки Миссионерского общества», в. IV, СПб., 1868, стр. 126.

⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии Синода, д. 1565, лл. 1—2.

В 1849 г. из Камчатской епархии доносили в Синод, что священник Р. Верецагин на Анадыре «вновь присоединил к стаду Христову 74 души обоюбого пола».⁷⁷

Несмотря на усердие миссионеров, христианство не пустило, можно сказать, никаких корней в чукотской среде. Только номинально некоторые из них числились христианами.

Обследовавший в 1895 г. Анадырский округ адъютант командующего Приамурским военным округом полковник А. В. Олсуфьев сделал следующее заключение: «Обращение чукоч в православие пока не дало никаких ощутительных результатов. Хотя теперь большая часть чукоч Колымского округа и около 700 человек Анадырского числится православными, но сами обращенные остались верными прежним языческим обычаям».⁷⁸

Такое же положение наблюдалось и в 1905 г. «Распространение христианства среди прианадырских чукчей, — сообщал уездный начальник, — идет весьма медленно и не имеет никаких устоев, кроме обрядовой стороны крещения».⁷⁹

Не продвинулось дело христианизации чукчей и в последующее десятилетие.

Просвещение и здравоохранение

В системе мероприятий царизма на северных окраинах России просвещение и здравоохранение занимали самое последнее место. Нет поэтому ничего удивительного в том, что первые школы для чукчей и сибирских эскимосов появились лишь накануне февральской революции.

Православная церковь так и не смогла обосноваться на Чукотке, поэтому миссионерских школ для чукчей там создано не было.

В 1883 г. была открыта церковно-приходская школа в с. Марково, в которой обучались дети обруселых юкагиров, чуванцев и русских. Чукчей среди них не было. С 1898 г. мальчиков старшего возраста обучали бондарному делу.

В 1905 г. в школе обучалось 32 мальчика и 17 девочек. Учителем был псаломщик Афанасий Дьячков, самоучка. Дети получали в школе самые начала грамоты. За 3—4 года они едва выучивались читать и писать».⁸⁰

В 1910/11 учебном году ни учебников, ни письменных принадлежностей в школе не было. Имевшиеся учебники были издания 1860, 1870-х годов.⁸¹

⁷⁷ Там же, д. 1060, л. 1.

⁷⁸ А. В. Олсуфьев, ук. соч., стр. 95.

⁷⁹ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 479, л. 82.

⁸⁰ Там же, д. 749, л. 81.

⁸¹ Там же, ф. 1005, оп. 5, д. 78, лл. 100—101.

Впервые вопрос о создании на Чукотке министерских школ возник в 1910 г. Приамурский генерал-губернатор обратился в Министерство внутренних дел с представлением о необходимости открыть на Чукотском полуострове в сел. Уныин (Чаплино) и Уэлен «в целях русификации и просвещения чукчей школы — опытные станции по оленеводству, собаководству и рыболовству».⁸² Он вынужден был выступить с таким ходатайством, так как эскимосы с. Уныин обратились к нему с просьбой об открытии школы в их селе. При этом они справедливо упрекали русское правительство в том, что «оно проявляет меньше заботы о них, чем американцы о своих эскимосах».⁸³

В 1912—1913 гг. в Провидении в течение одного учебного года работала миссионерская русская школа. Обучение вел православный миссионер, присланный из Аляски.

Некоторые из эскимосов направляли своих детей в школу на о. Лаврентия.⁸⁴ Обучение там велось на английском языке.

Лишь в 1916 г. на Чукотку были завезены в разобранном виде здания школ. Одна из них была построена в с. Уэлене, другая в с. Чаплино. Это были одноклассные школы. Обе школы были снабжены «незначительными наборами плотничьих, столярных инструментов». В будущем предполагалось открыть при школах ремесленные классы.⁸⁵

Дети с большой охотой начали посещать школу. Например, в с. Уныин школу посещало 46 детей. Кроме того, вечером в ней занимались взрослые эскимосы. Их собиралось до 30 человек. Все они охотно изучали грамоту на русском языке.

Таким образом, самодержавие почти ничего не сделало в части просвещения чукчей.

Еще меньше внимания царское правительство уделяло здравоохранению на Чукотке, да и в других местах Камчатской области.

«С первого года я хлопочу, — писал в письме к Д. Н. Анучину в 1895 г. Н. Л. Гондатти, — о докторе, акушерке и главным образом о ветеринарной помощи, но хлопоты мои пока еще не увенчались успехом».⁸⁶

В 1905 г. действовало два фельдшерских пункта; один в Марково, другой в Ново-Мариинском посту. Они обслуживали в основном русских.

В Чукотском уезде начал функционировать фельдшерский пункт с 1906 г. Он разместился в бухте Провидения.

В 1916 г. на всей Чукотке было 3 фельдшерских пункта: в Марково, Ново-Мариинске и в бухте Пlover.

⁸² Там же, ф. 702, оп. 2, д. 347, л. 49.

⁸³ В. В. Соляровский, ук. соч., стр. 140.

⁸⁴ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 67.

⁸⁵ Там же, оп. 3, д. 563, л. 56.

⁸⁶ Анадырский край. Письмо Гондатти к Д. Н. Анучину, стр. 138.

При такой ничтожной медицинской помощи вполне естественно было распространение разных болезней, особенно эпидемических и вместе с ними сокращение населения.

В. В. Солярский, анализируя причины сокращения коренного населения Камчатской области, признавал, что «вымирание инородцев не зависит от факторов внутреннего свойства, кроющихся в физической конституции и национальных особенностях инородцев, в смысле их жизнеспособности и биологической устойчивости».⁸⁷

Этот неутешительный вывод он подкрепил указанием на то, что царское правительство никогда не оказывало необходимой помощи коренному населению северо-востока Сибири, даже в период голодовок.

Торговля

Население Чукотки пережило тяготы двойного колониального гнета — царизма и американского капитализма. Трудовые массы коренного населения, кроме того, страдали от эксплуатации своих торговцев — чукчей и сибирских эскимосов.

Более тяжким для народов Чукотки был грабеж американских торговцев и браконьеров. Он носил особенно варварский, разорительный характер.

Вся вторая половина XIX—начало XX в. для коренного населения северо-востока Сибири было временем произвола иностранцев, сочетавших хищническое истребление морских млекопитающих с грабительской торговлей.

Более 70 лет американские китобои и торговцы почти бесконтрольно хозяйничали на побережье Чукотки. Они все больше и больше захватывали в свои руки торговлю с чукчами и сибирскими эскимосами.

Именно их вторжением объясняется падение торговли на Анюйской ярмарке, почти полное прекращение торговых связей населения Чукотского полуострова с русскими на Колыме и Анадыре.

Не один десяток дельцов из Штатов нажил состояние на торговой эксплуатации населения Чукотки, ее природных богатств.

Олаф Свенсон прибыл на Чукотку в 1902 г. как проспектор-золотоискатель, но вскоре превратился в крупного торговца с большим состоянием. В 1924 г. склады его товаров на Чукотке и Камчатке были оценены в 500 000 долларов.⁸⁸

Весьма состоятельными людьми уехали с Чукотки Таллентайер, Томсон, Карпендель, Нельсон и др.

⁸⁷ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 170.

⁸⁸ Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР. Магадан, 1961, стр. 47.

Подстегиваемые жаждой наживы, они изощрялись в изобретательности, поражающей откровенным цинизмом, бесчеловечностью.

Американский журналист Уильям Гильдер полагал, что водка служит главным средством наживы китоловов и торговцев. Чтобы еще больше увеличить свои прибыли, они разбавляли водку водой, затем прибавляли в нее для крепости «кайенского перцу, табачного соку и других едких ингредиентов, и приходится лишь удивляться, каким образом могут люди пить ее безнаказанно, не падая тут же на месте мертвыми».⁸⁹

В 90-х годах XIX в. делец и пройдоха некто Бебер, по меткому определению Калининкова, «один из самых темных гениев нашего незащищенного Севера», владея шхуной, вывез с нашего побережья целую деревню, возил ее по всем Соединенным Штатам и показывал за деньги на Сиатльской выставке.⁹⁰

К Чукотке тянули руки не только китобой и мелкие торговцы, но и Аляскинская торговая компания, филиалом которой было Северо-Восточное сибирское общество. Ее агенты бесцеремонно, как в своих владениях, хозяйничали на Чукотке. В 1905 г. эскимос Панаша из с. Наукан показал русскому представителю два патента. Один из них был написан на бланке North Western Commercial Co. В нем значилось, что «агент поста Дежнева, с согласия начальника поста (г. Подгорского), разрешает Панаше как хорошему торговцу заниматься продажей по всей Сибири, причем пошлина в 14 шт. красных лисиц получена».

Другая бумажка, написанная тем же почерком, гласила о разрешении «Панаше продать, кому он пожелает, 45 бутылок виски». По объяснению Панаша «обе записки писал бывший агент Дежневского поста Лирру, причем за право торговать водкой он взял много, много пластин китового уса».⁹¹

Подобными примерами пестрит вся история деятельности американских торговцев и китобоев на Чукотке. Но есть еще одна сторона их деятельности, более гнусная и пошлая. Наряду с ограблением населения они несли разврат и распространение всевозможных заболеваний.

Ранней весной, обычно в мае, китобойные шхуны и пароходы подходили прямо к кромке припая. Жители подъезжали на собаках, привозили на обмен, у кого что имелось. Их угощали чаем, табаком, куском сахара, а если предполагался серьезный торг, то и спиртом. Тут же китобой решали, каких и сколько женщин чукчанок или эскимосок они возьмут с собою в плавание. «Подпойть требовалось только влиятельных членов семейств». Кроме того, им давали «по мешку муки или какой-либо другой пустяк». После

⁸⁹ У. Гильдер. Во льдах и снегах. СПб., 1886, стр. 35.

⁹⁰ Н. Ф. Калининков. Наш Крайний Северо-Восток. СПб., 1912, стр. 173.

⁹¹ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 7.

этого «китобои сбрасывают лишнюю публику на лед, оставляют облюбленных женщин и благополучно уходят в С. Ледовитый океан. Там невольные подруги их безалаберно-грязной жизни делают с ними все превратности судьбы, а осенью при возвращении домой их сбрасывают на берег у тех же деревень, заплатив кульком муки да отрезком ситца на платье в придачу к бесплатному сифилису и беременности».⁹²

Лишь в советское время советским врачам удалось ликвидировать эти последствия импортной «цивилизации» на Чукотке.

Население было буквально терроризировано торговцами, боясь возражать им. В 1910 г. жители одного из поселков на побережье Ледовитого океана жаловались начальнику Чукотского уезда Клейсту, что американцы отобрали у них моржовые клыки. Когда он их спросил, почему они позволили это американцам сделать, получил такой ответ: «А как же ослушаешься, они могут и увести ослушника совсем».⁹³

На Чукотку ввозились в основном такие товары, от продажи которых можно было ожидать наибольшей прибыли: спирт, оружие с боеприпасами, табак, чай, кое-какая посуда, дешевые украшения и т. п.

Как уже было сказано выше, ввоз спиртных напитков на Аляску воспрещался. Все запасы спирта на шхунах и пароходах, душих в Ледовитый океан, реализовались на нашем побережье.

В 1906 г. произошел такой случай. Русский военный транспорт «Шилка» у м. Дежнева задержал шхуну «Grey Hound», на которой при досмотре было обнаружено 30 ведер спирта. При его конфискации оказалось, что на шхуне находится таможенный чиновник с Аляски. Это странное обстоятельство побудило командира транспорта пройти в Ном. Управляющий таможенными сборами на Сьюардском полуострове г. Гарфильд «подтвердил, что да, на шхуне имеется таможенный чиновник, который обязан следить за тем, чтобы торговли спиртом у Американских берегов не было».

Офицер, составлявший рапорт по этому поводу, вероятно, был недалек от истины, когда писал в своем заключении: «Таким образом, выяснилось участие в проделках спиртовозов американских аляскинских властей, которые, несомненно, состоят в доле со спиртовозами».⁹⁴

Гарфильд и его чиновники, конечно, понимали, что такое контрабанда, они также хорошо знали о существовании запрета торговли спиртом на нашем побережье. Однако они не задерживали своих соотечественников, наоборот, содействовали нарушению ими правил пограничного режима, но только в пользу интересов

⁹² Н. Ф. Калинин, ук. соч., стр. 173.

⁹³ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 669, л. 19.

⁹⁴ Там же, оп. 2, д. 206, л. 222.

американской торговли. Это не случайно. Аляскинская таможня явно покровительствовала (и даже больше) Северо-Западной торгово-промышленной компании.

Тот же начальник таможни Гарфильд оказывал компании весьма серьезные услуги. По ее требованию был прекращен обмен между аляскинскими эскимосами и коренным населением Чукотки. «Задерживая и конфискуя пушнину и вообще всякие товары, привозимые с сибирского побережья, Гарфильд передавал их Северо-Западной торговой компании».⁹⁵

Эти действия таможни помогали компании прибирать к рукам все нити торговли, в том числе и на Чукотке. «Инородцы Чукотского полуострова, — писал в 1905 г. Тульчинский, — в настоящее время предоставлены бесконтрольной, самой бессовестной эксплуатации со стороны американского синдиката и его многочисленных главных и второстепенных агентов».⁹⁶

Сама торговля носила типично колониальный характер. Завозились товары, способствовавшие развитию пушного и морского зверобойного промыслов. Вывозилась пушнина, олень сырье, продукты морского зверобойного промысла.

Грабительский характер торговли отчетливо прослеживается на ценах. Так, по воспоминаниям чукчей, Северо-Восточное сибирское общество принимало песцов только вторым сортом, по 2 доллара за штуку. За шкуру нерпы платило 10 центов. Чтобы купить пачку патронов (20 шт.), чукча должен был уплатить 4—5 нерпичьих шкур. Винчестер стоил 7 песцовых шкур и т. п.

На мысе Дежнева Общество платило за фунт китового уса в 1904 г. по 1 доллару 50 центов, тогда как в Номе он стоил 4—5 долларов, в Сиатле — 7.5 доллара, в Сан-Франциско — 12 долларов, а в Нью-Йорке уже 20 долларов. На каждом фунте уса, проданного в Сиатле, Общество наживало по 6 долларов. Только на одном китовом усе Северо-Восточное сибирское общество в 1904 г. получило 96 000 руб. чистой прибыли.⁹⁷

Тех же цен придерживались после ликвидации Общества агенты Свенсона. Его взаимоотношения с ними были просты. Он кредитовал их товарами, взамен чего они должны были заготовить на определенную сумму пушнины и другого сырья. Агенты повышали цену товаров, полученных от Свенсона, на 60—70%. Эта разница составляла их доход. Торговля Свенсона и его агентов была легализована. Все они выбирали соответствующие патенты.

Бывшие проспекторы-золотоискатели Волл, Карпендель и другие начали торговлю от Свенсона в 1913—1914 гг. В 1914—1915 гг. Волл выкупил торговый патент в 20 долларов, а в 1921 г. уже в 240 долларов. По этому можно судить, как быстро он обогащался

⁹⁵ К. Н. Тульчинский, ук. соч., стр. 14.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ К. Н. Тульчинский, ук. соч., стр. 29.

в торговле с чукчами. В свою очередь Волл и ему подобные торговцы имели своих агентов, которые также наживались. Так, у Волла работали два чукчи — Тын'ал и Тынано. Они занимались развозным торгом. Ездили по стойбищам кочевников, доезжали до Чауна и даже до Колымы. Оттуда привозили пушнину и собак. Последних променивали береговым жителям на песцов. На Чауне чукчи отдавали песца за 3—4 пачки патронов, за один капкан.

Вся эта трех- и более ступенчатая иерархия торговцев наживалась на тружениках Чукотки.

Что же сделало царское правительство в противовес контрабандной торговле американцев? Закрывать границу и тем самым приостановить бесконтрольную торговлю оно не могло.

Первые меры русского правительства были направлены на организацию полицейской службы.

В целях упорядочения торговли в Анадырском уезде были организованы ярмарки. Все они территориально оказались на о. Анадыре и ее южных притоках. С организацией ярмарок торговля с оленными чукчами в уезде заметно оживилась и расширилась. Не только приезжие и местные анадырские купцы, но и чукотские торговцы с «Носа» участвовали в этих ярмарках. Имеются любопытные сведения о количестве и номенклатуре обрабатывавшихся на этих ярмарках товаров. По сведениям Анадырского окружного управления, в 1895 г. всеми торгующими были приобретены следующие товары.

1) Пушнины: чернобурых лисиц 2, сиводушек 112, красных лисиц 1483, речных бобров 207, выдр 29, соболей 7, куниц 147, песцов белых 1287, голубых 4, синяков 36, белок 897, горностаев 37, зайцев 627, медведей белых 19, медведей бурых 52, росомех 32, волков 64, рысей 5.

2) Моржовых, лахтачьих и нерпичьих шкур 162, китового уса 38 ф., китовых костей на полозья 9 пар, лахтачьих ремней 151, пупков с жиром⁹⁸ морских животных 22, моржового зуба 22 пуда 34 фунта.

3) Мамонтового зуба 6 пудов 34 фунта.

4) Изделий из оленьих шкур: ровдуг 303, камлеек 49.

5) Продуктов оленеводства: выпоротков 4730, пыжиков 748, недорослей 219, постелей 826,⁹⁹ камусов 670, жил 988,¹⁰⁰ кухлянок 52, штанов 44, торбазов 41, оленей на корм 1629, оленьих боков 356.¹⁰¹

Из этого перечня товаров видно, что еще значительное количество пушнины просачивалось с Аляски: речные бобры, куницы, выдры и, вероятно, часть шкурок красных лисиц.

⁹⁸ Шкуры нерп, снятые чулком и наполненные тюленьим жиром.

⁹⁹ Постелью называли шкуры оленей зимнего убоя.

¹⁰⁰ Высушенные сухожилия оленей, из которых делали нитки для шитья одежды и обуви.

¹⁰¹ Обзор Приморской области за 1895 год. Владивосток, 1895, стр. 32.

Примечательно также то, что на продажу поступало большое количество оленьих кож, оленьего мяса и т. п. Все это говорит о довольно широком участии в торговле анадырских оленеводов и торговцев с Чукотского полуострова. Последние привозили с собой американские товары.

Массы оседлого населения Чукотки в ярмарках участия не принимали. С ними вели торговлю американские китобои и шхуны контрабандистов. Следовательно, Чукотский полуостров оставался вне контроля со стороны правительства.

Вскоре стало очевидно, что принятых мер для борьбы с иностранной торговлей недостаточно.

В качестве конкурента с американской торговлей должны были выступить казенные склады товаров. По мысли их создателей, склады должны были привить чукчам вкус к русским товарам, снабжать население продуктами питания (мука, сахар, масло и т. п.), а в годы неудачных промыслов поддерживать его. Одной из главных задач казенных складов было регулирование цен. Твердые цены на промышленные товары и продукты в казенных складах были намного ниже, чем у частных.

Организация казенных складов рассматривалась как временная мера. Они должны были функционировать до тех пор, пока не «найдется солидная частная фирма», которой можно было бы передать все снабжение промышленными товарами и продуктами Чукотки.¹⁰²

Первые казенные склады были основаны в конце 90-х годов в Ново-Мариинске, затем в Усть-Белой и Маркове; в 1908 г. — на мысе Дежнева.

На средства, отпускаемые приамурским генерал-губернатором, закупались товары, поступавшие в распоряжение начальника уезда.

Средства эти были незначительны. Для организации склада на мысе Дежнева отпущено 1000 руб.

В 1901 г. анадырский уездный начальник получил товаров на 2238 руб. и 1079 руб. за проданную пушнину и рухлядь.¹⁰³ Эта сумма послужила основанием экономического капитала.

Товары, приобретаемые на этот капитал, хотя он впоследствии и возрос, не могли удовлетворить и $\frac{1}{20}$ потребности населения. Поэтому склады не могли выполнить одной из самых важных функций — регулирования цен.

С 1899 по 1907 г. экономический капитал увеличивался за счет сумм, высылаемых Приморским областным правлением за проданную во Владивостоке пушнину, а также за счет 6% надбавки на товары при реализации их на месте.

С 1907 г. пушнина уже не высылалась во Владивосток, а реализовалась на месте. Ее покупали с аукциона как русские, так и ино-

¹⁰² Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 682, л. 37.

¹⁰³ Там же, оп. 2, д. 347, л. 480.

странные торговцы.¹⁰⁴ Так, в 1912 г. уездный начальник продал Свенсону следующее количество пушнины, принадлежавшей экономическому складу:

Белые песцы	1039	шт.	по 12 р. 25 к.	на сумму 12727 р. 75 к.
Сиводушки	32	»	» 16 р. 84 к.	» 539 р.
Горностан	94	»	» 1 р. 25 к.	» 117 р. 50 к.
Лисицы красные	415	»	» 15 р. 00 к.	» 6225 р.
Пестрые пыжики	48	»	» 7 р. 50 к.	» 360 р.
Росомахи	38	»	» 24 р. 00 к.	» 912 р.
Пыжики	4	»	» 6 р. 00 к.	» 28 р.

Всего 20909 р. 25 к.¹⁰⁵

К 1912 г. Анадырский экономический склад владел имуществом в товарах, деньгах, инвентаре на 44 000 руб. и в долгах за населением уезда — 42 417 руб., всего 86 417 руб.¹⁰⁶ К 1915 г. эта сумма увеличилась до 88 343 руб.¹⁰⁷

Такое быстрое нарастание экономического капитала объясняется узаконенной торговой эксплуатацией коренного населения.

Дело в том, что денег в обращении почти не было. Все торговые сделки велись на пушнину, продукты оленеводства. Однако казенный склад принимал пушнину и другое сырье по ценам, которые устанавливались при взимании ясака. Эти цены были намного ниже рыночных. От продажи пушнины на аукционе экономический склад получал до 50% прибыли. Это значит, что население недополучало за свою пушнину около $\frac{1}{3}$ ее рыночной стоимости. Разница эта шла на пополнение капитала экономического склада. Кроме того, товары из складов по Анадырю отпускались с наценкой в 25% к заготовительной цене.

«Причиняемое инородцам меховой валютой зло, — отмечал Солярский, — до некоторой степени корректируется местной администрацией путем возвращения разницы между установленной и рыночной ценами на поступающую в магазины пушнину, по продаже последней на аукционе, но, во-первых, разница возвращается не бывшим собственникам пушнины, а в инородческий или экономический капитал, во-вторых, часть ее, как это установлено при ревизиях казенных магазинов, нередко присваивается вахтерами магазинов путем продажи ими пушнины частным лицам и взноса стоимости отпущенных на пушнину припасов деньгами».¹⁰⁸

Кроме того, всеми средствами экономического капитала бесконтрольно распоряжался уездный начальник. До 1912 г. на Анадыре,

¹⁰⁴ Там же, л. 481.

¹⁰⁵ Там же, д. 346, л. 12.

¹⁰⁶ Там же, д. 347, л. 483.

¹⁰⁷ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 95.

¹⁰⁸ В. В. Солярский, ук. соч., стр. 95—96.

например, не велось никаких записей по операциям с экономическим капиталом.

В виде поощрения к распространению русской торговли на Чукотке русским купцам был предоставлен ряд льгот, вплоть до бесплатной доставки товаров из Владивостока на охранных военных и административных судах.¹⁰⁹ На Чукотку потянулись торговцы, которые, однако, не решались там обосновываться прочно. Они вели торговлю только во время рейса, когда судно бросало якорь у какого-либо прибрежного поселка.

В 1909 г. около мыса Дежнева открыла свою факторию русская фирма «Чурин и К°». В 1911 г. начали торговлю на Чукотке братья Караевы и др.

Принимались другие, более решительные и жесткие меры против засилья американских торговцев. В 1909 г. губернатор Камчатки Перфильевский запретил иностранцам торговать в Анадырском уезде.¹¹⁰ Однако это распоряжение мало чему помогло. Американские товары завозились в Анадырский уезд с побережья Берингова пролива чукчами. Правда, Свенсон ликвидировал свою торговлю на Анадыре, его склады с товарами были приобретены Анадырским уездным управлением в счет средств экономического капитала.

Казенные магазины не могли справиться с изобретательностью торговцев. Значительная часть товаров попадала в их руки. «Если чукча должен был в склад, то торговцы давали ему денег для уплаты долга, а пушнину брали себе, если чукче нужны товары, которых у торговцев нет, то они давали денег на покупку их на складе, а пушнину оставляли себе. Стараясь изолировать экономический склад от инородцев, сами торговцы в то же время ухитряются извлекать из него для себя пользу. Если нет у них какого-либо товара, они скупают его в складе и перепродают чукчам».¹¹¹

В экономическом складе кредитовались не только торговцы, но и чиновники уездного управления, также не пренебрегавшие торговлей с чукчами.

В 1912 г. в Анадырском уезде было уже 20 торговцев, «большую частью из пришлого элемента. Разместившись по пути следования чукчей от своих кочевий к ярмаркам, они раскупают у них за бесценок всю пушнину. Такой способ торговли служит главным образом причиной упадка ярмарок», сообщал в своем докладе вице-губернатор Камчатки в 1916 г.¹¹²

С увеличением числа торговцев в уезде дела экономического склада серьезно пошатнулись. На начало 1916 г. экономический склад был должен фирме «Чурин и К°» и другим около 10 000 руб.

¹⁰⁹ С. М. Беликов. Заметки о Чукотке. «Экономическая жизнь Дальнего Востока», № 9, 1927, стр. 118.

¹¹⁰ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 347, л. 481.

¹¹¹ Там же, ф. 1370, оп. 1, д. 30, л. 243.

¹¹² Там же, л. 36.

«По долговой ведомости хотя и числится за населением и разными лицами долгов в сумме 44 000 руб., — сообщал в своем рапорте начальник уезда, — но фактически можно рассчитывать на возвращение лишь 6000 руб. за выбытием в Европейскую Россию, за смертью, за несостоятельностью и т. п.». ¹¹³

В числе должников было всего несколько чукчей, их задолженность не превышала 150 руб. ¹¹⁴ Таким образом, ущерб складу был нанесен теми же торговцами, но не местным населением.

По признанию того же начальника уезда, «вся торговля велась до сих пор (май 1916 г., — И. В.), что называется, „как бог на душу положит“. Проверки торговых предприятий не делалось, контролировать торговые сделки с инородцами затруднительно, а при торговле в развоз совершенно невозможно». ¹¹⁵

При этих обстоятельствах торговцы чувствовали себя весьма уверенно. Они поделили районы расселения оленных чукчей на сферы монопольной торговли и обманывали их, как им только хотелось. Благодаря такому сговору почти прекратились местные ярмарки. Торговцы имели на службе у себя чукчей в качестве развозных приказчиков. «Агенты эти, разъезжая по стойбищам рекомендовали своего хозяина и направляли к нему инородцев». ¹¹⁶

Как ни слаба была деятельность экономических складов, она все же принесла некоторое облегчение местному населению. Среди прочих товаров они имели продукты — муку, крупу, сахар, чай, в чем население Чукотки испытывало нужду. В какой-то мере экономические склады помогали удерживать более или менее твердые цены на товары первой необходимости.

Положительным фактором в деятельности экономических складов явилось непосредственное ознакомление населения Чукотки с товарами и продуктами русского производства. Многие из них благодаря своим качествам, относительной дешевизне успешно конкурировали с американскими (сахар, табак, ситцы, медная и фарфоровая посуда и др.).

Меры царского правительства по распространению русской торговли не ликвидировали зависимости Чукотки от иностранцев, которые и после 1910 г., когда была прекращена деятельность Северо-Восточного сибирского общества, продолжали держать торговлю в значительной степени в своих руках.

Первая империалистическая война закрепила их позиции еще больше. Прочно опутала своими сетями население Чукотки фирма «Свенсон и К^о», с ее агентами — иностранцами, русскими, чукчами и эскимосами.

¹¹³ Там же, л. 37.

¹¹⁴ Там же, л. 243.

¹¹⁵ Там же, л. 109.

¹¹⁶ Там же, л. 240.

Хозяйственная разруха, которая пришла вместе с войной, снова поставила Чукотку почти в полную торговую зависимость от иностранцев.

Помимо иностранных и русских торговцев, массы коренного населения Чукотки эксплуатировались торговцами из чукчей и эскимосов. Особенно широко в посредническую деятельность вовлекали местных торговцев американцы. Почти в каждом селении на побережье Чукотки были их агенты, среди которых выделялись своим богатством эскимосы селений Пlover, Чаплино, Наукан и чукчи из селений Уэлен, Ванкарема, Рыркайпий и др. Одним из таких агентов уже в более позднее время был Алитет, описанный в романе Тихона Семушкина «Алитет уходит в горы».

В конце XIX в. на Чукотском полуострове имелось «12 складов товаров у чукчей и эскимосов: 2 в с. Имтук, 2 в Эунмэнэ, 3 в Уныине, 4 в Наукане, 1 в Уэлене, на о. Иттыгране и др.». ¹¹⁷

Прибыли этих торговцев, видимо, были значительными. Они обзавелись складами, построенными из материалов, завезенных американцами, и парусно-моторными шхунами. Так, в 1886 г. чаплинский эскимос Кувар купил за 4000 фунтов китового уса (стоившего около 20 000 долларов) газолиновую шхуну грузоподъемностью в 44 тонны. ¹¹⁸

По мнению американцев (команды шхуны, арестованной русским военным судном), «в его руках сосредотачиваются большие запасы вина, оружия и других товаров, подвозимых американскими судами». Эти товары Кувар развозил не только по нашему побережью, но доставлял и на побережье Аляски, где, как известно, продажа спирта запрещалась, а оружие и боеприпасы стоили дороже. ¹¹⁹

Уэленский торговец Тн'эск'ын, кроме шхуны, имел два американских домика. В одном помещался склад, в другом — магазин. ¹²⁰

В начале XX в. таких владельцев шхун уже было 5. В целях торговли они совершали каботажное плавание у берегов Чукотки, ходили на Аляску, острова Ратманова, Крузенштерна и Лаврентия. На шхунах охотились за китами, моржами. Они вели оживленную торговлю с эскимосами Аляски, снабжая их товарами русского производства, шкурами оленей. Американцы снабжали своих агентов в основном спиртом, оружием и в меньшей степени другими товарами.

В 1884 г. при осмотре складов чукотского торговца в Уэлене, «кроме нескольких товаров и ножей, развешанных на стене — все остальное было беспорядочно сложено вперемешку с оленьими шкурами, сетями, пустыми ящиками и т. д. На поперечных жер-

¹¹⁷ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 313, л. 30.

¹¹⁸ Там же, ф. 1005, оп. 5, д. 68, л. 113.

¹¹⁹ Там же, ф. 702, оп. 6, д. 6, л. 28.

¹²⁰ Там же, оп. 1, д. 529, л. 46.

дах висело много оленьих мелких шкур и четыре меха чернобурой лисицы. Когда стали разбирать склад, то нашли заваленными в углу жестянку с ромом, новое магазинное ружье Винчестер, патроны и порох в жестянках, а на палатах под крышей найдены 3 пятиведерных бочонка со спиртом, заваленные шкурами».

В бухте Пlover при осмотре склада торговца эскимоса «было обнаружено 9 бочек со спиртом, заваленных множеством оленьих шкур, и в погребе было найдено еще две бочки. В доме найдены в небольшом количестве товары: мука, бумажные ткани, инструменты и т. п.».¹²¹

В течение зимы торговцы и их приказчики ездили по стойбищам оленеводов, выменивали у них пушнину, оленье сырье. К весне в склады чукотских и эскимосских торговцев свозилось большое количество шкурок песцов, лисиц, шкур оленей, с побережья — моржовых клыков, китового уса, кроме того, значительное количество русских товаров, поступавших через Анюйскую и Анадырские ярмарки.

Русские товары и шкуры оленей находили широкий спрос у чукчей и эскимосов, в большом количестве покупались эскимосами Аляски. Еще в начале XX в. аляскинские эскимосы отдавали предпочтение таким русским товарам, как табак, медные котлы и чайники, ситцы. Вместе с тем они нуждались в оленьих шкурах для одежды и обуви. Взамен этих товаров они привозили отчасти пушнину (бобры, куницы, лисицы), «а больше деревянную посуду, лес на юрты и байдары, шкуры и жир морских животных и деревянные кухлянки из разных кишок».¹²²

Некоторое представление о размерах обмена аляскинских эскимосов с торговцами нашего побережья дают сведения, собранные Н. А. Гондатти. В 1894 г. с американского берега в Уэлен приходило 9 байдар и с островов 10. Они привезли «50 бобров, 35 выдр, 40 сиводушек, 120 красных лисиц, 80 куниц, 20 моржовин и до 100 лахтакров, много лесу и деревянной посуды». От уэленских торговцев они получили более 1000 фунтов табаку, железные котлы, медные чайники, кирпичный чай, «около 200 коротких шкур пыжиков и около 50 взрослых. Кроме того, немало выпоротков, постелей, камусов и жил».

В двух других учтенных пунктах обмена с аляскинскими эскимосами, в Уныине и Эунмэнэ, было получено от них «45 бобров, 30 выдр, 70 сиводушек, 100 красных лисиц, 80 куниц, 30 белых песцов и 3 рыси».¹²³

Таким образом, три названные пункта были средоточием торговли, куда стекались русские товары с Колымы и Анадыря, от

¹²¹ Там же, оп. 6, д. 6, лл. 17—24.

¹²² Н. А. Гондатти. Поездка из с. Маркова на Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив). «Записки Приамурского отдела РГО», т. IV, в. 1, Хабаровск, 1897, XI.

¹²³ Там же, стр. XVI—XVII.

оленных и береговых чукчей, от эскимосов Аляски и американские.

Чукотские и эскимосские торговцы-посредники как бы разграничили между собой районы, в которых они производили торговлю. Эскимосские торговцы бухты Провидения и мыса Чаплина развозили американские товары до Анадыря. Зимой они отправлялись на устье Анадыря, где встречались с Марковскими купцами. Летом они приходили туда же на байдарках. Некоторые из них поднимались вверх по Анадырю, чтобы вести обмен непосредственно с чукчами-оленеводами. Здесь они скупали по преимуществу продукты оленеводства. Иногда они ходили на байдарках южнее Анадыря до Хатырки и Мэйн'ипилгына, где также вели торговлю с оленеводами.

«Поездки по Анадырю, — писал Гриневицкий, — предпринимают всегда более зажиточные чукчи, часто — агенты американских промышленников, от которых они получают некоторое количество товаров для мены на пушнину. Таких агентов я знаю несколько».¹²⁴

Многие богатые стадовладельцы в свою очередь тоже занимались торговлей. Запасшись русскими и американскими товарами, продуктами морского зверобойного промысла, в течение зимы они объезжали стойбища оленеводов самых отдаленных уголков Чукотского полуострова, выменивая у них пушнину, оленье сырье.

«Скупщики — это более богатые из чукчей, приобретающие пушнину по мелочам у более бедных из своих и выменивающие ее на наши товары», — сообщал в своем рапорте Гриневицкий.¹²⁵

Северное побережье Ледовитого океана обслуживали чукотские торговцы сел. Уэлен, Дежнев и эскимосы Наукана. Они вывозили свои товары в прибрежные селения вплоть до мыса Шмидта и далее на запад. В этих селениях были более мелкие торговцы, тесно связанные с оленеводами и Колымой.

В летнее время чукотские торговцы посещали острова Ратманова и Крузенштерна, ходили на своих байдарках и шхунах вдоль северного побережья, поднимались вверх по Амгуеме, заходили в глубь Колючинского залива и другие места, куда на лето выкочевывали оленеводы.

У жителей побережья Ледовитого океана они скупали китовый ус, моржовые клыки, шкуры песцов, белых медведей и много шкур оленей, которые заготавливали их агенты от кочевников районов мыса Северного, Чаунской губы.

Характеризуя чукотских торговцев, Гриневицкий в 1889 г. отмечал: «Агенты чукчи продают вещи своим же собратьям немилосердно дорого. Все эти люди черствые и весьма несимпатичные».¹²⁶

¹²⁴ Архив ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 116, л. 104.

¹²⁵ Там же, л. 104.

¹²⁶ Там же.

Как в районе Анадыря, так и на побережье Ледовитого океана, посредниками в торговле между береговыми торговцами-агентами и массами чукотских оленеводов выступали крупные стадовладельцы. «Богатые чукчи, — писал Олсуфьев, — променивают не только оленей и шкуры, получаемые со стада, но и довольно большое количество дорогой пушнины, скупаемой ими у соседних более бедных оленеводов».¹²⁷

Между оседлым населением Чукотки и оленеводами, выходившими к побережью моря на лето, в августе происходил обмен, как бы местные ярмарки. Оседлые привозили тюлений жир, шкуры морских животных, ремни, кое-что из товаров русского и американского завоза и выменивали оленьё мясо, а главным образом шкуры оленей на зимнюю одежду, обувь и для жилища.

В этом обмене принимала участие почти каждая семья оседлых. К условленным местам везли излишки промысла, чай и другие товары.

По Тихоокеанскому побережью такие пункты обмена известны на устье р. Анадыря и по берегам лимана, в районе р. Курупки, в Мечигменском заливе, по побережью Ледовитого океана, в Колучинской губе, на Ванкареме, на Амгуеме и в ряде других мест.

С созданием Северо-Восточного сибирского общества деятельность чукотских и эскимосских торговцев заметно сузилась. Они лишились непосредственной связи с аляскинскими эскимосами, потеряли часть своих клиентов там, где были основаны фактории общества.

Еще в конце XIX в. чукотские торговцы — *кавральыт* совершали свои торговые путешествия на Анюйскую и Анадырские ярмарки.¹²⁸ Однако в начале XX в. эти связи прекратились почти совсем. Торговля чукчей с русскими сосредоточилась на побережье, и необходимость дальних путешествий на Колыму отпала.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX — начала XX в. под влиянием русской и иностранной торговли все население Чукотки в той или иной мере оказалось втянутым в товарно-рыночные отношения. Развитие торговли связало отдельные районы Чукотки, нивелировало замкнутость отдельных групп чукчей и эскимосов, связало экономику Чукотки с экономикой северо-востока Сибири.

Все это привело к значительным сдвигам в области общественных отношений чукчей, их культуры.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал, «что капитализм не может существовать и развиваться без

¹²⁷ А. В. Олсуфьев, ук. соч., стр. 181.

¹²⁸ Интересные подробности чукотской торговли описаны В. Г. Богоразом (Чукчи, ч. I, Л., 1934, стр. 89—90) и Н. Л. Гондатти в статьях «Сведения о поселениях по Анадырю» («Записки Приамурского отдела РГО», т. III, в. 1, Хабаровск, 1897) и «Поездка из с. Маркова на Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив)» (там же, т. IV, в. 1).

постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России.

«Следовательно, процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь... и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории».¹²⁹

Медленно, но со все возрастающим охватом втягивалась одна из самых далеких окраин царской России — Чукотка в общее русло капиталистического развития.

Громадные расстояния, отделяющие Чукотку от промышленных и культурных центров России, почти полное отсутствие средств сообщения обусловили слабые связи ее в хозяйственном, политическом и культурном отношениях с русским народом.

Несмотря на уродливый, односторонний характер влияния капитализма на экономику чукотского хозяйства, несмотря на тяжелую торговую эксплуатацию, распространение капиталистического влияния на эту окраину было явлением положительным, сыгравшим важную роль в развитии производительных сил чукотского общества.

Говоря о миссии капитализма, В. И. Ленин указывал: «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима».¹³⁰

¹²⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 595.

¹³⁰ Там же, стр. 597.

Раздел
ТРЕТИЙ

ЧУКЧИ

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

(1 9 1 7 — 1 9 6 0 г г .)

ГЛАВА VII

ЧУКОТКА ДО ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА (1917—1930 гг.)

Чукотка была самой отдаленной северо-восточной окраиной России, почти совершенно оторванной от центральных районов. Ближайшим культурным и торговым центром был г. Владивосток, с которым Чукотку связывали 1—2 рейса пароходов в год. Радиостанция на устье Анадыря, построенная в 1912 г., находилась в руках уездных чиновников. Она могла поддерживать связь с центром лишь через радиостанции в Наяхане (Охотское побережье) и Петропавловске-на-Камчатке. Эта оторванность Чукотки от центральных районов России сказалась во время революции и последующих событий.

Накануне 1917 г. и в первые годы после революции жизнь коренного населения Чукотки, как и большинства окраин царской России, отличалась глубокой хозяйственной, культурной и политической отсталостью.

В 1921 г. в работе «О продовольственном налоге» В. И. Ленин, характеризуя состояние ряда окраин нашей республики, писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».¹ Это ленинское определение вполне приложимо и к положению, которое существовало в те годы на северо-востоке Сибири.

На Чукотке не было промышленных предприятий,² следовательно, не было и рабочего класса, его непосредственного влияния

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 228.

² Небольшие разработки каменного угля на устье Анадыря, на которых работало полтора-два десятка рабочих и на лето приезжавшие рыбаки, практически никак не были связаны с местным населением.

на коренное население. Культурно-политическое воздействие на население оказывали только торговцы и чиновники. По подсчетам Б. Горовского, в 1914 г. на весь Чукотский полуостров было «12 человек интеллигенции», к числу которой он причислял и 7 человек «нижних чинов».³

Основанные в 1916 г. школы в Уэлене и Чаплино еще не развернули своей работы, их влияние было крайне незначительно. Никто из коренных жителей не выписывал газет и журналов, так как все они были неграмотны. Отсюда представляется вполне естественной политическая пассивность коренного населения (чукчи, эскимосы), его неумение самостоятельно разбираться в сложных переплетениях политических событий того времени.

В курсе политической жизни страны находились лишь чиновники уездного управления, торговцы, проживавшие в Ново-Мариинском посту, отчасти жители сел. Усть-Белая, Марково и других, расположенных на берегах Анадыря. Все же остальное население — оседлые морские охотники побережий Чукотки и оленеводы-чукчи — пользовались лишь случайными неопределенными слухами, преимущественно через торговцев, часто умышленно искажавших действительное положение дел. Поэтому низвержение самодержавия, Великая Октябрьская социалистическая революция, гражданская война — все это доходило со значительным запозданием, а преломление этих событий на Чукотке облекалось в своеобразные формы, обусловленные спецификой жизни этой окраины.

Царское правительство так и не сумело оградить Чукотку от хищнической эксплуатации ее природных богатств и населения браконьерами и контрабандистами из Америки, безнаказанно хозяйничавшими там как до революции, так и в первые годы после нее. Государственного пограничного контроля на Чукотке по существу не было. Это обстоятельство усложняло обстановку на этой окраине еще больше.

История установления Советской власти на Чукотке и первые шаги ее изучены недостаточно полно, хотя за последние годы в этом отношении проделана значительная работа. На основе материалов, выявленных в центральных и местных архивах, появился ряд ценных и интересных работ, подробно характеризующих основные моменты революции, гражданской войны и советского строительства на Чукотке.⁴

³ Б. Горовский. Забытые русские земли. Чукотский полуостров и Камчатка. СПб., 1914, стр. 10.

⁴ Я. Ф. Самарин. На Чукотке (гл. II, «Борьба за Советы на Чукотке»). «На рубеже», Дальгиз, 1935, № 8; П. Кравченко. Земля чукотская. «Дальний Восток», 1949, №№ 2 и 3; И. В. Гушин, И. А. Афанасьев. 1) Из истории присоединения Чукотки к Русскому государству и установления Советской власти в крае. Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956; 2) Чукотский Национальный округ (раздел «Борьба за установление Советской власти»). Магадан, 1956; М. А. Сергеев. Малые народы Советского севера. Магадан, 1957; Первый ревком Чукотки (1919—1920 гг.). Сборник документов и мате-

Свержение самодержавия для коренных жителей Чукотки прошло почти незаметно. С получением известия о свержении самодержавия в Ново-Мариинске (ныне город Анадырь) местными коммерсантами и рыбопромышленниками был создан Комитет общественной безопасности. Во главе его были поставлены те же лица, которые служили в уездном управлении при царе. Председателем названного комитета был избран Мишин — делопроизводитель уездного полицейского управления, членами — торговцы И. Тренев, М. Сукрышев и Е. Шарыпов, а уездным комиссаром Временного правительства — М. Станчиковский, бывший помощник начальника полицейского управления. Этот комитет не принимал никаких мер к уведомлению коренного населения о февральской революции.

9 ноября (н. с.) 1917 г. в Анадыре было получено известие о победе Великой Октябрьской социалистической революции.

11 ноября на общем собрании граждан поста Ново-Мариинск члены комитета сумели убедить присутствующих в необходимости сохранить верность свергнутому Временному правительству. Однако по настоянию Камчатского областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в марте 1918 г. в Ново-Мариинске была произведена реорганизация Комитета общественной безопасности в Совет. В состав Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вошли представители зажиточной части населения и поэтому «Совет» остался по существу на прежних позициях Комитета. На своем заседании 16 марта 1918 г. «Совет» заявил, что признает «только одну власть в стране — законодательную, народное Учредительное собрание».⁵

За время своей деятельности, вплоть до прибытия колчаковцев (август 1919 г.), Анадырский «Совет» коммерсантов не провел ни одного мероприятия в защиту интересов трудящихся коренных жителей Чукотки. Ничего не было сделано этим «Советом» и в части улучшения условий труда и жизни рабочих угольных копей, рыбаков. Этим «Советом» была подготовлена почва для колчаковцев, которые были торжественно встречены членами «Совета» в Ново-Мариинске.

Колчаковцы — управляющий уездом Громов, секретарь уездного управления Толстихин, мировой судья Суздалов, начальник

риалов. Магадан, 1957; Н. Жихарев. Анадырский уездный ревком. Исторический очерк. «На севере дальнем», 1957, кн. 8; В. И. Юхименко-Ехалов. Под знаменем Октября. (Из истории борьбы за становление Советской власти на Северо-Востоке нашей Родины). Магадан, 1957; И. В. Соколова. Борьба трудящихся Крайнего Северо-Востока за установление и упрочение власти Советов. М., 1958; Н. Н. Матвеев-Бодрый. Михаил Сергеевич Мандриков. Магадан, 1958; Н. А. Жихарев. В борьбе за Советы на Чукотке. Магадан, 1958; И. Гарусов. Первые Советы на Чукотке. «Магаданский оленевод», в. 4, Магадан, 1960; Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953). Магадан, 1961.

⁵ Н. А. Жихарев. В борьбе за Советы на Чукотке, стр. 43.

полицейские Струков прибыли в Ново-Мариинск на пароходе в сопровождении 10 полицейских. «Совет» передал им полномочия власти. Наступил период самоуправства и беззакония.

Одновременно с колчаковцами на пароходе «Томск» в Анадырь прибыли по заданию Владивостокского комитета РКП(б)⁶ под чужими фамилиями хорошо известный кооперативный деятель на Дальнем Востоке Михаил Сергеевич Мандриков и бывший комиссар железнодорожной станции Хабаровск Август Мартынович Берзинь. Это были первые посланцы партии на Анадырь. Мандриков устроился на работу кладовщиком в государственный продовольственный склад, а Берзинь — сторожем в уездное полицейское управление.

Уже в ноябре 1919 г. М. Мандриков и А. Берзинь организовали революционную боевую группу, в которую входили рабочие угольных копей, радиостанции. В состав этой группы входили также чуванцы М. Куркутский и Н. Кулиновский. Оба они владели чукотским языком, что давало возможность вести пропагандистскую работу среди чукчей.

В ночь на 17 декабря 1919 г. власть колчаковцев в Ново-Мариинске была свергнута. Во главе тогда же образованного ревкома стал М. С. Мандриков.

Первый ревком Чукотки просуществовал всего 45 дней. За этот короткий срок (с 17 XII по 30 I) им была проделана большая работа принципиального политического значения.

Всю свою работу ревком строил, опираясь на постановления Совета Народных Комиссаров и декреты ВЦИК. Наиболее решительные меры были проведены ревкомом в экономической области, что было вполне понятно местному населению. Народности Чукотки в лице ревкома видели Советскую власть, подлинную защитницу их экономических, политических и национальных интересов.

Учитывая кабальный характер торговли русских и иностранных коммерсантов на Чукотке, ревком отменил выплату им долгов местным населением.

Ревком национализировал рыбные промыслы Грушецкого и Сооне, находившиеся на устье Анадыря, которые наносили огромный ущерб населению, расположенному в среднем и верхнем течении реки, всему рыбному хозяйству р. Анадыря и ее притоков.

Ревком национализировал склады товаров крупного торговца Малкова в Усть-Белой. В своем решении по этому поводу 28 декабря 1919 г. Ревком записал: «Все товары Малкова принять по описи и объявить народным достоянием и перевести в продовольственный склад, а потом взять в распоряжение Революционного Комитета».⁷

⁶ Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР, стр. 40; Первый ревком Чукотки (1919—1920), стр. 107.

⁷ Н. А. Жихарев. В борьбе за Советы на Чукотке, стр. 62.

В начале января 1920 г. ревком принял решение о национализации имущества американской торговой фирмы «Свенсон и К⁰». В специальном обращении к жителям Анадырского уезда говорилось:

«Товарищи, граждане Анадырского края, рабочие и крестьяне взяли власть для того, чтобы положить конец эксплуатации человека человеком и чтобы водворить на земле знамя всеобщего труда. Только социалистическое равенство, когда каждый трудящийся имеет право пользоваться равной долей материальных благ на земле, вдохновляет пролетариат России вести борьбу со всем спекулятивным миром буржуазии. Буржуазия, горя жаждой наживы, пустила свои безжалостные щупальцы по всему земному шару. Даже далекий уголок Севера не остался без ее внимания.

Бывший морской пират Свенсон, ныне «Свенсон и К⁰», пользуясь климатическими условиями, когда полярные морозы отрезают Анадырский край от всего мира, монополизировал всю торговлю и стал властелином над жизнью как инородцев, так и европейцев.

Товарищи, кто из вас не записан в его книгу долгов?! Никакая политическая свобода при данной капиталистической системе не спасет рабочего от его капиталистического рабства. Только полное уничтожение самой системы капиталистической эксплуатации обещает человечеству истинную свободу, равенство и братство.

Революционный Комитет, стоя на стороне интересов бедноты, которая при существующей эксплуатации обречена на холодную и голодную смерть, вынужден объявить все ценности торговой фирмы «Свенсон и К⁰» собственностью Российской Федеративной Социалистической Республики и тем освободить все население края от экономической неволи и хотя в меньшей мере облегчить борьбу за жизнь».⁸

Это обращение к народу, а главное — сам факт национализации имущества всемогущей фирмы «Свенсон и К⁰» (запасы товаров которой оценивались в 500 тыс. долларов) явились демонстрацией силы ревкома, ее направленности в защиту интересов трудящихся Чукотки.

Эти и ряд других мероприятий ревкома,⁹ направленных на улучшение экономической стороны жизни трудящихся Чукотки, дали возможность коренному населению правильно оценить разницу между политикой существовавших ранее режимов (царизм, Временное правительство, колчаковщина) и Советской власти. Чукчи, эскимосы, эвены и представители других местных национальностей Чукотки впервые почувствовали настоящую заботу об

⁸ Первый ревком Чукотки (1919—1920), стр. 33.

⁹ Там же, стр. 64.

их жизненных нуждах. Эти действия ревкома положили начало возникновению глубоких симпатий, сочувствия и доверия коренных жителей к представителям пролетарской революции на Чукотке.

Уже в конце декабря 1919 г. Анадырский ревком выделил группу товарищей во главе с А. Берзиным для установления Советской власти в Усть-Белой и Марково. Однако задача состояла не только в этом. Ревком считал также делом первостепенной важности распространение Советской власти среди оленеводов чукчей, чуванцев и эвенов. В своем дневнике этой поездки А. Берзинь по поводу добровольного согласия юкагира Парфентьева поехать вместе с ним писал: «Если действительно так все камчадалы (так называли обруселое оседлое население Анадыря, — И. В.) рассуждают, то мы все-таки начнем разделяться с кулаками и покажем им, где раки зимуют. И тогда чукча, эскимос, самоед, камчадал, коряк поймут, в чем состоит большевизм».¹⁰

Из этого же дневника видно, как А. Берзинь намечал план дальнейшего распространения Советской власти на далекие северные районы Чукотки. «Я думаю, — писал он, — на будущий год (т. е. 1920, — И. В.) объявим „республику“ Советов под Северным сиянием».¹¹

В целях привлечения чукчей к активному участию в строительстве новой жизни А. Берзинь серьезно готовился к работе среди них. Собираясь в поездку по Анадырю, он составил «воззвание» к чукчам,¹² текст которого был переведен на чукотский язык чуванцем Н. Кулиновским.¹³

По пути в Усть-Белую, останавливаясь в ярангах чукчей, А. Берзинь проводил большую разъяснительную работу о советской власти, деятельности ревкома, его ближайших задачах. «В этих беседах, — как справедливо отмечает Н. А. Жихарев, — чукчи впервые услышали слова: „революция“, „совет“, „ревком“, „Ленин“, „социализм“».¹⁴

В выборах Усть-Бельского Совета приняли участие чукчи — оленеводы ближайших стойбищ.

В 20-х числах января 1920 г. А. Берзинь и его товарищи прибыли уже в Марково, где было также проведено общее собрание всех жителей и был избран Совет. Здесь они встретили весьма активную поддержку со стороны В. М. Чекмарева, бывшего матроса Балтийского флота,¹⁵ участника октябрьских боев в Петро-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 65.

¹³ Н. А. Жихарев. В борьбе за Советы на Чукотке, стр. 67.

¹⁴ Н. А. Жихарев. В борьбе за Советы на Чукотке, стр. 68.

¹⁵ В. Васильев, Н. Меньшиков, М. Курюшина. Два года в тундре. Л., 1935, стр. 88.

граде. Это он предложил по докладу А. Берзиня классово острую и принципиальную резолюцию:

«Заслушав доклад товарища комиссара охраны Берзиня о перевороте в Сибири, все с великой радостью встретили свержение всем ненавистного кровопийцы Колчака. За его безжалостные расстрелы и вообще за уничтожение трудовой массы как Колчаку, купцам, так и его прислужникам шлем позор и презрение, а передовым бойцам за святую свободу и товарищам, находящимся у нас на (родине) холодном Севере, как-то товарищу Мандрикову, Берзину, М. Куркутскому и другим их сотрудникам, освободившим нас от уз Колчака и его прихвостников, шлем свой привет и от всего сердца желаем им успеха в их трудовой работе. В свою очередь мы, изнуренные холодом и голодом, протягиваем Вам свою мозолистую руку и все марковцы от мала до велика заявляем во всеуслышание всему народу, что мы стоим за власть Советов, за власть своих рабочих и всеми силами будем поддерживать ту власть, которая нам показала путь к спасению, хотя бы от нас потребовалось для всеобщего освобождения отдать наши жизни.

Да здравствует власть Советов на земном шаре!

Да здравствует Анадырский Революционный Комитет!

Да здравствуют передовые работники!». ¹⁶

Избранному от жителей с. Марково делегату в состав Анадырского ревкома Чукотки был выработан наказ, один из пунктов которого гласил: «защищать всеми силами бедный класс как оседлых, так и кочующих». ¹⁷

Таким образом, Марковский Совет с первых шагов своей деятельности защищал интересы бедняков оленеводов, рыболовов и охотников и не ограничивал сферу своей деятельности только поселком Марково. Он распространял свой, еще небольшой опыт и влияние на другие оседлые поселения по Анадырю и, что очень важно, на чукчей-олeneводоB. В свою очередь и они не оставили без внимания обращение к ним Марковского Совета в связи с недостатком у жителей Марково продуктов питания. Прианадырские чукчи-олeneводоB собрали 500 голов оленей, которые и были подогнаны к сел. Марково и Еропол.

В результате контрреволюционного заговора власть в Анадыре (Ново-Мариинске) 31 января 1920 г. перешла в руки оставленных на свободе колчаковцев и примкнувших к ним торговцев. Члены первого ревкома Чукотки во главе с М. Мандриковым 2 февраля 1920 г. заговорщиками были расстреляны, а через шесть дней та же участь постигла возвратившихся из поездки в Марково

¹⁶ Первый ревком Чукотки, стр. 48.

¹⁷ Там же, стр. 51.

А. Берзиня и Мальсагова. Все это произошло в результате ошибок, допущенных ревкомовцами с первых шагов их деятельности.¹⁸

Заговорщики создали в Ново-Мариинске «совет», ничего общего не имевший с Советской властью. Они возвратили национализированные Ревкомом товары торговой фирме «Сенсон и К^о». Этот «совет» не имел никакого влияния на окружающее местное население. К июню он начал разваливаться, часть его деятелей бежала в Америку, часть была задержана и отправлена в Петропавловск.

Марковский Совет продолжал свою деятельность по упрочению и распространению советской власти среди оседлого и кочевого населения Прианадырья. В конце января 1920 г. в с. Еропол, а в феврале в с. Оселкино были образованы Советы. Население этих поселков было тесно связано с чукчами и чуванцами оленеводами. Началась разъяснительная работа среди анадырских оленеводов, для чего в стойбища кочевников Марковский Совет командировал Д. С. Каморного в сопровождении переводчиков чуванцев Ф. Алина и Ф. Шитикова.

В марте 1920 г. на общем собрании анадырских кочевых чукчей был избран первый Совет оленеводов-кочевников. Председателем Совета был избран чукча-бедняк Кэленкэв, кандидатом — чукча Камин.¹⁹

По поручению Марковского Совета переводчики Алин и Шитиков рассказали о Советской власти ближайшей группе анюйских чукчей. «Чукчи согласны с Советской властью, — сообщали они в Марково, — а при том чукчи выбрали себе председателя Совета Калаву, кандидатом Кэлеву».²⁰

Марковскому Совету удалось не только сохранить Советскую власть в с. Марково и других населенных пунктах по Анадырю, но также создать первые Советы среди чукчей-оленеводов. В этом несомненно большая политическая заслуга Марковского совета. Важно и то, что Марковский Совет взял на себя инициативу организации Советов среди чукчей и, видимо, чуванцев, кочевавших далеко за пределами Анадыря, по Б. Анюю. Правда, систематического руководства эти Советы тогда не получали и поэтому их деятельность была малозаметной.

В апреле 1920 г. Марковский Совет организовал вооруженный отряд Красной Гвардии для охраны порядка «на защиту бедноты». По существу Марковский Совет продолжил начатую первым ревкомом Чукотки работу по распространению и упрочению Советской власти на Анадыре. В конце сентября 1920 г. Марковский

¹⁸ Подробный и обстоятельный анализ событий этого периода, а также причин гибели почти всего состава Анадырского ревкома дается в статье Я. Ф. Самарина «На Чукотке» («На рубеже», 1935, № 8, стр. 83—84) и в работе Н. А. Жихарева «Очерки истории Северо-Востока РСФСР» (стр. 56—59).

¹⁹ Первый ревком Чукотки, стр. 60.

²⁰ Первый ревком Чукотки, стр. 61.

Совет был преобразован в Волостной Исполнительный Комитет. Так Марковский Совет оформил свое руководящее положение по укреплению власти Советов на этой далекой окраине северо-востока России.

Значительную организаторскую роль в деятельности первых Советов по Анадырю, а позднее и на Чукотке сыграл В. М. Чекмарев. В июле 1920 г. он вместе с группой марковцев прибыл в Ново-Мариинск. При его активном участии в конце июля на собрании жителей Ново-Мариинска был избран Уездный революционный комитет. В его состав были избраны: председатель — Нечипуренко, члены — Рыбачук и Шошин, секретарь — Чекмарев. Одним из первых решений Уездного народного ревкома было привлечение к ответственности участников контрреволюционного мятежа и расстрела членов первого ревкома Чукотки.²¹

Несколько по-иному шло дело установления Советской власти в Чукотском уезде. На Чукотском полуострове тогда не было радиостанций и, следовательно, телеграфной связи с материком. Поэтому местное население не получало почти никаких сведений о событиях в центральных районах России. Связь с Ново-Мариинском изредка поддерживалась зимой на собаках, летом по морю. Организовать население на борьбу за создание органов Советской власти было некому. Уровень культуры и политическая подготовленность всех слоев коренного населения были крайне низки. Почти полное незнание местными жителями русского языка отгораживало их еще больше от понимания происходивших событий. По всему побережью на юг и запад от Уэлена хозяйничали русские и иностранные торговцы, браконьеры, хищники золота. Первый ревком Чукотки не успел распространить свое влияние на Чукотский уезд.

В 1918 г. представителем Советской власти в Чукотском уезде был Попов, который пробыл там только одну зиму. В 1919 г. туда прибыл назначенный колчаковцами начальником уезда Хренов. В 1920 г., узнав о восстановлении власти Советов на Камчатке, Хренов бежал в Америку.

В июле 1920 г. Камчатский областной Совет рабочих, крестьянских и инородческих депутатов назначил в Чукотский уезд своим уполномоченным коммуниста А. М. Бычкова. В Уэлен А. М. Бычков и его секретарь Г. Г. Рудых прибыли в августе 1920 г.

Участник I чрезвычайного Петропавловского уездного съезда Советов, на котором обсуждался «инородческий вопрос», Бычков хорошо понимал свои задачи.

Положение населения Чукотского полуострова было тяжелым. Охотникам не хватало боеприпасов, продовольственных и других

²¹ Н. А. Жихарев. 1) В борьбе за Советы на Чукотке, стр. 101—103; 2) Очерки истории Северо-Востока РСФСР, стр. 66.

товаров первой необходимости. В ряде населенных пунктов жители не заготовили в достаточном количестве продуктов питания на зиму. О положении населения в уезде Бычков поставил в известность Камчатский областной совет, который разрешил ему в целях снабжения населения необходимыми товарами кредитоваться у местных торговцев.

Благодаря энергичным мерам Быčkova из запасов кооперативного склада²² была оказана существенная помощь продуктами голодающему населению поселков Ванкарем, Наукан и др.²³ Соблюдая интересы Советского государства и народа, А. М. Бычков облагал налогами торговцев, вывозивших пушнину с Чукотки.

Около двух лет А. М. Бычков и Г. Г. Рудых осуществляли ряд важных функций Советской власти на Чукотском полуострове. Они защищали интересы чукчей и эскимосов, наблюдая за тем, чтобы их не обманывали американские торговцы и промышленники. Помимо контроля за торговлей иностранцев, регулирования ее, Бычков и Рудых вели среди местного населения работу по разъяснению политики Советской власти, налаживали занятия в имевшихся школах и т. п.²⁴

Летом 1922 г. в связи с угрозой проникновения белогвардейских банд бочкаревых с Охотского побережья и Нижнеколымска на Чукотку А. М. Бычков и Г. Г. Рудых выехали через Америку в Россию.²⁵

3 января 1923 г. было образовано Управление уполномоченного Камчатского губернского ревкома по Анадырскому уезду и Чукотскому полуострову. Местом пребывания Управления был определен пост Ново-Мариинск. Уполномоченным был назначен Ф. И. Караев, его заместителями по Чукотскому уезду — Н. Кривцын, по Анадырскому уезду — И. Ф. Бурк. Работникам управления пришлось столкнуться с полной хозяйственной разрухой в обоих уездах, с обнищанием населения, с голодом в ряде чукотских, эскимосских береговых поселков, а также соеди оседлого населения Марковской волости по р. Анадырю.²⁶ Были предприняты меры для налаживания снабжения населения необходимыми продуктами питания. Однако положение на всей Чукотке оставалось тяжелым. Оно осложнялось еще угрозой проникновения на Чукотку банд бочкаревых.

К середине апреля 1923 г. на Чукотском полуострове было образовано 7 волостей: Беринговская, Провиденская, Яндагайская,

²² Запасы продуктов, товаров, сырья и пушнины, имевшиеся в экономических складах после революции, были переданы Союзу камчатских кооперативов.

²³ Б. Мухачев. Посланец далекой Чукотки. «Магаданская правда», 27 октября 1957 г., № 255.

²⁴ И. Волк. Маленькая должность. «Известия», 30 марта 1961 г., № 76.

²⁵ По прибытии в Москву А. М. Бычков сдал собранные с торговцев пошлинные сборы в золотой валюте («Известия», 31 октября 1922 г., № 246).

²⁶ ГАМО, ф. р.-28, оп. 1, д. 12, л. 19.

Уэленская, Сердце-Каменская, Колючинская и Рыркайпийская. Согласно приказу уполномоченного по Анадырскому уезду и Чукотскому полуострову, «ввиду невозможности произвести выборы должностных лиц волостных революционных комитетов во вновь образованных волостях», председатели были назначены.²⁷

В июле 1923 г. уполномоченным был назначен И. Ф. Бурк. Задачи нового уполномоченного были определены так: укреплять Советскую власть на местах, организовать снабжение населения продуктами и товарами, регламентировать торговлю частников, не допускать скупку пушнины у населения частными лицами и т. п.²⁸

В 1924 г. уже был сформирован Чукотский уездный революционный комитет, председателем которого был тов. Иванов. Волостные ревкомы оказались мало дееспособными. Так, Провиденский волревком уже в сентябре 1923 г. был распущен.²⁹ Во главе ряда других волревкомов Караевым были назначены бывшие торговцы, которые не собирались проводить в жизнь всех мероприятий революционной власти.

Несмотря на отдаленность и отсутствие сколько-нибудь нормальной связи Петропавловска с уездами, деятельность первых Советов на Чукотке проходила под общим руководством со стороны камчатских областных партийных и советских органов. В трудных условиях хозяйственной разрухи, гражданской войны и интервенции организаторы Советской власти в Камчатской области проявили особую заботу о народах Севера.

Внимание к народам Севера вытекало из ленинских принципов национальной политики партии, основные начала которых были сформулированы в «Декларации прав народов России». Один из пунктов «Декларации», «Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России», имел в виду и народы Севера.

Первый уездный съезд Советов Камчатки, созванный в марте 1920 г., принял специальное решение, ограждающее политические, хозяйственные интересы коренного населения. Съезд постановил:

«1. Предложить жителям относиться к кочующим мирно и дружелюбно. Поручить областной власти пресекать деятельность лиц, вносящих раздор между теми и другими.

2. Прекратить эксплуатацию кочующих купцами, воспретить торг по стойбищам и предложить кооперативам приучать кочующих пользоваться кооперацией, для начала на особо льготных условиях.

3. Предложить учителям привлекать детей кочующих в школы и просить местные Советы способствовать этому, как лучшему из путей сближения кочующих с жителями.

²⁷ Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 1, л. 65.

²⁸ Там же, ф. р.-28, оп. 1, д. 12, л. 19.

²⁹ Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 4, л. 29.

4. Поддерживать среди кочующих оленеводство, для чего оседлые жители должны стараться не переводить чрезмерно табуны оленей и поручить областной власти выдавать кочующим за хорошее оленеводство награды по представлению местных Советов». ³⁰

Вместе с тем, учитывая общую политическую и культурную отсталость коренного населения, особенно кочевников, их дезориентацию в событиях внутри страны, съезд обратился к населению области со специальным воззванием, разъясняющим основную сущность политических изменений в стране.

В то же время съезд призвал местное население оказывать содействие новой власти.

«Все старое правительство теперь свергнуто, — говорилось в воззвании. Старое правительство обманывало всех вас. Новое правительство хочет устроить вашу жизнь на хороших началах: вы все должны оказывать ему содействие...

«Купцы все время обманывали вас, товар у них всегда дорогой, пушнина дешевая. Всю добытую пушнину продавайте или в продовольственную управу или в кооперативы: там вы купите все дешево и хорошо. Живите с оседлым населением так, чтобы вам и им было хорошо. Не слушайте плохих людей, которые ссорят вас с жителями». ³¹

Коренным образом изменилось положение населения северо-восточных окраин, после того как 5-я Краснознаменная Армия 25 октября 1922 г. освободила Приморье от японских интервентов и белогвардейцев.

В конце декабря 1922 г. в Петропавловске-на-Камчатке был создан Губернский революционный комитет. В состав Камчатской губернии тогда входило 6 уездов, в том числе Анадырский и Чукотский. Однако уездные и волостные комитеты на Чукотке образованы не были. Там временно действовали уполномоченные Губревкома. ³² Местное население весьма сочувственно относилось к мероприятиям уполномоченных Губревкома. В целях защиты Чукотского и Анадырского уездов от проникновения на их территорию банд Бочкарева и других в Марково и Анадыре были организованы отряды Красной Гвардии, а в Чукотском уезде — отряд народной охраны из чукчей и эскимосов сел. Уэлена, Наукана и Дежнева, в составе которого насчитывалось свыше 100 человек. ³³

³⁰ За власть Советов на Камчатке (1917—1923). Петропавловск-Камчатский, 1957, стр. 40—41.

³¹ Там же, стр. 41.

³² Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953), стр. 99.

³³ Там же, стр. 103. Интересная фотография, изображающая чукотский партизанский отряд (снимок 1922 г.), опубликована в кн.: За власть Советов на Камчатке (1917—1923), стр. 103.

С организацией Камчатского губревкома стало налаживаться более регулярное руководство строительством органов Советской власти, снабжением населения товарами, организацией просвещения и здравоохранения. Идейно-политическое руководство в губернии осуществляло Камчатское бюро РКП(б).

В силу особых условий в Камчатской губернии ревкомы сохранялись и после 1923 г., в то время как в других губерниях Дальнего Востока они были заменены Советами.

Еще в 1925 г. губернское бюро РКП(б), обсуждая вопрос о путях советизации коренного населения губернии, пришло к выводу, что создание сельских, волостных и уездных Советов на выборных началах возможно не во всех уездах губернии. В Анадырском, Чукотском и двух других уездах губернии бюро губкома решило сохранить на некоторое время принцип назначения работников от сельских комитетов до уездных ревкомов включительно.

Весьма важным шагом в сторону дальнейшего расширения деятельности ревкомов и приближения их к массам местного населения было проведение совещания партийных работников губернского центра с привлечением председателей уездных ревкомов. На этом совещании, которое состоялось в июне 1925 г., присутствовали председатель Анадырского уездного ревкома тов. Турилов, Чукотского — тов. Иванов и др. На совещании обсуждались вопросы работы среди населения; об отношении к иностранцам; о финансовых правах уездных ревкомов и др.³⁴ На этом совещании был поднят тогда крайне актуальный вопрос о необходимости изучения русскими работниками языка, быта и культуры местного населения.³⁵ Это совещание подготовило необходимые условия для проведения выборов советских органов. Уже в августе 1925 г. Камчатское губернское бюро РКП(б) приняло решение о повсеместном проведении в губернии выборных органов Советской власти. Проведения выборов было назначено на март 1926 г. Среди кочевого населения намечалось ускорить организацию самоуправления в виде кочевых родовых Советов.³⁶

Этим мероприятиям предшествовала большая, серьезная организационная и разъяснительная работа.

Для осуществления правильного, более гибкого руководства делом советского, хозяйственного и культурного строительства среди малых народностей Севера при Дальревкоме был создан специальный орган — Туземный подотдел. Учитывая исторически сложившиеся особенности общественных устоев коренного насе-

³⁴ За власть Советов на Камчатке (1917—1923), стр. 125.

³⁵ Там же. Камчатское краеведческое общество, идя навстречу пожеланиям участников совещания, издало «Словарь русско-ламутский и русско-корякский» (Петропавловск-Камчатский, 1926); «Русско-чукотский словарь» (Петропавловск-Камчатский, 1927), стр. 3—66 («Словарь») и 69—132 («Наиболее употребительные в чукотском языке фразы»).

³⁶ За власть Советов на Камчатке (1917—1923), стр. 125—126.

ления, которые не давали возможности организации среди него обычных органов Советской власти, Туземный подотдел разработал «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области».³⁷ В § 4 этого «Положения» устанавливалось, что «туземным племенам, согласно ст. XI Конституции РСФСР, предоставляется право самоуправления, согласно существующим обычаям, если таковые не противоречат основным положениям Конституции РСФСР».

Однако применение «Временного положения» на Чукотке наталкивалось тогда на ряд трудностей. Они состояли прежде всего в том, что среди чукчей не было достаточно политически подготовленных людей, которые могли бы проводить в жизнь эти решения.³⁸ Нужна была кропотливая разъяснительная работа, нужно было время.

В январе 1925 г. Камчатский губернский революционный комитет издал специальное «Обращение» к кочевым народностям Камчатской губернии, которое было отпечатано в виде плаката. В нем говорилось:

«К вам, жители тайги и тундры, обращается Камчатский революционный комитет. Были в России плохие люди. Убивали и грабили они многих других людей, хотели от этого разбогатеть. Такие люди были и у нас на Камчатке.

Тогда бедный народ собрался, взял ружья и стал прогонять плохих людей. Началась ужасная война. Народ страдал. Товара, чаю, табаку, муки, ружей, пороху стало мало. Пароходы перестали возить товар. Много пролилось крови в то время. Но бедный люд победил плохих. Народ кончил войну. Собрались все трудящиеся люди и создали сильную Советскую Республику. Появился опять товар, мука, чай, ружья. Часто стали ходить пароходы. Российский народ теперь часто съезжается вместе и говорит о своих нуждах. Стали строить школы и больницы. Теперь они хотят вам помочь, чтобы вы, кочующие по хребтам и тундрам, чаще съезжались вместе на родовые собрания и говорили о том, что нужно вам.

Родовые собрания будут управлять вашими делами по советским законам, чтобы улучшить вашу жизнь. Выбирайте в родовые Советы самых лучших людей, которые будут заботиться о вас. Правительство Советской Республики теперь состоит из самых лучших людей, выбранных от всего народа. Оно к вам всегда будет относиться, как отец к сыну, но и вы должны исполнять законы и повинности. Обидит вас кто —

³⁷ Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке 1922—1926 гг. Сборник документов. Хабаровск, 1927, стр. 175—180.

³⁸ Родовые советы и родовые собрания, создававшиеся среди чукчей-оленьеводов, были «родовыми» лишь по названию. Эти формы управления были утверждены «Временным положением», которое исходило из предположения, что все кочевые народы имеют родовое устройство.

идите в свои родовые Советы и скажите об этом, родовой Совет скажет об этом районному Совету, а он уже не даст вас в обиду и, если нужно, сообщит в город. Если не знаете, что вам нужно делать, а что нельзя, — съездите в родовой или в районный Совет и там обо всем расскажут: узнаете, когда можно охотиться на пушного зверя, а когда нельзя: чтобы зверь размножался, почему делают запуски. Нужна школа, больница — идите туда же и скажите об этом. Один из великих людей — товарищ Ленин говорил, чтобы ламут или коряк, или чукча многое знал, нужно учиться. Выучится он, вернется к своим людям и будет у них работать; говорить со своими он будет на своем языке. Узнает, что им нужно, и скажет нам, а мы уж поможем.

Советская Республика стремится, чтобы всем жилось хорошо, и вы должны помнить, что только она является защитницей всех трудящихся людей, таких, как вы, жители сурового Севера!». ³⁹

Создание выборных органов Советской власти среди оленеводов и берегового населения Чукотки протекало не одновременно. К этому были серьезные основания. Сотрудники Чукотского и Анадырского районных ревкомов проделали большую работу, в первую очередь среди оседлого населения побережий Чукотского и Берингова морей. Оленеводы тундры, особенно глубинной части полуострова, на первых порах далеко не охватывались такой работой. Поэтому создание органов советского самоуправления среди них несколько задержалось.

Так как у оленных и береговых чукчей существовали различия в хозяйственных занятиях и на этой основе особенности расселения, быта и культуры, то и формы самоуправления у них на первых порах были разные. Среди оседлого населения Чукотки — чукчей и эскимосов действовали лагерные комитеты. Они создавались в 1923—1924 гг. при уполномоченных Камчатского губернского ревкома по Чукотскому уезду. Состояли они из председателя и его заместителя, которые назначались уполномоченным. Лишь с 1926 г. лагерные комитеты стали выбираться. С самого начала организации лагерные комитеты создавались по принципу территориального объединения населения, поэтому каждый лагерный комитет стоял во главе 2—4 населенных пунктов, расположенных близко друг от друга. Например, Яндагайский лагерком объединял жителей сел. Яндагай и Аккани; Нунямский — жителей сел. Нунямо, Квэкай и Чини; Чегитунский лагерком объединял жителей сел. Чегитунь, Икичура и Чутпэн, а Энурминский — жителей сел. Энурмин, Этэкэныскын, Кэныскын и Нэттэн. ⁴⁰

³⁹ Дальревком, стр. 180—181.

⁴⁰ ГАМО, ф. р.-34, оп. 1, д. 1, лл. 4, 6, 10, 12, Чукотский районный революционный комитет, Протоколы заседаний.

В конце 1926 г. были произведены выборы в лагерные комитеты среди оседлого населения побережья Берингова моря Чукотки, а в населенных пунктах побережья Ледовитого океана — лишь в начале 1927 г.⁴¹

К концу 1926 г. в Чукотском районе насчитывалось 30 лагерных комитетов. Помимо председателей, в их составе было 72 члена.⁴² На этот актив и опирался в своей работе Районный революционный комитет.

В целях политической активизации населения и дальнейшей демократизации органов советского самоуправления Чукотский райревком наметил провести в начале 1927 г. районную конференцию берегового туземного населения. Подготовительная работа к ее проведению началась со специальных поездок работников ревкома по району. В южную часть района, т. е. от мыса Дежнева до бухты Преображения, был командирован секретарь ревкомат тов. Королев. Ему поручалось провести выборы делегатов на районную конференцию и организовать родовые Советы среди оленеводов, кочевавших между бухтой Преображения и бухтой Колычино. С этого начиналась организация Советов среди кочевников.

Командированному в северную часть района до Чауна тов. Федорову вменялось в обязанность выявить актив среди местных жителей, произвести выборы делегатов на конференцию, собрать и записать все наказа населения делегатам, произвести инструктаж лагеркомов и т. п. Тогда в северной части района еще не ставилась задача организации родовых Советов среди оленеводов.

После районной конференции состав членов райревкома пополнился. Заместителем председателя райревкома был назначен чукча Рэмалкот, а членом — эскимос Иппяк. Конференция признала возможным провести выборы в лагерные комитеты и родовые Советы повсеместно.

Для обследования состояния жизни населения, деятельности лагерных комитетов и их перевыборов, а также для разъяснения населению решений конференции в южную часть района был командирован тов. Иппяк. В северные районы до Чауна (по р. Чауну тогда проходила граница с Якутией) был командирован В. М. Чекарев, который также должен был провести выборы лагерных комитетов и «организовать родовые Советы среди кочующих по мере возможности и инструктировать их в работе».⁴³

К маю 1927 г. на территории Чукотского района в южной части было создано 15 лагерных комитетов и 7 родовых Советов (Рочгынотак, Льерэвык, Лелейолгык, Гильмимлык, Койчетпакагыргын, Тотлевык, Кымъыкымык),⁴⁴ в северной — 17 лагерных

⁴¹ Там же л. 12.

⁴² Там же, л. 8.

⁴³ Там же, ф. р.-34, оп. 1, д. 1, л. 15.

⁴⁴ Там же, д. 2, лл. 4—6.

комитетов и 1 родовой Совет (Чаунский) и, кроме того, 3 родовых собрания (Кэчвээмское, Эмикуельское и Паалянское), на которых избирались только председатели.

Оленеводы, особенно в северо-западной части Чукотского района, не имели никакого представления о советских органах самоуправления. Во многих стойбищах впервые слышали о Советской власти и поэтому не имели представления о сущности и целях организации Советов. При проведении первых собраний задавались вопросы, зачем Советы, для чего их нужно избирать и т. п. Такие вопросы возникали по преимуществу у зажиточной части оленеводов, которые были хозяевами стойбища. По сложившейся традиции они осуществляли власть в своем маленьком мирке, вершили суд и расправу. У чукчей не было родовых начал. Беднота и пастухи уже в лице первых представителей ревкомов видели защитников их интересов.

В стойбище Таратгыргына (на р. Эчикуем), как отметил в своем дневнике В. Чекмарев, «председателем родового собрания был избран т. Этынват — бедняк, ибо богач, самый дикий человек, который не против власти, но понять никак не мог, зачем она ему нужна и вообще для чего, мол, все это надо».⁴⁵ Такая ограниченность представлений о власти и ее назначении была характерна для абсолютного большинства оленеводов Чукотки. Поэтому во многих стойбищах создавались лишь так называемые родовые собрания, на которых избирался председатель. Их организация была временной, переходной мерой. Через посредство родовых собраний предполагалось подготовить кочевников к организации у них родовых, а затем и обычных Советов.

Как следует из сказанного выше, пробудить политическое самосознание у коренного населения, особенно оленеводов, выявить наиболее сознательных, способных правильно воспринимать мероприятия советской власти, было делом весьма сложным. Трудности эти станут понятны еще более, если учесть распыленность населения, огромные масштабы района (242 000 км²), примитивные средства передвижения (собачьи, оленьи упряжки зимой, летом байдары), ограниченный штат райревкома (всего 7 человек) и т. п. Нужно отдать должное активности, самоотверженности, с которой работали посланцы русского народа в те годы на Чукотке.

Культурно-политическая отсталость всего населения Чукотки и особенно оленеводов являлась большим тормозом в деле создания органов советского самоуправления. Однако было бы неправильно все трудности объяснять культурно-политической отсталостью. Нельзя забывать того, что немаловажную роль в задержке советизации, налаживании работы Советов играло сопротивление, оказываемое крупными стадовладельцами, хозяевами байдар, вельботов, торговцами и стоявшими на их стороне шаманами.

⁴⁵ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 530, Дневник В. Чекмарева, л. 19.

В этот период резко стала обнажаться и проявляться своеобразная классовая борьба. Она носила незрелые, зачаточные, порой наивные формы. Однако существо ее сводилось к диаметрально противоположному отношению к Советской власти, с одной стороны, трудящегося населения, с другой — тех, кто угнетал, эксплуатировал его. Труженики Чукотки скоро преодолели недоверие к «новым» русским, к их организаторской работе, начали понимать, что их деятельность направлена на защиту интересов трудящихся, на улучшение их жизни. Другое дело эксплуататоры (богатые стадовладельцы, хозяева байдар, торговцы, шаманы), они всячески сопротивлялись мероприятиям исполкомов, не разрешали проводить собрания, не давали налаживать советское самоуправление.

При организации Совета у оленеводов района Мечигменской губы хозяева стойбищ говорили: «Тузсовет не нужен, если выберем тузсовет, то пропадут олени». Убедить их в нелепости выдвигаемых ими причинных связей между выборами в Совет и оленями так и не удалось. Но были и примеры другого отношения к Советам. Так, в с. Энурмин во время выборов лагерного комитета родственники торговца Вола Тыналет и другие настаивали на замене старого председателя из бедняков тов. Ръанавтагына новой кандидатурой — тов. Вайкэп. Однако большинство присутствовавших на собрании отвало эту кандидатуру, мотивируя тем, что Вайкэп помогал Тыналету торговать, ездил вместе с ним в Америку на о. М. Диамид.⁴⁶

В еще более резкой форме проявилась классовая направленность богатых стадовладельцев в районе Восточной тундры. В 1929 г. там предполагалось провести конференцию оленеводов. Однако богачи при поддержке шаманов не пропустили работников райисполкома на территорию расположения своих стойбищ.⁴⁷

В последующие годы родовые Советы среди оленеводов были созданы почти повсеместно. Однако их деятельность ограничивалась узким кругом вопросов улучшения снабжения товарами, некоторых начинаний в области культурного строительства, в частности привлечения детей оленеводов в школы, несложным хозяйственным учетом и т. п.

Члены родовых Советов были поголовно неграмотны, почти не знали русского языка, поэтому направлять их деятельность приходилось лишь путем непосредственного инструктажа, что удавалось делать иногда не чаще раза в год. Допускались и промахи, основанные на недостаточном понимании организаторами Советской власти природы социальных отношений, сложившихся у оленеводов и береговых чукчей к тому времени. Многие работники не могли сразу понять глубины социальной дифференциации, су-

⁴⁶ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 530, л. 4 об.

⁴⁷ Я. Ф. Самарин, ук. соч., стр. 86.

ществовавшей у чукчей. Все это приводило к тому, что лагерные комитеты и родовые Советы оказались засоренными чуждыми Советской власти элементами. Не случайно на Первой конференции оседлого населения Чукотского района в 1927 г. 72% участников ее составляли кулаки и шаманы.⁴⁸

Родовые Советы и лагерные комитеты просуществовали до 1929 г., когда они были повсеместно преобразованы в туземные Советы. К этому времени состав их значительно очистился от чуждых элементов, заметно повысилась политическая и деловая активность их членов и всего населения вообще. Райревкомы на Чукотке также были преобразованы в районные исполнительные комитеты. Таким образом, на Чукотке полностью осуществилось советское самоуправление, основанное на принципе выборности всех его звеньев.

Опыт организации и первых лет работы Советов на Чукотке подтвердил удивительную проницательность В. И. Ленина, который считал Советы наиболее пригодной формой самоуправления для всех народов. Он указывал, что Советы «являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями».⁴⁹

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 245.

ГЛАВА VIII

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА И КУЛЬТУРЫ ЧУКЧЕЙ (1917—1930 гг.)

С первых дней установления Советской власти на Чукотке большое внимание было уделено вопросам ликвидации последствий гнета самодержавия, хозяйничанья иностранцев, вытеснению иностранной и частной торговли, организации снабжения населения края продуктами и товарами первой необходимости, проведению подготовительных мероприятий для кооперирования населения, созданию учреждений культуры, просвещения, здравоохранения и т. п.

Все эти мероприятия проводились параллельно с советским строительством, параллельно с ростом политического сознания и повышением культурного уровня населения.

Оленеводство

Ко времени установления Советской власти на Чукотке оленеводство, как и прежде, составляло важнейшую отрасль хозяйственных занятий чукчей. Около двух третей всех чукчей были заняты в оленеводстве. Однако оленеводство, как и другие отрасли хозяйства чукчей, находилось в упадочном состоянии. Эпизоотии уносили десятки тысяч оленей. Большой ущерб терпело оленеводческое хозяйство чукчей от нападений волков.

В целях оказания помощи населению в борьбе с волками уполномоченный Камчатского губревкома по Анадырско-Чукотскому краю уже в 1923 г. снабжал значительную часть оленеводов стрихнином. В последующие годы (1924, 1925) стрихнин выдавался оленеводам Чукотским и Анадырским райревкома.¹

¹ М. П. Серебрякова, В. А. Зибарев. Первые мероприятия Советского государства по ликвидации экономической отсталости малых народностей

Это — одна из форм оказания практической помощи важнейшей отрасли хозяйства чукчей. ЦИК и СНК СССР 24 апреля 1925 г. освободили кочевое население Камчатской губернии от всех прямых налогов, в том числе от введенного Дальревкомом «пушного налога». В том же году это постановление было распространено и на оседлое коренное население Камчатской губернии.²

Оленеводство всегда находилось в поле зрения органов Советской власти.

Период с 1923 по 1926 г. по существу был началом развертывания организационно-хозяйственной деятельности Советской власти на Чукотке. Как уже было отмечено выше, создание советских органов самоуправления на Чукотке, особенно среди оленеводов, задержалось. Поэтому ощутимых изменений в развитии оленеводческого хозяйства чукчей еще не было.

Ряд мер советского правительства — улучшение снабжения населения промышленными товарами и продуктами, прекращение иностранной торговли, сокращение и контролирование частной торговли и другие привели к известной стабилизации оленеводческого хозяйства чукчей.

Перепись 1926—1927 гг. в значительной степени полно отразила состояние чукотского оленеводства, характерное по крайней мере для последних 4—5 лет, предшествовавших ей.

Переписью было зарегистрировано 1328 оленеводческих хозяйств чукчей (не считая приколымских), из них 249 занимались морским зверобойным промыслом. Летом 1926 г. ими было добыто 236 моржей, 3629 разных видов нерп, 116 лахтаков.

Оленеводство не было чуждо и оседлым чукчам. Из 658 хозяйств оседлых чукчей 109 имели оленей, общее количество которых составляло 629 голов. Они имели более 100 нарт для езды на оленях. Олени приморских чукчей выпасались в стадах оленеводов, тесно связанных с морским промыслом. Например, жители Инчовын имели 17 голов оленей, Чегитуна — 53, Миткулина — 28, Сердце-Камень — 9 и т. д.³

В способах ведения оленеводческого хозяйства чукчей, в средствах и орудиях труда никаких заметных изменений до начала коллективизации не произошло. Как и много лет назад, оленеводы кочевали по Чукотке, руководствуясь необходимостью выпаса оленей, дававших им основные продукты питания, материал для одежды, обуви и жилища.

Отдельные группы чукчей в течение зимы проделывали путь в 200—600 км. Например, Тэлкэпыльытская группа чукчей в тече-

Дальнего Востока в 1922—1926 годах. «Ученые записки Томск. гос. унив. им. В. В. Куйбышева», 1959, № 37, стр. 141.

² Там же, стр. 143.

³ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 530, лл. 1—6.

ние зимы проходила путь в 300 км, Онмыльытская — до 400 км, а Канчаланская проходила за зиму до 600 км.⁴

Их хозяйство было все еще экстенсивным, с очень низким процентом воспроизводства стада, с большими непроизводительными отходами оленей, с огромными нерациональными затратами труда всех категорий населения. Так, на 1328 оленеводческих хозяйств имелось в обиходе 22 584 нарты. Бесконечными потоками в разных направлениях растекались караваны оленей по горам и тундрам Чукотки, перевоза жилище, имущество, детей и стариков с одного места на другое. Этими тяжкими трудами и скитаниями была наполнена вся жизнь чукчей-олeneводо́в.

Развитие оленеводческого хозяйства шло крайне медленно, так как никаких производственных усовершенствований не вносилось. Не было и достаточных стимулов к его более энергичному развитию. Оленеводческое хозяйство в значительной своей части носило потребительский, натуральный характер. Товарную часть продукции составляли лишь некоторые виды сырья (шкур), тогда как мясо почти не имело рынков сбыта, если не считать потребления его обруселым населением на Колыме, Анадыре и отчасти оседлыми чукчами и эскимосами. В районах наиболее развитого оленеводства, таких, как Анадырский, мясо оленей ценилось очень дешево. Оседлые чуванцы и юкагиры, жившие по Анадырю, часто кормили собак оленьей, которую покупали у оленеводов за бесценок. Переписью 1926 г. было установлено, что в течение года «4 основные поселка оседлых на Анадыре съедали (люди и собаки) более 3000 оленей».⁵ Этой же переписью были учтены обороты ряда местных ярмарок, обслуживавших в основном чукчей-олeneводо́в. На основании этих данных можно составить приблизительно верное представление о товарности чукотского оленеводческого хозяйства.

На Усть-Бельской ярмарке к сумме оборота 10 700 руб. 31% составила пушнина и 69% оленье меховое сырье; на Туманской ярмарке пушнина составила 50%, а экспортная продукция оленеводства — 30% к сумме оборота 5600 руб.; на Чукотской ярмарке (по р. Палпал) пушнины было продано на 28%, экспортной продукции оленеводства на 43% и рухляди (т. е. готовых изделий из оленьих шкур) на 29% к обороту 5000 руб.; на Еропольской ярмарке пушнины на 54%, экспортного оленьего сырья на 43% и рухляди на 3% к обороту 16 000 руб.⁶ Здесь же был зарегистрирован единственный пример продажи чукчами 27 голов ездовых оленей приказчикам чукотского торговца Алитета.

⁴ П. Н. Орловский. Год анадырско-чукотского оленевода. «Северная Азия», 1928, № 2, стр. 70.

⁵ П. Н. Орловский. Анадырско-чукотское оленеводство. «Северная Азия», 1928, № 1, стр. 52.

⁶ Итоги переписи Северных окраин Дальневосточного края (1926—1927). Благовещенск, 1929, стр. 273—277.

В общей сложности тремя факториями Дальгосторга на Анадыре (Ново-Мариинской, Усть-Бельской и Марковской) в 1926/27 хозяйственном году были заготовлены следующие изделия:

Выпоротки	12134	шт.	на 20358 руб.
Пыжики	4150	„	„ 10188 „
Постели (шкур оленей зимнего убоя)	1503	„	„ 1204 „
Камусы	3796	„	„ 187 „
Рукавицы камусные	1605	пар	„ 1117 „
Ровдуги	162	шт.	„ 210 „
Кухлянки	31	„	„ 699 р. 50.
Стаканчики	4	„	„ 22 руб.
Торбаза	187	пар	„ 643 „
Чажи	69	„	„ 34 р.

Всего заготовлено оленьего сырья и поделок из него на 34 762 руб.⁷ Показательно то, что нет совершенно в заготовках мяса, незначительный процент составляют закупки «постелей» — основного вида оленьих шкур, которые получало чукотское хозяйство. Дальгосторг закупил 75% выпоротков, 25% пыжиков и только 4% постелей от общего количества забитых в этом районе оленей в течение зимы.⁸ Обращает на себя внимание слабое развитие домашней переработки оленьего сырья. Более 850 оленеводческих хозяйств Анадырского района изготовили на продажу разной одежды и обуви только на 2725 руб. Эти показатели являются свидетельством низкой товарности оленеводческого хозяйства в те годы.

До прекращения иностранной торговли значительное количество оленьего сырья скупалось американцами. Так, в 1920 г. с Чукотского полуострова было вывезено пыжиков 349, выпоротков 9251; в 1923 г. — пыжиков 65, выпоротков 6200. Из Анадырского уезда за 1922 г. — пыжиков 3187, недорослей 153, оленьих шкур зимнего убоя 715, ровдуг 76. В это число не входят оленье сырье, готовая одежда, обувь, вывезенные контрабандными шхунами.⁹ При аресте складов торговой фирмы «Свенсон и К^о» в Уэлене оказалось, помимо пушнины, «выпоротков оленьих 525 штук».¹⁰

Таким образом, в товарное обращение поступали преимущественно шкур оленей, которые шли на вывоз. Значительное количество таких видов шкур, как пыжики и постели, шло на внутренний чукотский рынок, к эскимосам и оседлым чукчам. Большой спрос на это сырье предъявляло оседлое население Чукотского района. Оседлые чукчи и эскимосы вступали в непосредственный

⁷ П. Н. Орловский. Анадырско-чукотское оленеводство, стр. 50.

⁸ Там же, стр. 51.

⁹ Н. Кривицын. Анадырско-Чукотский район. (Записки партизана). «Экономическая жизнь Дальнего Востока», № 2, Чита, 1923, стр. 53—56.

¹⁰ ГАМО, ф. р.-28, оп. 1, 7, л. 2.

обмен с оленеводами. Они предлагали продукты морского промысла в обмен на продукты оленеводческого хозяйства. Однако учета этого обмена не велось. Поэтому не представляется возможным более полно установить размеры товарности чукотского оленеводства.

Несмотря на архаический и застойный характер производства, в оленеводческом хозяйстве резче, чем в хозяйстве морских зверобоев, проявлялось имущественное неравенство и соответственно социальная дифференциация.

В 189 оленеводческих хозяйствах чукчей применялся наемный труд, тогда как среди оседлых — только в 4. Перепись 1926 г. зарегистрировала 406 хозяйств батраков-оленеводов, из них 345 имели оленей.

Таким образом, большинство батраков-оленеводов не было окончательно лишено средств производства. Каждый проживающий в тундре человек должен иметь хоть несколько голов оленей, необходимых ему для перевозки своего жилища и другого имущества.

Количество батраков в хозяйстве богатого стадовладельца обычно не превышало 3—4 человек. Какая-то часть работы по выпасу оленей всегда выполнялась его детьми, ближайшими родственниками.

Например, на р. Омолоне у П. Кэргынто, имевшего 5500 оленей, было 2 взрослых батрака и 2 подростка, у И. Кулюк при наличии 5000 оленей было 3 взрослых батрака, у Тыркытваал при стаде в 4500 голов было 2 взрослых батрака и 2 подростка, у А. Кыттэин при стаде 3500 голов оленей было 3 взрослых батрака.¹¹

Другой автор, непосредственно наблюдавший эту группу чукчей в 1928 г., отметил, что на стойбищах богатых стадовладельцев проживает больше половины «не родственников, а посторонних людей, живущих в семье крупного оленевода на основе своеобразной соседственной связи».¹²

Автор этих строк, видимо, не заметил, что стойбище представляло не просто ассоциацию добровольно объединившихся людей на каких-то равных началах, а что «посторонние» работали на хозяина.

По установившейся издавна традиции все еще никаких договорных отношений между хозяином стада и батраком-оленеводом не было. Действовали старые правила. Если хозяин был заинтересован в данном работнике, он забивал для него оленей на пищу, давал шкуры на одежду и мог дать ему одного или несколько телят в виде платы за работу. Обычно все расчеты ограничивались убоем оленей на мясо.

¹¹ Н. Фирсов. Работа среди малых народностей Севера в Якутской АССР. «Советский Север», 1931, № 11—12, стр. 20.

¹² Б. В. Зонов. Описание бассейна реки Омолона. Иркутск, 1931, стр. 47.

Насколько был резким контраст имущественного неравенства у чукчей, можно судить по следующим данным. Из 401 777 оленей, принадлежавших им, только 15 572 головы находились у батраков-оленоводов, составлявших около трети всех чукчей, занятых в оленеводстве. Так, в вилюнейской группе чукчей «есть стадо у одного хозяйства в 6000 оленей и наряду с этим безоленные работники».¹³

Недостаточное количество оленей в хозяйстве батрака-оленовода не давало ему возможности перейти к независимому, самостоятельному ведению хозяйства.

Бедняки-оленоводы составляли вторую большую часть населения тундры. Наиболее отчетливо размеры их оленеводческого хозяйства прослеживаются в Чукотском районе. Например, 1 хозяйство в Каргыткыне имело 68 голов, в Рымэркайе — 44 головы, в Юнай — 42 головы, в Мулкаткан — 83 головы, в Кэнани 3 хозяйства имели 69 голов и т. п. Самостоятельное существование этих хозяйств всецело зависело от успехов их в морском зверобойном, пушном и рыболовном промыслах. По существу оленеводство в этих хозяйствах давало наименьший процент дохода по сравнению с пушным и морским зверобойным промыслами.

Бедняки, стремившиеся быть самостоятельными, независимыми хозяевами, держались поблизости от берега моря или у рек, где дополняли питание и свои доходы за счет морского зверобойного промысла, рыболовства. Многие из бедных оленеводов, чтобы сохранить оленей, питались почти весь год продуктами промысла. В 15 км от поселка Рэткын Г. У. Свердруп наткнулся на две яранги оленных чукчей. Здесь царила страшная нищета. Вся их пища состояла из моржового мяса «того сорта, каким мы обыкновенно кормили собак», замечает Свердруп. Эта нищета была во всем. Спальный полог был грязен и очень мал, притом так изодран, что ветер продувал его насквозь.¹⁴

От с. Энмыльына к с. Лорино Свердруп ехал прямо через тундру, останавливаясь для ночлега в стойбищах оленеводов, где он наблюдал контрасты между жизнью бедных и богатых чукчей. В одном из стойбищ, где он остановился на ночлег, яранга и полог были ветхи, а хозяева настолько бедны, что не имели в достаточном количестве жира для освещения и отопления, поэтому в пологе было темно, сыро, «все оборвано, дуло так сильно и стоял такой холод, что почти нельзя было заснуть ночью». «Другая юрта, — отмечал далее Свердруп, — где нам пришлось целый день пережидать бурю, была полной противоположностью первой. Здесь все дышало порядком и чистотою. Спальная палатка была одной из самых больших, какие мне только приходилось видеть у оленных чукчей. Хозяин был состоятельный человек, облада-

¹³ П. Н. Орловский. Анадырско-Чукотское оленеводство, стр. 47.

¹⁴ Г. У. Свердруп. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930, стр. 338.

тель большого стада оленей, за которыми смотрели специально нанятые работники».¹⁵ Все это наблюдалось на одном стойбище.

Такие бытовые контрасты стали обычным явлением в жизни чукчей-оленьеводов.

Положение бедняков-оленьеводов во внутренних районах Чукотки и около побережья моря было неодинаковым. В глубинных районах они во многом зависели от богатых стадовладельцев, обычно были их батраками. Поэтому в этих районах не было хозяйств такого типа, как в Чукотском районе, так как их независимое существование было почти исключено. В Анадырском районе (в его старых границах) встречались такие хозяйства лишь около мест, богатых рыбой. Так, на р. Белой было 2 хозяйства, имевших всего 64 головы оленей, в местности Рэпэ также 2 хозяйства, имевших 110 голов оленей. Абсолютное большинство бедняков здесь состояло сезонными батраками у богатых стадовладельцев.

К той же группе бедняков следует отнести хозяйства, имевшие до 200—250 голов оленей. Довольно большую группу составляли хозяйства оленьеводов, владевших от 250—300 до 500 голов оленей. Такие хозяйства не прибегали к наемному труду. Они уже могли существовать не нуждаясь, но должны были бережно относиться к расходованию оленей.

Последнюю группу составляли хозяйства *чавчу* ('богатые оленями') — богатые стадовладельцы, имевшие по 1.5—3 тыс. оленей и более. К ним примыкали хозяйства, насчитывавшие около тысячи оленей. Эксплуатация бедняков и батраков начиналась именно в этих хозяйствах.

Одной из широко распространенных форм эксплуатации среди чукчей было слияние стад богатого оленьевода и бедняка якобы для совместного выпаса стада. При этом вступал в силу неписанный закон «взаимопомощи». Бедняк пас это общее стадо, в котором его олени часто составляли всего несколько сотых от количества принадлежавших чавчу оленей. Как бы в виде ответной помощи богатый стадовладелец убивал для бедняка оленей на пищу. При этом труд, затрачиваемый бедняком, не оплачивался полностью.

Одной из распространенных, скрытых форм эксплуатации было использование обычая отработки за будущую жену. При этом никакой оплаты не полагалось. Весьма характерный пример такой эксплуатации наблюдал ветеринарный врач Поляков. «Обычно богатый чукча берет за свою дочь зятя из батраков. Последний, удучи введенным в хозяйство, совершенно теряет всякую инициативу, превращается в вещь, способную выполнить всякую работу, поручаемую хозяином. Он, так же как и обычный батрак, не гарантирован от того, что хозяин попросит оставить занимаемое помещение. Мне известен случай, когда чукча Кулюк переменил

¹⁵ Там же.

у своей дочери Миткеви. четыре мужа, причем всех их попросил удалиться».¹⁶

Часто бедняки не могли отделиться от чавчу, так как все лучшие пастбища были заняты оленями богачей. Так, в долине р. Чауна могли кочевать далеко не все, кто хотел бы. «На лучших местах, — писал Е. Кавелин, — как например остров Айон, кочуют более богатые, имеющие много упряжных оленей. Бедные чукчи соединяют на лето свои небольшие стада и проводят лето в верховьях Чауна».¹⁷

До коллективизации в оленеводческом хозяйстве чукчей не произошло никаких радикальных изменений. Само производство со всеми его особенностями оставалось на прежнем уровне. Однако по мере распространения и укрепления низовых органов советской власти (тузсоветов) в тундре по мере роста культурного и политического уровня населения менялся характер отношений среди оленеводов, что выражалось прежде всего в пробуждении их классового сознания.

Начали все отчетливее и отчетливее проявляться экономические и политические интересы оленеводов-батраков и бедняков, с одной стороны, и богатых стадовладельцев — с другой. Бедняки и батраки-олeneводы через органы Советской власти стали предъявлять законные иски на оплату их многолетнего труда у богачей. Это обстоятельство всколыхнуло население тундры, еще больше и глубже обозначились противоречия между хозяевами и батраками. Случаи выражения таких противоречий участились к концу 20-х годов.

В первый же год работы Красной яранги в районе Мечигменской тундры возник конфликт между батраком Мэвэтгыргыном и богачом стадовладельцем Папылём. Мэвэтгыргын подал заявление в суд с просьбой воздействовать на Папылё, отказывающегося уплатить Мэвэтгыргину за работу. Узнав о том, что Мэвэтгыргын подал заявление в суд, Папылё поспешил выделить ему 30 важенок и 20 самцов оленей в качестве платы за труд.

Подобные примеры, хотя и немногочисленные на первых порах, имели положительное значение для батраков и бедняков. Постепенно в их сознании вырабатывалось понимание необходимости объединения для совместной борьбы и организованного труда, понимание, что дело не «в оленьем счастье», которые будто бы сопутствует богачам, а в том, что эксплуатируют бедняков, труд которых умножает богатства стадовладельцев, создает «оленье счастье».

Вместе с пониманием своего положения появилась вера в свои силы, силы коллектива бедноты. В 1928 г. была организована пер-

¹⁶ Н. Фирсов, ук. соч., стр. 20.

¹⁷ Е. Кавелин. В стране анкалин и чавчу. «Советский Север», 1931, № 7—8, стр. 110—111.

вая оленеводческая артель «Тундровик», из бедняков-оленьеводов с земли Гека у устья Анадыря. Полнее развернулось кооперативно-колхозное строительство только с созданием Чукотского национального округа.

Морской зверобойный промысел

Основу жизни оседлых чукчей и эскимосов Чукотки составлял морской зверобойный промысел. Объектами промысла были моржи, разные виды тюленей, киты, белые медведи.

Промысловый инвентарь чукчей состоял из больших и малых байдар, двух-трехместных байдарок, вельботов. Почти каждый охотник имел нарезное оружие: американские охотничьи карабины; гарпуны, с помощью которых охотились на китов, моржей, тюленей. Некоторые из чукчей имели китобойные пушки. Для ловли тюленей в зимнее время применялись специальные ременные сети разных видов. Этот способ добычи тюленей был наиболее распространен.

«Зимою чукчи промышляют тюленей также при помощи сетей, связанных из тюленьих ремней, — писал Г. У. Свердруп. — Сети эти расставляют разными способами: иногда поперек узкой щели во льду, у которой тюлень охотно держится, иногда под отдушиной в сплошном льду, а иногда вдоль края широкой полыни».¹⁸

Зимняя ловля тюленей сетями применялась и позднее. На побережье Ледовитого океана в Чаунском и Восточно-Тундровском районах добыча нерпы производилась исключительно сетками. Их размеры 3×3 и 4×4 м. Плели их не только из тюленьих ремней, но и из прочного шпагата.

Непременной принадлежностью охотника были «лапки» — особый вид снеговых ступательных лыж, *ак'ын* — 'закидушка' для подтягивания к берегу убитого на воде тюленя, *кэн'ыр* — ледовые санки из клыков моржа.

В летнее и осеннее время охотники надевали непромокаемые дождевики, сшитые из кишок моржа, желудка или пленки с печени кита.

Внешний облик охотника, его снаряжение, приемы промысла оставались теми же, какими они были перед революцией.

Основные запасы питания населения, материал для жилища, байдар, товарные излишки (шкуры, клыки) давала охота на моржей. К западу от мыса Шмидта большее значение имела охота на тюленей. Эта отрасль хозяйства чукчей была в значительной мере подорвана уже в начале XX в., когда у берегов Чукотки хозяйничали китоловы. Как известно, они истребляли не только китов, но и моржей. Действовали они как хищники, уничтожая моржей на лежбищах, на подступах к ним. Поэтому в первые десятилетия

¹⁸ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 252.

XX в. добыча моржей чукчами заметно сократилась, что сказалось на обеспеченности их питанием, материалом для байдар и т. п. Следствием этого явились периодические голодовки.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции берега Чукотки стали местом интенсивного хищнического истребления моржей американцами. Их промысловые и торговые шхуны вели добычу моржей в водах Чукотского моря. Применяя огнестрельное оружие, они не столько добывали их, сколько теряли ранеными и затонувшими. Были нередки случаи нападения китобоев на лежбища моржей.

К 1923 г. на Чукотке остались действующими всего несколько лежбищ из 20, зарегистрированных в конце XIX в. Сохранились они, видимо, благодаря бдительности местного населения.

По рассказам чукчей, в 1919 или 1920 г. известный им много лет американский браконьер хищник Каstell подошел на шхуне к инчовынскому лежбищу и вместе с командой начал стрелять по моржам. Услышав выстрелы, охотники с Инчовын на байдарках и пешком по берегу бросились на защиту лежбища. Сами они никогда не стреляли в этом месте. Угрожая оружием, они перевязали американцев и доставили их вместе со шхуной в Уэлен, где и передали властям.

Истребление и распугивание моржей американскими хищниками велось не только на лежбищах, но и около них. В те же годы хорошо запомнился чукчам торговец капитан шхуны Питт Петерсон. Его шхуна рыскала в водах Чукотского моря от Уэлена до мыса Сердце-Камень. Он брал только клыки, шкуры и жир; мясо выбрасывал в море.

Постоянными преследованиями и стрельбой моржей отпугивали из прибрежных вод, доступных чукчам с их средствами охоты.

По наблюдению Г. У. Свердруп, в 1919—1921 гг. чукчам на северном побережье не удалось добыть почти ни одного моржа. В то же время китобой, проникающие на север, «настреляв огромное количество моржей, брали клыки, шкуры и сало, а мясо выбрасывали в море».¹⁹ «Этот хищнический промысел, — писал далее Свердруп, — не успел, однако, еще принять настолько широких размеров, чтобы грозить полным истреблением моржей». Это замечание Свердруп дополнил предостерегающим заключением: «Для чукчей исчезновение моржей явилось бы величайшим бедствием; не без основания они утверждают, что в таком случае и им самим придется вымереть».²⁰

Таким же хищничеством занималась и торговая компания «Свенсон и К^о».

Уполномоченный Камчатского губревкома по Чукотскому и Анадырскому уездам в своем докладе сообщал: «Морские про-

¹⁹ Там же, стр. 248.

²⁰ Там же, стр. 249.

мыслы приходят в упадок. Причина — хищничество. За последние годы достаточно указать, что Свенсон добывал до 1000 моржей в одну навигацию».²¹ По мнению уполномоченного, добыча моржей чукчами в 1921—1922 гг. на всем Чукотском полуострове не превышала 1000 штук.²²

По данным А. И. Караева, «за последние 10—12 лет (1910—1923 гг., — И. В.) американцы взялись за новый вид промысла — моржовый. Четыре-пять китобойных шхун и пароходов выходили на этот промысел и хищнически истребляли моржей как в океане, так и вдоль нашего побережья». Они добывали в сезон 4—6 тысяч штук. При этом использовались только жир, клыки и кожи, а мясо выбрасывалось за борт. «Ввиду того, что эти охотники не стеснялись никакими законами, пускали в ход для добычи моржей одно только пульное ружье, процентов 70 всех моржей уходило ранеными или тут же тонули; добывалось же всего не более 30%. Из этого видно, насколько вредно отражалась эта охота вообще на всем прибрежном населении, которому после этого по напуганному стаду было очень трудно охотиться. С первых лет охоты этих хищников туземцы стали ощущать недоход моржей; лежбища, на которых раньше встречались тысячи голов, теперь пустуют; а поэтому начались периодические голодовки населения».²³

Следствием этой разбойничьей эксплуатации природных богатств явилось тяжелое, граничащее с бедственным состояние прибрежного населения Чукотки. Трудное положение чукчей усугублялось еще рядом других причин. Почти прекратилась добыча китов. Уполномоченный Камчатского губревкома по Чукотскому и Анадырскому уездам сообщал, что раньше китов добывалось 8—10 шт. в год, тогда как теперь (1922—1923 гг.) наблюдаются единичные случаи. Почти то же сообщал А. И. Караев. «С уменьшением количества китов в Беринговом проливе и океане, — писал он, — население сильно обеднело».²⁴ В обоих случаях идет речь о добыче гренландских китов, ус которых особенно ценился на внешнем рынке. Мясо и жир их шли в пищу населению. Других видов китов (например, *рзэв* — серый кит) чукчи не добывали, так как не имели необходимого оружия. К имевшимся кое-где китобойным пушкам не было зарядов.

В связи с резким сокращением добычи моржей и китов решающее значение в жизни оседлого населения Чукотки приобрел промысел тюленей, которым можно было заниматься в течение всего

²¹ Андриевский. По вопросу о регулярном обслуживании Колымского и Ленского бассейнов. «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1924, № 1 (5), стр. 47—48.

²² Там же, стр. 47.

²³ А. И. Караев. Чукотско-Анадырский край. (Очерки местного жителя). «Экономическая жизнь Дальнего Востока», № 5, 1926, стр. 141—142.

²⁴ Там же.

года. Однако добыча тюленей была малоэффективна, особенно в зимний период. Охотники вынуждены были ходить на промысел каждый день, иногда на десятки километров от берега, причем не всегда возвращались с добычей. Достаточно было нескольких дней непогоды, как люди оказывались перед лицом голода и холода, так как не было ни мяса для пищи, ни жира для освещения и отопления.

Американские торговцы хищнически уничтожали и тюленей. Они истребляли их с такой же энергией, как и моржей, в погоне за жиром и шкурами. Сравнение данных добычи тюленей, в частности наиболее распространенного вида — серой нерпы, за ряд лет показывает уменьшение ее запасов. В 1916 г. было добыто 26 250 шт., в 1920—18 427 шт., в 1926—16 327 шт.²⁵ Резкое падение добычи тюленей — свидетельство сокращения стада. Дело, конечно, не столько в том, что население Чукотки стало более интенсивно охотиться на тюленей, сколько в хищническом истреблении и этого вида морского зверя американскими зверобоями и торговыми судами.²⁶

Уменьшение количества добываемых морских животных увеличило спрос прибрежных чукчей на привозные продукты питания — муку, крупу и т. п. Из русских товаров на Чукотке охотно раскупалась мука, «которая с каждым годом требуется все в большем и в большем количестве», писал в своем отчете за 1919—1920 г. председатель Временного Совета Чукотского уезда.²⁷ То же подтверждает и Г. У. Свердруп. «Мука потребляется теперь по всему побережью в значительном количестве. Из нее пекут хлеб, жарят блины на тюленьей ворвани, а иногда вместе с тюленьей кровью варят похлебку».²⁸

Почти все виды продукции морского зверобойного промысла, за исключением мяса, приобрели товарное значение. В этом можно убедиться, ознакомившись с ассортиментом скупавшегося на Чукотке сырья.

В 1923 г. в с. Дежнев были описаны склады, принадлежавшие торговой фирме «Свенсон и К^о». Там оказалось мандарок 428,²⁹ шкур белых медведей 17, ремней из моржовых кож 10 пудов 12 фунтов, ремней из лахтачьих кож 5 пудов 23 фунтов, ремней тонких из нерпичьих кож 9 пудов 20 фунтов, моржовых клыков 12 пудов 33 фунта, выпоротков нерпичьих 90 шт., нерпичьих шкур желтых 2480 шт., шкур пестрых нерп 80 шт., шкур лахта-

²⁵ Отчет Камчатского окружного революционного комитета Первому Камчатскому съезду Советов. Петропавловск-Камчатский, 1928, стр. 86.

²⁶ Там же; «Промысел на морского зверя резко уменьшается, — например, скуплено коммерсантами по Чукотскому полуострову в 1916 г. лахтаков 1500 шт., в 1923 г. — 620; нерпичьих шкур в 1921 г. — 17 547, в 1923 г. — 13 000» (Н. К. Ривинцын, ук. соч., стр. 49).

²⁷ ГАМО, ф. р.-31, оп. 1, д. 1, л. 1.

²⁸ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 255.

²⁹ Мандарка — выделанная шкура нерпы.

ков 129, моржовых шкур 19, туфель чукотского изготовления 40 пар, торбазов нерпичьих 21 пара.³⁰

С весны до осени 1926 г. в Яндгайское отделение дежневской фактории Дальгосторга поступило «моржовых шкур 16, лахтак 20, нерп 200, песцов белых 5, ремней лахтакных с 12 шкур, моржовых клыков 600 фунтов, мандарок 30, шкур белых медведей 3, торбазов 44, туфель 3 пары».³¹

По данным В. М. Чекмарева 265 хозяйств чукчей побережья Ледовитого океана (от с. Инчовын на востоке до с. Рыркайпий на северо-западе) в течение 1926 г. продали шкур нерпичьих 1666 штук, шкур моржовых 6 шт., шкур белых медведей 42 шт., мандарок 471 шт., тогда как шкурок белых песцов 215 шт.³² Следовательно, морской зверобойный промысел для многих хозяйств берегового населения был единственным источником товарной продукции. Спрос на шкуры, клыки, китовый ус был неограничен.

Уже первые представители советской власти на Чукотке столкнулись с явными признаками эксплуатации хозяевами байдар и вельботов гребцов. Эксплуатация прикрывалась родственными связями.³³ Как правило, байдарную общину составляли родственники ближайших и отдаленных степеней. Однако здесь уже не было общинной собственности на основные средства охоты — байдару, вельбот, не говоря уже об оружии.

При промысле, отправлении религиозных обрядов, связанных с ним, в таких общинах соблюдались традиции, унаследованные от патриархальной семьи. Однако при распределении добычи действовали уже иные правила, основанные на принципах частного присвоения большей части добычи хозяевами байдар.

Байдарные общины в основном стали малочисленными. Чаще они состояли из 3—5 человек, редко из 8. Особенно много малочисленных общин было среди охотников побережья Ледовитого океана. Соответственно и сами байдары были маленькими, на 3—5 человек.

По данным В. М. Чекмарева, 26 хозяйств Чегитунского лагерного комитета (30 охотников) имели 17 байдар, 18 хозяйств Сисанского лагерного комитета (25 охотников) — 10 байдар, 18 хозяйств Рыркайпийского лагерного комитета (24 охотника) — 7 байдар и т. п.³⁴

В 1926 г. в Яндагайском лагерном комитете имелось 70 охотников, объединенных в 17 артелей (6 на вельботах и

³⁰ ГАМО, ф. р.-28, оп. 1, д. 7, л. 2.

³¹ ГАМО, ф. р.-34, оп. 1, д. 1, л. 5.

³² Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 530, Дневник В. Чекмарева.

³³ Видимо, перепись 1926—1927 гг. не смогла вскрыть своеобразных форм эксплуатации в хозяйствах морских зверобоев. На 543 хозяйства оседлых чукчей отмечены только 4 хозяйства, прибегавшие к найму рабочей силы.

³⁴ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 530, из дневника В. Чекмарева.

11 на байдарках).³⁵ В Нунямском лагерном комитете 29 охотников были объединены в 7 артелей (2 на вельботах и 6 на байдарках).³⁶ В Чегитунском лагерном комитете на 25 охотников имелось 14 байдар,³⁷ примерно 1 байдара на 2 охотника. В Энурминском лагерном комитете на 53 охотника имелось 19 байдар, т. е. 1 байдара в среднем приходилась на три охотника.³⁸

Аналогичное явление прослеживается по данным переписи 1926—1927 гг.³⁹

Таким образом, можно констатировать измельчание общин. Сокращение числа участников в совместном промысле — свидетельство глубокого распада общинных начал в жизни приморских охотников Чукотки.

В местах наиболее развитого морского зверобойного промысла (побережье Берингова пролива) некоторые охотники приобрели морские вельботы, китобойные пушки, имелись даже шхуны. Так, в с. Уэлен было 7 вельботов, в Нуныгране — 10, в Яндагае — 6 и т. д. На каждом вельботе было не менее 6 гребцов. Хозяин вельбота сидел на руле, а на носу находился стрелок-гарпунер — обычно сын или ближайший родственник хозяина.

Хотя в зверобойных общинах объединялись в большинстве случаев родственники, распределение добычи было неравномерным. У чукчей давно уже были выработаны определенные правила распределения добычи, которые свидетельствовали об эксплуатации. Более или менее равномерно между участниками охоты распределялись мясо и жир. Однако все лучшие части мог забрать хозяин байдары, вельбота.

Части добычи, представляющие товарную ценность (китовый ус, клыки моржа, шкуры), распределялись хозяином. Большую и лучшую часть он забирает себе. Меньше всех получал человек, который был чужим в данной байдарной общине. Такое распределение добычи сохранялось вплоть до коллективизации. «Владелец вельбота, — писал М. П. Розанов, — оказывается владельцем всего добытого зверя и делит добычу по своему усмотрению, оставляя лучшую, большую часть себе. Хозяину поступают все головы с клыками и шкуры моржа, а также большая часть шкур лахтака и нерпы. Мясо и жир, как пищевой продукт, делятся более или менее равномерно, в зависимости от потребностей. Это право хо-

³⁵ ГАМО, ф. р.-34, оп. 1, д. 1, л. 4, из отчета председателя Яндагайского лагерного комитета тов. Ульхвуургына.

³⁶ Там же, л. 6, из отчета председателя Нунямского лагерного комитета тов. Томи.

³⁷ Там же, л. 10, из отчета председателя Чегитунского лагерного комитета тов. Туигвэ.

³⁸ Там же, л. 12, из отчета председателя Энурминского лагерного комитета тов. Вайкэп.

³⁹ Ср.: Итоги переписи Северных окраин Дальневосточного края (1926—1927). Благовещенск, 1929, стр. 3, 56, 63, 69.

зяина вельбота на всю добычу ставит членов артели в полную от него зависимость».⁴⁰

С налаживанием советского самоуправления, советской торговли, с улучшением снабжения населения боеприпасами и оружием, а также в связи с прекращением хищнического промысла в наших водах начинает заметно увеличиваться добыча всех видов морских зверей на Чукотке. Уже в 1928 г. фактории АКО заготовили 22 150 шкур серой нерпы, а в 1929—22 502.⁴¹

За охотничий сезон 1931/32 г. чукчами и сибирскими эскимосами было уже добыто 4908 моржей, 2092 лахтака, 31 450 нерп, 12 китов.⁴²

Таким образом, уже первые оградительные мероприятия Советской власти дали возможность оседлому населению Чукотки в основном преодолеть губительные последствия хозяйничанья иностранцев и их агентов. Однако коренное улучшение жизни тружеников Чукотки наступило лишь в результате коллективизации.

Рыболовство

До тридцатых годов нашего века рыболовство для абсолютного большинства чукчей являлось подсобным хозяйственным занятием. Степень важности рыболовства определялась для кочевников количеством имевшихся в хозяйстве оленей, для оседлых — успехами морского зверобойного промысла. Чем меньше было в хозяйстве оленей, тем больше занимались рыболовством. Чем хуже были результаты промысла морского зверя у оседлых чукчей, тем больше они прибегали к рыболовству.

Оленеводы на лето стремились расположить свои лагеря вблизи какого-нибудь рыбного озера или реки. Например, места летовок чукчей тэлкэпылыт — около озера Мэйн'ынну, вилюн'эйрэмкын (т. е. вилюнейские) в системе речки Емрагытгывээм, онмылыт — по южному берегу Анадырского лимана, танн'ырамкын — на р. Варэваам⁴³ и т. п. Места летовок оленеводов были почти на устьях всех рек, впадающих в Ледовитый океан.

Характерной особенностью для чукотского рыболовства данного периода было то, что вся добывавшаяся рыба шла исключительно для внутрихозяйственных нужд. Товарной продукции рыболовство чукчей не давало.

Переписью 1926—1927 гг. установлено, что реализовано рыбной продукции в Анадырском районе на 2473 руб. (в основном в поселке Анадырь), а по Чукотскому району реализации рыбы

⁴⁰ М. П. Розанов. Промысел морского зверя на Чукотском полуострове. «Советский Север», 1931, № 6, стр. 54.

⁴¹ Там же, стр. 56.

⁴² К. Липранди. Сырьевые ресурсы Чукотки. «Советский Север», 1933, № 6, стр. 58.

⁴³ П. Н. Орловский. Год анадырско-чукотского оленевода, стр. 69.

не было совершенно. В этой отрасли хозяйства, которая не была вовлечена в товарное производство, орудия и техника рыболовства оставались весьма несовершенными. Основные орудия рыбной ловли изготовлялись внутри хозяйства. По размерам, технике применения они были рассчитаны на индивидуальное использование. Почти повсеместно были распространены удочки, в основном для подледного лова морской и речной рыбы, короткие 7—10-метровые сетки, которые ставились с берега при помощи длинного шеста. Небольшие невода, запоры и морды применялись лишь прианадырским населением, в том числе и чукчами.

«Остающиеся на лето в лагерях, — писал Орловский, — устраивают на вершинах рек запоры. Перегораживают с помощью кольев и прутьев речки. В запорах мордами, реже сетками в 1—4 сажени ловят рыбу: гольца, хариуса, реже кэту-зубатку, красную, налима, чира, нельму».⁴⁴

В некоторых местах еще пользовались древними ловушками — запорами, сложенными из камня, в горловинах которых ставились морды и просто мешки. Каменные запоры встречались у чукчей на южных притоках Анадыря и на мелких речках, впадающих в Чукотское море. В 1920 г. Г. У. Свердруп видел такие запоры к северо-западу от пос. Энмыльын. «У порогов реки, мимо которых мы проезжали, — писал он, — и где летом живут оленные чукчи, мы видели устройство для ловли рыбы, состоящее из примитивной каменной трубы с небольшим отверстием на конце. Летом чукчи закрывают это отверстие большими мешками и выгоняют рыбу с мелей к порогу, пока мешок не наполнится».⁴⁵

Добытую в осенние месяцы рыбу оленеводы складывали в мешки из шкуры нерпы, снятой «чулком» (лыгы). До зимы рыба не успевала разложиться, хотя и приобретала острый запах. Из рыбы лососевых пород, добытой в летние месяцы, чукчи повсеместно готовили юколу.

На р. Чауне, в ее среднем течении, водилось большое количество крупной мальмы и красноперки. Рыба ловилась хорошо в зимне-весеннее время и осенью. Это привлекло сюда большое количество оленеводов как весной, так и осенью. Здесь они не только питались этой рыбой, но делали для себя запасы ее. Так, весной 1927 г. на этом месте занимались рыболовством более 30 хозяйств оленеводов. Часто сюда же приезжали оседлые чукчи из района мыса Шелагского, особенно в годы неудовлетворительного промысла морских зверей. Так, например, было в 1927 г. Кроме того, здесь постоянно проживало несколько семей эвенов, бедных оленеводов, которые существовали в основном за счет рыболовства.⁴⁶

⁴⁴ П. Н. Орловский. Год Анадырско-чукотского оленевода, стр. 69.

⁴⁵ Г. У. Свердруп, ук соч., стр. 340.

⁴⁶ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 530, л. 23.

Довольно много уделяли внимания рыболовству оленные чукчи, кочевавшие к югу от Анадыря. Реки, впадающие в Анадырь и в Берингово море, изобиловали входящими с моря лососевыми (кета, горбуша, нерка). Все оленеводы здесь занимались рыболовством, готовили про запас юколу, квашеную и мороженую рыбу.

Наиболее полные сведения о хозяйственном значении рыболовства для чукчей дают материалы переписи 1926—1927 гг. Из 332 хозяйств оседлого населения Анадырского района имели рыболовный инвентарь 196 хозяйств — неводов 45, ставных сетей 354, запоров 21, морд 68.

Из 868 кочевых оленеводческих хозяйств того же района имели рыболовный инвентарь 478 хозяйств, т. е. больше половины. У них было 78 неводов, 490 ставных сетей, 42 запора и 77 морд.

Значительно меньшее хозяйственное значение имело рыболовство для чукчей Чукотского района.

По мнению членов экспедиции АКО, обследовавшей промысловые ресурсы Чукотского полуострова, «совершенно не используются на Чукотке (в ее северо-восточной части) запасы рыбы. Местное население рыбным промыслом не занимается».⁴⁷ И действительно, из 785 хозяйств оседлых (включая и эскимосов) имели рыболовный инвентарь 102 хозяйства; у них было 17 неводов, 206 ставных сетей. Из 362 кочевых оленеводческих хозяйств имели рыболовный инвентарь 158 хозяйств. Они имели 6 неводов, 407 ставных сетей. Запоров и морд в Чукотском районе не было.

Как видно из приведенных данных, учитывались лишь невода, сети, запоры и морды, но не учитывались удочки, крючки-багры, марики и другие мелкие орудия лова, наиболее широко распространенные среди чукчей. Например, на Чауне чукчи-олениководы большую часть рыбы добывали зимой крючками, то же по притокам Анадыря. У береговых чукчей побережья Берингова и Чукотского морей, которые занимались подледным ловом рыбы на море, имелись специальные удочки (ак'ын), крючки-багры (черунэн'), марик (а'тти'ат) и особые сачки (кэлюнгин'), которые также не учтены. Можно сказать, не боясь преувеличения, что все хозяйства чукчей в той или иной мере занимались рыболовством. Перепись 1926—1927 гг. дает не совсем верное представление о рыболовном инвентаре чукчей.

Вместе с тем нужно подчеркнуть со всей определенностью, что рыболовство чукчей того времени носило исключительно потребительский характер.

Пушная охота и другие занятия чукчей

Одним из наиболее распространенных занятий кочевых и оседлых чукчей была охота на пушных зверей. Они добывали песцов, лисиц, горностаев и др. Шкурки всех добываемых чукчами пуш-

⁴⁷ К. Липранди, ук. соч., стр. 58.

ных зверей шли в товарное обращение. Пушнина поступала на внешний рынок. Одежды из меха пушных зверей чукчи не шили и не употребляли эти меха для отделки и украшений ее.⁴⁸

Для бедняков-оленоводов и батраков, а также для многих оседлых чукчей пушнина была единственным товарным эквивалентом, так как их собственное хозяйство почти не давало товарных излишков. Все, что давало их оленеводческое хозяйство и что добывалось на море, шло на потребление внутри данных хозяйств, тогда как на пушнину они могли приобрести привозные продукты, оружие и другие товары. Кроме того, пушнина служила меновой единицей при торговых сделках чукчей между собою. В торговом балансе Чукотского уезда за 1923 г. пушнина занимала свыше 80%. Всего пушнины и другого сырья было вывезено на 192 549 долларов, из них пушнины на 160 967 долларов. Из Анадырского уезда в 1922 г. всего было вывезено на 357 000 долларов, из них пушнины на 142 826 долларов, рыбы на 137 000, продуктов оленеводства и морского промысла на 77 174 доллара.⁴⁹

Несмотря на такое важное значение пушнины в жизни чукчей, охота на пушных зверей у них была развита слабо. Для чукчей пушная охота была лишь попутным, подсобным занятием, однако необходимое оружие и другой охотничий инвентарь имелся почти во всех чукотских хозяйствах, в основном капканы и огнестрельное оружие (преимущественно нарезное). На 2147 чукотских оленеводческих и оседлых хозяйств Анадырского и Чукотского районов (включая в это число и эскимосов) в 1925 г. имелось 9642 капкана, 2757 нарезных ружей. За сезон 1925/1926 г. чукчами было добыто 1105 красных лисиц, 2582 белых песца, несколько штук голубых песцов, чернобурых и других лисиц.⁵⁰

Те хозяйства чукчей, которые могли продуктивно заниматься морским зверобойным промыслом на протяжении всего года, почти не прибегали к пушной охоте. И наоборот, в тех местах, где морской промысел был неустойчивым, велся с большими перерывами, охота на пушного зверя была необходимой. Чем ближе к Берингову проливу, тем лучше был морской промысел, тем больше население получало товарных излишков в виде китового уса, клыков моржа, шкур морских животных и т. п., тем, следовательно, меньше оно нуждалось в других источниках дохода. Чем дальше на северо-запад от Берингова пролива, тем морской зверобойный промысел был скуднее, тем, следовательно, была большая необходимость изыскивать другие источники доходов. В сезон 1926/27 г. (считая от Уэлена на северо-запад) жителями Утянского лагерного комитета (14 хозяйств) было добыто 150 моржей, 31 лахтак, 91 нерпа и 3 песца; жителями селения Сердце-Камень (41 хозяйство) —

⁴⁸ Свои одежды чукчи оторачивали мехом росوماхи, собаки, иногда волка.

⁴⁹ Н. К р и в и ц ы н, ук. соч., стр. 54—55.

⁵⁰ Итоги переписи Северных окраин Дальневосточного края (1926—1927).

257 моржей, 78 лахтаков, 879 нерп и 1 песец; жителями сел. Тэпкан и Нэшкан (23 хозяйства) — 71 морж, 25 лахтаков, 362 нерпы и 3 песца; жителями с. Тойгунэн (10 хозяйств) — 6 моржей, 5 лахтаков, 340 нерп и 9 песцов; жителями с. Ванкарема (12 хозяйств) — 10 моржей, 32 лахтака, 150 нерп и 33 песца; жителями с. Рыркайпий (мыс Шмидта) (18 хозяйств) добыто 18 моржей, 18 лахтаков, 203 нерпы, 61 песец и т. д.⁵¹ Следовательно, охота на пушного зверя в разных местах Чукотки была развита неодинаково. Ее значение в том или ином месте во многом зависело от занятости населения в основных отраслях хозяйства, от количества товарной продукции, которую они давали.

Основными добытчиками пушнины среди оленеводов были бедняки и середняки. Богатые стадовладельцы сами не охотились, но зато они занимались скупкой и перепродажей пушнины.

Однако с 1930 г. монополия пушных заготовок перешла в руки государственных и кооперативных организаций.⁵²

Несколько раньше органами Советской власти на местах были установлены правила и сроки охоты, что помогло наладить охотничье хозяйство на Чукотке.

Заметно увеличилась добыча пушнины в связи с коллективизацией, организацией специальных охотничьих бригад, с применением регулярных подкормок и других мер.

* *
*

Оседлые чукчи побережья Берингова пролива давно уже занимались изготовлением из клыков моржа разных предметов, которые скупались русскими и иностранными купцами. Отвечая запросам рынка, из клыков моржа чукчи делали портсигары, трубки, спичечницы, модели шхун, пароходов, чернильницы, шахматы и другие предметы, а также разрисовывали клыки на производственные и бытовые темы из жизни оседлого и кочевого населения.

В советское время после прекращения деятельности частных торговцев изделия чукотских костерезов скупались государственными и кооперативными торговыми предприятиями.

Некоторое представление о размерах этого вида кустарного промысла чукчей и о тех предметах, которые они делали из клыка моржа, может дать перечень имевшихся в 1923 г. в уэленском продовольственном складе изделий: 14 статуэток из кости, 18 шт. мундштуков, 11,5 дюжин пуговиц из кости, 19 шт. зубочисток, ручки, подсвечники, вилки, ножи, спичечницы, 21 нож для

⁵¹ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 530.

⁵² Д. А. Губер. Пушное хозяйство. Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956, стр. 200.

разрезания бумаги, портсигары, 35 колец для салфеток, 31 кольцо на пальцы, 27 разных брелоков.⁵³

К 1930 г. благодаря содействию со стороны органов Советской власти этот промысел стал более упорядоченным и организованным.

В 1928 г. в целях развития этого промысла при школе Чукотской культбазы организована костерезная мастерская. Она была оснащена необходимым оборудованием и снабжена нужными материалами. В задачи мастерской входило подготовить из учеников квалифицированных резчиков.⁵⁴

В 1929 г. костерезный промысел чукчей и эскимосов получил новые организационные формы. В промысловых артелях были созданы бригады костерезов. По существу это были группы охотников, занимавшихся в свободное от промысла время изготовлением разных предметов из клыков моржа на продажу. Государственные, кооперативные торговые предприятия, под руководством которых работали эти артели, установили ряд стандартов по изготовлению определенного круга предметов.

В 1930 г. были завезены токарные станки для механического изготовления пуговиц. Торгующие организации пытались превратить этот промысел в кустарное производство чисто утилитарного направления. Стандартизация производства вызвала попытки введения разделения труда (отделение изготовления заготовок от их обработки и др.).

В костерезные артели Чукотского района в эти годы было вовлечено около 100 человек чукчей и эскимосов. Наиболее организовано шла работа в артелях Уэлена, Дежнева, Наукана, Чаплина и некоторых других поселков.⁵⁵

Нельзя признать правильной идею превращения этого самобытного художественного народного искусства в производство ограниченного круга стандартных предметов (дамские шпильки, ручки, мундштуки и т. п.), только в промысел. Такой утилитарный подход обеднял художественные и идейные возможности костерезного мастерства чукчей, его народность, сковывал возможности дальнейшего совершенствования, развития.

Тенденция превратить чукотское костерезное искусство в промысел только утилитарного назначения в конце концов не получила поддержки со стороны чукчей и руководящих органов.

Несмотря на ошибочность в выборе направления деятельности костерезных артелей, их организация имела положительное значение. С организацией артелей значительно расширился круг лиц, которые стали заниматься костерезным промыслом. Это обстоятельство способствовало выявлению наиболее талантливых, способных

⁵³ ГАМО, ф. р.-28, оп. 1, д. 6, л. 11.

⁵⁴ В. Морозов. На Чукотской культбазе. «Советский Север», 1931, № 3—4, стр. 228—234.

⁵⁵ А. Л. Горбунков. Художественный костерезный промысел на Чукотке. «Советская Арктика», 1936, № 6, стр. 87—89.

резчиков. Коллективные формы организации труда породили коллективные оценки его, новые идеи и т. п.

В 1929 г. закупку изделий из кости вели в Преображенской, Провиденской, Лаврентьевской и Дежневской факториях. Ими было заготовлено разных изделий из клыка моржа на 10 400 руб., а за первую половину 1930 г. на 10 448 руб., что составляло около 50% стоимости пушнины, заготовленной теми же факториями.⁵⁶

Помимо государственных торговых предприятий, закупку изделий из кости производили местные кооперативы Чукотского района. В 1929 г. они приобрели разных изделий у населения на 3125 руб., а за первое полугодие 1930 г. (не считая Чаплинского кооператива) — на 18 843 руб.,⁵⁷ что составило 83% стоимости заготовленной этими кооперативами пушнины.

Из этого следует, что в экономике оседлого населения Чукотского района костерезному промыслу принадлежала заметная роль.

Производство на продажу одежды и обуви чукчами имело место и в описываемый период. В некоторых пунктах Чукотки начала складываться известная специализация в этой области. Так, в 1921 г. в Уэлене одна эскимосская женщина содержала настоящую портновскую мастерскую. У нее имелась швейная машина, и она принимала заказы на шитье камлеек, рубах и других предметов одежды из тканей.⁵⁸ Однако в основном производилась одежда и обувь из местного сырья. Эти изделия поступали на внутренний чукотский рынок и вывозились за пределы его.

Через государственные и кооперативные торговые предприятия проходило сравнительно небольшое количество этих изделий. Основная масса их обращалась на внутреннем чукотском рынке при обмене между береговыми и оленными чукчами. Тем не менее некоторое количество этих изделий попадало в государственные и кооперативные учреждения. В 1923 г. в государственном продовольственном складе Уэлена имелись следующие изделия местного изготовления: 38 пыжиковых шапок, 22 пары нерпичьих торбазов, 24 коврика, 7 фуражек из шкурок, снятых с утиных голов, более 200 пар разных размеров мягких домашних туфель, 26 ровдуг, 26 камлей из кишок моржа и др.⁵⁹

В 1929 г. факториями Чукотского района было заготовлено одежды и обуви на 7500 руб., а в первую половину 1930 г. — на 3758 руб. В то же время кооперативами района было закуплено в 1929 г. одежды и обуви из местного сырья на 6745 руб., а за первую половину 1930 г. по Уэленскому и Яндагайскому кооперативам — на 7373 руб. По Чаплинскому кооперативу сведений нет.⁶⁰

⁵⁶ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 531(а), лл. 65—66.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 265.

⁵⁹ ГАМО, ф. р.-28, оп. 1, д. 6, л. 11.

⁶⁰ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 531(а), лл. 69—70.

Производство одежды и обуви, обработка сырья, изготовление ниток — все это носило ручной характер. Тем не менее эта отрасль кустарного производства давала значительный доход населению, особенно его женской половине. Важную роль в этом отношении играла политика цен. С установлением государственной, а затем и кооперативной торговли на Чукотке были значительно повышены приемные цены на изделия из шкур оленей и морских животных. Все это благоприятно сказалось на материальном состоянии населения и стимулировало дальнейшее развитие этого производства.

Налаживание советской торговли

Ко времени окончательного установления Советской власти на Крайнем Северо-Востоке экономика населения Чукотки находилась в тяжелом состоянии. Особенно трудным было положение оседлых чукчей побережья Ледовитого океана. Бесконтрольное хозяйничанье иностранных торговых фирм «Свенсон и К⁰», «Феникс и К⁰» и их агентов, а также контрабандных шхун американских торговцев и браконьеров привели к упадку промыслов, к резкому сокращению добычи моржей и китов, в конечном итоге к обнищанию населения побережий Чукотки. Голод и нищета стали постоянными спутниками жизни оседлых чукчей и эскимосов.

В не менее тяжелом положении оказались оленеводы-бедняки, для которых морской зверобойный промысел являлся вторым источником существования.

В зимне-весенние месяцы 1920—1921 гг. население побережья Ледовитого океана голодало, так как запасов летнего промысла было совершенно недостаточно, чтобы прокормиться всю зиму. Были случаи смертей от голода, вымирали целые поселки. В 1921 г. «вымер от голода чукотский поселок в 5 юрт вблизи устья р. Амгуемы».⁶¹

На побережье Чукотки от Анадыря на юге до Чауна на северо-западе обосновались агенты разных торговых фирм, иностранцы, занимавшиеся хищнической добычей золота, промыслом пушного зверя, торговлей спиртом и просто вымогательством. В основном тут действовали «Свенсон и К⁰», «Феникс и К⁰», «Гудзон-Бей К⁰», братья Караевы и др. Караевы, с 1921 г. потерявшие свою самостоятельность, получали товары от торговой компании «Гудзон-Бей», которой и сдавали всю закупленную на Чукотке пушнину и сырье.

Нередко в одном населенном пункте действовали представители двух, иногда трех компаний.

В 1922 г. фирма «Свенсон и К⁰» имела своих агентов в сел. Ново-Мариинск, Лорино, Дежнев, Сишан, Сердце-Камень, Тойгу-

⁶¹ С. М. Беликов. Заметки о Чукотке. «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1927, № 9, стр. 121. Об этом же случае упоминают Г. У. Свердруп (ук. соч., стр. 251) и Н. Кривицын (ук. соч., стр. 49).

нен, Ванкарем, Кынманкатагын, Такотагын, Энмыкай и в заливе Креста; фирма «Феникс» — в Янракенноте и Колючино; братья Караевы — в Ново-Мариинске, заливе Креста, на мысе Беринг, в сел. Лорино, Яндагай, Дежнев, на мысе Северном (Шмидта). Кроме них, действовали отдельные самостоятельные торговцы, такие, как Томсен в бухте Провидения, Газдаров и Продскин — в Уэлене.⁶²

В разных местах побережья Ледовитого океана жили иностранные и русские охотники на песцов; наряду с промыслом они занимались также торговлей. Так, между мысом Шмидта и с. Ванкарем жили три шведа, один испанец и три русских, около Инчовына — один швед и один голландец.⁶³

По мнению Г. У. Свердрупа, который проехал на собаках от мыса Сердце-Камень до Анадыря и обратно, между мысом Северным (Шмидта) и заливом Креста в 1921 г. было не меньше 20 торговцев.⁶⁴

В Анадырском уезде действовало 29 торговых заведений, большинство их принадлежало иностранцам.⁶⁵ По данным Н. Кривицына, в 1922 г. в Чукотском и Анадырском уездах действовало 67 коммерсантов.⁶⁶

Помимо торговцев-европейцев, прочно обосновавшихся в разных пунктах Чукотки, были торговцы из чукчей и эскимосов почти в каждом населенном пункте. Наиболее известным из них был Алитет. Они снабжались товарами торговой компанией Свенсона или контрабандными шхунами.

«Из американских шхун, которые приходили летом 1919 года, только „Belvedere“, принадлежавшая „Hibbard Swenson Co“, имела разрешение торговать здесь, все же остальные считались хищническими».⁶⁷

Торговцы подстерегали чукчей буквально на каждом шагу. Так, на берегу залива Креста в пос. Мыскын было всего три яранги оседлых чукчей, зато два торговых заведения. Торговля с береговыми чукчами играла здесь второстепенную роль, гораздо важнее была торговля с оленными. По берегам залива и его окрестностям зимой и летом, по словам торговцев, проживало значительное число оленных чукчей, около 100 яранг,⁶⁸ их-то и поджидали они.

Помимо скупки пушнины, торговцы на Чукотке захватили в свои руки посредничество в обмене между морскими зверобоями и чукчами-оленеводами.

⁶² Андреевский, ук. соч., стр. 48.

⁶³ Р. Амундсен. Собрание сочинений, т. III, Л., 1936, стр. 389.

⁶⁴ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 263.

⁶⁵ Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР. Магадан, 1961, стр. 102.

⁶⁶ Н. Кривицын, ук. соч., стр. 52.

⁶⁷ ГАМО, ф. р.-31, оп. 1, д. 1, л. 1 об.

⁶⁸ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 333—334.

За последние годы, писал Г. У. Свердруп, значительная часть этой торговли перешла в руки иностранных торговцев, что принесло чукчам большой вред, так как эти торговцы чаще всего являются дорогими посредниками. Они отправляются к чукчам-оленеводам в глубь страны и покупают у них не только меха, но и другие предметы, в которых нуждаются береговые чукчи, продавая последним товар за высокие цены».⁶⁹

Меновая торговля между кочевыми и оседлыми чукчами, писал Н. Кривицын, имела важное значение для тех и других, «однако теперь (1922 г., — И. В.) она сводится на нет, ввиду того что рынок захвачен крупными фирмами, которые являются в то же время и торговыми посредниками между ними» (т. е. оседлыми и кочевыми чукчами, — И. В.).⁷⁰

Скупая у оленеводов оленьи шкуры, торговцы вывозили их за пределы Чукотки, благодаря чему оседлое население оставалось без нужного ему сырья для изготовления зимней одежды и обуви, спальных пологов и т. п. Наиболее остро ощущался недостаток оленьих шкур в нынешнем Чукотском районе.

Так, Чукотский райревком по докладу председателя Чегитунского лагерного комитета о его работе за 1926 г. отметил: «В течение нескольких лет население Чегитунского общества совершенно не имеет кухлянок и несколько лет уже не сменялись полога».⁷¹ Не трудно себе представить, в каких тяжелых жилищно-бытовых условиях оказалось население побережья океана.

В свою очередь оленеводы испытывали большую нужду в продуктах морского зверобойного промысла, так как шкуры морских зверей, жир и даже мясо интенсивно скупались торговцами. Часть этого сырья также вывозилась, а часть оставлялась для спекулятивной перепродажи тем же чукчам, когда их запасы истощались. Так поступал, например, американец Ч. Карпендель в с. Дежнев. Он скупал жир и перепродавал его впоследствии «тем же чукчам, находящимся в нужде».⁷²

Г. У. Свердруп, вполне оправдывавший торговлю иностранцев на Чукотке, все же должен был признать глубокий цинизм, с которым она производилась. «Один из торговцев, например, — писал он, — имеет даже привычку с осени закупать у чукчей тюленью ворвань, рыбу и до 100 туш тюленей, чтобы обладать запасом, из которого он зимою время от времени наделяет голодающих чукчей. Надо признаться, правда, что в таких случаях торговцы по большей части соблюдают только собственные интересы, так как с каждым умершим от голода охотником убавляется число скупаемых торговцами тюленьих шкур».⁷³

⁶⁹ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 267.

⁷⁰ Н. Кривицын, ук. соч., стр. 49.

⁷¹ ГАМО, ф. р.-34, оп. 1, д. 1, л. 11.

⁷² Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 268.

⁷³ Там же, стр. 256.

Вряд ли это сообщение Г. Свердрупa нуждается в комментариях. Одно остается очевидным, а именно, что в средствах для обогащения эти торговцы не стеснялись.

Пользуясь бесконтрольностью, сложившейся на наших берегах, американские торговцы завозили на Чукотку только такие товары, которые были выгодны им, не заботясь совершенно о первоочередных нуждах коренного населения. Особенно много завозилось спирта, продажа которого коренному населению Аляски запрещалась таможенными властями, тогда как вывоз спирта к берегам Чукотки не вызывал никаких возражений.

Ежегодно к берегам Чукотки устремлялось около двух десятков мелких шхун от берегов Аляски с запасом преимущественно спирта. Кроме того, в эти же годы поставщиками спирта во всем Чукотско-Анадырском крае явились японские военные суда.⁷⁴

Американцы, много раз зимовавшие со своими шхунами, научили чукчей гнать из муки и сахара самогон. Особенно распространено было самогонование среди прибрежного оседлого населения.⁷⁵

У чукчей мыса Беринга, пос. Энмылина и других «самогонные аппараты работали днем и ночью». «Мы заглянули в несколько юрт, — писал Г. У. Свердруп, — где беспрестанно работали самогонные аппараты, и наблюдали непривлекательные картины. В таких юртах все доходы идут на покупку керосина, сахара и муки, одним словом, на добывание самогона. На покупку утвари и съестного, хотя бы для детей, не остается ни гроша».⁷⁶

Некоторые предприимчивые чукчи поставили производство самогона на широкую ногу, гнали его в больших количествах. «Захватив с собой 20—30 бутылок этого яда, ехали к оленным чукчам, где продают по одному песцу за бутылку».⁷⁷ С этим злом и его последствиями органам Советской власти пришлось вести решительную борьбу на протяжении ряда лет.

Несмотря на довольно разветвленную торговую сеть, охотники далеко не всегда могли приобрести патроны нужного калибра, так как почти каждый год завозились ружья новых систем. На Чукотке нарезное оружие было следующих фирм: «Винчестер», «Ремингтон», «Мерлин», «Стивенс», «Савадж» и др. Эта пестрота систем дополнялась разнообразием калибров. Так, винтовки системы «Винчестер» имелись следующих калибров: 44, 30×30, 25×20, 30×40, 45×70. Часто патроны завозились не тех калибров, какие нужны были охотникам, или к ружьям не тех систем.

Население не получало самого необходимого, продуктов питания — муки, крупы, сахара, масла.

⁷⁴ А. И. Караяев. Чукотско-Анадырский край. (Очерки местного жителя). «Экономическая жизнь Дальнего Востока», Хабаровск, 1926, № 4, стр. 152.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 329.

⁷⁷ Там же.

Имевшихся запасов продуктов даже при весьма скромном потреблении не хватало до следующей навигации.

Основанные еще до революции государственные продовольственные склады в Ново-Мариинске с филиалами в Усть-Белой и Марково, а также в бухте Провидения с филиалом в Уэлене не имели запасов продуктов и товаров, так как во время гражданской войны и иностранной интервенции эти склады почти не пополнялись.

Сложившиеся обстоятельства создавали благоприятные условия для безудержной торговой эксплуатации коренного населения и, как следствие этого, — его постепенного обнищания.

Первые представители Советской власти на Чукотке много сделали для облегчения положения населения, ограждения его от хищнической эксплуатации и обмана.

В 1921 г. уполномоченный Камчатского ревкома по Чукотке А. М. Бычков совместно с председателем Анадырского ревкома просили выслать пароходом из Петропавловска охрану для недопущения на Чукотке торговли спиртом.⁷⁸

В целях ограждения населения Чукотки от торговой эксплуатации, надувательства иностранными и русскими торговцами, захватившими в свои руки посредничество в обмене между оленеводами и морскими охотниками, русская администрация, писал Г. У. Свердруп, имея в виду А. М. Бычкова, собирается в ближайшее время «наложить узду на этот способ торговли», издав закон, запрещающий иностранным торговцам объезжать чукчей-оленеводов с целью торговли. «Торговец получит право торговать лишь на оседлом становище. Цель этого закона — прекратить посредничество».⁷⁹

Тот же А. М. Бычков запретил торговцам скупать тюлений жир и мясо и перепродавать местному населению.⁸⁰

Эти меры уполномоченного улучшили материальное положение трудящихся Чукотки. Вместе с тем в действиях уполномоченного чукчи увидели подлинную заботу о них и их нуждах, проявляемую новой властью.

В 1923 г. Дальневосточный революционный комитет ввел государственную монополию внешней торговли. В этой связи деятельность иностранных торговых фирм на Чукотке прекратилась. Имущество фирмы «Свенсон и К^о» по распоряжению уполномоченного по Чукотскому уезду было описано,⁸¹ а на имущество и товары «Феникс и К^о» был наложен арест, что было вызвано следующими причинами: 1) неуплата компанией налогов в пользу

⁷⁸ Б. Мухачев. Посланец далекой Чукотки. «Магаданская правда», 27 октября, 1957, № 255.

⁷⁹ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 267.

⁸⁰ Там же, стр. 268.

⁸¹ ГАМО, ф. р.-28, оп. 1, д. 17, л. 2.

Республики; 2) торговля спиртом в 1922 г. шхуной «Йоком», принадлежащей той же Компании; 3) расхищение приказчиками Компании государственных запасов угля, находившихся в Колючинской губе; 4) бегство шхуны «Йоком» из-под ареста из Анадыря в 1923 г.⁸² Кроме того, в августе 1923 г. на американском военном корабле «Бер» бежал из Колючино доверенный фирмы «Феникс и К^о» Ч. Гансон, который при этом увез пушнину.⁸³

Нужно было налаживать торговлю и снабжение населения под государственным контролем. Однако ввиду отсутствия транспортных средств на Дальнем Востоке и ряда других не менее серьезных причин, дальневосточные торговые организации в 1923 г., заключили договор с канадской торговой компанией «Гудзон-Бей», которая открывала в Чукотском уезде пять, а в Анадырском четыре фактории. С вступлением в силу этого договора на Чукотке прекратилась деятельность всех других русских и иностранных торговых фирм.

Торговая деятельность факторий «Гудзон-Бей К^о» протекала под контролем советских органов власти, причем товары отпускались населению и принимались от него пушнина и меховое сырье по твердым ценам, согласно договору. Так, песец 1-го сорта оценивался в 40 долларов, 2-го — в 35, 3-го — в 25; шкура нерпы — 50 центов, зимняя шкура оленя — 1 доллар; пыжик, выпороток — от 50 центов до 2.5 долларов.

Цены на товары были следующие: винчестер 30 × 30 — 45 долларов, пачка патронов к нему — 2 доллара, кирпич чая — 42 цента, кулек муки (22 кг) — 3 доллара 75 центов и т. д.

Введение твердых цен и контроль за торговлей были встречены населением с большим одобрением. Если раньше за винчестер приходилось платить минимум 4—5 песцов, то теперь он обходился немногим более стоимости одного песца первого сорта.

Вместе с тем в 1923 г. возобновил свою деятельность в Уэлене продовольственный склад Союза камчатских кооперативов.⁸⁴

Однако созданных торговых точек было недостаточно для обслуживания всего населения Чукотки, особенно побережья Ледовитого океана (здесь была одна фактория на мысе Шмидта), и многочисленных оленеводов. Поэтому все еще сохранялись условия, благоприятные для деятельности мелких частных торговцев, посредников между оленеводами и факториями «Гудзон-Бей К^о».

Агенты факторий охотно поддерживали чукотских торговцев. Они помогали им выкачивать пушнину из глубинных районов, от оленеводов. От такой торговли наживались посредники и те, кто их привлекал.

⁸² Там же, ф. р.-37, оп. 1, д. 4, л. 29.

⁸³ Там же, ф. р.-28, оп. 1, д. 3, л. 51.

⁸⁴ Там же, ф. р.-28, оп. 1, д. 3, л. 51.

Северные берега Чукотки посещали контрабандные шхуны. Они вели торговлю непосредственно с оленеводами и жителями оседлых поселков.

В 1924 г. иностранная торговля на Чукотке ликвидируется окончательно и все торговые операции переходят к советской организации ОКАРО (Охотско-Камчатское рыбопромышленное общество), к которому переходят товары и помещения факторий по всей Камчатской области.

В 1925—1926 гг. торговля на Чукотке переходит к новой государственной организации — «Дальгосторгу» (ДГТ).

В конце 1926 г. в Чукотском районе (в старых границах уезда) было 6 государственных торговых заведений и 3 частных, в Анадырском — 5 государственных и 1 кооперативное.⁸⁵ Частная торговля хотя и вытесняется, но не окончательно, особенно в Чукотском районе. Значительное поле деятельности для частников оставалось по северному побережью и в тундре. Об объеме частной торговли в то время дают некоторое представление следующие сведения. По неполным данным, известный чукотский торговец Али-тет в 1926 г. сдал в факторию ДГТ мыса Шмидта 109 белых песцов, 1 голубого песца, 25 красных лисиц, всего на 3370 руб. В 1927 г. он сдал 84 песца, 2 красных лисицы, 107 выпоротков, 250 фунтов моржового клыка, всего на 2693 руб. Сколько пушнины, оленьих кож от него ушло на контрабандные шхуны — неизвестно.

Начиная с 1925 г. Анадырский кооператив для обслуживания оленеводов ежегодно проводил ярмарки в Усть-Белой, Ерополе, Туманах и чукотскую на р. Палпал. Эта мера в значительной степени улучшила снабжение товарами первой необходимости население тундры и частично избавила его от спекулятивной торговли посредников.

В 1927—1929 гг. заметно расширяется сеть государственных и кооперативных торговых заведений. Так, открываются кооперативы в Уэлене, Чаплино, Наукане, Ерополе, фактории в б. Наталия, Майно-Пильгыно, Ерополе и на Чауне.⁸⁶

В 1928 г. Дальгосторг передал торговую сеть Чукотки АКО (Акционерное Камчатское Общество). Общее состояние государственной и кооперативной торговли за эти годы заметно улучшилось.

К 1930 г. количество торговых пунктов только в Чукотском районе возросло до 20. Значительно увеличился завоз продуктов и других товаров, расширился их ассортимент. С установлением государственной и кооперативной торговли повсеместно были вве-

⁸⁵ Итоги переписи Северных окраин Дальневосточного края, стр. 265.

⁸⁶ Там же, стр. 270; Е. Кавелин. В стране анкалин и чаучу. «Советский Север», 1931, № 7—8, стр. 112.

дены единые цены на промышленные товары и продукты, пушнину, меховое сырье и т. п.

В результате упорядочения торговли, промыслов и других мер улучшилось благосостояние населения, повысилась его покупательная способность. В 1928 г. было завезено товаров в Чукотский район на 369 168 руб., в 1929 г. — на 597 117 руб., а в 1930 г. уже на 856 652 руб.⁸⁷ За три года завоз товаров увеличился в 2.3 раза. Соответственно увеличились заготовки пушнины, оленьего сырья и т. п.

С расширением сети государственных и кооперативных торговых учреждений резко сократилась роль частной торговли, которую еще вели богатые стадовладельцы, бывшие торговцы из береговых.

С расширением советской торговли появилось и денежное обращение на Чукотке, к которому население привыкало постепенно, так как иностранцы и местные торговцы признавали только меновую торговлю как наиболее выгодную для них.

В факториях ДГТ пушнина, меховое оленье сырье и пр., приносимое чукчами, оценивалось на деньги. Охотник или оленевод мог получить деньгами за все или за часть того, что он сдал, или же забрать нужные ему промышленные товары и продукты на всю сумму сданной им пушнины.

Уже за 1927/28 операционный год фактория ДГТ в пос. Дежнев около 40% товаров продала за деньги, фактория на мысе Шмидта — на 17%. Это были первые шаги денежного обращения на Чукотке.

Просвещение и здравоохранение

Открытие первых школ на Чукотке относится к 1916 г. Министерством просвещения было построено две школы: одна для чукчей в с. Уэлене, другая для эскимосов в с. Чаплино.

В начале двадцатых годов была открыта народная одноклассная школа в пос. Ново-Мариинск. Она находилась при Народном доме и содержалась на средства, собираемые с жителей поселка. Эта школа обслуживала только русских детей, родители которых проживали в Ново-Мариинске.

В годы гражданской войны школы работали с большими перебоями. Школа в Уэлене, например, не работала, по наблюдениям Свердрупа, «в течение двух последних лет. Все находится в упадке и запустении».⁸⁸ Почти в таком же состоянии в те годы находилась и школа в Чаплино.⁸⁹

⁸⁷ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. № 531(а), л. 69. О развитии торговли в Анадырском и Чукотском уездах в 1925—1926 гг. имеются интересные сведения в кн.: Итоги переписи Северных окраин, стр. 268—277.

⁸⁸ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 246.

⁸⁹ Там же, стр. 296.

С установлением Советской власти на Чукотке была проявлена особая забота о школах и их работе.

Уже в октябре 1923 г. уполномоченный Камчатского ревкома по Чукотскому уезду тов. Бурк организовал работу уэленской школы. Открытие ее было отмечено как большое событие в жизни окружающего населения. 9-го октября 1923 г. в торжественной обстановке, при участии жителей сел. Уэлен, Наукан и Дежнев, была открыта Уэленская советская школа I ступени.⁹⁰ С этого дня первая советская школа для чукчей начала свою регулярную работу.

В 1925 г. на Чукотке действовало 4 школы: три в Чукотском (Уэленская, Науканская и Чаплинская) и одна в Анадырском районе. Этого было явно недостаточно. По итогам переписи 1926—1927 гг. менее одного процента местного населения было едва грамотно. Среди оленеводов не было ни одного грамотного человека. Оседлое население Чукотки давно уже проявляло тягу к просвещению. С установлением Советской власти, которая живо откликалась на первостепенные нужды населения, прибрежные чукчи первыми стали просить о создании школ в их поселках. В 1927 г. Чукотский райревком по докладу председателя Яндагайского лагерного комитета тов. Улхвыгыргына, сообщившего, что около 100 детей школьного возраста не охвачено школой, постановил: «Возбудить настойчивое ходатайство о постройке в районе с. Яндагай предполагаемой к заводу на Чукотку культбазы».⁹¹

Председатель Чегитунского лагерного комитета тов. Туигвэ также заявил на отчете в ревкоме о необходимости открытия школы в их селении.⁹² В том же 1927 г. уполномоченному райревкома жители с. Нэшкан заявили о необходимости создания школы в их поселке.⁹³

В основной массе оседлые чукчи уже осознали необходимость обучения детей грамоте, хотя не всегда правильно понимали применение ее в своей жизни. Многие ограничивали функции грамоты исполнением секретарских обязанностей в Совете. Так, жители с. Сердце-Камень на собрании постановили: «Если не будет прислан учитель в этом году (1927, — И. В.), то послать одного сироту учиться на секретаря, а остающуюся мать содержать всем обществом».⁹⁴

Значительно иначе относились к школе и обучению грамоте детей чукчи-олeneводы. Как правило, все они на первых порах отказывались отдавать детей в школу. Только ли невежеством, культурной отсталостью следует объяснять нежелание их обучать детей в школе? Думается, что это не так. Дети чукчей-олeneводов постоянно привлекались к выполнению ряда хозяйственных работ.

⁹⁰ ГАМО, ф. р.-37, оп. 1, д. 2, л. 13.

⁹¹ Там же, ф. р.-34, оп. 1, д. 1, л. 5.

⁹² Там же, л. 10.

⁹³ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 530, л. 7 об.

⁹⁴ Там же, л. 5.

Они были непременными помощниками родителей. Мальчики помогали выпасать оленей. Девочки помогали матерям в ведении домашнего хозяйства, и не просто помогали, как это обычно делают дети, которых приучают к труду, а систематически выполняли определенные работы. Их участие в ведении хозяйства было необходимостью. Поэтому нет ничего необычного в том, что на обращения к оленеводам отпустить детей в школу они отвечали: «Учитель не нужен, школа тоже: грамота нам ни к чему. У нас одна школа: мальчика сделать хорошим оленеводом, девочку — хозяйкой яранги».⁹⁵

Противодействие обучению детей в школе вызывалось не только их ролью в единоличном хозяйстве оленеводов, невежеством родителей, но и агитацией против школы крупных стадо-владельцев, шаманов.

По существу вопрос о вовлечении детей оленеводов в школу решился положительно лишь с организацией коллективных хозяйств.

Большую и важную работу по просвещению и приобщению к советской культуре населения Чукотского района сыграла основанная в заливе Лаврентия в 1928 г. культбаза Комитета Севера. В ее составе была школа-интернат — первая на Чукотке. Эта школа преодолела немало трудностей, прежде чем ее работа стала регулярной.⁹⁶

В 1929 г. для планомерного проведения политической, культурно-просветительной и хозяйственной работы среди оленеводов Чукотского района культбаза организовала около Мечигменской губы Красную ярангу. Это была обычная чукотская яранга с большим пологом, который отапливался и освещался керосиновыми лампами. Полог служил спальней и столовой для работников яранги, в нем же принимали гостей-олeneводoв, здесь же проводились с ними беседы, устраивались киносеансы и т. п. Это было первое учреждение культуры на Чукотке, предназначенное для обслуживания кочевников. Красная яранга явилась организатором советской кооперативной работы в тундре и проводником советской культуры. Здесь впервые оленеводы увидели кино, услышали радио, получили впервые квалифицированную медицинскую помощь, увидели врача и учителя, испытали многообразие заботы советской власти о них.

Красная яранга, как и первая школа-интернат, столкнулась рядом трудностей, обусловленных не только спецификой работы,

⁹⁵ П. Н. Орловский. Год анадырско-чукотского оленевода. «Северная Азия», 1928, кн. 2, стр. 61.

⁹⁶ О перипетиях на начальных этапах работы школы-интерната подробно рассказывается в статье Т. З. Семушкина «Опыт работы по организации школы-интерната Чукотской культбазы ДВК» («Советский Север», 1931, № 3—4, стр. 171—192).

но и сопротивлением, оказанным ей богатыми оленеводами и шаманами.

Советское, хозяйственное и культурное строительство на Чукотке во многом зависело от подготовки кадров из местных народностей.

В 1926 г. на рабфаке при Ленинградском институте живых восточных языков было основано Северное отделение. Сюда и приехал учиться первый посланец чукотского народа тов. Тэвлянто. При отправке из Анадыря райревком снабдил тов. Тэвлянто особым письмом. Его содержание раскрывает значение, какое придавалось подготовке кадров из местных народностей Севера. Каждое слово этого документа проникнуто советским гуманизмом и уверенностью в том, что все советские работники, к кому попадет этот документ, откликнутся на просьбу Ревкома. Вот этот документ.

«Податель этого письма, чукча Тэвлянто из Анадыря командировается по предложению Камчатского Окрревкома для получения образования в школах Советской России, чтобы, вернувшись по прошествии нескольких лет к себе на родину, поделиться полученными знаниями со своими сородичами.

Вся его жизнь прошла на неприветливой суровой тундре, в такой своеобразной обстановке, какая присуща только лишь полярному Северу. Страна, куда он едет, совсем не похожа на его Анадырь. Ревком опасается, что ему придется не раз нести большие лишения и зачастую, благодаря незнанию русского языка и обычаев, оказываться в безвыходном положении. Кроме того, немало неприятностей может получиться для него из-за особенностей его душевного склада, как например своеобразного самолюбия, чрезмерной впечатлительности и проч.

Те, кому доведется прочесть это письмо, — к Вам глубокая просьба. Окажите Тэвлянто возможное содействие, когда он будет к Вам обращаться в нужде. Он вполне заслуживает этого, ибо, несмотря на совершенную неграмотность, является одним из наиболее одаренных по своему умственному развитию и любознательности молодых чукчей Анадырского района. В Тэвлянто таится масса возможностей, которые усилиями русской школы безусловно извлекнутся на поверхность и будут служить его одноплеменникам.

Своими заботами о судьбе этого гражданина Вы поможете Камчатскому Окрревкому сделать первые шаги в деле просвещения кочующих туземцев нашего Крайнего Северо-Востока, не имеющих к концу X годовщины Октябрьской революции ни одного грамотного человека.

Анадырский райревком, интересуясь и заботясь о судьбе Тэвлянто, просит всех лиц, к кому обратится он с настоящим письмом, расспросить о его нужде, о его желаниях и телеграфи-

ровать при надобности и при его о том просьбе по адресу: «Анадырь Ревком», указывая, куда отвечать и кому.

Председатель Анадырского Революционного комитета (подпись).

Начальник Админотдела Анадырского Райревкома (подпись).

Секретарь Анадырского Райревкома (подпись).⁹⁷

В 1927 г. на рабфаке уже училось двое чукчей. Так начали чукчи получать специальное среднее и высшее образование в учебных заведениях Ленинграда, Хабаровска и других городов. Обучались они за счет государства.

* *

*

В начале 20-х годов на Чукотке было лишь два фельдшерских пункта: один в бухте Провидения, другой в Ново-Мариинске. Оба они были основаны еще до революции. Местные жители обращались к помощи фельдшера лишь в случаях травматических повреждений или крайне тяжелого состояния больного. В случае заболевания чукчи и экимосы прибегали к помощи шаманов. Однако чукотские шаманы не знали никаких положительных средств лечения больных. Они «лечили» их заклинаниями и шаманскими сеансами.

Население остро нуждалось в медицинской помощи. «Здесь врачи нужны более, чем где бы то ни было, — писал Г. У. Свердруп в 1921 г., — притом в значительной мере для борьбы с болезнями, занесенными сюда самими же европейцами».⁹⁸

Развертывание медицинского обслуживания чукчей и эскимосов началось с 1927 г. В Чукотском районе был основан фельдшерский пункт в Уэлене, а на Культбазе была построена больница на несколько коек. Были созданы также больница в Ново-Мариинске и фельдшерский пункт в Марково.

С 1927 г. на Чукотке начали действовать по специальным заданиям отряды Красного Креста. Медицинское обслуживание чукчей началось с оседлых населенных пунктов и затем постепенно распространилось на оленеводов.

Медицинским работникам пришлось столкнуться с суевериями, предрассудками, недоверием — всем тем, что сопровождало на первых порах развертывание культурно-просветительной работы среди чукчей. Культурная отсталость, унаследованная чукчами от прошлого, давала себя знать еще на протяжении ряда лет и после организации округа.

⁹⁷ В. Г. Богораз. Северный рабфак. «Северная Азия», 1927, № 2, стр. 57—59.

⁹⁸ Г. У. Свердруп, ук. соч., стр. 299.

Не менее трудно было вести санитарно-просветительную работу как среди оседлых, так и среди кочевых чукчей. Трудно было убедить людей в необходимости соблюдать минимум правил личной гигиены, санитарного состояния жилища. Они не видели в этом необходимости и возможности их соблюдения. Старые условия быта (яранга с пологом) не давали возможности соблюдать необходимый минимум личной гигиены (использование белья, систематическое умывание и т. п.).

Изменение санитарно-гигиенических условий жизни чукчей стало возможным лишь в связи с заменой яранг домами.

Так закладывались основы распространения культуры, просвещения и здравоохранения на Чукотке в первые годы после установления Советской власти.

ГЛАВА IX

ЧУКОТКА ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА (1930—1960 гг.)

За семь лет, прошедших со времени установления Советской власти на Чукотке (1923—1930), была проделана работа исключительного значения.

Народные массы, никогда ранее не принимавшие участия в политической жизни, поняли назначение новой власти, усвоили ее демократические начала и постепенно включились в русло общественной деятельности.

Советы оказались единственно жизненной, наиболее универсальной, в то же время простой и доступной всем формой самоуправления и на Чукотке.

Еще в 1920 г. на II конгрессе Коммунистического Интернационала В. И. Ленин отметил, что в бывших колониях царизма, где почти не было пролетариата и где коммунисты взяли на себя роль руководителей, «наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолевать колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата».¹

Усилия первых организаторов Советской власти на Чукотке дали положительные результаты. Основные трудности по организации Советов, налаживанию их работы были преодолены. Зверобой и оленеводы Чукотки приобщались к советскому самоуправлению в виде туземных Советов.

За эти годы на Чукотке была создана государственная и кооперативная торговля, организованы первые школы, медицинские учреждения, начали создаваться коллективные хозяйства. Эти мероприятия и настойчивая разъяснительная работа приезжих партийных и советских работников способствовали пробуждению национального самосознания в среде наиболее передовой части чукчей. Вместе с этим у чукчей появилось понимание политической

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 244.

и хозяйственной отсталости их, понимание необходимости скорейшего приобщения к культуре передовых народов Советского Союза.

В эти годы были заложены прочные основы ликвидации общей отсталости коренного населения Чукотки. Преодоление этой отсталости означало ликвидацию остатков фактического неравенства, существование которого в условиях советской действительности обуславливалось историческими причинами. Политическая неразвитость народа, экономическая отсталость его хозяйства, бескультурье, — все это было унаследовано от прошлого. Ликвидировать отставание чукчей во всех областях жизни было возможно только при условии систематической и всесторонней помощи со стороны Советского государства, при активном участии самих чукчей. Для этого необходимо было пробудить у них самостоятельность, политическую активность, повысить их общий культурный уровень и произвести коренные преобразования их хозяйства на базе социалистических производственных отношений.

Руководствуясь ленинскими принципами национальной политики, партия и советское правительство сочли своевременным и необходимым приступить к окончательному изжитию элементов национального неравенства на Севере. В этих целях было осуществлено национальное районирование малых народностей Севера и принят ряд мер, содействующих приобщению их к социалистической культуре народов СССР.

Новой формой государственного национального устройства малых народностей Севера явилась организация национальных округов и районов. При этом партия и правительство исходили из ленинских принципов устранения всякого национального неравенства. Еще в 1913 г. В. И. Ленин в работе «Критические замечки по национальному вопросу» подчеркивал значение национальных автономных округов. Он писал: «Для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом, причем к этим округам могли бы „тяготеть“ и вступать с ними в сношения и свободные союзы всякого рода, члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара».²

К 1930 г. старое районирование изжило себя, оно являлось помехой успешному развитию хозяйства и культуры народностей Севера. Действовавшее районирование часто разъединяло один и тот же народ. Так было и с чукчами. Часть из них проживала к западу от р. Чауна и находилась на территории, подведомственной Якутской АССР, а большая часть — в пределах ДВК (Чукотский и Анадырский районы). Аналогичные неудобства районирования наблюдались и в других районах Севера.

² Там же, т. 24, стр. 148—149.

Такое разъединение народностей Севера не создавало благоприятных условий для быстрого их развития, не удовлетворяло возросших жизненных запросов коренного населения, не обеспечивало выполнения решений X съезда ВКП(б) в области национального строительства.

С ростом политической активности и национального самосознания было вполне естественным проявление стремления малых народностей Севера к национальному объединению, к созданию национальных округов и районов.³

Учитывая все это, Президиум ВЦИК предложил Административной комиссии ВЦИК и Комитету Севера разработать вопрос о выделении национальных административных единиц в местах расселения малых народностей Севера.⁴

В 1930 г. такая работа была проделана. По предварительным наброскам предполагалось в состав Чукотского национального округа включить Западную и Восточную тундры, Омолонский район Колымского округа ЯАССР, Чукотский и Анадырский районы Камчатского округа. В этих границах находилось 14 500 человек населения, из них 11 060 (или 76,3%) чукчей, 1261 (или 8,7%) эскимосов, 625 (или 4,3%) эвенков и эвенов, около 1000 (или 7%) юкагиров и чуванцев, 297 русских.

Основными видами хозяйственных занятий населения округа были оленеводство, дававшее 53,2% доходов, морской зверобойный промысел, доход от которого составлял 26,1% от общей суммы доходов населения, охота на пушного зверя — 13,9% и рыболовство — 6,4%.⁵

В составе округа было запроектировано создать шесть районов: 1) район Западной тундры с центром в Нижнеколымске с населением около 1100 человек; 2) район Восточной тундры с включением р. Омолона (нижнего и среднего течения), с центром в Островном, с населением около 1500 чел.; 3) Чаунский район, с центром в Чаунской губе, с населением около 2000 чел.; 4) Чукотский район, с центром на Чукотской культбазе в бухте Лаврентия, с населением около 4000 чел.; 5) Анадырский район, с центром в с. Анадырь, с населением свыше 4000 чел.; 6) Маковский район, с центром в с. Марково, с населением свыше 2000 чел.⁶

10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера».⁷ Наряду с другими был образо-

³ Подробное изложение мероприятий партии и правительства по советскому строительству на Севере дается в работе М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера», ч. II (М.—Л., 1955).

⁴ П. Терлецкий. Национальное районирование Крайнего Севера. «Советский Север», 1930, № 7—8, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 26.

⁶ Там же, стр. 25—27.

⁷ Собрание узаконений, 1931, № 8, ст. 98.

ван Чукотский национальный округ в составе 6 районов. Однако постановлением Президиума ВЦИК от 10 мая 1931 г. «О национальных районах и внешних границах Якутской АССР» район Западной тундры был передан в Якутскую АССР.⁸ Передача этого района Якутии была вызвана тем, что к западу от Колымы чукчи составляли меньшинство в сравнении с другим населением.

Подготовительная работа по созданию Чукотского национального округа вызвала большую активность коренных жителей Чукотки, значительное оживление советской работы среди оседлого и кочевого населения. На протяжении 1931—1932 гг. в округе проходили перевыборы туземных, а также выборы районных и окружного Советов депутатов трудящихся. В них приняло участие более 80% избирателей. Было избрано 80 туземных Советов, включая и кочевые. Помимо уже имевшихся, было создано 17 новых кочевых Советов. Перевыборная кампания приблизила к массам населения органы Советской власти.

В апреле 1932 г. в Анадыре состоялся Первый окружной съезд Советов. На съезде организационно было оформлено создание Чукотского национального округа и избран первый состав Окрисполкома. Председателем был избран уэленский чукча тов. Тэгринкэу, принимавший активное участие в работе Чукотского райревкома с первых дней установления Советской власти, участник Первого Камчатского съезда Советов. В момент выборов он был уже председателем Чукотского Райисполкома.

Деятельное участие в работе съезда приняли приехавшие из разных районов оленеводы, морские зверобои, рыболовы. Тут были чукчи, эскимосы, чуванцы, эвены, русские. С исключительной остротой были поставлены делегатами съезда вопросы борьбы с произволом богачей-олленеводов, с шаманами, вопросы колхозного строительства, просвещения, здравоохранения и т. п. Из стенограммы съезда видно, как выросло политическое сознание населения Чукотки. В выступлениях делегатов отчетливо звучит классовая принципиальность, деловитость, забота о нуждах населения, стремление скорее и полнее приобщиться к новой жизни.

Все делегаты говорили о необходимости расширения сети школ, учреждений медицины, налаживания ветеринарного обслуживания, строительстве и т. п.

Вот несколько выдержек из выступлений. Тов. Тырэлкут (Анадырский район): «Кулаки зажимают бедноту. Вот вам пример. Танюрэрская группа, в ней имеется один оленный чукча-кулак, у него много оленей. Много работало пастухов у него, он их всех выгнал, и когда выгонял, то все то, что они имели, он отобрал. Второй пример, там же. На лето кулак убивает себе на запас оленей, а пастухам-бедноте, которые работают на него — ничего. Пастухи и их семьи до того дошли за лето, что еле волочили ноги и

⁸ Там же, № 27, ст. 232.

осенью ушли от кулака, ничего они от него не получили за работу».⁹

Тов. Ильмоч (Чукотский район): «Вся кочующая беднота должна соединиться вместе и, если возможно, то (поселиться, — И. В.) ближе друг к другу, чтобы можно было вести работу с ними. Отдаленные чукчи должны будут подкочевать ближе к селу, отсюда в свободное от работы время они могли бы заниматься в школах взрослых... На райсъезде в Уэлене говорили о передвижных кочевых школах, но лучше будет, если объединяться (люди, — И. В.) в большие колхозы и строить школы с интернатами, где ребятам будет тепло и хорошо».¹⁰

Выступление тов. Ильмоча дышит верой в силу советского строя. Оно поражает глубиной, ясностью перспективы, широтой постановки вопроса, правильностью установления связи школьного с колхозным строительством.

Его предвидения, как и чаяния других чукчей, теперь сбылись.

Мы приведем еще несколько выступлений делегатов съезда, чтобы проследить, насколько была плодотворной, глубоко значимой работа первых органов Советской власти на Чукотке, насколько Советская власть с ее гуманными, подлинно демократическими началами оказалась близкой и понятной простым, тогда еще неграмотным пастухам и зверобоям.

Тов. Тамтам из Восточно-Тундровского района говорил, что Якутторг не сумел забросить товаро-продукты с Колымы в Островное и что, «видя такое положение, беднота пошла навстречу и перебрала грузы до Островного на своих оленях бесплатно».

«Необходимо обратить внимание на наши нужды, как-то: построить школу, больницу и т. д., — продолжал тов. Тамтам, — у нас ежегодно падают олени от копытицы, нам необходимы ветпункты, доктора, чтобы меньше падало оленей и не уменьшились наши стада. Мы сейчас вышли на советскую дорогу и пойдем по ней к социализму».¹¹

Тов. Нотауге из Наукана (эскимос) говорил: «У нас есть кулаки, занимающиеся контрабандой с Америкой. Этих контрабандистов-кулаков выследили бойцы Красной Армии. В одно время кулаки организовались и обезоружили бойца, но мы в свою очередь, бедняки, обезоружили кулаков, и сняли их с довольствия. Я считаю нужным при школах организовать изучение ремесла: девушек учить вышивать, шить, а мальчиков делать из (моржовой) кости разные вещи».¹²

При обсуждении бюджета округа делегат Нупэвье (Мэйн'ыпилгын) говорил: «Мы требуем школ и больниц потому, что желаем

⁹ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 532, л. 3.

¹⁰ Там же, л. 4.

¹¹ Там же, л. 5—6.

¹² Там же.

учиться и быть здоровыми, а болезней у нас много. Нужно построить на Хатырке больницу и школу, ветеринарный пункт, а потому необходимо это предусмотреть в бюджете».¹³

Тов. Ктувье (из Чукотского района) говорил, что в смете округа недостаточно предусматривается ассигнований на просвещение, так как «с каждым годом все больше и больше хотят учиться и будут учиться». Кроме того, «все выбранные в тузсоветы должны быть пропущены через курсы советского строительства, на это тоже нужны средства».¹⁴

Все выступления делегатов пронизаны пониманием необходимости борьбы с культурной отсталостью. Не случайно вопросы просвещения, здравоохранения оказались в центре внимания делегатов съезда. Они видели, что без грамоты, без образования невозможно движение вперед.

С созданием Национального округа и 5 районов в его составе была завершена советизация Чукотки.

Образование Чукотского национального округа в составе Российской Федерации явилось новым важным шагом в истории коренного населения Чукотки. С созданием Национального округа определился быстрый рост социалистических преобразований в экономике, быту, культуре чукчей, эскимосов и других народностей, населяющих Чукотку.

Новая Советская Конституция 1936 г. зафиксировала приобщение к государственной деятельности нашей страны малых народностей Севера. Статья 123 Конституции гласит: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом».

Согласно новой Конституции малые народности Севера получили право через своих представителей в Совете Национальностей непосредственного участия в законодательной деятельности высшего органа Советского государства. В соответствии с новой Конституцией, закрепившей существование национальных округов, избирательный закон предусматривает представительство в Совете Национальностей от каждого национального округа независимо от числа избирателей.

Первым избранником в Совет Национальностей от Чукотского национального округа был тов. Тэвлянто (1905—1959).

Равные права закономерно породили у коренного населения Чукотки сознание равных обязанностей наряду со всеми гражданами СССР. Сознание высокого долга перед социалистическим Отечеством особенно заметно проявилось в годы Великой Отечественной войны. Чукчи, как и другие народы Советского Союза, показали себя подлинными патриотами дружной семьи народов

¹³ Там же, л. 50.

¹⁴ Там же, л. 53.

социалистического государства. Они сражались на фронтах Отечественной войны и посильно помогали своими средствами делу упрочения мощи советского оружия.

Во время войны трудящиеся округа собрали на строительство танковой колонны «Чукотский колхозник» 1 млн руб. наличными деньгами и сдали в фонд обороны 12 250 оленей. В этом замечательном проявлении советского патриотизма отличились оленеводы Восточно-Тундрового района товарищи Лелекай и Кэргувье. Лелекай внес на строительство танковой колонны 19 тыс. руб. Когда ему сказали, чтобы он оставил часть денег на свои хозяйственные нужды, тов. Лелекай заметил: «Колхозник Головатый не оставил для себя, я тоже внесу все свои сбережения».

Тов. Кэргувье внес на строительство танковой колонны 65 тыс. руб. и сдал в фонд обороны 20 оленей.¹⁵

Оленеводы Чаунского района товарищи Варын и Ятгыргын сдали в фонд обороны родины по 2 тыс. оленей каждый.¹⁶

За весь период Великой Отечественной войны в фонд обороны населением округа было собрано наличными свыше 15 млн руб., сдано облигаций на 8 млн руб. Кроме того, женщины Чукотки из своих материалов сшили 55 тыс. различных теплых вещей для советских воинов и населения, пострадавшего от фашистских оккупантов.¹⁷

Таким образом, чукчи наравне с другими народами СССР исполняли свой патриотический долг перед социалистической Родиной, разделяли трудности военного времени и радость победы над врагом.

И во время Великой Отечественной войны, и после ее окончания продолжалось укрепление Советов и улучшение их работы.

Развитие промышленности и сельского хозяйства в округе в послевоенное время потребовало большего приближения руководства районов к местам. Дополнительно было создано 3 новых района: Беринговский, Иультинский и Провиденский.

Новое районирование сопровождалось дальнейшим улучшением работы Советов, вовлечением в их деятельность большего числа трудящихся.

В 1955 г. 14 представителей коренного населения были депутатами окружного Совета, 56 — депутатами районных Советов и 371 — депутатами поселковых и сельских Советов.¹⁸ В 1960 г. в округе было 50 сельских и 7 поселковых Советов; из 1320 депутатов трудящихся, избранных в местные Советы, 703 человека —

¹⁵ Чукотский окрисполком, общий отдел, папка «Материалы к 30-летию Национального округа», л. 70.

¹⁶ ГАМО, ф. р.-97, оп. 1, д. 21, л. 22.

¹⁷ Чукотский окрисполком, общий отдел, папка «Материалы к 30-летию Национального округа», л. 70.

¹⁸ А. Н. Грозин. Завтрашний день Чукотки. Сб. «Преображенный Край», Магадан, 1956, стр. 310.

представители коренного населения Чукотки. Чукчи — депутаты не только сельских, районных, окружного, но и областного Совета депутатов трудящихся. Почти во всех сельских Советах председателями и секретарями работают представители коренных народностей Чукотки.

Многие чукчи превратились в опытных советских работников. На протяжении ряда лет они по-деловому, с глубоким пониманием своих обязанностей руководят исполнительными комитетами.¹⁹

К числу важнейших мероприятий советского правительства на Крайнем Севере следует отнести проведение земле-водоустройства.

Создание национальных округов потребовало ряда социально-экономических и технических мероприятий, направленных к переустройству хозяйства народностей Севера. В этой связи возникла необходимость такой организации земле- и водопользования, которая обеспечила бы развитие производительных сил и развертывание на Севере социалистического строительства.

Организация территории, заселяемой чукчами, явилась одной из основных предпосылок при решении проблемы реорганизации и развития их хозяйства.

10 сентября 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР».²⁰ В соответствии с этим «Положением» была организована Чукотская землеустроительная экспедиция, работы которой имели три этапа. На первом этапе (1932—1936 гг.) экспедиция провела основные работы по первоначальному землеустройству районов Чукотского национального округа. Были определены границы округа и районов.

На втором этапе (1937—1948 гг.) было проведено межхозяйственное землеустройство и всестороннее изучение состояния экономики населения. На основе обобщения собранных материалов экспедиция подготовила проекты первоначального внутрихозяйственного земле- и водоустройства, а также рекомендации наиболее рациональных путей развития хозяйства коренного населения округа.

На последнем этапе (1950—1955 гг.) было завершено внутрихозяйственное земле- и водоустройство во всем Чукотском округе. В деятельности экспедиции на последнем этапе активное участие приняли многие колхозники.

На протяжении трех с половиной лет экспедицией велись подробные геоботанические обследования пастбищ. «Десятки участников экспедиции пешком, на собаках, на оленях и вельботах, а также на самолетах покрыли широкой сетью обследовательских

¹⁹ Интересные материалы о работе сельского совета на Чукотке собраны в брошюре «У нас в Уэлене» (Магадан, 1958); Н. Г и у т е г и н. Люди новой Чукотки. Сб. «30 лет Чукотского национального округа», Магадан, 1960.

²⁰ Собрание узаконений, 1930, № 46, ст. 547.

маршрутов весь Чукотский округ. Экспедицией за это время проложено 16 тысяч километров пеших геоботанических и около 6 тысяч километров зоотехнических маршрутов, собрано около 5 тысяч пробных укусов оленьих кормов, взято более тысячи образцов лишайниковой дернины и свыше 12 тысяч листов гербария. Сто тысяч километров аэровизуальных маршрутов проложено для выделения геоботанических пастбищных контуров. Зоотехниками экспедиции осмотрено в натуре около 140 тыс. оленей и прослежены сотни троп оленьих стад с тем, чтобы наиболее достоверно установить лучше поедаемые оленями корма (и их количество), причины, по которым олени избегают тех или других пастбищных участков и т. п.».²¹

В итоге проделанной работы впервые в истории Чукотки были учтены пастбищные угодья и установлена их оленеемкость. Подсчитано было, что даже при существующих методах ведения оленеводства поголовье оленей может быть увеличено на 50 процентов.²² Землеустроительная экспедиция установила границы всех 46 колхозов округа, двух совхозов (тогда имевшихся) и других хозяйств, а также определила границы сезонных пастбищ для всех оленеводческих бригад колхозов и совхозов. По завершении обследовательских работ были составлены проекты землеустройства (карты). Они обсуждались на собраниях колхозников, в оленеводческих бригадах, утверждены ими. В результате широкого обсуждения в проекты землеустройства внесены необходимые коррективы, после чего колхозы получили соответствующие землеотводные документы.

Одновременно экспедицией проделана большая работа по съемке местности и планированию всех центральных усадеб колхозов, предусматривающая строительство жилых домов для колхозников, переходящих на оседлость, переселяющихся из яранг в дома, а также учреждений культуры, здравоохранения, производственных и хозяйственных построек в каждом колхозе, определены места строительства промежуточных баз на основных путях движения оленеводческих бригад и т. п.

Вся эта огромная работа была проделана за счет государства. На основе всесторонних научных данных, полученных экспедицией, представилось возможным более правильно планировать развитие разных отраслей хозяйства колхозов Чукотки и в первую очередь оленеводства.

В процессе внутрихозяйственного, а порой и межхозяйственного использования землеустройства выявились некоторые недостатки его. Однако все они по мере их проявления и изучения довольно легко устранялись. В 1960 г. в связи с преобразованием ряда кол-

²¹ М. И. Папернов, А. А. Слотвинский. О землеустройстве. Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956, стр. 155.

²² Там же, стр. 156.

хозов в совхозы произошло уточнение и упорядочение землеустройства во вновь созданных хозяйствах. Землеустройство в Чукотском национальном округе сыграло исключительно важную роль в определении направления развития сельского хозяйства и его отраслей.

В годы Великой Отечественной войны, когда все силы советского народа были направлены на разгром врага, развитие хозяйства и культуры чукчей несколько задержалось. Этот период в их жизни требует специального изучения.

Решающее значение во всей культурно-политической и хозяйственной жизни коренного населения округа имело создание партийной организации на Чукотке и ее деятельность.²³

В 1923—1924 гг. из Петропавловска-на-Камчатке в Анадырь были направлены несколько коммунистов. Тов. Суворов был назначен ответственным организатором уездного бюро РКП(б).

Уже в августе 1924 г. в с. Анадырь была создана первая на Чукотке ячейка РКП(б).

Прибывшие на работу в Анадырский уезд плохо ориентировались в новой для них обстановке. Поэтому первоочередной задачей, поставленной перед коммунистами Анадырской ячейки, явилось «изучение состояния края, его экономики, выявление возможностей политической и общественной организации трудящихся масс».

Изучение окружающей обстановки велось одновременно с разъяснительной и организаторской работой коммунистов среди населения.

За год своей деятельности они организовали кооператив, рыболовческую артель, профсоюзную организацию, женский совет. Силами общественности был построен первый клуб. Так начали свою деятельность коммунисты первой партийной организации на Чукотке.

С 1925 г. деятельность анадырской ячейки РКП(б) стала постепенно распространяться на всю территорию Чукотки. В августе 1926 г. в с. Уэлен — центре Чукотского района — состоялось первое собрание членов и кандидатов партии, работавших в Наукане, Чаплино, Дежнев и Уэлене, т. е. в разных пунктах района. Так были заложены основы Чукотской районной партийной организации.

²³ Все сведения о истории партийной организации в Чукотском национальном округе нами позаимствованы из содержательной статьи И. Гарусова «К истории Чукотской окружной партийной организации» [«На севере дальнем», Магадан, 1960, № 1 (16)]. Статья написана по материалам архива Чукотского окружкома КПСС.

Для работы среди местного населения партийная группа Уэлена привлекла активистов тов. Пенкина (милиционера), хорошо владевшего чукотским языком и тов. Ерженина — учителя, знавшего эскимосский язык.

При непосредственном участии коммунистов района производились выборы лагерных комитетов, создавались родовые Советы и родовые собрания, кооперативы, зверобойные и пошивочные артели, школы и т. п.

Уже с первых шагов в своей повседневной работе коммунисты опирались на активистов из числа местного населения, председателей и членов лагерных комитетов, родовых Советов и др.

С каждым годом число коммунистов на Чукотке увеличивалось за счет прибывающих новых работников и за счет вступления в партию лучших представителей местного населения.

11 ноября 1928 г. уэленская кандидатская группа была реорганизована в партийную ячейку. В ней было всего 3 члена и один кандидат. Осенью того же года в Чукотский район прибыла экспедиция «Союззолото», в ее составе было 10 коммунистов. В ноябре 1929 г. создана партийная ячейка при погранпункте, тогда же была образована кандидатская группа при фактории Дальгосторга в с. Дежнев, в декабре была создана партийная ячейка при Чукотской культбазе, только что развернувшей свою работу.

Так, в ряде населенных пунктов Чукотского района появились первые партийные организации. Под их руководством протекала общественно-политическая и хозяйственная жизнь района. Коммунисты были зачинателями установления советских традиций на Чукотке. Они организовали проведение советских праздников: 7 ноября, 1 Мая и др. При этом умело сочетались новые традиции со старыми, привычными, прочно укоренившимися традициями. Советские праздники сопровождались национальными состязаниями в беге, борьбе, в гонках на оленях и собаках, в стрельбе по мишеням, в танцах. За лучшие результаты выдавались призы от имени органов Советской власти. В этом проявилось внимание и уважение «новой власти» к национальным традициям коренного населения.

Весьма трудным было распространение политического влияния на кочевое население. Оленеводы еще мало знали и мало слышали о Советской власти и ее задачах.

Большие трудности, порой непреодолимые, были связаны с разбросанностью оленеводов, отдаленностью их стойбищ от побережья, невозможностью наладить регулярную связь с ними. Связь с родовыми Советами, вообще с населением тундры носила эпизодический характер. Трудности работы с кочевым населением осложнялись еще тем, что в составе партийных организаций поначалу были только русские, они не знали чукотского языка, нравов и обычаев населения.

Одной из очередных задач было вовлечение в партию наиболее сознательных и активных товарищей из местного оседлого населения. В мае 1930 г. уэленская партия приняла кандидатами в члены партии товарищей Тэгринкэу и Пэнкок, а в июне вступили в партию еще три местных активиста — товарищи Эттувги, Тынак, Истунни.

Партийные организации района направили свои усилия в первую очередь на вовлечение местного населения в общественную, политическую и хозяйственную работу. В Уэлене, Дежневке, Наукане были созданы группы бедноты. В них началась подготовительная работа по производственному кооперированию населения. В ряде селений района были созданы женские советы. С их помощью были организованы пошивочные группы, которые уже в 1929 и 1930 гг. организованно занимались изготовлением одежды и обуви по заказам кооперативов и факторий.

Было обращено особое внимание на ликвидацию неграмотности женщин, повышение их политического кругозора. При уэленской партиячке работала политшкола, в числе ее слушателей было 7 женделегаток.

К моменту организации Чукотского национального округа в районе уже были созданы разные виды первичных кооперативно-производственных объединений: сезонные и постоянные артели по добыче морского зверя, пошивочные. Все они работали под непосредственным руководством Чукотского интегралсоюза.

По мере роста первичных партийных организаций, их количества возникла необходимость в коллегиальном партийном руководстве. В ноябре 1929 г. было избрано оргбюро ВКП(б) по Северо-Туземному району народов чукчей и эскимосов. Оргбюро подготовило расширенное совещание членов ВКП(б) района, которое состоялось в ноябре 1930 г. На этом совещании избрано райбюро ВКП(б) в составе 5 человек членов и двух кандидатов.

В 1931 г. кандидатами в члены партии были приняты местные активисты товарищи Шеняник, Елков, Танат.

Основное ядро партийной организации района составляли уэленская и чаплинская ячейки. В это время в рядах уэленской ячейки насчитывалось 24 коммуниста, из них 19 чукчей.

Чаплинская ячейка ВКП(б) в начале 1932 г. пополнилась большой группой эскимосов, принятых кандидатами в члены партии. Это были товарищи Матлю, Плахтинак, Гаймысин, Аниния, Каутхин, Ашкамакин, Уики, Лени, Штаю, Тынгу, Ушкояк, Акхива, Апальхун, Майна, Утадаун, Таю.

Партийная организация Чукотского района в 1932 г. вела большую работу по советизации, кооперированию и культурному строительству в районе. В целях подготовки национальных кадров для ведения этой работы райком партии организовал годичные курсы при Культбазе и в сел. Чаплино и Уэлен, где обучалось 58 человек. Курсы сыграли большую роль в обеспечении коопера-

тивов, национальных Советов, районных организаций местными кадрами.

Несколько позднее, лишь с организацией Чукотского национального округа, сложились партийные организации в Чаунском, Восточно-Тундровском и Марковском районах.

Работа по созданию районов Чукотского национального округа развернулась в конце 1931 г. Оргкомитеты приступили к работе. Это была весьма сложная работа, которую люди начинали со строительства жилья и других помещений.

К марту 1932 г. партийная организация Чаунского района состояла из 4 членов ВКП(б) и 11 кандидатов. Все кандидаты были чукчи, 5 из них — председатели туземных Советов.

Партийная организация Восточно-Тундровского района оформилась также в марте 1932 г. Во время перевыборов Советов было принято кандидатами в члены ВКП(б) 40 человек (39 чукчей и 1 эвен).

Партийная организация Марковского района сложилась позднее. 19 апреля 1932 г. состоялась первая окружная партийная конференция. К этому времени в рядах ВКП(б) в округе насчитывалось около 150 членов и кандидатов в члены партии. Большинство составляли коренные жители. Чукотская окружная партийная организация росла из года в год, вместе с ростом ее влияния на местное население.

К марту 1940 г. в партийных организациях округа насчитывалось 405 коммунистов — 197 членов, 208 кандидатов в члены ВКП(б).²⁴

Более быстро росли комсомольские организации округа. Их история возникновения на Чукотке началась в с. Уэлене. Осенью 1928 г. по направлению Камчатского губкома комсомола на Чукотку прибыл ответственный организатор союза молодежи М. Г. Аристов. В декабре того же года в с. Уэлене была создана первая комсомольская ячейка. К 1931 г. в рядах комсомольской организации Чукотского района было уже 122 человека. В начале 1932 г. родилась комсомольская организация в Чаунском районе. Сорок юношей и девушек сел. Рыркайпий, Усть-Чауна, мыса Шелагского были первыми комсомольцами этого района.

К 1934 г. в рядах ВЛКСМ округа уже насчитывалось 560 комсомольцев.²⁵

Члены партии и комсомольцы Чукотки много сделали, чтобы рядовые труженики оленеводы и зверобой правильно поняли, что

²⁴ Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР. Магадан, 1961, стр. 223.

²⁵ Я. Ф. Самарин. На Чукотке. «На рубеже», 1935, № 8, стр. 89. О работе комсомольских организаций в Чукотском районе рассказывается в статьях И. Воблова «Комсомол Чукотки» («Советская Арктика», 1938, № 10—11), П. Я. Скорика «В те далекие годы. Заметки старожила» («На севере дальнем», 1958, № 11).

такое Советская власть и чем отличаются современные русские от тех, которые были на Чукотке при царе.

Весьма интересный факт сообщил бывший секретарь Чукотского окружкома партии Я. Ф. Самарин.

В одной из бесед с ним в 1933 г. заместитель секретаря Чукотского окружкома ВЛКСМ тов. Рэрмэн сказал:

«Я только теперь понял, зачем к нам приехали русские. Я понял, что вы приехали учить нас, как лучше построить нашу жизнь, чтобы и мы жили так же, как вы живете на материке. Но я понял это так быстро потому, что сам хорошо говорю по-русски, я грамотный, много читал и понимаю прочитанное. А много еще чукчей неграмотных, они мало говорят по-русски и видят русских мало... Нам нужно больше работать и готовить скорее свои местные кадры!». ²⁶

Эти слова тов. Рэрмэна выражают мысли всех тружеников чукчей. В то же время они служат красочной иллюстрацией к той сложной обстановке, в которой приходилось тогда работать на Чукотке партийным и советским работникам, учителям, врачам.

В нашей стране уже достигнуто фактическое равенство всех народов. Но это еще не означает, что преодолено всякое различие в уровне экономического и культурного развития, противоречие между умственным и физическим трудом, преодолены пережитки прошлого и т. п. Поэтому наиболее отстававшие в прошлом народы нуждаются еще в существенной помощи для более быстрого их развития.

Коммунистическая партия Советского Союза и правительство оказывали и продолжают оказывать всестороннюю помощь малым народам Севера, в том числе Чукотскому национальному округу.

Свидетельством заботы правительства служит бюджет округа и его развитие за тридцать лет.

Годы	Тыс. руб.
1930	380.0
1935	3718.0
1940	8063.8
1945	11145.1
1950	26397.1
1955	61590.0
1960	209793.0

И впредь Советское правительство, руководствуясь новой Программой КПСС, будет прилагать необходимые усилия к тому, чтобы развитие всех сторон жизни отстающих народов шло более быстрыми темпами.

В программе КПСС отмечается, что «партия будет по-прежнему проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство на-

²⁶ Я. Ф. Самарин, ук. соч., стр. 89.

ций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии».²⁷

Партийная и комсомольская организации Чукотского национального округа выросли и окрепли. Во всех колхозах и совхозах округа имеются партийные и комсомольские организации, руководителями многих из них избраны коренные жители Чукотки.

Партийная организация Магаданской области выразила высокое доверие тов. В. Этлену, избрав его делегатом на XXI съезд, тов. В. Тынэчейвына — делегатом XXII съезда КПСС.

Комсомолки Ротвааль и К. Калана — участницы XIV съезда ВЛКСМ.

²⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1961, стр. 114.

ГЛАВА X

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЧУКОТСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ (1930—1960 гг.)

Кооперативно-колхозное строительство

Преодоление существовавшей хозяйственно-экономической и культурной отсталости чукчей было возможно только на основе коллективизации. Однако на первых порах абсолютное большинство трудящихся Чукотки не понимало сущности и задач коллективизации. Нужно было избрать такие пути и формы постепенного кооперирования, которые были бы наиболее понятны населению, были бы близки их производственным навыкам, традициям, укладу жизни.

Необходимую подготовительную работу в этом направлении была призвана выполнить интегральная кооперация. До начала тридцатых годов деятельность кооперации на Чукотке выражалась главным образом в первичном кооперировании местного населения и организации на этой основе снабженческо-сбытовых кооперативов.

Начало организации интегральной кооперации в Чукотском районе относится к 1927 г.

К 1 октября 1928 г. уже были созданы кооперативы в Уэлене, Наукане, Яндагае, Чаплино, Нунлигране (бухта Поеображения). Уэленский кооператив организовал отделения в Сишане, Энурмине и Нутэпылмэне.

К концу 1929 г. произошли организационные изменения. Были созданы три базовых кооператива — в Уэлене, Яндагае и Чаплино. Тогда же были основаны при этих кооперативах отделения.

К концу 1930 г. Уэленский кооператив имел отделения в Наукане, Миткулине, Чегитуне, Сишане, Энурмине, Нутэпылмыне; Яндагайский кооператив имел отделение в Мечигмене; Чаплинский — в Янракеноте, Имтуке.

К середине 1931 г. сеть отделений кооперативов увеличилась еще на 6. Уэленский интеграл организовал отделение в с. Колючине, Чаплинский — в с. Курчаке и с. Курупке. Большим дости-

жением этого периода явилось вовлечение в кооперацию оленеводов. Были созданы три первых отделения кооператива среди кочующих чукчей — в Мечигменской губе, на р. Курупке и в Колучинской губе.¹

С момента основания кооперативов в Чукотском районе из года в год повышался их удельный вес в снабжении населения промышленными товарами и продуктами, производственным инвентарем, оружием и т. п., а также в заготовках пушнины, продуктов морского зверобойного промысла и продуктов оленеводства.

Рост удельного веса кооперативов в снабжении и заготовках Чукотского района можно проследить по табл. 1.²

Т а б л и ц а 1

Годы	Доля кооперативов в снабжении населения товарами (в % к годовому потреблению населения)	Закупки от населения (в % к годовым заготовкам по району)
1927—1928	28.4	32.0
1928—1929	36.0	43.0
1929—1930	48.0	63.0
На 1 VII 1931	55.0	70.0

Из этих сведений видно, как снабженческо-сбытовая кооперация завоевывала авторитет у населения Чукотского района. Об этом же свидетельствует и быстрый рост количества пайщиков.

На 1 X 1928 в районе было 375 членов кооператива, из них 49 женщин; на 1 X 1929 — 654 пайщика, из них 110 женщин; на 1 X 1930 — 827 пайщиков, из них 160 женщин, и на 1 VII 1931 — уже 954 пайщика, из них 195 женщин.³

Наряду с быстрым увеличением числа пайщиков росли их сознание и активность. К середине 1931 г. в выборных органах кооперативов района (правлениях и ревизионных комиссиях) работало 30 человек, из них 25 человек были чукчи и эскимосы (21 мужчина и 4 женщины).⁴

Судя по финансовой и организационной деятельности кооперативов, которая не всегда велась безупречно, правления в целом успешно справлялись со своей работой.

К 1934 г. было в основном закончено кооперирование оседлого населения, жившего по берегам Анадыря, и почти половины кочевого населения Анадырского и Марковского районов. Первый кооператив в Анадырском районе был организован в 1923 г.⁵

¹ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 531(а), стр. 69.

² Там же, стр. 71.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же.

⁵ П. Парфентьев. Рыбное хозяйство на Анадыре. «Тайга и тундра», Л., 1930, № 2, стр. 34.

Кооперирование населения в Чукотском национальном округе имело существенное значение в снабжении его промышленными товарами и продуктами, сбыте добытой им пушнины, продукции оленеводства и других местных промыслов. Расширение сети кооперативов способствовало вытеснению частной торговли и заметно повлияло на улучшение материального положения трудящихся, особенно бедноты.

Осуществление ленинского кооперативного плана на Чукотке выразилось в виде интегральной кооперации с ее организационными, снабженческо-сбытовыми и производственными формами.

Одновременно с выполнением снабженческо-сбытовых функций кооперация в Чукотском национальном округе начала вести подготовительную работу к производственному кооперированию населения.

В 1928 г. в Чукотский район завезли десять морских вельботов. Тогда и были организованы первые производственные промысловые товарищества в Уэлене, Наукане, Пнаквыне, Яндагае, Аккани и Лорино. Вельботы были переданы этим производственным товариществам. Их приобретение на средства товарищества положило начало кооперативной собственности на средства производства у зверобоев Чукотки.

В 1930 г. было создано первое оленеводческо-промысловое товарищество «Унпэнэр». Объединилось 5 хозяйств, их объединенное стадо насчитывало всего 309 оленей.⁶

К 1932 г. в районе было образовано 19 производственных товариществ. Они имели 67 вельботов, 33 рульмотора к ним, 75 байдар. Было создано также 8 смешанных оленеводческо-промысловых артелей, охвативших 243 хозяйства бедняков и середняков.⁷

К началу 1939 г. в Чукотском районе было 23 колхоза, из них пять старейших колхозов уже перешли на устав артели (в сел. Уэлен, Наукан, Дежнев, Чаплино и Сиреники), а 18 оставались на уставе промыслового северного смешанного товарищества.⁸

К концу 1945 г. коллективизацией в Чукотском районе было уже охвачено 95% хозяйств, объединенных в 27 колхозов, из которых 4 были на уставе сельхозартели и 23 — производственных товарищества. Вне колхозов оставались в основном оленеводы.

К концу 1951 г. коллективизация в районе была завершена. Из 28 колхозов 6 были на уставе сельхозартели (олeneводческие), 18 — на уставе рыболовецкой артели и 4 производственных товарищества.

Производственное кооперирование в Анадырском районе началось в 1929 г. организацией рыболовецких артелей в сел. Анадырь и Усть-Белая. В том же году была организована артель «Тундро-

⁶ И. Гарусов. К истории Чукотской окружной партийной организации. «На севере дальнем», Магадан, 1960, № 1 (16), стр. 119—120.

⁷ Там же, стр. 121.

⁸ Архив ИЭ АН СССР, колл. I, оп. 2, д. 80, лл. 9—12.

вик», в которую вошли бедняки-оленоводы, проводившие лето на земле Гека.

В 1930 г. были организованы артели из оседлых рыболовов в с. Усть-Мухоморная — «Чир» и в с. Чикаево — «Чикаево». Бедняки-оленоводы, выходявшие на лето к берегу Анадырского лимана на р. Таватваам были объединены в артель «Таватваамская». Часть оленеводов, кочевавших по левым притокам р. Белой, объединились в артель «Важенка».⁹

Из 12 организованных коллективных хозяйств оленеводческих было 2, 5 рыболовецких и охотничьих, 2 морских зверобойных и 3 пошивочных.

На первых порах это были экономически слабые, малочисленные по количеству членов хозяйства. Например, в оленеводческую артель «Тундровик» объединилось 6 бедняцких хозяйств (имели всего 300 голов оленей), пошивочная артель объединяла 10 женщин и т. п.¹⁰

Инструкторы Интегралсоюза — организаторы артелей недостаточно учитывали состояние и особенности местного хозяйства, распыленность населения и т. п.

Таким образом, в Анадырском районе, минуя простейшие формы производственной кооперации, сразу приступили к созданию коллективных хозяйств на основе устава артели. Их организация была в то время преждевременной, необоснованной и не соответствовала общественно-политической подготовке населения.

На XVI съезде Коммунистической партии в решениях по колхозному строительству отмечалось: «Форма колхоза должна соответствовать хозяйственным особенностям района и отрасли хозяйства. Наряду с артелью в некоторых районах незернового хозяйства, а также в национальных районах Востока может получить на первое время массовое распространение товарищество по общественной обработке земли как переходная форма к артели».¹¹

Решения съезда не везде на Севере, в том числе и на Чукотке, были восприняты правильно. В плане применения этих решений к районам Севера в 1932 г. последовало специальное постановление ЦК Партии «О работе в национальных районах Крайнего Севера». В нем указывалось на ошибки, допускаемые в колхозном строительстве на местах. В частности, отмечалось, что «в вопросе форм колхозов на Крайнем Севере существует также механическое заимствование опыта передовых районов сплошной коллективизации (артель как основная форма

⁹ В. Устинов. Зоотехнический очерк Чукотского национального округа. Рукопись работы хранится в Анадырском райсельхозотделе.

¹⁰ П. Парфентьев. Коллективы на Севере (Анадырский район). «Тайга и тундра», Л., 1931, № 3, стр. 35.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954, ч. III, стр. 52—53.

колхозов на данной ступени), в результате чего простейшие производственные объединения составляют здесь только 7 процентов.

«В отдельных местах мы нередко сталкиваемся также с попытками механического перенесения в отдаленные районы Крайнего Севера форм борьбы с кулачеством, применяющихся в настоящее время в передовых районах сплошной коллективизации (факты раскулачивания в Эвенкийском округе и проч.), тогда как линией партии в борьбе с туземным кулаком на данной ступени развития северных народностей является ограничение и вытеснение кулака».¹² Эти указания ЦК были положены в основу руководства коллективизацией на Чукотке.

В 1933 г. из организованных в Анадырском районе 13 колхозов часть перешла от устава артели на устав производственного товарищества по совместному выпасу оленей, на уставе артели остались рыболовецкие колхозы.

В дальнейшем работа по вовлечению местного населения в колхозы приобрела более планомерный и организованный характер.

В 1936 г. было уже 17 колхозов, которые объединяли 40,5% хозяйств района, из них 3 были на уставе рыболовецкой артели и 14 простейших производственных товариществ, из которых 5 — по совместному вылову рыбы, 3 — по совместному промыслу морского зверя и 6 — по совместному выпасу оленей.

На январь 1939 г. в Анадырском районе было 18 колхозов, из них только 2 на уставе артели: один в Анадыре, другой в Усть-Белой. Остальные оставались на уставе товарищества.¹³

На протяжении 1937—1940 гг. кочевые группы оленеводов организовали ряд мелких товариществ. Уже в 1940 г. возникла необходимость объединения некоторых из них.

В 1947 г. в районе действовало 16 колхозов, которые объединяли 72% хозяйств, из них 9 — на уставе сельскохозяйственной артели и 7 товариществ. К концу 1951 г., с организацией колхоза «Заря», в который вошли оленеводы-единоличники Канчалана, коллективизация в районе была завершена.

Еще в 1930 г. на территории района был основан Анадырский совхоз с центральной базой в основанном тогда пос. Снежное.

Начало коллективизации в Марковском районе было положено в 1931 г., когда сразу было основано 5 колхозов, из них 2 на уставе рыболовецкой артели и 3 производственных товарищества по совместному выпасу оленей. Товарищество на р. Пилидон объединяло в основном эвенов.

К 1936 г. в этих колхозах объединилось 69,7% хозяйств района.

С организацией в 1940 г. чукчами-олленеводами товарищества по совместному выпасу оленей «Чукотский» все единоличные хозяйства Марковского района объединились в колхозы.

¹² Партийное строительство, 1932, № 13, стр. 53.

¹³ Архив ИЭ АН СССР, колл. I, оп. 2, д. 80, лл. 1—4.

Развитие кооперативно-колхозного строительства в Восточно-Тундровском и Чаунском районах началось лишь с созданием округа и организацией этих районов. Здесь также не избежали ошибок, допущенных в Анадырском районе.

В 1932 г. в Чаунском районе было организовано 5 смешанных промыслово-оленоводческих артелей. В 1934 г. все они были переведены на устав товарищества. Тогда же было организовано еще 2 товарищества. К 1940 г. в Чаунском районе коллективизацией было охвачено 35.9% хозяйств, в том числе оседлых 79.4%, тогда как оленеводов только 25.6%.¹⁴

В 1952 г. коллективизация в районе была завершена.

Медленнее, чем в других районах округа, развертывалась коллективизация в Восточно-Тундровском районе. Первые начинания относятся к 1929 г., когда в низовьях М. Анюя была основана артель «Улики». Лишь в 1932 г. образовалось товарищество «Торвагыргын». Тогда же артель «Улики» была переведена на устав товарищества. В 1934 г. основано товарищество «Вперед», в которое вошли бедняки-оленоводы, кочевавшие по р. Б. Баранихе и в долине р. М. Анюя.

В 1938 г. было основано четвертое товарищество — «Пионер». В 1939 г. организовалось еще 2 товарищества, в 1946 г. — еще 1. К началу 50-х годов единоличников в районе не осталось, все они объединились в колхозы.

К 1951—1952 гг. кооперативное строительство на Чукотке прошло три этапа: 1) создание снабженческо-сбытовой кооперации, 2) организация простейших производственных товариществ и 3) переход от товариществ к колхозам на уставе артели.

Такая последовательность кооперативно-колхозного строительства обусловилась исторически сложившимся общественным, экономическим и культурным развитием коренного населения, состоянием хозяйства.

Проще и более организованно протекала коллективизация среди оседлого населения — морских зверобоев и рыболовов. Медленнее и значительно сложнее шло создание коллективных хозяйств у оленеводов. В этой отрасли хозяйства существовало резкое имущественное неравенство. Бедняки-оленоводы были распылены, а объединение их сопряжено с трудностями сселения, обеспечения их оленями, промысловым инвентарем и т. п. Многие из них на первых порах не решались оторваться от богатых стадовладельцев, от которых они зависели материально. Чувствовалась и известная настороженность и недоверие к новым формам организации хозяйства, к ломке привычного, веками устоявшегося уклада жизни.

¹⁴ ГАМО, ф. р.-85, оп. 1, д. 5 (Краткий экономический очерк Чаунского района. 1937—1940. Составил В. И. Лобода), лл. 16—18.

Известную роль в этом отношении играла агитация, исходившая от богатых стадовладельцев и шаманов, настроенных против коллективизации.

Товарищества явились школой более совершенной организации труда, переходной формой от единоличного хозяйства к коллективному.

В товариществах непосредственного обобществления средств производства, находившихся в личной собственности его членов, не производилось.

На паевые взносы и ссуды государства товарищества приобретали вельботы, моторы, оленей и другие средства производства, которые становились общественным достоянием данного товарищества, основой его неделимых фондов.

Имевшиеся у членов товарищества орудия добычи морского зверя и рыбы объединялись временно, на сезон промысла. Олени соединялись в одно стадо для совместного выпаса, в то время как освободившаяся часть трудоспособных членов товарищества занималась морским зверобойным промыслом, рыболовством и т. п. Олени также не обобществлялись, они оставались в личной собственности членов товарищества.

Лишь с переходом товариществ на устав артели произошло обобществление основных средств производства, находившихся в собственности членов артели.

Товарищества и артели Чукотки на первых порах экономически и организационно были слабы. Так, например, в Чаунском районе в 1937 г. было 8 товариществ, объединявших всего 132 хозяйства оседлых, полuosедлых и кочевых чукчей (табл. 2). Это были маленькие маломощные хозяйства с небольшим количеством оленей.

Обобществленных оленей имели только 2 товарищества: в одном было 100 голов, в другом — 200. Олени были приобретены на средства, отпущенные государством в порядке долгосрочного кредита.

Все товарищества Чаунского района вели смешанное хозяйство. Кроме оленеводства, они занимались морским зверобойным и пушным промыслами, а также рыболовством. В 1937 г. они имели следующий необобществленный охотничье-промысловый инвентарь и оружие: 21 байдару (средних размеров), 19 малых байдар,

Т а б л и ц а 2

Товарищество	Число хозяйств	Количество оленей
«Пионер»	14	148
Им. Куйбышева . . .	9	22
Им. Ленина	45	2189
«Ичунь»	13	1653
«Энмытагыно» . . .	15	1698
Им. Стаханова	17	346
Им. Кирова	7	373
. . . [б. н.]	12	291
Итого	132	6420

29 каюков, 273 нарезных ружья, 44 гладкоствольных, 1341 капкан, 463 сети на нерп, 240 рыболовных сетей.¹⁵

В 1940 г. в 6 товариществах уже имелось имущество, приобретенное на коллективные средства: 5 рульмоторов, 2 вельбота, 2 невода, 2 байдары, 4 лодки, 8 ружей и др.¹⁶

Организационно товарищества были слабыми. Лишь в двух из них велись отчисления в неделимый фонд. Они еще не организовали постоянного совместного выпаса оленей. Организация труда, его учет в товариществах налажены не были, не было даже создано постоянных производственных бригад.

Еще слабее организационно были товарищества в районе Восточной тундры. На конец 1937 г. из 175 хозяйств чукчей объединилось 106; из 98 хозяйств эвенов — 33, всего объединилось 139 хозяйств. Из 44 180 оленей, имевшихся в районе, членам товариществ принадлежало 15 399 голов, да и то большая их часть находилась в собственности богатых оленеводов, примазавшихся к товариществам. Состоять в товариществе им было выгодно. При соединении стад для совместного выпаса они по-прежнему использовали малооленных чукчей в качестве пастухов. Прикрываясь товариществом, богатые стадовладельцы не несли никаких расходов по выпасу своих оленей. Вскоре эта уловка была понята и товарищества освободились от эксплуататоров.

В табл. 3 сообщаются данные о наличии оленей (1937 г.) в личной собственности членов товариществ Восточно-Тундровского района.

Т а б л и ц а 3

Товарищество	Количество оленей						всего
	от 1 до 50	от 51 до 100	от 101 до 200	от 201 до 500	от 501 до 1000	свыше 1000	
«Торвагыргын» . . .	$\frac{22}{678}$	$\frac{8}{587}$	$\frac{9}{1185}$	$\frac{5}{1589}$	$\frac{6}{3686}$	$\frac{3}{4799}$	$\frac{53}{12524}$
«Вперед»	$\frac{8}{199}$	$\frac{2}{153}$	$\frac{3}{384}$	$\frac{1}{208}$	—	—	$\frac{14}{944}$
«Пионер»	$\frac{9}{138}$	$\frac{1}{96}$	—	—	—	—	$\frac{10}{234}$
«Улики»	$\frac{22}{410}$	$\frac{3}{214}$	$\frac{3}{420}$	—	—	—	$\frac{28}{1044}$

Примечание. В числителе — число хозяйств, в знаменателе — количество оленей.

¹⁵ Там же, л. 18.

¹⁶ Там же.

В то же время обобществленные олени составляли незначительную часть в сравнении с оленями, находившимися в личной собственности членов товарищества.

В товариществе «Торвагыргын» обобществленных оленей (на конец 1937 г.) было 482, в товариществе «Вперед» — 131, в товариществе «Улики» — 40.¹⁷

Как и в Чаунском районе, в 1938 г. здесь не было организовано постоянных производственных бригад, «люди группировались больше по родственному признаку». Не был налажен учет труда и соответственно заработков. Понадобилась значительная помощь государства, чтобы укрепить экономику колхозов. Понадобились государственные средства и несколько лет на то, чтобы подготовить квалифицированные кадры из местных жителей, способные вести хозяйство по-новому, руководить им и его отдельными звеньями.

В 1940 г. в округе начался постепенный переход экономически окрепших товариществ на устав рыболовецкой (у морских зверобоев и рыбаков) и сельскохозяйственной (у оленеводов) артелей. Не прекращалась также работа по дальнейшему вовлечению единоличных хозяйств в существующие колхозы.

Изменение форм колхозов округа от товариществ к артелям протекало по годам так (табл. 4).¹⁸

Т а б л и ц а 4

Наименование формы колхоза	Годы										
	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950
С.-х. артели	1	6	6	12	18	23	27	31	32	37	41
Рыболовецкие артели .	16	9	7	7	4	2	—	—	—	8	18
Товарищества	51	57	53	49	49	38	36	32	32	21	4
Итого	68	72	66	68	71	63	63	63	64	66	63

Изменение количества колхозов в округе по годам объясняется тем, что в это время происходило объединение мелких товариществ, иногда двух-трех в одно, и в то же время организовывались новые.

Общее состояние колхозного строительства по районам округа на 1950 г. выглядело так (табл. 5).

Переход на устав артели положил начало новому этапу социалистического строительства в сельском хозяйстве Чукотского национального округа. С переходом на устав артели произошло

¹⁷ Там же, д. 3 (Восточно-Тундровский район. Экономический очерк. 1937—1940. Составил Н. Н. Уманцев), лл. 20, 43, 47, 165.

¹⁸ ГАМО, ф. р.-97, оп. 1, д. 24, лл. 111, 113.

Таблица 5

Район	Форма колхоза			Всего
	сельско-хозяйственные артели	рыболовецкие артели	товарищества	
Анадырский	14	—	2	16
Марковский	7	—	—	7
Чаунский	7	—	—	7
Восточно-Тундровский	7	—	—	7
Чукотский	6	18	4	28

обобществление основных средств производства, в связи с чем резко возросли неделимые фонды колхозов — база их дальнейшего экономического развития.

Положительное влияние на организационно-хозяйственное укрепление колхозов Чукотки оказало укрупнение их путем слияния. Мелкие товарищества и артели не имели возможности развивать многоотраслевое хозяйство, которое в условиях Чукотского национального округа являлось наиболее рентабельным, более жизнеспособным. Укрупнение колхозов, помимо хозяйственно-экономических выгод, создавало благоприятные условия для преобразования быта, повышения культуры оленеводов-кочевников. Создание необходимых культурно-бытовых, санитарно-гигиенических и других условий жизни для оленеводов возможно было только в результате перехода их на оседлость, в результате образования достаточно крупных населенных пунктов.

По характеру производства и по условиям быта кочевников оленеводство являлось наиболее архаичной формой хозяйства, оленеводы — наиболее отсталой частью населения округа.

На первых порах в силу существовавшей территориальной разобщенности отдельных групп оленеводов создавались мелкие коллективные хозяйства с небольшими по численности стадами оленей. По мере перехода на устав артели товарищества стали сливаться в более крупные хозяйства.

Так, в 1941 г. в округе было 72 колхоза, в основном мелких. К 1950 г. в связи с объединением ряда мелких колхозов их общая численность в округе снизилась до 63. В последующее десятилетие этот процесс слияния мелких колхозов усилился еще больше. К началу 1960 г. в округе был 41 колхоз.

По решению правительства на базе 9 колхозов округа организовано 3 оленеводческих совхоза — «Марковский», «Аньюйский» и «Канчаланский».¹⁹ В результате дальнейшего слияния колхозов

¹⁹ М. Бойко. На верном пути. Сб. «30 лет Чукотского национального округа», Магадан, 1960, стр. 43.

в 1960 г. в округе имелось 30 крупных многоотраслевых колхозов.

Постепенное слияние и укрупнение колхозов явилось закономерным процессом развития социалистического строительства на Чукотке. При этом произошли весьма существенные изменения в составе отраслей хозяйства, ставших основой экономики колхозов. Организационно-хозяйственное и экономическое укрепление колхозов шло в основном по пути объединения разноотраслевых хозяйств. Это обуславливалось тем, что были товарищества чисто оленеводческие, занимавшиеся только морским зверобойным промыслом или рыболовством.

Такое одностороннее развитие их хозяйства отражало исторически сложившееся разделение труда между разными группами коренного населения Чукотки. Одним из основных путей создания многоотраслевых хозяйств и явилось объединение разноотраслевых товариществ, артелей. Объединялись чисто оленеводческие колхозы с колхозами, занимавшимися морским зверобойным промыслом или рыболовством.

Так, в с. Марково существовала смешанная промысловая артель «Ударник», не имевшая оленей. Основой ее хозяйства было рыболовство. Соседом этой артели был чукотский оленеводческий колхоз «Торвагыргын». В 1950 г. эти колхозы объединились, в результате чего образовалось укрупненное многоотраслевое хозяйство с центром в пос. Марково.²⁰ Так же произошло укрупнение колхоза им. Первого ревкома Чукотки. В 1951 г. объединились рыболовецкая артель с. Усть-Белая с оленеводческим колхозом «Знамя победы». В результате этого слияния объединилось 175 хозяйств чукчей, чуванцев, юкагиров. Происходило укрупнение и чисто оленеводческих колхозов. В результате объединения 2 колхозов, находившихся в бассейне рр. Майна и Великой, в 1950 г. образовался колхоз «Путь к коммунизму», объединивший 91 хозяйство.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов вызвало необходимость сселения и ликвидации мелких населенных пунктов. Так, в Чукотском районе на базе 17 маломощных колхозов в результате слияния образовалось 7 крупных колхозов и соответственно 7 населенных пунктов.

Такое объединение колхозов придало большую устойчивость их экономике и дало очевидные преимущества для более полного и всестороннего использования природных богатств.

Важным моментом при укрупнении колхозов явились более эффективная организация труда колхозников, более полное вовлечение их в общественно-полезный труд.

Так, с переходом на устав артели, с укрупнением колхозов начала меняться их хозяйственная структура, появились новые отрасли колхозного производства. Сложились многоотраслевые коллективные хозяйства, в которых стали сочетаться оленеводство,

²⁰ В 1960 г. этот колхоз вошел составной частью в совхоз «Марковский».

морской зверобойный промысел, рыболовство, звероводство, пушная охота и другие занятия. Экономика колхозов упрочилась, стабилизировались их доходы, а также заработки колхозников. Появились реальные возможности всестороннего улучшения условий труда, отдыха, перестройки быта колхозников.

На экономическое развитие колхозов Чукотки, рост культуры коренного населения оказало благотворное влияние развитие промышленности и транспорта. Вокруг возникли промышленные поселки, морские порты и т. п. Увеличилась численность населения. Появился широкий рынок сбыта производимой колхозами продукции оленеводства, рыболовства, кустарных промыслов.

К 1961 г. колхозы Чукотки материально и организационно окрепли, превратились в многоотраслевые хозяйства с устойчивой экономикой, что положительно сказалось на благосостоянии колхозников. Успешное развитие колхозов Чукотки во многом обязано постоянному проявлению внимания к их нуждам и запросам со стороны партии и Советского государства.

Вопросы развития хозяйства и культуры народов Севера СССР неоднократно привлекали специальное внимание Центрального Комитета КПСС и Советского правительства. Так, в 1948 г. в постановлении Совета Министров РСФСР «О работе Хабаровского Крайисполкома» в ряде пунктов сформулированы решения, касающиеся развития колхозного строительства, культуры и просвещения в национальных районах Крайнего Севера; 16 марта 1957 г. в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» указывалось на необходимость устранения имевших место недостатков, улучшения руководства хозяйственным и культурным строительством в районах Севера, усиления работы по здравоохранению, улучшению торговли, устранения недостатков и ошибок в организации хозяйственной жизни и бытовом устройстве народностей Севера, улучшения подготовки местных национальных кадров и т. п.; 3 сентября 1960 г. в постановлении Совета Министров СССР говорилось «О дополнительных мерах по развитию хозяйства и культуры народностей Севера» и др.

Организационное и хозяйственное развитие колхозов округа строится на научной основе.

Много внимания развитию всех сторон жизни Чукотского национального округа уделяют Магаданские областные организации. В 1959 г. в Магадане проведено региональное научное совещание по вопросам развития производительных сил области с привлечением специалистов — ученых в разных областях промышленности и сельского хозяйства. На совещании подробно обсуждались перспективы развития сельского хозяйства области и в частности Чукотского национального округа, а также вопросы развития культуры и быта народностей Севера.

В качестве основного направления в развитии сельского хозяйства области было намечено: на основе правильного сочетания промышленности с отраслями хозяйства коренного населения в кратчайшие сроки решить поставленную партией задачу дальнейшего подъема хозяйства и культуры малых народностей Севера, населяющих территорию области.

Основной линией развития исторически сложившихся отраслей хозяйства народностей Севера (оленоводство, охотничий, рыболовный и зверобойный промыслы) должна быть коренная техническая реконструкция этих отраслей на основе использования достижений науки и передового опыта, чтобы в ближайшие годы резко повысить производительность труда и тем самым поднять экономику всего хозяйства коренного населения.

Как увидим ниже, многое из принятых решений уже претворено в жизнь. Из сказанного не следует, однако, что все идет исключительно гладко, без всяких затруднений и отступлений. Еще много есть нерешенных вопросов. В процессе развития появляются новые, их выдвигает и решает сама жизнь.

Определился и сформировался профиль хозяйственной деятельности колхозов Чукотки. Продолжают развиваться и совершенствоваться внутриколхозные отношения. С каждым годом повышается степень обобществления производства. В неделимые фонды колхозы Чукотского округа отчисляют не 15%, как это было 2—3 года тому назад, а 20%.

Если в 1953 г. основные средства производства составляли 70 миллионов рублей, то к 1960 г. они достигли 144 миллионов рублей.

Например, в колхозах Чаунского района рост основных средств характеризуется следующими цифрами. В 1940 г. они составляли 52 563 руб., в 1945 г. — 3 163 000 руб., на первое января 1961 г. — 10 317 610 руб.

подавляющая часть неделимых фондов колхозов в настоящее время складывается из средств, накопленных в процессе производственной деятельности колхозников, в процессе расширенного воспроизводства. Все это оказывает положительное влияние на развитие хозяйства и повышение благосостояния колхозников.

Во всех колхозах введено ежемесячное денежное авансирование. Колхозы готовились (1961 г.) к переходу на денежную оплату труда.

Постепенно вводятся некоторые виды социального обеспечения — пенсии, оплаченные отпуска и т. п.

В 1960 г. стоимость трудодня в колхозах округа была следующей. Наиболее высоко оплачиваемый трудодень установился в колхозах с хорошо развитым многоотраслевым хозяйством. Например, в колхозе «Ударник» (Провиденский район) на трудодень за 1960 г. пришлось по 45 руб. (в старом исчислении) деньгами, по 1.63 кг мяса, по 0.2 кг рыбы; в колхозе «Энмытагыно» (Чаун-

ский район) — по 37.9 руб. деньгами и по 1.7 кг мяса; в колхозе «Нутэпыламын» (Иультинский район) — по 33.3 руб. деньгами, по 1.5 кг мяса и 0.7 кг рыбы.

Наиболее низко оплачиваемыми трудодни оказались в колхозах со слаборазвитыми дополнительными отраслями производства. В колхозе «Путь к коммунизму» основная отрасль хозяйства — оленеводство. Стоимость трудодня в нем за 1960 г. выразилась в 14 р. 10 к. деньгами и 1.2 кг мяса.

Значительные доходы колхозники Чукотки получают от личного подсобного хозяйства. Многие из них имеют оленей (до 50 голов на хозяйство), гладкоствольные ружья для охоты на дичь, рыболовные сетки, одноместные байдары, каюки и т. п. На начало 1959 г. в личной собственности колхозников находилось около 5500 оленей.

О повышении жизненного уровня трудящихся округа свидетельствует рост товарооборота (табл. 6). Из ряда торговых организаций, действующих в округе, Чукотторг в основном обслуживает население колхозов и совхозов.

Т а б л и ц а 6

	Тыс. руб.			
	1940 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.
Всего	27619	126569	290276	490000
В том числе:				
розничная торговля	25607	116933	268606	450000
общественное питание	2012	9636	21670	40000

Советское государство оказывало и оказывает колхозам Чукотки большую помощь. Колхозы округа полностью освобождены от налогов и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Только за последние годы (до 1961 г.) колхозам Чукотского национального округа продано тракторов, автомашин, катеров и других механизмов и оборудования более чем на 5 миллионов рублей.

Для внутрихозяйственных нужд колхозы и совхозы имеют тракторы, грузовые автомашины, электростанции, пилорамы, циркульные механические пилы, электромоторы, токарно-винторезные, вертикально-сверлильные станки, сварочные аппараты. На зверофермах имеются кормоприготовительные агрегаты, механические мясорубки, механические костедробилки, фаршемешалки и т. п. Электрической энергией приводятся в движение лебедки разного назначения, станки, электрорубанки, электросверла и т. д. и т. п. Каждый колхоз имеет свою электростанцию или пользуется электроэнергией от других электростанций.

Оснащение механизмами колхозов растет с каждым годом. Например, в колхозе им. Ленина 1 I 1961 имелось 6 стационарных двигателей, 5 тракторов гусеничных и 1 колесный, 1 пилорама, 2 токарно-винторезных станка, 1 электросварочный агрегат, 6 электростанций (в том числе передвижных 4), 24 электромотора; в колхозе «Пионер» Иультинского района — 4 трактора и 3 автомашины; в колхозе им. Первого ревкома Чукотки — 1 катер, 1 полуглиссер, 3 вельбота с моторами, 2 трактора, 2 пилуостановки циркульные, 1 пилорама, 3 электростанции (в том числе 1 передвижная), 3 электромотора и т. д. и т. п.

Развитие всех отраслей колхозного производства, строительства, механизации, улучшение условий быта ведется на основе планов. Лишь после всестороннего обсуждения и утверждения на общих колхозных собраниях планы считаются принятыми и вступают в силу.

После XXI съезда КПСС все колхозы Чукотского национального округа тщательно обсудили свои планы семилетнего развития общественного хозяйства, благоустройства жизни и быта, развития культуры.

В этих планах отражено общее стремление тружеников Чукотки бороться за достижение такого уровня производства, который позволит полностью удовлетворить потребности населения в продовольствии, а промышленности — в сырье.

В планах колхозов уделено особое внимание ускорению развития оленеводства, увеличению производства мяса и другой продукции животноводства, развитию морского зверобойного промысла, рыболовства, пушного звероводства и т. д. Например, колхоз им. Ленина Чаунского района в своем семилетнем плане предусмотрел развитие всех отраслей хозяйства. За семилетие стадо оленей колхоза увеличится почти в два раза, в 1965 г. оно должно насчитывать 19 500 голов. Добыча рыбы за этот период возрастет почти в три раза. Намного расширится звероводство, от пушного промысла колхоз планирует получить доходов в два раза больше и т. д.

Развитие всех отраслей хозяйства мыслится на основе дальнейшей механизации трудоемких работ, внедрения новых методов труда, использования научных достижений.

В 1959 г. колхоз имел один трактор, несколько рульмоторов, катер. В течение семилетки предполагается приобрести еще несколько тракторов, вельботов, катеров, автомашины. Для работы на механизмах уже готовятся кадры механизаторов. Для улучшения культурно-бытовых условий колхозников намечено построить дополнительно двадцать новых жилых домов, здания детских яслей, пошивочной мастерской, общественной столовой и др.²¹

²¹ В. Новоселов. Дела и планы заполярного колхоза. «Магаданский оленевод», Магадан, 1959, в. 3, стр. 8.

У этого колхоза планы не расходятся с делами. Если на 1 I 1959 в колхозе было 10 177 оленей, то на 1 I 1961 их уже стало 11 401. Все доходы колхоза в 1958 г. составляли 1173.3 тыс. руб., за 1960 г. они возросли до 1564.4 тыс. руб. и т. д.

Современные колхозы Чукотки по своим организационным формам, принципам учета и распределения доходов ничем не отличаются от колхозов передовых районов нашей страны. Социалистические формы хозяйства и социалистические производственные отношения прочно укоренились в жизни чукчей.

Общественно-политическое сознание колхозников Чукотки не тстает от уровня общественно-политического сознания колхозников других районов нашей страны. Среди многочисленных бригад оленеводов, морских зверобоев, строителей развернулось патриотическое движение — борьба за право называться бригадами коммунистического труда. И такие бригады есть в колхозе «Полярник» Алуэтинского района — бригада оленеводов Г. Омрыята, в колхозе им. Ленина Чукотского района это высокое звание присвоено бригаде девушек-штукатуров, которую возглавляла комсомолка Вера Кэун'эут.

Молодые коммунисты-чукчи последовали примеру высокосоциального отношения к общественному долгу В. Гагановой.

Передовых людей Чукотки волнуют по-настоящему глубоко принципиально вопросы развития основной и, пожалуй, самой сложной отрасли хозяйства — оленеводства. Здесь больше всего трудностей.

Секретарь партийной организации колхоза «Полярник» Чукотского района тов. Тынэчейвын перешел на работу в самую отстающую оленеводческую бригаду. Его примеру последовал секретарь парторганизации колхоза «Большевик» Чаунского района тов. Рагтугье. Так же поступили заместитель председателя колхоза «Вперед» Билибинского района тов. Кавракай и др. Эти товарищи подчинили личные интересы общественным, за что снискали глубокое уважение колхозников.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза поставил перед тружениками сельского хозяйства большие, но выполнимые задачи.

Для удовлетворения все возрастающих потребностей населения промышленности в продуктах сельского хозяйства Программой ПСС предусматривается увеличение общего объема сельскохозяйственной продукции за 20 лет в три с половиной раза.

После XXII съезда ЦК КПСС провел зональные совещания передовиков сельского хозяйства с участием ученых, партийных и советских работников.

В г. Хабаровске с 30 ноября по 1 декабря 1961 г. проводилось совещание работников сельского хозяйства краев и областей Дальнего Востока и Якутской АССР. На этом совещании присутствовали передовики всех отраслей сельского хозяйства Примор-

ского и Хабаровского краев, Амурской, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областей, Якутской АССР.

В свете решений XXII съезда КПСС совещание обсудило вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Якутии и вопросы увеличения продуктов земледелия и животноводства.

С патриотическим энтузиазмом труженики Чукотки борются за выполнение задач, поставленных перед разными отраслями их хозяйства и уже вносят свой вклад в дело строительства коммунизма.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 февраля 1961 г. в Чукотском национальном округе организован ряд опорно-показательных хозяйств как на базе совхозов («Канчаланский», «Певек»), так и на базе колхозов («Торваургын», им. Ленина, «Возрождение», «Ударник», «Коммунист»).

Опорно-показательные хозяйства призваны на основе обобщения опыта своей работы и работы лучших совхозов, колхозов, отдельных бригад не только пропагандировать, но и содействовать внедрению передовых методов труда, ведения хозяйства. В этих хозяйствах проводится научно-опытная работа, способствующая выявлению наиболее рентабельных путей развития сельского хозяйства округа.

Опорно-показательным хозяйствам выделен дополнительный штат специалистов, которые находятся на бюджете государства.²²

В 1929 г. в Анадыре основана сельскохозяйственная опытная станция, которая ведет работу по изучению специальных вопросов оленеводства, звероводства, пушного промысла и других отраслей хозяйства Чукотки.

За годы Советской власти проделана огромная политическая советская и хозяйственная работа на Чукотке. Коренные жители округа за короткий срок прошли такой путь, на который при других условиях им понадобились бы столетия.

Оленеводство

Для большинства колхозов Чукотского национального округа ведущей отраслью хозяйства было и остается оленеводство.

От этой отрасли общественного производства отдельные колхозы получают до 60% доходов. Из 46.7 млн руб. доходов колхозов в 1960 г. от оленеводства было получено 23.1 млн руб.

Со времени организации первых колхозов коренным образом изменилось соотношение общественной и частной собственности на оленей.

²² В. Дзодзиков. Задачи опорно-показательных хозяйств области. «Магаданский оленевод», Магадан, 1962, в. 7; С. Тупцов. План работы опорно-показательного хозяйства колхоза «Турваургын». Там же.

В 1933 г. 96.1% оленей находилась в собственности единоличных хозяйств. К концу 1940 г. обобщественное стадо оленей в округе хотя и возросло, но составляло лишь 8.7% от общего количества оленей, в то время как по другим оленеводческим районам Советского Союза в обобщественном секторе находилась почти половина оленей (49.7%).²³

На Чукотке социалистические преобразования оленеводческого хозяйства несколько задержались. Вместе с этим отставал и рост поголовья оленей в округе. С 1933 по 1940 г. прирост количества оленей в округе составил лишь 2.16%, в то время как численность оленей по всему Советскому Союзу возросла на 32.4%. Такое отставание объясняется рядом причин, в первую очередь общей низкой культурой ведения этого хозяйства.

К концу 1950 г. в социалистическом секторе Чукотки было уже 58.3% общего количества оленей; к 1954 г. в стадах колхозов и совхозов находилось уже 81.9% оленей. В последующие годы удельный вес обобщественных оленей все увеличивался и в 1960 г. достиг 87%, остальная часть оленей находится в личной собственности колхозников, рабочих и служащих совхозов. При этом рост общественного поголовья оленей в колхозах до 1952 г. шел главным образом за счет обобществления оленей вступающих в колхозы единоличных хозяйств. После же завершения коллективизации в округе поголовье оленей в колхозах стало увеличиваться за счет расширенного воспроизводства. Правда, на первых порах годовой прирост стада был все еще низким. По подсчетам специалистов, в 1954—1955 гг. численность оленей в округе увеличилась всего на 3.4% по отношению к общему их количеству.²⁴

Заметное увеличение поголовья оленей в Чукотском национальном округе началось с 1958 г. С тех пор развитие оленеводства имеет более устойчивый характер. С 1958 по 1961 г. количество оленей в обобщественном секторе Чукотского района увеличилось на 26%, в Чаунском районе с 1957 г. в колхозах и совхозе «Певек» количество оленей увеличилось на 17 779 голов, т. е. среднегодовой прирост составил 8%, в Беринговском районе за этот же период общественное поголовье оленей увеличилось на 31%. В Анадырском районе только за 1961 г. общественное стадо оленей увеличилось на 8351 голову.²⁵

В одном из крупнейших колхозов округа — им. Первого ревкома Чукотки планом предусматривалось иметь к концу 1961 г. 1 000 оленей, на 1 октября 1961 г. оказалось 32 598 голов. Такой прирост стада объясняется хорошей, налаженной работой всех

²³ Н. Н. Садовский. Оленеводство. Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956, стр. 164.

²⁴ Н. Н. Садовский, ук. соч., стр. 165.

²⁵ За 1 000 000 оленей. «Магаданский оленевод», Магадан, 1962, в. 8, стр. 3—4.

звеньев этой отрасли хозяйства, в первую очередь пастухов, бригадиров, ветеринаров и зоотехников.

Успехи в развитии оленеводства отмечены во всех районах округа.

За последние пять лет в Иультинском районе количество оленей выросло на 40%, т. е. среднегодовой прирост составил 8%. В колхозах Провиденского района среднегодовой прирост количества оленей составил 9%.

Устойчивые показатели по развитию оленеводства на протяжении ряда лет имеет колхоз им. Жданова Беринговского района (председатель колхоза тов. Рылкэу). За пять лет поголовье оленей здесь увеличилось на 36% при среднегодовом приросте стада на 7%. Колхоз сохраняет взрослое поголовье на 97—98% и получает от 100 маток 85—91 делового теленка.²⁶

Непроизводительные отходы оленей сократились с 64 000 голов в 1957 г. до 30 000 в 1960 г. Общее поголовье оленей в округе увеличилось с 410 000 в 1957 г. до 478 000 в 1960 г., а на июль 1961 г. их было более полумиллиона.

За последние три года колхозы округа более 100 000 оленей забивают ежегодно на мясо. Олениной снабжается все население округа. Анадырский, Чукотский, Провиденский, Билибинский районы полностью обеспечивают себя мясом за счет собственного производства и значительную часть вывозят в другие районы. Большое количество кожевенного сырья идет в промышленную переработку.

Таким образом, оленеводство в Чукотском национальном округе за последние годы превратилось в устойчивую отрасль общественного хозяйства, которая успешно развивается. Этому предшествовала большая и сложная работа по выявлению и внедрению наиболее рациональных методов ведения оленеводческого хозяйства. На первом месте в этой связи стояли такие задачи, как укрупнение колхозов, переход на оседлость большей части семей оленеводов, преодоление однобокости хозяйственного развития колхозов и другие мероприятия.

С укрупнением колхозов встал вопрос о расширении комплекса хозяйственных занятий. Ряд колхозов Чукотского, Провиденского и Иультинского районов не имели оленей. Основу их хозяйственной деятельности составлял морской зверобойный промысел и пушная охота. Эти виды хозяйственных занятий не обеспечивали постоянной устойчивости экономики колхозов. С помощью государства «9 колхозов этих районов приобрели оленей и стали заниматься оленеводством»,²⁷ другие слились с оленеводческими колхо-

²⁶ Претворим в жизнь решения январского Пленума ЦК КПСС. Сб. «За 1 000 000 оленей», Магадан, 1961, стр. 10.

²⁷ А. А. Баранов. Состояние и перспективы развития оленеводства в Магаданской области. Сб. «За дальнейший подъем оленеводства», Магадан, 1958, стр. 6.

зами. Таким образом, все колхозы Чукотского национального округа включили в комплекс своих хозяйственных занятий оленеводство. Это обстоятельство благотворно сказалось на развитии экономики колхозов, всех вообще отраслей их хозяйства, в том числе оленеводства.

Огромное значение в деле успешного развития чукотского оленеводства имело налаживание ветеринарно-зоотехнического обслуживания. На каждую группу оленеводческих бригад (3—5) имеется олентехник. На все стада колхоза или ряда колхозов, если их стада немногочисленны, имеется ветеринарный врач, ветеринарная аптека с необходимыми инструментами и медикаментами. В округе работает более 100 специалистов по оленеводству.

С 1956 г. начала внедряться противооводная обработка путем опрыскивания оленей химическими препаратами (ДДТ и гексахлораном). Почти все стада колхозов и совхозов обрабатываются по несколько раз за лето. Развернулась работа по борьбе с заболеваниями оленей (копыткой), по борьбе с волками. Советское правительство оказывает Чукотскому национальному округу в этом отношении большую помощь. По специальному постановлению Совета Министров РСФСР для борьбы с оводами, копыткой и волками Чукотскому округу ежегодно выделяется из средств Госстраха 900 000 руб. (в старом исчислении).²⁸

Весьма положительное значение имело введение дополнительной оплаты труда оленеводов, которая в значительной степени подняла их материальную заинтересованность. Например, за 1958—1959 гг. оленеводам Чукотки в виде дополнительной оплаты было выдано 7810 голов оленей.

Наряду с изменением организации труда оленеводов, его упорядочением (установление посменных дежурств в стаде) проводилась работа по облегчению их труда. Во многих колхозах и совхозах округа успешно используются оленегонные лайки. Впервые они были завезены на Чукотку из Ненецкого национального округа в 1936 г. В округе организован питомник оленегонных лаек.

В начале 1961 г. в колхозах и совхозах Чукотки было около 300 оленегонных лаек. В совхозах «Марковский» и «Омолон» практикуется использование оленей под вьюком, в совхозе «Анадырский» и «Канчаланский» применяется ненецкий тип упряжки и езда на оленях летом.

Повсеместно используют стационарные и переносные корали.

Улучшились культурно-бытовые условия оленеводов, медицинское обслуживание, культурно-политическая работа с ними и т. п.

Обобщению и распространению опыта работы лучших оленеводов, бригад, колхозов было посвящено совещание передовиков Магаданской области, состоявшееся в 1956 г.²⁹ В 1958 г. состоя-

²⁸ В. Устинов. Оленеводство на Чукотке. Магадан, 1956, стр. 143.

²⁹ Краткое изложение материалов совещания опубликовано в сб. «Из опыта передовиков-олeneводоB» (Магадан, 1957).

лось в Магадане межобластное совещание оленеводов, в котором приняли также участие лучшие бригадиры и пастухи колхозов Чукотки.³⁰

Начиная с 1958 г. в Магадане выходит бюллетень «Магаданский оленевод», где широко популяризируется опыт лучших оленеводов области, публикуются советы специалистов, письма оленеводов и т. п.

Эти и другие мероприятия способствовали заметному повышению продуктивности оленеводства в Чукотском национальном округе.

Отдельные колхозы, многие пастухи и бригадиры Чукотки добились значительных успехов в своей работе. В 1954 г. 23, в 1955 г. — 60 передовых оленеводов округа были участниками Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки.³¹ В 1957 г. во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке принимало участие 195 оленеводов и специалистов сельского хозяйства. За четыре года (1954—1958) девяти оленеводам — участникам выставки присуждены дипломы II степени. Пять лучших оленеводов награждены Большой золотой медалью, десять — Малой золотой медалью, четырнадцать — Большой серебряной медалью и 40 — Малой серебряной медалью.³²

В округе появились мастера — энтузиасты оленеводства. Они успешно сочетают в своей повседневной работе достижения науки с производственным опытом своим и своих товарищей. Уже немало таких передовиков оленеводства в округе. Тов. Арэнто — молодой коммунист, член обкома КПСС. Он возглавляет комсомольско-молодежную бригаду в совхозе «Канчаланский». Он и его товарищи по бригаде любят оленеводство. Эта бригада строго выполняет зооветеринарные правила по содержанию оленей и поэтому на протяжении ряда лет систематически добивается высоких производственных показателей. На 1 октября 1961 г. бригада сохранила 99% взрослых оленей и на каждые сто оленематок получила 96 телят.

Не менее успешно работает бригада оленеводов под руководством тов. Кавракай, бывшего заместителя председателя колхоза, перешедшего на работу в самую отстающую бригаду.

На XXII съезде партии отмечалось, что новый этап в развитии сельского хозяйства требует поднять на более высокую организационную ступень распространение передового опыта, чтобы он стал по-настоящему массовым и действенным.

Передовые оленеводы Чукотки практическими делами отвечают на решения XXII съезда партии.

³⁰ Материалы этого совещания вошли в сб. «За дальнейший подъем оленеводства» (Магадан, 1958).

³¹ В. Устинов. Оленеводство на Чукотке. Магадан, 1956, стр. 5.

³² А. А. Баранов, ук. соч., стр. 7.

В опорно-показательном совхозе «Канчаланский» накоплен богатый опыт по умелому содержанию оленей. Пастухи и бригады этого совхоза охотно делятся своим опытом с другими оленеводами. В совхозе «Канчаланский» организованы 3 школы передового опыта у знатных бригадиров Арэнто, Томчило и Таёургына. В 1961 г. у них обучалось 9 человек. Школа передового опыта организована также у лучшего бригадира опытно-показательного колхоза «Торвагыргын» Григория Кайо. В 1961 г. у него обучалось 8 человек, в 1962 г. — 10 человек.³³

Успехи развития оленеводства на Чукотке очевидны. Однако не менее очевидны трудности, которые возникают перед этой отраслью колхозного производства. Оленеводство все еще остается наиболее трудоемкой отраслью хозяйства. В 1960 г. 51% трудодней по округу затрачен в оленеводстве, а доход от этой отрасли хозяйства составил 43% от общей суммы доходов колхозов. Такой разрыв или несоответствие между количеством затраченного труда и доходами объясняется тем, что оленеводство до настоящего времени не получило технического оснащения. Выпас и охрана оленей на протяжении всего года осуществляются силами пастухов. Механизированных процессов труда в оленеводстве почти нет. Опыт применения тракторов пока не дал определенного экономического эффекта.

Первые начинания использования тракторов в оленеводстве были положены в 1958 г. в колхозе им. Ленина Чукотского района. В 1960 г. в округе было организовано 9 механизированных бригад: в колхозах им. Ленина (Чукотский район), «Возрождение» (Иультинский район) и в колхозе им. XXII съезда КПСС (Анадырский район). Ни одна из них не провела полного годового цикла выпаса оленей с применением тракторов. Использование тракторов для перекочевки натолкнулось на ряд трудностей, рациональные пути преодоления которых пока не найдены.

Опыт колхоза им. Ленина и других показал, что обычный трактор не удовлетворяет необходимых требований эксплуатации в тундровых условиях. Сконструированные и построенные на месте передвижные домики оказались непрактичными. Они не выдерживают длительного передвижения по бездорожью, расшатываются и становятся непригодными для использования.³⁴

³³ За 1 000 000 оленей. «Магаданский оленевод», 1962, в. 2, стр. 4. Распространение опыта лучших оленеводов получило отражение в специальной серии брошюр «Опыт передовиков в массы», издаваемых Магаданским издательством на чукотском и русском языках. Например: «Опыт бригадира Томчило всем оленеводам» (Магадан, 1958); «Канчаланские оленеводы» (сб. статей об опыте оленеводов совхоза «Канчаланский», Магадан, 1961); «Передовики оленеводства Магаданской области» (Магадан, 1962) и др.

³⁴ О состоянии и нуждах механизации оленеводческого хозяйства колхоза им. Ленина см.: Ю. Егоров. Так утверждается новое. «Магаданский оленевод», 1960, в. 5, стр. 19—22.

Несмотря на некоторые неудачи, механизированный выпас оленей показал, что он несет ряд преимуществ организационно-хозяйственного и экономического порядка, облегчает труд оленеводов, улучшает их культурно-бытовые условия. Этому же служат промежуточные базы.

Механизация остается одной из главных проблем оленеводческого хозяйства Чукотки.

Рыболовство

Промышленное рыболовство в Чукотском национальном округе получило широкое развитие лишь в результате организационного и хозяйственного укрепления колхозов, в результате их укрупнения. До этого промышленным рыболовством занимались немногие колхозы, расположенные по Анадырю, на устье Хатырки, в Мэйн'ыпилгыне.

В других колхозах округа рыболовством занимались только для удовлетворения внутрихозяйственных потребностей; в лучшем случае заготавливалось некоторое количество пищевой и кормовой юколы. Колхозы Чукотского района вообще не занимались общественным рыболовством.

Промышленное рыболовство начало развиваться в первую очередь в тех артелях, которые находились поблизости от рыбоперерабатывающих заводов: устье Анадыря, Мэйн'ыпилгын. В те годы сами колхозы не занимались переработкой рыбы, а сдавали ее на заводы в сыром виде. Например, промысловая артель в Мэйн'ыпилгыне в основном занималась рыболовством и пушным промыслом. Из части добываемой рыбы кеты артель готовила юколу, но большую часть сдавала в сыром виде на завод.

Заготовлено юколы и продано на рыбоконсервный завод рыбы (кеты) по годам:³⁵

Годы	Заготовлено юколы (в шт.)	Продано рыбы заводу (в шт.)
1933	5000	15000
1934	16000	24145
1935	22054	32425

В 1935 г. артель имела 18 сетей, 2 невода и 2 лодки. Вообще обеспеченность рыболовным инвентарем была на первых порах недостаточной. Все оседлое население ныне Беринговского района имело лодок 5, байдар 5, неводов (закидных) 8, сеток ставных 26, сеток «толкачей» 2.

Рыболовство в других районах округа было развито еще меньше. Водоемы округа богаты видами и запасами рыб. Здесь водятся сельдь, частик, лососевые (кета, горбуша, нерка и др.),

³⁵ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 256, л. 36.

осетровые, хариусовые, сиговые (муксун, сырок, сиг, щекур, омуль и др.), тресковые (треска, навага, налим), камбала и др.

Начиная с 1956 г. заметно расширилась эта отрасль колхозного производства. Добыча и переработка рыбы приобрели промышленный характер, и что ново — колхозы сами ведут переработку рыбы.

Интенсивное развитие рыболовства стало возможным в результате технического оснащения этого промысла, в результате подготовки соответствующих кадров. Колхозы округа на конец 1960 г. имели неводов малых (до 250 м) — 148, неводов средних (от 250 до 500 м) — 32, неводов больших (более 500 м) — 158, сетей ставных — 898, сетей плавных — 368, катеров разных — 15, моторных лодок 23, вельботов с рульмоторами 14 и т. п.

В колхозах, расположенных на побережье Берингова моря и рек, впадающих в него, теперь имеются большие ставные морские невода, капроновые сети, морские катера и кунгасы. Появились специалисты по засолке икры и рыбы, по копчению, по изготовлению и ремонту тары и т. п. Колхозы построили большие ледники, в которых замораживается добываемая летом рыба, где она может храниться долгое время. Так, в леднике колхоза им. Первого ревкома Чукотки в августе 1961 г. находилось около 25 тонн нельмы, добытой еще весной.

Начиная с 1956 г. рыболовство в округе стало выдвигаться в число основных отраслей общественного хозяйства. Если в 1950 г. было добыто 8107 ц рыбы, то в 1956 году — уже 16 778 ц, а в 1959 г. — 22 355 ц.

Соответственно повышается удельный вес доходов от рыболовства. В 1956 г. колхозы округа получили от рыболовства 1 093 тыс. руб., а в 1959 г. денежные доходы от рыболовства составили 4 745,5 тыс. руб. За 1961 г. только один колхоз им. Первого ревкома Чукотки получил 230 тыс. руб. дохода (в новом исчислении).

Рыболовство — одна из самых высокодоходных отраслей общественного хозяйства, с наиболее передовыми методами производства. Именно в этой области наметилось и осуществляется кооперирование ряда колхозов. В 1961 г. уже действовали межколхозные рыбоперерабатывающие базы на устье Анадыря, на озере Аччён, в Усть-Чауне. На устье Анадыря колхозы им. XXII съезда КПСС, им. Первого ревкома Чукотки и «Путь к коммунизму» основали межколхозную рыбоперерабатывающую базу.

Насколько выгодно заниматься колхозам рыболовством, можно судить по следующим данным. В оленеводстве трудодень дает 5 р. 10 к., а в рыболовстве — 10 р. 50 к.³⁶ При значительно меньших затратах труда, чем в оленеводстве, рыболовство обеспечивает высокую и непосредственную доходность. Так, например,

³⁶ Здесь и ниже денежное выражение дается в старом исчислении.

в колхозе им. Первого ревкома Чукотки в оленеводстве (колхоз имел около 25 000 оленей) в 1960 г. было занято 98 человек, доход от этой отрасли хозяйства составил 958 600 руб., или 39,7% от общей суммы доходов колхоза; в рыболовстве было занято 40 человек; доход от этой отрасли производства составил 904 480 руб., или 37,5%.

Рыболовством как общественным производством начинают заниматься почти все колхозы. Оно имеет богатые перспективы. Развитие этой отрасли хозяйства не требует больших финансовых вложений, ее организация вполне доступна каждому колхозу без особых субсидий.

Во многих колхозах округа организован и успешно ведется подледный лов рыбы. На месте таких промыслов строятся жилые дома, помещения для хранения рыбы и т. п.

При достигнутом уровне добычи рыбы можно полностью удовлетворить потребность населения округа в рыбопродукции.

С развитием рыболовства колхозы получили еще один источник доходов. Кроме того, на основе рыболовства и морского зверобойного промысла в сочетании с оленеводством перед колхозами открылась возможность организации новой отрасли хозяйства — клеточного звероводства.

Так в колхозах Чукотки расширяется сфера общественного производства, более рентабельно используются природные богатства, выявляются резервы повышения доходности колхозов и более полного вовлечения колхозников и колхозниц в общественное производство.

Развитие рыболовства несколько сдерживается в отдельных пунктах Чукотки затруднениями, которые испытывают колхозы с переработкой и реализацией рыбы. Еще не обследованы полностью внутренние водоемы, не выявлены запасы рыбы в них, не установлена их промышленная продуктивность.

Рыболовство в колхозах Чукотки быстро превращается в неременную отрасль их общественного производства. Для этого имеются все основания.

Как подсобное занятие, рыболовство сохраняется в оленеводческих бригадах и в колхозах, не занимающихся общественным рыболовством. Для этого колхозники имеют сети, вентери, морды, удочки, марики. Рыба, которую они добывают, идет исключительно на питание.

В колхозах, где организовано общественное питание, индивидуальная добыча рыбы не производится. Надобность в этом отпала.

Морской зверобойный промысел

Морским зверобойным промыслом занимаются 26 колхозов округа. Почти 700 охотников, организованных в 96 бригад, ведут добычу морских млекопитающих.

Наиболее важное хозяйственно-экономическое значение этот промысел имеет для колхозов, расположенных на побережье Берингова и Чукотского морей. В ряде колхозов Чукотского и Провиденского районов морской зверобойный промысел является основным источником доходов. Например, в колхозе «Красная Звезда» Чукотского района доходы от морского зверобойного промысла составляют около 80%, в колхозе «Новая заря» Провиденского района — около 75%, свыше 30% доходов от морского промысла получают колхозы им. Ленина, «Герой труда» и «Вперед» Чукотского района, «Новая жизнь», «Ударник» — Провиденского района.

В Иультинском районе от морского зверобойного промысла колхозы получают от 10—12% до 25% (колхоз «Возрождение») доходов. Преимущественно внутрихозяйственное значение имеет морской зверобойный промысел в колхозах Билибинского (бывшего Восточно-Тундровского) и Чаунского районов. Доходы от этого промысла здесь не превышают 1—5%.

В Чукотском и Провиденском районах добывают моржей, большое количество нерп и лахтаков, белух. Колхозы Иультинского района добывают немного моржей, в основном лахтаков и нерп, а колхозы Билибинского и Чаунского районов — преимущественно нерп.

Со времени организации первых колхозов на побережье в морском зверобойном промысле произошли существенные изменения. Из полунатуральной отрасли хозяйства этот промысел превратился в доходную отрасль колхозного производства.

В 1960 г. было добыто несколько десятков тысяч центнеров морского зверя. Насколько этот промысел важен в хозяйстве коренного населения округа, видно из того, что колхозами округа за тот же 1960 г. было получено немногим больше оленьего мяса в живом весе.

Продукция морского зверобойного промысла является основой кормовой базы клеточного звероводства, ездового собаководства.

Помимо продуктов питания, материала для обуви и одежды морской промысел дает значительный выход товарной продукции, которая из года в год повышается. Колхозы Чукотского национального округа (в основном Чукотского и Провиденского районов) продают государству большое количество жира, шкур нерп, лахтаков, моржей.³⁷

Успешное развитие морского зверобойного промысла во многом зависит от технического оснащения колхозов.

Большую помощь в техническом перевооружении морского зверобойного промысла, в переработке продукции оказывали и оказывают колхозам Чукотки Пloverский и Мечигменский зверобойные комбинаты, обслуживающие 21 колхоз. Они имеют зверобойные

³⁷ Сельское хозяйство Магаданской области. Магадан, 1956, стр. 106.

шхуны, катера, сейнеры и мотоботы, моторные вельботы и другие плавучие средства.

На договорных началах колхозы получают в зверокомбинатах на сезон охоты вельботы и моторы к ним, оружие, боеприпасы, горючее, смазочные материалы и т. п.

Значение комбинатов не ограничивается только технической помощью колхозам. В 1942 г. в поселке Пlover, где был расположен первый на Чукотке зверобойный комбинат, была организована школа подготовки руководящих колхозных кадров.³⁸ Здесь же было положено начало подготовке кадров механизаторов и специалистов зверобойного промысла. Сотни чукчей и эскимосов прошли через эти своеобразные школы. Так были подготовлены квалифицированные кадры мотористов, механиков, радистов, токарей, слесарей. Некоторые из них работают капитанами катеров, начальниками механических мастерских. Во всех колхозах округа имеются свои мотористы, трактористы и т. п.

В колхозах, где ведется значительный промысел морского зверя, начато строительство механизированных разделочных площадок, жиротопных заводов. Для вытаскивания зверя на берег применяются электрические лебедки. В ряде колхозов площадки оборудованы узкоколейной дорогой с вагонетками на электрической тяге. Для переработки сала-сырца имеются вальцовые установки, которые приводятся в движение электроэнергией. С помощью этих установок отжимается жир. Перегонка жира производится в электрических и водяных котлах и т. п.

В переработку продуктов зверобойного промысла все больше внедряется техника, механизмируются трудоемкие работы, улучшается технология переработки продуктов промысла. Строятся ледники для хранения мяса и т. п. Все это дало возможность колхозам значительно повысить денежные и натуральные доходы.

В настоящее время морской зверобойный промысел занимает следующее после рыболовства место в доходах колхозов округа.³⁹

Наряду с новым техническим оснащением морского промысла еще бытуют некоторые старые орудия. Из прежних орудий промысла сохранились гарпуны, байдары, ледовые сани из клыков моржа, так называемые *пыгыг* — буи из цельноснятой шкуры нерпы, надутой воздухом, и др. Наконечники гарпунов значительно упростились. Они делаются теперь целиком из металла. И насад, и колок, и наконечник составляют одно целое. Конусообразная втулка, образующая насад, надевается на металлический стержень в древке гарпуна. В верхней части конуса втулки имеется отверстие для петли, к которой крепится линь. Сам наконечник сохра-

³⁸ М. Бойко, ук. соч., стр. 43.

³⁹ Описание морской фауны Чукотского и Берингова морей, приемов и орудий охоты дается в следующих работах: И. И. Тихненко. Морской зверобойный и рыбный промысел. Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956; К. Я. Безумов. Промысел морского зверя. Магадан, 1960.

нил принцип старого поворотного гарпуна, но устроен несколько иначе.

Вместо обычного *пыглыг*, который прикрепляется к линю гарпуна, теперь чукотские зверобой пользуются удобными буями из прорезиненного брезента фабричного изготовления. Они легче, надуваются насосом (а не ртом, как старый *пыглыг*) и не намокают. Вместо ременного линя используют веревку или тонкий эластичный тросик и т. п.

В Беринговском районе начали применять новый способ добычи нерпа при помощи крючка с насаженной на него приманкой. Пользуясь этим орудием, нерпу можно ловить в течение всего лета. Следует отметить, что в этой области колхозного производства остается ряд нерешенных вопросов.

Все береговое оборудование (жиротопных заводов, разделочных площадок и т. п.) составляет собственность колхозов, наряду с этим очень мало имеется в собственности колхозов плавучих средств, моторов к ним, орудий охоты на морского зверя и т. п.

Стремление применять механические средства на разных работах, умение приспособить механизм характерно для большинства чукчей. Они понимают и ценят технические нововведения. Их не удовлетворяют старые приемы добычи зверя. В настоящее время разрабатываются проекты ловушек для добычи мелких морских млекопитающих.

Клеточное звероводство и другие отрасли сельского хозяйства

На базе морского зверобойного промысла, рыболовства, отчасти оленеводства широкое распространение получило клеточное звероводство (серебристые лисицы, голубые песцы, норки). Зверофермы имеются в большинстве колхозов. Клеточное звероводство — одна из самых молодых отраслей колхозов округа.

Первые серебристо-черные лисицы были завезены на Чукотку в 1955 г. Тогда же были организованы зверофермы в колхозах им. XII съезда КПСС Анадырского района, им. В. И. Ленина Чукотского района, «Угляхтак» Иультинского района. В 1960 г. были завезены голубые песцы и норки.

Развитие звероводства в округе получило начало в прибрежных колхозах, где основу хозяйственной деятельности составлял морской зверобойный промысел и рыболовство. В этих колхозах не находили рентабельного использования некоторые продукты промысла (мясо, кости и пр.). С развитием клеточного звероводства открылись возможности экономически более выгодно использовать продукты зверобойного промысла, тем самым повысить его товарность и доходность.

Эта новая, перспективная отрасль хозяйства велась далеко не во всех колхозах успешно. Не везде были готовы помещения звероферм, не было достаточного количества клеток, не все благо-

получно обстояло с заготовкой и хранением кормов и т. п. Отставала и подготовка кадров специалистов.

Клеточное звероводство в 1960 г. оказалось наиболее отстающей отраслью сельского хозяйства. Из 23 звероферм округа только 2 дали прибыль.

Эта отрасль хозяйства имеет большие перспективы. Наличие достаточной кормовой базы позволяет значительно увеличить поголовье зверей. Округу ставится задача в ближайшие годы сделать звероводство одной из ведущих отраслей колхозного производства. Звероводством будут заниматься колхозы всех районов, но больше в Чукотском, Провиденском, Иультинском, Анадырском и Беринговском районах, где добывается морской зверь и рыба.

Забота об улучшении питания колхозников, рабочих и служащих привела к необходимости организации на Чукотке животноводства и птицеводства.

В ряде колхозов Анадырского, Билибинского, Провиденского и других районов организованы небольшие животноводческие фермы. Они призваны снабжать население свежими молочными продуктами, в первую очередь лечебные учреждения, детские ясли и сады, интернаты. Имеются животноводческие фермы и в ряде совхозов, где они значительно больше, чем в колхозах. Грубые корма заготавливаются в достаточном количестве в поймах рек, по берегам озер, а все концентрированные корма завозятся из Владивостока. Это — убыточная для колхозов отрасль хозяйства, так как себестоимость продуктов животноводства получается высокой и колхозы реализуют их ниже себестоимости. На такие расходы колхозы идут сознательно, полагая, что забота о здоровье людей — первостепенная задача.

Многие взрослые чукчи с некоторым чувством безразличия относились к коровьему молоку и мясу. Однако чукотские дети по достинству оценили вкусовые и питательные качества свежего молока и других продуктов. Они без всяких предубеждений, с удовольствием пьют парное молоко.

В конце 50-х годов колхозы начали создавать птицефермы, где содержат кур. Опыт их содержания на Чукотке уже имеется. В поселке Беринговский несколько лет успешно работает птицеферма, на которой содержится 8000 кур. В 1960 г. здесь получено по 107 яиц на одну несушку. Имеются птицефермы в Провидении, Анадыре. Колхоз «Торвагыргын» Билибинского района также организовал птицеферму, на которой более 1000 несушек. В условиях сурового климата Чукотки куры чувствуют себя хорошо. В ближайшие годы проектируется создание птицеферм в ряде других колхозов и совхозов, что вполне возможно, так как округ

располагает достаточным количеством местных белковых кормов.

Некоторое развитие получило и овощеводство. Наиболее успешно оно ведется в совхозе «Марковский», где выращиваются хорошие урожаи капусты и картофеля. Помимо удовлетворения своих потребностей, часть овощей и картофеля совхоз продает в Анадырь и другие пункты.

Пушной промысел и другие отрасли производства

Вместе с коллективизацией складывались новые условия развития пушного промысла на Чукотке, вообще вся организация этой важной отрасли хозяйства округа. По существу этот промысел получил широкое и организованное развитие лишь в результате коллективизации.

Коренное население Чукотского, Провиденского, Беринговского районов совершенно не применяло и не знало никаких местных ловушек на пушных зверей. Пушной промысел был развит слабо. Например, в охотничий сезон 1935/36 г. все оседлое население Беринговского района добыло 9 песцов, 33 красных лисицы, 2 сиводушки, 8 росомых, 1 волка, 1 горноста и 25 зайцев.⁴⁰ Эти цифры свидетельствуют о весьма слабом развитии пушного промысла.

С первых шагов Советской власти на Чукотке установлены определенные сроки охоты, введены в действие правила, предупреждающие неразумное, бесхозяйственное ведение промысла. Была начата большая работа по восстановлению уничтоженного в результате хищнического истребления в прошлом соболя. С 1953 по 1955 г. в верховьях Анадыря и Омолона было выпущено более 150 соболей. Они хорошо прижились и широко расселились.⁴¹ С 1960 г. уже представилось возможным начать охоту на них, пока по лицензиям.

В целях создания устойчивого характера пушного промысла начата работа по обогащению охотничье-промысловой фауны округа. В 1951 г. выпущена и акклиматизировалась ондатра, с 1955 г. уже был разрешен ее промысел.⁴²

В лесные районы Анадыря и его притоков в 1955 г. была выпущена партия восточных норок.⁴³ Начиная с 1960 г. уже разрешен, пока по лицензиям, промысел норки.

Так при помощи государства налаживается плановое ведение пушного хозяйства в Чукотском национальном округе. Оно ведется на основе современных достижений охотоведческой науки.

⁴⁰ Архив ИЭ АН СССР, колл. V, оп. 1, д. 256, л. 9.

⁴¹ Д. А. Г у б е р. Пушное хозяйство. Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956, стр. 203.

⁴² Там же, стр. 203.

⁴³ Там же, стр. 205.

Пушным промыслом занимаются во всех колхозах округа. В них сформировано 98 бригад, в которые входит около 500 охотников. Кроме того, ведут охоту работники совхозов, любители. В денежных доходах некоторых колхозов пушной промысел достигает почти 40%.

В округе добывается главным образом песец, белка, лисица, горноста́й. Волки, росوماхи, выдры добываются в небольшом количестве экземпляров. Песцов добывают в основном пастями и капканами. В распоряжении охотников округа имеется более 33 тыс. капканов.

Большого успеха в добыче песцов пастями добился уроженец Нижнеколымска (с детских лет проживающий в Чаунском районе) В. Ф. Мальков.⁴⁴ Его опыт распространяется и закрепляется в других районах округа. Если в 1951 г. в округе использовали 171 пасть, то в 1955 г. — 717, а зимой 1960/61 г. — 1162.

Еще больших успехов в добыче песцов добился член колхоза «Большевик» Чаунского района И. И. Аръэ. Он пользуется исключительно капканами. За зиму 1952/53 г. Аръэ добыл 130 песцов, а за сезон 1953/54 г. — 196.⁴⁵ Он — участник ВСХВ 1954 г.; Главный комитет ВСХВ наградил И. И. Аръэ Малой золотой медалью. Тов. Аръэ является новатором в охотничьем промысле на песца. По мнению специалистов-охотоведов, его опыт заслуживает самого широкого распространения не только на Чукотке, но и на всем Севере нашей страны.⁴⁶ Опыт лучших охотников распространяется среди колхозников Чукотского округа.⁴⁷

Много нового, передового применяется охотниками Чукотки при добыче песца. Повсеместное распространение получила подкормка. Передовые охотники Чукотки стали выкладывать подкормку для песцов не только осенью и зимой (с целью задержать зверьков на охотничьих участках), но и весной, чтобы подкармливать песцов и их приплод в наиболее трудный для них период.

Так, в сезон 1946/47 г. было выложено мяса морских животных для подкормки 203 т, в 1951/52 г. — 193 т, в 1952/53 г. — 211 т, в 1953/54 г. — 236 т, в 1954/55 г. — 221 т, в 1960/61 г. — 324 т.

Новаторство в пушном промысле продолжает развиваться. На основе изучения повадок песцов применяется новый, «гнездовой» метод выкладки приманок.

⁴⁴ В. Ф. Мальков — участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1954 г. О своем опыте охоты он рассказывает в брошюре «Песец — богатство заполярья» (Магадан, 1960).

⁴⁵ Д. А. Г у б е р, ук. соч., стр. 208.

⁴⁶ Подробное изложение приемов охоты И. И. Аръэ и В. Ф. Малькова дано в брошюре оховеда В. Зиссера «Добыча песца» (Магадан, 1955).

⁴⁷ И. В. Гу щ и н, А. И. А ф а н а с ь е в. Чукотский национальный округ. Магадан, 1960, стр. 46—47.

В колхозах Чаунского и других районов созданы мастерские по доработке шкурок песцов и других зверей; в них хорошо просушивают шкурки, очищают волосяной покров от загрязнений. Качество пушнины повышается. Такие мастерские вполне себя оправдывают.

Второе место в пушном промысле округа занимает белка. Она добывается в Анадырском и Билибинском районах, и в их лесной части. На белку охотятся при помощи мелкокалиберного ружья.

В последние годы более широкое применение в округе получили чирканы. Это наиболее совершенное орудие при охоте на горностая. В зиму 1951/52 г. был «неурожай» песцов. В колхозе им. Жданова (Беринговский район) охотовед Ю. С. Егоров показал колхозникам-чукчам, как можно изготовить чиркан и как им можно добывать горностая. Благодаря применению чирканов колхоз добился выдающихся успехов — план добычи горностая был выполнен на 800%.⁴⁸

Для добычи зайцев, которые водятся во всех районах округа, применяются проволочные петли.

Все охотники используют огнестрельное нарезное оружие.

В 1952 г. разнокалиберное устаревшее оружие разных систем (американское и японское) было заменено оружием отечественных образцов — винтовками, карабинами, полуавтоматами, мелкокалиберными винтовками ТОЗ.

В колхозах округа для охотников созданы и продолжают создаваться условия, благоприятные для их труда и отдыха. Для них построены охотничьи избышки. К началу 1961 г. их было 163. Они оборудованы печами, в них имеются запасы продовольствия, топлива, керосина и т. п.

Охотников обслуживает развозной торг.

Новые методы ведения охоты, ее организация не замедлили положительно сказаться на результатах. Если количество заготовленных в 1926 г. песцов принять за 100%, то в 1940 г. оно составило 255, а в 1950 г. — 303%.⁴⁹ То же происходило с добычей белки и горностая.

Ежегодно колхозы Чукотского национального округа продают государству пушнины более чем на 200 тыс. руб.⁵⁰ По сравнению с 1940 г. добыча пушнины увеличилась почти в два раза. В 1940 г. было добыто пушнины на 144 тыс. руб., в 1959 г. — на 271 тыс. руб. Значительно увеличилась добыча горностая, лисицы, зайца.

Новым для пушного промысла Чукотки является участие в нем женщин. Блестящих результатов добилась член колхоза «Возрождение» Иультинского района Клара Каляна. Это комсомолка,

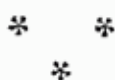
⁴⁸ Д. А. Г у б е р, ук. соч., стр. 209.

⁴⁹ Там же, стр. 200.

⁵⁰ Здесь и ниже стоимость добытой пушнины дается в новом исчислении денег.

неутомимая охотница, научившаяся искусству промысла у своего отца. В сезон 1959/60 г. она выполнила 5 годовых планов. За успехи в пушном промысле ей присвоено звание Героя социалистического труда.⁵¹

За последние 30 лет пушной промысел в колхозах Чукотки превратился в организованную плановую отрасль общественного хозяйства.

Во всех колхозах округа в той или иной мере занимаются кустарными промыслами. Имеются пошивочные мастерские, в которых из местного сырья изготавливают меховую одежду (кухлянки, стаканчики, брюки, камлейки, непромокаемые камлейки из кишок моржа, шапки, рукавицы), обувь (зимние и летние торбаза, чажи, домашние туфли), спальные мешки (кукули), палатки, полога и т. п.

Большую часть производимой одежды и обуви колхозы используют для нужд своего населения, преимущественно оленеводов.

В Анадырском и Билибинском районах, в тех местах, где растет лес, занимаются изготовлением грузовых и легковых нарт, которые продают в безлесные районы округа, делают мебель.

Переход на оседлость оленеводов Чукотки

Первостепенное значение в экономическом и культурном развитии оленеводов Чукотского национального округа имел переход на оседлость. Без перехода на оседлость основной массы оленеводов было бы невозможно создание ряда новых отраслей общественного производства, создание многоотраслевых экономически устойчивых хозяйств.

Помимо организационно-хозяйственного значения, переход на оседлость имел решающее значение для культурного развития бывших кочевников. Оседлый быт способствует лучшему удовлетворению растущих хозяйственных, бытовых, культурно-политических потребностей, обеспечивает успешное развертывание социалистического строительства.

Содействие переходу на оседлость кочевого населения — претворение в жизнь одного из звеньев ленинской национальной политики.

Культурное строительство среди оленеводов Чукотки и преобразование их быта отставали от экономического развития округа

⁵¹ Ю. Р ы т х э у. Конергынская волшебница. Магадан, 1960; Д. К е л л ы. Первенство Клары Каляна. «Магаданский оленевод», Магадан, 1960, в. 4, стр. 15.

в целом. Главными препятствиями для всестороннего освоения современных достижений культуры оленеводами тундры служили их кочевая жизнь, отсталые методы и приемы ведения оленеводческого хозяйства, которое до недавнего времени держалось исключительно на физическом труде человека, без применения какой-либо техники, каких-либо нововведений.

Успехи колхозного строительства в Чукотском национальном округе создали реальные предпосылки для перехода на оседлость значительной части оленеводов, для постепенного прекращения бытового кочевания и, следовательно, для быстрого приобщения всего коренного населения к культурно-политическим и хозяйственным достижениям передовых районов нашей Родины.

Оседание чукчей-оленеводов наблюдалось и в дореволюционное время. Однако в тех условиях переход на оседлость кочевников-оленеводов был прежде всего стихийным процессом, являвшимся следствием потери оленей. Хозяйство оленевода тундры во многом зависело от разных случайностей, приводивших его к разорению. Гололедица, эпизоотии, нападение волков, распад семьи и даже непродолжительная болезнь пастухов стойбища выводили из равновесия хозяйство. Без присмотра стадо разбредалось, олени терялись, и бывший стадовладелец оказывался нищим. Он либо становился приживальщиком-батраком на стойбище богатого оленевода, либо выходил на побережье моря или берег реки и там оседал. При этом переход на оседлость сопровождался продолжительным и весьма трудным процессом приспособления к новым видам хозяйственной деятельности — рыболовству или морскому зверобойному промыслу.

В условиях социализма переход на оседлость является целенаправленным действием, смысл которого заключается в коренном изменении всей хозяйственной и культурной жизни кочевников-оленеводов. Переход к оседлости в условиях социалистического строительства происходит при сохранении основных средств производства, при их развитии и умножении. Оседание в условиях социалистических производственных отношений стало реальной возможностью. Оно — непосредственный результат успехов коллективизации, всесторонней помощи колхозам и колхозникам со стороны Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства.

Следовательно, переход на оседлость в дореволюционное и советское время — это два принципиально разных и качественно отличных социально-экономических процесса, хотя и в условиях социализма оседание оленеводов Чукотки имело и имеет свои трудности. Главная из них заключается в том, что оленеводство основано на пастбищном содержании оленей. Чтобы прокормить оленей, их необходимо зимой и летом перегонять с места на место. Стало быть, и люди должны постоянно передвигаться со стадами. Это, конечно, тормозит переход колхозников-оленеводов к полной

оседлости и отрицательно сказывается на развитии их культуры и благоустройстве быта.

Организация первых оленеводческих колхозов, когда происходило объединение мелких стад в одно, показала, что при этом часть рабочей силы освобождается от непосредственного участия в оленеводческом хозяйстве. Тогда уже стала очевидной возможность хотя бы для части колхозников отказаться от бытового кочевания. Более рациональная организация труда оленеводов в результате объединения мелких стад привела к тому, что значительная часть членов стойбища (олeneводческой бригады) оказалась занятой по существу только самообслуживанием, а старики, дети и часть женщин, которые по традиции кочевали вместе со всеми, загромождали обоз бригады, усложняли ее кочевание, задерживали подвижность стада. В результате принятых мер по слиянию колхозов естественно стал вопрос об освобождении части населения оленеводческих бригад от кочевания. В первую очередь это касалось детей, престарелых колхозников, некоторого числа трудоспособных мужчин и женщин, которые не могли найти должного применения своему труду в общественном хозяйстве бригады. Таким образом, всем ходом развития социалистических преобразований оленеводческого хозяйства чукчей, усовершенствования организации труда и т. п. выявилась необходимость перехода на оседлость значительной части оленеводов, не занятых непосредственно в данной отрасли. Это обстоятельство создало предпосылки для более широкого вовлечения трудоспособной части населения в общественно-полезный труд, базирующийся на оленеводстве (пошивочные бригады) и на традиционных отраслях хозяйства оседлой части населения (морской зверобойный промысел, рыболовство), а также на впервые организуемых на Чукотке, ранее неизвестных хозяйственных занятиях (звероводство, животноводство и др.).

За годы Советской власти культурный и политический уровень кочевников-олeneводов неизмеримо вырос. Решающую роль в этом отношении сыграли школы-интернаты, где дети кочевников на протяжении восьми-десяти лет систематически усваивают быт и культуру нового образа жизни с определенным режимом питания, соблюдением личной гигиены и т. д. Немаловажную роль в привитии населению новых культурных навыков сыграли культбазы, Красные яранги — весь комплекс хозяйственных и культурно-просветительных мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства, весь ход социалистического строительства в нашей стране. Огромная роль в этом процессе принадлежит партийным и комсомольским организациям колхозов, передовым колхозникам, интеллигенции села — учителям, врачам.

Рамки старого кочевого быта оказались тесными для возросших культурно-политических запросов оленеводов. При всей приспособленности яранги с ее спальным пологом для кочевого быта она

не может служить удобным местом для отдыха пастуха и тем более жильем для его семьи. В яранге нет условий для умывания, пользования бельем, для чтения или письма, нет нормального освещения, нормальных условий для приготовления пищи, нет и необходимой мебели. Молодые люди, на протяжении ряда лет жившие в школах-интернатах, попадая снова в тундру, оказывались в трудном положении. Они не хотели возвращаться к прежним бытовым условиям, стремились к новому, более совершенному быту, отвечающему уровню их культуры. Вот почему колхозники, особенно молодые, не очень охотно идут работать в кочевое оленеводческое хозяйство.

Планомерное и постепенное оседание в результате социалистической реконструкции кочевого оленеводства предусматривалось еще в решениях IX пленума Комитета Севера. В этих решениях говорилось: «Путь к оседлости северных кочевников лежит только через коллективизацию и связанное с ней введение в хозяйство новых дополнительных отраслей, и постановка вопроса об оседании вне этих условий является беспечным бюрократическим проектерством».⁵²

Уже первые укрупнения, слияние товариществ дали возможность части населения перейти на оседлость. Переход этот диктовался самой жизнью. Появились условия для более целесообразной организации и разделения труда.

Так, например, к 1938 г. на побережье Восточно-Сибирского моря от устья р. Медвежки до устья р. Баранихи (Билибинский район) перешло на оседлость 25 хозяйств чукчей.⁵³ Из них 22 хозяйства входили в товарищество «Торвагыргын» и 2 — в товарищество «Вперед».⁵⁴ Они занимались промыслом тюленей, рыболовством и пушной охотой, в то время как их олени выпасались другими членами товариществ. Этот переход на оседлость был осуществлен при поддержке местных партийных и советских районных организаций и проводился строго на добровольных началах. Однако при этом еще не определились места будущих центральных усадеб колхозов. Переходившие на оседлость жили в ярангах и селились в разных местах побережья.

В 1949—1950 гг. в Восточно-Тундровском районе (ныне Билибинский) было уже построено 34 жилых дома и 9 служебных и производственных помещений, в колхозе им. 1 Мая (пос. Погын-дено — место оседания) построено 6 жилых домов, 1 стационарный кораль; в колхозе «Вперед» на р. Кэпэрвээм — 4 жилых дома и помещение пошивочной мастерской; в колхозе «Торвагыргын» на р. Медвежке — 6 жилых домов, помещение механической мастерской, ледник, электростанция; в колхозе «Новая жизнь» (пос. Пя-

⁵² Резолюции по общим докладам IX пленума Комитета Севера. Раздел II, п. 10. «Советский Север», № 4, М., 1932. Приложение, стр. 10.

⁵³ ГАМО, ф. р.-85, оп. 1, д. 3, л. 29.

⁵⁴ Там же, л. 171.

тистенное) — 5 жилых домов, 1 стационарный кораль; в колхозе «Илирнэй» (пос. Илирнэй) — 5 жилых домов, 1 стационарный кораль и 2 склада и т. д.⁵⁵ Так начали постепенно возникать новые населенные пункты, основанные оленеводами.

Вопросы оседания тесно переплетались с вопросами жилищного строительства. Более 2000 яранг принадлежало кочевым и оседлым чукчам.⁵⁶ Необходимо было заменить это архаическое жилище новым, более совершенным. Однако в тундровых районах Чукотки, которые составляют большую часть территории округа, нет нужных строительных материалов. Без помощи государства решение жилищной проблемы в округе было невозможно.

В декабре 1948 г. Совет Министров СССР вынес постановление «О мерах помощи хозяйственному и культурному строительству в национальных округах и районах Крайнего Севера Хабаровского края». Согласно этому постановлению, Госснабу СССР было предложено выделить стандартные дома, в частности, для колхозников Чукотского национального округа.

В 1949 г. по указанию Хабаровского Крайисполкома на Чукотку были завезены первые дома.

Для содействия переходу на оседлость кочевников-оленеводов и для улучшения культурно-бытовых условий жизни оседлого населения (морских зверобоев и рыболовов) Чукотского национального округа правительством ежегодно отпускались значительные суммы на жилищное строительство. На Чукотку завозилось большое количество строительных материалов, необходимый инвентарь и оборудование для электростанций, больниц, школ, интернатов, детских яслей, радиоустановок, клубов, библиотек, магазинов, пекарен, бань и т. п. За последние 10—12 лет проделана большая работа в этом направлении. Только в 1957 г. колхозникам Чукотки было выдано 13 464 тыс. руб. долгосрочных ссуд.

В разных районах Чукотского национального округа оседание оленеводов протекало и протекает в своеобразных, отличающихся по своему характеру условиях. В одних районах (Чукотский, Беринговский, Иультинский) шло приселение колхозников-оленеводов на усадьбы старинных оседлых поселений морских зверобоев и рыболовов (сел. Лорино, Аккани, Хатырка, Майно-Пилгино и др.). В других, преимущественно внутренних районах округа (бывшем Марковском, Билибинском, отчасти Чаунском и др.), шло образование новых населенных пунктов, жителями которых являются колхозники-оленеводы чукчи, чуванцы, рабочие и служащие оленсовхоза (сел. Ваеги, Чуванск, Ламутское, Кэпервээм, Усть-Чаун, Снежное и др.).

В районах, где издавна были оседлые поселения, оседавшие оленеводы включались в традиционное производство, которое было

⁵⁵ ГАМО, ф. р.-97, оп. 1, д. 21, л. 13.

⁵⁶ Там же, л. 52.

там развито (морской зверобойный промысел, охота на пушного зверя, переработка продуктов морского зверобойного промысла, рыболовство с переработкой и заготовкой рыбы и т. п.). Примером может служить с. Лорино Чукотского района — база колхоза им. Ленина. В прошлом это был поселок приморских охотников, насчитывавший всего около полутора десятков хозяйств. В настоящее время в этом селении объединились морские зверобой ряда мелких, расположенных поблизости населенных пунктов (Ръаупэлян, Ильэн, Мечигмен); кроме того, сюда приселились кочевники Мечигменской тундры. В 1952 г. здесь был выстроен первый дом, к началу 1959 г. имелось уже 52 дома, в 1961 г. — около 80 домов.

Несколько по-иному идет переход на оседлость в оленеводческих колхозах, которые создают постоянные населенные пункты в ранее необжитых местах. Так, новые селения возникли в Анадырском (сел. Ваеги, Ламутск, Чуванск), Чаунском (Усть-Чаун, Энмытагыно), Билибинском (Кэпервээм, Щербаково) и других районах. Колхозам и колхозникам этих поселений пришлось преодолеть немало трудностей: самим устраивать и усваивать малознакомый им прежде оседлый быт, развивать новые формы хозяйственной деятельности, осваивать разные виды строительных работ (плотницкие, столярные и т. п.).

Примером такого типа селения может служить пос. Ваеги, основанный на прежде пустынном берегу р. Майна. В этом хорошо распланированном поселке возведено уже более 60 жилых и хозяйственных построек.

Уже к 1954—1955 гг. были в основном разрешены организационно-хозяйственные и другие вопросы, связанные с переходом на оседлость значительной части населения Чукотского национального округа. Успешное развитие этого дела обязано большой, систематической организационной, финансовой и другим видам помощи со стороны партии и правительства. Наладилась заготовка и переработка леса и других строительных материалов на месте в таких районах, как Анадырский и Билибинский. Во всех колхозах округа формировались бригады строителей из коренного населения, в них входят плотники, печники, штукатуры-маляры и т. п. С помощью русских мастеров они научились строить и отделывать дома, многие окончили специальный техникум.

Определился комплекс хозяйственных занятий колхозов, их профиль. Завершено землеустройство, спланированы площадки под застройку поселков. Центральные усадьбы колхозов приобрели совершенно необычный для Чукотки облик. На месте беспорядочно разбросанных яранг появились стройные ряды новых домов и улиц. К 1961 г. в округе построено более 2100 домов для колхозников.

Однако уже сейчас многих, особенно молодых колхозников, не удовлетворяют однокамерные дома, имеющие комнату и кухню.

В связи с этим уже начато строительство домов с квартирами в две-три комнаты. В колхозе им. Первого ревкома Чукотки уже построены первые двухэтажные четырехквартирные дома. Колхозники успешно рассчитываются с государством по кредитам, отпущенным на строительство домов. Известно, что 75% стоимости дома государство берет на себя, а остальные 25% колхозники выплачивают в течение 10 лет, при этом выплата начинается через три года после получения ссуды.

Одновременно с переходом на оседлость оленеводов происходило переселение из яранг в дома оседлых жителей Чукотки. Этот процесс потребовал коренного изменения обстановки жилища, изменения многих бытовых привычек, усвоения минимума санитарно-гигиенических навыков и т. п.

В этом отношении не все обстоит благополучно. Кое-где еще не хватает мебели, не везде дома достаточно утеплены, хотя в этом отношении ведется большая работа. Не всегда продуманно решаются вопросы снабжения колхозников топливом и питьевой водой. Легко и просто разрешилась топливная проблема в населенных пунктах побережья. Сюда завозят каменный уголь, половину стоимость которого берет на себя государство. Выгрузка и доставка его к домам колхозников механизированы. Несколько сложнее с топливом в таких населенных пунктах, как Усть-Белая. Однако здесь проектируют использование бытовой электроэнергии. Все еще оставляет желать лучшего санитарно-гигиеническое состояние квартир некоторых колхозников, их одежды, постельных принадлежностей и т. п.

Быстрее и легче приспосабливаются к жизни в домах оседлые чукчи. Медленнее и с некоторыми трудностями привыкают к новым условиям жизни бывшие оленеводы. Им приходится за короткое время усваивать много новых правил жизни, приемов ведения домашнего хозяйства. Не так-то просто научиться топить правильно печь, готовить на ней, поддерживать чистоту и порядок в помещении, уметь создать соответствующий уют. В некоторых колхозах дома передавались колхозникам вместе с обстановкой и даже необходимой посудой.

Во всех населенных пунктах округа созданы женские советы, призванные содействовать налаживанию нового быта, помогать словом и примером. В тех же целях в округе издана брошюра на чукотском языке «Нинъэйвыт ярагыпэльэты» («Советы домашней хозяйке»). В ней рассказывается о том, как можно приготовить вкусный, питательный обед из местных и привозных продуктов, как поддерживать чистоту и порядок в доме, как наиболее рационально обставить жилище, как поддерживать личную гигиену и т. п.

Нередко используются радиопередачи на чукотском языке для ознакомления домашних хозяек — матерей с необходимыми правилами ухода за детьми, ведения домашнего хозяйства и т. п.

Яранги почти вышли из употребления. Ими пользуются в оленеводческих бригадах, да некоторые из пожилых колхозников ставят их на лето около домов.

При таких бурных темпах строительства новых поселков не все, конечно, удалось предусмотреть. Многие поселки уже сейчас нуждаются в серьезном благоустройстве. Тракторы разрушили гусеницами дерновый слой тундры. Открылся доступ тепла к вечной мерзлоте, и почва начала быстро оттаивать. Произошло оседание почвы и заболачивание, поэтому улицы поселков часто представляют сплошную грязь и лужи. Кое-где уже начали насыпку щебня, строят тротуары, запретили тракторам в летнее время проходить по улицам поселка.

В округе почти изжито бытовое кочевание, его поддерживают лишь некоторые пастухи и бригадиры. С ними вместе кочуют их жены и самые маленькие дети. Центральные усадьбы колхозов — во всех отношениях благоустроенные населенные пункты.

Однако все эти жизненно важные культурно-бытовые удобства используются в основном лишь теми, кто постоянно живет в центральных усадьбах колхозов, тогда как пастухи и бригадиры по-прежнему ведут кочевую жизнь, используя в качестве жилища ту же ярангу. По условиям работы пастухи должны в течение круглого года передвигаться со стадами по пастбищам. Они, как правило, находятся далеко от центральных усадеб. В летнее время стада уходят на 100—200 и даже 300 км от поселка. Если зимой пастухи имеют возможность изредка навещать свои семьи, живущие в центральных усадьбах, то в летне-осенний период такие посещения крайне затруднены из-за больших расстояний и бездорожья (болота, озера, реки). Таким образом, во многих случаях семьи оленеводов надолго разобщаются.

Партийные и советские организации на местах, сами колхозники проявляют много инициативы, изобретательности в поисках разрешения сложившегося противоречия между кочевым характером оленеводства и стремлением колхозников-олeneводоB к оседлой жизни со всеми ее культурно-бытовыми, санитарно-гигиеническими другими преимуществами. Старые формы быта уже не удовлетворяют чукчей-олeneводоB. Развитие их общей культуры, изменение психологии и взглядов, рост запросов — все это требует новых условий производства и новой бытовой обстановки.

Нет сомнения, что коренные преобразования быта чукчей-олeneводоB могут быть осуществлены лишь при условии повышения производительности труда и освобождения большей части населения от необходимости вести кочевую жизнь.

Поиски нового как в области повышения производительности труда, так и в области преобразования быта оленеводов шли и идут параллельно со строительством совхозов, с развитием колхозов.

Исключительное внимание и заботу проявляет Советское государство о здоровье населения округа.

Ко времени организации округа было 3 больницы с 50 больничными койками, работало 5 фельдшеров. В 1940 г. уже было 10 больниц со 125 больничными койками. К 1960 г. медицинские учреждения имелись в каждом населенном пункте, а количество врачей в округе увеличилось в 7 раз по сравнению с 1950 г.; один врач приходился на 200 жителей округа, на каждые 65 жителей имелась больничная койка.

Ежегодно увеличиваются ассигнования на строительство учреждений здравоохранения в округе. Если в 1954 г. для этих целей было отпущено 650 тыс. руб., то в 1960 г. — уже 7 143 тыс. руб.

Растет бюджет округа на здравоохранение. В 1950 г. было ассигновано 5 111 тыс. руб., в 1955 г. — 16 390 тыс. руб., в 1960 г. — уже 42 418 тыс. руб.

В каждой районной больнице имеются врачи всех специальностей, стационарные рентгеновские аппараты, полные наборы хирургического инструментария, зубопротезные кабинеты, клинические и бактериологические лаборатории. В округе имеется противотуберкулезный санаторий на 135 мест, эпидемические станции.

С 1958 г. работают два передвижных медицинских отряда, задача которых состоит в сплошном периодическом обследовании здоровья коренного населения, проживающего в тундре в оленеводческих бригадах, а также в принятии мер по лечению больных. Для срочного обслуживания больных в округе создана санитарная авиация, используются самолеты и вертолеты. Все медицинское обслуживание коренного населения (профилактические мероприятия, лечение, медикаменты и т. д.) идет за счет государства, само население не несет никаких расходов.

Всем новорожденным детям из местных национальностей выдается бесплатно, через учреждения медицины, детское приданое стоимостью до 200 руб.

Ежегодно большое количество чукчей лечится и отдыхает в здравницах Советского Союза. Большой популярностью у оленеводов и зверобоев Чукотки пользуется курорт «Талая», находящийся в Магаданской области.

В составе медицинских работников округа имеются чукчи врачи, фельдшера, медицинские сестры и т. п.

Ведется большая профилактическая работа, а также работа по санитарно-гигиеническому просвещению населения. Наиболее организованный и систематический характер эта работа приняла после опубликования постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» от 14 января

1960 г., в котором, в частности, отмечалось, что медицинское обслуживание коренного населения на Чукотке находится не на должном уровне.

Советские медицинские учреждения и их работники завоевали полное доверие коренного населения. Теперь уже никто не лечится у шаманов. В 1959 г. только 5 родов было принято на квартирах; во всех остальных случаях (а их было более 260) роды принимались в больницах.

Коллективизация принесла с собой определенный режим труда и отдыха. Население уже привыкло к соблюдению режима питания. Строгий распорядок принят в детских учреждениях (школах, детских яслях, садах). Организация общественного питания в колхозах еще больше содействует соблюдению регулярного питания, повышению его качества.

Эти нововведения уже положительно сказались на здоровье населения.

Культурное строительство

С организацией национального округа ускорилось открытие новых школ, заметно возросло число учащихся. Этому немало способствовало появление в октябре 1932 г. первого букваря на чукотском языке. С его выходом было положено основание развитию письменности на родном языке. Распространение письменности создало необходимые условия для быстрого овладения грамотой. Перед массами населения, тогда совершенно почти не знавшими русского языка, открылись широкие возможности более быстрого приобщения к политической и культурной жизни нашей страны. В том же 1932 г. начала выходить газета «Советская Чукотка» со страницей на чукотском языке.

Советское государство обеспечило свободное развитие всех национальностей. Чтобы содействовать быстрому культурному развитию народов Севера, еще в 1922 г. отдел нацменьшинств при Наркомнаце РСФСР внес в Коллегию Наркомнаца предложение о введении письменности для малых народностей Севера и создании алфавитов, отвечающих особенностям местных языков.⁵⁷

Подготовительная работа в этом плане была возложена на специальную комиссию из представителей Наркомнаца, Наркомпроса и на Академию наук, с привлечением ученых североведов, языковедов и этнографов.

Практическое решение вопроса о создании письменности на языках народов Севера стало возможным лишь после того, как были подготовлены соответствующие кадры специалистов, лишь

⁵⁷ В. Д. Новиков. К истории Северного морского пути в первые годы Советской власти. «Летопись Севера», 1949, № 1, стр. 37.

после того, как был создан Институт народов Севера, где обучались представители 26 народностей Сибири и Европейского Севера.

В 1932 г. состоялась первая Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера. На конференции был утвержден проект создания письменности на 14 языках Севера, в том числе на чукотском, эскимосском и др.

Создание букваря на чукотском языке еще не решало успеха обучения грамоте на родном языке. Нужны были учителя, знающие язык, быт, культуру и хозяйство чукчей. Подготовка таких кадров учителей была начата в 1930 г. в г. Ленинграде на специально организованном Северном отделении при Педагогическом Институте им. А. И. Герцена, там же были открыты годичные курсы, на которые зачислялись студенты старших курсов с других факультетов.

В 1932—1933 гг. в окружном и районных центрах работали курсы ликвидаторов неграмотности, на которых обучались молодые люди из коренных жителей Чукотки.

Вслед за букварем начали издаваться другие учебники для начальных классов чукотской школы, литература для внеклассного чтения, а для взрослых — книги и брошюры по общественно-политическим, хозяйственным и другим вопросам.

Пути развития письменности на языках народностей Севера неоднократно являлись предметом обсуждения специальных совещаний. В 1934 г. в Москве было созвано совещание представителей Комитетов нового алфавита народов Севера, Наркомпроса РСФСР и Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. Совещание отметило положительную роль письменности в деле ликвидации неграмотности и в осуществлении начального обучения в северной национальной школе.

Опираясь на опыт работы на местах, а также учитывая запросы населения Севера, совещание уточнило сроки коренизации северной начальной школы, признав наиболее целесообразным и возможным коренизацию первого и второго классов. Кроме того, было решено преподавание русского языка ввести в северных школах со второго года обучения, чтобы начиная с 3 класса обеспечить преподавание всех предметов на русском языке, сохранив родной язык как предмет преподавания.

Эти принципиально важные положения и были положены в основу практики работы школы на Севере, в частности на Чукотке.

В 1931/32 учебном году на Чукотке действовала 21 школа, в них обучалось 626 детей, в 1932/33 г. уже 32 школы, а учеников в них было 858 человек.

Одновременно с развертыванием работы школ велась специальная работа по ликвидации неграмотности. В 1932 г. уже обучалось 396 человек взрослых, в 1933 г. — 1060 чел. Важно отметить

то, что ликвидация неграмотности начала постепенно проникать в тундру к оленеводам. Все больше и больше детей оленеводов попадало в школы, где для них были оборудованы интернаты.

В 1932 г. в округе действовало четыре интерната, в 1933 уже десять.

На первых порах распространения просвещения на Чукотке создавались так называемые кочевые школы. Такие школы организовывались при больших стойбищах, где находилось до десятка детей. Занятия проводились в обычной чукотской яранге, в пологе, или другом приспособленном помещении — палатке и т. п.

Не только школы для детей оленеводов, но и школы для оседлых зачастую не имели соответствующих помещений, так как школьное строительство не поспевало за созданием школ. Поэтому многие школы на Чукотке начинали свою деятельность в непригодных помещениях, нередко просто в ярангах. Они не имели необходимого школьного оборудования, учебных и письменных принадлежностей.

Не все учителя с равным энтузиазмом и сознательностью относились к своей работе. Многие не выдерживали таких трудностей и через год покидали Чукотку.

Слабо шла работа и по ликвидации неграмотности, так как «ликвидаторы» были недостаточно грамотными и подготовленными людьми для такого рода деятельности. Кроме того, кочевой быт с особым режимом жизни в яранге не способствовал успешному проведению ликвидации неграмотности. К этому нужно добавить агитацию против школы шаманов и богатых стадовладельцев. Первые действовали в угоду интересам вторых.

В единоличных хозяйствах оленеводов все подростки и даже дети в возрасте 8—10 лет принимали активное участие в хозяйственных работах, связанных с выпасом оленей. Поэтому до широкого распространения коллективизации на Чукотке выступления против школы шаманов и зажиточных оленеводов находили поддержку у многих оленеводов и охотников.

Успешное вовлечение детей в школу было связано со строительством зданий школ, интернатов, с колхозным строительством, с переходом на оседлость оленеводов, с постепенным ростом политической сознательности населения, его культуры.

Развитие сети школ на Севере всегда рассматривалось партией как одно из важнейших звеньев в осуществлении культурной революции. Поэтому Советское правительство всегда придавало первостепенное значение созданию школ на Севере. Чукотскому национальному округу отпускаются большие средства на организацию просвещения, строительство школ, интернатов и дошкольных учреждений.

Ниже приводятся некоторые сведения, характеризующие рост ассигнований на народное образование.

Годы	Тыс. руб.
1945	5683.7
1950	19593.0
1955	20923.0
1958	38458.5
1960	50000.0

Ассигнования на просвещение в 1960 г. составили 25% бюджета округа.

Уже в 1949/50 учебном году в округе повсеместно приступили к осуществлению всеобщего семилетнего обучения. С 1950 г. стало расти число семилетних и средних школ.

Параллельно с реорганизацией колхозов, их укрупнением и слиянием, с переходом на оседлость оленеводов шло слияние и укрупнение населенных пунктов. По мере увеличения населенных пунктов, шло слияние карликовых школ в более крупные, увеличивалось количество учащихся.

Этот процесс можно проследить по данным табл. 7.

Т а б л и ц а 7

	1945 г.	1950 г.	1955 г.	1959 г.	1960 г.
Количество школ	66	78	66	67	63
„ учащихся в них	2243	3198	4162	4621	5447
„ интернатов . .	—	26	34	37	37
„ воспитанников (местных) в них	—	635	1225	1575	1523
Всего учителей	180	217	384	536	576

Нормы питания в школах-интернатах и в интернатах приравнены к нормам питания детей в санаторно-лесных школах.

К 1961 г. в округе имелось 25 типовых зданий школ с центральным отоплением.

В 1956 г. на строительство школ, интернатов, дошкольных учреждений было отпущено 560 тыс. руб., в 1959 г. — 4 млн руб., а в 1960 г. уже 13 млн руб. В 1960 г. было завершено строительство 11 типовых зданий школ и одного интерната. В 1960/61 учебном году в округе действовало 38 начальных школ, 13 семилетних, 3 восьмилетних, 3 средних школы и 6 средних школ с производственным обучением.

Резко возросли материальные затраты на одного ученика. Если в 1925/26 учебном году на одного школьника Чукотки расходовалось

лось по 40 руб. в год, то в 1960/61 учебном году на каждого ученика, проживающего в интернате, израсходовано по 7500 руб.

К 1960 г. все дети, подлежащие обучению, были охвачены школой, и, таким образом, осуществлен всеобуч в округе.

Сделано много, но много предстоит еще сделать в области строительства типовых зданий школ, помещений интернатов, зданий дошкольных учреждений и т. п.

Большая работа проводилась в округе и по повышению культуры и образования среди взрослого населения чукчей. Так, в 1958 г. в разные пункты округа, в оленеводческие бригады было направлено 544 культурно-просветительных работника, которые в течение года провели весьма большую и плодотворную работу. В колхозных селах, в Красных ярангах развернулась работа вечерних школ.

Быстрыми темпами идет создание дошкольных учреждений — детских садов. В 1950 г. в ведении отделов народного образования находилось 4 детских сада, в них воспитывалось 70 детей. В 1960 г. в округе было 69 детских садов, они охватывали дошкольным воспитанием 2900 детей, из них 1229 детей колхозников.

Образование Чукотского национального округа, организация самоуправления на его территории пробудили политическую и хозяйственную активность коренного населения, что в свою очередь вызвало быстрый рост учреждений культуры. К 1935 г. на территории округа было создано 15 культурно-просветительных учреждений, в их числе были 3 культбазы, 7 изб-читален, 3 районных дома культуры, краеведческий музей в Анадыре.

На первых порах опорными пунктами просвещения, привития окружающему населению навыков нового быта, социалистической культуры были культурные базы Комитета Севера.

В 1928 г. основана Чукотская культбаза в заливе Лаврентия, в 1932 г. — на Чауне и Хатырке.

На культбазах был создан комплекс учреждений: культурно-просветительных (школа-интернат, библиотека, кинопередвижка), медицинских (больница, акушерский пункт), производственных (мастерские по ремонту промыслового инвентаря), ветеринарных (ветеринарный пункт, питомник ездовых собак), торгово-заготовительных, столовая и некоторые другие. Культбазы оказали большое положительное влияние на окружающее население, его приобщение к новым формам организации труда, расширение его культурно-политического кругозора.

В 1931 г. Чукотский райисполком, заслушав отчет о работе Чукотской культбазы, отметил, что «в результате деятельности культбазы число членов Яндагайского туземного кооператива выросло за год от 140 до 210, вдвое увеличились паевые взносы членов кооператива. Культбаза провела значительную работу по организации труда в кооперативе: было создано 5 промысловых

бригад, организована женская пошивочная артель в поселке Яндагай, в которой было 19 работниц».⁵⁸

В 40-х годах сами культбазы уже изжили себя и были ликвидированы, учреждения, созданные при культбазах, в том или ином виде действуют по настоящее время. Сохранились и Красные яранги. В феврале 1949 г. Совет Министров СССР вынес специальное постановление о расширении в Чукотском национальном округе сети Красных яранг, которые должны обслуживать оленеводческие бригады.

Большой опыт работы Красных яранг подсказал наиболее целесообразный штат и соответствующие формы работы. Красные яранги состоят из заведующего, учителя, фельдшера, киномеханика и каюра — переводчика. В 1950 г. в округе действовало 20 Красных яранг, в 1960 г. — 35. Они обслуживали все оленеводческие хозяйства округа (колхозы и совхозы).

В их работе имеется много положительного, но далеко не все они успешно справляются с поставленными перед ними задачами. Они обслуживают оленеводов, как правило, лишь в зимние месяцы, тогда как летом обычно находятся в центральных усадьбах колхозов. Серьезные затруднения вызывают переезды работников Красных яранг от одной бригады оленеводов к другой, особенно летом. Не менее серьезным препятствием успешной работе Красных яранг было и остается до настоящего времени то, что многие работники этих учреждений не знают чукотского языка. В своей работе они вынуждены прибегать к помощи переводчика.

Переход на оседлый образ жизни большей части населения тундры вызвал необходимость расширения учреждений культуры, углубления их работы, совершенствования ее методов.

К 1950 г. в округе было 74 культурно-просветительных учреждения, в 1960 г. более 250. В каждом населенном пункте (центральные базы колхозов и совхозов) имелись сельские клубы, сельские библиотеки, киноустановки, отделения связи с радиотелеграфом и т. п. Все населенные пункты радиофицированы.

На развитие культуры и строительство учреждений культуры ежегодно округу отпускаются большие средства.

Бюджетные ассигнования на содержание и развитие учреждений культуры за пятнадцать лет составили:

Годы	Тыс. руб.
1945	443.5
1950	1756.7
1955	5613.0
1960	9979.0

За последние годы быстро растет культурный уровень коренного населения Чукотки. И это неудивительно, так как преобла-

⁵⁸ И. С. Гарусов. Развитие социалистической культуры. Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956, стр. 276.

дающая часть населения (молодежь и люди среднего возраста) получила среднее, а многие и специальное среднее или высшее образование.

В составе населения поселков Чукотки появилась значительная прослойка местной интеллигенции и людей таких специальностей, которые раньше не были известны чукчам. Так, в с. Аккани председатель колхоза, кассир-счетовод, секретарь парторганизации, председатель и секретарь сельсовета, учителя, медицинские работники, звероводы, зоотехники, работники клуба, библиотеки, работники детского сада, пекарни, электростанции, плотники и штукатуры, трактористы, мотористы и т. д. и т. п. — все чукчи.

О культурных запросах современного коренного населения округа можно судить хотя бы по таким фактам: жители с. Усть-Белая (колхоз им. Первого ревкома Чукотки) выписывали в 1961 г. 18 названий газет и 97 названий журналов и других периодических изданий; в с. Чуванск (отделение совхоза «Марковский») — 12 названий газет и 39 названий журналов; в с. Аккани (колхоз «Красная звезда») — 13 названий газет и 37 названий журналов и т. д. Кроме специальных журналов (педагогических, медицинских, сельскохозяйственных, технических, политических), выписывается большое количество литературно-художественных журналов и альманахов.

Книжный фонд сельских библиотек быстро растет. Например, библиотека с. Чуванск в 1961 г. имела около 8 тыс. томов, в с. Усть-Белая — около 6 тыс. томов и т. д.

Культурно-просветительная работа за последние 2—3 года обогатилась новыми формами и положительным опытом. Возникли и получили широкое распространение самодеятельность, сельские школы культуры и быта, университеты культуры. В 1960 г. сельские школы культуры и быта работали в 22 населенных пунктах округа. Занятия в них проводились по следующим циклам: сельскохозяйственное производство, вопросы санитарии и гигиены, домоводство, культура поведения. Эти школы тесно связаны с женсоветами, которые имеются также в каждом колхозе и совхозе. Работа в школах проводится силами местной интеллигенции.

В клубной работе широкое распространение получила самодеятельность. Коллективы национальной художественной самодеятельности с большой охотой включают в программу своих выступлений песни и танцы народов СССР и зарубежных стран. Большой популярностью у населения пользуются самодеятельные оркестры, выступления отдельных музыкантов. Широким потоком в культурную жизнь чукчей входят вокальные жанры, ранее им неизвестные, — хоровые песни, сольные выступления и др. С большим удовольствием молодежь исполняет русские народные песни, произведения русских и советских композиторов, а также мелодии и песни народов Индии, Индокитая и других стран. Обычными для

сельских клубов Чукотки стали постановки пьес на русском и чукотском языках, художественное чтение.

Художественная самодеятельность округа получает организованную помощь от Магаданского областного дома народного творчества, который выпускает на русском и чукотском языках репертуарные и тематические сборники.⁵⁹

Из национальных форм культуры бытуют родной язык, пляски-пантомимы, резьба по кости, некоторые виды традиционных спортивных состязаний (борьба, пеший бег, состязания в бросании аркана, бега на оленях и собаках),⁶⁰ одежда и некоторые другие.

Родной язык используется в домашнем быту, на производстве и в общественной жизни населения.

Помимо окружной и районных газет на русском языке, издается газета на чукотском языке («Советкэн Чукотка»), на протяжении ряда лет издавался «Блокнот агитатора» также на чукотском языке. Два раза в сутки чукчи слушают передачи по радио на родном языке.

Наряду с известиями о событиях в нашей стране и за рубежом уделяется время расширению культурного кругозора слушателей, их эстетическому воспитанию. Например, 17 августа 1961 г. радиовещание на чукотском языке знакомило слушателей с вокальным искусством. Назывались женские и мужские голоса, а в качестве иллюстраций к ним передавались арии из опер, песни, романсы и т. п. Например, иллюстрацией лирического сопрано была ария Татьяны из оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского и т. п. Несколькими днями ранее радио познакомило своих слушателей с музыкальными инструментами, их названиями и звучанием.

Все населенные пункты Чукотки радиофицированы.

На чукотском языке издается учебная, политическая, художественная, производственно-хозяйственная переводная и оригинальная литература. Уже издано около 300 названий книг и брошюр.

Сам язык претерпевает значительные изменения. Почти исчезло женское произношение, существенно отличавшееся от мужского.

В Советском Союзе все нации и народности равноправны. Их экономическая и духовная жизнь развивается на единой социалистической основе. Экономическая и духовная общность способствуют быстрому сближению всех наций и народностей Советского Союза.

Развитие национальной культуры чукчей происходит по тем общим законам, которые присущи всем народам Советского Союза.

⁵⁹ Репертуарные сборники «На клубной сцене», изданные на русском языке, содержат материал и на чукотском языке, например, в. 4 (Магадан, 1957), в. 10 (Магадан, 1960). См. также: «Танцы народов Севера» (Магадан, 1959); «Песни народов Севера» (Магадан, 1960); «Овэчвынкалыроквыргын клубык», в. 4 (Магадан, 1961).

⁶⁰ Л. Данилов. Спорт на Чукотке. «Физкультура и спорт», 1955, № 7.

Сближение с культурой прежде всего русского народа — основная закономерность, наблюдающаяся в развитии национальной культуры чукчей. Поэтому нет ничего необычного в том, что чукотский язык за последние десятилетия впитал в себя большое количество русских слов из области общественно-политической, научной, технической, санитарно-гигиенической и других видов лексики. Обогащается не только словарный состав языка, но и стиль речи. Появились неизвестные прежде чукчам поэзия (стихотворения), проза (рассказ, повесть), песня, частушка. Более свободными стали синтаксические нормы языка.

Вместе с русскими и интернациональными словами в чукотский язык входят новые для него звуки (фонемы). Они закрепляются в письменной и устной традиции. Обогащение чукотского языка закономерно связано с русским языком. С помощью русского языка и через русский язык происходит освоение чукотским народом ценностей культуры народов нашей страны, всего человечества. Русский язык для чукчей, как и для всех других народов СССР, стал языком межнационального общения.

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, отмечается: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения наряду с родным языком русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР».⁶¹ Упомянутое положение Программы полностью приложимо и в отношении чукотской народности.

В условиях социалистического строительства интересное развитие у чукчей получили пляски-пантомимы. Своими истоками они уходят в далекое прошлое. Наряду со старыми плясками-пантомимами, изображающими отдельные моменты производственной деятельности («Охота на моржа», «Охота на песца», «Шитье», «В лодке» и т. п.), а также характерные повадки, отдельные моменты движения животных, птиц («Ворон», «Куропатка», «Медведица» и др.), в советское время появились пляски-пантомимы, отображающие новые явления, вызванные к жизни социалистическим строительством, хозяйственными и культурными преобразованиями на Севере. К числу таких относится пляска-пантомима «Челюскинцы», которая появилась как отзвук на хорошо известное событие — челюскинскую эпопею. Чукчи, особенно побережья Ледовитого океана, были свидетелями спасения челюскинцев и сами принимали в нем непосредственное участие. Это событие и дало тему для пляски-пантомимы, которая была создана уэленскими чукчами под руководством известного в свое время танцора тов. Атыка.

⁶¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1961, стр. 115.

Недавно появились такие пляски-пантомимы, как «Разгрузка машины», «Утренняя зарядка», «Я смотрюсь в зеркало», «Строители домов», «Истопник», «Моторист» и, наконец, даже «Спутник» и многие другие. Наряду с изображением трудовой деятельности человека, ее новых форм, зарисовок современного быта, появляются пародийно-сатирические пляски-пантомимы. Они высмеивают дурные привычки в быту и поведении людей. Так были созданы пляски-пантомимы, высмеивающие излишне выпившего колхозника, который потерял свою шапку на улице, охотника-лентяя, проспавшего добычу у кромки льда, и др.

Подобно тому как в других местах создаются на злобу дня частушки, на Чукотке рождаются сатирические пляски-пантомимы, и в том и в другом случае творцом является народ.

Как видно, эта способность посредством плясок-пантомим живо реагировать на новые события окружающей жизни — является одной из особенностей национальной культуры чукчей; она отличается жизненностью и отнюдь не может быть причислена к пережиткам. Это этнографический пример того, как может в современных условиях старая национальная форма наполняться современным содержанием.

Выступления национальных коллективов художественной самодеятельности пользуются у населения заслуженным успехом и всегда вызывают большой интерес. В округе был создан молодежный чукотско-эскимосский ансамбль. В 1957 г. он был удостоен звания коллектива-лауреата II степени художественного конкурса Всесоюзного фестиваля советской молодежи. С большим успехом этот ансамбль выступал на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

В июле 1961 г. чукотско-эскимосский ансамбль плясок-пантомим был приглашен в Москву для участия в концерте «Северное сияние». Однако следует отметить, что дальнейшее развитие этого вида национального художественного творчества натолкнулось на ряд трудностей, порожденных природой самих плясок-пантомим, устоявшимися традициями. Бытующие формы пляски-пантомимы (без участия мимики, под аккомпанемент только бубнов) отстают от содержания. Старые средства не в состоянии передать всего богатства содержания новой тематики. Поэтому не всегда современные пляски-пантомимы удовлетворяют идейным и художественным запросам современной чукотской интеллигенции, молодежи.

Нужна квалифицированная помощь, чтобы поддержать и направить в нужное русло дальнейшее развитие этого самобытного народного творчества.

Искусство резьбы по кости, сохраняя свою самобытность, за последние тридцать лет получило новое развитие. Наряду с объемной скульптурой и цветной гравировкой широкое развитие получила рельефная резьба. Расширилась тематика и углубилось идейное содержание. Если прежде основной темой служила охота на

морских зверей, то с начала тридцатых годов круг тем пополнился новыми сюжетами, отражающими бытовые и общественно-политические явления окружающей жизни. Появились, например, изображения челюскинской эпопеи, отдельных моментов из жизни колхоза и т. п.

Центром культуры резьбы по кости является с. Уэлен. Здесь в 1934 г. была основана косторезная мастерская, в которой объединились лучшие резчики Чукотки.⁶² Эта мастерская явилась школой для молодых начинающих резчиков. В ней они перенимали опыт и лучшие традиции у своих старших товарищей.

В 1938 г. изделия чукотских и эскимосских мастеров были представлены на Парижской выставке, где они получили по достоинству высокую оценку. Несколько позднее те же предметы выставлялись в Нью-Йорке и Каире.

Имена многих мастеров косторезов Чукотки, как и их произведения, хорошо известны в нашей стране. Работы тов. Вуквола представлены в музее В. И. Ленина в Москве. Он создал замечательную по идее, композиции и исполнению на моржовом клыке гравировку «В. И. Ленин на Чукотке». Ряд предметов, изготовленных другими мастерами Чукотки, экспонируется в Музее Октябрьской революции в Москве. Большое собрание гравированных клыков, клыков с плоскорельефной резьбой, разных предметов (письменных приборов, шахмат и др.) находится в Государственном музее этнографии и в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.⁶³

Весьма организованно и продуктивно косторезная мастерская работала в 1933—1936 гг., а также в 1945—1947 гг., когда она находилась в составе Уэленского производственного комбината, руководимого В. М. Леонтьевым.⁶⁴

В 1955 г. по решению Советского правительства были выделены специальные средства и материалы для расширения Уэленской мастерской, оснащения ее станками, инструментами. В Уэлен были завезены два дома, один под мастерскую, другой под интернат, электростанция, электрические боры, фрезы, шлифовальные станки.

Согласно этому постановлению, на базе мастерской организована школа с ежегодным приемом десяти учеников, которые обучаются по специальным программам. Срок обучения один год. Ученики находятся на полном государственном обеспечении.

Художественное мастерство чукотских косторезов получило высокую оценку правительства и художественных организаций нашей

⁶² А. Л. Горбунков. Художественный косторезный промысел на Чукотке. «Советская Арктика», 1936, № 6; С. В. Иванов. Чукотско-эскимосская гравюра на кости. «Советская этнография», 1949, № 4.

⁶³ В. В. Антропова. Современная чукотская и эскимосская резная кость. «Сборник Музея антропологии и этнографии». М.—Л., 1953, т. XV.

⁶⁴ И. П. Лавров. Уэленская косторезная мастерская. «Краеведческие записки», Магадан, 1957, в. 1, стр. 76.

страны. За многолетнюю и плодотворную работу и за подготовку кадров молодых мастеров-косторезов тов. Вуквутагын удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина.

22 июля 1961 г. Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил звание заслуженного художника РСФСР товарищам Вуквутагину (чукча) и Хухутану (эскимос).

В 30-х годах впервые за резец костореза взялись женщины-чукчанки. Они хорошо освоили в прошлом считавшееся мужским искусство резьбы по кости. В этом проявилась одна из сторон тех коренных изменений, которые произошли в мировоззрении чукчей. Большой мастерицей считается тов. Эмкуль. Ее цветные гравировки по кости имеются в музеях Москвы и Ленинграда, они выставлялись на отечественных и зарубежных выставках.

Чукотские мастера-косторезы приняты в члены Союза советских художников.

Значительное содействие развитию чукотского косторезного искусства оказали советские художники искусствоведы А. Л. Горбунков, И. П. Лавров и др. Чукчи расширили рамки идейного содержания своего творчества, нашли новые формы воплощения художественных замыслов, научились применять более совершенные инструменты и средства обработки кости.

Итак, культура чукотского народа развивается не изолированно и обособленно, а во всех своих звеньях идет по пути сближения с культурами ряда других народов СССР. Этот процесс наблюдается также в быту, в домашней обстановке, в одежде, в музыкальных, художественных, литературных и других запросах населения Чукотки.

Новые общественные традиции, порожденные советской эпохой, прочно укоренились и на Чукотке.

На первых порах существования округа чувствовался острый недостаток кадров во всех областях советского, хозяйственного и культурного строительства. Преодолеть это затруднение сразу было невозможно. Понадобилось несколько лет напряженной работы, чтобы молодые люди Чукотки получили семилетнее и среднее общее образование. Лишь после этого они могли поступить учиться в специальные учебные заведения.

К моменту образования Национального округа в различных организациях работало всего 17 человек из местного населения, в 1960 г. уже более 400 человек чукчей находилось на советской, партийной, хозяйственной, педагогической, медицинской работе. Многие из них занимают руководящие должности. Это большое достижение для такого маленького народа как чукчи.

Подготовка национальных кадров ведется в учебных заведениях нашей страны.

В 1960 г. в различных специальных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Магадана и в округе обучалось

почти 400 человек, из них несколько десятков человек в высших учебных заведениях.

Подготовка национальных кадров в округе идет с учетом всех специальностей для разных отраслей сельскохозяйственного производства, учреждений культуры, просвещения, здравоохранения, торговли и др.

В Анадыре имеется педагогическое училище, основанное в 1940 г. За время своего существования оно выпустило свыше 200 человек учителей для начальной школы из числа представителей местных народностей.

На базе Окружной партийной школы была создана Школа руководящих колхозных кадров. Школа готовила специалистов оленеводов, счетоводов, председателей колхозов. За годы своего существования школа выпустила более 200 человек специалистов, преимущественно чукчей. В 1960 г. школа преобразована в Сельскохозяйственный техникум, готовящий зооветтехников (оленьеводов), охотоведов-звероводов, бухгалтеров-экономистов.

С 1955 г. существуют курсы торговых работников, недавно преобразованные в Торговую школу. К 1960 г. выпущено более 50 специалистов — продавцов магазинов, пекарей, поваров; все они из коренного населения округа.

В 1956 г. основана Медицинская школа. К 1959 г. она произвела два выпуска средних медицинских работников, все они местные жители и работают в медицинских учреждениях округа. Анадырская медицинская школа была объединена с Магаданской фельдшерско-акушерской школой. В 1960 г. в ней обучались многие местные жители из Чукотского национального округа.

С 1957 г. существует Провиденское строительное училище. Оно готовит из местных народностей округа каменщиков, плотников, штукатуров, а с 1960 г. открыто отделение механизации, готовящее трактористов, мотористов.

При Магаданском горном техникуме имеется Северное отделение, где готовят ветеринарных работников. Кроме того, специалисты по звероводству готовились на 6-месячных курсах в совхозах Приморья. Все учащиеся находятся на государственном обеспечении.

Несмотря на широкий размах подготовки местных кадров, в округе все еще испытывается нужда в специалистах.

В составе интеллигенции Чукотки имеются писатели — прозаики и поэты. Хорошо известно имя первого чукотского писателя-прозаика Юрия Рыхтэу. Его произведения переведены на языки ряда зарубежных стран — английский, немецкий, французский, польский, чешский и др. Поэтесса Антонина Кымытвааль печатается в местной, областной и центральной прессе. Они — члены Союза писателей СССР.

Областное и окружное издательства печатают художественные произведения более двадцати начинающих писателей чукчей и эскимосов.

Есть чукчи летчики, инженеры, врачи, учителя, секретари райкомов партии, председатели колхозов, руководящие специалисты совхозов и т. д.

Достижения в развитии социалистической культуры чукчей кажутся особенно разительными тому, кто был на Чукотке в начале тридцатых годов и затем в начале шестидесятых. Автору настоящей работы в 1932 г. пришлось столкнуться с фактами, которые свидетельствовали, с одной стороны, о глубокой культурной отсталости коренного населения, с другой — о том, что уже тогда в среде рядовых чукчей появились люди, решительно рвавшие с отсталым прошлым. Тогда еще было живо довольно сильное влияние шаманов на умы населения. Сами шаманы были воплощением невежества, культурной отсталости. Новую жизнь они не хотели воспринимать такой, как она есть, и все явления советской действительности истолковывали с позиций их прежних понятий и представлений. Об этом свидетельствуют такие факты. В с. Лорино приехал врач культбазы. Меня пригласили быть его переводчиком. Все шло хорошо, чукчи заходили, врач выслушивал их жалобы, осматривал, определял назначения и тут же снабжал их необходимыми лекарствами, давал советы. Вошел очередной чукча. Его жалоба вызвала у нас недоумение. «Скажи доктору, — обратился он ко мне, — пусть он сделает так, чтобы песцы шли в мои капканы, а то я не поймал еще ни одного». Я сказал ему, что врач только лечит людей, «заставить песцов идти в твои капканы он не может». Чукча явно не поверил мне. Он отошел в угол и находился там до конца приема, внимательно наблюдая за тем, что делал врач. Прием окончился. Уходя домой последним, чукча подошел ко мне и сказал: «Ладно, если врач не хочет сделать так, чтобы в мои капканы шли песцы, пусть устроит хотя бы ветер, чтобы оторвало ледовый припай от берега, а то охотникам приходится далеко ходить до половодья».

Он долго не мог понять, почему русский врач не может делать все то, что «делают» чукотские шаманы. В его представлении врач — это русский шаман. Следовательно, он должен быть таким же универсалом, как и чукотские шаманы.

Из сказанного следует, как невысок был тогда уровень культурного развития чукчей.

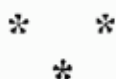
Второй случай, уже другого порядка, произошел в стойбище, где находилась школа. В январе, после того как был отмечен жертвоприношением праздник «кормления» созвездия Пэгыттын, ко мне зашел отец одного ученика. На его лице и на лице его сына были видны знаки помазания кровью оленя и сажей. Отец мальчика без всяких побуждений с моей стороны, как только они вошли, заявил мне следующее: «В этом году я сделал помазание и жертвоприношение в последний раз; в последний раз я уступил настоянию моего отца старика. Больше я этого делать не буду,

выброшу все семейные амулеты (тайн'ыквыт). Они не нужны, они бессильны, это просто деревяшки. Я сильнее их».

У тов. Ильмоча было достаточно веских оснований так говорить. Дело в том, что незадолго до этого он своими силами построил небольшой морской вельбот, оказавшийся вполне пригодным для плавания, хотя многие старики и шаман предвещали ему неминуемую гибель на построенном им вельботе. Эта победа вдохновила его, придала ему уверенность в своих силах, породила веру в силу человека, а не амулетов. Он потому еще так говорил, что его поддерживали советские и партийные работники района и культбазы. Им он верил.

Так новое, здоровое пробивало себе путь в сложных переплетениях старых представлений.

Теперь уже нет на Чукотке людей, которые поддерживали бы шаманское толкование явлений жизни. Однако не следует думать, что уже покончено со всякими пережитками. У старшего поколения чукчей еще сохраняются пережиточно суеверия, предрассудки, некоторые обычаи прошлого, хотя не они решают судьбу культурного развития молодого поколения.

С восточного побережья Чукотского полуострова, сквозь дожди и туманы просматриваются очертания берегов Аляски. Это уже Америка.

Узкий Берингов пролив отделяет два мира — социалистический и капиталистический. Здесь, на стыке двух миров, особенно отчетливо вырисовываются контрасты современного положения коренного населения Северо-Востока СССР и Северо-Запада США.

До Октябрьской социалистической революции судьбы народов Чукотки и Аляски были примерно одинаковы. После Пролетарской революции наступил новый этап в истории народов России. По ту сторону пролива многое осталось без изменений. Там продолжает господствовать капитализм.

Чукчи, сибирские эскимосы и другие народности Севера СССР в результате последовательного претворения в жизнь ленинских принципов национальной политики партии сделали огромный исторический скачок от первобытнообщинных отношений, минуя капитализм, к социализму. На это им понадобилось немногим более сорока лет.

На стыке двух миров особенно отчетливо видны преимущества социалистической системы над капиталистической во всех областях жизни.

Коренные изменения в жизни местного населения Чукотского национального округа изложены выше.

Как же складывается жизнь малых народов Севера по ту сторону Берингова пролива, где господствует развитый капитализм? Чтобы ответить на поставленный вопрос, воспользуемся наблюдениями зарубежных авторов.

В 1953 г. английский журналист Ральф Паркер прочитал первую книгу первого чукотского писателя Юрия Рытхэу. В своей книге Ю. Рытхэу рассказал о чукотских колхозах и колхозниках, о домах, пришедших на смену ярангам, о тяге чукчей к современной социалистической культуре, о молодой чукотской интеллигенции, о русских людях, помогающих чукчам строить новую жизнь.

Настоящая человеческая забота, проявляемая Коммунистической партией и Советским правительством о судьбах малых народов, решительные успехи в этом деле глубоко взволновали Р. Паркера и побудили его обратиться с письмом к Ю. Рытхэу.⁶⁵ В своем письме Р. Паркер сопоставляет положение малых народов Севера СССР с положением коренных народов Америки. Вот что он писал: «Чукчи Восточной Сибири и игальмюты Северной Канады были к началу нынешнего века примерно в одинаковом положении: маленькие народы, они прозябали на далеких окраинах двух империй». Теперь «чукчи рванулись вперед, в новую жизнь, ставшую для них возможной благодаря советскому строю».

Какова судьба такого же северного народа игальмютов, что произошло с ними за тот же отрезок времени?

В 1912 г. белые купцы впервые проникли в страну игальмютов. Тогда их было две тысячи человек. В 1916 г. их осталось всего триста, а в 1947 г. их насчитывалось уже только 46 человек.

Быстрое вымирание игальмютов, затерянных в северных тундрах Канады, было вызвано «жестокими, волчьими законами капитализма», говорит Р. Паркер. В их гибели виноваты не одни белые купцы, а вся система капиталистического строя.

Вымирание племен и народностей — удел не одних игальмютов. Та же участь постигла индейцев южных равнин Соединенных Штатов Америки. И те и другие погибли и ушли с лица земли «во имя астрономических прибылей канадских и американских капиталистов. Удел тех и других — голод и туберкулез „большая болезнь“, как зовут ее жители Канадского Севера».

Наиболее прогрессивные ученые и писатели Америки, подобно Р. Паркеру, откровенно, с большой тревогой говорят о настоящем и ближайшем будущем туземного населения Америки.

Тед Бенк II в своей книге «Колыбель ветров» описал трагическое положение современных алеутов Америки. Алеутские острова превращены в воздушные и морские базы США с многочисленным контингентом военнослужащих. Алеуты-мужчины служат на этих базах. Однако их заработки едва обеспечивают полуголодное существование. «В течение большей части года алеуты получают

⁶⁵ Ральф Паркер. Письмо Юрию Рытхэу. «Огонек», 1953, № 45.

в среднем всего 800—1400 калорий в день. При таком недоедании, — отмечает Бенк, — и тяжелой работе люди быстро теряют в весе, становятся вялыми и легко поддаются любым заболеваниям». ⁶⁶ По его данным, их осталось на территории США менее тысячи человек.

Этим не исчерпываются страдания алеутов. Они угнетены духовно, морально. Остатки их самобытной культуры, традиции, привычка употреблять в пищу жир и мясо морских млекопитающих, моллюсков, водоросли — все это служит предметом оскорбительных насмешек, издевательств со стороны белых. Так алеутам прививается американский стандарт жизни.

Капитализм жесток и неумолим. Это признает и Т. Бенк. «К сожалению, — писал он, — история человечества изобилует главами, подобными этой, повествующей о вымирании алеутов — народа, в прошлом сильного и многочисленного, великолепно приспособившегося физически и духовно к окружающей суровой среде, ныне же обнищавшего, пораженного болезнями и ослабленного морально. Численность алеутов угрожающе сокращается, а их древняя культура подверглась почти полному разрушению». ⁶⁷ Старая экономика, на которой основывалось все существование и общее благополучие алеутов, к настоящему времени в результате аккумуляции претерпела такие разительные изменения, что возврат к ней для них уже невозможен. А то, что алеуты получили взамен, ни в какой мере не восполняет утраченного». ⁶⁸

Не в лучшем положении эскимосы Аляски. Э. Херрон в книге «Аляска» (Нью-Йорк, 1947) рассказывает о бедственном положении эскимосов. «По Арктическому склону от м. Лей и до канадской границы практически в каждой туземной семье имеется по крайней мере один случай туберкулеза. Почти 90% рентгеновских снимков, сделанных среди туземного населения этой области, указывают на заражение туберкулезом». ⁶⁹

Причины такого широкого распространения туберкулеза, по признанию Э. Херрона, определяются низким уровнем жизни туземцев Аляски. Газета «Daily Alaska Empire» отмечала, что среди туземцев наблюдается подлинная нищета, за которую должно нести ответственность Федеральное правительство. ⁷⁰ При этом газета сообщила, что в одном из туземных селений, как было установлено обследованием, годовой доход на дом равняется 840 долларам, а на душу населения он составляет 129 долларов.

⁶⁶ Тед Бенк II. Колыбель ветров. Москва, 1960, стр. 65.

⁶⁷ В Музее антропологии и этнографии АН СССР хранятся коллекции, собранные в первой половине XIX в., которые отражают яркую самобытную культуру алеутов до воздействия на них колонизаторов.

⁶⁸ Тед Бенк II, ук. соч., стр. 65.

⁶⁹ Цитирую по сборнику «Американский Север» (М., 1950, стр. 147).

⁷⁰ Там же, стр. 149.

Этот доход меньше недельного заработка квалифицированного рабочего.

Заботы о медицинском обслуживании населения почти не было. На Аляске было 4 тысячи больных туберкулезом, однако «коек в госпиталях нет и на десятую долю больных».⁷¹

На 1940 г. почти 60% туземного населения Аляски в возрасте 25 лет и старше было неграмотно.

Таким образом, в стране социализма и в странах капитализма принципиально и практически по-разному решаются судьбы в прошлом отсталых народов. В одном случае эти народы развиваются, быстро догоняют передовые народы, включаются в строительство новой жизни, они фактически равноправны со всеми другими народами, в другом случае — малые народы подвергаются аккультурации, которая несет им постепенное физическое и духовное угасание.

⁷¹ Там же, стр. 151.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Раздел первый. Чукчи с середины XVII до середины XIX в.	7
Глава I. Состояние производства у чукчей в XVII—середине XIX в.	9
Общие замечания	9
Оленеводство	15
Морской зверобойный промысел	22
Рыболовство и другие промыслы	29
Орудия охоты и оружие	33
Средства передвижения	39
Жилище и домашняя утварь	44
Глава II. Отношения чукчей с соседями	54
Чукотско-эскимосские отношения	54
Чукотско-корякские отношения	61
Чукотско-юкагирские отношения	71
Глава III. Общественные отношения чукчей	79
Глава IV. Политика царизма на Чукотке в XVII—первой половине XIX в.	102
Раздел второй. Чукчи со второй половины XIX в. до 1917 г.	153
Глава V. Материальное производство чукчей во второй половине XIX в.	155
Оленеводство	157
Морской зверобойный промысел	172
Рыболовство	182
Пушной и другие промыслы чукчей	185
Средства передвижения	187
Кустарное производство и другие занятия чукчей	190
Основные черты общественного строя чукчей во второй половине XIX—начале XX в.	193
Культура и быт чукчей	220
Глава VI. Политика самодержавия на Чукотке во второй половине XIX—начале XX в.	229
Организация административных учреждений на Чукотке	229
Христианизация чукчей	254
Просвещение и здравоохранение	256
Торговля	258

Раздел третий. Чукчи в советское время (1917—1960 гг.)	273
Глава VII. Чукотка до образования национального округа (1917—1930 гг.)	275
Глава VIII. Основные черты развития хозяйства и культуры чукчей (1917—1930 гг.)	294
Оленеводство	294
Морской зверобойный промысел	302
Рыболовство	308
Пушная охота и другие занятия чукчей	310
Налаживание советской торговли	315
Просвещение и здравоохранение	322
Глава IX. Чукотка после образования национального округа (1930—1960 гг.)	328
Глава X. Хозяйственное и культурное строительство в Чукотском национальном округе (1930—1960 гг.)	343
Кооперативно-колхозное строительство	343
Оленеводство	359
Рыболовство	365
Морской зверобойный промысел	367
Клеточное звероводство и другие отрасли сельского хозяйства	370
Пушной промысел и другие отрасли производства	372
Переход на оседлость оленеводов Чукотки	375
Здравоохранение	383
Культурное строительство	384

ИННОКЕНТИЙ СТЕПАНОВИЧ ВДОВИН
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ЧУКЧЕЙ

Утверждено к печати
Институтом этнографии Академии наук СССР
имени Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор издательства А. П. Конаков
Художник В. В. Грибакин
Технический редактор Л. А. Любимова
Корректоры Н. И. Видре, Л. Я. Комм,
А. Х. Салтанова

Сдано в набор 8/I 1965 г. Подписано к печати
10/IV 1965 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. РИСО
АН СССР № 8—137В. Бум. л. 12⁵/₈. Печ. л. 25¹/₄ =
=25,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 27,07. Изд. № 2187.
Тип. зак. № 11. М.-28041. Тираж 1300 экз.
ТП 1965 г. № 79

Цена 1 р. 82 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская пин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12